

63.3(0) v

K 62¹¹

9 (M) || 63.310 *рефер*
 К-62 | Истории рели-
 гиевской культуры
 № 1

99409		7-50
1.06.2011 г.		

99409

л/ф

рор

Г. Фр. Кольбъ.

63.3(0)

К-62

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

съ очеркомъ формъ государственнаго правленія,
политики, развитія свободы и благосостоянія
народовъ.

переводъ съ 3-го, переработаннаго и значительно дополненнаго,
измецкаго изданія,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. А. Рейнгольдта.

Южно-Русское Книгоиздательство

Ф. А. Югансона.

Кіевъ—Харьковъ.

V
— 1897 K

Дозволено цензурою. Київ, 22 люня 1896 года.

КІЕВЪ.

Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская улица, домъ № 22-й.

1896.

Предисловіе къ третьему изданію.

Когда мой отецъ въ 1883 году занялся переработкой своей „Исторіи культуры“, онъ выразилъ желаніе, чтобы я довелъ его работу надъ новымъ изданіемъ до конца, если бы смерть помѣшала ему самому окончить ее. Его предчувствія сбылись уже 15 мая слѣдующаго года; мой дорогой отецъ умеръ, на 76-мъ году жизни, только что закончивъ передъ тѣмъ первый томъ. Для переработки второго тома онъ успѣлъ собрать лишь небольшое число замѣтокъ. Поэтому на мою долю выпала задача самостоятельно произвести всѣ нужныя передѣлки. Какъ я ни старался работать, строго придерживаясь системы отца, тѣмъ не менѣе считаю своимъ долгомъ принять на себя отвѣтственность за все новое и измѣненное, которымъ третье изданіе этого тома отличается отъ предыдущихъ изданій. Считаю это своимъ долгомъ особенно потому, что отлично сознаю все несовершенство моей работы, зависящее къ тому же не только отъ недостатка времени и вспомогательныхъ средствъ.

Уважаемому издателю приношу свою искреннюю благодарность за дѣятельную поддержку, оказанную мнѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Д-ръ *Карлъ Кольбъ.*

Май 1885.

Г. Фр. Кольбъ.

Авторъ этой книги, Георгъ Фридрихъ Кольбъ, родился въ 1808 г. Общественно-политическая дѣятельность его началась въ 1848, когда Кольбъ въ качествѣ бургомистра г. Шпейера былъ членомъ германскаго парламента. Но уже въ слѣдующемъ году Кольбъ сложилъ съ себя эту должность и началъ издавать „Neue Speierer Zeitung“, которая въ 1858 г. была запрещена. Поселившись въ Швейцаріи, онъ жилъ тамъ до 1860 г. Затѣмъ онъ участвовалъ въ „Frankfurter Zeitung“. Въ 1863 г. К. возобновляетъ свою политическую дѣятельность въ качествѣ члена баварской палаты депутатовъ; какъ прежде, такъ и теперь онъ придерживался федерально-демократической программы и упорно боролся съ объединительными стремленіями германскихъ правительствъ. Кромѣ того Кольбъ былъ также членомъ „Zollparlament'a“. Политическая дѣятельность Кольба прекратилась въ 1872 г. Важнѣйшими изъ его литературныхъ трудовъ признаются: „Handbuch der vergleichenden Statistik“ (8-е изданіе, Лейпцигъ 1879 г.; дополн. 1883 г.; русскій перев. Корсака), „Geschichte der Menschheit und der Kultur“ (1842 г.), впоследствии переработано въ „Kulturgeschichte der Menschheit“ (Лейпц. 1872—73 гг. 2 тома; 3-е изданіе 1885 г.).—Кольбъ умеръ 15 мая 1884 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЩИЙ ОБЗОРЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Несмотря на прогрессивное движеніе всѣхъ наукъ, мы и теперь еще не можемъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія о пространствѣ вселенной и совокупности міровыхъ явленій, какъ не можетъ живущій на равнинѣ червякъ (будь онъ даже одаренъ разумомъ) представить себѣ того, что происходитъ на вершинѣ снѣжной горы или въ глубинѣ океана.

Мы можемъ производить только единичныя наблюденія, а изъ нихъ, и то только иногда, выводить общія заключенія.

Наблюденія эти приводятъ насъ къ слѣдующей истинѣ: никакая существующая въ мірѣ матерія не можетъ быть уничтожена, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ мірѣ нѣтъ вѣчнаго и неизмѣннаго организма. Огромнѣйшія и крѣпчайшія скалы выветриваются, многія горныя вершины носятъ на себѣ слѣды того, что нѣкогда онѣ были морскимъ дномъ; извѣстно, что даже звѣзды исчезаютъ съ небеснаго свода.

Наблюденія и изслѣдованія приводятъ насъ, далѣе, къ признанію закономѣрной связи между всѣми явленіями природы. Законы природы просты; одни и тѣ же законы управляютъ какъ безконечно великимъ, такъ и безконечно малымъ, основаны же они на постоянствѣ матеріи.

Результаты новѣйшихъ изслѣдованій, въ особенности же возможность полученія органическихъ соединений изъ неорганическихъ веществъ, врядъ ли допускаютъ сомнѣніе въ томъ, что, несмотря на неизвѣстную первичную причину міра, весь видимый міръ есть «созданіе закономѣрное», образованіе и развитіе котораго происходитъ на основаніи законовъ механики, физики и химіи.

Что земля испытала сильнѣйшіе перевороты—есть фактъ несомнѣнный. Впрочемъ, гениальному Араго удалось доказать при помощи астрономіи, что въ теченіе почти 2000 лѣтъ температура земли не измѣнилась даже на $\frac{1}{10}$ градуса, а болѣе древнія, хотя и менѣе положительныя, данныя заставляютъ думать, что даже за шесть тысячелѣтій положеніе земли было, вѣроятно, то же, что и теперь.

Но отсюда слѣдуетъ только то, что промежутки времени въ нѣсколько тысячелѣтій, которымъ ограничивается обыкновенно умственный кругозоръ хангитическихъ (китайцы), семитическихъ и арійскихъ народовъ, слишкомъ малъ, такъ что можно скорѣе допустить, что совершенно иные, для насъ непостижимые, промежутки времени въ сотни тысячелѣтій, даже милліоны лѣтъ, лежатъ между скоротечными минутами нашего существованія и колоссальными эпохами могущественныхъ переворотовъ, послѣдствія которыхъ для насъ во многомъ очевидны.

Естественныя науки не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что не только во многихъ мѣстахъ, гдѣ теперь суша или гдѣ даже возвышаются горы, прежде было море и наоборотъ, но онѣ даютъ также право предполагать, что даже вся нынѣшняя атмосфера отлична отъ прежней. Американскій геологъ Джонъ Вилльямъ Дрэперъ (профессоръ химіи и физики нью-йоркскаго университета) указываетъ на то, что огромнѣйшія количества углекислоты наполняли воздухъ, а кислорода въ немъ было гораздо меньше. Въ воздухѣ плавали милліарды тоннъ угля, который въ настоящее время скрытъ въ твердыхъ флесахъ. Уголь ослаблялъ дѣйствіе солнечныхъ лучей и уменьшалъ атмосферное давленіе. Былъ такой періодъ времени, когда, вслѣдствіе внутренняго жара земли, не существовало нынѣшнихъ климатическихъ различій. Въ плотной атмосферѣ первобытнаго времени не могли (какъ говоритъ далѣе Дрэперъ) жить теплокровныя животныя съ быстрымъ дыханіемъ: существованіе ихъ совмѣстимо только съ нынѣшними климатическими условіями. Цѣлыя группы живыхъ существъ—животныхъ и растений—не могли выдержать наступившихъ перемѣнъ; онѣ исчезли, но вмѣсто нихъ появились новыя живыя существа. Какъ исчезъ мастодонтъ, неспособный выдержать усиливающейся суровости зимнихъ морозовъ, такъ исчезли вообще міриады прежнихъ обитателей суши, морей и воздуха.

Итакъ ясно, что перевороты были могущественны, но какимъ образомъ они совершались, объ этомъ существуютъ крайне различныя мнѣнія. Спрашивается, какимъ способомъ милліарды тоннъ угля, плававшихъ прежде въ воздухѣ, перешли въ твердые пласты, гдѣ мы и находимъ ихъ теперь. Это перемѣненіе могло осуществиться только въ теченіе безконечно большого промежутка времени, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, ста тысячъ лѣтъ. Оно произошло, очевидно, не черезъ внезапный осадокъ той огромной массы угля изъ воздуха на землю, но благодаря образованію растительнаго царства, которое въ этомъ случаѣ было посредствующимъ звеномъ. Существованіе извѣстныхъ растений, под-

готовляло всегда новый періодъ животнаго міра, при условіяхъ постояннаго взаимодѣйствія. Каждой ступени развитія животнаго царства должна была предшествовать соотвѣтствующая ступень развитія царства растительнаго, или же развитіе обоихъ было одно-временнымъ. Жизнь водныхъ животныхъ зависитъ отъ жизни водныхъ растений, жизнь земноводныхъ—отъ болотныхъ растений и, наконецъ, жизнь сухопутныхъ—отъ растений, произрастающихъ на сушѣ. Такъ какъ жизнь каждаго травояднаго находится въ зависимости отъ существованія извѣстнаго семейства или даже отдѣльнаго вида растений, то въ общемъ сумма видовъ травоядныхъ соотвѣтствовала суммѣ растительныхъ видовъ. Плотоядныя животныя могли появиться только послѣ травоядныхъ. «Это взаимное отношеніе животныхъ и растений, говоритъ Карлъ Мюллеръ*), обозначается настолько рѣзко, что оно какъ бы отражается въ каждомъ отдѣльномъ видѣ животнаго царства. Такъ, на примѣръ, въ періодъ каменнаго угля появляются изъ насѣкомыхъ тараканъ и саранча: въ юрекомъ періодѣ къ нимъ присоединяются стрекозы, термиты и полукрыльи; въ мѣловомъ періодѣ появляется, наконецъ, краса міра насѣкомыхъ: мухи, муравьи, жуки, пчелы и бабочки. Эта переходная шкала показываетъ какъ развитіе животныхъ отъ простѣйшихъ видовъ до самыхъ совершенныхъ, такъ и соотношеніе между животнымъ и растительнымъ царствами».

Послѣ періода удручливаго и знойнаго жара не сразу наступилъ переходъ къ нынѣшней средней температурѣ: во время неоднократныхъ измѣненій земля достигала мертвыящихъ холодовъ такъ называемаго времени льдовъ. По изслѣдованіямъ Кролля оказывается, что такихъ періодовъ льдовъ было нѣскольکو. Эти періоды были также слѣдствіемъ физическихъ причинъ, обусловленныхъ возрастаніемъ эксцентричности земной орбиты. При этомъ измѣненія въ океаническихъ теченіяхъ сильно повліяли на различныя страны, въ особенности же на европейскія. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что было время, когда не только Швейцарія, но и вся южная Германія до Дуная, а также верхняя Италія были покрыты глетчерами. По предположенію Кролля, черезъ каждыя 10000—15000 (?) лѣтъ наступалъ новый періодъ холода, но, въ слѣдствіе совпаденія различныхъ причинъ, нѣкоторые періоды холода наступали черезъ большіе промежутки времени, достигали необычайной суровости и отличались большею продолжительностью. Упомянутый выше естествоиспытатель полагаетъ, что послѣдняя великая эпоха холода началась приблизительно 200000 лѣтъ тому назадъ и могла длиться приблизительно 160000 лѣтъ.

Земля въ своемъ первобытномъ видѣ должна была произвести тѣхъ удивительныхъ и частью гигантскихъ животныхъ, породы которыхъ уже вымерли; окаменѣлыя остатки ихъ и теперь приводятъ насъ въ изумленіе. Въмѣсто исчезнувшихъ породъ медленно развивались новыя, постепенно достигшія теперешнихъ формъ.

*) «Міръ растений. Опыты космической ботаники», соч. Карла Мюллера. Переводъ съ нѣм. подъ редакціей К. Резенера. Сиб. 1863 г.

Но время увяданія и гибели не минуетъ и послѣднихъ, чтобы дать мѣсто другимъ организмамъ, болѣе совершеннымъ и болѣе приспособленнымъ къ измѣнившимся условіямъ. Перемѣна, хотя и незамѣтная, продолжается непрерывно. Какъ у людей исчезли прежнія формы болѣзней и эпидемій (напримѣръ, черная смерть) и появились новыя (достаточно назвать холеру), такъ же точно исчезли цѣлыя породы растений и животныхъ, по мѣсто ихъ не осталось свободнымъ; даже искусственнымъ путемъ получаютъ иногда новыя, не существовавшіе ранѣе организмы.

При взглядѣ на такое множество непровержимыхъ признаковъ великихъ переиѣнъ, сама собой напрашивается мысль: «Какъ колоссальны должны были быть перевороты, чтобы дать такіе результаты!» Различныя, знакомыя намъ, явленія, каковы: землетрясенія, изверженія вулкановъ и ураганы намекаютъ какъ будто на такіе перевороты, которые сразу уничтожили все существовавшіе организмы, послѣ чего были призваны къ жизни другіе, новыя и главнымъ образомъ теперешніе организмы.

Новѣйшіе успѣхи естествознанія, однако же, противорѣчатъ означенному выше предположенію. Хотя мы и находимся въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно первичной причины міротворенія и ее не могло выиснить даже ученіе Дарвина, внесшее столько новаго въ свою область, тѣмъ не менѣе теперь нельзя уже сомнѣваться, что измѣненія происходили на основаніи неизблѣмыхъ законовъ природы, обусловленныхъ состояніемъ матеріи и присушими ей силами, въ ихъ медленномъ, постоянномъ, но никогда не прекращающемся развитіи, т. е., во всякомъ случаѣ, онѣ не были слѣдствіемъ внезапно наступившаго и однимъ ударомъ все разрушившаго переворота. Какъ законъ Ньютона о тяготѣніи, такъ и теорія Дарвина о происхожденіи видовъ доказываютъ, что ходомъ вещей руководить не прихоть и произволъ единичной воли, существующей внѣ матеріи, но управляютъ лишь условія, неразрывносвязанныя съ самими свойствами матеріи. Такимъ образомъ, матеріальныя и механическія причины и силы производятъ на землѣ и въ безконечномъ пространствѣ вселенной тѣ измѣненія, которыя насъ такъ сильно поражаютъ*).

*) Въ свое время Ньютонъ подвергся нападкамъ со стороны Лейбница по поводу открытаго имъ закона тяготѣнія, потому что законъ этотъ яко бы подрывалъ основы естественной религіи и отрицалъ божественное откровеніе. Такъ дѣйствовали новыя открытія даже на гениальнаго Лейбница. Замѣтимъ, что въ 1755 году Кантъ въ своей «Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels» сдѣлалъ «опытъ построения физико-механической теоріи мірозданія на началахъ Ньютона». Въ 1800 году Лапласъ началъ изданіе своего сочиненія «Mécanique céleste». Въ высшей степени поразительно, какъ еще и въ наше время злоупотребляютъ двойнымъ значеніемъ словъ «матеріализмъ». Дарвинъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу: «Вѣдь, право, не трудно понять, что достойный презрѣнія этическій или нравственный матеріализмъ не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ научнымъ или естественно-философскимъ матеріализмомъ. Напротивъ, оба обыкновенно взаимно исключаютъ другъ друга. Практическо-матеріалистическія тенденціи, торопливое стремленіе къ матеріальному счастью и къ утонченному наслажденію жизни и вытекающая отсюда нравственная испорченность развиты болѣе

Въ настоящее время вся земля изобилуетъ разнаго рода живыми организмами. Даже въ капляхъ воды, взятой изъ грязной лужи, мы, посредствомъ микроскопа, открываемъ какъ бы иѣтый міръ маленькихъ животныхъ и растений. Даже на сѣверной окраинѣ Гренландскаго моря Скоресби, заинтересованный необыкновеннымъ фосфорическимъ блескомъ моря и приступившій къ изслѣдованію этого явленія, открылъ такое множество маленькихъ животныхъ, что число ихъ въ одной капляхъ воды опредѣлилось въ 26000.

Какъ было выше объяснено, мы не обладаемъ достаточными научными средствами, чтобъ опредѣлить, сколько времени существуетъ земля. Мы навѣрное знаемъ только, что библейскія даты не достовѣрны. Пока геологическія изслѣдованія были стѣсняемы богословскими тезисами или считались съ ними, до тѣхъ поръ были невозможны никакіе точные выводы. Но съ тѣхъ поръ (довольно-таки поздно), какъ наука не связываетъ себя такими произвольными рамками, она находитъ постоянно новые опорные пункты, съ которыхъ открываются новые, неожиданные и необъятные горизонты, приводящіе изслѣдователя въ изумленіе и восторгъ*). По мѣрѣ изслѣдованія, продолжительность каждой эпохи земли оказывалась все большею и большею, и каждое дальнѣйшее открытіе въ этой области подтверждаетъ неизмѣримую продолжительность существованія земли. Не только скалы у Ниагарскаго водопада, но даже залежи гуано на перуанскихъ островахъ Чинха служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ ея глубокой древности**).

всего какъ разъ въ тѣхъ слояхъ общества, которые открыто выставляютъ на показъ свою набожность, но ничего не знаютъ о природѣ и ея свойствахъ, а потому и не могутъ составить себѣ никакого философско-материалистическаго о ней понятія. И наоборотъ, у философовъ-материалистовъ этотъ этический материализмъ является наименѣе выработаннымъ».

*) Французскій изслѣдователь Е. А. Питреманъ (*Les Origines du Cheval domestique*) говоритъ: «Лошадь, до ея превращенія въ домашнее животное, была, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, добычей охотниковъ, ее убивали и ѣли. Этотъ промежутокъ времени (отъ четвертичной эпохи до бронзоваго вѣка) обнимаетъ никакъ не менѣе 300000 лѣтъ».

**) Толща гуано достигаетъ 30 метровъ. Александръ фонъ-Гумбольдтъ доказывалъ (и Ригеро подтвердилъ это доказательство), что изъ птичьего помета возвышеніе въ одинъ сантиметръ могло получиться въ 300 лѣтъ, а потому залежи гуано въ Перу достигли своей настоящей вышины въ 900000 лѣтъ. Позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе: авторы «всемірныхъ исторій» нерѣдко тщательно группировали миѳы о міротвореніи различныхъ древнихъ народовъ, въ надеждѣ на поучительный выводъ «изъ высокаго и чистаго разума мудрыхъ предковъ, жившихъ во времена, ближайшія къ началу міра». Для поэзіи подобныя изслѣдованія, конечно, имѣютъ интересъ, но для исторіи они совершенно бесполезны. Выраженіе «жившіе во времена, ближайшія къ началу міра» — пустая фраза: тѣ, которымъ приписываются сохранившіяся легенды о міротвореніи, не могли быть свидѣтелями «творенія». Къ тому же выводы по всѣмъ отдѣламъ естественныхъ наукъ не допускаютъ сомнѣнія (для тѣхъ, которые изучаютъ эти науки), что всѣ космогоническіе миѳы запечатлѣны полнѣйшимъ незнаніемъ природы, незнаніемъ основаній астрономіи, геологіи, физики, химіи и т. п., а потому и не могутъ быть положены въ основаніе исторіи.

Никто не въ состояніи предсказать, какъ далеко пойдетъ еще изслѣдованіе и будутъ ли ему, и гдѣ именно, поставлены предѣлы. Мѣткая правда заключается въ слѣдующихъ словахъ Дарвина: «Невѣжество всегда обладаетъ болѣею самоувѣренностью, чѣмъ знаніе, и только невѣжды могутъ съ увѣренностью утверждать, что науки никогда не будутъ въ состояніи рѣшить ту или другую задачу». Къ тому же не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что теологи, метафизики (такъ называемые философы) и археологи не были въ состояніи внести свѣтъ въ первобытную исторію міра и человѣчества и что всѣмъ положительнымъ результатамъ, достигнутымъ въ этой области, мы обязаны натуралистамъ: геологамъ, палеонтологамъ, физикамъ и анатомамъ.

Происхожденіе и древность человѣческаго рода.

Еще задолго до Дарвина, всякій безпристрастный человѣкъ, если только онъ вдумывался въ факты древней исторіи, при изученіи жизни первобытныхъ народовъ, приходилъ къ убѣжденію, что въ первобытныя времена люди находились въ состояніи дикомъ, варварскомъ, почти животномъ. Со времени же Дарвина въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, даже и въ томъ случаѣ, если оставить въ сторонѣ теорію (для многихъ столь зазорную) о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Впрочемъ, въ указанномъ выше убѣжденіи нѣтъ ничего унижительнаго для человѣчества, — напротивъ, въ томъ и состоитъ его величайшее торжество, что оно изъ животнаго состоянія поднялось (до настоящей своей культурной высоты, въ этомъ и заключается гдѣнѣбудьшнее ручательство хотя и безконечно медленнаго, но постояннаго и неизбѣжнаго дальнѣйшаго развитія человѣчества, до той поры, конечно, когда наступитъ какой-нибудь переворотъ, губительный для всего міроздаія.

Дл и не могло быть иначе. Не касаясь вопроса о чудесахъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что древніе составители религиозныхъ книгъ не могли знать всего того, что открылъ и изслѣдовалъ съ тѣхъ поръ человѣческой геній; они знали такъ же мало, какъ и всѣ ихъ современники. Повѣствованія ихъ доказываютъ, что они обладали познаніями совершенно ничтожными по сравненію съ нынѣшними, а потому тогдашнія возрѣнія не могутъ служить указаніемъ какъ для настоящаго, такъ и для будущаго времени.

Возрѣнія Моисея также свидѣтельствуютъ объ отсутствіи вѣрнаго представленія о вселенной. Для него крошечный земной шаръ является уже цѣлымъ міромъ, эта миниатюрная земля, одна изъ планетъ, считается центромъ вселенной, а солнце, луна и звѣзды созданы только для ея прославленія, и всѣ онѣ должны вращаться вокругъ этой точки, на которую, по позднѣйшему ученію, сходитъ самъ Творецъ вселенной. По сравненію съ общимъ ложнымъ представленіемъ о мірѣ, можно считать ничтожною ошибкой то, что для созданія міра принято счисленіе по днямъ, при чемъ не принято въ соображеніе, что такой способъ счисленія предполагаетъ прежде всего существованіе самыхъ дней, законченность міроздаія, во всякомъ случаѣ нашей солнечной системы, правильное обращеніе небесныхъ тѣлъ; тогда какъ по словамъ Моисея (1 Моис. 1, 16—19) само солнце сотворено только на четвертый день.

Прошло очень много времени, прежде чѣмъ волны традиционныхъ представлений о міротвореніи начали хотя немного спадать. Но даже и послѣ того, какъ уже нельзя было не отрицать неосновательность ассирійско-еврейскихъ космогоническихъ воззрѣній въ отношеніи нѣкоторыхъ частности, въ общемъ, все-таки, упорно продолжали придерживаться традиционныхъ данныхъ, въ особенности по вопросу о древности человѣческаго рода. Закрывали глаза на массу самыхъ простыхъ и очевидныхъ наблюдений, отрицали то, что изъ міра ископаемыхъ лежало непосредственно передъ глазами. Игнорировали даже то, что принадлежало уже историческому періоду. Египетскія пирамиды возвышались надъ Нильской долиной уже въ то время, которое у насъ принято считать за время послѣ потопа. Сооруженіе такихъ построекъ несомнѣнно предполагаетъ воцѣлѣ сформированный государственный строй, развитіе промышленности, искусствъ и промысловъ, что мыслимо только послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій человѣческихъ усилій и успѣховъ. Существовавшему тогда развитію языка должно было предшествовать довольно продолжительное культурное развитіе. Изъ этихъ всѣмъ извѣстныхъ фактовъ не хотѣли выводить заключеній. Считалось аксіомой положеніе, которое призналъ даже остроумный Кювье: «что останки людей не встрѣчаются въ однихъ пластахъ съ останками вымершихъ породъ животныхъ, а главное, что нечего и думать о существованіи окаменѣлыхъ человѣческихъ костей». Человѣкъ считался младшимъ, послѣднимъ и обособленнымъ звеномъ творенія, и появленіе его открывало особый періодъ творенія.

Только въ самое послѣднее время стали заниматься явленіями, на которыя раньше не обращали вниманія, несмотря на то, что наталкивались на нихъ довольно часто. Едва 50 лѣтъ, точнѣе только 30, прошло съ тѣхъ поръ, какъ стали обращать вниманіе на геологическія находки, безспорно доказывающія существованіе человѣка въ гораздо болѣе ранній времена, чѣмъ предполагалось прежде. Вообще, какъ только перестали добровольно закрывать глаза на подобныя открытія, послѣднихъ накопилось столько, что теперь уже нѣтъ болѣе сомнѣній въ томъ, что человѣкъ существуетъ очень давно; онъ былъ современникомъ исчезнувшихъ теперь уже породъ животныхъ, каковы мастодонтъ и пещерный медвѣдь, онъ жилъ уже въ тѣ времена, которыя предшествовали нынѣшнему строенію земли, а именно въ четвертомъ изъ геологическихъ періодовъ, такъ называемомъ «третичномъ періодѣ» *).

Въ 1828 году на югѣ Франціи были найдены пещеры, въ которыхъ открыли въ одной твердой массѣ: человѣческіе зубы и кости, грубыя издѣлія изъ глины и останки вымершихъ породъ животныхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ докторъ Шмерлингъ

*) Въ настоящее время различаютъ пять слѣдующихъ геологическихъ періодовъ: 1) архейскій или первозданный (время безчерепныхъ и водорослей); 2) палеозойскій или первичный періодъ (время рыбъ и папоротниковъ); 3) мезозойскій или вторичный періодъ (время гадовъ и хвойныхъ лѣсовъ); 4) кайнозойскій или третичный періодъ (время млекопитающихъ и лиственныхъ деревьевъ); 5) антропозойскій или четвертичный періодъ (нынѣшній).

нашелъ въ пещерахъ близъ Люттиха кости и человѣческіе черепа въ сталактитѣ и глинѣ, въ общей массѣ съ останками мастодонтовъ, пещерныхъ медвѣдей и другихъ несуществующихъ теперь животныхъ; между ними находились также каменные стрѣлы, вещи изъ обдѣланныхъ костей и оленьихъ роговъ и т. п. Въ 1841 г. въ Маншкурѣ, близъ Аббевиля, въ пластѣ третичнаго періода, найденъ грубо, очевидно, человѣческою рукою, оббитый кремень. Вскорѣ послѣ того на Маресомъ полѣ въ Аббевилѣ были найдены такіе же камни между останками первобытныхъ животныхъ. Въ 1844 году натуралистъ Эмаръ нашелъ близъ города Ле-Пюи, на горѣ Ла-Денизъ, въ одномъ обломкѣ скалы вулканическаго происхожденія, человѣческіе остатки, а въ другомъ остатки слоновъ, носороговъ и мастодонтовъ. Изъ этого можно было вывести заключеніе, что человѣкъ существовалъ уже въ «допотопное» время и что онъ былъ современникомъ названныхъ выше животныхъ въ тотъ періодъ, когда климатъ средней Европы допускалъ еще ихъ существованіе. Но точное доказательство этого предположенія было добыто только въ 1853 г., когда въ одномъ и томъ же пластѣ третичнаго періода найдены были каменные топоры и другіе грубо оббитые камни вмѣстѣ съ остатками вымершихъ породъ слоновъ, носороговъ и зубровъ.

Съ тѣхъ поръ довольно часто попадались въ различныхъ странахъ подобныя находки, а именно: во Франціи, Англіи (Кентъ) и Бельгіи (окрестности Люттиха). Важнѣйшія изъ этихъ открытій были сдѣланы въ 1860 году въ окрестностяхъ Ориньяка (верхняя Гаронна), гдѣ найдена была пещера, изобиловавшая человѣческими костями и зубами первобытныхъ животныхъ; тутъ же находилось 18 пластинокъ, сдѣланныхъ изъ раковинъ, съ отверстиями посрединѣ, и принадлежавшихъ, вѣроятно, къ ожерелью или браслету. Часть костей (по словамъ К. Фохта) какъ бы срослась съ камнями. Въ этой же пещерѣ было найдено множество оружія и каменной утвари. Масса переломанныхъ, расколотыхъ и даже обожженныхъ костей вымершихъ животныхъ была зарыта внутри пещеры подъ уплотненной землей, изъ чего можно заключить, что пещера эта не была убѣжищемъ дикихъ звѣрей. Съ паружной стороны пещеры найденъ былъ черноватый пластъ изъ золы и угля, слѣды большого очага, а также слоновыя клыки и плоскіе обломки клыковъ.

Подобныя же находки были сдѣланы, кромѣ того, въ различныхъ частяхъ южной Франціи и во многихъ другихъ европейскихъ странахъ, главнымъ же образомъ въ Германіи. Такъ, горный инженеръ фонъ-Дюкеръ въ концѣ 1869 года нашелъ подъ землею въ известковыхъ пещерахъ долины р. Гейне, при Рёдинггаузенѣ (близъ Пзерлона), на глубинѣ 2—4 футовъ, останки пещерныхъ медвѣдей, слоновъ и носороговъ, которые находились въ одномъ пластѣ съ продуктами человѣческаго искусства, каковы: кремневые ножи изъ кремнистаго сланца, осколки примитивныхъ глиняныхъ издѣлій и обдѣланныхъ костей. Въ Фридриховской пещерѣ близъ Клузештейна Дюкеръ добылъ изъ той же массы, изъ которой въ 1867 году онъ

добыль челюсть тигра,—большую кость, разбитую, очевидно, человеческою рукою. Отъ владѣльца Клузеништейнской пещеры онъ получилъ, добытый изъ нея, кремневый бердышъ, а въ скалистомъ ущельѣ правой стороны долины, гдѣ лѣтомъ исчезаетъ рѣчка Гённе, онъ собралъ остатки человѣческаго скелета. Другое скалистое ущелье, находящееся въ той же мѣстности, изобилуетъ массою обломковъ роговъ сѣверныхъ оленей, изъ чего можно съ увѣренностью заключить, что въ доисторическое время тамъ жила цѣлая семья, которая кормилась главнымъ образомъ стадомъ сѣверныхъ оленей.

Періодъ сѣвернаго оленя, существованіе котораго доказывается упомянутыми выше останками оленя, коснулся преимущественно той части Германіи, гдѣ находился ледъ ледниковаго періода, къ сѣверу отъ Альпъ до Дуная и къ югу до рѣки По: это доказывается главнымъ образомъ находками у Шуссенрида, что близъ Равенсбурга. У Шуссенрида были открыты подъ трехфутовымъ отложеніемъ чернозема четырехфутовый слой торфа, а подъ нимъ залежь известковаго туфа толщиной въ 6 футовъ, и въ этомъ послѣднемъ найдены негнѣвшія кости сѣверныхъ оленей, а также кости другихъ звѣрей, живущихъ теперь только на сѣверѣ,—россомахъ и песцовъ. Здѣсь же найдена масса сломанныхъ орудій, схожихъ по своей отдѣлкѣ съ орудіями, бывшими въ употребленіи во «времена сѣверныхъ оленей» во Франціи.

Не менѣ любопытныя находки были сдѣланы въ 1871 году въ скалахъ близъ Блаубейрена, у подошвы швабскаго отрога Альпъ. Найденные тамъ зубы пещернаго медвѣдя побудили къ дальнѣйшимъ раскопкамъ. Подъ футовой толщею кака летучей мыши натолкнулись на красную глину съ костями и человѣческими приборами. Кости, вѣроятно, остатки шды пещерныхъ жителей, всѣ обдѣланы и сломаны. Сѣверный олень, гигантскій пещерный медвѣдь, медвѣдь нѣсколько меньшихъ размѣровъ (вѣроятно, *Ursus ferox*, который теперь ютится въ американскихъ скалистыхъ горахъ), огромный первобытный быкъ и маленькая, породой своей похожая на теперешній рогатый скотъ Африки, исландская лошадь, пища и песецъ, волкъ и антилопа служили пищей людямъ, жившимъ въ этихъ пещерахъ. Надо полагать, что они охотились и на мамонта (слонъ, покрытый шерстью, послѣднимъ мѣстопробываніемъ котораго была Европа), и на его сунтика—носорога, и побивали даже свирѣпаго пещернаго льва. Догадка эта подтверждается тѣмъ, что отъ первыхъ изъ названныхъ животныхъ наипаче обломки костей, а отъ послѣдняго—зубы и коготные суставы. Челюсти пещернаго медвѣдя служили человѣку орудіемъ. (Сообщеніе К. Фохта о създѣ естествоиспытателей въ Болонѣ въ октябрѣ 1871 г.).

Подобнаго рода открытія были сдѣланы также и во вѣс-европейскихъ странахъ, особенно въ Сиріи и въ Сѣверной Америкѣ. Это служитъ неопровержимымъ доказательствомъ существованія человѣка въ предыдущемъ періодѣ земли, т. е. въ то время, когда земля находилась въ совершенно иныхъ климатическихъ условіяхъ и когда въ нашей части свѣта водились гигантскіе хищные звѣри. Человѣкъ жилъ еще въ тотъ періодъ, когда даже въ южной Европѣ

существовать такой холодъ, что она могла служить родиной мамонта, носорога, буйвола и сѣвернаго оленя. Остается только загадкой, какимъ образомъ могли существовать въ одномъ и томъ же мѣстѣ первобытныя животныя юга и полярныя, а также хищныя звѣри, которые и теперь еще встрѣчаются въ тѣхъ же мѣстностяхъ.

Были найдены также и окаменѣлыя человѣческія кости. Въ долину рѣки Миссисипи подъ земною поверхностью найденъ былъ человѣческій скелетъ; изслѣдованія американскихъ геологовъ надъ наносною почвою этой долины доказываютъ существованіе этого скелета 40000—50000 лѣтъ. Другой окаменѣлый человѣческій скелетъ, найденный въ залежи песчаника на островѣ Гваделупѣ, хранится въ Британскомъ музеѣ; его видятъ ежедневно сотни, тысячи людей, и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это дѣйствительно окаменѣлый скелетъ человѣка. Правда, новѣйшія изслѣдованія доказали, что такія человѣческія окаменѣлости не представляютъ собой рѣшительнаго критерія для опредѣленія древности человѣческаго рода, такъ какъ окаменѣлости эти могли образоваться въ значительно позднѣйшія времена. Тѣмъ не менѣе безспорнымъ является неоднократно доказанный фактъ, что человѣческія кости и каменные орудія находили вмѣстѣ съ костями вымершихъ породъ животныхъ въ слояхъ и осадкахъ, относимыхъ геологами къ четвертой эрѣ образованія земной коры (къ третичному періоду). Дѣло не въ томъ, существуетъ ли человѣчество 5000 лѣтъ или нѣсколькими тысячелѣтіями болѣе, а въ томъ, существовало ли оно еще до того времени, когда земля вступила въ нынѣшнюю фазу своего геологическаго развитія и до появленія современныхъ породъ животныхъ и растений. Научныя изысканія показали, что необходимы были сотни тысячъ лѣтъ, пока земная кора могла установиться въ настоящемъ своемъ видѣ надъ образованіями четырехъ періодовъ своего развитія.

Теорія Дарвина.

Такъ какъ теорія великаго британскаго ученаго имѣетъ громадное значеніе, а существующія о ней мнѣнія по большей части весьма сбивчивы, то будетъ умѣстно представить здѣсь хотя бы краткій обзоръ главныхъ ея положеній *).

*) При обработкѣ перваго изданія настоящаго сочиненія, авторъ находился въ неясности относительно нѣкоторыхъ частей этого ученія: сочиненіе Дарвина «О происхожденіи человѣка» тогда еще не появилось, и самъ Дарвинъ въ то время еще очень сдержанно высказывался на эту тему. Изъ литературы предмета укажемъ главнымъ образомъ на слѣдующіе труды: Ч. Дарвинъ. «Происхожденіе человѣка и подборъ по отношенію къ полу». (Переводъ съ англійскаго подъ редакцію И. М. Сѣченова, изд. Черкесова. Спб. 1872 г.). Ч. Дарвинъ. «О происхожденіи видовъ въ царствахъ животномъ и растительномъ, путемъ естественнаго подбора родичей или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе». (Перевелъ съ англ. профессоръ московскаго университета С. А. Рачинскій, изд. Глазунова Спб. 1864 г., 2 изд., 1865 г.). Геккель. «Natürliche Schöpfungsgeschichte» (Berlin, 1879 г., 7-е изданіе).

Извѣстно, что всѣ выдающіеся натуралисты расходятся между собою во мнѣніяхъ, когда дѣло касается классификаціи растений и животныхъ (включая сюда и классификацію человѣческихъ расъ); въ различныхъ отгѣнкахъ мнѣнія эти доходятъ до самыхъ крайнихъ противорѣчій. Это не простой капризь, а слѣдствие того, что многіе родственные виды, какъ растений, такъ и животныхъ, сильно разнятся между собою въ подробностяхъ и, наоборотъ, часто наблюдается полнѣйшее сходство между совершенно перодственными видами. Эти наблюденія еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія привели французскаго натуралиста Ламарка къ теоріи о постепенномъ развитіи органическаго міра, въ противоположность господствовавшему тогда мнѣнію, что развитіе идетъ скачками, благодаря сильнымъ, все измѣняющимъ геологическимъ переворотамъ. Онъ училъ, что дѣйствуютъ двѣ органическія силы развитія: съ одной стороны, наследственность, съ другой—способность къ приспособленію. Ламаркъ самъ пришелъ къ тому смѣлому заключенію, что люди произошли отъ обезьяноподобныхъ млекопитающихъ. Жоффруа де Сентъ-Илеръ отстаивалъ эту теорію въ дальнѣйшемъ остроумномъ развитіи ея. Гётте, труды котораго по естественнымъ наукамъ долго не признавались, сдѣлался въ Германіи самымъ ревностнымъ поборникомъ Жоффруа. Теорія Океана основана также на идеѣ постепеннаго развитія. Вообще всѣ гениальныя натуралисты не сомнѣвались, что въ природѣ все основано на постепенномъ развитіи, но какъ оно происходило, это долго казалось неразрѣшимой загадкой; Дарвинъ первый нашелъ къ ней ключъ.

Во время своего пребыванія въ Южной Америкѣ и Полинезій этотъ превосходный наблюдатель неоднократно могъ убѣждаться въ неоспоримомъ родствѣ самыхъ различныхъ, казалось бы, видовъ. Эти наблюденія заставили его обратить вниманіе главнымъ образомъ на способы садовниковъ и сельскихъ хозяевъ, которымъ удавалось производить новые виды растений и новыя породы животныхъ; они достигли такого совершенства въ измѣненіи наружнаго вида выращенныхъ ими растений и животныхъ, что при первомъ взглядѣ на нихъ не возможно опредѣлить родство потомковъ и ихъ родичей. Садовники и сельскіе хозяева выбираютъ для этой цѣли такіе экземпляры, въ которыхъ желаемое качество особенно сильно развито и преобладаетъ надъ всѣми другими. Поступая такимъ образомъ, имъ удалось достигнуть замѣчательныхъ результатовъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, т. е. въ нѣсколько десятилѣтій.

На основаніи этихъ наблюденій Дарвинъ пришелъ къ тому заключенію, что природа произвела всѣ видимыя измѣненія въ разновидностяхъ растений и животныхъ подобнымъ же образомъ, какъ въ вышеприведенномъ случаѣ дѣйствовало искусство человѣка. Разница только въ томъ, что измѣненія въ природѣ совершались въ теченіе не десятилѣтій, а сотенъ тысячъ, быть можетъ, даже миллионовъ лѣтъ, и при томъ не только искусственно, но и съ естественною необходимостью путемъ борьбы за существованіе. Въ этой борьбѣ сохранялись только сильнѣйшія и наиболѣе способныя къ измѣненіямъ особи, легче другихъ приспособившіяся къ дан-

нымъ условіямъ, остальные же были безопасно уничтожаемы. Въ этомъ и состоитъ естественный выборъ. Но къ этому присоединяется еще одно обстоятельство, а именно: при размноженіи болѣе сильныя и способныя къ приспособленію особи побѣждаютъ своихъ соперниковъ въ борьбѣ; кромѣ того, онѣ будутъ въ состояніи произвести и воспитать больше и болѣе сильныхъ потомковъ, а преимуществу ихъ передадутся и унаследуются этими потомками. Это отношеніе Дарвинъ называетъ половымъ подборомъ.

Уже въ своемъ прежнемъ сочиненіи («О происхожденіи видовъ») Дарвинъ пришелъ къ заключенію, что «животныя произошли отъ четырехъ или пяти, а растенія отъ такого же или еще меньшаго числа основныхъ родовъ». Очевидно, онъ тогда уже былъ склоненъ сдѣлать шагъ впередъ, но боялся господствовавшихъ въ его отечествѣ предрасудковъ, въ особенности религіозныхъ, а потому онъ осторожно добавилъ къ сказанному: «Аналогія повела бы меня дальше, а именно къ убѣжденію, что всѣ животныя и растенія произошли отъ одного первообраза. Но аналогія подчасъ обманчивый руководитель».

Жаль, что у Дарвина не хватило умѣнья изложить свою теорію въ краткой, ясной и общедоступной формѣ. Онъ боролся съ затрудненіями изслѣдователя, который не пропускаетъ безъ вниманія ни одной изъ тысячи мелочей, а между тѣмъ ему долго пришлось бороться предрасудковъ, господствовавшихъ въ средѣ его соотечественниковъ. Потому-то книга его и стала извѣстна сначала натуралистамъ по специальности, а затѣмъ уже проникла въ публику.

Если мы не ошибаемся, Карлъ Фохтъ былъ первый, который, обладая талантомъ ярко освѣщать факты, не остановился передъ самыми крайними выводами изъ Дарвинова ученія и, не безъ задора подтрунивая надъ охранителями предрасудковъ, еще особенно подчеркнул мысль о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Многіе были возмущены послѣднимъ выводомъ и озлоблены противъ Дарвина и Фохта; тѣмъ не менѣ послѣдній много способствовалъ распространенію новыхъ взглядовъ.

Геккель не только согласился съ теоріей Дарвина, но и подкрѣплялъ ее съ большимъ знаніемъ и остроуміемъ; но, увлекаясь фантазіей, онъ, какъ теоретикъ, построилъ систематическое зданіе, которому отчасти недостаетъ положительнаго фундамента. Кромѣ того, способъ его изложенія тяжелъ, растянутъ и уснащенъ новоизобрѣтенными греческими терминами, что часто пугаетъ читателей. Тѣмъ не менѣ Геккель, окончательно выработавшій сказанную теорію, заслуживаетъ особенной признательности. Онъ утверждалъ прямо, что даже тѣ немногіе первобытные виды растеній и животныхъ, отъ которыхъ Дарвинъ производилъ всѣ позднѣйшіе, имѣютъ одно общее начало, что между животными и растеніями существуетъ полная связь, которую слѣдуетъ себѣ представить такимъ образомъ, что «первичными организмами, происшедшими отъ первоначальнаго зародыша, прародителями всѣхъ послѣдующихъ, были мотыльки, т. е. простыя мягкія бѣлковыя тѣла, не имѣющія ни опредѣленныхъ очертаній, ни твердыхъ и оформленныхъ частей».

Въ полномъ согласіи съ ученіемъ Дарвина, онъ далѣе говоритъ: «Процессъ развитія земли и ея органическаго населенія былъ строго послѣдователенъ и не прерывался могущественными переворотами *). Жизнь есть не что иное, какъ физическое явленіе. Всѣ же явленія жизни основаны на механическихъ, физическихъ и химическихъ причинахъ, которыя, въ свою очередь, лежатъ въ основѣ органической матеріи». Такимъ образомъ, вся сумма достигнутого до сихъ поръ развитія получена благодаря: 1) унаслѣдованію потомками особенностей ихъ предковъ и 2)

*) Это преувеличеніе и, стало быть, ошибка. Достаточно вспомнить сильное землетрясеніе 26 и 27 августа 1883 года въ Зондскомъ проливѣ. Но, какъ ни было сильно дѣйствіе этого землетрясенія, оно ничтожно, даже незамѣтно въ сравненіи съ тѣми медленными, безшумными перемѣнами, которыя природа производила въ теченіе сотенъ тысячъ и миллионовъ лѣтъ. Землетрясеніе 1883 года было, впрочемъ, явленіе настолько необыкновенное, что вполне заслуживаетъ того, чтобы мы на немъ подробнѣе остановились. Извѣстный астрономъ І. Норманъ Локкейръ (Lockyer) такъ описалъ его: «26 и 27 августа было едва ли не сильнѣйшее вулканическое изверженіе, какое только міръ испыталъ въ историческія времена. Во время этого изверженія совершенно исчезъ островъ, вышиною приблизительно въ 2500 метровъ. Высоту, которой достигали выбрасываемая при этомъ твердая и парообразная тѣла, никто не могъ бы опредѣлить, потому что на нѣсколько миль вокругъ мѣста дѣйствія день походилъ на ночь. Тьма длилась 40 часовъ, а шумъ изверженія былъ слышенъ на разстояніи болѣе 3000 километровъ. Въ моментъ исчезновенія острова поднялась водяная масса въ 300 метровъ вышиною, которая, проносясь надъ моремъ, дала о себѣ знать всему міру. Образовавшееся при этомъ воздушное теченіе имѣло силу своими постепенно расширяющимися кругами обогнуть три раза земной шаръ. Конечно, среди этого погрома находилась британскій корабль, потому что гдѣ же нѣтъ британскихъ кораблей? Названіе корабля «Charles Ball», его капитанъ Уатсонъ оставилъ образцовое описаніе происшедшаго землетрясенія. Уатсонъ находился со своими кораблемъ въблизи острова Кракатауа, въ Зондскомъ проливѣ. Надъ головой и вокругъ себя онъ услышалъ шумъ, подобный треску пламени; вскорѣ посыпались сначала большіе горячіе куски пемзы, потомъ все меньшіе и меньшіе и, наконецъ, ослѣпительная пыль, отъ которой на палубѣ образовалась кора толщиною въ 10 сантиметровъ. Между тѣмъ наступила тьма, нарушаемая изрѣдка молніеподобнымъ свѣтомъ; этотъ свѣтъ сопровождался какъ бы отдаленнымъ громомъ. Когда, наконецъ, показалась Ява, подулъ теплый удушливый, сѣрный вѣтеръ; казалось, что огненные цѣпи двигаются по небу въ разныхъ направленіяхъ. Потомъ со стороны острова Кракатауа раздался страшный трескъ. Пошелъ дождь изъ грязи и песка, и снова все погрузилось въ прежнюю тьму, и т. д.» Локкейръ измѣряетъ всю массу выброшенныхъ вулканическихъ элементовъ миллионами тоннъ; при такомъ изверженіи, разумѣется, солнце было безсильно. Отсюда полнѣйшая тьма въ Батавіи въ теченіе 40 часовъ. Какъ было выше сказано, изверженія состояли изъ плотныхъ и парообразныхъ частей. Согласно закону тяготѣнія, плотныя части падали на землю, что и доказалъ слой грязи на кораблѣ Уатсона; пыль же вмѣстѣ съ газами оставалась въ воздухѣ. Солнце, проникая постепенно черезъ эту среду, окрасило атмосферу бѣлыми, зелеными и, наконецъ, голубымъ цвѣтомъ. Это явленіе своими признаками вполне тождественно съ обыкновеннымъ разсвѣтомъ. Локкейръ доказываетъ, что, на основаніи хроматизма, самыя лучи должны именно преломляться при прохожденіи черезъ эфиръ, черезъ облака и черезъ упомянутыя выше твердыя частицы. Но если даже и допустить, что это такъ, все-таки остается еще вопросъ: какимъ образомъ вулканическая масса сама могла обойти міръ, предположивъ, что нѣсколькихъ миллионовъ тоннъ ея было бы достаточно для того, чтобы облечь туманной пеленой земной шаръ, Локкейръ объясняетъ это ско-

способности организмовъ приспособляться къ условіямъ мѣста и другихъ отношеній, особенно въ борьбѣ за существованіе (выраженіе Дарвина). «Всѣ явленія, вытекающія изъ способности организмовъ къ приспособленію, основаны главнымъ образомъ на приспособленіи организмовъ къ условіямъ питанія, точно такъ же, какъ наследственность основана на условіяхъ размноженія; и тѣ и другія условія можно отнести къ физическимъ и химическимъ, а слѣдовательно механическимъ причинамъ. По Дарвиновой теоріи естественнаго отбора, новые виды организмовъ, а также и ихъ видоизмѣненія, какъ искусственныя, такъ и естественныя, происходятъ благодаря только взаимодействию этихъ причинъ».

При этомъ особенно важенъ тотъ фактъ, что частицы тѣлъ, какъ животныхъ, такъ и растений, не содержатъ въ своемъ составѣ такихъ элементовъ или атомовъ, которыхъ мы не встрѣчали бы также и въ неорганическомъ мірѣ. «Для органическихъ веществъ не существуетъ какихъ-либо особенныхъ органическихъ элементовъ или атомовъ. Существенная разница (какъ физическая, такъ и химическая) между организмами и неорганизмами не въ различіи состава веществъ, изъ которыхъ они состоятъ, а въ различіи химическихъ соединеній этихъ веществъ. На различномъ способѣ соединеній основаны прежде всего нѣкоторыя физическія свойства тѣлъ, въ особенности же плотность матеріи; эта особенность, на первый взглядъ какъ бы образуетъ глубокую пропасть между двумя группами тѣлъ (органическихъ и неорганическихъ)... Извѣстно, что три главныя степени плотности неорганическихъ веществъ (твердое, капельно-жидкое и газообразное состоянія) совсѣмъ не присущи различнымъ элементамъ: онѣ—результатъ извѣстной высоты температуры. Возвышеніемъ температуры можно любое неорганическое тѣло обратить сперва въ капельно-жидкое или расплавленное состояніе, а затѣмъ дальнѣйшимъ нагреваніемъ—въ газообразное (или эластично-жидкое). Подобнымъ же образомъ понижая температуру, можно любое газообразное тѣло привести сперва въ капельно-жидкое, а затѣмъ—и въ твердое состояніе.

Далеко еще не разъясненъ вопросъ, какимъ образомъ физи-

росты верхнихъ воздушныхъ теченій, по направленію отъ экватора, а Кракатауа находится какъ разъ на такомъ разстояніи отъ экватора, какое необходимо для дѣйствія этихъ теченій. Вслѣдствіе этого уже 28 августа, непосредственно за землетрясеніемъ, на о. Маврикія и другихъ островахъ Индійскаго океана были замѣтны днемъ явленія, схожія съ нашимъ разсвѣтомъ; 31-го, совершенно вѣроятной скорости воздушнаго теченія, онѣ были видны въ Сѣверной Бразиліи, 1-го сентября—на Золотомъ берегу (въ Африкѣ), гдѣ, какъ говоритъ «Times», «одинъ англичанинъ принялъ солнце за луну», отсюда дальѣе—въ Венецуэлѣ и Тринидадѣ. Такимъ образомъ, упомянутое явленіе подвигалось по линіи отъ Кракатауа, черезъ Африку, къ Южной Америкѣ. Въ Капѣ оно наблюдалось 20-го сентября, а въ Лондонѣ 9-го ноября. Повсюду эти явленія были тождественны, что и указываетъ на общее ихъ начало. Солнце затмевается, дѣлается луноподобнымъ, принимаетъ зеленоватый цвѣтъ и, когда оно уже зайдетъ, лучи его еще преломляются въ пыльной пеленѣ, вздымающейся до предѣла атмосферы. Присутствіе этой пелены необходимо для объясненія современныхъ небесныхъ феноменовъ.

ческія и механическія причины вліяють на всякое видоизмѣненіе, на новыя образованія. Даже кристаллизація зависитъ отъ этихъ причинъ. «Во время своего образованія, каждый кристалликъ долженъ, подобно органической особи, подчиняться окружающимъ его вліяніямъ и внѣшнимъ условіямъ, примѣняясь къ нимъ. Форма и величина каждаго кристалла зависитъ отъ всей окружающей его среды, напримѣръ, отъ формы сосуда, въ которомъ происходитъ кристаллизація, отъ температуры и давления воздуха, отъ присутствія или отсутствія неоднородныхъ тѣлъ и т. д. Такимъ образомъ, форма каждаго отдѣльнаго кристалла, точно такъ же, какъ и форма каждаго отдѣльнаго организма,—результатъ взаимодѣйствія двухъ противоположныхъ факторовъ: внутренней образовательной силы, зависящей отъ химическаго состава собственной матеріи, и внѣшней образовательной силы, которая обусловливается вліяніемъ окружающей ея матеріи. Слѣдовательно, нѣтъ абсолютной разницы между органическими и неорганическими образованіями. «Своеобразныя химическія и физическія особенности углерода, въ особенности же твердо-жидкое состояніе и способность разлагаться на составныя части крайне сложныхъ бѣлковыхъ соединеній углерода, все это механическія причины тѣхъ своеобразныхъ признаковъ движенія, которыми отличаются организмы отъ неорганизовъ и которыя въ болѣе узкомъ смыслѣ называютъ—жизнью».

Но и теперь еще не окончилась измѣненія или преобразованія во всей природѣ, онѣ и не окончатся никогда. Не только одно поколѣніе смѣняетъ другое, но, хотя и чрезъ безконечно продолжительные періоды времени, происходятъ и преобразованія видовъ. По замѣчанію Дарвина, не извѣстенъ «ни одинъ случай, чтобъ органическое существо, дойдя до культурнаго состоянія, потеряло способность видоизмѣняться». Въ концѣ своего перваго сочиненія (появленіе котораго создало въ наукѣ новую эпоху) этотъ превосходный изслѣдователь говоритъ: «Судя по прошлому, мы смѣло можемъ заключить, что ни одинъ изъ современныхъ намъ видовъ не передастъ своего подобія отдаленной будущности неизмѣненнымъ. Человѣкъ съ теченіемъ времени измѣнится, какъ измѣнялся уже раньше». Въ первомъ своемъ сочиненіи Дарвинъ еще не говоритъ объ этомъ, хотя и привелъ въ немъ слѣдующія свои соображенія: «Интересно разсматривать густо заросшій клочокъ земли, покрытый разнородными растеніями, съ поющими птицами въ кустахъ, съ насѣкомыми, толкущимися вокругъ нихъ, съ червями, ползущими по влажной почвѣ, и думать, что эти дивно построенныя живыя формы, столь отличныя одна отъ другой, зависящія другъ отъ друга такимъ сложнымъ образомъ, все возникли по законамъ дѣйствующимъ вокругъ насъ... Изъ вѣчной борьбы, изъ голода и смерти прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, которое мы можемъ себѣ представить, а именно возникновеніе высшихъ формъ жизни. Есть величіе въ этомъ возрѣшій, по которому жизнь съ ея однородными силами была вдохнута первоначально въ немногія формы или лишь въ одну, по которому,—межъ тѣмъ какъ земля продолжаетъ кру-

житься по вѣчному закону тяготѣнія,—изъ столь простаго начала развились и до сихъ поръ развиваются безчисленныя формы дивной красоты». Въ другомъ мѣстѣ этотъ же гениальный изслѣдователь говоритъ по поводу измѣняемости земной поверхности: «Созерцаніе такихъ фактовъ настраиваетъ мой умъ почти такимъ же образомъ, какъ тщетная попытка представить себѣ вѣчность».

Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы стали приводить здѣсь все, что послужило къ утверженію новаго ученія. Человѣкъ безпристрастный, ознакомившись со всѣми руководящими идеями этого ученія и присматриваясь къ самымъ разнороднымъ фактамъ, будетъ пораженъ, находя на каждомъ шагу подтвержденіе новаго ученія. Нельзя не упомянуть, что Геккелемъ сопоставлены изображенія зародышей нѣкоторыхъ позвоночныхъ животныхъ (черепахи, курицы, собаки и человека), при чемъ тождество между ними оказалось почти полное. Слѣдуетъ имѣть еще въ виду такъ называемые «зачаточные» и «выродившіеся» органы, т. е. тѣ, которые прежде служили для опредѣленной цѣли, а затѣмъ, вслѣдствіе непримѣняемости ихъ, остановились въ своемъ развитіи. Такіе зачаточные органы имѣются въ организмѣ каждаго человѣка,—это остатки органовъ, которые служили нашимъ предкамъ для опредѣленныхъ функцій.

Еще въ первомъ своемъ сочиненіи, въ которомъ Дарвинъ тщательно избѣгалъ вопроса о происхожденіи человѣка, онъ высказалъ слѣдующее: «Всѣ живыя существа имѣютъ много общаго въ своемъ химическомъ составѣ, въ своемъ клѣточномъ строеніи, въ законахъ своего развитія, въ своей зависимости отъ вредныхъ вліяній... Такимъ образомъ, начало всѣхъ органическихъ особей одинаково. Если мы обратимся даже къ главнымъ отдѣламъ органическаго міра, къ животному и растительному царствамъ, то найдемъ нѣкоторыя низшія формы, до того переходныя по своимъ признакамъ, что натуралисты спорятъ о томъ, къ какому царству слѣдуетъ ихъ причислить; и по началу естественнаго подбора вполнѣ мыслимо, что растенія и животныя развились изъ какой-либо изъ этихъ среднихъ формъ». Въ другомъ мѣстѣ сказано такъ: «Тождественность остововъ человѣческой руки, крыла летучей мыши, плавника моржа и лошадиной ноги, равенство числа позвонковъ, составляющихъ шею жираффы и слона, и безчисленные другіе подобныя факты сразу объясняются по теоріи постепеннаго потомственнаго видоизмѣненія. Сходство плана въ крылѣ и лапѣ летучей мыши, хотя и служащихъ различнымъ цѣлямъ, въ челюстяхъ и ногахъ раковъ, въ лепесткахъ, тычинкахъ и пестикахъ цвѣтовъ также понятно при предположеніи, что части и органы, тождественныя у ранняго предка класса, постепенно видоизмѣнились».

Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи «Descent of Man» Дарвинъ, какъ было уже замѣчено выше, примѣняетъ свою теорію и къ человѣческому развитію. Здѣсь онъ говоритъ уже открыто: «Извѣстно, что человѣкъ созданъ по одному типу со всѣми млекопитающими.

Всѣ кости его скелета можно сравнить съ соответствующими костями обезьяны, летучей мыши или тюленя. То же самое можно сказать и относительно его мускуловъ, жилъ, нервовъ и внутренностей. Гёккель и другіе анатомы доказали, что даже мозгъ, самый важный изъ органовъ, подчиняется тому же закону». Къ сказанному можно добавить, что и болѣзни человѣка и высшихъ животныхъ часто тождественны. Чохотка убиваетъ чаще всего людей и обезьянъ. Въ послѣднее время замѣчали въ средней Америкѣ, что когда тамъ свирѣствовала желтая лихорадка, отъ нея въ одинаковой степени страдали и умирали люди и обезьяны. Сходство существуетъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Словомъ, по физическому строенію человѣкъ отличается отъ высшихъ животныхъ менѣе, чѣмъ послѣдніи между собой, а въ своемъ индивидуальномъ развитіи человѣкъ подчиняется тѣмъ же законамъ, какъ и животные. Зародышъ человѣка въ началѣ своего существованія ничѣмъ не отличается отъ зародыша животнаго. Чѣмъ можно было бы объяснить существенное сходство людей и животныхъ во всемъ ихъ физическомъ строеніи, въ ихъ физическихъ страданіяхъ и проч., если бы человѣкъ не имѣлъ общаго начала со всеми вообще животными? Отсюда выводъ: «человѣкъ носитъ въ своемъ физическомъ строеніи неизгладимую печать своего низкаго происхожденія».

Вслѣдствіе возрѣній, привитыхъ людямъ еще въ молодости, многіе возмущаются такимъ выводомъ. Но проявленіемъ чувствъ ничего не докажешь, а между тѣмъ является вопросъ: можно ли взгляды этотъ опровергнуть разумными доводами?

Дарвинъ справедливо замѣчаетъ, что происхожденіе отъ низшаго животнаго менѣе неблагородно, нежели происхожденіе отъ глыбы земли. Итакъ, нашъ изслѣдователь производитъ человѣка отъ погибшей породы обезьянъ, которая, въ свою очередь, произошла отъ еще гораздо низшей породы, и т. д.

Къ успокоенію чрезчуръ боязливыхъ умовъ, смущающихся такою гипотезой, можно прибавить, что даже Геккель говоритъ: «Я положительно утверждаю (что, собственно говоря, само собой понятно), что ни одна изъ нынѣшнихъ обезьянъ, а слѣдовательно и ни одна изъ человѣкоподобныхъ обезьянъ (орангутангъ, шимпанзе, горилла) не можетъ считаться прародительницей человѣческаго рода. Мыслящіе приверженцы трансформизма никогда и не высказывали подобнаго мнѣнія: оно приписано имъ мало вдумчивыми противниками. Обезьяноподобные прародители человѣческаго рода давно вымерли. Быть можетъ, мы найдемъ когда-нибудь части ихъ окаменѣлыхъ костей въ третичномъ каменномъ пластвѣ южной Азіи или Африкѣ». Самъ Дарвинъ особенно подчеркиваетъ, что неоспоримо, «что разница между умственными способностями низшихъ человѣческихъ расъ и самыхъ развитыхъ животныхъ неизмѣрима». Онъ признаетъ также, что еще не найдено соединительнаго звена между человѣкомъ и животнымъ, но думаетъ, что оно непременно будетъ открыто при дальнѣйшихъ успѣхахъ палеонтологіи.

Раньше уже Дарвинъ замѣтилъ: «Своими преимуществами или усовершенствованіями каждый видъ обязанъ не происхожденію отъ одной пары прародителей, но постоянной заботѣ при выборѣ и воспитаніи большинства особей каждаго поколѣнія». Отсюда дальнѣйшее положеніе: «Не нужно думать, что отклоненіе одной расы отъ другихъ и всѣхъ расъ отъ одного общаго корня могутъ быть прослѣжены до какой-нибудь одной пары прародителей. На каждой ступени процесса видоизмѣненія всѣ особи, которыя, почему бы то ни было, были лучше другихъ приспособлены къ окружающимъ условіямъ, должны были остаться въ живыхъ въ болышемъ числѣ, чѣмъ менѣе приспособленныя».

Можно сказать, что теорія Дарвина, далекая отъ униженія человѣка, доказываетъ, наоборотъ, высшее торжество человѣческой природы надъ всей остальной, такъ какъ по ней человѣкъ изъ ряда низшихъ позвоночныхъ животныхъ достигъ до высшихъ степеней развитія.

Здѣсь можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній, касающихся способностей животныхъ. Безъ сомнѣнія, невозможно сравнивать умъ высшихъ животныхъ и низшихъ человѣческихъ расъ (исключая, разумѣется, слабоумныхъ); тѣмъ не менѣе умственные способности тѣхъ и другихъ различны между собой только по степени, а не по общему характеру. Кромѣ того, способности многихъ животныхъ безусловно выше ходячаго о нихъ мнѣнія. Дарвинъ пытается объяснить истинный къ пониманію, основаннымъ на наблюденіи и вытекающемъ отсюда привыканіи, которое потомъ передается по наслѣдству послѣдующимъ поколѣніямъ вида. Онъ убѣдился, наприкладъ, что нельзя долгое время ловить звѣрей (даже низшихъ породъ) въ одномъ и томъ же мѣстѣ однимъ и тѣмъ же способомъ. Онъ указываетъ на социальное устройство у пчелъ и муравьевъ (нѣкоторые виды муравьевъ ведутъ войны съ муравьями другихъ породъ и, забирая ихъ въ плѣнъ, заставляютъ ихъ на себя работать, организуя такимъ образомъ рабовладѣльческія государства). Дарвинъ напоминаетъ, что обезьяны не только по заранѣ обдуманному плану (даже съ разстановкой постовъ) расхищаютъ фруктовые сады и плантаціи, но что извѣстны также случаи, когда, послѣ бѣгства стаи обезьянъ отъ напавшихъ на нихъ животныхъ, нѣкоторыя, болѣе сильныя, обезьяны возвращались, проникали въ ряды своихъ враговъ и освобождали окруженныхъ ими слабыхъ товарищей. Дарвинъ приходитъ къ заключенію, что чувства людей и высшихъ животныхъ одинаковы. Онъ указываетъ на материнскую любовь, доходящую до вскармливанія чужихъ дѣтенышей; онъ утверждаетъ, что высшимъ животнымъ не чужды чувства ревности, самолюбія и гордости, что они проявляютъ скуку и любопытство, что они обладаютъ воображеніемъ, которое доказывается ихъ бредомъ во время сна. Они одарены разумомъ и владѣютъ разными орудіями. Павіаны строятъ хижинны и для защиты отъ солнца и дождя употребляютъ подобія зонтовъ; другія животныя обнаруживаютъ понятія о собственности относительно пищи и жилища.

Законы для измѣренія тѣлъ (величины и пр.) тѣ же, что и для вѣса, силы, быстроты и вообще для всѣхъ физическихъ условій. (Голова новорожденного ребенка равняется половинѣ головы взрослого человѣка, туловище только $\frac{1}{3}$ части, рука приблизительно $\frac{1}{4}$, а нога только $\frac{1}{5}$ части. Въ три года ребенокъ достигаетъ половины, въ 7 лѣтъ—двухъ третей, а въ 10—трехъ четвертей своей позднѣйшей величины). Во всемъ господствуетъ чудная гармонія, что Кетле и доказываетъ весьма обстоятельно.

Этотъ бельгійскій ученый сравниваетъ тѣлосложеніе своихъ соотечественниковъ и неевропейцевъ. Случай къ тому представился ему, между прочимъ, во время пребыванія въ Брюсселѣ двѣнадцати сѣверо-американскихъ индѣйцевъ племени оджибясовъ. Результатъ изслѣдованія показалъ, что въ среднемъ эти индѣйцы превосходили вышиною, физическою силой и шириною груди не только бельгійскаго натурщика, но и десять человѣкъ отборныхъ гвардейцевъ. И тѣмъ не менѣе извѣстно, что эти сѣверо-американскіе индѣйцы вымираютъ при столкновеніи съ европейцами!

При сравненіи бельгійцевъ съ китайцами и неграми оказалась незначительная разница въ ростѣ. По этому поводу Кетле нашелъ нужнымъ сдѣлать замѣчаніе, которое имѣетъ для насъ значеніе въ другомъ отношеніи: «Я слышалъ, что художники дѣлаютъ различіе между натурщиками Италіи, Испаніи, Франціи и нашей страны. Я самъ хотѣлъ убѣдиться въ разницѣ, но пришелъ къ отрицательному заключенію.... Я могъ только еще болѣе убѣдиться, что уклоненіемъ въ формахъ принято считать то, что относится къ выраженію и изицеству чертъ лица. Наружность женщины будетъ зависѣть отъ того, выросла ли она въ крестьянской рабочей средѣ или среди роскоши и удовольствій городовъ. У нашихъ крестьянокъ черты лица малоподвижны, глаза невыразительны, ротъ не улыбается, между тѣмъ какъ у женщины, воспитанной въ роскоши, часто при молчалии каждая черта лица выражаетъ особое оупщеніе. При одинаковыхъ лицевыхъ линіяхъ оживленіе, мысль, чувство совершенно измѣняютъ черты, сообщаютъ имъ нныя пропорціи и заставляютъ предполагать иную организацію. Кромѣ того, одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ принять у различныхъ художниковъ совершенно неодинаковую позу и выраженія, которыя и будутъ воспроизведены на картинѣ съ болышей или меньшей точностью, смотря по искусству живописца».

Кетле приходитъ къ выводу, который имѣетъ гораздо болѣе широкое значеніе, нежели онъ самъ, вѣроятно, предполагалъ, и во всякомъ случаѣ болышее, чѣмъ какое онъ хотѣлъ ему придать при своемъ стремленіи падить предразсудки. Онъ говоритъ: «Человѣкъ стоитъ въ природѣ не одиноко, а составляетъ только частицу великаго цѣлага». То же самое говоритъ Дарвинъ. Наблюденія статистика вполне подтверждаютъ всю теорію тонко изслѣдующаго физиолога.

Разсмотримъ общіе выводы ученія геніальнаго британскаго натуралиста. Геккель выражаетъ сущность этого ученія слѣдующимъ образомъ: «На основаніи палеонтологін, законъ постепеннаго

совершенствованія доказываетъ крайне важный фактъ прогрессивнаго усовершенствованія на землѣ организмовъ во всё время органическихъ образованій. Съ тѣхъ незамятныхъ временъ, когда жизнь на нашей планетѣ началась зарожденіемъ монеры, началось и постоянное усовершенствованіе и развитіе организмовъ всёхъ группъ, какъ общее, такъ и индивидуальное. Постоянно увеличивавшееся разнообразіе жизненныхъ формъ шло рука объ руку съ постояннымъ улучшеніемъ въ организаціи. Чѣмъ ниже мы спускаемся въ земляные пласты, въ которыхъ погребены остатки вымершихъ животныхъ и растений, и, слѣдовательно, чѣмъ древнѣе послѣднія, тѣмъ однообразнѣе, проще и несовершеннѣе ихъ виды. Это относится какъ вообще къ организмамъ, такъ и къ каждой отдѣльной, болѣе или меньшей, ихъ группѣ.

Выше мы привели заключеніе Кетле о различіи въ чертахъ лица образованной дамы и удрученной грубымъ трудомъ и заботами крестьянки. Позволяемъ себѣ привести еще одинъ примѣръ, всматриваясь въ портреты, писанные старинными нѣмецкими художниками. Какъ грубы и некрасивы лица на этихъ портретахъ въ сравненій съ нынѣшними! Такая перемена могла произойти въ теченіе немногихъ столѣтій главнымъ образомъ вслѣдствіе естественнаго подбора въ соединеніи съ высшимъ духовнымъ развитіемъ и интеллигентнымъ трудомъ.

Ученіе Дарвина имѣетъ нѣкоторое сходство съ ученіемъ Коперника: оно также возстаетъ противъ традиціоннаго, главнымъ образомъ догматическаго міровоззрѣнія, какъ бы противорѣчить очевидности и, наконецъ, пробуждаетъ всё теологическіе предразсудки. Коперникъ долгое время не оглашалъ своего открытія, изъ опасенія сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ тѣхъ, которые привыкли ссылаться на «здравый смыслъ» и «пять чувствъ»,— послѣднія вѣдь указываютъ на то, что земля неподвижна, а солнце обращается вокругъ нея. Какъ ученіе Коперника, такъ и теорія Дарвина были приняты многими за парадоксъ. Какъ тутъ, такъ и тамъ случалось, что отдѣльные доводы находили слабыми и даже неосновательными. Вдобавокъ успешной борьбѣ его со старыми предразсудками вредилъ нѣсколько запутанный способъ изложенія, вызывавшій недоразумѣнія и дававшій противникамъ поводъ къ невѣрному толкованію. Затѣмъ вредили, какъ всегда, крайности, въ которыя впадали ученики и поклонники.

Кромѣ того, слѣдуетъ признать, что выдающемуся открытію Дарвина было приписано достиженіе конечнаго результата, котораго онъ на самомъ дѣлѣ въ своихъ послѣднихъ выводахъ не достигъ. Нерѣдко приходится встрѣчаться съ мнѣніемъ, что Дарвинъ открылъ основное начало всего сущаго и всей природы. Но если даже согласиться съ мнѣніемъ, что вся физическая жизнь животнаго и растительнаго царствъ развилась изъ монеры—простѣйшаго организма, еще болѣе простаго и низшаго, чѣмъ клѣточка, то, все-таки, несмотря на колоссальный научный успѣхъ, достигнутый этимъ открытіемъ, первичная основа всёхъ вещей еще не найдена. Какъ образовалась матерія, обусловливающая собой

существованіе монеры, и откуда сначала эта матерія, а потомъ и низшій организмъ получили свою способность къ дальнѣйшему развитію, къ тому развитію, которое послужило къ образованію изъ низшихъ организмовъ высшихъ породъ животныхъ и, наконецъ, человѣка?

Если, такимъ образомъ, Дарвиномъ и не объяснено основное начало бытія, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что, отрицая теорію эволюціи, можно все объяснить сверхъестественными силами, стоящими внѣ и надъ всею природой, такъ какъ въ этомъ случаѣ опять-таки является вопросъ, откуда же взялись эти сверхъестественныя силы. А потому намъ ничего другого не остается, какъ прямо и откровенно сознаться, что для разрѣшенія этого вопроса, какъ по той, такъ и по другой теоріи, наши познанія оказываются недостаточными.

Но и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ отдѣльныя положенія ученія Дарвина возбуждаютъ сомнѣнія, которыя, однако, не умаляютъ достоинства самой теоріи. Такъ, согласившись вполнѣ съ основнымъ принципомъ англійскаго натуралиста, можно, все-таки, расходиться съ нимъ во взглядѣ относительно происхожденія всѣхъ существующихъ организмовъ отъ одной единственной монеры, такъ какъ изъ этого можно бы заключить, что, произведя этотъ единственный организмъ, творческая сила природы совершенно истощилась. Дарвинъ и большинство его послѣдователей придерживаются именно этого мнѣнія. Они утверждаютъ, что всѣ виды животныхъ и растений образовались путемъ естественнаго отбора въ одно время, и при томъ только въ одномъ мѣстѣ земли, въ такъ называемомъ «центрѣ творенія». Но вѣдь мы повсюду видимъ, что природа расточаетъ сѣмена въ изобиліи, а потому умѣстно ли предположеніе, что весь органическій міръ находился въ зависимости отъ преуспѣянія только одного экземпляра самой несовершенной клѣточки? Не легче ли представить себѣ весь процессъ развитія такъ, что хотя оно и имѣло основаніемъ простѣйшій организмъ, но различные организмы развивались самостоятельно въ разныхъ мѣстахъ, соотвѣтственно разнообразнымъ условіямъ жизни?

Геккель заявляетъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Дарвина, но, тѣмъ не менѣе, дѣлаетъ слѣдующую оговорку: «Это можно сказать только по отношенію къ огромному большинству высшихъ и совершеннѣйшихъ организмовъ, по отношенію къ большинству животныхъ и растений, у которыхъ составляющіе ихъ клѣточки и органы достигли уже извѣстной степени раздѣленія труда или дифференціаціи», ибо, продолжаетъ онъ, «было бы совершенно невѣроятно, или, во всякомъ случаѣ, болѣе чѣмъ странной случайностью, если бы въ исторіи земли всѣ разнообразныя и сложныя обстоятельства, всѣ различныя условія борьбы за существованіе, которыя имѣютъ мѣсто при происхожденіи новаго вида путемъ отбора, дѣйствовали болѣе одного раза въ одинаковомъ сочетаніи и соединеніи или одновременно въ нѣсколькихъ различныхъ пунктахъ земной поверхности. Но я считаю возможнымъ разновремен-

ное или одновременное образование во многих мѣстахъ земной поверхности извѣстныхъ весьма несовершенныхъ организмовъ простѣйшаго строенія, разновидностей безразличной природы, каковы, напримѣръ, нѣкоторые одноклѣточные протисты и въ особенности простѣйшіе изъ всѣхъ — монеры. Немногія простѣйшія условія, вслѣдствіе которыхъ видоизмѣнилась въ борьбѣ за существованіе ихъ видовая форма, могли, конечно, съ теченіемъ времени, повторяться независимо другъ отъ друга, въ различныхъ мѣстахъ земли. Далѣе въ различныхъ пунктахъ могли образоваться и тѣ высшія специфическія формы, которыя произошли не путемъ естественнаго отбора, а путемъ побочнымъ, т. е. улюбки».

Въ дарвинизмъ есть еще и другія положенія, правильность которыхъ даже самыми рѣшительными сторонниками теоріи признается лишь съ большими оговорками. Такъ, напримѣръ, Морицъ Вагнеръ замѣтилъ, что не каждое видоизмѣненіе есть непременно улучшеніе и усовершенствованіе, что оно можетъ обозначать и регрессъ, вслѣдствіе необходимости приспособленія къ даннымъ условіямъ. Но всѣ эти и подобныя имъ возраженія не могутъ вредить высокой заслугѣ Дарвина: онѣ касаются лишь обстоятельство въ второстепенныхъ, не имѣющихъ большого значенія, и вовсе не опровергаютъ ученія о происхожденіи всѣхъ организмовъ отъ механическихъ, физическихъ и химическихъ причинъ, вопреки всѣмъ бреднямъ метафизиковъ, именующихъ себя философами.

Какъ вполнѣ твердую научную истину, проникающую въ самую глубину человѣческаго знанія, мы признаемъ слѣдующій основной принципъ: во-первыхъ, «весь видимый міръ, космосъ», какъ выражается геологъ Б. фонъ-Котта, «образовался закономѣрно»; затѣмъ вся органическая жизнь есть результатъ механическихъ, физическихъ и химическихъ силъ; она началась съ простѣйшихъ формъ и должна была развиваться съ внутренней необходимостью въ «борьбѣ за существованіе»; развитіе это не можетъ остановиться ни теперь, ни когда-либо въ будущемъ. Только основная побудительная причина, источникъ бытія, до сихъ поръ покрытъ непроницаемой пеленой. Удастся ли человѣку когда-нибудь сдернуть эту пелену? Мы согласились бы сказать вмѣстѣ со скептиками—«никогда», если бы сдѣланныя уже научныя завоеванія не побуждали насъ къ крайней осторожности, напоминая заключающую въ себѣ глубокую правду слова Дарвина, что именно невѣжды склонны утверждать, что человѣчество никогда не постигнетъ тѣхъ или другихъ явленій, между тѣмъ какъ люди знающіе всегда будутъ осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ.

Что касается будущности ученія Дарвина, то и въ данномъ случаѣ, вѣроятно, подтвердятся слова знаменитаго англійскаго геолога Лийелли, сказанныя имъ по другому поводу: «Всегда, когда открывается новая, поразительная истина, люди сперва говорятъ: «это неправда», потомъ: «это противорѣчитъ религіи» и, наконецъ, — «это старая истина».

Человѣческія расы.

Своей теперешней ступени культурнаго развитія люди достигли въ огромнѣйшей промежуткѣ времени и въ непрерывной борьбѣ за существованіе. Въ этой борьбѣ у нихъ развилось умѣніе пользоваться успѣхами, достигнутыми неутомимымъ трудомъ предыдущихъ поколѣній. На этой разѣ добытой основѣ они продолжали работать, такъ что постепенно цѣплялось одно звено за другое, и такимъ образомъ удлинялась цѣпь развитія, безъ особенныхъ перерывовъ и остановокъ.

При такомъ ходѣ дѣла развитіе человѣчества не могло совершаться иначе, какъ безчисленнымъ множествомъ стадій. «Не нужно думать», говоритъ Дарвинъ, «что различныя расы произошли отъ одной пары прародителей. Напротивъ того, на каждой ступени процесса видоизмѣненія всѣ особи, которыя, почему бы то ни было, были лучше другихъ приспособлены къ окружающимъ условіямъ, должны были остаться въ живыхъ въ болѣе числѣ, чѣмъ менѣе приспособленныя».

Во всякомъ случаѣ, что бы ни думали о происхожденіи человѣка, фактъ тотъ, что отдѣльныя человѣческія расы развились вълѣдствіе различныхъ условій жизни въ разныхъ странахъ, причѣмъ каждая раса пріобрѣтала свои особенности и передавала ихъ своимъ потомкамъ. При такихъ условіяхъ врядъ ли есть основаніе предполагать у всего человѣчества одну общую семью прародителей. Даже завзятые любители теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны отыскиваютъ предковъ орангутанга на Остѣ-Индскихъ островахъ, а предковъ гориллы и шимпанзе въ Африкѣ. Уже въ первомъ изданіи настоящаго сочиненія, сдѣдовательно ранѣе, чѣмъ Дарвинъ высказался о происхожденіи человѣка, мы говорили, что различныя расы одарены такими особенностями, которыя, насколько можно наблюдать, никогда въполнѣ не исчезаютъ. Это относится не только къ цвѣту кожи (которая, пожалуй, сравнительно болѣе всего поддается измѣненію, хотя негръ не дѣлается бѣлымъ въ сѣверномъ климатѣ, а европеецъ не превращается въ негра подъ экваторомъ), но и ко всей наружности, къ строенію черепа и различнымъ физическимъ особенностямъ, главнымъ же образомъ къ качествамъ характера. Мы имѣемъ при этомъ въ виду не пять основныхъ расъ Блюменбаха, но гораздо большее ихъ число*). Природа должна была создать или развить ихъ особенности при благоприятныхъ для того условіяхъ, сообразно физическому состоянію главныхъ частей свѣта. Съ тѣхъ поръ, какъ земля находится въ теперешнихъ условіяхъ, это физическое состояніе не можетъ бытъ повсемѣстно одинаково. На полюсахъ совсѣмъ другой климатъ и совсѣмъ другія условія жизни, чѣмъ на экваторѣ. Говорятъ, правда,

*) Натуралисты, занимавшіяся классификаціей людей по расамъ, пришли къ весьма различнымъ выводамъ. Вирей признавалъ всего 2 расы, Жакино—3, Кантъ—4, Блюменбахъ—5, Бюффонъ—6, Гентеръ (Hunter)—7, Агассизъ—8, Пиккерингъ—11, Бори Сень-Венсенъ (Bory St. Vincent)—15, Демуленъ—16, Мортонъ—22, Крофордъ—60, а Бёркъ (Burke) насчитываетъ ихъ даже 63.

что человекъ способенъ жить во всѣхъ поясахъ земного шара, но въ дѣйствительности мы видимъ, что только уроженецъ умѣреннаго пояса можетъ переносить болѣе значительныя перемены климата; для него разница между югомъ и сѣверомъ менѣе ощутительна, чѣмъ для эскимоса переселеніе на тропики или для негра— въ холодный поясъ. Каждый такой опытъ показываетъ, что далеко не всѣ человѣческія расы способны существовать и развиваться во всѣхъ климатахъ. При ближайшемъ наблюденіи, мы замѣчаемъ у различныхъ племенъ неодинаковую живучесть. Но даже самыя крѣпкія и живучія расы умѣренныхъ климатовъ могутъ существовать въ другихъ поясахъ только въ томъ случаѣ, если онѣ уже достигли высокой степени культуры и если значительныя матеріальныя средства даютъ имъ возможность избѣгнуть вліянія чуждаго имъ климата. Европейецъ средней полосы, который захогѣлъ бы, подобно негру, жить и воздѣлывать поля подъ тропиками, или жить въ странѣ эскимосовъ такъ, какъ живутъ послѣдніе, непременно скоро погибъ бы, и не только онъ самъ, но и дѣти его не вынесли бы новыхъ условій.

Дарвинъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи также подчеркиваетъ, что разница въ цвѣтѣ кожи людей не есть ничто только наружное, но что она находится въ связи съ органическими свойствами людей. Такъ, давно уже доказано, что негры и даже мулаты никогда не умираютъ отъ убійственной желтой лихорадки тропической Америки, а также что они рѣдко схватываютъ столь свирѣдствующую на африканскихъ берегахъ опасную перемежающуюся лихорадку; изъ бѣлыхъ же переселенцевъ одна пятая часть ежегодно умираетъ отъ этихъ болѣзней и столько же страдающихъ ими торопится вернуться на родину. Невосприимчивость негровъ къ желтой лихорадкѣ проявилась даже въ тѣхъ странахъ тропической Америки, въ которыхъ сами туземцы не были пощажены этой болѣзью. Относительно сѣверной Африки также доказано, что черные могутъ жить въ такихъ мѣстахъ ея, которыя покидаются бѣлыми туземцами въ опасныя времена года. Подобное же наблюденіе было сдѣлано во время французской экспедиціи въ Мексику относительно доставленныхъ туда египетскимъ вице-королемъ негртинскихъ войскъ.

Особенно примѣчательенъ тотъ фактъ, что прежняя теорія акклиматизаціи, въ которую прежде всѣ вѣрили, оказалась несостоятельною. Существуютъ, безъ сомнѣнія, такія страны, климатъ которыхъ полезенъ для жителя отдаленной страны. То же явленіе мы видимъ въ мірѣ животныхъ: въ Австраліи, гдѣ прежде совсѣмъ не было овецъ, разведеніе ихъ удалось превосходно. Въ общемъ неопровержимо слѣдующее правило: животныя, а также и человекъ могутъ быть преселяемы въ другія страны только съ ущербомъ для ихъ здоровья*). Чѣмъ дольше они тамъ остаются, тѣмъ болѣе

*) Климатъ Мадеры, безъ сомнѣнія, полезенъ чахоточнымъ; но если бы чахоточные сѣверной Европы были принуждены работать тамъ продолжительное время въ полѣ, то врядъ ли получился бы результатъ, благоприятный для ихъ здоровья.

слабѣютъ ихъ физическія силы. Изслѣдованія надъ англійскими войсками подтвердили это и заставили англійское правительство, отказавшись отъ прежней теоріи акклиматизаціи, не оставлять безъ особо побудительныхъ къ тому причинъ войска въ качествѣ гарнизона болѣе трехъ лѣтъ въ одной и той же колоніи. Слѣдствіемъ этого распоряженія явился поразительный результатъ: смертность отъ этихъ болѣзней между солдатами во всѣхъ колоніяхъ уменьшилась вдвое*).

Изъ наблюденій особенно выяснилось, что смертность между дѣтьми переселенцевъ бываетъ сильнѣе, нежели между ихъ родителями, и это относится главнымъ образомъ къ тѣмъ дѣтямъ, которыя рождены уже послѣ переселенія. Благодаря этому обстоятельству, туземное населеніе сѣверной Африки по существу осталось такимъ же, какимъ было нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, несмотря на многократное движеніе народовъ, проходившихъ черезъ этотъ обширный край.

При одномъ взглядѣ на древніе египетскіе барельефы, нельзя не признать на нихъ тѣ же типы, которые и теперь существуютъ въ странѣ Нила: типы феллаховъ и негровъ, а также и евреевъ, неизмѣнно сохранившихъ свою физиономію на всемъ земномъ шарѣ, подъ самыми сильными ударами судьбы. Внимательный посѣтитель отдѣла древностей Британскаго музея будетъ пораженъ разительнымъ тому доказательствомъ. Несмотря на несовершенство египетской скульптуры, нельзя сомнѣваться въ національности отдѣльныхъ фигуръ. Особенно должно поражать полнѣйшее сохраненіе еврейскаго типа, такъ какъ въ жизни мы встрѣчаемъ этотъ типъ у людей, предки которыхъ покинули востокъ нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ и жили среди нашихъ предковъ, въ одномъ и томъ же климатѣ. И, несмотря на это, не замѣтно разницы между тогдашними и нынѣшними типами еврей!

Но и нѣкоторыя другія данныя указываютъ на разницу, существовавшую уже въ древнѣйшія времена между человѣческими расами. Такъ, въ особенноти разряды языковъ (мы намѣренно избѣгаемъ слишкомъ узкое понятіе «языки»), которые развивались на совершенно различныхъ основахъ. Наиболѣе выдающіеся филологи, каковы Шлейхеръ, Фридр. Мюллеръ и Авг. Больцъ, согласны въ томъ, что всѣ языки не могли произойти отъ одного общаго начала, но что слѣдуетъ предположить нѣсколько источниковъ. Шлейхеръ, въ особенности, высказалъ, что «уже первые зачатки языка должны были отличаться между собой какъ по звукамъ, такъ и по понятіямъ и представленіямъ, которыя отражались въ звукахъ, а также по своей способности къ развитію». Онъ продолжаетъ: «Положительно невозможно вывести всѣ языки изъ одного общаго праязыка. Напротивъ, изслѣдованія, чуждыя предвзятой мысли, должны притти къ тому выводу, что существовало столько же основныхъ языковъ, сколько различаютъ семействъ языковъ».

*) Обстоятельныя свѣдѣнія по этому предмету см. въ прежнихъ изданіяхъ «Руководства къ сравнительной статистикѣ», того же автора. (Русскій переводъ и дополненія подъ редакціей А. Корсака, изд. Тиблена, Спб., 1862).

Арійская семья языковъ (называвшаяся прежде индо-германской)—только одна изъ числа различныхъ семействъ. Изъ нея выдѣлились, съ одной стороны, зендъ и санскритъ, съ другой—греческій, латинскій и кельтскій языки, далѣе языки славянскій и германскій и др., со всѣми младшими членами той же семьи. Но между языками средиземной группы—басковъ, кавказскимъ, семитическимъ и индо-германскимъ—не можетъ быть установлена, по мнѣнію большинства филологовъ, первичная связь; она не видна даже въ различныхъ языкахъ негровъ. Въ общемъ, новѣйшія филологическія изысканія доказали не только первоначальное различіе отдѣльныхъ коренныхъ языковъ, но, одновременно съ результатами естественно-научныхъ изслѣдованій о древности человѣческаго рода, опредѣлили и глубокую древность этихъ основныхъ языковъ. По остроумнымъ изслѣдованіямъ Больца, давность первоначальнаго единства арійской семьи языковъ равна чуть ли не 50000 лѣтъ. Мы, понятно, не можемъ здѣсь вдаваться въ подробности, это завело бы насъ слишкомъ далеко; поэтому мы ограничимся простымъ упоминаніемъ результата изслѣдованій названныхъ выше филологовъ.

Не надо быть сторонникомъ рабства, чтобы признать тотъ несомнѣнный фактъ, что человѣческія племена и расы отличаются другъ отъ друга своими силами и задатками, какъ хорошими, такъ и дурными. Но, несмотря на это различіе, всѣ племена и расы составляютъ, все-таки, одинъ общій родъ. Число расъ было прежде, какъ уже сказано выше, вѣроятно, гораздо больше, нежели обыкновенно думаютъ. Вполнѣ естественно, что въ борьбѣ за существованіе племена слабѣйшія въ физическомъ и умственномъ отношеніи вытѣсняются болѣе сильными. Во времена давнія это происходило уже потому, что господствовавшее варварство побуждало къ непосредственному истребленію побѣжденныхъ, и только въ гораздо позднѣйшія времена вошло въ правильный обычай рабство или закрѣпощеніе людей, при чемъ, конечно, не могло не погибнуть множество расъ.

Остатки, дошедшіе до насъ изъ такъ называемаго каменнаго и бронзоваго вѣка, черепа, отчасти напоминающіе эіопскіе, затѣмъ различныя вещи (напр., рукоятки мечей, браслеты и т. п.) заставляютъ предполагать, что они принадлежали менѣе крупной породѣ людей и что нѣкогда существовали племена слабѣйшія, теперь уже вымершія.

Такія слабыя расы не могли устоять при столкновеніи съ болѣе сильными, крѣпкими и живучими. Когда была открыта Америка, тамъ оказалось довольно значительное народонаселеніе, но оно такъ скоро сократилось, что удивленные этимъ Ласъ-Казасъ и испанскіе завоеватели признали за необходимое переселить въ Америку негровъ, какъ расу болѣе крѣпкую и устойчивую. Только этимъ способомъ явилась возможность извлечь пользу изъ богатой почвы средней Америки. Несмотря на эти мѣры сбереженія мѣстнаго населенія, карайбы почти совершенно исчезли съ лица земли. Дальнѣйшіе примѣры представляетъ наше время. Нельзя утверждать, чтобы въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки имѣло мѣсто

варварское преслѣдованіе индѣйцевъ, однако же число ихъ постоянно уменьшается. По народной переписи 1850 года индѣйцевъ считалось 388299, цензъ же 1860 года показалъ, что ихъ осталось только 294431; такимъ образомъ, въ короткій промежутокъ одного десятилѣтія ихъ число убавилось почти на одну четвертую часть*). То же явленіе повторяется въ Австраліи. Населеніе острова Таити, столь многочисленное и бодрое во время прибытія туда первыхъ европейцевъ, превратилось теперь въ слабую и хилую кучку. Въ британскихъ колоніяхъ мы видимъ то же. При основаніи колоніи Викторія въ 1835 году число туземцевъ доходило тамъ до 9000; въ 1847 году ихъ насчитывали только 5000; перепись 1859 г. дала только 1768, а перепись 1871 г.—859 душъ. Въ южной Австраліи въ 1861 г. находилось не болѣе 5046 туземцевъ. Въ Тасманіи автохтоны совершенно исчезли: при послѣдней переписи оказалось только 5 мужчинъ и 9 женщинъ, между тѣмъ какъ при основаніи этой колоніи, 57 лѣтъ тому назадъ, туземное населеніе ея доходило до 5000 человекъ; въ 1870 г. умеръ послѣдній представитель тасманскаго племени. Жители Новой Зеландіи отличаются нѣсколько большею живучестью, но и то только сравнительно. Въ 1844 г. «Native Protector» опредѣлилъ ихъ число въ 109550; точная перепись 1857 г. дала только 56049 человекъ, изъ которыхъ 53056 были жители сѣверныхъ острововъ; но статистикъ 1869 г. ихъ оказалось всего 32109 человекъ. Незначительная численность у нихъ дѣтей предвѣщаетъ, даже помимо опустошительныхъ войнъ, прогрессивное уменьшеніе ихъ числа. Подобное же уменьшеніе числа туземцевъ замѣчно и на независимыхъ Гавайскихъ (Сандвичевыхъ) островахъ: по переписи, произведенной въ концѣ 1861 года, туземцевъ насчитывалось 67084 человекъ, а въ декабрѣ 1866 г. было всего 58765 человекъ, т. е. въ теченіе 5 лѣтъ убыло 8319 человекъ, или болѣе 12%.

Совершенно иною является устойчивость еврейскаго племени! Никакая другая раса не была въ силахъ противостоять такимъ продолжительнымъ и страшнымъ преслѣдованіямъ, кромѣ еврейской. И теперь несомнѣнно, что евреи болѣе другихъ племенъ способны жить и размножаться въ различныхъ климатахъ. Это въ особенности замѣтно въ Алжирѣ. У французовъ и другихъ европейцевъ, поселившихся въ этой странѣ, количество смертныхъ случаевъ превышаетъ количество рожденій; то же явленіе наблюдается у не-

*) По цензу 1880 года насчитывалось 66407 такъ называемыхъ «цивилизованныхъ, не въ удѣлахъ или племенахъ живущихъ индѣйцевъ», между тѣмъ какъ общее число ихъ опредѣлялось въ 256127. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ не имѣется серьезнаго изслѣдованія, существующія же комбинаціи относительно отдѣльныхъ категорій наводятъ на сомнѣніе въ ихъ вѣрности.

Еще одно замѣчаніе:

По количеству душъ и по площади земли, которую занимали краснокожіе Соединенныхъ Штатовъ въ 1825 г., вычислено, что охотничьимъ племенамъ необходимо на cadaго человека по $1\frac{3}{4}$ англ. кв. мили, между тѣмъ какъ въ Бельгіи, лежащей на одной широтѣ съ Соединенными Штатами, на 1 англ. кв. милю приходится 320 душъ (John Lubbock, Prehistoric Times).

гровъ и мавровъ; только у евреевъ рожденій больше, чѣмъ смертныхъ случаевъ.

Всѣ эти наблюденія показываютъ, что люди произошли не отъ одного племени, что число расъ первоначально было гораздо больше, нежели теперь, и что слабыя племена при соприкосновеніи съ болѣе сильными погибали и большею частью совершенно исчезали, такъ что теперь существуютъ и преуспѣваютъ только сильнѣйшія расы.

Вліяніе физическихъ причинъ на условія человѣческой жизни.

Человѣкъ, безъ сомнѣнія, одаренъ такими способностями, съ которыми не могутъ сравниться способности животныхъ. Нѣтъ, разумѣется, надобности въ болѣе подробномъ доказательствѣ этого положенія, тѣмъ болѣе, что намъ уже такъ часто говорили объ этомъ въ дѣтствѣ, что повсюду можно встрѣтить даже излишнее самодовольство.

Мы обладаемъ способностью къ дальнѣйшему развитію; мы въ состояніи достигнуть успѣховъ посредствомъ наблюденія или даже просто отвлеченнымъ мышленіемъ, при чемъ матеріаль, не только воспринятый въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, но главнымъ образомъ удержанный памятью, служитъ намъ драгоценнѣйшею основой. Тѣмъ не менѣе мы въ сущности зависимъ отъ физическихъ причинъ, и хотя намъ удается и ихъ обратить въ нашу пользу, но только въ болѣе или менѣе ограниченныхъ предѣлахъ.

Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду самую природу человѣка. Продуктъ тонкой организациі его тѣла, въ особенности же мозга и всей нервной системы, есть духъ. Духъ обусловленъ живымъ тѣломъ; безъ живого тѣла нѣтъ духа. Духъ въ теченіе жизни соединенъ съ тѣломъ тѣсно и нераздѣльно, онъ составляетъ часть всего существа природы человѣка и не есть что-либо случайное, образовавшееся,—оба они тождественны и составляютъ одно цѣлое.

Жизнь тѣла, этого необходимаго условія для существованія духа, въ свою очередь, обуславливается постояннымъ обмѣномъ веществъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ значительная часть веществъ, входящихъ въ составъ нашего тѣла, дѣятельностью самаго организма выдѣляется изъ него и замѣняется новыми. Человѣкъ въсомъ въ 120 ф. нуждается ежегодно почти въ 30 центнерахъ новыхъ веществъ, которыя онъ принимаетъ въ видѣ пищи, питья и воздуха. Въ теченіе того же времени выдѣляется изъ тѣла такое же по вѣсу количество израсходованныхъ веществъ. Можно было бы предположить, что 14 дней достаточно для совершеннаго измѣненія составныхъ частей человѣка, если бъ обмѣнъ однѣхъ частей не совершался медленно, а обмѣнъ другихъ скорѣе, хотя всѣ, безъ исключенія, части подвергаются постоянному обмѣну. Съ вышней стороны это измѣненіе едва замѣтно потому, что всякій дан-

ный организм приспособляетъ каждое входящее въ него восполненіе къ однажды установленному типу, который и старается не нарушить, хотя организм не всегда оказывается достаточнымъ для этой цѣли. Поэтому родъ пищи имѣетъ громадное вліяніе на сохраненіе и на развитіе человѣка, хотя положеніе: «человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ»—слишкомъ обще и отвлеченно: оно не принимается во вниманіе унаслѣдованныхъ свойствъ и силы усвоенія, соответствующей потребностямъ организма и находящейся въ зависимости отъ каждаго даннаго типа *).

Климатическимъ условіямъ приписывали огромное, иногда даже исключительное вліяніе на тѣло и душу, и на всю духовную жизнь народовъ. Монтезкье хотѣлъ построить на этой основѣ цѣлую систему. Въ дѣйствительности же важно вліяніе не только климата, но и почвы, мѣстожителства при морѣ или при рѣкѣ или отдаленность отъ нихъ и другихъ подобныхъ условій. Но еще сильнѣе вліяетъ другое условіе, которое Дарвинъ называетъ «борьбою за существованіе». Мы уже говорили въ первомъ изданіи этой книги, что на преуспѣяніе или гибель людей болѣе всего вліяютъ благосостояніе и бѣдность. Браки, рожденія и смертные случаи увеличиваются или уменьшаются пропорціонально цѣнамъ на жизненные продукты и возможности найти работу **). Среднее число смертныхъ случаевъ въ Парижѣ въ теченіе продолжительнаго промежутка времени съ 1694—1784 г. (90 лѣтъ) было:

	Смертные случаи.	Средняя цѣна одного сѣтѣ пшеницы.
Въ теченіе 10 лѣтъ наибольшей дороговизны	21174	21 ливр. 10 су.
» » 10 » наибольшей дешевизны	17529	17 » 05 »

По тому же расчету въ Лондонѣ:

Года.	Смертные случаи.	Цѣна пшеницы.
1800	25670	113 шил. 7 ден.
1802	20508	58 » 10 »

Въ семи англійскихъ графствахъ:

1801	55965	118 » 3 »
1804	44794	60 » 1 »

Никандеръ нашель, что въ Швеціи съ наступленіемъ дороговизны увеличилось и число смерныхъ случаевъ: въ 1762 г.

*) Изъ изслѣдованій Фойта видно, что бѣлковая часть питательныхъ веществъ разлагается въ тѣлѣ, не образуя составной части органическихъ тканей. «Изъ бѣлковаго матеріала, изъ котораго создается вся масса органовъ, при нормальныхъ условіяхъ только незначительная доля подлежить разложенію...» Профессоръ Бауэръ, «Руководство къ общей терапіи», 1883 г.

**) Приведенные примѣры заимствованы изъ «Руководства къ сравнительной статистикѣ» того же автора (Русскій переводъ съ дополненіями подъ ред. А. Корсака, изд. Тиблена, Спб., 1862 г., ч. 2). Въ означенномъ сочиненіи найдутъ, кромѣ того, еще нѣкоторыя другія данныя, касающіяся разсма- триваемаго нами важнаго вопроса.

на $\frac{1}{5}$, въ 1763 г. на $\frac{1}{7}$, въ 1772 г. на $\frac{1}{4}$, въ 1773 на $\frac{1}{3}$, въ 1779 на $\frac{1}{7}$, въ 1800 на $\frac{1}{6}$. Вліяніе дороговизны тѣмъ ужаснѣе, что увеличеніе числа смертныхъ случаевъ распредѣляется не равномерно на все количество жителей, а падаетъ прежде всего на бѣдное населеніе, которое даетъ, такимъ образомъ, не $\frac{1}{7}$, $\frac{1}{4}$ и т. д. лишнихъ смертныхъ случаевъ, а гораздо болѣе, такъ какъ знаменатели этихъ чиселъ заключаютъ въ себѣ и богатыхъ.

Согласно съ сказаннымъ, громадное вліяніе благосостоянія и бѣдности выступить рельефно въ томъ случаѣ, если мы примемъ во вниманіе не только отдѣльные годы, но и условія жизни отдѣльныхъ человѣческихъ классовъ. Сочиненія Бенуа стона, Морганна, д-ра Каспера и Кетле содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ. По изслѣдованіямъ Каспера (выводы котораго хотя и не отличаются абсолютной точностью, но, въ общемъ, все-таки, вѣрны), изъ 1000 человѣкъ, родившихся одновременно, остаются въ живыхъ:

	Зажиточныхъ.	Бѣдныхъ.		Зажиточныхъ.	Бѣдныхъ.
Черезъ 5 лѣтъ	943	655	Черезъ 50 лѣтъ	557	283
» 10 »	938	598	» 60 »	398	172
» 20 »	866	566	» 70 »	235	65
» 30 »	796	486	» 80 »	57	9
» 40 »	695	396			

Числа первой колонны (зажиточные) Касперъ заимствовалъ изъ списка умершихъ дворянъ, а числа второй колонны (бѣдные) — изъ списковъ бѣдныхъ (за много лѣтъ), умершихъ въ домахъ призрѣнія Берлина. Средняя продолжительность жизни богатыхъ — 50 лѣтъ, бѣдныхъ — только 32 года. Ребенку, родившемуся на мягкой постели богатой, случай дарилъ лишнихъ 18 лѣтъ жизни, сравнительно съ ребенкомъ, родившимся на соломенномъ ложѣ нищей! Несоотвѣтствіе, такимъ образомъ, начинается уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ, но оно продолжается въ той же степени и въ зрѣломъ возрастѣ, и было бы еще несравненно разительнѣе, если богатые не сокращали бы сами своей жизни излишествами. Наблюденія Виллермё вполне это подтверждаютъ. Онъ высчиталъ, что въ Парижѣ, въ первомъ городскомъ округѣ, обитаемомъ по преимуществу богатыми, умираетъ ежегодно только $\frac{1}{53}$, а въ двѣнадцатомъ округѣ, населенномъ главнымъ образомъ бѣдными, по меньшей мѣрѣ, $\frac{1}{40}$ общаго числа жителей *). Подобнымъ же образомъ смерть похищаетъ ежегодно въ зажиточныхъ департаментахъ Франціи $\frac{1}{53}$, а въ бѣдныхъ — $\frac{1}{46}$ часть народонаселенія. Лордъ Эбрингтонъ намелъ, что средняя смертность въ Лондонѣ равняется 25 на 1000 человѣкъ, но въ нѣкоторыхъ кварталахъ она доходитъ до 40, тогда какъ въ другихъ только до 13 человѣкъ. Равнымъ

*) По изслѣдованіямъ Виллермё, въ Парижѣ, за время съ 1822 по 1826 г., одинъ смертный случай приходился:

во II округѣ	на 71 челов.,	средн. квартирн. плата	въ годъ	605 фр.
" I	" " 66	" " " "	" " "	498 "
" IX	" " 50	" " " "	" " "	172 "
" XII	" " 44	" " " "	" " "	148 "

образомъ онъ высчиталъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средняя продолжительность жизни ремесленниковъ бываетъ только 19—20 лѣтъ, а таковая купцовъ и джентльменовъ — 40—45 лѣтъ. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на значительную вѣроятность числа, которая получается оттого, что во всѣхъ случаяхъ приняты во вниманіе богатые и бѣдные, и люди сгруппированы только по родамъ занятій*).

Факты этого рода (а число примѣровъ можно было бы еще значительно увеличить) приводятъ къ такой аксіомѣ: чѣмъ ниже цивилизація и благосостояніе, тѣмъ сильнѣе невѣжество и нужда, тѣмъ страшнѣе похищаетъ смерть людей; съ культурой и благосостояніемъ увеличивается и продолжительность жизни.

Прежде полагали, что люди въ древнія времена достигали болѣе глубокой старости, чѣмъ теперь. Это предположеніе основано на полномъ непониманіи общаго вліянія высшей культуры. Потомъ впали въ другую крайность. Дѣлались вычисленія съ цѣлью доказать точными цифрами, что средняя долговѣчность теперешнихъ людей безусловно увеличилась. Истина заставляетъ сознаться, что для математически точныхъ выводовъ недостаетъ пока матеріаловъ. Тѣмъ не менѣе предыдущіе, какъ и ниже приводимые итоги, быть можетъ, и не вполне достовѣрные въ подробностяхъ, но крайней мѣрѣ, въ общемъ указываютъ направленіе, въ которомъ совершилась перемена. Итоги эти показываютъ, что хотя предѣльный старческій возрастъ теперь и не выше того, что былъ тысячелѣтія тому назадъ, но, во всякомъ случаѣ, теперь гораздо большее число людей достигаетъ средняго и старческаго возраста.

На основаніи отчетовъ англійскихъ обществъ «ножизненныхъ доходовъ», Финлезонъ вывелъ слѣдующія цифры вѣроятной будущей долговѣчности:

	1695	1785—1823
При 5-ти-лѣтнемъ возрастѣ	40,7 лѣтъ	51,58 лѣтъ
» 10 » »	38,07 »	48,31 »
» 20 » »	31,79 »	41,19 »
» 30 » »	26,12 »	35,74 »
» 40 » »	22,69 »	29,07 »
» 50 » »	17,32 »	22,62 »
» 60 » »	12,45 »	15,85 »
» 70 » »	7,19 »	10,02 »

*) Чадвикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: у зажиточнаго населенія джентри изъ 100 родившихся умираетъ до 5-ти-лѣтняго возраста—20, а у рабочаго класса—50 человѣкъ. Средняя продолжительность жизни первыхъ 44, послѣднихъ—22 года.

Виллермё пользовался свѣдѣніями объ умершихъ за время съ 1823—1834 г. въ городѣ Мюльгаузенѣ 5419 лицахъ различныхъ сословій, начиная съ фабрикантовъ, купцовъ и кончая рабочими на прядильняхъ. Онъ пытался установить вѣроятную продолжительность жизни при рожденіи (или съ того времени, когда умирала половина рожденныхъ живыми), а также среднюю продолжительность жизни, которая опредѣлилась въ 20 лѣтъ, и

Особенно рѣзко бросается въ глаза разница въ первые два года жизни. Число смертныхъ случаевъ въ Лондонѣ у дѣтей этихъ лѣтъ въ началѣ и въ серединѣ прошлаго столѣтія колебалось между 9 и 10 тысячами, а къ концу прошлаго вѣка и въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго—между 5 и 6 тысячами. Если принять во вниманіе, что населеніе Лондона въ 1700 г. опредѣлялось въ 674350 душъ, а въ 1810 г. возросло до 1050000, то окажется, что смертность первыхъ годовъ составляла приблизительно только одну треть того числа, которое было нормой 100 лѣтъ тому назадъ.

Большею достовѣрностью отличаются свѣдѣнія изъ г. Женевы. Изъ 1000 дѣтей умирало:

	На первомъ году жизни	Въ возрастѣ отъ 2—11 лѣтъ
съ 1561—1600 г.	260	313
въ 17-мъ столѣтіи	237	283
» 18-мъ »	202	187
съ 1801—1813 г.	139	139
» 1838—1845 »	123	133

Въ 16-мъ столѣтіи въ Женевѣ умирало дѣтей на первомъ году жизни болѣе, чѣмъ умираеть ихъ теперь, въ сложности, въ первые 10 лѣтъ. Изъ 1000 человекъ доживало:

	до 10-лѣтня-го возраста	до 40 лѣтъ	до 70 лѣтъ	до 90 лѣтъ
1561—1600	480	206	41	2,3
1601—1700	524	296	80	3,7
1701—1760	601	427	145	5
1761—1800	613			
1801—1811	694	—	—	—
1814—1833	741	538	186	51
1838—1845	744	529	238	81

Сообщая эти статистическія цифры, мы должны еще разъ оговориться, что въ подробностяхъ онѣ лишены математической точности. То обстоятельство, что многіе возрасты не попали въ перепись, такъ сильно вліяеть на итоги, что все приводимыя цифры являются въ высшей степени сомнительными.

Но, все-таки, можно признать за фактъ, что бѣдность или благосостояніе вліяють сильнѣе климата на преуспѣваніе или регрессъ людей. Въ той же мѣрѣ, въ какой развивается культура и обеспеченность и, слѣдовательно, улучшаются жилище, одежда и пища людей, прогрессируютъ и ихъ здоровье и долговѣчность. Во избѣжаніе недоразумѣній, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ не въ одномъ только увеличеніи богатства, но и въ равномерномъ его распредѣленіи. Было бы не прогрессомъ, а, напротивъ, регрессомъ,

включилъ сюда дѣтей и женщинъ указанныхъ сословій. Такимъ образомъ, онъ далъ статистику по отношенію къ благосостоянію. Онъ нашель, что вѣроятная продолжительность жизни при рожденіи составляла 1:9, а послѣ 20-лѣтняго возраста болѣе чѣмъ 1:2.

жду тѣмъ статистика указываетъ на другіе факты. «Вездѣ сомнѣнія, нѣтъ ни одного факта въ области человѣческой дѣятельности, въ которомъ бы воля принимала болѣе прямое участіе, чѣмъ въ бракѣ». Списки гражданскаго состоянія показываютъ, однако, что ежегодное число браковъ постояннѣе и правильнѣе, нежели число смертныхъ случаевъ; въ числѣ послѣднихъ колебанія бываютъ чаще, нежели въ числѣ браковъ (мы уже замѣтили, что хорошіе и плохіе урожаи дѣйствуютъ во всѣхъ случаяхъ). Но вниманіе наше обращается не на одно только упомянутое нами общее явленіе; частные моменты несравненно замѣчательнѣе. Пересматривая выводы изъ списковъ гражданскаго состоянія большого государства, напр., Франціи, или маленькаго, напр., Бельгіи, мы находимъ всюду одинаковыя отношенія въ числѣ браковъ между холостыми и дѣвцами, между холостыми и вдовами, наконецъ, между вдовцами и вдовами *). «Но что еще удивительнѣе, замѣчаетъ Кетле, это постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ даже въ отдѣльныхъ провинціяхъ, хотя числа здѣсь такъ малы, что разнообразныя случайныя причины, дѣйствующія въ одно время съ человѣческою волею, грозятъ нарушить собою всякую правильность... Въ дѣйствительности все совершается такъ, какъ будто бы во всей странѣ народъ условился ежегодно заключать одинаковое число браковъ и распредѣлять его равномѣрно по различнымъ провинціямъ, между городами и деревнями, между молодыми людьми, дѣвушками, вдовцами и вдовами. Трудно было бы искать слѣдовъ человѣческой воли въ этомъ постоянномъ распредѣленіи, и никто, вѣроятно, не подумалъ бы приписать его произволу. Скорѣе можно подумать, что есть какой-то законъ, который для каждаго возраста допускаетъ опредѣленное число браковъ,—такая господствуетъ здѣсь правильность. Молодой человѣкъ, не достигши еще 30 лѣтъ женящійся на женщинѣ старше 60 лѣтъ, дѣйствуетъ, конечно, не по опредѣленію судьбы и не по слѣпой страсти: онъ намѣревался, конечно, дѣйствовать, прежде всего, вполнѣ свободно, и, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ заплатить дань тому бюджету, который установленъ обычаемъ, и потребностямъ нашего общественнаго организма; а налоги по этому бюджету вносятся съ гораздо болѣею правильностью, нежели тѣ, которые надо платить въ государственное казначейство **). Не надо, впрочемъ, думать, будто браки

*) На каждыя 10000 браковъ, заключенныхъ во Франціи въ теченіе 3 пятилѣтій съ 1836 по 1850 г., приходилось:

Б РА К О В Ъ	1836—40 г.	1841—45 г.	1846—50 г.
холостяковъ съ дѣвцами	8339	8386	8355
„ „ вдовами	351	354	371
вдовцовъ съ дѣвцами	982	937	934
„ „ вдовами	320	323	340

**) Справедливость этого наблюденія подтвердилась и послѣ перваго опубликованія вышеприведенныхъ замѣчаній Кетле. Въ Бельгіи на каждыя 10000 бракосочетаній приходилось такихъ, гдѣ женихъ былъ гораздо моложе невесты:

составляютъ единственный видъ общественныхъ явленій, имѣющихъ такой правильный и постоянный ходъ; то же самое замѣтно и на числѣ преступленій, которыя влекутъ за собой ежегодно одинаковое число наказаній. Та же равномерность замѣчается въ самоубійствахъ, въ самоубійствахъ для избѣжанія копскрипции, въ суммахъ, которыя ставились въ прежнихъ открытыхъ игорныхъ домахъ Парижа, и даже въ числѣ неточно и неправильно адресованныхъ на почтѣ писемъ, которыя поэтому не были доставлены. Однимъ словомъ, все совершается такъ, какъ будто разнообразныя роды явленій подлежатъ чисто физическимъ причинамъ. Кетле заключаетъ такъ: «Должно ли безусловно отрицать человѣческую свободу воли при такой правильности явленій? Не думаю; мнѣ только кажется, что эта свобода воли въ своихъ дѣйствіяхъ заключена въ очень тѣсныя границы и въ общественныхъ явленіяхъ играетъ роль случайной причины. Поэтому, отрѣшившись отъ отдѣльныхъ личностей и разсматривая явленія только въ общемъ и цѣломъ, мы увидимъ, что вліянія случайныхъ причинъ нейтрализуются и такъ взаимно уравновѣшиваются, что господствующими остаются только истинныя причины, въ силу которыхъ существуетъ и держится общество... Возможность основанія нравственной статистики и извлеченія изъ нея полезныхъ слѣдствій вполне зависитъ отъ того основного положенія, что свободная воля человѣка исчезаетъ и остается безъ видимаго дѣйствія, коль скоро наблюденіе распространяется на большее число личностей. Тогда только можно узнать постоянныя и измѣнчивыя причины, которыя управляютъ обществомъ; чтобы произвести полезныя реформы, надо прежде всего подумать объ измѣненіи этихъ причинъ».

Такъ говоритъ Кетле. Неоспоримо, что даже наиболѣе случайныя, повидному, явленія управляютъ неизмѣнными законами. Скольکو ничтожныхъ, непредвидѣнныхъ обстоятельство могутъ послужить причиною пожара! Кто предугадаетъ, будетъ ли на морѣ буря или ясная погода? Однако можно высчитать напередъ вѣроятное число пожаровъ и кораблекрушеній, потому что въ опредѣленные періоды времени числа эти будутъ колебаться лишь въ незначительныхъ предѣлахъ. Даже самоубійства не только правильно повторяются, при одинаковыхъ условіяхъ, но замѣчено даже, что число ихъ увеличивается или уменьшается смотря по мѣся-

ВОЗРАСТЪ (ЛѢТА)		ЧИСЛО БРАКОВЪ					Среднее число
ЖЕНИХА	НЕВѢСТЫ	1841-45 г.	1846-50 г.	1851-55 г.	1856-60 г.	1861-65 г.	
до 30 л.	30—45	857	766	862	763	685	787
	45—60	39	32	37	32	27	33
	болѣе 60	2	1	2	1	1	1
между 30—45 г.	30—45	1800	1696	1796	1693	1611	1719
	45—60	177	153	172	143	148	159
	болѣе 60	6	6	6	6	6	6
между 45—60 г.	45—60	155	177	178	179	173	172
	болѣе 60	9	13	12	12	14	12

памъ, съ прибылью дней *); можно даже вывести опредѣленные нормы для каждаго времени дня. То же можно сказать и относительно выбора способа при самоубійствѣ **) и относительно случаяевъ нечаянной смерти» (morts accidentelles) и т. д. ***).

*) Исслѣдованія Ипполита Блана (Blanc), простирающіяся на всѣ самоубійства, имѣвшія мѣсто во Франціи въ 1854—1858 гг. («Du Suicide en France», Парижъ, 1862 г.), снова разительнo подтвердили справедливость сдѣланнаго ранѣе наблюденія. Если въ каждомъ мѣсяцѣ положить 30 дней, то окажется, что на 1000 самоубійствъ обоихъ половъ приходилось:

	МУЖЧИНЪ	ЖЕНЩИНЪ	ВСЕГО
Въ январѣ	68	63	131
„ февралѣ	75	70	145
„ мартѣ	84	78	162
„ апрѣлѣ	94	93	187
„ маѣ	96	62	188
„ юнѣ	106	110	216
„ юль	99	106	215
„ августѣ	82	89	171
„ сентябрѣ	74	78	152
„ октябрѣ	77	99	176
„ ноябрѣ	61	68	129
„ декабрѣ	62	60	122

Отдѣльныя колебанія не только незначительны, но даже исчезаютъ, какъ только мы примемъ во вниманіе другую группу лѣтъ. Такъ, напримѣръ, съ 1849 по 1853 г. для мужчинъ получились слѣдующія численныя отношенія самоубійствъ въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ: 83, 76, 70. За то были замѣнены другія ничтожныя колебанія, которыя, въ свою очередь, исчезли въ слѣдующемъ періодѣ. Въ общемъ вѣрность правила очевидна, и если взять еще большій періодъ времени, то и указанныя колебанія исчезнутъ.

**) Констатировано, что во Франціи мужчины въ юношескомъ возрастѣ большею частью выбираютъ повѣшеніе, позже употребляютъ огнестрѣльное оружіе, а въ старости опять вѣшаютъ (см. Guerry «Essai sur la statistique morale de la France», Парижъ, 1833 г.).

***) Въ департаментѣ Сены число ихъ было:

въ 1850 году	419	утонуло	153 челов.
„ 1851 „	499	„	157 „

Отчеты коронеровъ объ осмотрахъ труповъ за три года (1865—1867 г.) въ Англіи и Валлисѣ, въ томъ видѣ какъ они напечатаны въ 7-мъ томѣ «Miscellaneous Statistics of Great Britain», приволятъ слѣдующія рубрики:

	1865 г.	1866 г.	1867 г.
Убійства	227	272	255
Неумышленные убійства	282	223	179
Извинительныя убійства	6	5	6
Самоубійства	1397	1360	1356
Случайныя смерти	11397	11262	11172
Увѣчья отъ неизвѣстныхъ причинъ	222	225	208
Найдено мертвыми	2657	2697	2702
Естественная смерть	8823	8882	8770
<hr/>			
Всего	25011	24926	24648
Изъ нихъ мужчинъ	17566	17496	17304
„ „ женщинъ	7445	7430	7344

Отсюда видно, что, съ увеличеніемъ чиселъ, колебанія въ общемъ уменьшаются. Согласно съ этимъ, скачки обыкновенно исчезаютъ, если брать для вычисленій большіе періоды времени.

Нѣтъ сомнѣнія, что добрыя дѣла, акты благочестія или гуманности, черты благотворительности, милосердія и благоговѣнія, при равныхъ условіяхъ, повторяются въ равной мѣрѣ, точно дѣло касается платежа опредѣленнаго налога. Статистика неопровержимо доказала справедливость словъ проницательнаго и благороднаго Спинозы: «Люди потому только воображаютъ себя свободными, что хотя и сознаютъ свои постуки, но не знаютъ причинъ, которыя ихъ вызываютъ. Ребенку кажется, что онъ по своей волѣ желаетъ молока; сердитому мальчику, что онъ самъ хочетъ мщенія; трусу, что онъ самъ рѣшается на бѣгство, а пьяному, что онъ говоритъ по опредѣленію своей воли. Ребенокъ, глупецъ, болтунъ и большинство подобныхъ имъ людей воображаютъ, что они говорятъ по свободному рѣшенію воли, тогда какъ они просто не могутъ удержатъ своего стремленія говорить».

Итакъ, если соціальныя явленія проходятъ передъ нами постоянно съ одинаковой послѣдовательностью и въ одинаковой численности, остается ли намъ еще возможность свободнаго выбора? Слѣдуетъ ли намъ просто облечься въ стоическое спокойствіе, или, въ слѣпой вѣрѣ въ непреодолимый фатализмъ, предоставить вещи ихъ случайному теченію и смотрѣть на все со стороны? Неужели не возможенъ прогрессъ, особенно въ ученіи о нравственности?

Прежде всего позволимъ себѣ напомнить нѣкоторыя мысли, которыя развилъ въ своей «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» гениальный Генри Томъ Бокль, такъ рано оторванный смертью отъ жизни и дѣятельности.

«Законы духа, говоритъ онъ, суть или умственные или нравственные.... Прогрессъ человѣчества состоитъ не въ улучшеніи природныхъ способностей человѣка. Прогрессъ зависитъ отъ улучшенія той обстановки, при которой послѣ рожденія эти способности начинаютъ дѣйствовать. Масштабъ человѣческихъ дѣяній крайне измѣчивъ. Но нравственныя истины не измѣнились. Напротивъ того, умственныя истины постоянно мѣняются; эти умственныя истины и составляютъ причины (основы) прогресса».

«Неоспоримо, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего такого, что бы измѣнялось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя системы. Дѣлать добро другимъ, жертвовать для пользы ихъ своими собственными желаніями, любить ближняго, какъ самого себя, прощать врагамъ, обуздывать страсти.... въ этихъ правилахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ заключается вся сущность нравственности, и къ нимъ не прибавили ни одной іоты всѣ проповѣди, всѣ наставленія и собранія текстовъ, составленныя моралистами и богословами».

«Что система нравственности, изложенная въ Новомъ Завѣтѣ, не заключаетъ въ себѣ ни одного правила, которое не было бы высказано раньше, и что нѣкоторыя изъ самыхъ прекрасныхъ мѣстъ въ писаніяхъ апостоловъ не что иное, какъ выдержки изъ языческихъ писателей,—это извѣстно каждому образованному человѣку, и это не составляетъ, какъ думаютъ нѣкоторые, опроверженія христі-

анскаго ученія... Но увѣренія, будто бы христіанство открыло людямъ нравственныя истины, до того времени неизвѣстныя, доказываютъ со стороны увѣряющаго или грубое невѣжество, или умысленный обманъ». (Слѣдуетъ цѣлый рядъ цитатъ).

«Если мы сравнимъ это неподвижное состояніе нравственныхъ истинъ съ быстрымъ движеніемъ впередъ истинъ умственныхъ, то найдемъ самую поразительную противоположность. Всѣ великія нравственныя системы, имѣвшія большое вліяніе на человѣчество, представляли въ сущности одно и то же». «Нравственность не допускаетъ открытій», говоритъ Джемсъ Макинтошъ (James Makintosh). Въ ряду правилъ, опредѣляющихъ нашъ нравственный образъ дѣйствія, самые образованные европейцы не знаютъ ни одного такого, которое бы не было также извѣстно древнимъ. Что же касается до дѣятельности нашего ума, то люди позднѣйшихъ временъ не только сдѣлали значительныя пріобрѣтенія по всѣмъ отраслямъ знанія, какія пытались изучать въ древности, но и совершили рѣшительный переворотъ въ старыхъ методахъ изслѣдованія; они соединили въ одну обширную систему всѣ тѣ средства наведенія (индукціи), о которыхъ только смутно помышлялъ Аристотель, и создали такія науки, о которыхъ и самый смѣлый мыслитель древности не имѣлъ ни малѣйшаго понятія».

«Выводъ, непосредственно вытекающій изъ этихъ фактовъ, очевиденъ. Если цивилизація есть произведеніе нравственныхъ и умственныхъ факторовъ и если это произведеніе подвержено непрекращаемымъ измѣненіямъ, то ясно, что характеръ его опредѣляется не неизмѣннымъ факторомъ: потому что въ неизмѣняющейся обстановкѣ неизмѣнный факторъ можетъ производить только неизмѣнное дѣйствіе. Измѣняется же одинъ умственный факторъ...» *).

Итакъ, мы пришли къ рѣшающему моменту: человѣческой родъ обязанъ своимъ совершенствованіемъ умственному началу, которое дѣйствуетъ также какъ опредѣляющій факторъ и также съ безусловною необходимостью. Важность этого фактора еще существенно увеличивается тѣмъ, что, на основаніи столь осуждаемаго ученія Дарвина и вопреки приведенному выше мнѣнію Боуля, не только можно, но и должно признать, что огромный прогрессъ даже природныхъ способностей человѣка обусловливается лучшимъ развитіемъ его мозга въ постоянной борьбѣ за существованіе. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что мозгъ нынѣшняго культурнаго человѣка, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе усовершенствованъ сравнительно съ мозгомъ его предковъ, жившихъ за десятки тысячъ лѣтъ.

Но если даже оставить въ сторонѣ догадки, то, все-таки, прогрессирующая разработка статистики дастъ намъ все большую и большую возможность точно и вѣрно понимать дѣйствительные факты и укажетъ намъ путь къ отысканію цѣлесообразныхъ способовъ совершенствованія. Постепенно выяснится, что можетъ слу-

*) «Исторія цивилизаціи въ Англіи» Боуля. Переводъ А. Н. Буйницкаго. Изданіе Ф. Павленкова. 1895 г., стр. 68—70.

жить человѣчеству на пользу и что во вредъ. Состояніе человѣческаго общества не можетъ существенно улучшиться отъ установленія новыхъ нравственныхъ законовъ или отъ дальнѣйшаго развитія старыхъ; улучшение это будетъ достигнуто только дальнѣйшимъ развитіемъ умственной дѣятельности и стоящимъ съ этимъ въ связи уменьшеніемъ бѣдности.

Способствуя улучшенію человѣческихъ условий, мы слѣдуемъ врожденному намъ стремленію, которое развивается среди окружающей насъ обстановки, подъ напоромъ вліяющихъ на насъ обстоятельствъ, и которое толкаетъ насъ дальше, отъ момента рожденія до самой смерти. Въ этомъ случаѣ мы находимся въ полномъ согласіи со всѣмъ нашимъ существомъ.

И все, что дѣлается въ этомъ отношеніи, не пропадаетъ безслѣдно!

Данныя статистики приводятъ къ математически точному выводу, доказывающему, что при извѣстныхъ условіяхъ уменьшается или увеличивается то или другое физическое или моральное зло. Статистическія данныя могутъ служить указаніемъ, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать, чѣмъ мы можемъ уменьшить число несчастій и дурныхъ порядковъ и измѣнить существующія условія къ лучшему. Число домовъ, сгорающихъ въ большомъ городѣ въ теченіе большого періода времени, мало измѣняется, если родъ постройки остается тотъ же. Если же замѣнить деревянные постройки каменными, соломенные кровли черепичными или асфидными, а между отдѣльными строеніями возвести брандмауеры, тогда пожары хотя и будутъ повторяться, но съ гораздо меньшею силою и меньшимъ вредомъ. О большихъ пожарахъ будутъ слышать рѣже; истребленіе же пожарами цѣлыхъ городовъ будетъ рѣдкимъ исключеніемъ. При одной системѣ горныхъ работъ изъ 1000 рабочихъ ежегодно гибнетъ 8, при другой всего—4; въ предѣлахъ извѣстныхъ колебаній между обѣими системами обозначится определенное отношеніе. Если въ шахтахъ устроить вентиляцію, то одно условіе, вліяющее на несчастные случаи, замѣняется другимъ, а съ тѣмъ видоизмѣняется и законъ, опредѣляющій эти несчастные случаи. По замѣчанію доктора Фарра, при извѣстныхъ условіяхъ средняя долговѣчность людей доходитъ до 49 лѣтъ (напр., въ самыхъ здоровыхъ округахъ Англіи), а при другихъ условіяхъ цифра лѣтъ падаетъ до 29 (напр., въ Ливерпулѣ и Манчестерѣ). Если условія жизни не измѣнятся, то и долговѣчность грядущихъ поколѣній будетъ та же, подобно тому, какъ при одинаковомъ вѣтрѣ волны океана будутъ въ одномъ и томъ же числѣ разбиваться о берега *).

Само собой разумѣется, что умственное развитіе не ограничить своего благотворнаго вліянія только одной матеріальной сфе-

*) По свѣдѣніямъ англійскаго вѣдомства обществ. здоровья за 1882 г., смертность въ Англіи за послѣднія 12 лѣтъ уменьшилась на 100%, отчасти, конечно, вслѣдствіе улучшенія санитарныхъ условій. Впрочемъ, со времени открытія Local Government Board въ 1871 г., были сдѣланы огромные внутреннея займы на устройство крупныхъ гигиеническихъ сооружений (снабженіе водой для питья, отводные каналы, не считая ежегодныхъ текущихъ расходовъ на мелкія улучшенія и оклады.

рой, но коснется также области духовной, и въ особенности политической. Если бы римляне въ моментъ воцаренія Августа, а французы—въ моментъ захватовъ престола Наполеономъ I и III сознавали, что цезаризмъ неизбѣжно приведетъ къ народнымъ бѣдствіямъ, то первые избѣгли бы ужасовъ Нерона и Каракаллы, а послѣдніе—похода въ Россію и Ватерло, а потомъ потоковъ крови, униженій и потерь 1870—1871 гг. *).

Такъ какъ во власти людей видоизмѣнять условія жизни, то они могутъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, измѣнить также и ходъ человѣческихъ дѣяній. Если мы улучшимъ соціальныя условія, на сколько это возможно, то вскорѣ получимъ результаты, далеко превосходящіе все наши ожиданія.

Какъ въ физическомъ, такъ и въ социальномъ мірѣ нѣтъ причинъ безъ соответствующаго дѣйствія. Всякая переменна въ правахъ, обычаяхъ и законодательствѣ народа вызываетъ соответствующія послѣдствія, которыя, въ свою очередь, отражаются на другихъ условіяхъ и отношеніяхъ. Въ этомъ случаѣ ничто не остается обособленнымъ и изолированнымъ.

Итакъ, мы приходимъ къ слѣдующему результату. Основныя начала нравственности не измѣнились въ продолженіе тысячелѣтій и коренное ихъ преобразование вообще не мыслимо. Напротивъ, и интеллектуальная дѣятельность подлежитъ непрерывному развитію и безконечному совершенствованію, тѣмъ болѣе, что и природныя наклонности и способности человѣка хотя медленно, но развиваются и облагораживаются. Этою умственной дѣятельностью и обуславливается прогрессъ. Она доставляетъ людямъ средства не только къ улучшенію своего матеріальнаго положенія (въ связи съ которымъ находится и долговѣчность), но и къ непосредственному духовному развитію. На этой основѣ, и только на ней одной, зиждется прогрессъ, развитіе культуры, высшее преуснѣніе и процвѣтаніе человѣческаго рода.

Происхожденіе религій.

Вліяніе религій на судьбы человѣчества было такъ велико во все періоды исторіи, что мы считаемъ нужнымъ поговорить о нихъ уже въ введеніи къ настоящему сочиненію.

Первыя религіи могли имѣть своимъ источникомъ только страхъ, основанный на слабости и невѣжественности. Гремѣль ли

*) Гелльвальдъ хочетъ насъ увѣрить, что, съ точки зрѣнія отрицанія свободной воли, каждый насильственный актъ деспотизма по своей неизбѣжности можетъ быть почти приравненъ къ дождю или грозѣ, вслѣдствіе чего народы должны къ тому и другому относиться съ фаталистическимъ равнодушіемъ. Это равнялось бы требованію отмѣнить все законы о наказаніяхъ на томъ основаніи, что преступникъ дѣйствуетъ яко бы невольно. Но при этомъ забываютъ, что вѣдь страхъ передъ наказаніемъ имѣетъ также вліяніе и есть одинъ изъ побудительныхъ мотивовъ. Дѣятельность ума гочно такъ же факторъ, и при томъ весьма сильный. Вся исторія пріобрѣтаетъ практи-

громъ, потрясая землю, огненная ли молнія или свирѣпый ураганъ ломали и вырывали съ корнемъ деревья, безпредѣльный ужасъ овладѣвать невѣжественнымъ первобытнымъ человѣкомъ. То же чувство испытывалъ онъ, когда взошедшій ясный мѣсяцъ вдругъ помрачался и наступало затмѣніе или когда сильный человѣкъ, пораженный внезапною смертію, неподвижно лежалъ на землѣ.

Тутъ, очевидно, дѣйствовала невидимая враждебная сила, которую нельзя было сокрушить палицею. Безпокойство и страхъ были естественными послѣдствіями такого сознанія. Злого, могущественнаго и недосягаемаго врага старались подкупить просьбами, мольбами и даже принесеніемъ въ жертву самаго драгоценнаго; дошли даже до человѣческихъ жертвъ, и человѣческое безуміе доводило отцовъ даже до закланія собственныхъ дѣтей! Отсюда видно, что первобытная религія столько же отвѣчала слабости человѣческой породы, сколько вытекала изъ недостатка знаній и умственнаго развитія.

Помимо страха говорилъ еще инстинктъ самосохраненія и эгоизма. Поклонялись тому или другому богу или идолу, съ тѣмъ предположеніемъ и условіемъ, чтобъ онъ своему поклоннику за такое почитаніе воздастъ сторицею. Еврей служилъ Яговѣ и исполнялъ его заповѣди съ тѣмъ, чтобъ ему было хорошо и продлились дни его на землѣ и чтобы его Богъ-ревнитель не наказывалъ дѣтей за вину отцовъ до 3-го и 4-го рода. Король Хлодвигъ далъ обѣтъ принять христіанство, «если христіанскій Богъ даруетъ ему побѣду». Слѣды такого эгоистическаго отношенія къ божеству мы видимъ и теперь еще: больные и несчастные даютъ какіе-либо обѣты, съ тѣмъ, чтобы Богъ послалъ имъ здоровье или помогъ въ томъ или другомъ предпріятіи. Какъ бы то ни было, такова основа первобытной грубой формы религіи; ее создалъ страхъ, страхъ передъ грозными демонами, гнѣвъ и коварство которыхъ старались умиротворить добровольными даяніями, которыхъ, во что бы ни стало, нужно было сдерживать и заклипать. Иезиды, или поклонники дьявола, распространенные и теперь еще въ Иракъ-Аджеми и сѣверной Месопотаміи, чтутъ, какъ извѣстно, только злое начало, на томъ основаніи, какъ они сами объясняютъ, что «служеніе богу не имѣетъ другой цѣли, какъ только умилостивленіе его гнѣва, а такъ какъ доброе начало само по себѣ уже милостиво, кротко и терпѣливо, то незачѣмъ призывать его и поклоняться ему». Отъ эгоизма и невѣжества зависѣло и дальнѣйшее развитіе культа, основаннаго на указанныхъ побужденіяхъ.

При такихъ условіяхъ, какой-нибудь одинъ человѣкъ, превосходящій толпу сообразительностью и хитростью, особенно если онъ случайно лучше другихъ постигъ какую-либо силу природы и научился ею пользоваться, легко могъ эксплуатировать слабость и не-

ческое значеніе только потому, что она развиваетъ сознаніе и тѣмъ самымъ показываетъ, что безучастное отношеніе ко всему дѣйствуетъ пагубно. Упомянутый взглядъ соответствуетъ оригинальной теоріи извѣстнаго придворнаго философа: «все существующее разумно потому, что оно существуетъ!» Мы совсѣмъ не раздѣляемъ этого взгляда.

вѣжество своихъ собратій. Онъ могъ выдавать себя за челоуѣка, одареннаго божескою силою или божескимъ знаніемъ, возвыситься надъ прочими и, опираясь на предразсудки, заботливо привитые людямъ съ юности, при помощи обмана и мнимыхъ чудесъ, положить основаніе жреческому могуществу. Широкое развитіе власти жрецовъ мы видимъ у всѣхъ народовъ древняго міра.

«У народа невѣжественнаго, говоритъ Бокль, есть всегда стремленіе приписывать всякую серьезную опасность сверхъестественному вмѣшательству: когда, такимъ образомъ, пробуждается сильное религіозное чувство, челоуѣкъ не только подчиняется опасности, но даже обоготворяетъ ее (и ея представителей)». По той же причинѣ, по которой древніе египтяне причисляли крокодила къ обоготворяемымъ животнымъ, обитатели Суматры еще и теперь неотхотно убиваютъ тигра; вредъ, наносимый дикими звѣрями, сдѣлался причиною ихъ неприкосновенности!—Въ Индіи даже теперь самыя популярныя божества—тѣ, съ которыми связано именно представленіе ужаса.

Въ совершенномъ согласіи со сказаннымъ, новѣйшія этнографическія изысканія непреложно доказали, что дикіе и первобытные народы повсемѣстно поклоняются, молятся и приносятъ жертвы злему духу, добрый же духъ занимаетъ лишь второстепенное мѣсто или даже не имѣетъ никакого значенія. И, съ точки зрѣнія первобытныхъ людей, это вполне понятно: такъ какъ добрый духъ именно добръ и не вредитъ челоуѣку, то незачѣмъ, стало быть, и прибѣгать къ особеннымъ средствамъ для его умиловленія. Поэтому-то у дикихъ народовъ добрый духъ и не выступаетъ на первый планъ. (Множество подтвержденій этого факта можно найти у Фридриха Мюллера въ его «Всеобщей этнографіи»: для примѣра указывается на негровъ, бушменовъ, австралійцевъ, чукчей, сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, полинезійцевъ, меланезійцевъ, самойдовъ и т. д.). Даже въ относительно образованной христіанской Европѣ необычайные, непонятные для массы народа, феномены, особенно небесные, порождаютъ страхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и суевѣріе. Появленіе кометы, или даже просто необычное положеніе на небѣ нѣкоторыхъ большихъ планетъ, пугаетъ толпу и истолковывается какъ знаменіе войны, чумы или другихъ бѣдствій. Въ высокой степени знаменательно, что когда въ 1821 г. надъ островомъ св. Елены была замѣчена комета, то самъ Наполеонъ воскликнулъ: «Комета! Она предвѣщаетъ мою смерть!» Когда умиралъ Цезарь, также появилась комета.

Обращаемъ особенное вниманіе читателей на эти факты. И въ Европѣ, до самаго послѣдняго времени, каждая эпидемія, каждая заразительная болѣзнь не только не служила на пользу морали, но прямо способствовала крайнему развитію суевѣрія. Простой народъ смотритъ на каждое бѣдствіе, неурожай и эпидемію какъ на нака-

*) Скифы боялись не Александра Македонскаго, а—неба, которое могло на нихъ обрушиться. «Больше всего пугаютъ неизвѣстныя силы», сказалъ Наполеонъ I.

заніе Божіе. Шарлевуа (Charlevoix), для своего времени не безъ основанія и остроумія, сказалъ, что «чума—это жатва духовенства!»

Но съ накопленіемъ знаній увеличивалось и число невѣрующихъ. Намъ говорятъ, что религія дѣло чувства или сердца; положимъ, что такъ, но и высокій умъ не исключаетъ присутствія въ чловѣкѣ того и другого. Религію не должно смѣшивать съ суевѣріемъ. Спиноза, этотъ смѣлый мыслитель, обладатель въ высокой степени указанными свойствами (чувствомъ и душою); онъ былъ благороднѣйшій чловѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чловѣкъ, свободный отъ всякихъ предразсудковъ. Къ сожалѣнію, по роду культуры высшее знаніе было доступно только нѣкоторымъ состояніямъ или классамъ общества, члены которыхъ считали полезнымъ поддерживать въ толпѣ невѣжество. Отсюда развились ханжество и обманъ, безнравственность и легкомысліе. Римскіе авгуры, которые во времена упадка и распада государства не могли смотрѣть другъ на друга безъ улыбки, и французскіе герои легкомыслия начала великой революціи, не обходившіеся, однако, передъ смертью безъ исповѣдника, служатъ тому наглядной иллюстраціей.

При всемъ томъ религіозный скептицизмъ есть уже достояніе болѣе развитыхъ народовъ. Тутъ мѣсто отвлеченныхъ догмъ заступаетъ чистая мораль, которая получаетъ прочное обоснованіе по мѣрѣ того, какъ дѣятельность ума приводитъ къ сознанію внутренней необходимости морали. Кромѣ того, умноженіе знаній указываетъ людямъ на лучшіе и болѣе разнообразные способы добыванія себѣ средствъ къ пропитанію; благодаря этому высшему знанію уменьшается число случаевъ крайней нужды, такъ часто доводящихъ слабохарактерныхъ людей до безчестныхъ поступковъ. А по мѣрѣ распространенія знаній и священнослужители, не желающіе замкнуться въ тѣсномъ кругу обрядностей, должны, чтобы удержать за собой свое вліяніе, сдѣлаться вышшимъ наставниками народа и искать новую, болѣе широкую сферу дѣятельности не въ борьбѣ съ знаніемъ, а, напротивъ, въ распространеніи его.

При основаніи первой религіи у кочевыхъ народовъ главную роль, безъ сомнѣнія, играли видимыя измѣненія на небесной тверди. Небесныя явленія, начиная съ перемѣны дня и ночи, должны были удивлять даже самаго грубаго и невѣжественнаго чловѣка. Послѣ зимы, распространяющей смерть, наступали лучезарный блескъ и живительная теплота солнца, какъ бы пробуждающая вновь всю природу, и это наблюденіе не могло не приводить въ изумленіе и восторгъ чловѣка, не отупѣвшаго въ своихъ четырехъ стѣнахъ. Такъ возникло поклоненіе природѣ и главнымъ образомъ солнцу.

Во всѣхъ древнихъ религіяхъ жречество связано съ звѣздо-четствомъ; сабензмъ, безъ сомнѣнія, послужилъ основою всѣмъ культамъ *), и даже теперъ еще большинство людей проявляетъ болѣе или менѣе грубое поклоненіе природѣ **).

*) Ср. интересный (несмотря на всѣ недостатки), мало оцѣненный трудъ Дюбуа «Sur l'origine de tous les Cultes».

**) По самымъ, какія только возможно теперъ, точнымъ свѣдѣніямъ, на

Возрастающая культура необходимо вела къ постепенному облагораживанію культя.

Какъ не мыслимо, чтобы народъ, стоящій на нижней ступени развитія, могъ создать себѣ разумную религію, такъ же точно немыслимо, чтобы народъ, значительно подвинувшійся на пути прогресса, могъ оставаться при тѣхъ понятіяхъ о божествѣ, которыя удовлетворяли его въ грубомъ состояніи или, вѣрнѣе, правилсь ему въ то время. Но культъ не только не могъ опередить общаго состоянія культуры и создать высшаго образованія, — напротивъ того, какъ показываетъ вся исторія и какъ вытекаетъ изъ природы вещей, культъ всегда болѣе или менѣе отстаивалъ отъ средняго уровня современнаго ему развитія. Фактически онъ скорѣе задерживалъ развитіе, а не способствовалъ ему. Даже въ тѣхъ случаяхъ когда какая-нибудь новая «вѣра», хотя бы относительно прогрессивная, пускала болѣе глубокіе корни, рядомъ съ новымъ культомъ продолжали существовать прежнія установленія, обычаи, воззрѣнія и ученія, въ сущности утратившія уже всякое жизненное значеніе. Конечно, способствовали тому снисходительность къ господствующимъ въ массѣ предрассудкамъ, а также матеріальные интересы привилегированныхъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, что въ большинствѣ позднѣйшихъ религій сохранялся, хотя въ болѣе или менѣе скрытой формѣ, культъ солнца, хотя вѣрующіе, быть можетъ, и не подозрѣвали этого. Въ торжественномъ засѣданіи королевской академіи въ Мюнхенѣ, 27 іюля 1883 г., профессоръ фонъ-Дёллингеръ прочелъ рефератъ о томъ: «Кто были основатели религій?» Теологическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, вездѣ облеченъ мистицизмомъ, даже у двухъ новѣйшихъ религій — христіанской и магометанской. Вездѣ почти одинаково трудно уловить образъ основателя, вездѣ смущаетъ насъ либо сверхъестественный либо неестественный элементъ — чудеса, въ которыя можно вѣрить, но которыхъ нельзя объяснить законами природы и логики. По мнѣнію Дёллингера, всѣ религіи (откровенія) основаны на авторитетѣ. Но если такъ, то религія не допускаетъ критики, и нельзя допустить, чтобы исповѣдующіе одну вѣру требовали признанія преимущества своей вѣры передъ всѣми другими вѣроченіями.

По счастью, духъ человѣческой въ своемъ естественномъ развитіи не можетъ быть скованъ навѣки; въ своемъ побѣдоносномъ

всемъ земномъ шарѣ въ настоящее время насчитывается 1300 или, самое большее, 1350 милл. жителей, между тѣмъ только въ Китаѣ и Ост-Индіи уже 700 мил. язычниковъ, т. е. приблизительно половина всего числа людей земного шара. Число христіанъ во всѣхъ частяхъ свѣта не болѣе 425 мил. (215 мил. католиковъ, 122 мил. протестантовъ, — англиканъ, лютеранъ, реформатовъ и диссидентовъ, — 80 мил. православныхъ и 8 мил. другихъ восточныхъ христіанъ, армянъ, якобитовъ и пр.); магометанъ считается около 120 и евреевъ около 8 мил. Такъ называемыхъ язычниковъ всего около 800 мил., изъ которыхъ почти 480 мил. — буддисты. Слѣдовательно еще и половина всѣхъ людей не обращена въ христіанство; а число католиковъ составляетъ приблизительно $\frac{1}{6}$ всей суммы.

шествіи онъ опрокидываетъ всѣ стоящія на пути преграды! Стюартъ Милль написалъ статью «О пользѣ религіи» (напечатана только послѣ его смерти), въ которой разсматриваетъ эту «пользу» во всѣхъ ея деталяхъ, и при томъ съ тою глубокою серьезностью, какой только можно было ожидать отъ этого основательнаго мыслителя, ненавидѣвшаго всякую фривольность.

Было высказано мнѣніе, что потребность въ религіи есть доказательство вышей природы человѣка. Правда, что въ присутствіи человѣку потребности нравственности, какъ мы уже видѣли, заключается доказательство того, что человѣкъ есть существо, способное совершенствоваться. Но мы знаемъ, что на самыхъ первыхъ порахъ дѣятельность древнѣйшихъ извѣстныхъ религій условно была противна всякой морали. Происходила борьба между египетскимъ и вавилонскимъ культурами, къ которымъ затѣмъ присоединился еще старо-іудейскій. Борьба была кровопролитная, варварская и безмысленная. Избіеніе невинныхъ людей, даже собственныхъ дѣтей, считалось заслугою передъ богами. Всѣ эти древніе культы приводили человѣчество не къ совершенствованію и облагораживанію, а къ варварству и бѣдствіямъ. Только постепенный ростъ культуры, развивавшейся довольно медленно въ зависимости отъ развитія человѣка и свободной умственной дѣятельности, привелъ къ улучшенію и облагороженію понятій и жизненныхъ условій. Не трудно убѣдиться, что исторія человѣчества есть главнымъ образомъ исторія освободительныхъ идей.

Въ послѣдующихъ отдѣлахъ нашего труда мы отнесемъ съ полнымъ вниманіемъ къ религіозному быту народовъ, такъ какъ онъ всегда оказывалъ могущественное вліяніе на всѣ условія человѣческой жизни.

О способѣ изложенія исторіи.

Прежде чѣмъ закончить настоящее введеніе, прибавимъ нѣсколько замѣчаній о принятомъ способѣ писать исторіи.

Само собою разумѣется, что нашей задачей не будетъ повтореніе разсказовъ объ отдѣльныхъ событіяхъ. Сочиненій, задавшихъ этою цѣлью, болѣе чѣмъ достаточно, и мы отнюдь не намѣреваемся увеличить ихъ число еще однимъ. Цѣль настоящаго сочиненія дать общій очеркъ развитія человѣческой культуры, а не изображеніе подвиговъ или дѣяній отдѣльныхъ завоевателей, борьбы за преобладаніе той или другой династіи или даже того или другаго народа.

Все пониманіе исторіи вообще измѣняется сообразно духовнымъ и экономическимъ потребностямъ націи. То, что въ одномъ періодѣ кажется важнымъ и интереснымъ, въ другомъ является безразличнымъ и скучнымъ. Этимъ и объясняется, напримѣръ, почему «Исторія германцевъ» Мих. Игн. Шмидта, которая до французской революціи считалась въ своемъ родѣ образцовымъ трудомъ, теперь не только не удовлетворяетъ насъ, но и утратила для нашего времени всякій интересъ. По той же причинѣ швейцарцы

хотя и гордятся своимъ знаменитымъ соотечественникомъ Иог. Мюллеромъ, но капитальный трудъ его хранить только въ книжныхъ шкафахъ за стекломъ: они уже не берутъ этой книги съ прежнимъ интересомъ въ руки и не находятъ въ ней дѣйствительнаго поученія.

«Исторія исторіи» была бы важнымъ пособіемъ при изученіи развитія культуры. Въ этомъ отношеніи намъ даже не приходится указывать на сочиненія, въ которыхъ откровенно и сознательно выступаетъ субъективность автора. Даже тѣ сочиненія, въ которыхъ господствуетъ самая холодная и сухая объективность, даютъ матеріалъ для обсужденія и размышленія. Уже въ самой манерѣ повѣствованія средневѣковыхъ лѣтописцевъ выражается направленіе того времени—отнестись ко всему спокойно, на все смотрѣть односторонне, безъ самостоятельной мысли и критики. Особенно рельефно выступить умышленная скудость того времени, если обратимся къ содержанію лѣтописей. Онѣ даютъ почти сплошь чудеса и загадочныя явленія; онѣ хотятъ заставить людей вѣрить всему. Разказы о предзнаменованіяхъ, видѣніяхъ, странныхъ знаменіяхъ, странныхъ явленіяхъ на небѣ и на землѣ не только передавались изъ устъ въ уста, но даже переходили изъ одной книги въ другую, и каждый разъ все съ новыми прикрасами. И на подобныя сообщенія употреблялось столько заботливости, какъ будто дѣло касалось самыхъ драгоценныхъ сокровищъ человѣческой мудрости.

Такимъ образомъ, каждый періодъ имѣетъ свою особенную историографію.

Нерѣдко жалуются, что исторія, долженствующая быть наставницей людей, въ дѣйствительности не поучаетъ и не улучшаетъ ихъ. Фактъ, безъ сомнѣнія, самъ по себѣ справедливый. Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что отношенія не бываютъ тождественны въ разныхъ случаяхъ, а потому и уроки исторіи не безусловно применимы во всякое время. Но это только отчасти объясняетъ упомянутое явленіе.

Главный упрекъ падаетъ на общепринятый способъ изложенія исторіи. Нерѣдко излагаютъ (въ особенности въ средне-учебныхъ заведеніяхъ) исторію такъ, что она, вмѣсто того, чтобы быть цѣлительнымъ источникомъ, дѣлается заразною лужей, и вслѣдствіе этого причиняетъ вредъ тамъ, гдѣ могла бы и должна бы принести пользу.

Ограничимся здѣсь нѣсколькими самыми краткими, общими замѣчаніями. Большая часть книгъ по древней исторіи (въ особенности учебники) прежде всего черезчуръ уже лишены всякой критики относительно достовѣрности фактовъ. Нельзя и не должно, на основаніи того только, что событіе, происшедшее за 2000 и болѣе лѣтъ, рассказано будто бы современникомъ, принимать его за истину, безъ дальнѣйшей провѣрки, хотя бы самый фактъ былъ совершенно невѣроятенъ, а рассказчика отдѣляли сотни миль отъ мѣста дѣйствія или сотни лѣтъ отъ описываемаго событія. Въ тѣ времена міръ лишень былъ печатнаго станка и удобныхъ путей сообщенія. Надо уяснить себѣ, гдѣ начинается «историческая правда»,

надо открыто признать, что многія легковѣрно пересказанныя извѣстия не могутъ быть доказаны вовсе, въ другихъ же случаяхъ можно установить лишь извѣстную степень нравдоподобія. Многое изъ того, что и теперь еще любятъ относить къ совершенно чуждой ему области исторіи, могло бы съ удобствомъ найти мѣсто среди миѳовъ или на страницахъ поэтическихъ произведеній.

Дальше принято обременять числами и именами правителей память не только учениковъ, но и среднихъ читателей, стремящихся къ самообразованію, тогда какъ тѣ и другія, по крайней мѣрѣ, относительно древней исторіи, по большей части вымышлены или установлены произвольно. Въ общемъ имъ предлагаютъ не болѣе какъ рассказы о завоевательныхъ войнахъ и битвахъ. За то менѣе всего говорится въ такихъ учебникахъ о мирныхъ преобразованіяхъ, оказавшихъ, однако, несравненно болѣе сильное вліяніе на человѣчество, какъ слѣдствіе безшумнаго развитія соціальныхъ условій или того или другого открытія или изобрѣтенія. Великіе завоеватели вѣсьмъ извѣстны и повсюду прославлены, а имена Уатта, Фультона и Стефенсона едва упоминаются въ книгахъ подобнаго рода. Какіе только громкіе эпитеты не расточаются сильнымъ міра, а благодѣтелей человѣчества не удостоиваютъ даже упоминанія.

Было бы, однако, глубокимъ непониманіемъ истиннаго хода развитія человѣчества ожидать всевозможныхъ улучшеній отъ одного только спокойнаго, мирнаго развитія. Вся природа по временамъ нуждается въ буряхъ. Французская революція сопровождалась безчисленными ужасами и злодѣяніями. Между тѣмъ она была вызвана естественнымъ ходомъ вещей и, по своимъ послѣдствіямъ, въ общемъ и цѣломъ, имѣетъ важное культурно-историческое значеніе. Она окончательнo сломила все еще господствовавшій въ то время, во всей Европѣ, феодальный строй, освободила крестьянъ отъ барщины и прочихъ условій крѣпостной зависимости и открыла человѣчеству путь къ свободному соціальному развитію.

Безусловные и смѣлые адепты дарвинизма (ученики, идущіе дальше своего учителя) фантазируютъ, признавая только одинъ факторъ спокойнаго, мирнаго развитія. Землетрясенія и многіе вулканы въ голландскомъ Остъ-индскомъ морѣ, которые въ августѣ 1883 г. потопили цѣлые острова, вслѣдствіе чего погибли многія тысячи, а можетъ быть и сотни тысячъ людей, безспорно доказываютъ, какъ уже было сказано выше, что процессъ развитія не всегда совершается такъ спокойно и безшумно, какъ произрастаніе гриба.

Вообще въ жизни народовъ, какъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, никогда не возможно полное и безусловное спокойствіе. Всякій организмъ, который пересталъ двигаться и развиваться, будетъ непремѣнно разлагаться. Даже смерть не есть безусловная остановка всякаго движенія; тлѣніе есть результатъ работы мало замѣтныхъ силъ.

Цѣлью настоящаго сочиненія должно служить иное мѣрило, чѣмъ то, на которое обращается преимущественное вниманіе въ шаблок-

ныхъ руководствахъ по всемірной исторіи. Наше вниманіе обращается прежде всего на соціальныя условія народовъ, на развитіе культуры. При этомъ надо рассмотреть разнообразныя понятія и учрежденія народовъ, возможно глубже изслѣдовать ихъ жизнь и душу, установить, насколько характерныя для каждой эпохи порядки соотвѣтствовали или противорѣчили духу истинной культуры и гуманности, а также условіямъ народнаго благосостоянія. Во всякомъ случаѣ, не должно осуждать прежніе порядки только потому, что они не согласуются съ нашими теперешними соціальными учрежденіями. Въдѣ тамъ мы имѣемъ дѣло съ другой культурой, формы которой намъ чужды. Но еще менѣе можно согласиться съ тѣми, которые предъявляютъ къ историку требованіе, чтобъ онъ судилъ объ условіяхъ прошлыхъ временъ по тогдашнимъ понятіямъ. Мы категорически протестуемъ противъ того мнѣнія, которое ставитъ въ великую заслугу историку то, что онъ истолковываетъ и освящаетъ каждую эпоху и каждый вѣкъ исключительно съ точки зрѣнія господствовавшихъ въ то время воззрѣній, исходя какъ бы «изъ самой сути эпохи». Въ нѣкоторомъ отношеніи это поможетъ, правда, болѣе правильному пониманію даннаго порядка вещей, т. е. будетъ служить только средствомъ для извѣстной цѣли, но ни въ какомъ случаѣ этотъ способъ не можетъ служить мѣриломъ для критики условій, для оцѣнки тѣхъ или другихъ поступковъ или соціальныхъ порядковъ. Въдѣ по понятіямъ различныхъ временъ и народовъ рабство, сожженіе еретиковъ и вѣдьмъ, обращеніе въ вѣру огнемъ и мечомъ и т. п. безобразія и ужасы были не только весьма полезны, но и необходимы. Прямой абсурдъ утверждать, что для того, чтобъ историкъ могъ быть компетентнымъ судьей, ему надо погрузиться въ тину предразсудковъ всевозможныхъ временъ. Мы лично не можемъ понять, какъ излагаемая подобнымъ образомъ исторія можетъ вообще имѣть цѣну для мыслящаго человѣка.

При обсужденіи способа изложенія исторіи нельзя не коснуться еще одного момента—лжепатріотизма, который желалъ бы вытѣснить собой всякій космополитизмъ. Человѣкъ, который ради пользы своихъ согражданъ ставитъ свою личную выгоду на второй планъ, безспорно, достоинъ уваженія; эгоиста не уважаютъ, даже презираютъ. А къ цѣлымъ народамъ должно ли примѣнять иную моральную оцѣнку? Во многихъ отношеніяхъ можетъ казаться, что такъ. То, что у отдѣльнаго индивида мы называемъ эгоизмомъ, то у цѣлаго народа является въ видѣ патріотизма. Между тѣмъ вполне естественно ставить человѣчество выше отдѣльной народности! Пусть, впрочемъ, эгоистическіе поступки красуются подъ именами «патріотизмъ» и «любовь къ отечеству», они не послужатъ побѣдителю на дѣйствительную пользу. Уже Бѣрне высказалъ такое вѣрное замѣчаніе: «Развѣ эгоизмъ цѣлой страны меньшій порокъ, нежели эгоизмъ одного человѣка? Неужели справедливость перестаетъ быть добродѣтелью, коль скоро ее примѣняютъ по отношенію къ чужому народу?» А Лессингъ писалъ Глейму: «Похвала яраго патріота самое послѣднее, за чѣмъ

бы я гнался, т. е. такого патриота, который заставил бы меня забыть, что я долженъ быть гражданиномъ всего міра!» Поэтому нужна одинаковая мѣра—справедливость для всѣхъ народовъ!

Но возвратимся къ исходнымъ нашимъ соображеніямъ.

Если, такимъ образомъ, масштабомъ годности или негодности какого-либо порядка не могутъ служить намъ ни понятія того времени, въ которое онъ существовалъ, ни даже то обстоятельство, что современныя намъ отношенія совершенно иныя, то необходимо установить другую норму, и при томъ такую, которая, не будучи обусловлена обычной переменной идеей въ различныхъ странахъ и въ разныя времена, была бы, по существу своему и въ главныхъ чертахъ, постоянна и неизмѣнна. Такой основной принципъ мы полагаемъ возможнымъ формулировать въ слѣдующемъ тезисѣ, который всегда будетъ руководить нами при оцѣнкѣ разнообразныхъ условий въ жизни народовъ:

«Истинная культура развивается у каждаго народа въ той мѣрѣ, въ какой совокупность социальныхъ учреждений и условий способствуетъ развитію и приложенію всѣхъ наличныхъ народныхъ силъ; развитіе же духовныхъ и физическихъ силъ народа ведетъ къ прочному утверженію его интеллектуальнаго и матеріальнаго благополучія и къ разумному пользованію имъ».

Согласно этому основному принципу, мы не должны ограничиться разсмотрѣніемъ условий и положенія отдѣльныхъ классовъ, отдѣльныхъ сословій или даже отдѣльныхъ лицъ. Напротивъ того, исторія должна, по возможности, охватить все человѣчество, въ его развитіи, жизни и дѣятельности, въ его наступающемъ иногда частичномъ разложеніи и, тѣмъ болѣе, въ его обновленіи и возрожденіи. Въ этомъ смыслѣ, и въ самомъ широкомъ значеніи слова, понимаемъ мы наивышую (возможную) культуру, какъ заключающую въ себѣ духовное (чисто-интеллектуальное и моральное) и матеріальное благо; эта культура и составляетъ, по нашему мнѣнію, высшую цѣль стремленій всего человѣчества.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ДРЕВНІЯ ВРЕМЕНА.

ВВЕДЕНІЕ.

Фантазія поэтовъ, по свойственной людямъ склонности идеализировать прошлое, относитъ золотой вѣкъ къ началу человѣческаго существованія. Но неоспоримо прежде всего то, что первымъ людямъ недоставало какъ высшаго развитія и широты умственнаго кругозора, такъ и тѣхъ жизненныхъ удобствъ, которыя являются исключительно результатомъ культуры. Человѣкъ прозябалъ подобно звѣрю, его состояніе походило на состояніе животнаго. Въ немъ, безсознательно для него самого, дремали умственные способности, и онъ о нихъ не подозрѣвалъ. Жизнь дикарей (хотя все извѣстныя намъ дикари не могли избѣгнуть культурныхъ вліяній и давно уже вышли изъ первобытнаго состоянія), даетъ нѣкоторое понятіе (правда, весьма слабое) о мнимомъ счастьѣ и золотомъ вѣкѣ первобытнаго, невиннаго состоянія.

Возьмемъ тѣло человѣка. Человѣческое тѣло, сравнительно съ тѣломъ животнаго, обладаетъ значительными физическими преимуществами. Уже одно то, что человѣкъ держится прямо, а не ползаетъ на четверенькахъ, открываетъ передъ нимъ свободное и широкое поле зрѣнія и даетъ ему возможность принимать самыя разнообразныя положенія. Чудная форма его руки дѣлаетъ возможнымъ исполненіе самыхъ разнообразныхъ и искуснѣйшихъ работъ. Слѣдуетъ еще добавить, что человѣкъ не вынужденъ ограничиваться только животною или только растительною пищею, а пользуется и тою и другою.

Но рядомъ съ этими физическими преимуществами человѣку присущи не менѣе важные недостатки. Не только при самомъ рожденіи, но и долгое время спустя человѣкъ оказывается безо-

мощиѣ животнаго. Искусная форма руки, дѣлающая ее способною къ разнаго рода работамъ, именно и дѣлаетъ ее мало пригодною въ болѣе грубомъ смыслѣ, и для многихъ цѣлей она оказывается недостаточно сильною.

Это-то обстоятельство и говорить, между прочимъ, въ пользу мнѣнія Дарвина, что человѣкъ самъ приобрѣлъ или усовершенствовалъ, въ постепенномъ развитіи, нѣкоторыя свои физическія преимущества. Въ борьбѣ за существованіе и путемъ подбора родичей выработались его тѣлесныя и душевныя силы*). По мѣрѣ того, какъ совершенствовалась искусная форма человѣческой руки, она дѣлалась все менѣе и менѣе пригодною для непосредственной борьбы, и тогда явилась необходимость въ искусственныхъ вспомогательныхъ средствахъ. Многія первобытныя орудія служили человѣку вмѣсто рукъ, дополняя, увеличивая ихъ силу. Клещи держатъ предметы лучше зубовъ и пальцевъ; молотъ—болѣе твердый и при томъ нечувствительный кулакъ; а когти замѣнялись въ борьбѣ различными орудіями. Звѣрь, по сравненію съ человѣкомъ, способенъ къ меньшему числу отравленій, но приспособленъ къ нимъ вообще лучше, а потому обыкновенно вовсе не нуждается въ орудіяхъ, исключая развѣ только самыхъ грубыхъ, въ родѣ дубины (обезьяны), не требующей никакой обработки.

Такимъ образомъ, развитіе человѣка и его способностей обусловлено всею его существомъ, его природой. Поэтому ошибочно дикое состояніе человѣка называть естественнымъ. Всея природы человѣка соответствуетъ развитіе какъ всего его рода, такъ и отдѣльнаго индивида. Англичанинъ Фергусонъ («*Essay on the history of Civil Society*») еще въ прошломъ столѣтіи высказалъ вѣрное замѣчаніе, что всякое культурное состояніе человѣчества есть только результатъ его природы.

Сообразно этой природѣ мы, какъ уже было замѣчено выше, вправѣ считать, что матеріальныя улучшенія и духовный прогрессъ развивались приблизительно равномерно. Внѣ всякаго сомнѣнія, что важнѣйшими успѣхами человѣчества въ разныя времена были постепенная разработка тоновъ человѣческаго голоса до первобытнаго языка и добываніе огня. Оба эти великія приобретенія сдѣланы во времена не только доисторическія, но и лежанія за предѣлами всякаго человѣческаго воспоминанія. Даже между племенами дикарей, стоящими на низшей ступени развитія, не нашли ни одного, которое не обладало бы языкомъ и не умѣло добывать огонь**).

*) Любопытно, что гениальный лингвистъ Л. Гейгеръ въ своихъ изысканіяхъ пришелъ къ догадкѣ, что первобытное состояніе человѣка было состояніе животнаго, живущаго на деревьяхъ. Этимъ и можно объяснить какъ походку человѣка, такъ и форму его руки, этого «органа органовъ».

**) Еще Гердеръ въ своемъ (получившемъ премію) сочиненіи «О происхожденіи языковъ» опровергъ распространенное тогда убѣжденіе, что языкъ данъ человѣку непосредственно Богомъ, какъ нѣчто уже совершенно готовое. Языкъ, разумѣется, могъ развиваться только постепенно, путемъ медленной работы надъ нимъ самого человѣка.

Если принять во вниманіе, что даже въ наше время, при наличности безчисленныхъ могущественныхъ вспомогательныхъ средствъ, то или другое открытіе и изобрѣтеніе поразительно запаздываютъ, то станетъ само собою понятнымъ, что человѣчество могло только съ крайнею медленностью выйти изъ своего первобытнаго состоянія, когда не было ни побужденій, ни вспомогательныхъ средствъ. Конечно, потребовались многіе десятки тысячъ лѣтъ, прежде чѣмъ окончательно пробуждено было самосознаніе и созданъ былъ языкъ. Затѣмъ, какіе долги періоды должны были пройти, прежде чѣмъ люди дошли до слѣдующаго великаго изобрѣтенія— до письменности, хотя бы самой грубой и несовершенной. Древнѣйшіе народы, отъ которыхъ дошли до насъ памятники, въ моментъ созданія ихъ (около 6000 лѣтъ тому назадъ), стояли уже на такой, сравнительно высокой, ступени цивилизаціи, что положительно невозможно опредѣлить, какой промежутокъ времени потребовался на такое развитіе.

Мы не въ состояніи объяснить, какимъ образомъ шло культурное развитіе, но нѣкоторые факты указываютъ на то, что въ Китаѣ, Вавилонѣ, Египтѣ и Индіи культура была значительна уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ. При этомъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что развитіе это совершалось на началахъ, созданныхъ отчасти при совершенно иныхъ условіяхъ.

Несмотря на глубокую древность начатковъ культурнаго развитія, фактическая исторія начинается гораздо позже, т. е. такъ думали до открытій, сдѣланныхъ въ послѣдніи десятилѣтія. Если оставить въ сторонѣ мнѣя и сказанія о временахъ раснословныхъ, то можно считать, что собственно исторія, какъ въ Индіи, такъ и въ Вавилоніи, начинается не далѣе тысячелѣтія до начала нашего лѣтосчисленія. Сюда же можно было причислить и Египетъ. Неожиданное прочтеніе іероглифическаго и книгообразнаго письма раскрыло намъ, хотя немного, еще болѣе ранній періодъ культурной исторіи. Но передъ нами не только письмена, но въ своемъ родѣ монументальныя сооруженія, служація фактическимъ подтвержденіемъ преданій. Благодаря этому получаютъ еще болѣе важную роль памятники Вавилоніи и Ассиріи, открытыя въ новѣйшее время. Но наше знаніе исторіи неожиданно пополнилось еще и другимъ путемъ, и при томъ относительно древнихъ обитателей средней Европы. Мы говоримъ объ открытыхъ свайныхъ постройкахъ. Это открытіе сообщаетъ нашему знакомству съ древнимъ міромъ не только своеобразную прелесть, но и несомнѣнное оживленіе. Предъ нами открылся какъ бы новый историческій міръ. По свѣдѣніямъ греческихъ и римскихъ писателей, а тѣмъ болѣе по изображенію филологовъ и богослововъ, мы представляли себѣ доэллинескую древность мало интересной, окостенѣлой и мертвой; здѣсь, напротивъ, мы видимъ и прикасаемся къ орудіямъ, оружію, пище, украшеніямъ и одеждѣ отдаленныхъ тысячелѣтій. Къ тому же рѣчь идетъ не о жителяхъ отдаленныхъ странъ, каковы Египетъ, Вавилонъ и Ниневія, а о жителяхъ нашего роднаго края. Но что болѣе всего увеличиваетъ интересъ,—это то, что по остаткамъ эпохи свай-

ныхъ построекъ мы въ состояніи прослѣдить всѣ древнѣйшія ступени культурнаго развитія. Мы переносимся сначала въ тотъ періодъ, когда люди еще не знали желѣза, а употребляли бронзу, а потомъ въ еще болѣе отдаленный періодъ, когда народамъ были извѣстны одни каменные орудія. Эти открытія вносятъ дѣйствительно новый, неожиданный свѣтъ въ исторію культуры.

Находки, которыя были сдѣланы въ различныхъ мѣстностяхъ, какъ только стали обращать вниманіе на этотъ вопросъ, указываютъ съ опредѣленностью на равномерный ходъ развитія культуры. Сначала вездѣ употребляли только каменные орудія и оружіе, при томъ самой грубой работы. Постепенно ихъ улучшали и усовершенствовали до степени, вызывающей удивленіе; но на это, конечно, понадобились огромнѣйшіе періоды времени. Затѣмъ, сперва одновременно съ каменными орудіями, появились бронзовые, также, понятно, грубѣйшаго вида. Наконецъ, появляется обработанное желѣзо.

Всѣ эти фазы должны были быть пройдены давно, уже за десятки тысячъ лѣтъ, прежде чѣмъ люди дошли до той степени культуры, которой, какъ мы съ недавнихъ поръ положительно знаемъ, древніе египтяне и халдеи достигли за нѣсколько тысячъ лѣтъ до начала нашей эры.

Египетъ первый даетъ твердые опорные пункты для исторіи, основанной на точной хронологіи. Уже гораздо позднѣе область исторіи начинаетъ расширяться. Мы считаемъ особенно важною въ этомъ отношеніи эпоху между VIII и VI столѣтіями до Р. Х. Въ это именно время сильное умственное движеніе охватило всѣ народы западной Азіи и распространилось также по юго-восточной Европѣ; это было движеніе, въ родѣ того, которое въ XV столѣтіи нашей эры двинуло впередъ европейскіе народы. Съ этого времени ведется начало всеобщей исторіи.

Египтяне шли впередъ и увлекли за собой евреевъ, съ которыми у нихъ были сношенія. Далѣе появляются на исторической аренѣ: вавилоняне, ассирійцы, финикіяне и почти въ то же время греки; первыя извѣстія о римлянахъ восходятъ также къ этому времени.

Въ означенномъ періодѣ послѣдовали—вторженіе чужеземцевъ въ Египетъ и уступка Навкрата грекамъ, для расширенія ихъ торговли. Финикіяне, первые обладатели Левантскаго моря, распространили азбуку, изобрѣли точныя мѣры, вѣса и деньги. Началось общеніе народовъ. Но и политическое значеніе народовъ вскорѣ измѣнилось матеріально и духовно. «Между 700 и 530 г. до Р. Х., говоритъ Гротъ, мы замѣчаемъ возрастаніе матеріальнаго могущества у халдеевъ и египтянъ и необыкновенное развитіе морской дѣятельности и торговли у грековъ; но одновременно мы замѣчаемъ упадокъ Тира и Сидона, въ отношеніи политическомъ и торговомъ. Оружіе Небукаднезара поставило финикійскіе города въ такую зависимость, какой полвѣка спустя подпали іонійскіе города при Кирѣ и Крезѣ, между тѣмъ какъ корабли Милета, Фокен и

Самоса постепенно завладѣли всѣми водами Леванта, нѣкогда бывшими во власти финикянъ.

Приступая къ изученію соціального быта въ древнія времена, мы прежде всего замѣчаемъ, что культура, ранніе стѣды которой мы теперь находимъ у различныхъ народовъ, была неодинакова, но существенно различна, несмотря на то, что цѣлый рядъ важныхъ знаній переходилъ отъ одного народа къ другому. Этотъ фактъ показываетъ, что вся сумма умственного развитія и прогресса не составляла собственности какого-нибудь одного народа, отъ котораго она переходила затѣмъ къ другимъ племенамъ, а что человѣческая природа стала развертывать свою сущность въ различныхъ пунктахъ земного шара. Вотъ почему мы находимъ зародыши самыхъ разнородныхъ культуръ не въ одной только странѣ, но даже во многихъ мѣстностяхъ, другъ отъ друга совершенно изолированныхъ. При этомъ каждый народъ жилъ сначала особнякомъ. Только постепенно завязываются международныя сношенія и дѣлаются замѣтными результаты такихъ сношеній. Чѣмъ дальше въ глубь вѣковъ, тѣмъ ничтожнѣе эти сношенія, тѣмъ замѣтнѣе разница въ бытовыхъ условіяхъ націй. И это могло бы служить подтвержденіемъ гипотезы, что люди происходятъ не отъ одной пары прародителей, иначе сходство должно бы увеличиваться и оказываться болѣе общимъ по мѣрѣ приближенія къ первобытнымъ временамъ и первобытному состоянію. Въ связи съ этимъ открытія и изобрѣтенія долгое время не могли стать всеобщимъ достояніемъ, оставаясь въ исключительномъ пользованіи страны, строго изолированной отъ всѣхъ другихъ странъ. Человѣчество не знало еще того великаго блага, что всякое усовершенствованіе немедленно становится достояніемъ всѣхъ народовъ и повсюду распространяетъ свою пользу. Изолированность отдѣльныхъ народовъ ослаблялась по мѣрѣ того, какъ постепенно подвигалось впередъ общее развитіе культуры. Какая разница въ этомъ отношеніи между прогрессивными греками и неподвижными, замкнутыми египтянами! А между тѣмъ новѣйшія изслѣдованія указываютъ на то, что не должно представлять себѣ древнюю замкнутость черезчуръ уже безусловною. Тѣмъ не менѣе можно считать, что въ общемъ система народной обособленности пала только при римлянахъ, послѣдняго изъ всѣхъ народовъ древности, достигшаго всемірнаго могущества. Только съ этого времени культура какъ бы обнимаетъ все человѣчество, пріобрѣтаетъ характеръ универсальный. Это важнѣйшая и величайшая заслуга римлянъ.

Послѣ всего сказаннаго станетъ понятнымъ, почему въ исторіи культуры нельзя подвести подъ одну рубрику всѣ древніе народы, а приходится, въ отличіе отъ позднѣйшихъ временъ (среднихъ вѣковъ и новаго времени), разсматривать каждую культурную націю особю. Мы начинаемъ съ обитателей свайныхъ построекъ, — не только потому, что время ихъ, какъ доказано, древнѣе эпохи всѣхъ прочихъ древнихъ народовъ, а потому, что то, что мы можемъ о нихъ сообщить, болѣе всякаго другаго преданія проливаетъ свѣтъ на самое раннее развитіе культуры; кромѣ того, бытъ

этихъ людей, насколько мы съ нимъ знакомы, стоитъ внѣ всякой связи съ бытомъ другихъ племенъ древности. Затѣмъ мы коснемся вкратцѣ (потому что фактическихъ свѣдѣній мало) китайцевъ, какъ самаго изолированнаго изъ всѣхъ народовъ; эта послѣдняя черта коренится въ расовомъ отличіи монголовъ отъ юго-восточныхъ и западныхъ азіатовъ и южныхъ европейцевъ. Далѣе мы обратимся къ народамъ юго-восточной Азіи и побережья Средиземнаго моря—въ Африкѣ и въ Европѣ, въ культурномъ развитіи которыхъ замѣчается нѣкоторая (въ началѣ очень слабая) связь. Здѣсь мы должны еще хотя вкратцѣ упомянуть о племенномъ различіи, и въ особенности провести грань между египтянами, семитами (вавилонянами, ассирійцами, евреями, финикіянами) и арійскими народами (индусами, мидянами, персами). Едва ли, впрочемъ, возможно изложеніе исторіи культуры по расамъ, при несомнѣнномъ культурномъ влияніи одного племени на другое. Поэтому довольно будетъ пока отмѣтить это расовое различіе, которое, встаетъ сказать, играетъ столь важную роль въ жизни народа.

Обитатели свайныхъ построекъ.

Мы приведемъ сначала нѣкоторыя общія замѣчанія объ археологіи, которая, около 30 лѣтъ тому назадъ, были сперва сообщены автору частнымъ образомъ, а потомъ напечатаны (нынѣ уже умершимъ) другомъ его, профессоромъ А. фонъ-Морло изъ Лозанны. (Надо замѣтить, что Морло, извѣстный своими изслѣдованіями о свайныхъ постройкахъ, былъ горный инженеръ, а потому и говорить по преимуществу какъ специалистъ). «Едва прошло столѣтіе съ того времени, какъ считалось почти невозможнымъ писать дочеловѣческую исторію земного шара. Но если это древнѣйшее время и не имѣло своихъ историковъ, то, все-таки, отъ него сохранился пѣлый рядъ важныхъ остатковъ преемственныхъ формъ животнаго и растительнаго царствъ, которыя оставили свои твердыя части въ видѣ ископаемыхъ или окаменѣлостей въ одновременныхъ пластахъ земли. Такъ создавалась медленно и постепенно исторія творенія, которую можно разсматривать какъ написанную рукою самого Творца. Это величественная книга, листы которой представляютъ сложенные временемъ правильные слои скалъ, а главы—горные хребты. Эта великая книга долго оставалась закрытою для человѣка, но наука, постоянно расширяя свою область и постоянно улучшая индуктивный методъ, показала, какъ надо изслѣдовать этотъ дивный архивъ творенія. И вотъ теперь геологи развертываютъ передъ нами минувшее нашей земли съ такою точностью въ деталяхъ и съ такою увѣренностью въ общихъ выводахъ, которые могутъ возбуждать только радостное удивленіе.

«Ходъ развитія археологіи имѣетъ много общаго съ ходомъ развитія геологіи. Прошло также еще немного времени съ тѣхъ поръ, какъ считали праздно затѣей изслѣдовать минувшее чело-вѣчества до начала исторіи. Пробѣлъ этотъ заполнялся обычно-

венно тѣмъ, что либо изображали доисторическое время весьма непродолжительнымъ и маловажнымъ, либо преувеличивали значеніе тѣхъ смутныхъ и запутанныхъ воспоминаній о минувшемъ, которыя составляютъ предметъ сказаній.

Но, ранѣе первыхъ начатковъ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ преданій, существовала уже человѣческая дѣятельность и производительная жизнь, о чемъ свидѣлствуютъ разнородные памятники на землѣ и многочисленныя развалины подъ землею, а также остатки созданныхъ болѣе раннихъ періодовъ земли, погребенныя въ ея нѣдрахъ. Древности играютъ тутъ такую же роль, какъ и окаменѣлости, и если Кювье называетъ геолога археологомъ новой формаціи, то можно, наоборотъ, археолога назвать геологомъ, изслѣдованія котораго направлены на возстановленіе забытаго человѣческаго прошлаго, для того чтобы написать, такъ сказать, доисторическую исторію.

«.....Народовѣдніе для археологіи то же, что физическая географія для геологіи, указательная путеводная нить въ запутанной области минувшаго, а также надежная исходная точка для тѣхъ сравнительныхъ изслѣдованій, которыхъ цѣль—изученіе человѣчества и его развитія.

«Примѣняя указанный методъ, скандинавскіе ученые уяснили себѣ важнѣйшіе моменты культурнаго развитія Европы и установили три главныхъ его ступени: каменный вѣкъ, бронзовый вѣкъ и желѣзный вѣкъ».

То были два скандинавскихъ ученыхъ: Томсенъ, директоръ археологическаго музея въ Копенгагенѣ, и Нильсонъ, профессоръ лундскаго университета (Швеція). Они первые открыли, что напая нынѣ столь цивилизованная Европа была нѣкогда обитаема народами, не знавшими металловъ и которыхъ жизнь и домашній бытъ, по всей вѣроятности, имѣли много сходства съ жизнью и бытомъ современныхъ намъ дикарей. Кости, рога и въ особенности кремни замѣняли тогда металлъ для изготовленія рѣзущихъ орудій. Это и былъ такъ называемый каменный вѣкъ, который можно назвать первую изъ главныхъ ступеней культурнаго развитія.

«Есть основаніе думать, что человѣкъ, ко времени своего разселенія по Европѣ, владѣлъ уже искусствомъ добывать огонь. Хотя огонь получается легко, если ударять сѣрый колчеданъ объ кварцъ, но средство это, какъ кажется, употреблялось только въ видѣ исключенія, и врядъ ли кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ одного дикаго племени на Огненной Землѣ. Обыкновенный способъ добыванія огня, очевидно, состоялъ въ треніи одного куска дерева объ другой. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что пріемъ этотъ весьма трудный и сдѣлался извѣстнымъ, во всякомъ случаѣ, благодаря предшествовавшему знакомству съ огнемъ и его употребленіемъ, при чемъ первымъ поводомъ къ этому знакомству могло служить дѣйствіе молніи или дѣятельность вулкановъ *).

*) Одинъ почтенный преподаватель физики, профессоръ Швердъ изъ Шпейера, сомнѣвался, что можно добыть огонь треніемъ дерева о дерево;

«Итакъ каменному, вѣку, по всей вѣроятности, предшествовать долгій періодъ, — въ которомъ человѣкъ еще не умѣлъ добывать огонь.

«Нахожденіе способа добывать огонь искусственнымъ путемъ — одно изъ величайшихъ приобрѣтеній человѣчества. Огонь лежитъ въ основѣ почти всѣхъ производствъ; онъ служитъ дикарю при срубаніи деревьевъ и культурному человѣку при обработкѣ металловъ. Его важность такъ велика, что можно, пожалуй, сказать, что безъ огня человѣкъ врядъ ли вышелъ бы изъ своего животнаго состоянія. Мифъ о Прометѣѣ показываетъ, что это понималось уже древними. Что касается ихъ священнаго, вѣчнаго огня, то начало его относится, очевидно, къ тому времени, когда самая трудность добыванія огня заставляла людей тщательно поддерживать его.

«Введеніе бронзы положило конецъ каменному вѣку въ Европѣ. Эта металлическая смѣсь состоитъ изъ $\frac{9}{10}$ частей мѣди и $\frac{1}{10}$ части олова; она легко плавится и льется, и расплавленная масса достигаетъ при постепенномъ охлажденіи значительной твердости, хотя и меньшей, чѣмъ сталь, но все же болышей, чѣмъ чисто половое желѣзо. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что бронза довольно долгое время служила для изготовленія рѣзущихъ орудій, оружія и всяческихъ уборовъ. Поэтому-то сѣверные ученые и назвали вторую главную ступень культурнаго развитія Европы бронзовымъ вѣкомъ.

«Бронзовая утварь этого вѣка, за небольшими исключеніями, не кованая, а литая, и при томъ весьма искусно. Даже клинки ме-

по крайней мѣрѣ, говоритъ онъ, ему это не удавалось. Но любезное сообщеніе г. Лусифа Августа Гехта съ о. Таити (отъ 20 марта 1876 г.) не допускаетъ никакого сомнѣнія въ справедливости этого факта. Авторъ полученнаго нами письма писалъ: «На всѣхъ тихо-океанскихъ островахъ и специально здѣсь, на Таити, разведеніе огня посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева такъ тѣсно связано съ образомъ жизни туземцевъ, что спички, извѣстныя здѣсь уже 40 лѣтъ, въ селеніяхъ почти совсѣмъ не употребляются. Для полученія огня туземецъ беретъ два куска дерева, обыкновенно *Hibiscus tiliaceus*. Болѣе толстое полѣнце онъ сжимаетъ колѣнями, другой кусокъ, потоньше, немного заостренный, онъ беретъ крѣпко въ обѣ руки и третъ имъ по первому равномернo взадъ и впередъ на протяженіи дюймовъ 6-ти. Вскорѣ образуется въ полѣницѣ порядочное углубленіе, въ нижнемъ углу котораго накапливается все болѣе и болѣе древесной пыли. Скорость тренія постепенно увеличивается, пока не покажется легкій дымъ, древесная пыль затлѣветъ, и, наконецъ, можно раздуть пламя. Этотъ способъ требуетъ отъ 15 до 20 минутъ времени и нѣкоторую затрату силы, а потому онъ и не могъ бы конкурировать со спичками, если бы въ каждой хижинѣ не поддерживался огонь тлѣющаго полѣнца, а на ночь не зажигался ночникъ». Во всякомъ случаѣ, добываніе огня треніемъ задача нелегкая. Работа эта настолько утомительна, что ботокуды всегда смѣняютъ другъ друга при треніи. Меньшаго напряженія мускуловъ требуетъ огнебуреніе на Антильскихъ островахъ и южноамериканскомъ материкѣ. Связываются два полѣнца, между ними вставляется заостренная палочка и посредствомъ верченія вызывается воспламененіе. Такъ какъ во всѣхъ религіозныхъ обрядахъ перешли остатки самыхъ раннихъ ступеней культуры, то и костеръ, который древніе германцы зажигали во время скотскаго падежа, воспламенялся верченіемъ колеса; огонь, добытый инымъ способомъ, считался недѣйствительнымъ. (См. Wuttke. «Der deutsche Volksaberglaube der Gegenwart». Berlin. 1869 г.)

чей были литые, а молотъ (каменный) служилъ только для того, чтобы придать лезвию еще болѣную твердость.

«Такимъ образомъ, бронзовый вѣкъ зналъ горное дѣло, которое было совершенно чуждо каменному вѣку. Но для развитія культуры горное дѣло настолько важно, что безъ его участія земля наша, быть можетъ, и теперь еще была бы населена только дикарями. А потому стоитъ нѣсколько остановиться на происхожденіи бронзы.

«Добывать мѣдь было не особенно трудно. Она встрѣчается въ природѣ въ самородкахъ, т. е. въ чистомъ видѣ; затѣмъ, въ видѣ руды, т. е. въ соединеніи съ другими веществами; ее можно легко отличить по цвѣту или по сильному блеску. Мѣдная руда сравнительно легко плавится и даетъ металлъ. Наконецъ, мѣдь—не рѣдкость; она встрѣчается, большей частью въ видѣ руды, въ горахъ древнѣйшихъ породъ большинства странъ.

«Олово не встрѣчается въ чистомъ видѣ, но руда его тяжела, темнаго цвѣта и легко плавится. Мѣдь встрѣчается въ природѣ довольно часто, олово же, напротивъ, рѣдко, лишь въ немногихъ мѣстностяхъ. Такъ, въ Европѣ можно указать только два мѣста, гдѣ въ настоящее время разрабатываются оловянные рудники: Корнвалльсь, въ Англии, и горы Рудныя и Фихтельгебирге, въ Германіи.

«Но, прежде чѣмъ дошли до искусства сплавлять мѣдь съ оловомъ, не понадобилась ли переходная ступень, т. е. не было ли такого времени, когда употребляли въ дѣло одну мѣдь, особенно въ виду рѣдко встрѣчающагося олова? Если такъ, то между каменнымъ и бронзовымъ вѣкомъ былъ еще средній, мѣдный вѣкъ.

«Такъ дѣйствительно было въ Америкѣ. Въ моментъ открытія ея испанцами, два центральныхъ культурныхъ пункта, Мексика и Перу, знали уже бронзу, состоящую изъ мѣди и олова; она служила имъ для изготовленія рѣжущихъ орудій. Но этому бронзовому вѣку предшествовалъ особый мѣдный вѣкъ, который, надо полагать, длился довольно долго. Изслѣдованія Сквэйра (Squier) и Дэвиса (Davis) надъ древностями долины Миссисипи возстановили картину давно исчезнувшаго культурнаго развитія, которое отличалось употребленіемъ самородной мѣди, обработанной въ холодномъ состояніи, безъ плавки. Такая выдѣлка металла въ холодномъ состояніи посредствомъ каменныхъ орудій имѣетъ свое основаніе; чистая мѣдь менѣе годится для плавки и литья. Особое свойство этой мѣди, содержащей иногда кристаллы самороднаго серебра, указываетъ на ея мѣсторожденіе, а именно, она добывалась изъ окрестностей Верхняго озера. Тамъ, въ особенности на Иль-Рояль, и теперь еще много чистой мѣди, при чемъ попадаются куски вѣсомъ до 1000 центнеровъ. Въ одной очень древней пещерѣ нашли даже громадную глыбу мѣди, которую древніе, очевидно, пробовали поднять, но оставили на мѣстѣ, съ трудомъ отбивъ каменными топорами и кирками всѣ выдававшіяся части.

«Время этого сѣверо-американскаго мѣднаго вѣка еще не опредѣлено; думаютъ, что съ тѣхъ поръ прошла, по меньшей мѣрѣ, тысяча лѣтъ,—періодъ необходимый для произрастанія того перво-

бытнаго лѣса, который теперь висится на развалинахъ погибшей культуры. Нынѣшніе индѣйцы не сохранили даже и воспоминанія, хотя бы въ видѣ преданія, о той замѣчательной эпохѣ. Наконецъ, заслуживаетъ вниманія то, что moundbuilders, какъ американцы называютъ людей мѣднаго вѣка, очевидно, предшествовали мексиканской культурѣ, уничтоженной испанцами, которую они, такимъ образомъ, подготовили. Дѣло въ томъ, что замѣчается постепенный переходъ отъ сѣвера къ югу, отъ земляныхъ построекъ Миссисипской долины къ болѣе новымъ постройкамъ времени Кортеса.

«Въ Европѣ нѣтъ и слѣдовъ мѣднаго вѣка *). Изрѣдка, правда, попадается кое-гдѣ мѣдная сѣкира. Но эти исключительныя находки легко объясняются большою рѣдкостью олова, которое обыкновенно привозилось издалека и въ которомъ, поэтому, при неудобствахъ сообщенія, ощущался болѣе значительный недостатокъ, нежели въ болѣе доступной мѣди.

«Такъ какъ въ Европѣ не развился настоящій мѣдный вѣкъ, то изъ этого можно заключить, какъ справедливо замѣчаетъ Тройонъ, что искусство получения и выдѣлки бронзы введено было въ Европу, какъ готовое изобрѣтеніе, изъ другой части свѣта. Вѣроятно, бронза появилась впервые въ какой-нибудь странѣ Востока, изобилующей мѣдью и оловомъ, — тамъ найдутся, вѣроятно, и слѣды предшествовавшего бронзѣ мѣднаго вѣка.

«Наконецъ, является другой металлъ, сѣрый и невзрачный на видъ, но въ дѣйствительности болѣе драгоценный, чѣмъ золото и алмазь, — желѣзо, и совершаетъ дивный переломъ въ человѣческихъ условіяхъ, обозначая собой третью главную ступень развитія европейской культуры — желѣзный вѣкъ.

«.....Вмѣстѣ съ желѣзомъ появляется въ Европѣ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной ея половинѣ, серебро; золото появилось тамъ уже въ теченіе бронзоваго вѣка. Оно и понятно: золото встрѣчается чаще всего въ видѣ самородковъ, тогда какъ серебро обыкновенно добывается изъ различныхъ рудъ, иногда довольно сложнымъ способомъ плавленія.

«Одновременно съ желѣзомъ появляется въ первый разъ въ Европѣ стекло; затѣмъ, великій рычагъ торговли — чеканная монета и, наконецъ, азбука, эта, въ истинномъ смыслѣ, духовная монета, способствующая развитію и широкому распространенію мысли и сама по себѣ достаточная, чтобъ обозначить новую эру великаго развитія. Кромѣ того, съ этого времени начинается исторія, а также зарождаются науки, особенно астрономія.

«Изящныя искусства, съ появленіемъ желѣза въ Европѣ, также приобретаютъ новую важную черту, обозначающую большой шагъ впередъ. Уже въ каменномъ вѣкѣ, но еще болѣе въ бронзовомъ, чувство изящнаго выражалось въ украшеніяхъ на глиняной посудѣ, въ особенности же на металлической утвари. Украшенія эти состоятъ въ точкахъ, черточкахъ, кругахъ, зигзагахъ, спиральныхъ и змѣеобразныхъ линияхъ. Это все — изображенія геометрическаго ха-

*) Въ новѣйшее время и здѣсь были открыты признаки мѣднаго вѣка.

рактора, но это не исключаетъ чистоты стилиа и хотя своеобразной, но дѣйствительной красоты, несмотря на полное отсутствіе изображеній живыхъ существъ изъ царства животнаго или растительнаго. Только съ появленіемъ желѣза искусство взяло болѣе сильный полетъ, поднявшись до изображенія растений, животныхъ и человѣка. До сихъ поръ не найдено еще ни одного идола бронзоваго или каменнаго вѣка. Надо полагать, что въ глубокой древности, по крайней мѣрѣ въ бронзовомъ, а можетъ быть и въ каменномъ вѣкѣ, господствовало поклоненіе огню, солнцу и мѣсяцу».

На этомъ кончаются общія замѣчанія. Первые открытія въ означенной области были сдѣланы на нѣкоторыхъ приморскихъ пунктахъ Даниі, въ особенности вблизи фіордовъ. Здѣсь нашли большія кучи раковинъ, до 1000 фут. въ длину, болѣе 100 фут. въ ширину и отъ 5 до 6 фут. въ вышину. Масса нагроможденнаго матеріала огромная. Между раковинами нашли обломки костей живогныхъ, грубую кремневую утварь, глиняную посуду, уголь и золу. Во всемъ этомъ признали остатки нищи («кухонные отбросы» — отсюда датское названіе *kjoekken-moedding*) людей, питавшихся раковинами и мясомъ и выбрасывавшихъ пустыя створки устрицъ и высосанныя кости. Такія же важныя находки были сдѣланы въ торфяныхъ болотахъ Даниі. Послѣднія для исторіи растительнаго царства такъ же важны, какъ упомянутые «кухонные отбросы» для исторіи царства животнаго. Три датскихъ ученыхъ, геологъ Ф о р х г а м м е р ь, археологъ В о р з е и зоологъ и ботаникъ С т е и с т р у п ь, съ 1850 по 1856 г., работали съ рѣдкимъ единодушіемъ надъ изслѣдованіемъ этихъ предметовъ.

Намъ незачѣмъ входить во всѣ подробности. Мы приведемъ здѣсь только одно замѣчаніе Карла Фохта («Лекціи о человѣкѣ»), проливающее нѣкоторый свѣтъ на время происхожденія этихъ «кухонныхъ отбросовъ». Нахожденіе тетерева въ кухонныхъ отбросахъ доказываетъ, что народъ, накопившій этотъ соръ, жилъ въ Даниі въ періодъ сосны и что съ того времени прошелъ періодъ дуба, остатки котораго встрѣчаются въ лѣсныхъ болотахъ и который уступилъ мѣсто буку. Были найдены сосновые стволы, обработанные человѣкомъ съ помощью огня и камня, и между этими стволами — кремневая утварь, которая по времени соответствуетъ кухонному сору; въ торфяныхъ же болотахъ, соответствующихъ періоду дуба, была найдена прекрасная бронзовая утварь. Далѣе нашли гробницы, сложенныя изъ большихъ каменныхъ глыбъ; въ этихъ гробницахъ оказалась только каменная и костяная утварь. Черепа, найденныя въ этихъ гробницахъ, поразительно малы и очень круглы, затылочная часть головы коротка, глазныя впадины необыкновенно малы, а бровныя дуги и носовыя кости сильно выдаются впередъ и между ними такая глубокая впадина, что въ ней можетъ помѣститься указательный палецъ взрослога человѣка. Черепа не походятъ ни на какіе черепа другихъ европейскихъ народовъ, кромѣ развѣ лопарей и финновъ.

Но не только въ Даниі нашли подобнаго рода остатки. Нѣкоторые приозерные жители Швейцаріи давно уже рассказывали о вбитыхъ въ озерное дно сваяхъ, вышиной въ 30—60 санти-

метровъ, обыкновенно не достигающихъ поверхности воды. Рыбаки боятся этихъ свай, такъ какъ о нихъ часто рвутся ихъ сѣти. Когда и какъ появились эти сваи, сооруженныя, очевидно, человѣческой рукой, никто не зналъ. При низкомъ уровнѣ воды, съ тинистаго дна озеръ добывали нерѣдко (между прочимъ, изъ Цюрихскаго озера въ 1829 г.) большіе олени рога и своеобразную утварь неизвѣстнаго происхожденія. Но все подобныя находки оставались безъ послѣдствій. При низкомъ уровнѣ воды зимою 1853—1854 года были предприняты работы близъ мѣстечка Мейленъ, на Цюрихскомъ озерѣ. На этотъ разъ рабочіе вытаскили изъ черной тины гнилые заостренные концы свай и, кромѣ того, нашли разбросанныя черенки необыкновенной глиняной посуды и особаго рода орудія, безъ всякаго слѣда металла. На мѣсто прибылъ изъ Цюриха докторъ Ферд. Келлеръ, одушевленный страстной любовью къ наукѣ. Онъ сразу увидѣлъ, что эта плохая посуда очень древняя, но не римскаго происхожденія, такъ какъ она черная, плохо обожжена и сдѣлана не на гончарномъ станкѣ, а отъ руки. Утварь, оружіе и сваи имѣли не менѣе своеобразный первобытный видъ и напомнили собою находки въ торфяныхъ болотахъ Скандинавіи. Дальѣйшія изслѣдованія подтвердили это. Была, очевидно, связь между сваями, съ одной, и утварью и оружіемъ—съ другой стороны, такъ какъ эти послѣднія вещи находились только вблизи свай. Все это указывало на слѣды человѣческой дѣятельности. Прямые сваи, стоявшія посреди найденныхъ предметовъ, были намѣренно вбиты и, очевидно, должны были поддерживать какое-нибудь зданіе. Такъ какъ грунтъ, въ который онѣ вколочены, ниже средняго уровня воды, то отсюда слѣдуетъ, что эти постройки были установлены въ водѣ. Это были жилища или амбары, которые намѣренно строились въ водѣ, въ мѣстахъ, обозначенныхъ найденными сваями. Масса этихъ находокъ, какъ и толщина заключавшаго ихъ слоя, служатъ достаточнымъ доказательствомъ того, что эти поселенія были постоянныя. Такимъ образомъ, существовалъ періодъ, въ которомъ жители этой страны устраивали себѣ если не жилища, то убожища въ водѣ: это и есть періодъ «свайныхъ построекъ».

Изслѣдованія, произведенныя вскорѣ во всей Швейцаріи, привели къ цѣлому ряду подобныхъ же открытій. Цюрихское озеро оказалось особенно изобилующимъ такими остатками, много нашлось ихъ также въ Пфэффиконскомъ озерѣ, особенно у Робенгаузена, потомъ въ озеряхъ Нейенбургскомъ, Женевскомъ и Боденскомъ. Если не ошибаемся, остатки свайныхъ построекъ найдены были во всѣхъ швейцарскихъ озеряхъ. Количество предметовъ временъ свайныхъ построекъ, собранное въ одномъ только отдѣленіи цюрихской городской бібліотеки, составляющей какъ бы особый музей, огромно; остальные вещи входятъ въ составъ частныхъ коллекцій. Составилась особая литература объ этой вѣтви исторической науки *). Хотя мы избѣгаемъ деталей, все же скажемъ

*) Наиболее замѣчательные труды по этому предмету: д-ра Ф. Кел-

здѣсь вкратцѣ о нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ результатахъ этихъ изслѣдованій. Въ Швейцаріи свайныя постройки существовали въ продолженіе каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ. Люди того времени (какъ это доказываютъ рукоятки оружія, браслеты и почти всѣ орудія) были меньше и слабѣе людей нынѣшняго поколѣнія. Но въ своихъ работахъ они обнаруживали остроуміе, терпѣніе, выдержку и ловкость, которымъ поистинѣ можно удивляться. Древнѣйшее населеніе слилось съ пришедшими позднѣе кельтами, которые, какъ есть основаніе думать, принесли въ страну мѣдь (бронзу). Еще позднѣе пришли германцы, знавшіе желѣзо еще въ Азіи. Гдѣ нѣтъ мѣди и желѣза, тамъ не было ни кельтовъ, ни германцевъ, а были древнѣйшія, болѣе раннія расы.

Утварь и орудія указываютъ на то, что обитатели свайныхъ построекъ были осѣдлый, а не кочевой народъ; они занимались охотой, рыболовствомъ, хлѣбопашествомъ и льноводствомъ, такъ какъ найдены обугленный хлѣбъ, полотно и различныя ткани. И теперь еще можно различить, что хлѣбъ этотъ пшеничный, испеченный на каменной плитѣ изъ раздавленнаго зерна. Найденныя ткани доказываютъ ловкость людей каменнаго вѣка въ пряденіи и тканьи, такъ какъ пряжи частью связаны, частью, очевидно, сотканы на ткацкомъ станкѣ. Искусство же изготовлять изъ самаго твердаго камня, посредствомъ простаго обкалыванія и обтачиванія, топоры, ножи, пилы и всякаго рода орудія — прямо изумительно. Кости и рога также употреблялись для выдѣлки такихъ предметовъ. Сосуды людей каменнаго вѣка грубы и плохи; они пережигали на огнѣ глину съ большою примѣсью кварца; муравленіе тогда было неизвѣстно; простыя шпиги и точки являются единственными украшениями; но часто сосуды покрывались краснымъ сланцемъ или графитомъ. Живымъ спутникомъ людей каменнаго вѣка является собака, какъ древнѣйшее изъ домашнихъ животныхъ. Звѣрьъ была у нихъ такъ называемая торфяная свинья, сначала въ дикомъ состояніи, а потомъ прирученная; кромѣ того, мелкая порода рогатаго скота, овцы и козы. Лошади были неизвѣстны. Въ тѣ времена охотились на бизона, котораго никогда не удавалось приручить, на тура, прародителя фризской породы рогатаго скота, и на другихъ звѣрей, и теперь еще обитающихъ лѣсао. Для своихъ надводныхъ построекъ свайные жители вколачивали въ тину сваи, въ мѣстахъ глубиной до 7 фут.; тамъ, гдѣ дно было скалистое, они закрѣпляли сваи камнями. На эти сваи клали поперекъ другія бревна и на нихъ уже устанавливалась самая свайная хижина изъ дерева.

лера (въ «Трудахъ цюрихскаго общества древностей»), А. фонъ-Морло (въ «Bulletin de la société vaudoise des Sciences naturelles») и Е. Desor'a («Свайныя постройки Нейенбургскаго озера»). Кромѣ того, упомянутая книга Карла Фохта. Нельзя обойти молчаніемъ также новѣйшій трудъ: «Les Protohelvets ou les premiers colons sur les bords des lacs de Bienne et Neuchâtel, avec préface de m-r le professeur Virchow, par Victor Gross, docteur en médecine». Berlin, A. Asher et Co».

Въ тѣхъ мѣстахъ озера, гдѣ были построены такія хижины, находятся въ отложеніяхъ дна различные предметы, бывшіе въ употребленіи у людей каменнаго вѣка: остатки пищи, орѣховая скорлупа, зерна малины. Тамъ, гдѣ пожаръ разрушилъ свайныя постройки, предметы обуглились, и потому сохранились лучше: въ такомъ видѣ нашли хлѣбъ, сушеные плоды, зерна и др. Наконецъ, тамъ же находятся оружіе и орудія изъ камня—молоты, пики, рѣзцы, топоры, изъ рога или кости—иглы, шила и наконечники стрѣлъ, обѣдки свиней, рогатаго скота, каменныхъ барановъ, лисицъ, волковъ и медвѣдей. Посуда указываетъ на то, что люди каменнаго вѣка уже пользовались огнемъ для варки пищи. Слѣдовъ писемъ или монетъ не открыто. Встрѣчается также оружіе, сдѣланное изъ нефрита, минерала, находимаго въ большихъ массахъ только въ верхней Азійи и Новой Зеландіи. По всей вѣроятности, эта горная порода появилась въ Швейцаріи путемъ торговли и мѣны, подобно тому, какъ въ древнѣйшія времена янтарь проникъ въ Индію съ береговъ Балтійскаго моря. Отсюда можно заключить, что уже въ то время существовали торговые сношенія между народами крайняго Востока.

Бронзовый вѣкъ отмѣченъ рѣшительными успѣхами культуры. Люди носили украшенія и оружіе изъ этого металла. Переходъ изъ каменнаго къ бронзовому вѣку совершился постепенно, и можно предположить, что люди каменнаго вѣка не были смяты или истреблены людьми бронзоваго вѣка. Глиняная посуда людей бронзы, хотя еще грубая и немуравленная, все же сдѣлана красивѣе и богаче разукрашена. Рядомъ съ каменною утварью находимъ бронзовые топоры, оружіе, иглы, удочки, кольца, головныя шпильки, застежки на подобіе теперешнихъ брошей. Украшенія на оружіи и уборахъ состоятъ въ зигзагахъ и отчасти въ спиральныхъ линіяхъ. Встрѣчаются цѣпи (ожерелья) изъ янтарныхъ шариковъ и серьги изъ золотой проволоки. Отсутствие идоловъ не говоритъ въ пользу существованія въ то время религіи, точно такъ же, какъ непагожденіе писемъ и монетъ—въ пользу высшей, духовной жизни. Люди бронзоваго вѣка сжигали своихъ покойниковъ.

Отъ этого періода мы переходимъ къ желѣзному вѣку, т. е. къ тому времени, когда люди знали и употребляли желѣзо. Переходъ къ этому послѣднему отдѣлу доисторическаго времени характеризуется употребленіемъ бронзы на украшенія, тогда какъ желѣзо служило матеріаломъ для изготовленія оружія и рѣзущихъ орудій. Свайныя постройки встрѣчаются рѣже; повидимому, люди желѣза пользовались ими только въ исключительныхъ случаяхъ, большинство же жило на твердой землѣ. Попадаются широкіе мечи съ почти римскими украшеніями, а также наконечники копій болѣе фута длины. Въ это время глиняная посуда имѣетъ уже красивую форму, хорошо обожжена и украшена фигурами животныхъ и растений. Являются писмена и въ первый разъ показываются монеты. Такимъ образомъ, во всемъ высказывается рѣшительный прогрессъ людей желѣзнаго вѣка.

Извѣстный швейцарскій натуралистъ, профессоръ Гееръ, въ Цюрихѣ, подвергъ научному изслѣдованію растительность времени свайныхъ построекъ. Онъ различилъ не менѣе 115 видовъ растений. Уже для каменнаго вѣка установлено три сорта пшеницы (между ними одинъ мелкозернистый, но мучнистый сортъ, называемый пшеницей свайныхъ построекъ), два сорта ячменя, два сорта проса и т. п. Плугъ, какъ земледѣльческое орудіе, повидимому, еще не былъ знакомъ этому вѣку: землю обрабатывали круглыми лопатами, прикрѣпленными посерединѣ къ палкѣ, и двузубою мотыгою изъ оленьяго рога. Солома употреблялась на плетеніе. Способъ перемалыванія зерна извѣстенъ намъ по многимъ найденнымъ жерновамъ. Онъ былъ очень примитивенъ: зерно раздвигалось между двумя гладкими камнями,—и весьма неудовлетворителенъ, какъ доказываютъ всѣ найденные остатки хлѣбовъ. А между тѣмъ приготовляли три сорта хлѣба, хотя, конечно, всѣ они были хуже самаго плохого пряника. Отруби не отдѣлялись отъ муки. Такъ какъ нигдѣ не было найдено ржи, то предполагаютъ, что жители свайныхъ построекъ не имѣли сношеній съ народами восточной Европы, которые сѣяли главнымъ образомъ этотъ родъ зерна. Съ другой стороны, всѣ прочія культурныя растенія какъ будто указываютъ на связь со странами Средиземнаго моря и на полученіе оттуда всѣхъ родовъ хлѣба. Люди свайныхъ построекъ имѣли тѣ же сорта хлѣба, какъ и древніе египтяне, и одѣвались въ такія же ткани, такъ какъ у нихъ и у египтянъ ленъ игралъ главную роль между волокнистыми растеніями. Большое число сортовъ хлѣбныхъ растений уже въ каменномъ вѣкѣ, затѣмъ широкое воздѣлываніе и обработка льна, какъ и все вообще культурное состояніе этихъ людей, показываютъ, что всему этому предшествовалъ продолжительный періодъ развитія. Такъ какъ тѣ же культурныя растенія мы встрѣчаемъ на востокѣ во времена Гомера и Давида, то швейцарскій ученый, которому мы обязаны этими изысканіями, считаетъ вѣроятнымъ, что тѣ свайныя постройки, въ которыхъ встрѣчается бронза, относятся приблизительно къ тому же періоду, тогда какъ свайныя постройки каменнаго вѣка должны быть гораздо древнѣе.

Помимо этого обстоятельства, найденные древніе остатки растений даютъ также цѣнный матеріалъ для изслѣдованія вопроса: послѣдовало ли какое-либо видоизмѣненіе растений въ историческое время? Что до дикорастущихъ растений, то отвѣтъ получается отрицательный. Самое точное изслѣдованіе этихъ дикихъ растений показываетъ ихъ поразительное сходство съ нынѣ существующими видами; сохранились даже незначительныя отклоненія формъ (напр., у кувшинки, сосны, терновника и т. д.). Замѣчательно, что профессоръ Унгеръ, при изслѣдованіи древне-египетскихъ растений, пришелъ къ тѣмъ же результатамъ. Другое дѣло культурныя растенія. Если даже у нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя доказать различіе (напр., у пшеницы и ячменя), то, все-таки, надо признать, что большинство тогдашнихъ видовъ не подходитъ вполне ни къ одному изъ нынѣ существующихъ, и не можетъ быть причислено къ

нимъ. Мелкій кельтійскій бобъ, горохъ, мелкая рожь свайныхъ построекъ, пшеница египетская и свайныхъ построекъ и полба представляютъ своеобразныя и, повидимому, пещенувшія породы. По большей части сѣмена ихъ были мельче сѣмянъ воздѣльваемыхъ нынѣ растений. Такимъ образомъ, флора свайныхъ построекъ какъ бы доказываетъ, что всѣ растенія, культивированныя человѣческой рукой, или видоизмѣнились до извѣстной степени, къ выгодѣ людей, или же были замѣнены лучшими сортами, тогда какъ дикія растенія сохранили тѣ же формы, какія были тысячелѣтія тому назадъ.

Для опредѣленія степени древности свайныхъ построекъ не имѣется точныхъ данныхъ. Возможны только гадательныя предположенія. Поэтому-то цифры, которыя мы приводимъ, и разнятся такъ между собой. Тройонъ считалъ, что уттинскія свайныя постройки, близъ Ивердена (Нейенбургское озеро), существуютъ не болѣе 34—35 столѣтій. Гиллеронъ думаетъ, что свайныя постройки близъ цильскаго моста (между Нейенбургскимъ и Бильскимъ озерами) построены, по крайней мѣрѣ, 67 столѣтій тому назадъ. Наконецъ, Морло, замѣтившій въ одномъ желѣзнодорожномъ тоннелѣ близъ Женевского озера слѣды трехъ ясно лежащихъ однихъ на другомъ пластовъ римскаго, бронзоваго и каменнаго періодовъ, высчиталъ, что бронзовый вѣкъ отдаленъ, по крайней мѣрѣ, на 29—42 столѣтій, а каменный вѣкъ на 48—70 столѣтій отъ нашего времени. Даже самые осторожные изслѣдователи, какъ, напр., Гееръ, считаютъ несомнѣннымъ, что свайныя постройки существуютъ, во всякомъ случаѣ, болѣе 2000 лѣтъ, вѣроятно, даже болѣе 3—4 тысячъ лѣтъ. (Во всякомъ случаѣ, гельветы время Цезаря уже не жили въ свайныхъ постройкахъ). Въ серединѣ шестидесятихъ годовъ нашего столѣтія въ торфяныхъ болотахъ Юры нашли маленькія желѣзоплавильныя печи на глубинѣ, которая (по мнѣнію Фохта) свидѣтельствуетъ о давности 6000 лѣтъ. Насколько же раньше ихъ должны были быть бронзовый и каменный періоды? Викторъ Гроссъ (въ названномъ выше сочиненіи) полагаетъ, что мы приблизимся къ истинѣ, если отнесемъ конецъ встрѣчающейся въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ бронзовой культуры къ 8 или 10 столѣтію дохристіанской эры. Жившіе тамъ люди указанного времени не лишены были, повидимому, извѣстной степени благосостоянія и образованности.

Мы останавливались такъ долго на свайныхъ постройкахъ Швейцаріи потому, что онѣ изслѣдованы тщательнѣе другихъ. Но и въ другихъ странахъ открыли такія свайныя постройки, а также слѣды желѣзнаго, бронзоваго и каменнаго вѣковъ. Такъ, напр., въ Штарнбергскомъ озерѣ (въ верхней Баваріи, гдѣ, отъ наносовъ у одной свайной постройки образовался цѣлый островъ, *Roseninsel*), въ Австріи (напр., у Галльштадта), въ Мекленбургѣ, затѣмъ въ Венгріи, въ сѣверной Италіи (близъ Эсте), въ Эмліи и во Франціи. Даже въ другихъ частяхъ свѣта были сдѣланы подобныя открытія; такъ, напр., въ Ассамѣ (въ восточной Азіи), гдѣ народъ обработанные камни, сохранившіеся отъ древнихъ жителей, признаетъ «упав-

Такимъ образомъ, для насъ открытъ новый историческій міръ, о которомъ историки добраго стараго времени не имѣли понятія и который можетъ намъ дать еще много научныхъ разъясненій по вопросу о развитіи человѣчества и культуры.

Дополненіе. Новѣйшія изслѣдованія наводятъ на догадку, что бронзовый вѣкъ не слѣдовалъ непосредственно за каменнымъ, а что оба шли рядомъ, были одновременны. Тѣмъ не менѣе не можетъ подлежать сомнѣнію, который изъ этихъ вѣковъ древнѣйшій и который позднѣйшій. Въ исторіи робенгаузенской свайной постройки М. Мессинкоммеръ сообщаетъ, что недавно онъ нашелъ тамъ стрѣлу изъ чистой мѣди. Въ этомъ видитъ онъ признакъ особаго мѣднаго вѣка, что другими учеными оспаривается.

Занимствуемъ слѣдующія подробности изъ лекціи о свайныхъ постройкахъ, читанной докторомъ О. Фраасомъ въ Штуттгартѣ.

Палеонтологія различаетъ два большихъ отдѣла въ доисторическомъ развитіи европейскаго человѣчества: время пещерныхъ и время свайныхъ построекъ. Вопросъ о давности этихъ періодовъ разрѣшается нѣмецкими учеными иначе и осторожнѣе, чѣмъ иностранцами, которые хватаютъ черезчуръ уже глубоко въ сѣдую старину. Пещерное время примыкаетъ ко времени постепеннаго пещеновенія великаго глетчернаго пояса, который простирался отъ Скандинавіи до Альпъ. Номады, которые приходили съ юго-запада, по догадкѣ лектора, изъ Африки, черезъ Испанію и Францію,—переселяясь изъ области Роны въ Рейнскую долину, стояли на низшей ступени развитія; пищу свою они добывали себѣ изъ вполне еще арктической флоры и фауны; пещерные жители охотились на вымершія породы звѣрей, на длинношерстаго носорога и т. д. Въ періодъ свайныхъ построекъ появляются уже домашнія животныя: рогатый скотъ, овца, свинья; воздѣлывали также хлѣбъ, отчизну котораго предполагаютъ на берегахъ Средиземнаго моря. Телерь почти каждый музей имѣетъ находки изъ этого періода каменнаго вѣка, которыя отлично сохранились въ болотистой почвѣ. Среди свайныхъ строеній находили различныя колющія и рѣзущія орудія изъ кости или изъ твердаго кремня, пшеничныя и ячменныя зерна, лѣсные яблоки, груши, тернъ и т. д., даже издѣлія керамики, чаши съ орнаментами, которыя схожи съ найденными въ Германіи, на возвышенностяхъ, гдѣ происходили жертвоприношенія. То обстоятельство, что кремень попадается только въ мѣловыхъ горахъ Шампани и на Рюгенѣ, а также и другія геогностическія наблюденія по отношенію къ свайнымъ постройкамъ даютъ поводъ къ интереснымъ догадкамъ о происхожденіи и движеніи тогдашнихъ народовъ. По вопросу о цѣли и значеніи самихъ построекъ взгляды расходятся. Судя по характеру различныхъ найденныхъ вещей, лекторъ полагаетъ вѣроятнымъ, что свайныя постройки служили отчасти мѣстомъ культа, отчасти же для промышленныхъ цѣлей, особенно для выдѣлки звѣриныхъ шкуръ, которыя составляли главную одежду людей каменнаго вѣка. Въ хлѣбопашествѣ, стоявшемъ, ко времени столкновенія германцевъ съ римлянами, уже на высо-

кой ступени развитія, заключаюлася вся сила сопротивленія и жизнеспособность народа.

Мой покойный другъ, бывший горный начальник Штёръ, въ своемъ чтеніи въ мюнхенскомъ антропологическомъ обществѣ, 6 мая 1876 г., также высказался противъ ранѣ принятаго раздѣленія на періоды. Онъ болѣе склонялся къ мнѣнію, что не было строго отграниченнаго бронзоваго вѣка, а былъ болѣе продолжительный желѣзный вѣкъ; на это, между прочимъ, указываютъ вънутреннія причины, а именно: гораздо легче получить желѣзо, нежели бронзу. Но если можно еще сомнѣваться въ томъ, что желѣзо появилось ранѣе бронзы, то все болѣе и болѣе устраняется всякое сомнѣніе въ одновременномъ существованіи обоихъ металловъ, и въ дѣйствительности все рѣже натываются на мѣста съ находками исключительно изъ бронзы.

Въ 1877 г. близъ Болоньи городекимъ инженеромъ Цаннони была сдѣлана замѣчательная находка изъ бронзы. На дугу, на глубинѣ 2 фут., нашли при рытвѣ ямы амфору, вышиною 1,25 метра и 1,20 метра въ діаметрѣ, наполненную тщательно и плотно сложенною бронзовою утварью. Бронза вѣсила 30 центнеровъ, а въ сосудѣ было не менѣе 14000 предметовъ. Сначала было предположили, что эта коллекція была спрятана во время какой-либо большой опасности. Но это предположеніе опровергъ Белуччи, высказавъ мнѣніе, что вещи эти, подобно другимъ находкамъ въ Италіи, по всей вѣроятности, принесены были въ даръ какому-нибудь подземному божеству, а потому и зарыты въ землю. Найденные предметы слѣдующіе: 1341 топоръ (кельтскіе), въ томъ числѣ 1086 цѣлыхъ и 255 сломаныхъ, предметы украшенія, орудія, отчасти красиво разукрашенное оружіе. Все это покрыто характерною античною ржавчиной.

ВОСТОЧНЫЕ НАРОДЫ.

За послѣднее столѣтіе, и въ особенности за послѣднее десятилѣтіе, этнологія древнихъ народовъ сдѣлала такіе огромные и быстрые успѣхи, какихъ никто не могъ предвидѣть. Мы уже говорили выше о свайныхъ постройкахъ и о людяхъ, современныхъ пещерному медвѣдю и другимъ вымершимъ теперь породамъ животныхъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ разобраны іероглифы и клинообразныя письма и, значитъ, достигнуто то (по крайней мѣрѣ, въ принципѣ), что считалось дотошъ невозможнымъ, намъ должны внушить еще большее удивленіе тѣ народы, о культурѣ которыхъ непреложно свидѣтельствуютъ эти странныя письма.

Если наше знакомство съ древними народами ограничивалось до того времени свѣдѣніями, дошедшими до насъ отъ грековъ, римлянъ и евреевъ, то теперь для насъ сталъ открываться какъ бы новый міръ. На сцену выступили новые народы; хотя имена другихъ и были извѣстны раньше, но больше о нихъ ничего не знали; теперь же мы познакомились съ ихъ жизнью и дѣятельностью. Случилось то же, что и съ небомъ: когда изобрѣли и усовершенствовали телескопъ, появились такъ же новые міры; вся древняя исторія расширилась такъ, какъ никто не могъ ожидать.

И наша книга, чтобы не отставать отъ всего того, что было изслѣдовано со времени появленія послѣдняго изданія, должна удѣлить исторіи древнѣйшихъ народовъ больше мѣста и вообще изложить ее въ иномъ видѣ. То, что знали 10 или 12 лѣтъ тому назадъ о хамитахъ и семитахъ, объ египтянахъ, ассирійцахъ и вавилонянахъ, теперь уже является недостаточнымъ. И не только потому, что нынѣшнимъ поколѣніямъ эти народы ближе знакомы, но дѣло въ томъ, что теперь извѣстны другіе, какъ бы новые народы, въ качествѣ еще болѣе раннихъ носителей культуры, чѣмъ названные народы.

Изученіе языка и письменности каждой изъ этихъ націй требуетъ, конечно, цѣлой человѣческой жизни, а потому само собой разумѣется, что книга, подобная нашей, должна останавливаться только на нѣкоторыхъ главныхъ моментахъ (да и то въ обычныхъ чертахъ) изъ всего того, что тщательно изслѣдовано неустаннымъ трудомъ сотенъ или даже тысячъ другихъ людей.

Обратимся прямо къ дѣлу.

Азію считаютъ колыбелью всего человѣческаго рода, прародиной всего человѣчества. Поставленный такимъ образомъ вопросъ находится въ связи съ различными обстоятельствами, которыя еще сами требуютъ объясненія. Съ нѣкоторою достовѣрностію, однако, можно утверждать, что Азія та часть свѣта, откуда вышли первые культурные народы, въ которой они развились до степени таковыхъ или которая, насколько до сихъ поръ выяснено наукой, является раннею отчизной всѣхъ, безъ исключенія, культурныхъ народовъ.

Но не въ Гималайскихъ горахъ и не въ высокой долинѣ Кашемира, какъ это предполагали раньшее, а совсѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ находимъ мы первые слѣды человѣческой культуры: носителями ея, надо полагать, были народы туранскіе, скноскіе, народы, до послѣдняго времени едва извѣстные по имени, которые изъ горъ Арменіи двинулись въ долины Тигра и Евфрата,—сумерійцы и аккадійцы. Имъ уже быть извѣстенъ родъ клинописи. И это обстоятельство упрочиваетъ за ними видное мѣсто въ исторіи культуры.

По мнѣнію Гоммеля, они жили, около 4000 лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія, въ Халдѣ, а затѣмъ, какъ кажется, были вытѣснены семитическими племенами, вавилонянами и ассирийцами, присутствіе которыхъ въ изъванныхъ рѣчныхъ долинахъ (по любезному сообщенію Фр. Гоммеля) можно прослѣдить, во всякомъ случаѣ, до 3700 или 3800 года до начала нашей эры. Другіе семиты—евреи, финикіяне и др.—появляются какъ въ долинахъ Евфрата и Тигра, такъ и въ остальной передней Азіи. Фактически оказывается, что взаимная отчужденность отдѣльныхъ племенъ далеко не была такою безусловною и полною, какъ мы обыкновенно полагаемъ.

Успѣхи однихъ сравнительно быстро заимствуются другими. Хотя отношенія племенъ и были зачастую враждебныя, но уже и въ то время составлялись союзы противъ третьихъ, благодаря чему устанавливалась культурная связь между двумя первыми и распространялось развитіе.

Въ то время какъ это происходило въ средней Азіи, а можетъ быть и раньше того, въ сѣверо-восточной части Африки, въ Египтѣ, начала развиваться сравнительно высокая культура. Но носители и создатели ея происходили тоже изъ Азіи. Греческіе писатели, правда, учили иначе: они говорили, что наставниками ихъ были эоіоны. Только въ наше время удалось доказать полную неосновательность этихъ теорій. Не негры, вышедшіе изъ внутренней Африки, а пришлые изъ Азіи хамиты, отчасти также семиты, были онователями египетской культуры. При этомъ безразлично, поднялись ли они вверхъ по Нилу отъ Бабъ-эль-Мандеба, или черезъ Суэзскій перешеекъ, или отъ Средиземнаго моря. До сего времени Африка еще не произвела изъ своихъ туземныхъ племенъ культурнаго народа.

Итакъ, пришедшіе изъ Азіи египтяне были первымъ народомъ всемірной исторіи, у котораго была многосторонне развитая культура. Чѣмъ дальше подвигается чтеніе іероглифовъ, тѣмъ болѣе удивляются, до какой степени выработаны были государственныя строй въ Египтѣ уже съ давнихъ временъ. Ниже мы постараемся обрисовать его въ его главнѣйшихъ чертахъ. И съ каждымъ новымъ шагомъ въ изслѣдованіи, удивленіе наше растетъ.

А между тѣмъ мы замѣчаемъ уже нѣкотораго рода культурное соперничество у различныхъ народовъ. Клинписи признается Гоммелемъ болѣе древней, чѣмъ египетскіе іероглифы; онъ относитъ ее почти за 3200 лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія,—слѣдовательно, болѣе чѣмъ за 5000 лѣтъ до настоящаго времени.

Заканчиваемъ это введеніе и переходимъ къ краткому очерку культурно-исторической дѣятельности отдѣльныхъ народовъ *).

К и т а й ц ы .

Передъ нами совершенно своеобразное явленіе. Народъ монгольской расы вырабатываетъ значительную культуру, совершенно непохожую на другія культуры, и при томъ раньше большинства передовыхъ народовъ другихъ расъ. Эта монгольская нація основала государство, которое въ настоящее время не только превосходитъ все прочія извѣстныя государства численностью народонаселенія, но и пользуется такою долговѣчностью, какъ никакое другое, при томъ въ Азіи, гдѣ сильныя царства возникали съ баснословною быстротою и такъ же быстро разрушались. Греки и римляне не знали ничего объ этомъ народѣ и его обычаяхъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что китайцы еще во времена грековъ, и даже ранѣе, достигли высокой степени культуры.

По китайскимъ извѣстіямъ, исторія этого народа начинается, по крайней мѣрѣ, за 5000 лѣтъ до нашей эры. Хотя первыя свѣдѣнія о китайцахъ основаны на мифахъ, но уже за 2300 лѣтъ до

*) Литература, относящаяся до затрогиваемыхъ нами вопросовъ, сильно обогатилась и возросла за послѣднее время. Изъ наиболее важныхъ источниковъ укажемъ на слѣдующіе:

1) «Records of the Past—english translations of the Assyrian and Egyptian Monuments», Лондонъ; изданіе начало выходить въ 1873 г. Англійскій переводъ ассирійскихъ и египетскихъ памятниковъ.

2) H ö m m e l, F r i t z. «Die Semitischen Völker und Sprachen».

3) L e n o r m a n t. «Histoire ancienne». Кромѣ того, нѣсколько сочиненій объ Ассиріи и Египтѣ.

4) M a s p e r o, G. «Древняя исторія народовъ востока». Москва, 1895 г.

5) S h a b a s, T. «Etudes sur l'Antiquité historique d'après les sources égyptiennes et les monuments préhistoriques».

6) R e n a n. «Histoire des langues semitiques».

7) B r u g s c h. «Histoire d'Égypte, première partie, Introduction; deuxième édition».

8) R a w l i n s o n. «The five great monarchies».

Здесь же относятся сочиненія Лепсіуса, Шамполіона и Эберса.

Р. X. мы встрѣчаемъ у нихъ вполне законченный государственный организмъ. Подобно тому какъ во времена строителей пирамидъ египетскій бытъ является уже вполне сформированнымъ, такъ и бытъ Китая выливается въ опредѣленную форму къ началу достовѣрнаго періода его исторіи, связаннаго съ преданіями о Йо и Шунѣ, а именно, Китайъ въ это время имѣлъ феодальное устройство. Впрочемъ, болѣе достовѣрная исторія Китая начинается собственно только со времени Конфуція-Чюнтсѣ, т. е. за 722 г. до нашего лѣтосчисленія. Но китайскіе источники даже и этого періода, по части изображенія быта и развитія народа, даютъ намъ еще гораздо менѣе, чѣмъ наши средневѣковыя хроники. Списокъ именъ правителей и расточаемыя имъ похвалы не составляютъ того, чего мы ищемъ въ исторіи. Но (на основаніи изысканій Плата, въ «Запискахъ баварской академіи наукъ») можно предположить, что болѣе широкое знакомство съ китайскою литературою прольетъ еще много свѣта на древнѣйшій бытъ этого замѣчательнаго народа.

Теперь мы видимъ, что эта своеобразная культура, достигши высокой степени развитія, какъ бы окостенѣла и окаменѣла. Съ китайствомъ, въ томъ видѣ какъ оно фактически сложилось, у насъ невольно связывается понятіе о чемъ-то закостѣломъ и неподвижномъ. А между тѣмъ дѣятельная и подвижная жизнь, безъ сомнѣнія, кипѣла и въ этомъ народѣ въ продолженіе многихъ вѣковъ, прежде чѣмъ онъ достигъ той ступени развитія, на которой окаменѣлъ. Но когда и какъ Китайъ дошелъ до такого состоянія окаменѣнія, это для насъ такая же загадка, какъ и его прежнее развитіе.

Фр. Мюллеръ, въ своемъ сочиненіи о наварской экспедиціи, такъ отзываясь о китайцахъ: «Основныя черты характера китайцевъ суть трезвость и хладнокровіе. Съ этимъ рука объ руку плетъ преобладающее развитіе разсудка и недостатокъ творческой фантазіи. Этими задатками объясняется и общая косность китайца, проявляющаяся на каждомъ шагѣ. Общество, въ которомъ онъ живетъ, покоится все на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и тысячу лѣтъ назадъ; наука, которую онъ культивируетъ, въ сущности не даетъ ничего новаго,—она ограничивается изученіемъ и истолкованіемъ старины; изобрѣтенія, вызванныя потребностью въ высшей культурѣ, остались въ томъ видѣ, какъ они были сдѣланы. Существующее представляется китайцу наилучшимъ; идеалы и планы будущаго, какъ бы они ни были чудесны, для него не существуютъ. Покрой платья въ Китаѣ не подчиняется модѣ; во всѣ времена и повсюду онъ, въ общемъ, остается тотъ же.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ: «Величайшее культурное царство монгольскаго племени обязано патриархальному устройству (слѣпому почитанію старины) своими особенностями: безпримѣрной законченностью въ частностяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, застоємъ, мѣшающимъ всякому движенію впередъ». Предшественники Конгъ-фу-тзе (Конфуцій, около 500 лѣтъ до Р. X.), повидимому, были исполнены пытливаго философскаго духа. Содержаніе сочи-

ней, этихъ древнихъ вѣроучителей вкратцѣ слѣдующее: «они единогласно приписываютъ образование вселенной мыслящему, всемогущему Существу, которое они называютъ Разумомъ (Тао); оно безтѣлесно, неизмѣримо, не имѣетъ ни начала, ни конца; оно наполняетъ небо, землю и всѣ части пространства. Его безконечная тонкость дѣлаетъ его неуловимымъ. Оно заключаетъ въ себѣ два начала: великое и малое, свѣтъ и тьму, слабость и силу. Свѣтило получило отъ него свой блескъ, горы—высоту, пропасти—глубину. Этотъ Разумъ имѣетъ основаніе въ самомъ себѣ, онъ составляетъ внутреннюю природу и сущность вещей; онъ владыка, руководящій движеніями вселенной».

На этой основѣ возникло ученіе Конфуція, только оно еще болѣе положительно и непосредственно стремится къ матеріальной пользѣ. Его общій взглядъ на Бога можно выразить такъ: «За чѣмъ намъ вѣрить въ Бога и почитать Его, когда Онъ не открылъ намъ, есть ли Онъ, кто Онъ и въ чемъ Его воля? А если Онъ и существуетъ, то, очевидно, не хочетъ, чтобы мы Его знали и почитали». Впоследствии рядомъ съ этимъ ученіемъ распространился и буддизмъ, пришедшій изъ Индіи (см. т. I, стр. 80). Понятно, что при такихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ устранялась всякая религіозная нетерпимость. Но какой нуженъ былъ промежутокъ времени и какія фазы развитія, прежде чѣмъ народъ дошелъ до такой точки зрѣнія и, главное, до такой вѣротерпимости!

Вотъ нѣсколько общихъ выводовъ изъ основательныхъ изысканій Плата о древнемъ Китаѣ: китайцы не пришлый народъ, принесшій съ собою готовую культуру. Они развились изъ состоянія дикарей. Въ историческое время они всегда являются мирными земледѣльцами. Они народъ не завоевательный, ненавидѣли войну и сражались только по необходимости. Древнѣйшее, уцѣлѣвшее до сихъ поръ, описаніе китайскаго государства и росписъ податей по отдѣльнымъ провинціямъ относится еще ко времени императора Ю, царствовавшего отъ 2205—2198 г. до Р. X. Законъ, даже религіозный, не почитался непосредственнымъ, божественнымъ откровеніемъ, какъ у индусовъ и евреевъ. «Небо не говоритъ, а даетъ знать о своей волѣ только черезъ народъ, или черезъ людей».

Въ первыя историческія времена (при духѣ первыхъ династій) Китай представлялъ средину между феодально-федеративнымъ и единойдержавнымъ государствомъ. При упадкѣ могущества императоровъ верховная власть захватывалась вассалами. Только въ позднѣйшее время образовалось настоящее единойдержавное государство.

Хотя Китай издревле считался правильно организованнымъ государствомъ, но его древній кодексъ законовъ не дошелъ до насъ. Намъ, однако же, извѣстно, что въ древнѣйшее время не существовало частныхъ рабовъ, а были только рабы государственные, т. е. преступники, приговоренные опредѣленное время исполнять публичныя работы. Частное рабство явилось только при 5-й династіи Гань, когда, послѣ страшныхъ войнъ, въ конецъ разорившихъ страну, родителямъ было дозволено продавать своихъ дѣтей.

Древній Китай не зналъ частной поземельной собственности. Всѣ земли составляли собственность государства. Извѣстное число полей ежегодно отдавалось въ пользованіе отдѣльнымъ семействамъ, съ условіемъ, чтобъ они вмѣстѣ обрабатывали равное число государственныхъ полей на содержаніе чиновниковъ или платили извѣстную подать. Около 600 г. до Р. Х. система частнаго землевладѣнія подучаетъ почти повсемѣстное примѣненіе.

Съ древнихъ временъ правительство считало для себя обязательнымъ всѣмъ распоряжаться, всѣмъ руководить и надъ всѣмъ наблюдать. Такимъ образомъ, еще за тысячи лѣтъ въ Китаѣ существовала полиція, которая могла бы привести въ изумленіе и восторгъ любого современнаго полицейскаго чиновника. Еще тогда, напр., существовала паспортная система; безъ паспорта никто не пропускаялся черезъ городскія ворота и даже отдѣльные городскіе кварталы запирались воротами. Если обитатель одной части города переселился въ другую, то его провожали конвой изъ пяти чело-вѣкъ, который передавалъ его новому начальству.

Уже въ тѣ отдаленныя времена — за 4000 лѣтъ — земледѣліе было значительно развито въ Китаѣ. Какъ кажется, существовало искусственное орошеніе, для чего и проведены были каналы. Въ числѣ продуктовъ встрѣчаемъ шелковичное дерево; выдѣлывался шелкъ. Изъ риса приготавлился спиртный напитокъ; но чай, какъ напитокъ, кажется, еще не былъ извѣстенъ.

Что касается астрономическихъ свѣдѣній, то китайцы считали землю неподвижнымъ центромъ міра, вокругъ котораго вращаются солнце, мѣсяцъ и звѣзды. Но существовалъ правильный календарь; въ году считали въ 366 дней; вмѣсто недѣль годъ дѣлили на декады (десятидневія) и мѣсяцы. Настоящей хронологіи не существовало почти до начала эпохи нашего лѣтосчисленія.

Форма правленія была самодержавная, народъ походилъ на стадо, которымъ руководили свыше, хотя безусловнаго произвола государей или ихъ чиновниковъ не было. На обязанности правителя лежала прежде всего забота о пропитаніи народа. За тысячи лѣтъ еще существовалъ не только родъ отвѣтственности министровъ, но и право сопротивленія тиранамъ-правителямъ, и при томъ въ формѣ, весьма близкой къ нынѣшнему конституціонализму. Послѣдній императоръ изъ первой династіи былъ изгнанъ, а послѣдній изъ второй династіи казненъ. Менгъ-тзеу на вопросъ, можетъ ли подданный убить своего государя, отвѣчалъ: «Кто оскорбляетъ добродѣтель, тотъ разбойникъ, кто нарушаетъ право—тиранъ, а разбойникъ и тиранъ—лица частныя. Я слышалъ, что Шеу (послѣдній государь изъ второй династіи) былъ убитъ какъ частный чело-вѣкъ, но я не слышалъ, чтобъ его убили какъ государя». Несмотря на чрезвычайно высокое положеніе государя и прежнихъ феодальныхъ князей въ сравненіи съ народомъ, всѣ, безъ исключенія, подчинились, до послѣднихъ мелочей, предписаніямъ

мудрых предковъ; въ противномъ случаѣ давалось право на возстаніе и слѣдовало паденіе династїи *).

Жрецовъ въ Китаѣ не было. Глава семьи былъ въ то же время и священнослужитель. Императоръ приносилъ жертву вышнему небу, землѣ, горамъ и рѣкамъ. О догматикѣ и мѣтологіи не знали ничего; но, при ограниченности знаній, не могло быть недостатка въ суевѣрїи; существовало гаданье на обожженной корѣ черепахи и на растенїи «шп».

Таковы выводы Плата, къ которымъ привело его изученіе древнѣйшихъ китайскихъ источниковъ. Въ новѣйшее время удѣлено также должное вниманіе сообщеніямъ арабскихъ и персидскихъ писателей 9-го вѣка (по Р. X.), и мы сейчасъ приведемъ оттуда нѣкоторыя подробности: въ особенности интересно то, что сообщаетъ купецъ Сулейманъ, посѣтившій Индію и Китаѣ въ 237 г. гиджры (приблизительно въ 858 г. по нашему лѣтосчисленію)**).

Каждый китаецъ, богатый и бѣдный, учится читать, увѣряетъ Сулейманъ. Если жизненные припасы становятся дороги, ихъ продаютъ въ общественныхъ магазинахъ по цѣнѣ ниже рыночной. Каждый путешествующій по Китаю долженъ выправить себѣ отъ подлежащаго начальства два паспорта: въ одномъ значится имя путешествующаго и сопровождающихъ его лицъ, съ обозначеніемъ ихъ происхожденія и возраста, въ другомъ прописаны имѣющіеся при немъ деньги и вещи. На большихъ дорогахъ эти паспорта предъявляютъ чиновникамъ, отмѣчающимъ ихъ въ своихъ реестрахъ. Эта мѣра установлена въ защиту путешествующихъ. Существовало также нѣчто въ родѣ сословныхъ списковъ. Каждый ребенокъ мужского пола вносился въ государственный реестръ. По всей вѣроятности, эта мѣра служила взиманію податей, такъ какъ съ 18-ти лѣтъ мужчина долженъ былъ платить поголовную подать, тогда какъ съ достиженіемъ 80 лѣтъ онъ получалъ отъ государства нѣчто въ родѣ пенсіона.

Въ какомъ же состояніи находится теперь этотъ самый народъ, который прежде былъ полонъ всякихъ стремленій и достигъ столь значительныхъ успѣховъ въ культурѣ? Въ продолженіе тысячелѣтій (полагаютъ, около 2500 лѣтъ) господствуетъ едва ли не полнѣйшій застои въ его государственномъ строѣ, идеяхъ и промышленности. вмѣсто прежнихъ отдѣльныхъ государствъ образовалось одно цѣлое, съ еще большей централизаціей, чѣмъ прежняя, слѣдящей за каждымъ движеніемъ, за всѣми дѣйствіями, руководящей всѣмъ и отвергающей всякія новшества. Система слѣпого дѣтскаго повиновенія (ошибочно называемая патриархальною)

*) Обоготвореніе государей явилось позднѣе и существовало только условно. I. F. Davis приводитъ изъ одного китайскаго писателя сравненіе государя съ рыбой: «Вода можетъ существовать безъ рыбы, рыба же, напротивъ, не можетъ жить безъ воды». И далѣе: «Солнце было сотворено для пользы міра, но міръ не былъ сотворенъ для солнца». Одинъ императоръ древнихъ временъ замѣчаетъ самъ: «Государь—это превосходный корабль, плавающий по водѣ; но вода можетъ и разбить его».

**) Изъ сочиненія Салсалатъ аль Терарикхъ (Хроника-цѣпь).

развились до чрезвычайныхъ размѣровъ. Дворянства нѣтъ вовсе; управляютъ «ученые»; въ дѣйствительности же рабство тяготеетъ въ равной степени всѣ слои народа. Поэзія, какъ мы ее понимаемъ и цѣнимъ, изгнана; китайство не понимаетъ ея. Принципы матеріальной пользы вездѣ на первомъ планѣ. А куда приводитъ онъ въ его крайнемъ, его узкомъ примѣненіи — наглядный примѣръ тому представляетъ современный Китай. Народонаселеніе Китая опредѣляется въ 300—350, а по другимъ свѣдѣніямъ въ 400—500 милліоновъ душъ. Но въ немъ нѣтъ высокихъ и благородныхъ стремленій. Допускается многоженство; женщина—рабыня, и бросаніе новорожденныхъ младенцевъ на произволъ судьбы считается національнымъ «обычаемъ». Малѣйшее неповиновеніе приказаніямъ свыше наказывается самымъ строгимъ образомъ. Неудачи китайцевъ въ войнахъ противъ европейскихъ народовъ убѣдили ихъ въ необходимости ввести нѣкоторыя усовершенствованія, но послѣднія настолько недостаточны, что нисколько не устраняютъ возможности новыхъ неудачъ.

Достойно ли такое состояніе человѣка и можетъ ли оно дѣлать его счастливымъ? Въ наукѣ китайцы не идутъ далѣе того, что выдумали и изобрѣли ихъ болѣе умные предки; они подражаютъ имъ механически. Кромѣ того, въ нихъ развита высокобѣрная увѣренность, что они составляютъ средоточіе вселенной, центральную націю земли, а между тѣмъ при каждомъ случаѣ имъ приходится склоняться передъ «рыжебородыми варварами» Европы. Пробовали оспаривать состояніе застоя китайской націи. Само собою разумѣется, что народъ съ такимъ развитіемъ и такою численностью, какъ китайцы, не можетъ противиться безусловно всякой перемѣнѣ или новизнѣ. Но успѣхи, которыя дѣлала страна въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій, никоимъ образомъ не могутъ итти въ сравненіе съ ея прежнимъ ходомъ развитія; они положительно мизерны по сравненію съ тѣмъ, что создано этимъ народомъ въ глубокой древности. Даже Пешель, такъ усердно оспаривавшій мнѣніе, что въ Китаѣ въ новѣйшее время не произошло вообще никакихъ перемѣнъ, высказываетъ прямо, что большіе успѣхи Китаѣ дѣлалъ только въ старину. «Китаецъ, говоритъ этотъ писатель, цѣлко и упорно держится еще за первую ступень, на которой начинаетъ дифференцироваться человѣческое общество... Не удивительно, конечно, «что китайцы, число которыхъ еще за двѣ тысячи лѣтъ до Р. Х. достигало нѣсколькихъ милліоновъ, могли подняться въ техническихъ искусствахъ на высоту, которая намъ еще и понынѣ внушаетъ удивленіе. Но на этомъ они и остановились. Мы всюду замѣчаемъ, что китайцы не въ состояніи были подняться выше извѣстной ступени духовнаго развитія. Они самостоятельно изобрѣли свое собственное письмо, но дошли только до знаковъ для слоговъ, а не для звуковъ; давно уже они были знакомы съ печатаніемъ при помощи пластинокъ, но они оставили подвижныя литеры, которыми такъ рано начали было пользоваться; они открыли свойство магнитной иглы указывать на сѣверъ, но не употребляли ее какъ компасъ. Они знакомы были съ поро-

хомъ, но никогда не имѣли огнестрѣльнаго оружія; они изобрѣли счеты, но не дошли до значенія цифръ по ихъ мѣсту; они въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ наблюдали астрономическія явленія, но понятіе о зодіакѣ было принесено имъ извнѣ». Даже состояніе китайскаго языка показываетъ, до какой степени нація эта застыла въ своемъ развитіи. Этотъ языкъ, по замѣчанію того же автора, занимаетъ послѣднее мѣсто между языками всѣхъ культурныхъ и даже малокультурныхъ народовъ. Лишь немногіе моменты указываютъ на «скромныя начатки словообразованія». Даже у бирманцевъ и сіамцевъ, обладающихъ также одностолбнымъ языкомъ, замѣтно большее развитіе языка. Малайцы же далеко опередили всѣ эти народы.

Будущее покажетъ, въ какой степени возможно сліянiе китайской культуры съ европейской и насколько плодотворно послѣдняя можетъ вліять на первую. И теперь еще Китай упорно противится всякимъ, даже самымъ очевиднымъ, матеріальнымъ улучшениямъ, далеко отставая въ этомъ отношеніи отъ Японіи. Маленькая желѣзная дорога, проложенная англичанами, была приобрѣтена китайскимъ правительствомъ, но только для того, чтобы немедленно уничтожить этотъ рельсовый путь.

Только въ самое послѣднее время въ этомъ великомъ, трудолюбивомъ и способномъ народѣ началась социальная революція, заставляющая ожидать въ будущемъ большихъ преобразованій. Счастливый исходъ этой революціи зависитъ не столько отъ успѣха европейскаго оружія, сколько отъ того, что сотни тысячъ китайскихъ рабочниковъ отправляются на заработки въ чужіе края, въ особенности въ Австралію и Калифорнію, видятъ тамъ новые порядки, усваиваютъ новыя понятія, и затѣмъ, по возвращеніи въ свое отечество, распространяютъ приобрѣтенныя познанія во всѣхъ слояхъ населенія. Надо надѣяться, что этимъ путемъ въ нѣсколько десятилѣтій удастся сломить застой, такъ прочно созданный вѣками.

И н д у с ы.

Хотя индусы, безспорно, принадлежатъ къ древнѣйшимъ народамъ, о которыхъ дошли до насъ извѣстія, но древняя исторія ихъ намъ мало извѣстна. Туземные источники рассказываютъ только мифы и басни, а древнѣйшіе греческіе и римскіе писатели говорятъ объ Индіи какъ о странѣ, о которой они слышали много чудеснаго. Геродотъ говоритъ объ индійскихъ муравьяхъ, отыскивающихъ золото, а Діодоръ рассказываетъ о побѣдоносномъ походѣ Семирамиды (за 2050 лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія). Древнѣйшія достовѣрныя извѣстія объ этомъ народѣ мы находимъ у Арріана. Хотя онъ жилъ почти на 500 лѣтъ позже своего героя, предпріимчиваго и воинственнаго Александра, но у него были подъ рукою драгоцѣнныя свѣдѣнія о его походѣ въ Индію. Однако самъ Александръ едва ли перешелъ восточную границу передне-индійскаго полуострова. Изъ туземныхъ источниковъ, безспорно, самый древній—

религіозныя книги. Веды. Происхожденіе ихъ относили прежде къ слишкомъ глубокой древности, но можно, пожалуй, допустить, что Веды составлены около трехъ тысячелѣтій тому назадъ. Впрочемъ, многіе не допускаютъ, чтобы даже древнѣйшіе отрывки этого памятника были такъ стары. Къ тому же книги эти содержатъ религіозныя предписанія, а не исторію. Важнѣйшимъ источникомъ для знакомства съ социальнымъ устройствомъ древней Индіи могутъ служить такъ называемые законы Ману (изданы въ Калькутѣ въ англійскомъ переводѣ сэра Вилльяма Джонса, подъ заглавіемъ: «Institutes of Hindu-Law: or the ordinances of Menu»). Хотя кодексъ этотъ составленъ позднѣе Веды, но его все же почтенная древность доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ еще не упоминается о сожженіи вдовъ, тогда какъ такой обычай уже существовалъ во времена нашествія Александра. По всей вѣроятности, возникновеніе законовъ Ману относится къ среднѣмъ VII столѣтію до нашей эры, — слѣдовательно, онѣ рисуютъ бытъ за 2500 лѣтъ до **Р. X**. Древнія драматическія произведенія индусовъ мало служатъ нашей цѣли, а памятники зодчества, которые пытались ставить рядомъ съ древне-египетскими, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ (въ особенности Ram-Raz'a «Essay on the Architecture of the Hindus»), оказались лишь подражаніемъ римской архитектурѣ времени ея упадка (періодъ Діоклетіана). Составленная брахманами quasi-хронологія не имѣетъ никакого историческаго значенія. По ней первый періодъ былъ періодъ совершенства и продолжался 4800 божескихъ или 1728000 человѣческихъ лѣтъ. За нимъ слѣдовалъ періодъ «выполненія долга», продолжавшійся 3600 божескихъ или 1296000 человѣческихъ лѣтъ. Затѣмъ идетъ періодъ «сомнѣнія» въ 2400 божескихъ или 864000 человѣческихъ лѣтъ. II, наконецъ, четвертый періодъ, продолжающійся и донинѣ, — періодъ «грѣха», который долженъ длиться 1200 божескихъ или 432000 человѣческихъ годовъ.

За достовѣрное можно принять, что около 1300 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія племена индусовъ образовали въ странѣ Ганга нѣсколько сильныхъ и крупныхъ государствъ. Въ то время мирная жизнь постепенно брала перевѣсъ надъ воинственной. Возникали большіе города и различныя вѣтви культуры достигали значительнаго развитія. Но нужны были цѣлыя тысячелѣтія упорнаго труда, пока духъ человѣческой мочь преодолѣть эту первую и самую трудную ступень.

Религіозный бытъ составлялъ основу всѣхъ социальныхъ учреждений Индіи. Его цѣлью было съ самаго начала, безъ сомнѣнія, установленіе сильной власти жрецовъ, на ряду съ которой вскорѣ развился и деспотизмъ государей.

Древнѣйшая религія, и теперь еще господствующая въ большей части страны, есть религія Брахмы. Съ древнѣйшихъ временъ она имѣла нѣкотораго рода философское основаніе. Существуетъ всеобъемлющая міровая душа. Міръ, въ его настоящемъ видѣ, созданъ божествомъ, вышедшимъ изъ яйца Брахмы. Оно установило порядокъ, по которому міръ самъ собою движется въ своемъ

течений. Иногда, впрочемъ, происходить замѣнательства и остановки, но тогда, для избавленія, является на землю самъ Богъ, воплощаясь то въ человѣческой, то въ звѣриный образъ. Многія явленія культа Брахмы таковы, что ихъ безусловно можно принять за подражаніе, за сколокъ съ христіанства, если бы брахманизмъ не оказывался, бесспорно, древнѣйшимъ изъ обоихъ этихъ культовъ и если бѣ онъ, такимъ образомъ, не существовалъ задолго до христіанства. Мы встрѣчаемъ здѣсь троицу или Тримурти. Ея члены: Брахма — творецъ, Вишну — вседержитель и Шива, или Шивенъ, — разрушитель. Вишну есть тотъ, который иногда сходитъ на землю, чтобы возстановить нарушенный порядокъ. Свое послѣднее воплощеніе онъ совершилъ подъ именемъ Хрисны, Кришны. Въ древнѣйшей драмѣ съ пѣніемъ, и нынѣ еще ежегодно разыгрываемой пастухами въ дни религіозныхъ празднествъ, именно въ Гитаговиндѣ Джаядевы, въ очень характерной формѣ изображены таинства воплощенія Брахмы. Кромѣ троицы, у индусовъ была еще цѣлая масса боговъ и богинь различныхъ разрядовъ: общее число ихъ доходило до 330 милліоновъ (?), включая сюда и божескихъ слугъ мужского и женскаго пола. Многіе звѣри и растенія также почитались священными, въ особенности коровы, обезьяны, собаки, шакалы и птицы, равнымъ образомъ рѣки, въ особенности рѣка Гангъ. Люди, сотворенные чистыми, отпали отъ Брахмы. Жизнь оставлена имъ для того только, чтобъ они собственными силами могли опять подняться до первобытной чистоты. Душа умершаго, смотря по тому, творилъ ли онъ въ жизни добрыя или дурныя дѣла, переходитъ въ тѣло благороднаго или низкаго животнаго, такъ какъ существуетъ переселеніе душъ и такое переселеніе должно совершаться едва ли не безконечное множество разъ. Жертвы, покаяніе и добрыя дѣла — таковы средства, способствующія спасенію души. Но рядомъ съ этими воззрѣніями встрѣчаемъ также ученіе о предопредѣленіи, напоминающее кальвинистскіе взгляды: преступнику суждено было сдѣлаться таковымъ, и потому онъ достоинъ только сожалѣнія (что, впрочемъ, не избавляло его отъ варварскаго наказанія). Ученіе Брахмы ведетъ къ задумчивой, бездѣятельной созерцательности, въ основаніи которой лежитъ молчаливое терпѣніе въ печальной юдоли жизни. Въ немъ совершенно отсутствуютъ элементы мужественной смѣлости и творческой силы и дѣятельности.

Рядомъ съ брахманизмомъ, но какъ противоположность ему и позднѣе его, возникъ въ Индіи буддизмъ, который отвергаетъ тѣлесное божество и признаетъ первоначальную силу, находящуюся частью въ состояніи покоя, частью въ состояніи дѣятельности. Ученіе Будды, возникшее за 550 или 600 лѣтъ до Р. Х., явилось не только значительной реформой брахманизма, но и впервые во всемірной исторіи переступило предѣлы національности, создавъ религію, основанную на нѣкотораго рода рачіонализмѣ и потому способную распространиться среди самыхъ различныхъ народовъ, по всему свѣту. Буддизмъ отвергнувъ различіе людей по кастамъ и, по крайней мѣрѣ, смягчалъ это раздѣленіе тамъ, гдѣ не могъ его уничтожить. Для этой религіи всѣ люди равны; въ равной

нуждѣ и опасности они должны братски помогать другъ другу. Въмѣсто безконечныхъ возрожденій съ ихъ муками и возмездіями, какъ учить брахманизмъ, Будда сулитъ всеѣмъ достояніе вѣчнаго покоя въ нѣдрахъ нервоначального духа. Разумность и кротость—основныя черты этого ученія. Брахманизмъ, его крайнія противоположность, не подвергся гоненію, когда буддизмъ сдѣлался господствующимъ культомъ въ одной части Индіи; буддизмъ училъ падать военнопленныхъ, которыхъ раньше умерщвляли, и туземцевъ покоренныхъ земель, которыхъ прежде переселяли въ отдаленныя мѣстности. Со смертью человѣка наступаетъ его разложеніе, нирвана, «прекращеніе мысли вълѣдствіе удаленія ея причинъ», состояніе, «въ которомъ ничего не остается изъ того, что устанавливаетъ существованіе». Съ потерей самосознанія человѣка прекращается вообще его бытіе, «подобно тому какъ гаснетъ лампа» *). Боговъ личныхъ въ буддизмѣ советѣмъ нѣтъ, нѣтъ даже одного единого, а потому нѣтъ и воплощенія Бога въ человѣка.

Самъ Будда былъ только человѣкъ, но мудрѣйшій, благороднѣйшій и простѣйшій изъ смертныхъ. Вообще человѣкъ отъ времени до времени возвышается до такой чистоты, что становится «мудрецомъ», Буддой, законы котораго для людей обязательны до тѣхъ поръ, пока не явится новый Будда. Реликвиі Будды почитаются какъ святины.

Несмотря на большой успѣхъ, которымъ пользовался буддизмъ въ первое время, онъ, въ концѣ концовъ, былъ вытѣсненъ брахманизмомъ изъ самаго Индостана; но онъ пустилъ новыя крѣпкіе корни въ Тибетѣ, Китаѣ, Японіи, Индіи, по ту сторону Ганга и на Остъ-индскихъ островахъ, такъ что его слѣдуетъ признать самую распространенную религію на всемъ земномъ шарѣ: его послѣдователей насчитываютъ отъ 400 до 500 милліоновъ (т. е. ихъ едва ли не больше, чѣмъ всѣхъ христіанъ—католиковъ, протестантовъ и православныхъ—вмѣстѣ взятыхъ).

Теперь бросимъ взглядъ на соціальныя порядки индійскаго народа, въ томъ видѣ, какъ они развились въ древности, на началахъ законодательства Ману.

Кастовый строй составляетъ основу гражданскаго и государственнаго порядка. Человѣкъ занимаетъ въ жизни не то положеніе, къ какому могъ быть способенъ отъ природы, а то, для котораго его опредѣлила случайность рожденія, избравъ его своимъ

*) Имѣется въ виду не одно только прекращеніе человѣческой жизни, но полное уничтоженіе и исчезновеніе, какъ до начала жизни,—то счастливое состояніе, которое Байронъ, въ согласіи съ буддистскими философами, кратко и мѣтко выразилъ такъ:

And know, whatever thou hast been,
'Tis something better not to be!

Это вполнѣ совпадаетъ со взглядомъ франкфуртскаго философа Шопенгауэра. Куритель опиума на востокѣ находить въ такомъ состояніи также свое высшее блаженство. Не правда ли, любопытное совпаденіе? Кто, впрочемъ, внимательно всмотрится въ японскую коллекцію въ Мюнхенѣ, тотъ будетъ изумленъ найти во многомъ сходство между буддизмомъ и католицизмомъ.

бодовнемъ или немилостиво отвергнувъ его. И такъ должно быть. Общеніе или смѣшеніе сословій не только не поощрялось, напротивъ того, ему ставились всяческія преграды.

Главныхъ кастъ четыре: брахманы, жрецы и въ то же время ученые, а зачастую и правители, высшіе сановники и воины; кшатрія—воины; большая часть государей выходила изъ этой касты: вайсья — земледѣльцы, кушцы, и судра—слуги, низшіе ремесленники и поселене. Три первыя касты составляютъ лучшіе классы, группу «дважды рожденныхъ»; между ними и судрами, «единожды рожденными», была цѣлая пропасть. (Въ настоящее время второй и третій классы по большей части вымерли). Нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ кастъ лежало племенное различіе. «Дважды рожденные» первыхъ трехъ кастъ, до извѣстной степени еще связанные между собой, принадлежатъ къ пришлому арійскому племени; судры же, «единожды рожденные», напротивъ, происходятъ отъ другихъ прародителей—первобытныхъ обитателей некореннаго края, и самое ихъ названіе не арійскаго происхожденія. Другіе туземцы, принадлежавшіе къ инымъ племенамъ и еще менѣе развитые, были—парии: впрочемъ, имя ихъ еще не встрѣчается въ законахъ Ману. Конечно, нельзя было предотвратить смѣшанныхъ браковъ (увѣряютъ, что такія помѣси дали до 84 расовыхъ подраздѣленій). Ублюдки почитаются отверженными, нечистыми, самое присутствіе которыхъ заражаетъ воздухъ. На ряду съ кастами, древне-индійское законодательство признаетъ и рабство.

Брахманы, жрецы, созданы изъ лучшаго матеріала, чѣмъ прочія касты. Они происходятъ изъ головы Брахмы: они—посредники между людьми и божествомъ, а потому освобождены отъ физическаго труда и не платятъ податей. Они являютъ воплощеніемъ Бога правды, и отъ самаго рожденія стоятъ выше всего сотвореннаго. Они могутъ карать, ихъ проклятіямъ повинуются даже невидимыя силы. Хитрые брахманы сумѣли привязать къ себѣ касту воиновъ. Эта каста самая близкая къ нимъ, такъ какъ она происходитъ изъ груди Брахмы. Законъ учить: «обѣ эти касты должны пребывать въ полномъ единеніи, ибо не могутъ обходиться одна безъ другой».

Подобно американскимъ плантаторамъ, запрещавшимъ обученіе чернокожихъ, для того чтобъ удержать за собой власть надъ ними, поступали и брахманы; предлогомъ для нихъ явилась религія. Однимъ брахманамъ дозволялось читать священныя книги (шасты); но имъ строго воспрещалось открывать ихъ содержаніе принадлежащимъ къ презрѣннымъ племенамъ. «Жрецъ, говоритъ въ законѣ, не смѣетъ дать какому-нибудь судрѣ хотя бы простой совѣтъ или отдать ему остатокъ отъ своего стола.... равнымъ образомъ не смѣетъ онъ снабдить такого человѣка духовнымъ утѣшеніемъ или научить его узаконеннымъ способамъ искупленія грѣховъ». Тотъ, кто объяснитъ служителю законъ или научитъ его, какъ очиститься отъ своихъ грѣховъ, ввергается вмѣстѣ съ нимъ въ адъ, «азамориту». Таковы были благодѣянія этой религіи, не считая сожженія вдовъ и тому подобнаго. Съ другой стороны, тотъ

же законъ учить, что всѣ грѣхи могутъ быть откуплены, и установилъ особый тарифъ по кастамъ, въ своемъ родѣ превосходящій таку Тецеля, торговавшаго индульгенціями. Но это мнимое благодѣяніе только подкрѣпляло принципъ неравенства членовъ различныхъ кастъ. Такъ, убійство князря стоило 45 коровъ и столько же телятъ, а убійство судра только 12. Грѣхи противъ брахмана признаются вообще неискупимыми, или, по нашему, «смертными». Сношенія съ другими народами всегда такъ строго воспрещались у индусовъ, что и теперь еще брахманъ, переѣхавшій границу своего отечества, при возвращеніи можетъ ожидать всякаго преслѣдованія.

Человѣческія жертвы составляютъ важную часть культа. И теперь еще матери приносятъ своихъ дѣтей въ жертву священной рѣкѣ Гангу, а въ Джагернаутѣ вбрующіе толпой бросаются подъ колеса священной колесницы, чтобы быть раздавленными.

Факирство едва ли не такое же древнее явленіе, какъ брахманство. Уже Аррианъ рассказываетъ объ этихъ «мудрецахъ», обрекавшихъ себя на столь тяжелую жизнь. Верхъ безмыслицы считается «мудростью». Факирство служить двойкой цѣли. Во-первыхъ, оно морочитъ грубую, невѣжественную массу (систематически отстраняя ее отъ всякаго высшаго духовнаго развитія), такъ какъ въ глазахъ толпы самыя тяжкія, нелѣпыя самобичеванія приобрѣтаютъ значеніе святости. Во-вторыхъ, факирство представляетъ выходъ для каждаго, кто бы пожелалъ изъ низшихъ кастъ подняться на высшія ступени духовнаго развитія, такъ какъ за исключеніемъ судръ и отверженныхъ, всякій можетъ сдѣлаться мудрецомъ и тѣмъ самымъ достигнуть извѣстной святости.

Положеніе женщины было самое жалкое. Во всѣхъ кастахъ, даже въ низшей, мужъ смотрѣлъ на жену съ презрѣніемъ; она была его рабыней. Обычай сожженія вдовъ существовать уже во времена Александра. Такимъ образомъ, человѣческое изуверство, при посредствѣ религіи, болѣе двухъ тысячелѣтій поддерживало это ужасающее варварство, чего никогда не допустила бы свѣтская власть.

Деспотическая власть крѣпко утвердилась въ Индіи, а жречество способствовало обоготворенію каждаго властителя, если только онъ склонялся передъ брахманами. Въ законахъ Ману встрѣчается много такихъ мѣстъ: «Царское тѣло составлено изъ частей восьми божествъ — покровителей міра. Поэтому царь превосходитъ своимъ сіяніемъ всѣхъ смертныхъ. Подобно солнцу, жжетъ онъ глаза и сердца; никакое человѣческое твореніе не въ силахъ созерцать его. Онъ есть огонь и воздухъ; въ то же время онъ солнце и мѣсяцъ. Онъ есть Богъ правосудія, геній богатства, повелитель воли, владыка тверди». Но, несмотря на такое обоготвореніе, законъ угрожаетъ наказаніемъ царю и всему роду его, если онъ, по понятіямъ брахмановъ, будетъ управлять дурно. Брахманы должны посвящать его во всѣ духовныя дѣла и руководить имъ, брахманъ долженъ быть его ближайшимъ совѣтникомъ; царь же обязанъ почитать жрецовъ. За каждый проступокъ царь наказывается крупною денежною пеней (въ тысячу разъ больше, чѣмъ какую платитъ за

то же прегрѣшеніе простой смертный), «и эту пеню онъ долженъ дать жрецамъ или бросить въ рѣку». Даже если бы царь умиралъ съ голода, онъ, все-таки, не смѣлъ обложить налогомъ брахмана, посвященнаго въ Веды, или допустить, чтобы брахманъ страдалъ отъ голода въ его владѣніяхъ.

Первая (высшая) каста сохраняетъ за собой исключительное право на тайну знаній. Поэтому-то знанія эти весьма скудны, какъ, напр., по астрономіи (по изысканіямъ де-Ламбра). При врачеваніи прибѣгали обыкновенно къ посредству боговъ, лѣчили молитвами. Что же касается грандіозныхъ памятниковъ зодчества, то, какъ было упомянуто выше, они не болѣе какъ подражаніе римской архитектурѣ временъ ея упадка*). Искусство служило только культу, который держитъ въ оковахъ всю индійскую жизнь и къ понятію о Богѣ приближается не иначе, какъ путемъ чудовищной символики. «Нужно было изобразить фигуры боговъ и ихъ чудесную исторію, и вотъ глубокой, таинственный ужасъ передъ недоступнымъ ищетъ видимыхъ формъ, въ которыя могъ бы претвориться: отсюда вышій символизмъ, нагроможденіе членовъ, рукъ и ногъ или причудливыя сочетанія звѣриныхъ и человѣческихъ тѣлъ, которыя должны помочь художнику выразить неопредѣленнаго стремленія его души» (Lübke). Въ дѣйствительности религія не двигала искусства, а сковывала его.

Большаго вниманія заслуживаетъ поэтическая литература индусовъ; она еще въ древности достигла своеобразнаго развитія, благодаря раннему образованію языка и изобрѣтенію письменъ и при содѣйствіи пылкой фантазіи и мистическаго пантеизма. Еще болѣе должны мы изумляться тому, что древніе индусы сдѣлали въ области изученія языка. «Если оказалось возможнымъ проникнуть въ тайны санскритскаго языка», говорилъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей (Болыцъ), то этимъ мы болѣе всего обязаны древнимъ индусамъ, которые не только сохранили свою чрезвычайно богатую литературу, заботливо написанную, или върѣе, выцарапанную на пальмовыхъ листьяхъ, но и составляли грамматики и словари въ такое время, когда, кромѣ китайцевъ, ни одинъ человѣкъ во всемъ мірѣ не помышлялъ о чемъ-либо подобномъ. Таковы 3996 грамматическихъ правилъ Панини (за 300 лѣтъ до Р. Х.), съ замѣчательной тонкостью изслѣдующія всѣ составныя части языка и дающія намъ ясное понятіе о дивномъ строеніи этого языка. Таковы, далѣе, словарь «Амаракоса» и др. Всѣ эти громадные труды относятся еще къ тому времени, когда санскритскій языкъ былъ почти роднымъ языкомъ ученыхъ брахмановъ и понятенъ имъ до послѣднихъ тонкостей, и только благодаря этимъ памятникамъ древне-индійской лингвистики, получили мы вообще понятіе о томъ, что такое корень въ языкѣ, ибо грамматическій

*) Нѣкоторыя части архитектоники, по Рамъ-Раду, у индусовъ тѣ же, что и у римлянъ; такъ, пьедесталь—римскаго происхожденія, а также рисунокъ гзимзъ. Стилъ украшеній выродился, упалъ еще ниже дурного вкуса, господствовавшаго въ эпоху Антониновъ и Діоклетіана.

анализъ доведенъ здѣсь до того, что корень, въ видѣ опредѣленнаго состава звуковъ, могъ быть выдѣленъ изъ слова, и, такимъ образомъ, наглядно показанъ процессъ дальнѣйшихъ образований и измѣненій корней, въ ихъ главныхъ и побочныхъ функціяхъ. Только съ изученіемъ санскрита явилась возможность построения научной этимологіи въ области индо-германскихъ языковъ».

Изъ техническихъ искусствъ уже въ глубокой древности особенно процвѣтало производство тканей изъ хлопчатой бумаги и льна. Но развитіе вкуса стояло ниже развитія самаго механическаго труда, такъ какъ преобладали роскошь, пышность и яркіе цвѣта.

Индія была богата туземными и привозными естественными продуктами, и это, безъ сомнѣнія, способствовало раннему оживленію торговли. Тѣмъ не менѣе, сношенія съ внутренностью страны никогда не могли достигнуть большого развитія уже вслѣдствіе трудности сообщенія.

Вотъ основныя черты условій, въ которыхъ жили индусы уже тысячелѣтія тому назадъ. И эти условія не измѣнились и до нашего времени. Удивляются, какъ могла такъ долго сохраниться эта мнимая культура, во многихъ отношеніяхъ унижительная для чловѣка. Объясняется это положеніемъ страны, въ значительной мѣрѣ защищенной отъ внѣшнихъ враговъ, ея климатомъ и другими своеобразными условіями. Но въ настоящее время никакое чудо Брахмы не остановитъ болѣе наплыва европейской культуры. И, какъ бы ни была предосудительна во многихъ случаяхъ англійская политика въ Индіи, но въ общемъ другъ чловѣчества не можетъ не благословлять совершающійся переворотъ, хотя бы за одно только запрещеніе сжигать вдовъ и за освобожденіе низшихъ кастъ, отверженныхъ и паріевъ, отъ позорившаго ихъ клейма *).

Е г и п т я н е .

Слѣдуя древнимъ греческимъ писателямъ, можно думать, что эіопы были какъ бы родоначальниками культуры. Но еще прежде, чѣмъ появились труды Бругна, Гоммея и другихъ ассиріологовъ и египтологовъ, мы имѣли достаточно основаній предположить, что эіопамъ приписывалась незаслуженная честь. Уже по тому, что общають греческіе писатели, видно, что въ странѣ эллиновъ не

*) Замѣтимъ при этомъ случаѣ, что народная перепись въ британской Индіи, по отчетамъ, представленнымъ парламенту въ дек. 1877 г., дала слѣдующія цифры о народностяхъ и религіяхъ (не считая Цейлона, Индо-Китая и владѣній другихъ европейскихъ государствъ): индусовъ—139343820 душъ, магометанъ—40867127 (несравненно больше, нежели подданныхъ султана), буддистовъ 2838851 (относительно меньшее число индійскихъ буддистовъ живетъ на Цейлонѣ, на голландскихъ островахъ Малайскаго архипелага, въ Китаѣ и Японіи), сейковъ 1174436, христіанъ не болѣе 897682, другихъ культовъ 5417304, неизвѣстныхъ исповѣданій 532227. Число туземцевъ и outcasts опредѣляется въ 14239200, число парсовъ сократилось до 70000—80000, евреевъ около 8000.

лишены критики. До насъ дошли разныя отрывки изъ сочиненій Манеѳона, египетскаго жреца изъ города Себеннита въ Дельтѣ, жившаго въ III столѣтїи до Р. Х. Въ нихъ приведены списки царскихъ именъ, начиная съ самой отдаленной древности. Прежде безусловно сомнѣвались въ ихъ достовѣрности, и свѣдѣнїямъ Манеѳона придавали значеніе сказокъ; но новѣйшія открытія отчасти подтвердили ихъ достовѣрность. Выяснилось даже, что Манеѳонъ имѣетъ для египетской исторїи гораздо большую цѣну, нежели вся древне-греческая литература, такъ какъ онъ черпалъ свои свѣдѣнїя дѣйствительно изъ подлинныхъ источниковъ, облегчая этимъ новѣйшее изслѣдованіе этихъ источниковъ и зачастую давая вообще матеріалъ для возстановленїи древне-египетской исторїи. Напротивъ того, авторитетъ Геродота и Дюдора сильно пошатнулся. Извѣстія іудеевъ объ Египтѣ не только ограничиваются недолгимъ, сравнительно, пребыванїемъ ихъ въ этой странѣ, но и принадлежатъ врагамъ египтянъ, чего не слѣдуетъ забывать. При этомъ они не даютъ подробнаго изображенія порядковъ и условїй. Для исторической науки важны и плодотворны укѣльшїя, по большей части, колоссальныя постройки и изображенїя на нихъ, сохранившїеся въ замѣчательной свѣжести. Въ высокой степени поразительны результаты, достигнутые той дивной остротой ума, которая привела къ разгадкѣ іероглифическаго письма; изученіе его подвинулось теперь впередъ гораздо болѣе, чѣмъ мы могли ожидать при обработкѣ перваго изданїя этой книги *).

*) Глядя на эти странные іероглифы, можно было напередъ сомнѣваться въ возможности ихъ разгадки, тѣмъ болѣе, что все въ нихъ не только относилось къ условїямъ, намъ совершенно чуждымъ, но и самый языкъ, на которомъ все это написано, давно исчезъ съ лица земли и совсѣмъ неизвѣстенъ намъ. Англичанину Юнгу и французу Шампольону удалось найти ключъ къ чтенїю іероглифовъ. Вопреки принятому до сихъ поръ мнѣнїю, они пришли къ заключенїю, что іероглифы обозначаютъ буквы, а не одни только образы и символы. Камень, найденный въ Розеттѣ (1799), послужилъ первой и ближайшей точкой опоры. Этотъ камень имѣетъ три надписи, изъ нихъ одна—на греческомъ языкѣ; изъ нея видно, что она одного и того же содержанїя съ іероглифической и демотической надписями. Сначала стали подыскивать имена собственныя; первымъ указанїемъ было то, что имя царя Птолемея оказалось окруженнымъ рамкой. Что касается неизвѣстнаго языка, то явилась догадка, что многія древне-египетскїя слова должны были сохраниться въ коптскомъ языкѣ. Но и коптскїй языкъ исчезъ вотъ уже около полутора ста лѣтъ тому назадъ; остались только писанные на немъ переводъ библии и нѣсколько аскетическихъ и богослужебныхъ книгъ. Догадка подтвердилась. Такимъ образомъ, было, наконецъ, установлено, что іероглифы представляютъ собой не идеографическое письмо въ собственномъ смыслѣ, а своеобразное буквенное письмо. Каждая фигура представляла первую букву означаемаго ею предмета или слова. Напр., если хотѣли написать имя Клеопатра, то первую букву этого слова, К, изображали въ видѣ чаши, которая называлась Kelol, или хижина Kalibi, или шапки—Klaft. Букву Л изображалъ левъ—Labo, букву Р—ротъ—Ro, или гранатъ—Roman; Т представляла рука—Tot, или отвѣсъ—Toce, и т. д. Такое письмо не было пригодно для обыкновеннаго употребленїя, такъ какъ для того, чтобы выразить только одно слово, приходилось нарисовать цѣлую массу предметовъ, что отнимало слишкомъ много времени. Явилась необходимость сократить отдѣльные знаки. Такимъ образомъ создано такъ наз. іератическое письмо, а потомъ и еще болѣе упрощенное демотическое (или энхорическое).

Эти открытія привели къ богатому результату, такъ какъ, благодаря мягкому климату Египта, болѣе или менѣе хорошо сохранилось не только безчисленное множество памятниковъ съ нестертыми надписями, но и огромное количество древнихъ папирусныхъ свитковъ, замѣняющихъ собой книги. Они восходятъ къ десятой или, во всякомъ случаѣ, къ началу двѣнадцатой династіи (отъ 2000 до 4000 лѣтъ до нашей эры *). Всѣ доступныя намъ теперь данныя съ полною достовѣрностью доказываютъ необыкновенно высокую древность египетской культуры. Не только во времена Геродота, и даже не только въ эпоху прибытія евреевъ въ страну Нила существовала тамъ вполне развитая государственная жизнь, но уже во времена постройки древнѣйшихъ памятниковъ зодчества **) должна была существовать въ Египтѣ сложная организація и были, вѣроятно, достигнуты успѣхи не въ одной только техникѣ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ,—успѣхи, потребовавшіе тысячелѣтій упорной работы. Въ самомъ дѣлѣ, близъ Гелиополи и Мемфиса извлечены, съ помощью буреній, обломки кирпичей и горшковъ изъ глубины отъ 60 до 72 фут. Такъ какъ повышение долины Нила въ этой мѣстности въ продолженіе столѣтія не превосходитъ 5 дюймовъ, то древность этихъ осколковъ оказывается равною 12000—14000 лѣтъ. Но если даже опаривать вѣрность подобнаго расчета, то всѣ признаки указываютъ на то, что начатки древне-египетской культуры далеко превышаютъ древность, приписываемую міру на основаніи библейскихъ датъ.

Древняя исторія нильской страны дѣлится обыкновенно на три періода: 1) отъ древнѣйшихъ временъ до Рамзеса II (по Геродоту Сезостриса, по Діодору — Сезосиса), около 1500 лѣтъ до Р. X.; 2) отъ Рамзеса до Псамметиха, или до первыхъ чужеземцевъ въ Египтѣ, не считая іудеевъ, около 650 лѣтъ до Р. X.; 3) до паденія египетской національности, вслѣдствіе покоренія края персами при Камбизѣ, въ 525 г. до нашей эры.

Эти три различные способа письменности употребляли египтяне. Шампольонъ, впрочемъ, показалъ, что большинство іероглифовъ представляетъ чисто звуковые знаки, т. е. составляютъ азбуку, другіе же, напротивъ того, изображаютъ весь предметъ (напр., солнце).

*) По мнѣнію Ленормана, папирусъ, находящійся въ парижской бібліотекѣ (Лувра), принадлежитъ времени предпоследняго царя 5-й династіи и имѣетъ древность болѣе 5500 лѣтъ. Лаугъ считаетъ древность папируса Присса въ 5400 лѣтъ. Но еще болѣе, чѣмъ его древности, нужно удивляться отвлеченному содержанию этого сочиненія. Надо, впрочемъ, замѣтить, что египтологи далеко расходятся во мнѣніи относительно египетской хронологіи. Бругшъ даетъ слѣдующее сопоставленіе годовъ, принимаемыхъ разными учеными за годъ вступленія на престолъ перваго земного царя, Мена (у грековъ Менеса), который наслѣдовалъ царствованію отъ боговъ и полубоговъ: по Бѣку голь этогъ—5702 (до начала нашего лѣтосчисленія), по Унгеру—5613, по собственному вычисленію Бругша—4455, по Лаугу—4457, по Лепсіусу—3892, по Бунзену 3623 до Р. X. Только начиная съ 26-й династіи (по Бругшу за 3600 лѣтъ до нашей эры, т. е. около 5400 лѣтъ тому назадъ) хронологія становится болѣе или менѣе надежной.

**) Храмы въ Оивахъ построены частью изъ матеріала, оставшагося отъ древнихъ построекъ.

Повѣствованія греческихъ писателей о событіяхъ двухъ первыхъ періодовъ лишены всякой достовѣрности. Сообщенія Геродота, въ родѣ того, что послѣ Менеса слѣдовало 330 царей (священное число!), или хронологія Діодора, который приводитъ мифическія имена царей, вставляя ихъ между священными числами: 7 царей, 12 человѣческихъ вѣковъ, 7 человѣческихъ вѣковъ и т. д., — все это не имѣетъ никакого значенія для науки.

Въ значительно иномъ видѣ представляется исторія Египта теперь, когда разобраны іероглифы и проверены данныя, дошедшія до насъ отъ Манеѳона. Правда, и у этого писателя на первомъ планѣ стоятъ различныя династіи царей; приводимыя имъ 30 туземныхъ династій составляютъ остовъ, ядро всей его исторіи. Не того мы ищемъ въ исторіи вообще и не въ этомъ для насъ ея значеніе. За всѣмъ тѣмъ нужно признать, что здѣсь мы стоимъ, по крайней мѣрѣ, на твердой почвѣ, не блуждаемъ въ области мифовъ, какъ у Геродота и Діодора. Впрочемъ, хронологія, которая въ данномъ случаѣ имѣетъ первостепенное значеніе, не можетъ быть установлена безусловно даже на основаніи записей Манеѳона, такъ какъ изъ его списковъ одновременныхъ правителей или даже претендентовъ (при раздѣленіи государства) не виденъ самый порядокъ династій. Между тѣмъ (по словамъ Лаута) разобрано не менѣе 142 надгробныхъ надписей временъ 5 первыхъ династій. Три большія пирамиды въ Гизе воздвигнуты при 4-й династіи. Это доказываетъ, что культура, о которой свидѣтельствуютъ эти сооруженія и надписи, существуетъ отъ 5700—7000 лѣтъ; а сколько тысячелѣтій должны были пройти, пока человѣчество могло дойти до той степени образованности, о которой говорятъ эти памятники?!

Послѣ доводовъ, приведенныхъ Бругшемъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что египтяне принадлежали къ великой кавказской расѣ, именно къ третьей такъ называемой кушитской вѣтви ея, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнится какъ отъ пелазгической, такъ и отъ семитической вѣтвей. При этомъ, однако, въ языкѣ ихъ оказывается столько элементовъ однородныхъ съ индогерманскимъ и семитическимъ отдѣлами языковъ, что ихъ сродство не можетъ подлежать спору.

Внутренніе раздоры, которые при 14-й династіи раздробили государство, дали возможность одному изъ дикихъ племенъ семитической расы вторгнуться въ страну черезъ восточную границу и утвердиться въ пей; нижній Египетъ былъ покоренъ безусловно, а верхній обложенъ данью. То былъ періодъ гиксовъ, царей-пастуховъ, продолжавшійся 260 (по мнѣнію Лепсіуса 511) лѣтъ. Освобожденіе страны началось съ верхняго Египта, до тѣхъ поръ обложеннаго данью.

Границей древнѣйшаго періода считается царствованіе Рамзеса II, по-гречески Сесостриса. Большая часть памятниковъ и надписей возникла въ его время. Сынъ его, Менопта, есть фараонъ «Иехода». (Евреи, какъ кажется, пришли въ Египетъ при владычествѣ гиксовъ и послѣ него остались тамъ).

Около 800 г. до нашей эры Египетъ, въ которомъ снова возникли междоусобія, быть завоеванъ эіюпами; ихъ вождь Сабако (Шабака) основалъ 15-ю династію, господствовавшую около 50 лѣтъ. Послѣ изгнанія эіюповъ Египетъ, какъ кажется, распался на части. То было время т. н. додекархій. Отнынѣ исторія Египта становится яснѣе—это короткій третій періодъ, время наплыва чужеземцевъ, которые, естественно, получили доступъ прежде всего въ нижній Египетъ. Сношенія туземнаго населенія съ другими людьми расширили его кругозоръ и способствовали его благосостоянію. Это возбудило зависть египетскихъ князей къ владѣтелю маленькой области—Саиса—Пеамметиху I; они рѣшили погубить его. Но силу Пеамметиха составляло благосостояніе его страны, достигнутое путемъ торговли: подкрѣпленный чужеземными наемниками, онъ побѣдилъ своихъ противниковъ и подчинилъ своей власти весь Египетъ.

Однако преимущества такого объединенія Египта оказались весьма сомнительными. Государство было теперь военной монархіей. Расширивъ свою власть внутри страны, цари захотѣли увеличить ее и извнѣ: пошли безконечныя войны. Страсть къ завоеваніямъ отозвалась пагубно на нихъ и на народъ, и это привело къ тому, что, 125 лѣтъ спустя послѣ Пеамметиха I, Египетъ сдѣлался персидскою провинціей и оставался ею даже послѣ побѣды эллиновъ надъ персами. Только преобразование восточнаго міра, совершенное Александромъ Македонскимъ, измѣнило черезъ два столѣтія судьбу нильской страны. Послѣ смерти этого завоевателя послѣдовало распаденіе его огромнаго царства, и это возвратило Египту его самостоятельность и новый періодъ блеска. Но мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ древнимъ Египтомъ.

Несравненно важнѣе извѣстій о политическихъ событіяхъ свѣдѣнія о социальномъ устройствѣ древняго Египта; эти свѣдѣнія, дошедшія до насъ частью отъ очевидцевъ, получаютъ совершенно своеобразную прелесть благодаря чудеснымъ памятникамъ и другимъ безчисленнымъ остаткамъ того отдаленнаго времени.

Народонаселеніе края состояло изъ людей трехъ различныхъ расъ: изъ бѣлыхъ, очень смуглыхъ, съ гладкими волосами, изъ курчавыхъ негровъ и людей съ коричневымъ цвѣтомъ лица—несомнѣнныхъ прародителей нынѣшнихъ феллаховъ. Послѣдніе, поселяне и кочевники, составляли низшій классъ народа. Черные были военноцѣнные или домашніе рабы. Бѣлые составляли господствующій классъ, высшій сословіе; они были представителями національности.

Какъ уже было замѣчено выше, прежде полагали, что культура пересажена въ Египетъ изъ Эіюпіи. Новыя изслѣдованія безспорно доказываютъ противное. Первое побужденіе къ развитію образованности страна, повидимому, получила изъ Азіи (съ востока), или съ Средиземнаго моря. На это указываетъ и различіе расъ,—на изображеніяхъ бѣлые представлены побѣдителями и владыками, а темнокожіе и черные—низшими и поработченными; да и другія обстоятельства указываютъ на то, что образованность шла вверхъ.

а не вниз по теченію Нила. Естественно, поэтому, что въ Эіоііи мы находимъ лишь самыя ничтожныя слѣды культуры, отдаленнѣйшіе отпрыски развитія, занесенные изъ Египта въ далекія владѣнія.

Внутренніе порядки египетскаго народа въ такой степени напоминаютъ порядки индусовъ, что мы съ трудомъ можемъ отрѣшиться отъ мысли о сродствѣ обоихъ народовъ, хотя мысль эта оспаривается многими учеными. Религіозный культъ является основой всѣхъ социальныхъ учреждений; жрецы были центромъ могущества и образованности, а надъ ними, какъ и въ Индіи, возвышалась царская власть; египетскій народъ, какъ и индійскій, дѣлился на касты.

Весь культъ, какъ кажется, происходитъ изъ сабензма—поклоненія солнцу и звѣздамъ. И здѣсь происходили постоянныя воплощенія божества, являвагося всегда въ тринности. Древнѣйшіе боги были: Аммонъ, Муть и Консъ. Первое божество означало духовный свѣтъ, послѣднее —умъ, а второе было матерью третьяго (по европейскому выраженію «Божьей Матерью»). Атрибуты этихъ божествъ переходили отъ троицы къ троицѣ до послѣдней, земной, которую составляли Озирисъ (отецъ), Изиды (мать) и Горъ (дети, сынъ обоихъ).

По мнѣнію де Руже, «Etudes sur le Rituel funéraire» и Г. Масперо «Histoire ancienne des Pays d'Orient», первоначальная религія признавала только единого Бога; остальные проявленія (отецъ, мать, дети), а потомъ и культъ звѣрей—позднѣйшаго происхожденія. Тринность есть одинъ изъ атрибутовъ Бога, такъ же какъ и неизмѣримость, вѣчность, всемогущество и безграничная благодѣтельность. Со времени первыхъ 6 династій монархія вѣдала высшими духовными функциями. Правители болѣе чѣмъ жрецы, они боги, сыновья Ра, бога солнца.

Лишь медленно расширяется наше знаніе религіознаго быта египтянъ. Ко всѣмъ трудностямъ языка и разгадки знаковъ присоединяется еще то обстоятельство, что мы имѣемъ дѣло съ мистеріями, которыя должны были составлять тайну. Въ этомъ отношеніи интересно сообщеніе профессора Бругша-паша (нынѣ директора арабскаго музея въ Каирѣ), сдѣланное 2-го ноября 1881 г. въ Берлинѣ; заимствуемъ изъ него слѣдующее: «Ислѣдованіе мистерій принадлежитъ къ труднѣйшимъ областямъ египетской археологіи. Къ обычнымъ трудностямъ языка, которыя еще можно превозмочь, присоединяются: нагнѣренно затемненный способъ выраженія, образы, символическія и условныя обозначенія. Но содержаніе мистерій оправдываетъ необычайныя усилія. Глубокая мудрость скрывается въ этихъ надписяхъ египетскихъ памятниковъ и въ каждомъ папирусѣ. Слово, которымъ египтяне опредѣляли мистеріи, означаетъ: «то, что отчуждено, что должно быть недоступно, т. е. знанію огромнаго большинства». Но то же слово служить обозначеніемъ божества и загробнаго міра. То, что дошло до насъ отъ мистерій, мы находимъ въ надписяхъ на храмахъ, въ папирусныхъ свиткахъ, которые клалась въ могилы вмѣстѣ съ муміями. Папирусы, заключающій мистерію, самъ объ этомъ говорить. За чудес-

ными формулами слѣдуетъ заключительное слово, относящееся къ ихъ характеру: «Это правдивая мистерія, неизвѣстная ни одному человѣку» и т. д. Для насъ теперь открыты все святилища храмовъ и могилы, куда не допускали непосвященнаго египтянина жрецы, а также его собственное религіозное чувство; вмѣстѣ съ тѣмъ открыты и документы, вводящіе насъ въ тайны мистерій. Мы различаемъ три категоріи мистерій. Первая обнимаетъ все тайныя ученія, заключающіяся въ надписяхъ и папирусныхъ свиткахъ. Второй родъ мистерій составляютъ символы и огромная масса изображеній и фигуръ, которыя покрываютъ большую часть храмовыхъ стѣнъ. Присоединенный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ даетъ возможность найти ключъ къ языку и этимъ символамъ. Третью группу составляютъ священнодѣйствія мистерій, таинственные церемоніи, которыя состояли въ драматическомъ представленіи кончины и пробужденія Озириса, и по своему характеру, быть можетъ, походили на оберammerгаускія представленія. Содержаніе мистерій касается сущности божества, бренности тѣла и загробной жизни, возникновенія міра и мирового порядка. Сущность мистерій, ихъ основная мысль—истина: истина для нихъ то же, что и божество; она—конечная цѣль человѣческихъ стремленій. Каждый жрецъ, посвященный въ мистеріи, долженъ былъ принести клятву вѣчной вѣрности истинѣ. О высокомъ почитаніи истины у египтянъ свидѣтельствуютъ и статуи этой богини во всехъ храмахъ. Мистическія сочиненія называютъ божество «великой тайной, самимъ бытіемъ, сокровеннымъ и безымяннымъ», а въ другомъ мѣстѣ и «тысячелетнимъ». Мистеріи знаютъ только единое божество. Трудно прослѣдить съ точностью воззрѣнія мистерій на человѣческую душу и ея существованіе послѣ смерти. Въ различныхъ временахъ и въ различныхъ мѣстностяхъ обнаруживается замѣтное несходство воззрѣній. Если мы будемъ держаться воззрѣній, господствовавшихъ во времена Геродота, то увидимъ слѣдующее: судьба человѣческой души находить свой символъ въ мнѣшъ Озирисѣ. Онъ падаетъ отъ руки своего брата Тифона, символа всехъ бѣдствій, и его оплакиваетъ его сестра и супруга Изиды. Погребеніе бога и жалоба Изиды составляютъ содержаніе церемоній, которыя праздновались ежегодно въ декабрѣ, т. е. въ такое время, когда въ Египтѣ умираетъ природа. Статуи мертваго бога клались въ гробы и съ обычною торжественностью погребались въ пещерѣ, подъ переиковыми деревьями, при похоронномъ пѣніи жрецовъ. Въ то же время зарывались сѣмена въ глиняныхъ сосудахъ съ землею. Когда наступалъ день восхода сѣмянъ, жрецы опять сходились для торжественнаго собранія и громко возглашали: «Озирисъ возсталъ!» Въ дендерскомъ храмѣ можно видѣть подробное изображеніе этихъ церемоній. Въ концѣ присоединеннаго къ нимъ текста сказано, что судьба Озириса есть судьба каждаго человѣка. Въ берлинскомъ музеѣ находится папирусъ, содержащій жалобу Изиды; во время торжества въ саисскомъ храмѣ жалоба прочитывалась жрицей, изображавшей Изиду. По всему этому видно, что допускалось загробное существованіе человѣческой души. Но нигдѣ мы не встрѣ-

чаемъ намека на что-либо соотвѣтствующее нашему представленію о личномъ существованіи послѣ смерти. Душа опять соединяется съ божествомъ, отъ котораго она была взята, и индивидуальное ея существованіе прекращается. Египтяне хорошо понимали всю безнадежность такого воззрѣнія, и это настроеніе довольно своеобразно выражается въ преданіяхъ. На стѣнахъ склеповъ изображены по одну сторону сцены погребенія, печали и плача объ усопшемъ, по другую — покойный среди пріятелей на веселомъ праздникѣ жизни. Текстъ поучаетъ насъ, что послѣ смерти наступаетъ конецъ всякой радости, а потому слѣдуетъ пользоваться жизнью, пока ею обладаешь. Вотъ, напр., какъ гласитъ одна такая надпись: «Покой есть завершеніе судьбы; тѣла людей исчезаютъ и возникаютъ новыя поколѣнія. А потому справляй веселые пиры въ твоей жизни, пусть пѣніе улаждаетъ твои уши, и оставь заботы позади себя, ибо придетъ день, когда твоя ладья пристанетъ къ тому міру, и т. д.»

Одинъ верховный жрецъ изъ Саиса велѣлъ на саркофагѣ своей умершей жены высѣчь слѣдующія слова, обращенныя къ нему самому: «О, супругъ мой, верховный жрецъ въ Мемфисѣ, не переставай пѣть, шировать и веселить себя любовью. Ибо мѣстопробываніе мертвыхъ пусто и темно, и сердце ихъ не нуждается въ женѣ и дѣтяхъ. Здѣсь Богъ, и всѣ умершие должны притти къ нему и отдать ему свои дуньи».

Впрочемъ, нельзя не упомянуть, что нерѣдко происходили религіозные споры, приводившіе къ междоусобнымъ войнамъ между отдѣльными провинціями; войны эти возникали или по самолюбію жрецовъ, или по капризу начальниковъ провинцій.

Знаніе жреческой религіи въ Египтѣ, какъ и въ Индіи, оставалось тщательно закрытымъ для народа. Для него создана была особая религія, грубая, матеріальная. Олицетворяли природу и почитали отдѣльныя существа, особенно звѣрей. Названныя выше три божества (Аммонъ, Муть и Консъ) были, какъ кажется, общенациональными, всѣ же прочія только мѣстными богами: въ древности понятіе о такихъ мѣстныхъ божествахъ, могущественныхъ только въ своемъ округѣ, имѣло вообще широкое распространеніе (объ этомъ свидѣтельствуетъ и сама Библія).

Въ древнѣйшія времена приносились человѣческія жертвы (извѣстія Діодора подтверждаются изображеніями). Культъ животныхъ существовать во всѣ эпохи. Кто преднамѣренно убивалъ священное животное, тотъ платился за это жизнью; наказаніе смягчалось въ томъ случаѣ, когда это дѣлалось безъ злого умысла, — если только убитое животное не было ибисъ, ястребъ или кошка: въ этомъ случаѣ жрецы опредѣляли наказаніе по своему усмотрѣнію. Діодоръ разсказываетъ, какъ очевидецъ, что даже въ то время, когда египтяне всячески старались снискать благоволеніе римлянъ, просьбы ихъ царя Птолемея не могли спасти жизни римлянину, нечаянно убившему кошку. При пожарахъ заботились больше о спасеніи кошекъ, чѣмъ о тушеніи огня. Во время голода египтяне (подобно тому, какъ теперь еще поступаютъ индусы) лучше соглашались погибать сами, чѣмъ лишать корма священныхъ жи-

вотныхъ или убивать ихъ. Солдаты, возвращаясь съ походовъ, оплакивали своихъ мертвыхъ кошекъ и ястребовъ, и дома устраивали для этихъ животныхъ погребальныя помпы, тратя на это большія суммы.

Египтяне придавали большое значеніе сохраненію тѣлъ умершихъ. По всей вѣроятности, они предполагали, что душа не можетъ существовать безъ тѣла. Человѣческой трунь считался вѣрнѣйшимъ залогомъ, какой только потомки покойнаго могли представить.

Передъ погребеніемъ умершаго производился судъ надъ всей его жизнью. Каждый могъ приносить жалобу, приговоръ же произносили судьи, т. е. жрецы. Обвиненный лишился чести торжественнаго погребенія. Этому суду послѣ смерти подвергались и цари, и это было сильнымъ рычагомъ въ рукахъ жрецовъ*).

Извѣстія о числѣ кастъ разнорѣчивы; до послѣдняго времени число ихъ не выяснено въ точности. Вѣроятно, сначала было 4 касты (какъ въ Индіи), хотя Геродотъ насчитываетъ ихъ 7, Платонъ—6, Діодоръ—5, а Страбонъ—только 3. Нахожденіе и уразумѣніе декрета Каноба пролило свѣтъ на этотъ вопросъ**). Оказалось, что при Птоломеевѣ III или Птоломеевѣ Эвергетѣ I, за 238 лѣтъ до Р. Х., были введены четыре касты и потомъ установлена еще пятая.

Фридрихъ Мюллеръ (Новарская экспедиція) говоритъ въ своемъ сочиненіи по этнографіи, между прочимъ: «Всѣ касты были равны передъ закономъ, пользуясь въ нѣкоторомъ родѣ обширными гражданскими правами. Но двѣ первыя касты составляли родъ дворянства: изъ нихъ выходили сановники, а при освобожденіи престола избирались и цари. «Вообще не слѣдуетъ сравнивать египетскія касты съ кастами индусовъ. Въ египетскомъ кастовомъ строѣ нѣтъ высокоумія индійскаго благочестія; въ немъ скорѣе проявлялось дѣятельное стремленіе въ каждомъ человѣкѣ воспитать полезнаго гражданина, который основательно бы зналъ свое дѣло».

Жрецы составляли, конечно, первое сословіе. Они занимали всѣ государственныя должности и были исключительными носителями высшаго знанія; они являлись судьями, врачами, кудесниками и зодчими; въ ихъ владѣніи находилась большая часть недвижимостей, за которыя они, какъ и въ Индіи, не платили никакихъ налоговъ. Но и для нихъ существовали строгія аскетическія предписанія относительно образа жизни, пищи, поста, омовеній и т. п.

Воины и здѣсь составляли вторую касту. Имъ были предоставлены въ пользованіе обширныя полевыя угодія. Въсѣтъ

*) Ленорманъ оспариваетъ вѣрность этого сообщенія греческихъ писателей. По его мнѣнію, «народныхъ собраній этого рода не бывало; мертвый царь былъ такимъ же богомъ, какъ и живой. И если случалось, что царю отказывали въ погребеніи, то только по приказанію другого царя, желавшаго объявить того узурпаторомъ».

***) Декретъ напечатанъ въ англійскомъ переводѣ въ сборникѣ «Records of the Past-English translations of the Assyrian and Egyptian Monuments». Лондонъ, 1873 г., и слѣд.

съ жрецами они представляли родъ дворянства. Во всёхъ, кастахъ господствовало начало наслѣдственности званія, хотя, повидимому, не всегда этого придерживались безусловно; во всякомъ случаѣ, знанія низшихъ сословій были ограничены и подчиненіе высшимъ жрецамъ, установлено твердо. Для каждаго сословія существовали свои особыя предписанія относительно образа жизни. Въ особенномъ презрѣніи были свинонасы, хотя свинья считалась священнымъ животнымъ).

На ряду съ кастовыми различіями существовало рабство. Какъ на всемъ востокѣ, въ Египтѣ господствовало многоженство, и для одной только касты жрецовъ было обязательнымъ единоженство.

Вездѣ, гдѣ народъ не успѣлъ еще освободиться отъ наложенныхъ на него оковъ, духовенство распространяло свои предписанія далеко за предѣлы священннхъ предметовъ, на всевозможныя мірскія отношенія, устанавливая законы, для образа жизни, пищи, опрятности и наблюдая за ихъ исполненіемъ. Въ древнемъ Египтѣ мы находимъ цѣлый рядъ такихъ постановленій, которые изъ Египта перешли къ іудеямъ и частью исполняются ими до сихъ поръ. Животныя, обреченныя на закланіе, осматривались жрецами не столько для того, чтобъ узнать, здоровы ли они, сколько для того, чтобы по внѣшнимъ признакамъ (напр., по волосамъ на хвостѣ) судить о ихъ чистотѣ. Головы животного египтяне никогда не ѣли. Близкихъ сношеній съ чужеземцами, которые могли употреблять нечистое мясо, они не допускали даже въ позднѣйшее время. Вотъ почему они, какъ разсказываетъ Геродотъ, избгали не только цѣловать элина въ ротъ, но и употреблять его ножъ, котелъ или вертелъ. Кто не соблюдалъ египетскихъ правилъ діеты, считался варваромъ (Геродотъ). Даже на тѣлѣ египтянина носилъ знаки своего особаго культа, своей національности: обрѣзаніе, о которомъ разсказываетъ Геродотъ, происходитъ изъ Египта, у евреевъ оно явилось въ видѣ подражанія.

Какъ и въ Индіи, здѣсь рядомъ съ властью жрецовъ развивалась царская власть. Царь на землѣ былъ то же, что солнце на небѣ*). Самыя цари объявляли себя по рожденію равными богамъ: всѣ носили титулъ «сынъ солнца». Въ одномъ гротѣ въ Ибримѣ царь Аменготепъ III изображенъ сидящимъ, какъ равный, среди боговъ. Тотъ же царь воздвигъ «своему собственному божеству», т. е. самому себѣ, солебекій храмъ, у третьяго водопада Нила. Одно изъ изображеній триумфальнаго шествія царя Горемгеби имѣетъ надпись, которая такъ отзывается объ этомъ государѣ: «Милосердный Богъ возвращается назадъ, несомый вождами всёхъ странъ». Воплощъ естественно, конечно, что не было недостатка во внутреннихъ расприяхъ между монархами и духовной властью. Царь, хотя и надѣленный внѣшнимъ великолѣпіемъ, долженъ былъ быть окруженъ исключительно жрецами; ему служили только сыновья жрецовъ и

*) Имя Фараонъ (собственно Фра), такъ часто встрѣчающееся въ Библии, не есть имя собственное: оно обозначаетъ «солнце».

все важные дела доходили до него только через посредство лиц духовного звания; с ними он должен был совѣтоваться. Он был также обязан исполнять множество жреческих предписаний.

Религиозные законы дѣйствовали стѣснительно на искусство, науки и даже ремесла. Въ всякій прогресс угрожалъ авторитету духовенства, опиравшемуся на принципъ неподвижности. Капастовое устройство явилось средствомъ для поддержания старины, даже въ ремеслахъ.

Бругшъ, впрочемъ, дѣлаетъ весьма существенное замѣчаніе, что совершенно не вѣрно представленіе о характерѣ египтянъ, какъ объ отшельникахъ или пустынникахъ, занятыхъ только вопросомъ о смерти. Это глубокое заблужденіе. Изображенія и надписи доказываютъ, что египтяне были народъ живой, веселый, наивный, что они любили жизнь и даже обращались къ богамъ съ молитвой о томъ, чтобы имъ можно было не умереть раньше 110 лѣтъ.

Весьма важно то, что каста не препятствовала бѣдному молодому человѣку войти въ знатную семью или повыситься въ общественныхъ чинахъ и должностяхъ. Но Бругшъ считаетъ необходимымъ показать и изнанку нарисованной имъ блестящей картины. Онъ особенно подчеркиваетъ: ненависть, зависть, интриги, гордость, упрямство, жестокость и скудость.

Египетская медицина была довольно ничтожна. Главными средствами были: клистиры, рвотныя и дѣта; въ связи съ медициной стояла астрологія. Врачу, отступившему отъ старыхъ предписаній, въ случаѣ неблагоприятнаго исхода его лѣченія, грозила смерть. Въ астрономіи египтяне обладали значительными свѣдѣніями. Ихъ годъ дѣлился на мѣсяцы, мѣсяць на три декады, каждая въ 10 дней (какъ и во французскомъ революціонномъ календарѣ); 36½ декады составляли годъ. Но и здѣсь, какъ повсюду въ древнія времена, астрономія служила астрологическимъ фантазіямъ и обману. Совершенно ничтожны были прославленные познанія египтянъ въ геометріи. Когда грекъ Фалесъ измѣрялъ высоту пирамидъ по длинѣ ихъ тѣни, царю Амазису это казалось изумительнымъ изобрѣтеніемъ гения.

Египтяне имѣли склонность къ колоссальному и мало понимали прекрасное и возвышенное. Это доказываютъ уже постройки ихъ пирамидъ. Ихъ существовало около 40 большихъ и гораздо болѣе (во всякомъ случаѣ болѣе 100) малыхъ. Онѣ служили царскими гробницами, удовлетворяя тщеславію деспотовъ (одна изъ самыхъ большихъ даже, какъ говорятъ, была построена для куртизанки). И народъ безропотно долженъ былъ исполнять эти бесполезныя работы*).

Самыми замѣчательными постройками были храмы. На плохой кровлѣ большого храма въ Эдфу, какъ и на храмѣ на островѣ

*) Впрочемъ, проклятія народа противъ фараоновъ, понуждавшихъ его къ строительнымъ работамъ, сохранились на цѣлыя тысячелѣтія. Три большія пирамиды въ Гизе содержатъ такую громадную массу камня (4693000 кубич. метровъ), что изъ нихъ можно бы выстроить стѣну въ 9 фут. вышины, въ 1 футъ толщины и въ 1400 часовъ пути,—стало бытъ, поперекъ всей Африки.

Филе стоять глиняныя хижины арабскихъ деревень*). Однако и въ этихъ постройкахъ замѣтно строгое соблюденіе древнѣйшихъ приѣмовъ. Всѣ храмы, столь различные по величинѣ и въ деталяхъ, имѣютъ совершенно одинаковый планъ. Гигантское сооруженіе въ Карнакѣ**), которое, по словамъ находящейся тамъ надписи, строилось въ продолженіе 11 столѣтій, не представляетъ, однако, различій въ стилѣ отдѣльныхъ частей. Здѣсь, какъ и въ Китаѣ, искусство двигалось такъ медленно, что, при одинаковости стили, позднѣйшія зданія были не красивѣе и не лучше, а скорѣе хуже прежнихъ. Строили по готовому шаблону, безъ художественнаго вкуса. Арки и своды были почти неизвѣстны.

Произведенія скульптуры и живописи стояли въ тѣсной связи съ архитектурой. Въ особенности были ими разукрашены всѣ стѣны, колонны и потолки храмовъ. Но и здѣсь египтяне достигли только значительной механической ловкости и никогда не возвысились до настоящаго искусства. Нельзя не отмѣтить тщательности, съ какою выражены особенности строения лица у различныхъ расъ; нельзя отрицать, что ни одинъ древній народъ не изобразилъ, посредствомъ своей пластики, такъ рельефно этнографическія особенности; за то остальной рисунокъ тѣлъ почти всегда неудаченъ. Можно удивляться безподобной свѣжести и прочности красокъ (хотя нужно принять во вниманіе и египетскій климатъ, не повредившій этихъ произведеній), но египтяне знали вообще только краски шести цвѣтовъ и не имѣли понятія объ ихъ смѣшеніи. Ихъ изображенія носятъ характеръ натянутости и мрачности. Они не знали вовсе перспективы (какъ и китайцы); все приносилось въ жертву главной фигурѣ, которая выдѣлялась своей массивной величиной: рядомъ съ ней все остальное казалось мизернымъ, какъ бы печезало въ ничтожество. Никто еще не выдалъ египетской фигуры въ натуральной человѣческой повѣ. Изъ рукъ изображена обыкновенно только одна; глазъ нарисованъ фасомъ, тогда какъ лицо въ профиль». (К. Р. Скоттъ). Но, что задерживало и парализовало подъемъ искусства, это—рабство, въ которомъ оно пребывало. На сохранившихся египетскихъ изображеніяхъ, представляющихъ живописца и скульптора, рядомъ съ этими художниками стоитъ надсмотрщикъ съ плетью. Художники были рабы, которыхъ бичъ принуждалъ къ работѣ!

Такому порядку вещей вполне соответствуетъ господствовавшій повсюду духъ рабства. Изображенія боговъ на храмахъ и внутри ихъ были только портреты царей, по приказанію которыхъ эти зданія построены. Такъ, напр., во всѣхъ храмахъ, построенныхъ Мерисомъ и Сезострисомъ, всѣ боги похожи на этихъ государей. Тогдашняя дѣль не умѣла поступать такъ, какъ поступило бы утопченное рабство, — она не умѣла идеализировать физионо-

*) Такъ какъ нечистоты сбрасывались внизъ, то эти великолѣпныя зданія страшно загрязнены.

**) Одинъ изъ среднихъ проходовъ этого храма имѣетъ 12 колоннъ, каждая въ 11 ф. въ діаметрѣ, остальную крышу поддерживаютъ 122 колонны, въ 8 ф. въ діаметрѣ.

ми царей и облагораживать ихъ въ портретахъ; духъ тупого раблѣнія, желавшій сравнять царей съ богами, не нашелъ иного средства, какъ низвести идеальное до безобразнаго. Портреты царей эоипскаго племени (а также боговъ) имѣють лицевой уголъ негровъ и большею частью самое безмысленное выраженіе (это блемійцы, весьма отличающіеся отъ гиксовъ, съ которыми ихъ часто смѣшивали; они основали собственную династію, которая въ 674 г. до нашего лѣтосчисленія была изгнана изъ Египта).

Въ другихъ отрасляхъ изящныхъ искусствъ египтяне также не создали ничего. Равнымъ образомъ намъ не извѣстна и египетская литература въ собственномъ смыслѣ, ибо списки царскихъ именъ и религіозныя правила не заслуживаютъ этого названія. Обратимся къ нѣкоторымъ отраслямъ промышленности. Естественныя условія благопріятствовали земледѣлію. Мѣстности, ежегодно затопляемыя Ниломъ, не требовали обработки, а еще менѣе удобренія, и, все-таки, каждые 4—6 мѣсяцевъ получался новый обильный урожай. Область, орошаемая Ниломъ, была искусственно расширена черезъ проведеніе каналовъ. Но всѣ другія условія задерживали развитіе земледѣлія. Воздѣлываніе почвы оставалось примитивнымъ; почти всѣ земледѣльческія орудія были изъ дерева, желѣзныхъ не было вовсе, и только нѣкоторыя были изъ мѣди. Сохранившіяся изображенія доказываютъ, что при приготовленіи вина не употребляли даже тисковъ; виноградъ выжимался въ мѣлкихъ, само худшее было то, что земледѣлецъ не имѣлъ своей земли, не могъ приобрести ее; земли была собственностью жрецовъ и царя, и, кромѣ того, какъ уже сказано, каста воиновъ получала въ пользованіе, вмѣсто жалованья, земельные участки.

Занятіе промыслами считалось унижительнымъ, и потому солдатъ не могъ заниматься ремесломъ. Точно также запрещалось принадлежащему къ ремесленному сословію заниматься двумя ремеслами за-разъ, или промѣнять ремесло, унаслѣдованное отъ отца, на другое (хотя уклоненія отъ этого правила допускались). Человѣкъ не долженъ былъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только тѣмъ, къ чему его предназначило его рожденіе. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя техническія искусства достигли немаловажной степени механическаго развитія. Какъ кажется, египтяне по преимуществу занимались изготовленіемъ полотна и хлопчатобумажныхъ матерій. Особеннаго упоминанія заслуживаетъ выдѣлка бумаги (папируса). Египтяне умѣли также готовить очень красивые лаки. Чрезвычайно разнообразны были деревянныя издѣлія: домашнія утварь, кресла, стулья, столы, кровати, скамьи, носилки, музыкальные инструменты и пр. Стекло выдѣлывалось въ Египтѣ задолго до появленія въ исторіи финиціянъ, которымъ обыкновенно приписываютъ изобрѣтеніе стекла. Слѣдуетъ упомянуть и о механической ловкости, съ которой египтяне умѣли передвигать громадныя массы камня для построекъ, и особенно для обелисковъ, хотя, какъ кажется, при этомъ пользовались только человѣческими силами*).

*) Интересная работа горнаго инженера Винера «Металлы и минералы

Торговля съ чужими странами и народами едва ли шла далѣ Эѳіопіи на югъ и далѣ Сиріи на сѣверо-востокъ, да и въ этихъ странахъ она, безъ сомнѣнія, находилась главнымъ образомъ въ рукахъ иностранцевъ. Жрецы боялись посядствій живого общенія народовъ, и эта боязнь, въ связи со строгостью египетскаго церемоніала и правилъ воздержанія, полагала строгія граи международной торговлѣ. Къ этому присоединялся еще недостатокъ въ хорошемъ строевомъ лѣсѣ для постройки морскихъ судовъ и въ удобномъ способѣ перевозки товаровъ; нигдѣ не видно стѣдовъ существованія верблюда, животнаго, безъ котораго нельзя обойтись при сообщеніи въ такихъ странахъ; какъ кажется, «корабль пустыни» привезенъ изъ Аравіи только въ позднѣйшее время.

Внутренняя торговля по рѣкѣ Нилу была несравненно важнѣе внѣшней. Эта торговля была тѣмъ значительнѣе, что по берегамъ этой рѣки обитала самая значительная, образованная и многочисленная часть египетскаго народа, а проведенные каналы вскорѣ соединили и сосѣднія плодородныя области съ главной артеріей страны. Первый извѣстный намъ переворотъ въ социальномъ строѣ Египта совершился, какъ уже упомянуто выше, при Псамметихѣ I, подъ сильнымъ влияніемъ международныхъ сношеній. Но страсть царей къ завоеваніямъ привела къ уничтоженію независимости и національности.

Если мы, въ заключеніе, окинемъ однимъ взглядомъ извѣстныя уже намъ условія древняго Египта, то, при всей массѣ недостатковъ и неурядиць, частью очень дурнаго свойства, мы, все-таки, не освободимся отъ чувства удивленія. Передъ нами культурное развитіе, о которомъ свидѣлствуютъ письменность и грандіозныя памятники, — прогрессъ человѣчества, вышедшаго изъ первобытнаго состоянія, прогрессъ, достигнутый борьбою цѣлыхъ ста вѣковъ. Многое достойно порицанія, но въ цѣломъ мы не можемъ не удивляться дѣятельности, успѣвшей достигнуть такого развитія.

Д о п о л н е н і е .

Новыя изслѣдованія объ Египтѣ такъ богаты, открываютъ столь новый міръ, что мы уже не можемъ ограничиться прибавленіемъ двухъ, трехъ коротенькихъ замѣчаній къ фактамъ, уже общеннымъ въ двухъ первыхъ изданіяхъ нашей книги (какъ это дѣлалось до сихъ поръ); мы должны изложить теперь нѣкоторыя дополнительныя данныя, хотя и въ сжатомъ, но все же обстоятельномъ видѣ, при чемъ, какъ само собою разумѣется, мы имѣемъ въ виду не полную картину египетскихъ условій, а только выясненіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментовъ.

Египетскіе жрецы думали, что могутъ съ точностью опредѣлить Геродоту, сколько времени потребовалось для того, чтобы рѣка могла образовать Дельту. По мнѣнію Масперо, жрецы эти ошибались; увеличеніе суши шло и въ прежнее время, а тѣмъ болѣе

древняго Египта» напечатана въ «Berg- und Hüttenmännische Zeitung», 1881, № 46, и слѣд. Лейпцигъ, A. Felix.

идеть теперь гораздо медленнее. Мелл, образующіяся при устьѣ канобскаго и себенинскаго рукавовъ Нила, съ года на годъ едва увеличиваются, первая на 14, вторая на 16 гектаровъ. Годовой приростъ передней части Дельты едва достигаетъ 1 метра. Отсюда высчитано, что при указанныхъ условіяхъ пужны были 740 столѣтій, чтобы Нилъ могъ заполнить свои рукава. Слѣдовательно, ко времени царствованія Менеса Дельта уже давно существовала.

Въ настоящее время площадь всей Дельты занимаетъ не болѣе 2300 квадратныхъ километровъ. Многія породы животныхъ, обитающихъ теперь на берегахъ Нила, какъ, напр., лошади, верблюды и овцы, по всей вѣроятности, привезены туда гораздо позднѣе основанія египетской монархіи; на памятникахъ первыхъ династій ихъ еще не видно.

Древнѣйшая исторія египтянъ, какъ и исторія большинства первобытныхъ народовъ, представляетъ сочетаніе нѣлаго ряда мѣровъ. Въ послѣднемъ отдѣлѣ этого доисторическаго періода сословіе жрецовъ, по заявленію Масперо, получило первенство передъ другими классами народа. Нѣкій Мена (по-гречески Менесъ), уроженецъ г. Оеи, или Тина (въ верхнемъ Египтѣ), уничтожилъ господство жрецовъ и основалъ египетскую монархію. «Она существовала, по крайней мѣрѣ, 4000 лѣтъ, при 30 династіяхъ. Этотъ періодъ, самый продолжительный изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи, дѣлится на три части: древнее царство, отъ 1 до 11 династій, среднее царство, отъ 11 династій до вторженія пастушескихъ народовъ, и новое царство—до завоеванія Египта персами. Это дѣленіе (продолжаетъ Масперо) грѣшитъ тѣмъ, что не вполне отвѣчаетъ ходу историческаго прогресса. Дѣло въ томъ, что въ исторической жизни Египта произошли три большіе переворота. При началѣ человѣческихъ династій, центромъ страны является Мемфисъ». (Вмѣстѣ съ тѣмъ доказательство, что Египетъ свою культуру получила не изъ Эѳіопіи). «Мемфисъ, столица и усыпальница царей, заставляетъ весь край признать владычество царя и составляетъ центральный пунктъ торговли и промышленности въ Египтѣ. Во время 6-й династии этотъ пунктъ передвигается къ югу. Сперва онъ останавливается въ Ираклеополь, въ среднемъ Египтѣ (9 и 10 династии), и затѣмъ, при 11-й, надолго упрочивается въ Оивахъ. Оивы отнынѣ становятся центромъ страны и даютъ ей царей. Всѣ династии, за исключеніемъ 14-й, отъ 11-й до 21-й, происходятъ изъ Оивъ. Когда въ Египетъ вторгаются пастушескія племена, Оиванда дѣлается убѣжищемъ египетской народности, и ея князья, послѣ вѣковой борьбы съ завоевателями, освобождаютъ, наконецъ, всю долину Нила для оиванской, 18-й династии, открывающей эпоху великихъ войнъ съ иноземными народами. При 19-й династии движеніе, обратное тому, которое произошло въ концѣ 1-го періода, постепенно переноситъ центръ на сѣверъ страны. Съ 21-й династии Оивы теряютъ значеніе столицы и города Дельты, Танисъ, Бубастисъ, Мендесъ, Себенинъ и въ особенности Саисъ спорятъ о первенствѣ. Вся политическая жизнь страны сосредоточилась въ приморскихъ номахъ. Номя Оиванды были опустошены вторженіями

ми египетовъ и ассирійцевъ». Въ виду этого Масперо предлагаетъ раздѣлить египетскую исторію на 3 періода, сообразно первенствующему значенію того или другого города или области: 1) мемфисскій (1—10 династій, по Гоммелю приблизительно отъ 3800 до 2500 г. передъ Р. Х.); 2) оиванскій, 11—20 дин. (до 1095 г.): а) древне-оиванское царство, 11—16 дин. (до 1700), б) ново-оиванское царство, 17—20 дин. (до 1095 г.); 3) саисскій періодъ, 21—30 дин. (1095—340): а) первый саисскій періодъ, 21—26 дин. (527 г.), б) второй саисскій періодъ, 27—30 дин. (до 340). Такое раздѣленіе бесспорно наглядише другихъ и даетъ возможность легче ориентироваться. Но такъ какъ династїи сами по себѣ не имѣютъ для насъ значенія, то мы упускаемъ подробности.

Какъ одно изъ характерныхъ культурныхъ явленій, заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что одна изъ гробницъ въ Гизе величаетъ лежащаго въ ней саювника первыхъ временъ шестой династїи титуломъ «завѣдующаго книжнымъ домомъ». Слѣдовательно уже въ эту отдаленную эпоху существовала литература настолько значительная, что наполняла библіотеки, цѣлые книжные дома, и этому придавалась такая важность, что храненіе царской библіотеки поручалось высокопоставленному придворному чиновнику.

Выше уже было упомянуто, что страсть царей къ завоеваніямъ привела Египетъ къ гибели; послѣдовала она не только вслѣдствіе постоянныхъ пораженій, но главнымъ образомъ отъ истощенія страны черезъ потерю людей и денегъ. Отдѣльные округа не могли болѣе доставлять нужное число рекрутъ. Поэтому фараоны вынуждены были обращаться за помощью къ соседнимъ народамъ, которые оказывали ее лишь на весьма тяжелыхъ для Египта условіяхъ. Вмѣнательство варваровъ во внутреннїя дѣла Египта могло быть только пагубнымъ. Собственные аборигены страны часто проявляли упорство, отказываясь служить и платить подати. Иностранцы требовали для себя высшіе чины, должности, что вызывало обычныя въ такихъ случаяхъ послѣдствія. Изъ-за Дельты явились ливійцы и поселились въ Египетъ въ качествѣ наемниковъ; они сопровождали фараона въ его дальніе походы. Названіе ихъ «мануашъ» сдѣлалось у коптовъ нарицательнымъ для солдатъ. Эти послѣдніе, носившіе особый головной уборъ, набирались изъ ядра ливійскаго населенія; ихъ привлекали военныя приключенія и большое жалованье. Предводители мануашевъ, въ концѣ концовъ, сдѣлались почти независимыми отъ своихъ князей; съ помощью солдатъ они иногда завладѣвали престоломъ, самовольно утверждали и низвергали царей и образовали настоящее преторіанство. Съ прекращеніемъ 21-й династїи Египетъ сдѣлался добычей чужеземцевъ, которые распорядились властью по своему усмотрѣнію.

Е в р е и .

Ни одинъ народъ не обладаетъ столь широко распространенными и извѣстными историческими книгами, какъ евреи. Поэтому мы не будемъ подробно останавливаться на нихъ.

Исторію евреевъ пытались излагать послѣдовательно, въ видѣ стройнаго, цѣльнаго разсказа, въ которомъ событія различныхъ вѣковъ были поставлены рядомъ. Отъ этого картина только потускнѣла. Исторія эта прошла черезъ многи выдающіяся фазы, которыя такъ же мало сходны между собою, какъ и судьба германцевъ въ различные вѣка и тысячелѣтія.

Еврей и финикіяне принадлежали къ семитической расѣ. Но не расовая особенность, а религія составляла у нихъ рѣшающій моментъ. Какъ у египтянъ, такъ и у евреевъ религія сдѣлалась основой всего содержанія народной и національной жизни.

Нельзя не замѣтить, что еврей достигли историческаго значенія инымъ путемъ, чѣмъ всѣ прочіе народы. Одинъ ученый и заслуженный новѣйшій историкъ *) сдѣлалъ слѣдующее безпристрастное признаніе: «Этотъ народъ не покорилъ всееленной, какъ римляне, не воздвигъ, не основалъ и не раздвинулъ царства духа, какъ эллины, сколько-нибудь значительной наукой еврей также не обладали, какъ другіе семиты, къ которымъ приносились науки извнѣ; они знали гончарное ремесло подобно аоинянамъ, но изъ него не выработалось искусства; точно также у нихъ нѣтъ совѣмъ поэтическаго творчества, эпоса и драмы, и ихъ писатели никогда не доходили до полного сознанія сущности ихъ языка, а потому и не достигли образцовыхъ формъ». Но іудейство, съ самаго конца древнихъ временъ, оказывало непосредственно, а еще болѣе косвенно могущественное и продолжительное вліяніе на всѣ культурные народы путемъ религіи; кромѣ того, еврей—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ народовъ по своей судьбѣ, по выдержкѣ и послѣдовательности, и даже физически они превосходятъ всякій другой народъ своею живучестью **).

Религія всѣхъ семитическихъ народовъ, заселявшихъ пространство отъ Евфрата и Тигра до Средиземнаго моря, имѣла (по Jules Soury, «La Bible d'après les dernières découvertes archéologiques en Orient» (Revue des Deux Mondes, 1872), очевидно, одну общую всѣмъ основу. Потомъ развился культъ природы, при чемъ наиболѣе почиталось солнце,—культъ этотъ принялъ въ послѣдствіи такія формы, которыя сдѣлали почти неузнаваемымъ его первоначальное значеніе. Но семиты поклонялись также мѣсяцу и звѣздамъ, горамъ и рѣкамъ и `всевозможнымъ другимъ предметамъ.

Народы, лишеныя, какъ семиты вообще, пластическаго воображенія и художественнаго чутья, представляли себѣ своихъ боговъ всегда въ смутныхъ и неопредѣленныхъ образахъ. Впрочемъ, они не могли себѣ представлять своихъ боговъ иначе, какъ неограниченными владыками. Потому и Иегова имѣлъ у евреевъ неограниченную власть надъ всѣмъ, что въ его царствѣ рождается, живетъ и умираетъ. Человѣкъ поклонялся ему, какъ своему «господину» (Господу), и приносилъ ему въ жертву первенца своего

*) Д-ръ Ферд. Гицигъ (Hitzig), Geschichte des Volkes Israel. Лейпцигъ, 1869, стр. 2.

**) Срав. стр. 28—29. Подробности въ книгѣ автора «Руководство по сравн. статистикѣ», изд. 6-е, ч. 2, стр. 426 (нѣм. изд.).

стада, поля, даже своего семейства (отсюда выкупъ первороднаго сына изъ рукъ жрецовъ).

Его́ва (Яве) былъ не египетское, а семитическое божество, и названіе это халдейскаго происхожденія. По Гоммелю оно даже туранскаго происхожденія.

Религіозные обычаи, заимствованные у чужихъ народовъ, во всё почти времена пользовались горячимъ сочувствіемъ еврейскаго народа; иные изъ этихъ обычаевъ, вначалѣ очень невинные, доходили потомъ до человѣческихъ жертвъ.

Даже на глазахъ своего законодателя, въ пустынь, евреи возвратились къ египетскому служенію Апису; требовались постоянныя усилія, строгости и даже казни со стороны судей и пророковъ, чтобъ удержать Израиля отъ идолослуженія. Исключительный культъ Яговы евреямъ приходилось часто восстанавливать огнемъ и мечомъ: Ветхій Заѡтъ переполненъ разсказами объ отпаденіи евреевъ отъ единаго Бога и о насильственномъ подавленіи другихъ религіозныхъ формъ. Подобныя отпаденія отъ вѣры отцовъ и кровавое сопротивленіе насильственнымъ мѣрамъ принужденія къ ней продолжались непрерывно. Единовѣріе было у древнихъ евреевъ лишь преходящимъ и временнымъ явленіемъ, и было бы глубокимъ заблужденіемъ считать ученіе Моисея тождественнымъ еврейской національности. Самому Моисею, какъ кажется, не удалось прочно утвердить среди народной массы культъ Яговы, какъ единаго Бога.

Пророкъ Захарія, громившій язычество, былъ побитъ камнями. Въ правленіе Ахава, Илія, знаменитый пророкъ, или раби Яве, возстановилъ противъ себя не менѣе 450 раби Ваала и 400 раби Ашеры.

Случаи отпаденія отъ единаго Бога неисчислимы. Если по временамъ и являлись цари, непоколебимые религіознаго рвенія, то за ними слѣдовало опять отпаденіе отъ вѣры отцовъ. Іеремія жалуется: «Сколько у тебя городовъ, столько и боговъ у тебя, Іуда, и сколько улицъ въ Іерусалимѣ, столько вы поставили жертвенниковъ постыдному, жертвенниковъ для кажденія Ваалу». Довло до того, что даже въ храмѣ Яве въ Іерусалимѣ поставлены были и почитались символы Ваала и Ашеры.

Кастоваго устройства не было, если не считать того, что левиты были привилегированнымъ колѣномъ. Они самымъ рожденіемъ предназначались къ тому, чтобы посвятить себя учености и руководить важнѣйшими государственнымъ дѣлами. Они одни были священниками и могли считать себя сравнительно обезпеченными: пользуясь десятиной и правомъ на все первородное, они не занимались физическимъ трудомъ. Священники владѣли 42 городами и 6 городами-убѣжищами и, кромѣ того, значительными имѣніями, воздѣлывателями которыхъ были слуги храма. Собственно говоря, первенецъ каждой семьи считался рожденнымъ въ рабствѣ у священниковъ, и родители должны были выкупить его изъ этого состоянія. Очень могущественна была первоначально власть первосвященника. Существовало рабство, и при томъ не только для чужеземцевъ, но и для евреевъ. Еврей могъ самъ себя продать

въ рабство или быть проданъ за долги. Дѣти рабовъ уже съ самаго рожденія становились рабами. Господинъ могъ продать своего раба, а также подвергнуть его тѣлесному наказанію. Если онъ выбивалъ ему глазъ или зубъ, несчастный получалъ свободу. Владѣлецъ не смѣлъ убивать своего раба. Если рабъ умиралъ черезъ нѣсколько дней послѣ побоевъ, владѣлецъ считался достаточно наказаннымъ потерей работника,—вѣдь убитый имѣлъ для него цѣну «денегъ». Если кто убивалъ чужого раба, то долженъ былъ уплатить владѣльцу его стоимость.

Семейная жизнь была такая, какъ у всѣхъ народовъ Азіи; господствовало многоженство со всѣми его послѣдствіями. Жену покупали: она никогда не могла требовать развода, но если мужъ прогонялъ ее, она должна была уйти, не требуя содержанія. Если еврей изпасилъ свободную дѣвушку, то наказаніе его состояло въ томъ, что онъ долженъ былъ кунить ее и жениться на ней, а дабы съ него не запросили непомянутой цѣны, монсеево законодательство установило максимальную цѣну. Послѣ вавилонскаго плѣненія многоженство начало исчезать. Если послѣ умершаго оставались сыновья, то дочери лишались права на наслѣдство.

Отецеская власть была велика. Отецъ могъ продать своего сына въ рабство, дочерей онъ продавалъ въ замужество; кромѣ того, онъ могъ ихъ отдавать въ залогъ.

Если мы окинемъ однимъ взглядомъ всю исторію семитическихъ народовъ,—а это сдѣлалось возможнымъ только въ самое послѣднее время,—то убѣдимся, что народъ еврейскій былъ самый энергичный изъ нихъ, послѣ финикійскій.

Форма правленія заключала много демократическихъ элементовъ. Во всѣхъ важныхъ дѣлахъ спрашивалось мнѣніе народа. Царская власть основывалась на всеобщей подачѣ голосовъ *).

*) Любопытна въ историческомъ отношеніи картина монархизма, нарисованная главою народа, и при томъ отъ имени Господа (1 книга Царствъ, 8, 10—22): «И пересказалъ Самуиль всѣ слова Господа народу, просящему у него царя, и сказалъ: вотъ какія будутъ права царя, который будетъ царствовать надъ вами: сыновей вашихъ онъ возьметъ и приставитъ ихъ къ колесницамъ своимъ, и сдѣлаетъ всадниками своими, и будутъ они бѣгать предъ колесницами его; и поставитъ ихъ у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобъ они воздѣлывали поля его, и жали хлѣбъ его, и дѣлали ему воинское оружіе и колесничій приборъ его; и дочерей вашихъ возьметъ, чтобъ онѣ составляли масти, варили кушанье и пекли хлѣбъ; и поля ваши, и виноградные и масличныя сады ваши лучшіе возьметъ и отдастъ слугамъ своимъ; и отъ посѣвовъ вашихъ и изъ виноградныхъ садовъ вашихъ возьметъ десятую часть и отдастъ внухамъ своимъ и слугамъ своимъ; и рабовъ вашихъ, и рабынь вашихъ возьметъ, и юношей вашихъ лучшихъ, и ословъ вашихъ возьметъ и употребитъ на свои дѣла; и отъ мелкаго скота вашего возьметъ десятую часть: и сами вы будете ему рабами: и возстенаете тогда отъ царя вашего, котораго вы избрали себѣ; и не будетъ Господь отвѣчать вамъ тогда. Но народъ не согласился послушаться голоса Самуила и сказалъ: нѣтъ, пусть ужъ будетъ надъ нами, и мы будемъ какъ прочіе народы: будетъ судить насъ царь нашъ, и ходить предъ нами, и вести войны наши. И выслушалъ Самуиль всѣ слова народа и пересказалъ ихъ вслухъ Господу. И сказалъ Господь Самуилу: послушай голоса ихъ и поставь имъ царя. И сказалъ Самуиль израильтянамъ: пойдите каждый въ свой городъ».

Съ Давидомъ заключенъ былъ родъ договора. Когда Ровоамъ соби-
рался вступить на престолъ, народъ предложилъ ему условія из-
брація, по которымъ онъ обязывался отмѣнить введенныя Соломо-
номъ повинности и обязательныя работы на царскій дворъ. По-
слѣдствія извѣстны. Какъ кажется, царямъ не дозволялось даже ве-
сти войска черезъ города. Но правители скоро сумѣли присвоить
себѣ деспотическую власть. Ужасающая картина царства, которую
нарисовалъ Самуиль, вскорѣ стала дѣйствительностью. Ничего не
было необыкновеннаго въ томъ, что умерщвлялись нѣсколько де-
сятковъ людей. Даже духовенство было принижено и свѣтская
власть могла отрѣшиться отъ сана самого первосвященника, и даже
осудить его на смерть.

Древнее іудейство не признавало международнаго права. Все
сосѣдніе народы испытывали на себѣ гордыню и произволъ евре-
евъ. То, что запрещалось по отношенію къ соотечественникамъ, доз-
волялось по отношенію къ чужеземцамъ. На ряду съ невыносимымъ
національнымъ высокомеріемъ развивалось, какъ и у всехъ болѣе
сильныхъ народовъ того времени, уточненное варварство побѣдителей.
Ханаanei и другія племена, населявшіе вначалѣ Палестину, должны
были быть истреблены съ лица земли во имя Господа. «Не
оставь и духа тѣхъ народовъ, которыхъ землю даровалъ тебѣ Іегова,
твой Богъ».

На этомъ основаніи племеннымъ городамъ не предлагали
сдаваться, не заключали съ ними договоровъ. Позднѣе іудеи обра-
щали въ рабовъ, по крайней мѣрѣ, плѣнныхъ родственнаго имъ
племени, и это былъ уже большой шагъ впередъ.

Еврейскіе законы о воздержаніи имѣли въ виду не
одну только чистоплотность, но и полное обособленіе отъ инозем-
цевъ, какъ это было въ Египтѣ. Законы эти глубоко въѣдрились
въ гражданскую жизнь и стѣсняли не только внѣшнія сношенія,
но и домашній бытъ, объявляя огромное множество предметовъ и
людей нечистыми.

Уголовныя законы евреевъ суровы; вездѣ роена та-
lionis: око за око, зубъ за зубъ. На ряду съ этимъ существовало
кровомщеніе. Семь убитаго предоставлялось мститъ виновному; по-
слѣдній выдавался ей головой и отъ кровомстителя (гоэль) зави-
сѣло замучить свою жертву съ большей или меньшей жестокостью.
Жена, нарушившая супружескую вѣрность, подвергалась смертной
казни; но мужъ, избившій жену, подлежалъ наказанію лишь въ
томъ случаѣ, когда имѣлъ связь съ замужней женщиной, и, стало
быть, оскорбилъ права ея супруга. Прелюбодѣйная рабыня отдѣ-
лялась одними побоями, потому что ея владѣлецъ потерялъ бы
убытокъ. Порочная дочь священника побивалась камнями и потомъ
сжигалась. Невѣста, ложно выдавшая себя за дѣвственницу, также
побивалась камнями. Смертная казнь угрожала всякому, кто по-
бьетъ и проклянетъ своихъ родителей. Пьяница, съ которымъ не
могли справиться дома, побивался камнями, какъ лицо опасное для
жизни другихъ. Кража наказывалась двойнымъ или многократнымъ
(при Соломонѣ семикратнымъ) возмѣщеніемъ стоимости украденнаго.

Если виновный не могъ заплатить всего, онъ продавался въ рабство. Прочія наказанія были, по большей части, также суровы и жестоки, сообразно понятіямъ народа. За служеніе идоламъ побивали камнями. Та же кара угрожала за умышленное нарушеніе обрядовъ, за несоблюденіе обрѣзанія и закланія пасхальнаго агнца, за вкушеніе жертвеннаго мяса, тому, кого левиты признавали нечистымъ, и т. д. Побивался камнями и тотъ, кто дерзновенно приносилъ имя Теговы. Если служенію идоламъ предавался цѣлый городъ, то съ нимъ поступали какъ съ мятежнымъ; всѣ, безъ разбора, жители его и даже животныя убивались и все, что находилось въ такомъ городѣ, сжигалось. Никто не смѣлъ взять себѣ оттуда что-либо въ добычу, и городъ этотъ никѣмъ не могъ быть восстановленъ.

Не менѣе сурово было судопроизводство. Въ этомъ отношеніи не считали нужнымъ составить какія-либо письменныя положенія. Способъ, какимъ рѣшила мудрость Соломона споръ двухъ женщинъ о принадлежности ребенка, представляетъ замѣчательное удостовѣреніе этого факта.

Весьма ничтожнымъ представляется научное образованіе древнихъ евреевъ. Немногіе умѣли писать. Незначительныя зачатки культуры, повидимому, были достояніемъ однихъ левитовъ. Они были судьи и врачи. О вышемъ зодствѣ не имѣли понятія. Для построенія знаменитаго храма Соломона, довольно обѣдно украшеннаго двумя колоннами, потребовались иноземные, финикійскіе строители; каменотесы состояли также подъ руководствомъ тирянъ. Знаменитый храмъ имѣлъ 60 локтей въ длину, 30 локтей въ вышину и только 20 локтей въ ширину (еврейскій локоть—48 сантиметр., нѣсколько болѣе $1\frac{1}{2}$ фут.). Притворы были вышиной въ 20 и шириной въ 10 локтей. Сосуды и украшения были также выписаны изъ Финикіи.

Моисеево законодательство не покровительствовало никакой другой отрасли промышленности, кромѣ земледѣлія. Поэтому мы нигдѣ не встрѣчаемъ и слѣда того, чтобы въ древнія времена евреи добывали себѣ пропитаніе ремеслами. По всему видно, что необходимѣйшіе промыслы возлагались на рабовъ. Во времена Саула въ странѣ не было даже оружейныхъ мастеровъ. Только послѣ вавилонскаго плѣна евреи, познакомившись съ несравненно высшею культурою вавилонянъ, завели у себя ремесла. За то въ большомъ уваженіи было земледѣліе, и, какъ видно, земля обрабатывалась старательно, хотя и тутъ существовали стѣснительныя правила. Такъ, напр., каждый седьмой годъ во всей Палестинѣ не должны были обрабатываться поля, одно и то же поле не могло засѣваться за-разъ двумя родами сѣмянъ. Право собственности оставалось ограниченнымъ, никто не могъ продавать своего поля, а могъ только отдавать его въ аренду на сроки не свыше 50 лѣтъ, или же пожертвовать его Богу. Наконецъ, земледѣлецъ отдавалъ не менѣе трехъ «десятинъ»: одну левитамъ, другую царю, третью—на жертвенную трапезу, на которую приглашались священники, вдовы, сироты и друзья.

По первоначальному законодательству Моисея евреи не могли сдѣлаться торговымъ народомъ въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ имъ запрещались близкія сношенія съ другими народами. Значительная переѣмна послѣдовала только при Соломонѣ, который изъ заграничной торговли извлекалъ личную выгоду. Едва ли, впрочемъ, торговля эта велась когда-либо въ большихъ размѣрахъ.

Вотъ важнѣйшія основныя черты социальныхъ условій еврейскаго народа. Нельзя не замѣтить, что этотъ народъ во многихъ отношеніяхъ значительно опередилъ другіе современные ему народы, хотя, въ общемъ, не менѣе ихъ былъ погруженъ въ грубость и варварство.

Паденіе іудейскаго государственнаго строя послѣдовало столько же вѣдѣствіе внутреннихъ неурядицъ, какъ и вѣдѣствіе могущества внѣшнихъ враговъ.

Совсѣмъ другую картину представлялъ бытъ евреевъ въ цвѣтущую пору Александра и возрастающаго господства римлянъ. Между ними распространилась греческая и римская образованность, и сами они расселились по мѣрѣ развитія общей культуры, — особенно много евреевъ поселилось въ Александріи и въ самомъ Римѣ (Филопъ и др.); съ прежнимъ іудействомъ они не имѣли ничего общаго.

Мнѣніе Ренана о еврействѣ. Для изученія дальнѣйшаго развитія еврейства имѣютъ особенное значеніе неоконченныя еще работы Ренана. Объ этомъ предметѣ онъ прочелъ въ парижскомъ историческомъ обществѣ публичную лекцію, цѣль которой (правда, довольно односторонняя) была доказать, что еврейство — явленіе гораздо болѣе религіозное, нежели этнографическое, и что, такимъ образомъ, антисемитическій походъ противъ евреевъ, на который въ нѣкоторыхъ странахъ смотрятъ какъ на расовую войну, есть не что иное, какъ историческое и этнографическое недоразумѣніе.

Ренанъ сообщилъ газетѣ «Темпс» сжатый очеркъ своей лекціи, изъ которой мы и заимствуемъ нижеслѣдующія общія замѣчанія, обосновывающія главное положеніе Ренана, не выдавая, впрочемъ, выводовъ автора за доказанные или безусловно правильные.

Еврейство — это религія. Въ какой мѣрѣ оно раса? Таковъ первый вопросъ, который ставитъ Ренанъ. Для поясненія своей мысли, онъ обращается къ примѣру парейской религіи въ Бомбей и протестантизма во Франціи. Парей принадлежитъ къ переидской расѣ. Въ этомъ случаѣ понятія расы и религіи не могутъ быть разъединены. Въ основѣ же протестантизма лежитъ историческій фактъ. Семейства, принявшія въ 16-мъ столѣтіи протестантство, признали реформацію не потому, что принадлежали къ той или другой расѣ, а потому, что переживали такое душевное состояніе, которое побуждало ихъ признать реформацію. При такихъ условіяхъ вопросъ этнографическій не играетъ никакой роли.

Вопросъ о еврействѣ гораздо сложнѣе; іудейство было сначала національной религіей и въ наши дни оно опять стало замкнутой религіей. Но въ продолженіе многихъ вѣковъ іудейство широко открывало свои двери всѣмъ; значительныя части населенія не-

еврейскаго происхожденія примкнули къ нему, такъ что въ этнографическомъ отношеніи понятіе о еврействѣ довольно сомнительно.

Вначалѣ іудейство было религіей специально одной знатной семитической семьи «сыновъ Израилевыхъ». Оно мало чѣмъ отличалось отъ національныхъ культовъ другихъ коленъ той же группы, — напр., моавитянъ. Яве, израильскій Богъ, охраняетъ Израиля, какъ моавитскій Богъ Камонъ (Хамось) охраняетъ Моава.

Время, когда культъ Іеговы принять абсолютный характеръ, который возвелъ его въ религію всего человѣчества, было 8-е столѣтіе до Р. Х., эпоха великихъ пророковъ, въ особенности Исаи: послѣдній понималъ религію какъ соединеніе добра и правды, проповѣдывалъ бесполезность жертвъ и предвѣщалъ человѣчеству золотое время, когда идолопоклонство будетъ сокрушено и «Израиль станетъ знаменемъ всѣхъ народовъ». Эта идея блестящей будущности, которую ожидало человѣчество, естественно нашла себѣ пропаганду. Обстоятельства не благоприятствовали ей, она нуждалась въ такихъ условіяхъ, какія вносилъдтвн дало ей римское государство. Но въ продолженіе цѣлаго столѣтія, слѣдовавшаго за разрушеніемъ Іерусалима ассирійцами, Израиль не прекращалъ своихъ воззваній, и, безъ сомнѣнія, ненависть къ нему другихъ племенъ значительно ослабѣла въ это время, такъ какъ съ возстановленіемъ культа въ Іерусалимѣ реформаторы направляли свои проповѣди больше всего противъ смѣшанныхъ браковъ. Тотъ фактъ, что для заселенія страны были призваны инородцы, напр., воеяне, которые вносилъдтвн совершенно слились съ израильянами, также достаточно знаменательно, чтобы быть отмѣченнымъ.

Во времена преемниковъ Александра и владычества римлянъ іудейская пропаганда привела къ многочисленнымъ обращеніямъ въ іудейство. Въ Антиохіи, по словамъ Іосифа, іудеи обратили въ свою вѣру множество эллиновъ, «которые составили значительную часть общины» (Іудейская война, VII, 3, 3), а въ Александріи число прозелитовъ было еще больше. Возникла обширная фабрикація мнимыхъ сивиллинныхъ книгъ и лже-классиковъ, съ цѣлью приводить язычниковъ къ единобожію. Александрійское іудейство подпало греческому влиянію; оно скоро забыло еврейскій языкъ и составилось главнымъ образомъ изъ египтянъ и грековъ.

Населеніе Сиріи также не оказало сопротивленія. Іосифъ сообщаетъ, что одно время всѣ женщины въ Дамаскѣ были іудейками. Обращеніе адабепской династіи—фактъ извѣстный. Асмоней принуждали завоеванныя ими страны принимать обрѣзаніе. Проты путемъ браковъ на богатыхъ побуждали многихъ восточныхъ князьковъ принимать обрѣзаніе. Почти вся Итурея и Пальмира приняли іудейство.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, Ренаиъ приводитъ цитаты изъ Іосифа (противъ Апіона, II, 39), показывающія огромное распространеніе іудейскаго культа; далѣе идетъ одно мѣсто изъ Діона Кассія (XXXVII, 17), гдѣ опредѣленно указывается различіе между іудеями по происхожденію и іудеями по религіи, и, наконецъ, приводится разсказъ Ювенала (XIV, 95 и слѣд.) о томъ, какъ сынъ

лѣкого «богобоязненнаго» мужа, отвергавшаго обрѣзаніе, принялъ этотъ обрядъ и сдѣлался іудеемъ-фанатикомъ. Ренавъ ссылается также на свидѣтельство Тацита (Ист., V, 5), что обращеніе въ іудейство всегда заканчивалась принятіемъ обрѣзанія, и на законъ Антонина Пія, позволявшій евреямъ совершать обрѣзаніе только надъ своими сыновьями, что доказываетъ еще болѣе широкое примѣненіе этого обряда.

Ренавъ признаетъ, что великій потокъ, увлекавшій въ іудейство, въ періодъ времени отъ 200 г. передъ Р. Х. до 200 г. по Р. Х., латинское и греческое населеніе, особенно благопріятствовало христіанству. Большая часть этихъ присоединенныхъ къ іудейству (*metuentes, judaicam vitam agentes, judaci impropositi*) не обязывались обрѣзываться, а были іудеями только по формѣ. Но все же большее число новообращенныхъ обрѣзывалось и оставалось вѣрными іудейству. Ренавъ по этому поводу приводитъ проповѣдь святаго Іоанна Златоуста противъ іудеевъ; изъ нея ясно видно смѣшеніе этихъ двухъ элементовъ іудейства еще въ концѣ четвертаго вѣка. Онъ приводитъ также цитаты изъ Григорія Турскаго, изъ которыхъ видно, что іудеи, во времена Меровинговъ, въ очень большомъ числѣ жили въ Галліи. Были ли то палестинскіе выходцы, пришедшіе въ Галлію? Конечно, нѣтъ. Безъ сомнѣнія, въ Галліи были іудеи—эмигранты, которые служили завкаской во времена обращенія; но это и все. Большая часть этихъ іудеевъ временъ Гунтрама и Гильдериха были просто галлы, принявшіе іудейскую вѣру. Въ великомъ движеніи, которое въ первые вѣка нашей эры отторгнуло такую массу людей съ болѣе тонкими религіозными чувствами отъ язычества, большая часть ихъ, безъ сомнѣнія, обратилась въ христіанство, но значительное число перешло и въ іудейство. Напр., почти всѣ іудеи Галліи и Італіи—потомки этихъ обращенныхъ, и, такимъ образомъ, синагога, рядомъ съ церковью, составила иновѣрческо мещинство. Григорій Турскій говоритъ объ іудействѣ какъ объ особаго рода ереси, а не какъ объ особой расѣ. Всѣ почти іудеи Германіи и Англіи—выходцы Галліи. Изъ этого видно, какъ неосновательно, по крайней мѣрѣ, на западѣ, говорить объ еврейской расѣ. (?)

Война противъ Баръ-Кохбы обозначаетъ конецъ іудейской пропаганды; начинается эпоха Талмуда, эпоха отчужденія и взаимной ненависти. Когда великое движеніе потрясаетъ міръ, оно, въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ, нерѣдко направляется противъ тѣхъ, которые дали ему первый толчокъ; тогда эти послѣдніе почти раскаиваются въ томъ, что они сдѣлали, и становятся на сторону реакціи. Тѣмъ не менѣе дѣло обращенія, осужденное учеными, продолжалось благочестивыми мірянами, которые оставались болѣе вѣрными древнему духу, нежели строгіе блюстители буквы закона.

Поэтому-то, даже послѣ составленія Талмуда, въ Аравіи и Абиссиніи былъ въ ходу ревностный іудейскій прозелитизмъ, который приводилъ въ іудейство многія племена, состоявшіе съ Израилемъ въ дальнемъ родствѣ, или даже совершенно чуждыя ему. Одно время казалось даже, что вся Аравія станетъ іудейскою стра-

ною. Еще болѣе достопримѣчателенъ фактъ обращенія хозарь въ концѣ восьмого вѣка, и этотъ фактъ вполне удостовѣренъ. Это татарское царство, простиравшееся отъ Каспійскаго моря до Крыма, сдѣлалось иудейскимъ. Въ то же время татарскія имена въ родѣ Тохтамыша появляются въ еврейскихъ надписяхъ въ Крыму. Назвавшій себя Тохтамышемъ былъ не древній палестинецъ, носившій имя Исаака или Иакова, а, безъ сомнѣнн, обращенный туземецъ, или сынъ такового. Это очень важно и оправдываетъ предположеніе, что въ числѣ евреевъ, столь многочисленныхъ на русскомъ югѣ и въ славянскихъ земляхъ вообще, въ сущности мало палестинскихъ элементовъ. (?)

Иудейская пропаганда распространялась главнымъ образомъ путемъ воздѣйствія на слугъ и рабовъ. Слуги евреевъ - господь очень часто дѣлались иудеями. Поэтому свѣтскія власти, во все времена, строго запрещали иудеямъ держать христіанскихъ слугъ. Это запрещеніе въ особенности замѣчается у славянъ въ то время, когда у нихъ распространились христіанство и иудейство.

Говорятъ о еврейскомъ типѣ. Существуетъ нѣсколько еврейскихъ типовъ, размножившихся до извѣстной степени и окрѣпшихъ вслѣдствіе запрещенія смѣшанныхъ браковъ. Определенное число народныхъ разновидностей, принужденныхъ скрещиваться только между собою, представляютъ обыкновенно извѣстное число типовъ, которые будутъ преобладать надъ другими, болѣе или менѣе разнообразными. То же можно сказать о нравахъ и обычаяхъ. Небольшая группа людей, находящаяся въ строгой обособленности, естественно, будетъ имѣть свои особые нравы. Существуетъ, если можно такъ выразиться, психологія маленькихъ религіозныхъ общинъ, и эта психологія независима отъ расы. Положеніе протестантовъ во Франціи представляетъ не одну аналогію съ положеніемъ евреевъ, хотя обѣ группы не состоятъ въ кровномъ родствѣ между собою. Обвиненія, которыя взводятъ на нихъ необразованные люди, одни и тѣ же. Послѣдствія жизни подъ гнетомъ и давленіемъ вездѣ одинаковы. Что касается однообразія духа въ лонѣ секты, то оно достаточно объясняется общностью воспитанія, чтенія и религіозныхъ обрядностей.

Въ доказательство этого Ренанъ приводитъ въ примѣръ деревни къ сѣверу отъ Дамаска, гдѣ сохранилось употребленіе сирійскаго языка. Населеніе этихъ деревень, какъ доказано, есть остатокъ древне-сирійскаго населенія; оно, стало быть, принадлежить къ той же расѣ, какъ и сирійцы, которые остались христіанами. Между тѣмъ различіе между нравами и обычаями нигдѣ такъ не велико, какъ между сирійцами-христіанами и сирійцами-магометанами. Населеніе сирійскихъ деревень къ сѣверу отъ Дамаска—магометанское и ничѣмъ не отличается отъ прочихъ мусульманъ. И все же они находятся въ кровномъ родствѣ съ сирійцами-христіанами, которые по своимъ нравамъ и обычаямъ составляютъ ихъ полную противоположность.

Въ заключеніе Ренанъ указываетъ на то, что эти соображенія, столь интересныя для исторіи и этнографіи, не имѣютъ зна-

ченія для политики, по крайней мѣрѣ, для французской. «Франція, говоритъ онъ, избрала благую часть, изъяснивъ неразрѣшимые вопросы расы изъ круга національныхъ вопросовъ».

Вавилоняне и ассирійцы.

Но нижнему и среднему теченію Евфрата и впадающаго въ него Тигра рано образовались два государства, имѣвшія важное вліяніе на судьбы западно-азиатскихъ народовъ, но объ исторіи которыхъ дошло до насъ мало связанныхъ и достовѣрныхъ извѣстій. То были Вавилонія и Ассирія, обѣ съ семитическимъ народонаселеніемъ. Фридрихъ Мюллеръ («Учебникъ всеобщей этнографіи») называетъ финикіянъ, ассирійцевъ и вавилонянъ вмѣстѣ осемитизированными вавилонянами. У этихъ народовъ, за исключеніемъ финикіянъ, на первомъ планѣ стояли страсть къ завоеваніямъ и религіозный фанатизмъ. Въ области Тигра и Евфрата, Нила и Иордана вели между собой постоянную борьбу поклоненіе Ваалу и Молоху и служеніе Іеговъ и Апису. Библия даетъ слабое понятіе объ исторіи и внутреннемъ состояніи этихъ странъ. Часть сочиненія Геродота, содержавшая спеціальную исторію Ассиріи, утрачена, а отдѣльныя замѣтки, разбѣяныя въ другихъ частяхъ его сочиненія, недостаточны. Еще меньшую цѣну имѣютъ дошедшіе до насъ отрывки изъ сочиненія Ктесея. Нѣкоторые отрывки изъ писаній Бероза, жреца бога Ваала въ Вавилонѣ сохранились въ сочиненіяхъ Синкелла. Онъ писалъ въ царствованіе Антиоха III (260—227 г. до нашего лѣтосчисленія), былъ, такимъ образомъ, современникомъ Манефона. Но его сообщеніямъ долго не придавали вѣры и въ авторѣ ихъ видѣли грека; его способъ изложенія привелъ даже къ догадкѣ, что онъ вовсе не зналъ халдейскаго языка. Вдобавокъ эти различные источники въ главнѣйшихъ пунктахъ противорѣчатъ другъ другу. Такимъ образомъ, научная исторія могла съ трудомъ установить по нимъ лишь нѣсколько основныхъ чертъ, большую же часть дошедшихъ до насъ свѣдѣній слѣдовало если не прямо признать за мифы, то, во всякомъ случаѣ, отнести къ той области, гдѣ кончается историческая правда и остается только возможность предположенія, что дѣло могло происходить именно такъ, какъ оно разсказывается. Но въ новѣйшее время Поттга нашелъ въ развалинахъ Хорсабада, близъ Моссула, или вѣрнѣе близъ Хиеръ-Саргина, а Лейярдъ въ развалинахъ Нимруда или Кале, а также Куюнджика или Ниневіи, памятники, которые были привезены въ Европу (главнѣйшіе изъ нихъ вошли въ собранія Британскаго музея и Лувра). Эти памятники не только поражаютъ колоссальной величиной, но и далеко превосходятъ египетскія изображенія правильно стью рисунка человѣческихъ фигуръ.

Уже давно замѣтили, что сохранившіяся изваянія покрыты своеобразными черточками, которыя, вѣвъ всякаго сомнѣнія, служили письменами; это и есть оригинальное «клинообразное письмо». При раскопкахъ развалинъ дворцовъ и храмовъ оказалось, что всѣ стѣны покрыты такими черточками. Долгое время никто даже не

пробовать разгадать ихъ. Блестящіе успѣхи въ разборѣ египетскихъ іероглифовъ какъ бы дразнили человѣческое остроуміе, а позднѣе научный интересъ еще возросъ, благодаря поразительнымъ результатамъ раскопокъ. Но еще до раскопокъ нѣмецкому лингвисту Гротефенду (въ концѣ 30-хъ гг.) удалось найти существенную точку опоры; ему посчастливилось въ вавилонскихъ надписяхъ частью разобрать, а частью отгадать имя «Набукодроссоръ» (Небукад-незаръ). Позднѣе французы Лонгьеръ и де-Соленъ значительно подвинули впередъ изслѣдованіе вавилонскихъ древностей. Но главнѣйшіе результаты въ этой области достигнуты англичаниномъ Роулинсономъ, нрландцемъ Гинксомъ и живущимъ въ Парижѣ нѣмцемъ Юл. Оппертомъ. Если успѣхи въ дешифровкѣ іероглифовъ дали нѣсколько драгоценныхъ точекъ опоры, то здѣсь явились новыя затрудненія, изъ которыхъ укажемъ сначала одно, а именно — клинообразное письмо служило совершенно различнымъ языкамъ, съ существенными особенностями въ примѣненіи, такъ какъ знаки иногда изображали отдѣльные слоги (а не буквы), а иногда и цѣлыя понятія. Полагаютъ, что клинопись есть изобрѣтеніе туранскаго народа, который въ продолженіе двухъ столѣтій господствовалъ въ Месопотаміи; это было финско-татарское племя, которое эллины называли азіатскими скинами; ихъ покорили и вытѣснили халдеи (вавилоняне). Во всякомъ случаѣ, клинообразныя надписи дѣлятся на двѣ главныя группы — на арійскія и на не-арійскія. Последнія опять распадаются, насколько теперь дозволю, на пять различныхъ языковъ. Другое затрудненіе освѣтилъ Масперо. Многочисленныя іероглифическіе знаки могутъ имѣть различное значеніе, и на одномъ и томъ же разговорномъ языкѣ — читаться различно. Изъ всѣхъ этихъ значеній и произношеній читатель, по построенію предложенія и по положенію знаковъ, подыскиваетъ наиболѣе подходящія, по его мнѣнію, смыслъ и редакцію. Неясность, которая происходила отъ такого множества значеній, была такова, что ассирійцы и вавилоняне сами въ ней путались. Слова Ленормана даютъ тому достаточное объясненіе: «Мы не будемъ приводить другого доказательства, кромѣ ряда глиняныхъ дощечекъ, на которыхъ начертаны силлабаріи (списки знаковъ, изображающихъ слоги) и словари, которые должны были служить ключомъ къ тайнамъ туземной системы письма, — ихъ въ изобиліи находили въ развалинахъ Ниневіи. Добрая половина того, что дошло до насъ изъ намятниковъ клинообразнаго письма, состоитъ изъ объяснительныхъ знаковъ, которые служатъ намъ ключомъ при чтеніи другой половины и которыми мы пользуемся совершенно такъ же, какъ это дѣлали студенты въ землѣ Ассура 2500 лѣтъ назадъ».

Опускаемъ подробности, ибо онѣ завели бы насъ слишкомъ далеко. Достаточно сказать, что съ исторіей вавилонянъ и ассирійцевъ случилось то же, что и съ исторіей Египта: источникъ, къ которому относились съ наибольшимъ пренебреженіемъ, — въ первомъ случаѣ Берозъ, въ последнемъ Манеонъ, — оказался наиболѣе важнымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ старыхъ источниковъ. Благодаря изслѣдованію клинообразнаго письма и съ помощію сочиненій древ-

нихъ писателей удалось хотя отчасти возстановить ассиро-вавилонскую исторію, хотя она, но восточному обыкновению, почти исключительно занимается личностями государей и ихъ дѣяніями.

Естественныя условія странъ, прорѣзаемыхъ двумя большими рѣками, Евфратомъ и Тигромъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходны съ положеніемъ Египта, орошаемаго Ниломъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что отношенія между Месопотаміей и землей фараоновъ были болѣе близкія, чѣмъ думали прежде, хотя, конечно, эти отношенія сначала касались только власти, средоточіе которой (какъ въ послѣдствіи при калифахъ) постоянно переходило съ береговъ Нила на берега Евфрата и обратно.

Помимо того, что въ области Тигра и Евфрата господствовали (если вѣрить преданіямъ, а можетъ быть и въ дѣйствительности) арійскіе, а потомъ туранскіе народы, эти мѣстности въ продолженіе всего историческаго времени были населены племенами семитической расы, которымъ, однако же, предшествовали племена другихъ расъ (см. тщательныя новыя изслѣдованія д-ра Фрида Гоммеля «Die vorsemitischen Kulturen in Aegypten und Babylonien», Leipzig, Otto Schulze). Древнѣйшіе жители, туранцы и кушиты, слились въ одинъ народъ. Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ области Тигра и Евфрата образовалось сперва нѣсколько отдѣльныхъ городовъ-царствъ, а потомъ два болѣе крупныхъ государства, которыя попеременно завладѣвали господствомъ,—Вавилонія и Ассирія. Первое государство было старѣйшее. Увѣреніе халдеевъ (вавилонянъ), что ихъ исторія и астрономія восходятъ до 470000 лѣтъ, можетъ вызвать только улыбку. За то показанія Бероза, по которымъ пачало вавилонскаго царства слѣдуетъ отнести за 2000 лѣтъ до нашей эры (точнѣе къ 2017 г.), не представляютъ ничего невозможнаго. По любезному частному сообщенію ученаго изслѣдователя д-ра Гоммеля, теперь найдены доказательства тому, что Вавилонъ существовалъ за 3700—3800 лѣтъ до христіанской эры, стало быть, 5000—5600 лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ, культура эта моложе египетской и безусловно старше ассирійской. Во всякомъ случаѣ, это были первые семиты, которые при царяхъ династїи Саргона образовали большое государство. Около половины 16-го вѣка (1559 г.) до нашей эры окончилось владычество халдеевъ. Послѣ извѣстнаго промежутка времени, которое остается для насъ темнымъ (быть можетъ, въ это время Вавилонія подпала владычеству египтянъ), пришедшіе съ юга ассирійцы достигли здѣсь довольно значительнаго могущества. Ихъ царство возникло въ началѣ 14-го вѣка (вѣроятно, въ 1314 г. до Р. Х.), безъ особеннаго блеска. Ясное дѣло, что дошедшія до насъ повѣствованія о царѣ Нинѣ и его женѣ Семирамидѣ не что иное, какъ мнѣнскія сказанія, показывающія только степень легковѣрія, съ какимъ принимаются иные историческіе факты, и которое доходитъ до отрицанія всякаго здраваго смысла*).

*) Царица Семирамида лицо историческое, какъ это видно изъ клинообразныхъ надписей, но она жила 500 лѣтъ спустя послѣ того времени, на которое намекаетъ сказаніе; она была жена царя Гуликха III (851—822 г.),

Нѣкоторый свѣтъ падаетъ впервые на ассирійскую исторію около 1200 г., а около 950 г. свѣтъ этотъ значительно усиливается. Между владыками было нѣсколько завоевателей, особенно Сальманассаръ II (859—823 до Р. Х.), могущество котораго, однако же, подъ конецъ сильно пошатнулось. Послѣ Биннирара (810—781) значеніе царства еще болѣе унало. Позднѣе, въ 718 г., престоломъ завладѣлъ дѣятельный узурпаторъ Саргинъ (Саркинъ); онъ былъ также завоеватель и построилъ городъ Гисръ-Саргинъ (около нынѣшняго Хорсабада), остатки котораго были отрыты раньше другихъ ассирійскихъ развалинъ. Его сынъ и преемникъ Сангерибъ (702—680) былъ такой же завоеватель и возстановилъ огромную и великолѣпную Ниневию, которая въ 606 г. была вновь совершенно разрушена мидянами и вавилонянами*). Сначала ассирійцамъ удалось подчинить себѣ ближайшіе дикіе и слабые народы, потомъ они натолкнулись на болѣе образованныхъ египтянъ и др. Хотя они неоднократно одерживали побѣды, но истощали свои силы; они воображали, что расширяютъ свои владѣнія, а на самомъ дѣлѣ проливали кровь для другого народа—для персовъ.

Тѣмъ временемъ Вавилонъ при Набополассарѣ, бывшемъ намѣстникѣ, объявившемъ себя царемъ, вновь достигъ самостоятельности (626). Онъ, а еще болѣе его сынъ и преемникъ Набукодросоръ (Небукаднезаръ) (607—561), были воителями и завоевателями, но оба соорудили также величавыя зданія, каналы, плотины и т. п. Но, какъ всегда, и здѣсь чрезмѣрные военныя усилія не укрѣпили страну, а только подорвали ея силы, и гордый Вавилонъ, несмотря на колоссальныя укрѣпленія, построенныя послѣднимъ царемъ, долженъ былъ въ 538 г. предаться во власть персовъ, при Кирѣ, всего черезъ 68 лѣтъ послѣ послѣдняго разрушенія Ниневи. Только въ теченіе слѣдующихъ столѣтій Вавилонъ пришелъ въ совершенный упадокъ**).

и украсила Вавилонъ нѣсколькими публичными сооруженіями, но не совершила ни одного изъ подвиговъ, приписываемыхъ ей Ктесіемъ.

Однѣ и тѣ же лица у историковъ разныхъ народовъ являются подъ весьма различными именами. Сарданапаль, какъ его называли греки, извѣстенъ у ассирійцевъ подъ именемъ Ассурбанипала, египетскій царь Сезострисъ, по Геродоту, въ дѣйствительности у египтянъ назывался Рамзесъ II, а одинъ папирусъ называетъ его Сезономъ. Преданія евреевъ о сотвореніи міра, о вавилонской башнѣ о потопѣ и т. п., во многомъ основаны на ассирійскихъ сказаніяхъ.

*) Разрушеніе было настолько полное, что когда, два столѣтія спустя, Ксенофонтъ съ десятью тысячами грековъ проходилъ черезъ поле развалинъ, онъ не зналъ даже названія города, который раньше стоялъ на этомъ мѣстѣ; точно также не упоминаютъ о немъ историки, описывающіе дѣянія Александра Македонскаго въ этихъ странахъ. Только въ наши дни была вновь найдена столица Ассиріи, которая 24 столѣтія была погребена подъ развалинами.

**) «Уже во времена Плинія Вавилонъ былъ пустъ и заброшенъ. Въ настоящее время отъ огромнаго города осталась только гряда мусора, которая образуетъ нѣсколько холмовъ и служитъ сосѣдямъ неисчерпаемымъ складомъ различнаго строительнаго матеріала, превосходныхъ обожженныхъ кирпичей, мраморныхъ плитъ и муравленыхъ кирпичей. Мѣста развалинъ главнѣйшихъ построекъ: остатки королевскихъ дворцовъ, висячихъ садовъ, пирамиды Бѣла и башни Нимрода служатъ убѣжищемъ дикихъ звѣрей пустыни». (Ленорманъ).

Послѣ этихъ общихъ историческихъ замѣчаній, обратимся къ социальнымъ порядкамъ страны.

Характеръ культуры въ Вавилоніи и Ассиріи былъ въ общемъ одинъ и тотъ же. Развитие культуры шло изъ Вавилона, который всегда стоялъ впереди въ наукѣ и искусствѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторыхъ отраслей послѣдняго, особенно пластики. Въ Вавилоніи рано развились благосостояніе, торговля и общечеловѣчность.

Тигръ и Евфратъ имѣли для этихъ мѣстностей такое же значеніе, какое Нилъ имѣлъ для Египта, уже потому, что обѣ рѣки, выходя изъ береговъ, постоянно оплодотворяли страну и расширяли ея естественныя границы. Положеніе страны при двухъ судоходныхъ рѣкахъ, близость моря и возникшія отсюда сношенія съ другими народами должны были привести къ тому, что жители этихъ мѣстностей, вначалѣ бывшіе кочевниками, развили у себя культуру рабѣ народовъ средне-азиатскаго материка. Частые разливы Евфрата въ скоромъ времени вызвали техническія предпріятія. Проложили плотины, по берегамъ разставили насосы, а затѣмъ стали проводить каналы. Вавилоняне сдѣлались народомъ земледѣльческимъ и торговымъ, богатымъ и изгнѣженнымъ. Мы видимъ также, что іудеи возвратились изъ вавилонскаго плѣна болѣе образованными и болѣе культурными въ своихъ обычаяхъ.

Жрецы, въ позднѣйшее время носившіе свое племенное имя халдеи, въ Библии называемые также древне-персидскимъ жреческимъ племенемъ маги, у грековъ извѣстные подъ именемъ горидеевъ, принадлежали, вѣроятно, къ иному племени, чѣмъ туземная масса народонаселенія; по всей вѣроятности, предки ихъ пришли изъ-за Окса и покорили страну. Они имѣли широкую власть, которая сдерживалась только условіями торговой жизни. Они составляли строго замкнутую касту; знанія и высшія искусства были ихъ исключительнымъ достояніемъ и передавались по наследству вмѣстѣ съ саномъ и правами рожденія. Были ли раздѣлены на касты остальные сословія—мы не знаемъ. Но достоверно, что вавилоняне держали большое число рабовъ, съ которыми, однако, обходились довольно мягко, судя, напр., по ежегодно справлявшемуся празднику рабовъ, который продолжался 5 дней и, по всей вѣроятности, имѣлъ религіозную подкладку.

Положеніе женщинъ было унижительно, какъ и во всей Азіи, хотя нѣсколько въ другомъ родѣ. Чувство челоуѣческаго достоинства возмущается при чтеніи того, что рассказываетъ Геродотъ. Существовало не только многоженство, но взрослые дѣвушки приводились на рынокъ, выставлялись для освидѣтельствованія мужчицами и затѣмъ продавались съ аукціона: «красивыя доставались тѣмъ, кто давалъ больше всѣхъ, а некрасивыя—тѣмъ, кто ставилъ наименьшія требованія». Доходъ съ продажи первыхъ служилъ приданымъ для послѣднихъ. Даже отеческая власть, обыкновенно столь неограниченная на востокѣ, имѣла здѣсь своеобразныя предѣлы. «Никому не дозволялось надѣлать приданымъ своихъ дочерей». Такимъ образомъ, на супружество смотрѣли какъ на родъ

государственного учреждения. При Геродотѣ, однако, этотъ обычай уже былъ отмѣненъ, но пристрастному греку онъ казался прекраснѣйшею чертою всего вавилонскаго быта.

Но существовалъ еще другой, пожалуй, еще болѣе омерзительный обычай. Каждая женщина должна была разъ въ жизни сидѣть на полу въ храмѣ богини Милитты и ждать, пока кто-нибудь изъ прибывавшихъ иностранцевъ не броситъ ей золотой монеты (которую она передавала жрецамъ), послѣ чего она должна была отдаться этому иностранцу. Быть можетъ, хитрые торгаша-жрецы ввели этотъ обычай для привлеченія иностранцевъ. Хотѣлось бы сомнѣваться въ истинѣ этого сообщенія, если бы этотъ гнусный обычай не встрѣчался также и у другихъ, преимущественно семитическихъ народовъ; онъ существовалъ даже въ древней Элладѣ и существуетъ и понынѣ въ Аравіи. (Культь гетеръ въ Коринѣ, на Кандіи и т. д. Путешественникъ фонъ-Катте увѣряетъ, что подобный культъ можно встрѣтить и теперь еще у одной части населенія Йемена).

Культь халдейскихъ маговъ состоялъ въ поклоненіи солнцу. Въ древности это поклоненіе было связано съ человѣческими жертвами, но позднѣе эти жертвы едва ли приносились. По увѣренію Діодора, халдеи имѣли священныхъ животныхъ, которыя служили имъ предсказателями судьбы (жертвенныя животныя, тайны полета птицъ и проч.). Эманацией Илу, таинственнаго источника вселенной, были три первыя видимыя народу откровенія: Апу, первобытный хаосъ, первое матеріальное порожденіе божественной субстанціи; Бэлъ, зиждитель міра, и Ао, небесный свѣтъ, мудрость, проникающая вселенную. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что на сохранившихся изваяніяхъ ассирійцевъ очень мало изображеній боговъ.

Вполнѣ соответствуетъ прочимъ условіямъ сообщаемый Діодоромъ фактъ, что вавилоняне обмѣнивали своихъ военнопленныхъ. Народъ варварскій убиваетъ пленныхъ; торговый и спекулятивный духъ находитъ возможнымъ извлечь для себя выгоду изъ этихъ несчастныхъ, и гуманность, такимъ образомъ, выигрываетъ.

Высшія познанія жрецы приобрѣли, кажется, только въ астрономіи. Халдеи выработали ее самостоятельно, независимо отъ египтянъ, и далеко опередили послѣднихъ въ наукѣ о звѣздахъ. Имъ принадлежитъ открытіе зодиака и введеніе семидневной недѣли по четвертямъ луны. Храмъ Вѣла служилъ по преимуществу обсерваторіей. Астрономическія предсказанія халдеевъ простирались на 2000 лѣтъ по нашему счисленію. Дошедшее до насъ, благодаря Птолемею, вычисленіе луннаго затмѣнія 10-го марта 721 г. передъ Р. X. (см. Иделеръ «*Sternkunde der Chaldäer*») сдѣлано такъ точно, что начало затмѣнія показано всего на одну минуту позже, а середина его не болѣе какъ на 6 минутъ ранѣе дѣйствительнаго. Средній синодическій мѣсяцъ халдеи опредѣлили на 4 секунды, а периодическій всего на одну секунду длиннѣе. Впрочемъ, астрономія и здѣсь служила астрологіи.

Врачебное искусство стояло на низкой ступени: больных выносили на рыночную площадь, для того, чтобы там помочь имъ кто-нибудь, выльчившійся самъ отъ такой же болѣзни.

Вавилоняне были довольно искусны въ механикѣ. Кромѣ плотинъ и каналовъ, они строили мосты, шлюзы и водопроводы. Главныя сооружения этого рода были: мостъ черезъ Евфратъ подъ Вавилономъ, искусственный водопроводъ для снабженія этого города водою (Діодоръ), масса каналовъ, которые посредствомъ машинъ наполнялись водою изъ рѣкъ (Геродотъ).

Возведение большихъ и прочныхъ зданій затруднялось естественными препятствіями; странѣ недоставало камня и дерева. Поэтому обычнымъ строительнымъ матеріаломъ была глина и асфальтъ. На нихъ легко было рѣзать фигуры звѣрей, сцены охоты, битвъ и сраженій. Но они были непрочны. Однако отъ храма Вэла («вавилонской башни»), который былъ возобновленъ Набукодроссоромъ послѣ того, какъ постройка эта цѣлые вѣка лежала подъ развалинами, сохранился еще нижній этажъ, хотя и осыпался; цѣль также и второй, но отъ третьяго сохранился только угловой столбъ. По изслѣдованіямъ Роулинсона, фундаментъ постройки имѣлъ вышину въ 75 фут., а каждый изъ слѣдующихъ семи этажей высоту въ 25 фут., такъ что высота всего зданія равнялась 250 фут. Особеннымъ вкусомъ эти зданія не отличались. Постройки ассирійцевъ были прочнѣе. Они употребляли дикій камень, но, по примѣру своихъ наставниковъ-вавилонянъ, охотнѣе пользовались высушенной или обожженной глиной. У нихъ мы находимъ зачатки сводчатыхъ построекъ съ клинообразнымъ затворомъ. Висячіе сады, которые въ древности считались чудомъ свѣта, даже и по позднѣйшему преувеличенному описанію Діодора, были столько же неискуснымъ, сколько бесполезнымъ сооруженіемъ. Хотя они приписывались Семирамидѣ, но построены были Набукодроссоромъ *).

*) Города Ниневія и въ особенности Вавилонъ отличались огромными размѣрами. Городскія стѣны послѣдняго, безъ сомнѣнія, далеко отстояли отъ мѣстъ, занятыхъ домами, и представляли то, что мы теперь называли бы укрѣпленнымъ станомъ. По нимъ можно судить о величинѣ городовъ. По расчету Опперта, внутренняя стѣна Вавилона обнимала площадь въ 290, а наружная—площадь въ 513 кв. килом. Это составитъ 5,27 и 9,32 географ. кв. миль. Для сравненія замѣтимъ, что площадь города Вѣны равна 0,94 геогр. кв. м., Парижа=1,29 (до расширения города въ 1860 г. она равнялась только 0,59 кв. м.) и, наконецъ, Лондона=5,75 географ. кв. м.

Вавилонская башня. Въ 1855 г. англійскій полковникъ Роулинсонъ въ грудѣ развалинъ, называемыхъ Бирсъ Нимродъ (что, очевидно, напоминаетъ перваго строителя Нимрода, о которомъ рассказываетъ Библия), нашелъ два цилиндрическихъ камня, испещренныхъ ассирійскими письменами, такъ называемой клинописью. Извѣстный гамбургскій знатокъ этого письма Оппертъ, изслѣдовавшій массу вавилонскихъ памятниковъ, прочиталъ цѣлкомъ надписи на этихъ камняхъ. Вотъ ихъ текстъ:

«Небукудрозаръ (Небукаднезаръ), царь вавилонскій, слуга вѣчнаго существа, свидѣтель неизмѣнности Меродаха (по Исаю, 50, 2, названіе верховнаго Божества), верховный властитель, поднимающій Небо, избавитель, внимающій наставленію верховнаго Бога, замѣститель боговъ, не злоупотребляющій своею властью, возобновитель пирамиды и башни, старшій сынъ Набополассора, царя вавилонскаго, я, мы говоримъ: Меродахъ, великій владыка, по-

Особаго упоминанія заслуживаютъ произведенія пластики. Ассирийцы въ научныхъ знаніяхъ и техническихъ искусствахъ далеко отстали отъ вавилонянъ, но они превзошли ихъ въ искусствѣ пластическомъ. Первые точные снимки вновь открытыхъ ассирийскихъ изваяній возбуждали удивленіе современной Европы. Хотя изображенія ассирийцевъ уступаютъ египетскимъ въ широтѣ концепціи, но рисунотъ ихъ свободнѣе, живѣе и естественнѣе; видна энергія, жизнь и движеніе, которыхъ нѣтъ въ произведеніяхъ обитателей нильской долины. Мускулатура является чрезвычайно (даже слишккомъ) развитою; при этомъ поражаетъ необычайная точность въ воспроизведеніи отличительныхъ признаковъ лицъ и предметовъ по ихъ особымъ профессіямъ и условіямъ (такъ, напр., легко узнать воиновъ по ихъ различнымъ родамъ оружія). Не безъ основанія было замѣчено, что ассирийцы въ скульптурѣ были первыми наставниками малоазійскихъ грековъ, которые, съ своей стороны, сильно повліяли на развитіе искусства въ Элладѣ вообще.

велѣлъ мнѣ возстановить его святилище, Небо, который руководитъ легионами неба и земли, даровалъ рукѣ моей скипетръ справедливости. Башню, вѣчную обитель, я возвелъ вновь, серебромъ и золотомъ, мѣдью, камнями и муравленными карнизами, кипарисами и кедрами довершилъ я ея великолѣпіе. Памятникъ древнѣйшихъ временъ Вавилона возстановилъ и закончилъ я, изъ кирпичей и мѣди я воздвигъ ея вершину; итакъ, мы говоримъ: храмъ семи свѣтилъ земли, памятникъ древнѣйшихъ временъ Борсиппы (такъ назывался городъ близъ Вавилона), построенный царемъ первыхъ временъ, 42 челоѣческихъ вѣка назадъ; но онъ не воздвигъ его вершины. Въ день великаго потопа покинули они его, когда въ смятеніи произносили свои слова. Землетрясеніе и громъ разломали его цементъ и разбили кирпичи его покрова и внутренняя смазка выступила наружу въ видѣ холмовъ. Великій Богъ Меродахъ понудилъ меня докончить его. Его мѣста я не измѣнилъ, его основанія не сдвинулъ... какъ древле долженъ былъ стоять, такъ водрузилъ я его вершину».

Такимъ образомъ, эта надпись имѣетъ древность около 2500 лѣтъ. Подтверждается весь библейскій рассказъ о потопѣ, постройкѣ башни и смѣшеніи языковъ. Время также указано вѣрно: 42 челоѣческихъ вѣка = 1400—1500 лѣтъ. Прибавивъ къ нимъ 600 лѣтъ, т. е. время Небукаднезара, получимъ 2100 лѣтъ до Р. Х.: это и было время постройки вавилонской башни. По исчисленію Библии башня дѣйствительно строилась между 2100 и 2200 г. до Р. Х. Ясно, что Небукаднезаръ не могъ имѣть этого свѣдѣнія отъ іудеевъ. Ибо онъ не только называетъ строителемъ башни одного царя, о которомъ ничего не говорятъ іудейскія писанія, но онъ говоритъ также о землетрясеніи и громѣ, какъ о разрушительныхъ силахъ, тогда какъ іудеи ничего не знаютъ объ этомъ. Слѣдовательно ему это было извѣстно изъ старыхъ халдейскихъ сказаній и преданій. E. Шрадера, «Keilinschriften», впрочемъ, иначе объясняетъ эту надпись, и въ особенности ея хронологію.

Присоединимъ еще слѣдующее замѣчаніе: Венера и Адонисъ—аккадскій миѳъ. М. Бенфей въ «Mag. für Lit. des Auslandes» разбираетъ статью Ленормана «Il mito di Adone-Tammuz nei documenti cuneiformi», напечатанную въ «Atti del IV Congresso internazionale degli Orientalisti» (Флоренція, 1880). Извлекаемъ изъ этого отзыва слѣдующее общеинтересное сообщеніе. Младшая вѣтъ восточной филологіи, изученіе аккадскаго или сумерійскаго нарѣчія, загадочные знаки котораго цокрываютъ памятники древнѣйшаго досемитическаго населенія Халдеи и Вавилоніи, заставляетъ насъ сдѣлать опять большой шагъ назадъ въ исторіи культурнаго развитія. Она проникаетъ еще на одну ступень глубже въ темную основу исторіи челоѣческаго развитія, которое съ каждымъ новымъ шагомъ кажется древнѣе и

Обработка земли, какъ видно, и въ Ассиріи была превосходная. Естественные недостатки почвы, на которой (по словамъ Геродота) не росло даже деревьевъ, устранялись искусственнымъ орошеніемъ.

Искусства техническія достигли сравнительно высокаго развитія, преимущественно въ Вавилонѣ. Въ особенности процвѣтала выдѣлка шерстяныхъ и льняныхъ тканей. Вавилонскіе ковры во всемъ древнемъ мірѣ считались лучшими по своимъ яркимъ краскамъ (пурпуровые покровы, напр., на гробницѣ Кира въ Пасаргадахъ; шитье, такъ называемыя сидонскія одежды). Въ связи съ этимъ находилось красивое искусство и изготовленіе предметовъ украшенія и роскоши, по Геродоту—благоуханныя воды, красивые рѣзные камни, употребляемые на перстни съ печатями, изящныя палки.

Положеніе страны манило къ торговлѣ, въ особенности внизъ по Евфрату, къ Персидскому заливу и до Индіи и Аравіи. Впрочемъ, торговыя сношенія могли быть значительны развѣ только по понятіямъ тогдашняго времени, и, конечно, не могутъ сравниться съ операціями новѣйшаго торговаго государства, точно такъ же, какъ морское судоходство того времени ограничивалось только плаваніемъ вблизи береговъ.

Все приведенное показываетъ, что Вавилонъ уже рано и во многихъ отношеніяхъ достигъ такой степени культуры, какая могла развиться только въ торговомъ, но не военномъ государствѣ, хотя вмѣстѣ съ культурой тамъ водворились изнѣженность и роскошь.

Но и свѣдѣній, добытыхъ въ повѣйшее время объ ассирійцахъ и вавилонянахъ, не достаточно для того, чтобы различать съ

отдаленнѣе. Ибо каждый новый слой этого развитія, который раскрываетъ наука, указываетъ всегда на другой, болѣе глубокой, предшествовавшій ему, на которомъ онъ покоится. Весьма ясно выступаетъ этотъ фактъ въ настоящемъ изслѣдованіи мифа объ Адонисѣ-Таммузѣ, по которому одно изъ глубокомысленнѣйшихъ созданій греческой мифологіи, одинъ изъ прелестнѣйшихъ сюжетовъ пластическаго искусства и поэзіи, Венера и Адонисъ, оказывается древнѣйшимъ божественнымъ мифомъ, прочитаннымъ на аккадскихъ плитахъ. Я бы охотно привелъ здѣсь отрывки изъ большаго эпоса города Урука (Эрехъ—Библии, Орхоя греческихъ и латинскихъ географовъ), а равно и почти цѣликомъ найденный и разобранный эпическій эпизодъ «Нисхождение Истаръ въ царство тѣней» по переводу Ленормана, но этого мнѣ не позволяеть мѣсто. Поэтому ограничусь тѣмъ, что обращу вниманіе на спеціалистовъ на тѣ древніе тексты, въ которыхъ это нѣжное созданіе греческаго изящества является уже какъ всесторонне разработанный мифъ. Въ этомъ сказаніи, съ одной стороны, изображена борьба небесной богини Истаръ (Афродиты) съ владычицею преисподней Аллатъ (Персефоной) изъ-за прекраснаго Таммуза (Адониса), который, погибая въ расцвѣтѣ юности, является символомъ срѣзаннаго созрѣвающаго колоса; съ другой стороны, представлена здѣсь борьба изъ-за богини любви двухъ боговъ: юнаго, нѣжнаго-благодатнаго весенняго солнца съ мужественнымъ, сильнымъ—одолѣвающимъ зномя лѣтняго солнца. Такъ, съ каждымъ шагомъ, который наука отвоевываетъ у мрака прошлаго, давность человѣческаго развитія увеличивается на одну ступень, и то, что казалось намъ оригинальнымъ, оказывается простой передѣлкой, старой погудкой на новый ладъ, и, такимъ образомъ, родословное дерево челоуѣчества восходитъ къ все болѣе отдаленному прошлому и корни его углубляются въ древнѣйшія, первобытныя времена.

точностью, что собственно слѣдуетъ приписать той или другой націи. На всякій случай, приведемъ въ заключеніе нѣсколько замѣчаній Масперо объ ассирійцахъ. Упомянувъ о дѣянiяхъ Теклатъ-Габаль-Ассара (Тиглатъ-Пилесаръ II), онъ говоритъ: «Ассирійцы были, безъ сомнѣнія, однимъ изъ даровитѣйшихъ племенъ передней Азіи. Въ нихъ было менѣе самобытнаго, чѣмъ въ хаддеяхъ, которые въ образованности были ихъ наставниками, но въ нихъ было больше устойчивости и энергіи. Они владѣли въ высшей степени всѣми воинскими качествами: физической силой, подвижностью, ловкостью, хладнокровіемъ и непоколебимой храбростью. Крупные пороки искажали эти доблести. Они были народъ звѣрскій, склонный къ насилію и лжи, чувственный, непомерно гордый, подлый и измѣнническій изъ презрѣнія къ своимъ врагамъ. Рѣдкій народъ злоупотреблялъ въ такой степени правомъ сильнаго, какъ ассирійцы. На своемъ пути они опустошали и сжигали города, предводителей мятежниковъ они сажали на колъ или сдирали кожу съ живыхъ. Несмотря на блескъ и утонченность ихъ внѣшней образованности, они всегда оставались варварами. Свои злодѣянія они совершали во имя Асура. Несмотря на всѣ восхваленія, ассирійскую архитектуру едва ли можно сравнить съ египетской, какъ по размѣру сооружений, такъ и по выбору матеріала. Противъ громадъ Луксора и Карнака громады ассирійцевъ кажутся мало рельефными, а формы ихъ неуклюжими и заимствованными».

Персы.

Персы находились въ постоянныхъ, хотя, большею частью, враждебныхъ, сношеніяхъ съ древними греками какъ разъ въ то время, когда жили важнѣйшіе греческіе историки. Древняя персидская исторія начинается (относительно) незадолго до этого періода частыхъ сношеній, и, тѣмъ не менѣе, многое въ ней неясно и сказочно.

Разсмотримъ сначала обычные источники исторіи; ихъ можно раздѣлить на три группы: 1) Туземные. Между ними первое мѣсто занимаютъ такъ называемые «государственные лѣтописи» (*διφθέραι βασιλικαί*), которые, по греческимъ извѣстіямъ, составлялись писцами, во всякое время для этой цѣли сопровождавшими царей. Естественно, что эти лѣтописи не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ сводомъ самой раболѣпной лести; до насъ не дошли даже отрывки ихъ, но, принимая во вниманіе ихъ источникъ, не трудно догадаться, что мы потеряли отъ этого немного, —развѣ только какія-либо побочныя обстоятельства. Заслуженное наказаніе для деспотизма владыкъ, которые этимъ средствомъ хотѣли прославить себя навѣки! Затѣмъ мы имѣемъ религіозную книгу персовъ—Зендъ-Авесту. Но она не можетъ служить историческимъ источникомъ уже потому, что невозможно опредѣлить, какому времени она принадлежитъ и о какой эпохѣ повѣствуетъ, ибо все, что касается историческихъ фактовъ (она говоритъ о нихъ

всегда только мимоходом), нельзя согласовать ни съ однимъ періодомъ персидской исторіи, насколько мы ее знаемъ по греческимъ писателямъ. Такъ какъ къ религіознымъ книгамъ предъявляются требованія совсѣмъ иного рода, чѣмъ къ сочиненіямъ историческимъ, то естественно, что изъ нихъ мы не можемъ извлечь почти никакой пользы. Почти то же можно сказать о позднѣйшихъ персидскихъ писателяхъ, о такъ называемомъ историческомъ поэтѣ Фердуси и объ историкѣ Миркгондѣ (15-го вѣка), свидѣтельства которыхъ ничѣмъ не подкрѣпляются. Важнѣе 2-я группа: греческіе источники, особенно Геродотъ. Нѣкоторые сужденія его ограниченны и не лишены односторонности (что вполне понятно, если принять во вниманіе, что онъ жилъ во время греко-персидскихъ войнъ), но вездѣ проглядываетъ его высокая любовь къ правдѣ, и въ общемъ его взглядъ на вещи правильный. Къ тому же онъ имѣлъ возможность собрать обширныя свѣдѣнія, какъ въ своемъ отечествѣ Галикарнассѣ, подпавшемъ владычеству персовъ, такъ и въ самой Греціи, незадолго передъ тѣмъ наводненной персидскими полчищами, и, наконецъ, во время своихъ путешествій по странамъ передней Азіи, и эти свѣдѣнія его особенно богаты событіями и характеристиками его времени. То, что происходило до него, извѣстно ему только въ общихъ чертахъ. Здѣсь онъ воспроизводитъ преданія, какъ бы сказочны они ни были (такова исторія Кира, которую Ксенофонтъ, въ свою очередь, передѣлалъ въ зеркало идеальнаго правителя). Изъ 23 книгъ персидской исторіи Ктесія до насъ дошло только тощее извлеченіе въ сборникѣ эксерптовъ, составленномъ патриархомъ Фотіемъ, жившимъ около половины 9-го столѣтія; его показанія часто противорѣчатъ сообщеніямъ Геродота; они нерѣдко сказочны, но основываются, по большей части, на персидскихъ преданіяхъ; только нѣкоторыми изъ этихъ замѣтокъ можно пользоваться. Совсѣмъ другого рода источникъ представляетъ сочиненіе Ксенофонта «Анабазисъ» («Оступленіе»): въ немъ герой и историкъ описываетъ походъ, который онъ славно окончилъ съ эллинскимъ отрядомъ (къ сожалѣнію, простыхъ наемниковъ) въ войнѣ Кира Младшаго противъ брата его, Артаксеркса. Сочиненіе Арріана о походахъ Александра Македонскаго написано, правда, только въ 130 г. по нашему лѣтосчисленію, но авторъ могъ пользоваться старыми достоверными извѣстіями (въ особенности начальника флота Неарха). Остальныхъ греческихъ писателей едва ли можно считать источниками. 3-ю группу составляютъ сочиненія еврейскія: книги Ездры, Нееміи, Эсфиръ и нѣкоторыхъ пророковъ. Но изъ нихъ немного можно извлечь для персидской исторіи, и потому мы придаемъ имъ мало значенія.

Въ новѣйшее время удалось въ значительной степени разобратъ персидскую клинопись. Эта клинопись имѣетъ только то общее съ ассирійскою, что знаки ея пишутся также въ видѣ клиньевъ. Она имѣетъ полный алфавитъ и состоитъ изъ 36 буквъ. Разныя надписи, напр., во дворцѣ Дарія въ Персеполѣ, объяснены вполне. Онѣ, конечно, не содержатъ ничего болѣе, какъ хвалебныя описанія

инимъ. Только заговоры придворныхъ и вельможъ, столь обычные на всемъ востокъ, приводили деспотовъ къ давно заслуженной имъ петль.

Вначалѣ Персія была феодальнымъ государствомъ. Но когда Киръ достигъ большаго могущества и богатства, чѣмъ всѣ вассальныя князья вмѣстѣ, самовластие могло уничтожить послѣднюю преграду. Однако еще при Ксерксѣ происходили продолжительныя собранія феодальныхъ князей.

Земля и люди считались собственностью владыки, которыми онъ могъ распоряжаться по своему капризу и усмотрѣнiю *). Даже высшая знать, сатрапы провинцiй, именовались «царскими рабами». Въ связи съ этимъ стояла рабское почитанiе царя, передъ которымъ всѣ должны были падать ницъ. День его рожденiя былъ праздникомъ для всей страны, а смерть его вызывала всеобщую скорбь: солнце свѣта и правды переставало сиять; судилища закрывались и даже священныя огонь долженъ былъ потухнуть (Дiodоръ); Труны царей получали свой особый придворный штатъ; существовали даже особыя резиденцiи покойныхъ царей.

Влскъ и великолѣпiе, окружавшiе властителя, высасывали изъ страны всѣ соки. Для своей резиденцiи онъ избиралъ попеременно разные города (Пасаргады, Персеполь, Экбатана, Суза, Вавилонъ). Каждый такой переѣздъ шаха, съ его гаремомъ, евнухами, придворными служителями и десятку тысячами тѣлохранителей, походилъ по своимъ послѣдствiямъ на опустошительный ураганъ. Истреблялось или дортилось все, что только находилось на пути, потому что вѣдъ все было собственностью царя:

Цѣлыя кучи людей были постоянно заняты отыскиванiемъ по всей странѣ лучшихъ яствъ и напитковъ для царскаго стола. Если даже цифры Ктесiя явно преувеличены (по его словамъ, ежедневный обѣдъ шаха обходился въ 400 талантовъ, т. е. около 700000 рублей), то, все-таки, безмѣрная расточительность персидскаго двора единогласно засвидѣтельствована Геродотомъ, Ксенофонтомъ, Атенеємъ и др.

Власть влечетъ за собой злоупотребленiе ею, подобно тому какъ причина порождаетъ слѣдствiе. Не удивительно, поэтому, что исторiя такъ часто говоритъ о злодѣйствахъ, учиненныхъ этими неограниченными владыками. Можно, пожалуй, не принимать на вѣру баснословнаго сказанiя о томъ, какъ Астиагъ приказалъ поставить передъ царедворцемъ блюдо съ мясомъ его собственнаго ребенка за то, что тотъ, вопреки повелѣнiямъ деспота, пощадилъ жизнь его внука. Но даже о Дарiѣ, самомъ выдающемся изъ всѣхъ преемниковъ Кира, Геродотъ рассказываетъ, что онъ хотѣлъ по-

*) Такой взглядъ съ древнѣйшихъ временъ вошелъ до такой степени въ плоть и кровь персовъ, что и до сихъ поръ у нихъ сохранились тѣ же понятiя. Во время похода 1807 г. въ Пруссию и Польшу, въ лагерь Наполеона I явился персидскiй посланникъ. Персiянину понравилась французская полковая музыка, и онъ просилъ императора подарить его государю такой хоръ музыкантовъ. Съ трудомъ объяснили восточному человѣку, что даже всеильный императоръ не можетъ дарить нѣсколькихъ десятковъ людей.

ростью, умѣншемъ пользоваться его слабостями и страхомъ передъ божествомъ, да и то пока страсть не толкала его неудержимо къ опредѣленной цѣли,—въ послѣднемъ случаѣ все должно было подчиниться его волѣ, ибо дворъ утопалъ въ рабствѣ. Когда Камбизъ спросилъ у судей, дозволяетъ ли ему законъ жениться на своей сестрѣ, они, зная его намѣреніе, дали дипломатическій отвѣтъ: законъ этого не указываетъ, но постановляетъ, что царь можетъ поступать такъ, какъ ему угодно (Геродотъ). Маги тѣмъ болѣе должны были поступать осторожно, такъ какъ они, какъ мядине, легко могли возбудить подозрѣніе персовъ.

Царское всевластіе находило себѣ поддержку въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ господствовавшемъ во всѣ времена семейномъ деспотизмѣ. Семейную жизнь уже подрывало многоженство, но существовали еще другіе противоестественные обычаи, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести прежде всего воспитаніе мальчиковъ не родителями, а государствомъ.

Родство персовъ съ индійцами выступаетъ, между прочимъ, и въ однородномъ установленіи кастъ. Здѣсь, какъ и тамъ, находимъ четыре касты, въ слѣдующемъ порядкѣ: жрецы, воины, земледѣльцы и ремесленники (Фердуси). Кстати, самыя названія воиновъ и земледѣльцевъ у персовъ тѣ же, что и у индусовъ: кшатра (перс.) вмѣсто кшатрія (инд.) и вастрыя вмѣсто вайса. Но въ государствѣ, гдѣ царская власть развилась до полной неограниченности, кастовое устройство не могло достигнуть или удержаться на той степени развитія, какая была возможна въ государствѣ, возникшемъ на жреческой основѣ.

Государственное устройство персовъ, до временъ Дарія, было грубое и неразвитое. Киръ и Камбизъ сдѣлали много завоеваній, но не успѣли, а можетъ быть и не умѣли объединить и сплотить различныя смѣшанные элементы. Только Дарій создалъ извѣстную организацію, внесъ нѣкоторый порядокъ и систему въ управленіе. Онъ раздѣлилъ государство на двадцать сатрапій, но при этомъ не опредѣлилъ надлежащимъ образомъ ихъ границы, вслѣдствіе чего сатрапы, подъ предлогомъ пограничныхъ споровъ, часто вели между собою войны.

Въ сравненіи съ другими народами ранней древности, персы относились милостиво къ покореннымъ, по крайней мѣрѣ, настолько, что не истребляли ихъ. Они довольствовались покорностью, оставляли побѣжденнымъ ихъ внутреннее управленіе, если только не грозила опасность возмущенія*). Они не упраздняли и существовавшихъ у побѣжденныхъ народовъ религіозныхъ культовъ. Въ этомъ отношеніи особенно несчастливилось финикіянамъ, которые, правда, добровольно покорились персамъ, сознавъ невозможность

*) Отчасти это, вѣроятно, зависѣло оттого, что для созданія государственнаго единства неоставало мирнаго времени. Киръ и Камбизъ были постоянно заняты своими завоеваніями; при Даріѣ, приступившемъ къ организаціи государства, начались уже первыя пораженія въ войнѣ съ греками, за ними послѣдовали дальнѣйшія, еще болѣе тяжкія, при Ксерксѣ. Весь этотъ періодъ не благоприятствовалъ всеобщей нивелировкѣ.

успѣшнаго сопротивленія; они обязались платить дань деньгами и за то во всемъ остальномъ сохранили свою автономію. Но если нужно было обуздать побѣжденныхъ, то персы не останавливались ни передъ какимъ средствомъ насилія. Жестокость и угнетеніе всегда неразлучны съ завоевательной политикой. Они выселяли и развращали цѣлыя племена. По приказанію Камбиза, шесть тысячъ египтянъ были уведены въ Сузу. То же самое испытали и пеоняне. Такихъ несчастныхъ переселяли даже въ самыя отдаленныя мѣстности, напр., на острова Персидскаго залива. Лидійцы, по совѣту своего прежняго повелителя Креза, желавшаго спасти ихъ отъ переселенія, были систематически приучены къ изнѣженному образу жизни. Въ случаѣ слишкомъ упорнаго сопротивленія побѣжденные истреблялись: «Когда персы овладѣли іонійскими городами, ищеть Геродотъ, они выбирали красивѣйшихъ мальчиковъ и оскотляли ихъ, а красивыхъ дѣвушекъ вводили къ царю; города же сжигали вмѣстѣ съ ихъ святилищами». Нерѣдко устраивали настоящія облавы на обитателей цѣлыхъ областей и острововъ. Дарій, сознавая всю важность Вавилона, хотѣлъ пощадить этотъ городъ. Онъ приказалъ срыть (во многихъ мѣстахъ) городскія стѣны и выломать ворота, а 300 народныхъ вождей посадить на колъ. Уцѣлѣвшимъ вавилонянамъ онъ возвратилъ городъ. Но эти передушили своихъ женъ. Для увеличенія населенія, царь, по словамъ Геродота, «велѣлъ сосѣднимъ народамъ доставить въ Вавилонъ женщинъ, при чемъ общая цифра поставки должна была составить 50000».

Весьма вредныя послѣдствія имѣло (вошедшее даже въ поговорку) управленіе сатраповъ. Какъ у шаха былъ большой дворъ, такъ каждый сатрапъ имѣлъ свой маленькій дворъ, содержимый съ безумной роскошью. По словамъ Геродота, 4 большія мѣстности въ вавилонской области должны были, въ видѣ налога, содержать огромныхъ индійскихъ собакъ сатрана. У него было до 16800 лошадей, а его ежедневный доходъ составлялъ болѣе одной аттической медимны (около 2 четвериковъ) серебра. Произволь въ причинялъ тѣмъ болѣе вредъ, чѣмъ властители были слабѣе характеромъ и умомъ. Безпредѣльная царская власть заставляла сатраповъ трепетать передъ капризами всевластнаго. Уполномоченный шаха, ежедневно во главѣ войска объѣзжавшій провинціи, могъ жестоко наказывать или награждать этихъ гордыхъ намѣстниковъ. Но скоро дворъ, въ свою очередь, сталъ трепетать передъ ними. Они превратились въ всеяльныхъ данниковъ, которые, какъ уже было сказано, самовластно шли войною другъ на друга, — обстоятельство, которому всегда радовались при дворѣ, но которое доказывало глубокой внутренней упадокъ государства, едва достигшаго могущества. Намъ извѣстно, что во времена Ксенофонта сатрапъ Мизіи самовольно назначилъ вице-сатрапа, которому онъ, за извѣстную дань, поручилъ управленіе своею провинціей, а когда тотъ умеръ, передать управленіе даже его вдовѣ, какъ только она обезпечила ему его прежній доходъ.

Каждая провинція должна была, конечно, покрывать расходы по управленію и содержанію войскъ, для чего устанавливались на-

туральные повинности. Цари хотѣли, кромѣ того, получать особую дань въ свою пользу. Дарій первый установилъ размѣръ такой подати для отдѣльных провинцій. Роспись податей, сохранныя Геродотомъ, опять-таки показываетъ, въ какомъ постыдномъ состоянн находилось челоѣчество подь тираническимъ владычествомъ персидскихъ царей: «Отъ Вавилонн и остальной Ассирн царь получалъ ежегодно тысячу талантовъ серебра и 500 осконденныхъ мальчиковъ»... «Колхнйцы доставляли дань, добровольно наложенную ими на себя... каждыя пять лѣтъ 100 мальчиковъ и сто дѣвушекъ, и пр.» Самыя гнусныя злодѣйства, какия только можетъ совершить варваръ въ моментъ своей побѣды, покажутся ничтожными въ сравненн съ такимъ поруганнемъ челоѣческаго существа, какъ периодическая дань, съ холодной обдуманностью наложенная на собственную страну въ опредѣленномъ числѣ и размѣрѣ!

Разсмотримъ военное устройство этого завоевательнаго народа. Главная сила войска заключалась въ конницѣ. Конь и всадникъ были покрыты желѣзомъ и мѣдью. На двадцатомъ году каждый юноша, способный носить оружье, причислялся къ какому-нибудь отряду войска и долженъ былъ 30 лѣтъ оставаться на военной службѣ. Когда предпринималась война, — напр., война Ксеркса съ греками, — и созывалось ополченн, то собиралась несмѣтная масса людей, такъ какъ подвластные персамъ кочевые народы шли на войну съ своими женами и дѣтьми. Во всѣхъ провинцняхъ, черезъ которыя должны были проходить войска, устраивались заранѣе продовольственные склады, и, тѣмъ не менѣ, области, черезъ которыя двигались эти массы, походили на мѣстности, опустошенныя саранчей и пожарами. Но, насколько велико было число этихъ войскъ, настолько ничтожно было ихъ военное значенн. Только сами персы являлись до нѣкоторой степени свободными людьми. Вся же остальная масса пятидесяти пяти племенъ, которыя перечисляетъ и описываетъ Геродотъ, составляла войско безъ внутренней связи, порядка и дисциплины, сбродъ людей, которыхъ прогнали или оторвали отъ ихъ родной страны ради предпрнятнй, имъ совершенно чуждыхъ и не смягчавшихъ ихъ собственныхъ бѣдствнй. Если даже перспектива чувственныхъ наслажденн и грабежи и привлекали многихъ вначалѣ, то съ появленнемъ недостатка въ жизненныхъ принасахъ этого неизбежнаго слѣдствнй похода съ такими несмѣтными полчищами, или какъ только противъ этихъ огромныхъ ордъ выступало правильное войско, воодушевленное любовью къ отечеству или жаждой славы (какъ, напр., греки или македоняне), — уже одинъ только страхъ передъ наказаннемъ могъ заставить эти орды итти въ бой. Каждое малѣйшее поражение, даже каждая стоянка обрекали сотни тысячъ этихъ людей на неминуемую гибель: всѣ страны позади ихъ, до далекаго отечества, уже истощили свои продовольственные запасы при первомъ проходѣ войска; отъ голода и другихъ лишенн гибло больше людей, нежели отъ непрнятельскаго меча. Такъ какъ персы впади въ изнѣженность, а деспотизмъ охотнѣ всего опирается на иноземныхъ

наемниковъ, то брали на службу греческихъ солдатъ. Это сдѣлалось источникомъ многихъ бѣдствій для обѣихъ націй. Искусство вести осаду не было извѣстно персамъ, потому они избѣгали нападать на укрѣпленныя мѣста.

Древние историки сообщаютъ массу случаевъ грубаго вмѣшательства персовъ въ судьбу другихъ народовъ и даже человечества, но они не могли найти ни одной черты, которая бы свидѣтельствовала объ ихъ благотворной дѣятельности и благородномъ культурномъ развитіи. Могучее вліяніе, которое персы оказывали на состояніе обширныхъ странъ, было безусловно разрушительнымъ, а не творческимъ и созидательнымъ. Въ половинѣ Азіи, въ обширныхъ пространствахъ Африки и Европы кровь, пламя и бѣдствіе говорили объ ихъ присутствіи; и при этомъ нигдѣ не видно ни одного слѣда духа благородной человечности, который говорилъ бы намъ за себя изъ мрака прошлаго и о которомъ дошло бы до потомства вообще какое-нибудь извѣстіе *).

Науки находились въ исключительномъ обладаніи жрецовъ. Землеводѣніе было такъ ограничено, что греческій материкъ, до царствованія Дарія, былъ совершенно неизвѣстенъ персамъ, и при дворѣ въ Сузѣ едва знали о существованіи Афинъ и Спарты. По врачебной наукѣ у нихъ почти не было свѣдѣній, и люди болѣе богатые обращались почти всегда къ иноземнымъ врачамъ. Даже опредѣлять время они не умѣли какъ слѣдуетъ. Когда Дарій велѣлъ іонянамъ два мѣсяца ожидать его на Дунаѣ, онъ не могъ дать имъ иного календаря, кромѣ ремня съ шестьюдесятью узлами, изъ которыхъ они ежедневно должны были развязывать по одному. Что касается до архитектуры, то главные персидскіе города строились по образцамъ, заимствованнымъ у покоренныхъ народовъ, и возводились, безъ сомнѣнія, ихъ руками. Суза, какъ и Вавилонъ, была построена изъ кирпича, и потому съ теченіемъ времени отъ нея осталась только груда развалинъ **). Большая часть дворца въ Персеполѣ (нынѣшній Истакаръ), построеннаго изъ сѣраго мрамора мѣстныхъ горъ, стоитъ до сихъ поръ, какъ остатокъ древняго великолѣпія. Эта постройка была начата Даріемъ и окончена Ксерксомъ; гробницы обоихъ государей находятся въ соседней скалѣ. Но это сооруженіе, очевидно, было возведено не персами, а зодчими побѣжденныхъ народовъ. Террасы съ уступами, барельефы на наружныхъ стѣнахъ зданій и крылатые быки у входовъ заимствованы у вавилонянъ и ассирійцевъ. Перекладки и кровли были деревянныя, крашенныя и частью обшиты металлическими листами. Своеобразны колонны по ихъ тонкости (діаметръ ихъ = $\frac{1}{13}$ діаметра основанія) и

*) Безъ сомнѣнія, это противорѣчитъ различнымъ предписаніямъ Зенды-Авесты. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, когда возникло это ученіе и насколько оно сдѣлалось руководящимъ въ дѣйствительной жизни націй.

**) Генералу Вильямсу, защитнику Карса, и англійскому путешественнику Лофтусу удалось откопать сузанскій дворецъ во всемъ его объемѣ.

по неизяществу узорчатыхъ стержнейъ капителей. Тонкость колоннъ соотвѣтствовала небольшой тяжести, лежавшей на нихъ, такъ какъ постройки имѣли только одинъ этажъ и верхнія части ихъ были деревянныя. Сооруженіе исполинское, хотя и громоздкое. Что означаютъ изображенія на царскомъ дворцѣ въ Персеполѣ? Пока не прочитали клинообразныхъ надписей, искуснѣйшіе археологи не могли догадаться, что собственно послѣдніи обозначаютъ; они ломали себѣ голову надъ ними, какъ надъ загадками. Одинъ видѣлъ въ нихъ охотничьи сцены, другой—намекы на славныя битвы и походы. Искусство персовъ, какъ уже замѣтилъ Гердеръ, никогда не могло сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ было греческое, прежде всего потому, что оно «служило одной только особѣ царя и было чуждо республиканскаго духа, воодушевлявшаго Элладу. Религія ихъ не признавала храмовъ,—статуй, повидимому, не одобряла; для кого же и было воздвигать ихъ, какъ не для царя.... Все искусство сводилось, такимъ образомъ, къ украшенію дворцовъ, гробницъ, стѣнъ, трона, домашней утвари; оно не создавало свободныхъ памятниковъ, которые имѣли бы сами по себѣ смыслъ».

По счастью, религіозное законодательство признавало, по крайней мѣрѣ, важность земледѣлія. Многія мѣста Зендъ-Авесты (но когда она получила всеобщее признаніе?) указываютъ на довольно спосное положеніе земледѣлія. Существеннымъ средствомъ для поднятія его служили оросительные каналы, устройство которыхъ персы усвоили отъ покоренныхъ народовъ, въ особенности вавилонянъ; но и здѣсь проявила себя алчность правителей: народъ долженъ былъ не только рыть эти каналы, но и платить налогъ за право пользованія ими. (Отведеніе воды изъ рѣки въ цѣлю сѣть рукавовъ и каналовъ было дѣломъ очень обыкновеннымъ. Такъ, изъ рѣки Оксуса (Евфрата) брали начало цѣлыхъ 40 рукавовъ, орошавшихъ большую долину). Неизмѣримый вредъ приносила господствующій принципъ, что вся земля есть собственность царя.

Промышленность никогда не могла достигнуть особеннаго развитія въ Персіи, гдѣ учрежденія имѣли воинскій и деспотическій характеръ. Ремесленники составляютъ по Зендъ-Авестѣ послѣдній (низшій) классъ. Высшее же техническое производство, по всей вѣроятности, вовсе не существовало въ Персіи. Тонкія одежды были произведеніемъ мидянъ; только ткацкое и красильное производство, обычное занятіе бѣдныхъ людей, находилось въ Персіи въ сравнительно цвѣтущемъ состояніи.

По самому характеру ихъ политическихъ учреждений, направленныхъ на завоеванія, персы не могли быть торговымъ народомъ. Хотя подвластные имъ финикіяне и вавилоняне вели оживленную торговлю, но мы нигдѣ не видимъ слѣдовъ сколько-нибудь дѣятельнаго участія въ ней самихъ персовъ. Эта торговля была заслугой исключительно названныхъ народовъ. У персовъ же мы не находимъ учреждений, которое поощряло бы торговлю. Существовали, правда, курьеры, ѣздившіе по всему государству, но они слу-

жили только цѣлямъ царскаго двора, а потому ихъ нельзя сравнивать съ нашей почтой, — удобства народа при этомъ не имѣлось въ виду. Съ чеканными деньгами персы познакомились только у лидійцевъ, и чеканка государственной монеты вошла въ употребленіе только со временъ Дарія (Геродотъ). Такимъ образомъ, персидское владычество отъ границъ Индіи распространилось на обширную западную Азію и на древнее культурное государство Египетъ, и казалось, что и благороднѣйшій культурный народъ Европы упадетъ подъ это всемірное господство. Правда, въ этомъ огромномъ царствѣ жилъ арійскій духъ и проявлялись арійскія способности; но они были подавлены и сломлены безграничнымъ деспотизмомъ владыкъ, и, такимъ образомъ, персы ничебъ не сдѣлали въ области духа; они покоряли земли и города, опустошали ихъ, но ничего не вызвали къ жизни, не создали ни одного прочнаго памятника. Столкновение Персіи съ Греціей имѣло большее значеніе, нежели обыкновенная война враждебными народами. Это была борьба двухъ началъ — народнаго самоопредѣленія съ деспотизмомъ неограниченнаго властелина, свободнаго государства съ восточной тираніей. Вопросъ шелъ о культурномъ развитіи, о судьбѣ всего человѣчества. Матеріальныя силы были въ высшей степени неравны. Но духъ одержалъ побѣду надъ грубой физической силой, свобода надъ угнетеніемъ, культура надъ варварствомъ. Но объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе въ главѣ о грекахъ.

Зендъ-Авеста.

Въ настоящемъ очеркѣ персидскаго общественнаго быта мы почти не касались Зендъ-Авесты; мы имѣли ее въ виду только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ съ основаніемъ можно было предположить, что подлежащія постановленія этой религіозной книги по существу уже получили признаніе въ древней Персіи.

Основателемъ парсійскаго культа, или мазданзма, признается, какъ извѣстно, Зороастръ, по-персидски Заратуштра. Новѣйшія изслѣдованія (см. особенно Шпигеля «Iranische Alterthumskunde») не даютъ никакихъ существенныхъ разъясненій объ этомъ вѣроучителѣ. Время, въ которое жилъ Зороастръ, относится древне-греческими писателями за 600—700 лѣтъ до Александра Великаго, что, очевидно, баснословно; не извѣстно даже, былъ ли только одинъ Зороастръ или это лицо собирательное, или, наконецъ, мифическое. Имя это могло означать «золотую звѣзду» или «золотой свѣтъ», но оно могло также имѣть и иное значеніе. Древнѣйшій Зороастръ могъ жить въ половинѣ 13-го вѣка до Р. Х., но онъ жилъ, вѣроятно, позднѣе. По однимъ извѣстіямъ онъ былъ убитъ молніей, по другимъ — туранскимъ воиномъ. Дункеръ полагаетъ, что религія Зороастра существовала у персовъ не ранѣе 5-го вѣка до Р. Х.

По преданію парсовъ, Спикаудеръ Руми, т. е. Александръ Македонскій, сжегъ священныя книги этого вѣроучителя и преслѣдовалъ истинную вѣру, но потомъ эти книги были возстановлены по

воспоминанію. По другому преданію, болѣе правдоподобному, теперешняя редакція составлена во времена Сассанидовъ. Во всякомъ случаѣ, не выяснено, какимъ образомъ утрачены книги, ибо уничтоженіе ихъ Александромъ—фактъ мало вѣроятный; гораздо достовѣрнѣе, что онѣ погибли во время гоненій, которымъ персы подверглись со стороны мухамеданскихъ завоевателей. По словамъ Гермиппа, священныя писанія заключали 21 книгу; изъ нихъ дошла до насъ въ цѣлости только одна—двадцатая, такъ называемая Вендидадъ (законъ противъ деспотовъ). Гобинно полагаетъ, что во времена Дарія дуализмъ благого и злого божествъ былъ еще неизвѣстенъ. Природа считалась по существу благою, но ее смущали и терзали злыя вліянія; равнаго могущества за обоими началами не признавалось. Только въ періодъ Селевкидовъ была принята эта халдейская система вѣрованій. Культъ этотъ держался долгое время у персовъ, тогда какъ у мидянъ онъ значительно подоизмѣнился подъ вліяніемъ иноземнаго суевѣрія.

Зародыши ученія Зендъ-Авесты, какъ основательно полагаютъ, слѣдуетъ искать въ Индіи. На это указываютъ, кромѣ различныхъ сторонъ собственно культа, еще многія предписанія, касающіяся общественныхъ условій. Такимъ образомъ, въ Персіи, какъ и въ Индостанѣ, религіозная книга устанавливаетъ четыре сословія, и здѣсь и тамъ совершенно одинаковыя, съ сохраненіемъ того же порядка. Если же въ Персіи обособленіе сословія не развилось до степенн индійскаго кастоваго устройства, то только благодаря внѣшнимъ условіямъ. Но эти же мѣстныя условія сообщили индійскому культу въ Персіи особый характеръ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Индійскій пантѣизмъ, окутанный непроницаемымъ мракомъ мистическихъ вѣрованій, допускалъ весьма разнообразное развитіе внѣшней религіозной системы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ они различны въ Индіи и Персіи! Цервовытнй индо-персидскій культъ протстуетъ также въ разныхъ частяхъ религіозной системы евреевъ, и оттуда нѣкоторыя черты перешли даже въ христіанство (напомнимъ хотя бы сохранившуюся по названію и по формѣ митру).

Внѣшнія представленія о божествѣ сложились (по Анкетиллю дю-Перронъ) такимъ образомъ: «Первопричина всѣхъ вещей», «непостижимый», символъ котораго «вѣчная вѣчность, сотворила Ормузда и Аримана (по-персидски Агура-Мазда и Ангра-Майньюсь), первыя существа послѣ него, основы всѣхъ вещей. Ормуздъ, свѣтлый образъ непостижимаго, всегда творящій добро, создалъ весь чистый міръ творческимъ словомъ. Онъ любить себя въ своемъ народѣ и не устаегь благотворить всему міру. Ариманъ вначалѣ было также чистъ и добръ, но зависть къ Ормузду, стоявшему нѣсколько выше его, обратила его въ первоисточникъ зла, нечистоты и смерти. Его стихія—мракъ, какъ стихія Ормузда — свѣтъ, потому что когда онъ сдѣлался дѣвомъ (злымъ духомъ), онъ упалъ съ своей прежней высоты, и бездна мрака поглотила его. Ему также дарована Непостижимымъ вѣчность, по онъ не всегда останется злымъ; послѣ воскресенія мертвыхъ, пораженный

Изъ всѣхъ средне-азиатскихъ вѣроученій ученіе Зендъ-Авесты было первымъ и, можетъ быть, единственнымъ, которое отвергло многоженство и установило, въ видѣ правила, моногамію, что, конечно, составляло большой шагъ впередъ въ жизни человѣчества. (Этому рѣзко противорѣчатъ старо-персидскіе порядки, извѣстные намъ по греческимъ писателямъ. Впрочемъ, Вильг. Гейгеръ, въ своемъ интересномъ трудѣ, «*Ostiranische Kultur im Alterthum*» Erlangen, 1882) полагаетъ, что многоженство не запрещалось послѣдователямъ Зороастра). Только бездѣтному дозволялось, да и то лишь съ согласія жены, взять себѣ другую, ибо не имѣть дѣтей было для гвевра тяжкимъ несчастіемъ, и не только въ здѣшней, но и въ будущей жизни. По словамъ Гейгера, женщина занимала у персовъ болѣе почетное мѣсто, нежели у всѣхъ прочихъ азиатовъ. Какъ мужъ почитался «домохозяйномъ», такъ, жена носила названіе «хозяйки дома». Въ Авестѣ оба пола являюся равноправными. Какъ на землѣ, такъ и на томъ свѣтѣ они живутъ вмѣстѣ, вмѣстѣ наслаждаясь радостями рая.

Тѣмъ не менѣе ученіе Зендъ-Авесты ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ требованіямъ разума.

Выше было уже сказано, что ученіе это старалось основать общественную жизнь на абсолютномъ раздѣленіи сословій. Существовало три рѣзко разграниченныхъ сословія, не считая низшаго класса (вѣроятно, аборигены, покоренный элементъ). Первое сословіе составляли жрецы, атраваны; они пользовались нѣкоторыми привилегіями. Иерархическій строй всей народной жизни, очевидно, отвѣчалъ намѣреніямъ основателей персійской религіи: на это указываютъ многія мѣста Зендъ-Авесты. Всѣ болѣе значительныя «очищенія» могли производиться только ими, за что они получали вознагражденіе. Кто самовольно брался за очищенія или за другія жреческія функціи, подвергался тяжкому наказанію. Жрецы могли быть военачальниками, но никогда не смѣли заниматься земледѣліемъ или ремесломъ. Молитвы жреца имѣли такую важность, что врачъ, исцѣлившій жреца, могъ считать себя достаточно вознагражденнымъ такими молитвами. Замѣчательно, что Зендъ-Авеста содержитъ такъ много постановленій касательно правъ и обязанностей жрецовъ и такъ рѣдко и неопредѣленно говоритъ о мірянахъ.

«Если бы ваши добрыя дѣла, говоритъ пророкъ (Саддеръ, ст. 8), были многочисленнѣе древесныхъ листьевъ, дождевыхъ капель, небесныхъ звѣздъ или песчинокъ на морскомъ берегу, то и тогда онѣ не принесутъ вамъ никакой пользы, если не будутъ угодны дестурѣ (жрецу). Чтобы приобрѣсть благоволеніе этого руководителя на пути спасенія, вы должны неуклонно давать ему десятую часть всего, что у васъ есть, вашего имуществва, вашихъ земель и вашихъ денегъ. Если вы удовлетворили дестура, ваша душа избѣгнетъ мученій ада; вы пожнете покой въ этомъ мірѣ и блаженство въ будущемъ, ибо дестуры—наставники вѣры, они все знаютъ и прощаютъ всѣмъ людямъ ихъ грѣхи».

Второе сословіе составляли воины, третье земледѣльцы. Промысловые люди, кажется, не пользовались правами, даже нриблизительно равными съ тремя названными сословіями, почему В. Гейгеръ въ четвертомъ сословіи предполагаетъ ремесленниковъ, стоявшихъ на низшей ступени; ихъ занятіе было наименѣе почетнымъ. Преданіе Шахъ-Наме знаетъ также 4 сословія, хотя и тамъ свободными являются только первые 3; но, конечно, дѣло не доходило до образованія кастъ. О наслѣдственности званія не упоминается нигдѣ, и, стало быть, оно не существовало какъ правило.

При этомъ существовала цѣлая система надзора и опеки, подавлявшая всякое свободное движеніе и всякій духовный порывъ. Въ каждой улицѣ былъ свой смотритель, такъ же какъ и въ каждомъ домѣ. У парсовъ мы находимъ также китайскую систему дѣтскаго повиновенія. Ребенокъ, который три раза отвѣтилъ отцу или матери, не слушаясь ихъ, достоинъ смерти. Несмотря на вышеприведенное мнѣніе Гейгера, слѣдуетъ, все-таки, замѣтить, что положеніе женщинъ, хотя и было лучше, чѣмъ на всемъ остальномъ востокѣ, представляется, все-таки, жалкимъ: «жена должна почитать своего мужа какъ Бога», говоритъ священная книга.

Между тѣмъ какъ у древнихъ индусовъ браки въ близкихъ степеняхъ родства были запрещены, почитатели Авесты; напротивъ того, рекомендовали ихъ, а бракъ между братомъ и сестрой даже считался дѣломъ настолько похвальнымъ, что смылать самые тяжкіе грѣхи.

Къ этому присоединимъ еще противныя всякому здравому смыслу, но путившіе глубокіе корни въ жизни, законы о святости огня и о нечистотѣ всего человѣческаго.

Огонь почитался народомъ Авесты самымъ святымъ и чистымъ изъ всехъ стихій, онъ былъ для него отблескомъ верховнаго божества Агтра-Мазды. Онь—символь нравственной чистоты и вѣрнѣйшая охрана отъ злыхъ духовъ, вѣчно державшихъ персовъ въ страхѣ. Эти злые духи устраиваютъ свои козни преимущественно ночью и въ темнотѣ; огонь даетъ свѣтъ и сіяніе и прогоняетъ адекихъ духовъ. Чисто вымытыми руками надо приносить дрова, и эту обязанность слѣдуетъ исполнять въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ ночи. «Дыханіе устъ человѣческихъ оскверняетъ огонь, ибо все исходящее изъ человѣка нечисто; человѣкъ является на свѣтъ нечестымъ; вода смываетъ съ него только внѣшнюю нечистоту, а не внутреннюю. Кто задуваетъ устами огонь, тотъ достоинъ смерти». Въ силу такихъ священныхъ заповѣдей всѣ занятія, при которыхъ необходимъ огонь, были строго воспрещены персамъ: такъ, напр., кузнечное ремесло и химическая плавка. И теперь еще гвѣбры въ Кирманѣ и Индіи безусловно повинуются этому запрещенію.

Къ безчисленнымъ проявленіямъ господствовавшего суевѣрія принадлежали въ особенности приговоры по судамъ божьимъ; особенно охотно прибѣгали къ испытанію огнемъ.

И, наконецъ, особенной нечѣстностью отличались предписываемые способы очищенія. Очищающей жидкостью почиталась

неренгъ—бычачья моча, которую въ извѣстныхъ случаяхъ, съ соблюдениемъ жреческаго, церемонала, даже пили для внутренняго очищенія.

Хотя ученіе Зендъ-Авесты слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, разсматривать какъ памятникъ прогрессивнаго движенія человѣчества, по сравненію съ общими условіями жизни средней Азіи въ предшествующіе ей вѣка, но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что этотъ культъ, со всеми связанными съ нимъ стѣснительными правилами общежитія, не можетъ отвѣчать требованіямъ разума, его можно разсматривать только какъ переходную ступень, и полное разложеніе этого священнаго культа въ наше время не должно возбуждать сожалѣнія*).

Финикіяне.

Финикіяне, народъ семитическаго племени, какъ и еврей, походили на постыдныхъ и по складу характера, но обладали духомъ болѣе широкой предприимчивости, а потому не держались такой строгой религіозной исключительности. Это былъ первый народъ древняго міра, занимавшійся мореплаваніемъ въ обширныхъ размѣрахъ. Памятниковъ, блистательно увѣковѣчивающихъ существованіе этого народа, не сохранилось. Дошедшія до насъ письменныя извѣстія о нихъ скудны и сомнительной достовѣрности. Изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ извѣстія Діодора и Страбона. Геродотъ и Арріанъ говорятъ о финикіянахъ только мимоходомъ. Отрывки изъ сочиненія мнимо-финикійскаго жреца Санхуніатона сами по себѣ малозначительны. Еще менѣе важны отрывки изъ Менандра Эфесскаго. Наконецъ, въ Библии и у Иосифа мы находимъ нѣкоторые свѣдѣнія, которыя, даже по выраженію историковъ, свѣдующихъ традиціи, суть не болѣе какъ «отрывочныя, недостовѣрныя извѣстія, темныя, разрозненныя сказанія». Еще менѣе глѣбныя найденія и дешифрованныя надписи на камняхъ. Такимъ образомъ, финикійская исторія въ собственномъ смыслѣ, т. е. изложеніе событій въ ихъ связи, къ сожалѣнію, для насъ потеряна. Когда началось историческое время, цвѣтущая пора этого народа уже прошла. И, тѣмъ не менѣе, вліяніе финикійскаго народа на развитіе культуры было такъ сильно, что въ древней исторіи мы почти вездѣ возвращаемся съ этимъ вліяніемъ, а раскрытіе первобытной исторіи семитовъ въ Азіи проливаетъ нѣкоторый свѣтъ и на исторію финикіяне. Но они, конечно, были самыми ранними носителями культуры; еще до нихъ египтяне достигли высокой степени образованности, но финикіяне

*) Число исповѣдующихъ мадаизмъ (гвевровъ или огнепоклонниковъ) въ самой Персіи (Издъ), а именно въ горахъ Кирмана, составляло къ концу прошлаго столѣтія около 60000 семействъ. Число это съ тѣхъ поръ, кажется, значительно сократилось, или было уже тогда не такъ велико. Теперь Моунсей насчитываетъ ихъ до 6000—8000 душъ. Въ Индіи, главнымъ образомъ на полуостровѣ Гузерате, ихъ также едва ли болѣе 70000—80000.

были первые распространители культуры въ далекихъ странахъ, особенно же въ Европѣ. Всего сильнѣе выразилось ихъ влияніе въ томъ, что отъ нихъ, какъ кажется, всѣ народы, жившіе по Средиземному морю, научились писать буквами.

У всѣхъ народовъ, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, всѣ важнѣйшія общественныя отношенія были направлены къ утвержденію или жреческой власти, господствовавшей надъ всею человѣческой жизнью, или неограниченнаго деспотизма царей. Финикіяне — древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ народовъ, въ основѣ учрежденій котораго было дѣйствительно свободное развитіе; все ихъ гражданское устройство было направлено къ развитію торговли и, стало быть, международныхъ сношеній. Тѣмъ болѣе можно пожалѣть объ отсутствіи точныхъ свѣдѣній объ этомъ народѣ; мы охотно отдали бы дошедшія до насъ извѣстія о многихъ кровавыхъ походахъ завоевателей за краткое, но вѣрное изображеніе внутренняго развитія Финикіи! Но волей-неволей приходится довольствоваться немногими, и то отрывочными, указаніями.

Внѣшнія условія жизни финикіянь не благоприятствовали ихъ преуспѣянію. Они обитали на небольшой и узкой полосѣ морского побережья въ 250 квадр. миль; почва была неплодородна. Сосѣднія племена были дики, вели разбойничій образъ жизни и питали вражду къ финикіянамъ. Но именно эти неблагоприятныя условія и помогли народу подняться на высокую по тому времени ступень. Разъ песчаная и гористая почва не давала имъ нужнаго пропитанія, а окружающія племена отталкивали ихъ съ презрѣніемъ, то именно эти обстоятельства и должны были возбудить въ нихъ стремленіе пуститься въ открытое вольное море. Чѣмъ менѣе привлекательнаго представляла земля, тѣмъ радостнѣе и смѣлѣе вступили они въ борьбу съ морскою стихіею. Ихъ морскимъ предпріятіямъ въ высшей степени благоприятствовали ливанскіе лѣса, дававшіе превосходный матеріалъ для кораблестроенія, и обладаніе хорошими гаванями. Вначалѣ, правда, не торговля привлекла финикіянь къ морю, а скорѣе морской разбой. Такимъ образомъ, отважно плавая въ моряхъ, они появились сперва на островахъ, а потомъ и на берегахъ Греціи и Египта, не только съ цѣлю грабежа, но и для того, чтобъ уводить въ рабство захваченныхъ ими людей. Уже у Гѣмера финикіянинъ является «человѣкомъ ловкимъ въ обманахъ, хитрымъ, дѣлающимъ много зла людямъ».

Но съ теченіемъ времени сами финикіяне стали ощущать потребность въ безопасности на морѣ, такъ какъ они желали являться въ чужіе края въ качествѣ купцовъ. Такъ возникли правильныя сношенія, а вскорѣ развились здѣсь впервые торговая политика, исходившая изъ той основной мысли, что наибольшія выгоды достигаются путемъ мирныхъ сношеній.

Внутренній бытъ финикійскаго народа, насколько мы о немъ знаемъ, развивался естественно и свободно. Подобно древней Элладѣ, Финикія распадалась на столько мелкихъ государствъ, сколько въ ней было городовъ. Каждый городъ развивался свободно, сооб-

разно своимъ особымъ условіямъ. Но все эти города связывало между собою единство племени, языка и религіи, а также одинаковые нравы и обычаи. Кромѣ того, образовались долго существовавшія федерации, подъ главенствомъ сначала Сидона, потомъ Тира. Финикія никогда не достигла политическаго единства.

Во главѣ отдѣльныхъ мелкихъ государствъ стояли высшіе сановники (въ нашихъ учебникахъ исторіи ихъ часто ошибочно называютъ царями). Даже если должность ихъ и была наследственна, — что, однако, не доказано, — все же они раздѣляли власть съ другими должностными лицами, такъ что ихъ слѣдуетъ считать именно только высшими сановниками государства, а не царями. Кромѣ того, въ извѣстные сроки происходили общіе совѣты представителей большихъ городовъ. Есть извѣстіе, что для этой цѣли были основаны тремя сильнѣйшими городами Триполь — нѣчто въ родѣ союзаго города.

Торговля финикійцевъ достигла такихъ размѣровъ, какіе только были возможны въ древности. Она, понятнo, не могла подняться на ту высоту, на какой стоитъ современная всемірная торговля. Ихъ торговля сосредоточивалась главнымъ образомъ на Средиземномъ морѣ, которое въ сравненіи съ океаномъ, конечно, не болѣе какъ озеро. Но здѣсь они посѣщали почти все побережья, въ особенности берега сѣверной Африки и Испаніи. Неизвѣстно, какъ далеко заходили финикійцы за Геркулесовы столбы, къ Касситеридамъ (Оловяннымъ островамъ, — вѣроятно, Англіи) и ходили ли они въ Балтійское море за янтаремъ*), во всякомъ случаѣ, они изслѣдовали значительное пространство западно-африканскаго побережья къ югу, и, кажется, основали тамъ колоніи. Кромѣ того, они плавали по Арабскому и Персидскому заливамъ и проникли въ Индійское море. Наконецъ, они вели также значительную сухопутную торговлю: ихъ караваны ходили преимущественно въ Палестину, Сирію, Аравію, Египетъ, Персію, Вавилонію и въ сѣверныя земли Скиѣи. Въ Мемфисѣ они (по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшія времена) имѣли свой греческой кварталъ (Геродотъ). Однимъ изъ главныхъ предметовъ ввоза въ Египетъ было вино. Масперо рисуетъ даже такую смѣлую картину: «Все дороги, которыя тянулись отъ большихъ торговыхъ центровъ дальняго востока, Индіи, Бактріи, Хаддеи, Аравіи и Кавказа на западъ, приводили, въ концѣ концовъ, къ Сидону и Тиру.... По восточному побережью (Чернаго моря) плавали они потому, что ихъ привлекала слава мѣдныхъ рудниковъ Кавказа. Съ помощью своихъ союзниковъ, карійцевъ, они основали отъ Босфора до Колхиды дѣльный рядъ укрѣпленныхъ поселеній, которыя впоследствии, подъ греческимъ владычествомъ, развились въ цвѣтущіе города. Второй Тиръ былъ основанъ у самаго устья Дибра, и сидонскіе ибонеры проникли даже въ великія южно-русскія степи. Съ этихъ далекихъ морей они привозили

*) Электръ древнихъ, какъ показалъ Лелевель, едва ли былъ янтарь — послѣдній сдѣлался извѣстнымъ гораздо позднѣе. «Несомнѣнно, что древніе узнали объ янтарѣ Привислянскаго края только во времена Августа».

тунца, сарделей, пурпуръ, амбру, золото, серебро, свинець и олово, необходимое для изготовленія бронзы».

Въ 8-мъ вѣкѣ до Р. Х. финикіяне владѣли всѣмъ Эгейскимъ моремъ. Въ 704 г. Самосъ не обладалъ еще ни одной триремой; до 630 г. (до Р. Х.) ни одинъ греческій корабль еще не посѣтилъ Ливіи. Но около 550 г. іонійскія суда господствуютъ на Эгейскомъ морѣ, а корабли Коринѳа и Коркиры—въ западной части Пелопонеса; около этого времени были уже основаны въ Ливіи эллинскіе города Кирена и Барка, а гавань Навкрата составляла торговый пунктъ грековъ въ сношеніяхъ съ Египтомъ.

Въ тѣсной связи съ торговлей развилась колонизація финикіянъ. Большая часть ихъ колоній, безъ сомнѣнія, выросла изъ поселеній финикійскихъ выходцевъ, въ мѣстахъ, удобныхъ для сбыта ихъ товаровъ; впрочемъ, нѣкоторыя колоніи, быть можетъ, основаны были эмигрантами, оставившими Финикію послѣ паденія политическихъ партій, къ которымъ они принадлежали.

Колоніи получали свои особыя свободныя учрежденія съ самаго ихъ основанія, или же заводили у себя вполнѣтвѣтвіи учрежденія, какія признавали наиболѣе цѣлесообразными и выгодными. Въ большинствѣ случаевъ они не состояли въ зависимости отъ метрополіи, не эксплоатировались ею; вполнѣ независимыя колоніи развивались такъ же свободно, какъ и всѣ коренныя финикійскіе города. Такимъ образомъ, свобода, первое условіе процвѣтанія, и здѣсь составляла основу преуспѣянія. Обще-финикійскія учрежденія, какъ единственно цѣлесообразныя, были перенесены и въ колоніи. Это было общимъ правиломъ, хотя позднѣйшая политика Кароагена (одной изъ финикійскихъ колоній) развилась въ иномъ направленіи. При этомъ колоніи никогда не принимали участія въ союзахъ и войнахъ противъ ихъ метрополій, и не столько по чувству уваженія, сколько изъ чувства племенного и національнаго единства (по религіи, языку, правамъ). Онѣ даже признавали за ними нѣкоторыя преимущества. Не обижаясь взаимной поддержкой, тѣ и другія не отказывали другъ другу, по крайней мѣрѣ, въ правѣ пользоваться у нихъ свободой и убѣжищемъ.

Число финикійскихъ колоній или, вѣрнѣе, поселеній было очень велико. Самыя раннія, основанныя сидонянами, какъ кажется, возникли на греческихъ островахъ: на Кипрѣ, Критѣ, Родосѣ, Спорадахъ и Кикладахъ. Но когда вполнѣтвѣтвіи эллины сами завели здѣсь оживленную торговлю, иноземцы должны были удалиться. Тѣмъ быстрѣе стали умножаться ихъ факторіи и владѣнія на побережьи Средиземнаго моря. Мы находимъ ихъ въ Сициліи, Мальтѣ, Сардиніи и Корсикѣ, въ Испаніи и сѣверной Африкѣ. По извѣстіямъ Страбона, въ одной Испаніи было до 200 финикійскихъ (главнымъ образомъ тирескихъ) колоній; особенно процвѣтали Тартесъ, Гадесъ, Картея, Малака и Гиспалисъ. Вначалѣ финикіяне встрѣтили здѣсь массидійскихъ грековъ, но послѣдніе были отбѣснены, и край, на огромномъ протяженіи, былъ захваченъ финикіянами, которые обращались съ туземцами очень жестоко, принуждая ихъ къ горнымъ работамъ. Такіе многочисленны были колоніи на сѣверо-африкан-

скомъ побережьѣ. Здѣсь расцвѣли въ особенности города: Утика (основанная сидонянами около 1170 г. до Р. Х.), Карфагенъ, Авза, Адруметь, обѣ Лептиды и Физдръ. На Черномомъ морѣ главными торговыми пунктами были Элатъ и Эціонъ-Геберъ, на Персидскомъ заливѣ финикіане владѣли островомъ Тиломъ и Арадомъ, мимо которыхъ лежалъ путь въ индійскій Офиръ.

Весьма понятно, что финикіане старались упрочить и поднять свою торговлю договорами, и едѣлка Гирама (такъ называемаго царя тирскаго) съ царями іудейскими Соломономъ и Давидомъ представляетъ едва ли не древнѣйшій торговый договоръ, о которомъ дошли до насъ извѣстія (1000 лѣтъ до Р. Х. *).

Промышленность была въ цвѣтущемъ состояніи. Она состояла преимущественно въ обработкѣ сырыхъ продуктовъ, привозимыхъ изъ-за границы, или даже грубыхъ фабрикатовъ (такъ, напр., выписывали изъ Египта ткани, красили ихъ и потомъ продавали). Важнѣйшія отрасли финикійской промышленности были: красильное производство (въ особенности роскошная пурпуровая краска), тонкія сорта тканей (сидонскія одежды), разныя стеклянныя издѣлія и предметы роскоши (изящныя ожерелья, вышивки, лѣпныя работы, вещи изъ золота, серебра, слоновой кости и проч.) **. Финикіане занимались также добываніемъ руды и литьемъ мѣди и были особенно искусны въ изготовленіи бронзовыхъ издѣлій.

По свойству финикійской почвы, земледѣліе никогда не могло быть первымъ и важнѣйшимъ занятіемъ населенія. Оно, безъ сомнѣнія, нуждалось въ постоянномъ подвозѣ зерновыхъ хлѣбовъ, хотя часть хлѣбовъ доставлялась, вѣроятно, колоніями. Тѣмъ не менѣе этотъ густо населенный край былъ такъ превосходно воздѣланъ, что походилъ на садъ.

Образованіе не составляло для финикіанъ цѣли само по себѣ. Какъ народъ торговый, они стремились къ матеріальной выгодѣ и не знали тѣхъ высшихъ потребностей духа, которыхъ, по крайней мѣрѣ отчасти, не чужды новѣйшіе торговые народы. Но и чисто матеріальныя стремленія обусловливали собой зачастую научныя усилія; мореплаваніе приводило къ изобрѣтеніямъ и открытіямъ, а торговыя сношенія съ другими народами вели къ распространенію разнообразныхъ свѣдѣній. Финикіане были первый народъ, имѣвшій азбуку въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ. Имъ удалось, съ устраненіемъ идеографическаго способа, придумать буквенное письмо, совершенно свободное отъ звуковыхъ знаковъ. Но они были не только изобрѣтателями, но и распространителями алфавита; послѣдній былъ, по выраженію Ренана, «однимъ изъ предметовъ ихъ вывоза», и въ особенности греческое

*) Есть, впрочемъ, основаніе думать, что іудеи принуждены были платить тирянамъ нѣкотораго рода дань. Соломонъ обязался доставлять имъ ежегодно 20000 коръ пшеницы и 20000 батовъ вина и масла и, кромѣ того, уступилъ имъ 20 мѣстностей въ Галилеѣ. Взаимнъ этаго іудеи получили архитекторовъ, строевой лѣсъ и камни для постройки храма.

**) Впрочемъ, первое стекло - не финикійскаго изобрѣтенія, какъ это обыкновенно думаютъ: египтяне знали стекло раньше ихъ сѣверныхъ сосѣдей, уже при 4 и 5 династіяхъ.

письмо есть очевидное подражаніе финикійскому. Ариметика и астрономія разрабатывалась ими самостоятельно. За то къ пластическимъ искусствамъ, особенно къ архитектурѣ, они, подобно іудеямъ и вообще всѣмъ семитамъ, выказывали мало способности. Понятно и, во всякомъ случаѣ, характерно, что они гораздо болѣе славилась умѣньемъ строить корабли, чѣмъ жилища и храмы*). Въ судоходствѣ они достигали такой высоты, какая только возможна въ древности: за отсутствіемъ компаса, финикійскіе корабли не могли отдаляться далеко отъ береговъ, и пускались въ открытый океанъ было уже дѣломъ личной отваги.

О религіозныхъ вѣрованіяхъ финикіянъ, до начала нашего столѣтія, почти ничего не было извѣстно, и только сравнительно недавно удалось собрать о нихъ нѣкоторыя болѣе точныя данныя. Хотя финикіяне, подобно евреямъ, были семиты, по въ характерѣ ихъ было много чертъ, совершенно не схожихъ съ чертами характера ихъ одноплеменниковъ. Они тоже поклонялись небеснымъ свѣтиламъ. Ваалъ означать солнце; такъ называемый тирскій Геркулесъ (собственно Мелькартъ) былъ также его олицетвореніемъ. Не обходилось и здѣсь безъ культа грубаго наслажденія, какъ вездѣ у семитическихъ народовъ. Поклоненіе сидонской богинѣ Астартъ соотвѣтствовало служенію Милитъ въ Вавилонѣ. Хотя значеніе и власть жрецовъ были очень велики, но вліяніе ихъ не могло обнимать всѣхъ условій жизни, какъ это было у другихъ народовъ, уже потому, что финикіяне старались весь свой общественный бытъ согласовать съ выгодами торговли. Очень цѣнной новой работой объ этомъ предметѣ мы обязаны голландскому ученому проф. К. П. Тиле въ Лейденѣ (*De Gotsdienst van Fenicie en Israel*, въ его *Vergelykende Geschiedenis der Oude Gotsdiesten*), изъ которой Альберъ Ревильль далъ извлеченіе въ «*Revue des Deux Mondes*».

Какъ извѣстно, три важнѣйшія для западныхъ народовъ религіи—мозаизмъ, христіанство и магометанство—возникли среди семитическихъ народовъ. Изъ этого обстоятельства хотѣли вывести заключеніе, которое мы всегда оспаривали, а именно, что склонность къ единобожію составляетъ важнѣйшую отличительную черту, самое типическое свойство семитической расы. Основательныя изысканія Тиле не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мнѣніе это лишено всякаго основанія. Монотеизмъ принимался

*) «Каково было строительное искусство финикіянъ», замѣчаетъ Гердъеръ, «видно по храму Соломонову, который едва ли можно сравнивать съ египетскимъ, если ужъ 2 бѣдныя колонны его восхваляются какъ чудеса. Единственный памятникъ, оставшійся послѣ финикіянъ,—огромныя пещеры въ скалахъ Финикіи и Ханаана, которыя свидѣтельствуютъ столько же о вкусѣ троглодитовъ, сколько объ ихъ происхожденіи». Корабли же ихъ, напротивъ, были разукрашены деревянной рѣзбой и отдѣланы слоновой костью и букомъ, а паруса, въ торжественныхъ случаяхъ, были изъ тонкой бумаги матеріи. Совершенно справедливо замѣчаніе Масперо: «Несмотря на притязательное наименованіе Сидона, главнаго города Финикіи, «первороденный Ханаана», это была, все-таки, не болѣе какъ простая рыбацкая деревушка».

вообще слабымъ меньшинствомъ древнихъ семитовъ. Они поклонялись какому-нибудь одному божеству, но это еще не былъ въ строгомъ смыслѣ монотеизмъ, такъ какъ при почитаніи одного бога вовсе не отрицалось существованіе и могущество другихъ боговъ. Извѣстно, что даже среди израильтянъ, культъ Іеговы насаждался при помощи огня и меча. Подобнымъ же образомъ приводили арабовъ къ магометанству, тогда какъ арійскіе народы сдѣлались наиболѣе страстными и послѣдовательными поборниками монотеизма.

Финикіяне не были исконными обитателями тѣхъ странъ, которыя мы считаемъ ихъ отечествомъ. Ихъ боги были мрачны и жестоки, боги же аборигеновъ—свѣтлы и веселы. У финикянъ мы видимъ смѣсь боговъ серьезныхъ и веселыхъ, то строго къзломудренныхъ, то не въ мѣру сладострастныхъ.

Но для того, чтобы получить правильное представленіе о финикійскомъ культѣ, необходимо имѣть въ виду одно обстоятельство, освѣщенное Тилемъ. Намъ называютъ боговъ Ваала, Молоха или Молека, Эла, Адониса и богинь Ваалтисъ, Астарту, Ашеру, какъ будто рѣчь идетъ о собственныхъ именахъ отдѣльныхъ боговъ и богинь. Это заблужденіе. Такъ, напр., имя Вааль мы часто встрѣчаемъ въ соединеніи съ другими, дѣйствительно собственными, именами божествъ: Вааль-Гадъ, Вааль-Шемешъ, Вааль-Зебубъ (изъ чего впоследствии образовался Вельзевулъ). Гадъ—богъ счастья или планета Юпитеръ (см. Dupuis, *Origine de tous les cultes*, Paris, 1795); Шемешъ—это длиноволосяе, красное солнце (Самсонъ иудеевъ), Зебубъ—маленькое солцце въ образѣ большого комара (значить, Вельзевулъ—невинный богъ мухъ и комаровъ!). Такимъ образомъ, оказывается, что Вааль не что иное, какъ титулъ, почетное имя и означаетъ: господинъ, учитель, повелитель; въ этомъ значеніи оно поставлено передъ многими именами боговъ, большей частью божествъ небесныхъ (астрономическихъ) и только изрѣдка земныхъ. Только въ позднѣйшее время, когда значеніе этого слова забылось, стали принимать Ваала за особаго бога. Молекъ или Молохъ также означаетъ—властелинъ, царь; «Эль» значитъ «сильный»; Адонъ, передѣланный греками въ Адониса,—новелитель, государь; отсюда каноническое Адоной. Точно также Ваалтисъ—повелительница, госпожа (*Notre Dame*). Сомнительно только значеніе Астарты, (Аштарты) и Ашеры, влюбленной супруги небеснаго царя. Во всякомъ случаѣ, безспорно, что ошибочно было на общихъ всѣмъ богамъ почетныхъ титулахъ основывать предположеніе о первобытномъ монотеизмѣ,—его не существовало.

Обратимся теперь къ отдѣльнымъ сторонамъ финикійскаго культа, исходной точкой котораго можетъ служить намъ культъ, праздновавшійся въ городѣ Гебалѣ, въ священномъ Библосѣ. Когда проходила весна и наступало лѣто со своимъ палищимъ, всеиссушающимъ, влжигающимъ зноемъ, тогда начинались печальные обряды въ честь бога Адона. Улицы и храмы оглашались плачемъ и воплями, сопровождаемыми пронзительными звуками жалобной флейты. На улицахъ бѣсновались женщины съ распущенными или обрѣзанными волосами, а особенно благочестивыя, даже съ воткну-

тymi въ грудь ножами, всѣ въ разодранныхъ одеждахъ; имъ предшествовали саллы (жрецы-кастраты). Потомъ онѣ собирались въ храмъ и окружали выставленный тамъ гробъ, у котораго помѣщалось деревянное изображение мертваго бога Адона. На его тѣлѣ зіяла свѣжая рана, а рядомъ съ нимъ находился его ужасный врагъ съ окровавленной головою—вепрь, убившій его на охотѣ. Черезъ нѣсколько дней слѣдовало торжественное погребеніе. То былъ прекрасный юноша-богъ, страстно любимый богиней любви и плодородія (Ашерой); другой богъ, побуждаемый ревностью, обратился въ вепря и совершилъ злодѣяніе въ то время, когда Адонъ охотился въ горахъ Ливана. Греки передѣляли Адона въ Адониса, возлюбленнаго Венеры (Афродиты), а своего Ареса (Марса) сдѣлали ревнивымъ убійцей. Въ дѣйствительности же это былъ древнехананейскій богъ, почитаемый въ различныхъ мѣстностяхъ. Когда въ концѣ лѣта страну опять освѣжалъ дождь, тогда говорили, что богъ орошаетъ и оплодотворяетъ поля своею кровью. Смытая съ горъ красная земля поддерживала иллюзію. Снова въ продолженіе семи дней совершались печальные обряды. На восьмой день печаль смѣнялась шумнымъ весельемъ. Богъ воскресъ и вознесся на небо. Если во время траура соблюдали строжайшее цѣломудріе, то теперь наступали безмѣрные оргіи. Вакханки (употребляя это греческое названіе) рѣзвились на улицахъ; женщины и дѣвушки предавались проституціи, а выручку обязаны были отдавать въ храмъ, подобно тому, какъ, по разсказамъ Геродота, это происходило въ вавилонскомъ культѣ Милиты.

Этотъ отвратительный обычай былъ вообще зауряднымъ явленіемъ на всемъ древнемъ Востокѣ, въ особенности у народовъ семитическихъ; онъ существовалъ не только въ Сиріи, но и на Кипрѣ, въ Амаантѣ, Пафосѣ и Фригіи; немногимъ отличался отъ этого обряда и культъ гетеръ въ Коринѣ и на Кандіи. По увѣренію путешественника, фонъ-Кате, культъ этотъ и теперь еще процвѣтаетъ у одной части населенія Йемена.

Описанные выше религіозные обряды, очевидно, символизировали времена года и ихъ воздѣйствіе на землю. Весеннее небо, вызывающее растительность, гибнетъ отъ лѣтняго солнца; жара, уничтожающая всякую растительность и удручающая людей и животныхъ, является въ видѣ смертоснаго вепря. Осенняя прохлада возвращаетъ плодородіе,—значить, божество воскресаетъ. Земля изображается какъ его любимая супруга Ваалтисъ, *Unsere liebe Frau*: она плодородна весной, бесплодна лѣтомъ, а осенью вновь обильна подъ оплодотворяющимъ вліяніемъ этого времени года. Тиле приводитъ этотъ культъ въ связъ съ греческимъ мифомъ о богѣ жатвы—Кроносѣ съ серпомъ, который предательски изувѣчилъ своего отца Урана, чтобы завладѣть его властью. Дюкюи подробно распространяется обо всемъ этомъ, и едва ли можно согласиться безусловно съ голландскимъ ученымъ, что «семитическіе кочевники не могли дойти до такого заблужденія» и что оно хананейскаго происхожденія. Намъ кажется, что всѣ эти символическіе обряды

вытекають непосредственно изъ обоготворенія природы, а потому имѣютъ болѣе общее начало.

«Кабирь» — явленіе довольно трудно объяснимое. По мнѣнію Тиле, кебиримъ слово семитическое и означаетъ великаны. Другое названіе ихъ «патеки» (patèques) — египетскаго происхожденія и означаетъ «лѣпить», «ваять». Греки же, въ противоположность истинному значенію этого слова, сдѣлали изъ него «пигмей», слово явно финикійскаго происхожденія, такъ какъ «Пигмъ» — названіе финикійскаго бога; по-гречески же слово *πυγμή* означаетъ кулакъ, изъ чего эллины заключили, что дѣло идетъ о людяхъ величиною съ кулакъ.

Какъ бы то ни было, кабирь были строителями, даже творцами вселенной, основателями цивилизаціи и, конечно, виновниками мореходства и врачебнаго искусства. Кабировъ было семь — по числу планетъ, по понятіямъ древнихъ, которые солнце и луну причисляли къ планетамъ и на этомъ основаніи число семь считали священнымъ (между прочимъ, отсюда происходитъ число дней въ недѣлѣ). Полагали, что каждая изъ этихъ планетъ господствуетъ надъ извѣстной частью неба и надъ соответствующей частью земли, но всегда раздѣляя власть съ другимъ богомъ или даже подчиняясь ему. Этотъ богъ назывался Эшмунъ, откуда греки произвели своего Эскулапа. Имя это означаетъ собственно «восьмой», т. е. стоящій выше семи (планетъ). Больные стекались въ его храмы, моля о выздоровленіи; змѣи были его символомъ, онѣ были олицетвореніемъ небеснаго огня, избавителя отъ болѣзней. Эшмунъ былъ любимъ Астроной (Афродитой); но прекрасный, какъ день, и цѣломудренный, какъ свѣтъ, онъ отвергъ ея любовь. Престѣдуемый ею на охотѣ, видя невозможность спасенія, онъ оскопилъ себя собственнымъ топоромъ и умеръ. Но богиня воспользовалась животворящей силой міровой теплоты; она воскресила его отъ смерти и ввела въ сонмъ боговъ. Повсюду встрѣчаемъ мы одинаковое мифическое воззрѣніе на природу, которая умираетъ только для того, чтобы снова воскреснуть.

Боги, о которыхъ мы сейчасъ говорили, по мнѣнію Тиле, хананейскаго происхожденія. Высшій богъ, собственно финикійскій, былъ, безъ сомнѣнія, такъ же какъ и Эшмунъ, цивилизаторъ, смѣлый мореплаватель и неустрашимый воинъ; это было солнце, въ смыслѣ огня, оживляющаго и въ то же время разрушающаго; оно почиталось подъ именемъ Вааль-Гаммана («горящій повелитель»), какъ это видно изъ многихъ финикійскихъ и карфагенскихъ надписей. Въ Тирѣ онъ назывался «Вааль-Коръ», что означаетъ «господинъ Тира» (какъ кажется, Т въ словѣ Тиръ выговаривалось какъ англійское Th), и «Мелькартъ», т. е. «король города». Греки отождествляли его со своимъ Геркулесомъ. Въ честь его возводили столбы, каковы, напр., у Гибралтара (Кадикса); отсюда же ведутъ начало колонны въ іерусалимскомъ храмѣ, хотя значеніе ихъ не одинаковое. На одномъ изображеніи Вааль-Гаммана, исполненномъ по повелѣнію Массиниссы, руки бога оканчиваются гранатовыми яблоками и виноградными лозами; онъ былъ богомъ плодородія,

умеръ и воскресъ, какъ Адонисъ. Въ его храмахъ можно было видѣть тѣ колонны и тотъ вѣчный огонь, которые, какъ и многое другое, перешли изъ древняго язычества въ христіанскій культъ. Всякій разъ когда тиране основывали колонію, одинъ изъ священниковъ перевозилъ священный огонь изъ храма главнаго города въ новое мѣсто. Впрочемъ, Мелькартъ былъ строгій богъ. Греки, создавая своего Геркулеса по его подобію, смягчили и очеловѣчили его характеръ, какъ вообще очеловѣченіе страшныхъ божествъ другихъ культовъ составляетъ не послѣднюю заслугу грековъ. Онъ требовалъ человѣческихъ жертвъ. Такою же была и его супруга Астарта, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ библейской Ашерой. Астарта была мрачная богиня моря, мрака, смерти.

Этимъ богамъ приносились въ жертву преимущественно дѣти, особенно дѣти наиболѣе любимыя родителями, первородные или единственные сыновья. Замѣна ихъ рабами или военноплѣнными не допускалась. Родители должны были присутствовать при сожженіи своихъ любимцевъ. Строжайшее наказаніе грозило тому, кто осмѣлился бы открыто выказать свое горе или состраданіе, а дабы не были слышны ужасные крики дѣтей, сожженіе сопровождалось дикими звуками флейтъ и бубенъ.

Этотъ гнусный культъ былъ перенесенъ и въ Карфагенъ. Съ возвышеніемъ умственнаго уровня пробовали обходить подобныя требованія страшнаго религіознаго безумія. Но тогда начались несчастія. Діодоръ, разсказывая о бѣдствіяхъ карфагенянъ, говоритъ: «Гнѣвъ Кроноса они считали причиной своего несчастья. Потому что прежде они жертвовали ему дѣтей знатнѣйшихъ семействъ, а съ нѣкоторыхъ поръ они стали тайно покупать мальчиковъ на сторонѣ, воспитывать ихъ, а потомъ отдавать въ жертву. Когда же они увидѣли непріятеля у своихъ стѣнъ, то почувствовали угрызеніе совѣсти, оттого что отступили отъ культа своихъ отцовъ (!), и въ искупленіе того пожертвовали государству 200 мальчиковъ изъ самыхъ знатныхъ семействъ. Тѣ, которые чувствовали себя виновными, добровольно приводили своихъ дѣтей; ихъ набралось не менѣе 300». Даже постъ взятія Карфагена римлянами, несмотря на строгое воспрещеніе человѣческихъ жертвъ, послѣднія еще долго продолжались въ этихъ мѣстностяхъ.

Въ Карфагенѣ открыты также наглядные слѣды культа богини Танитъ, подъ именемъ которой почитали сидонскую и сирійскую Астарту. Богиня эта считалась строгой и воинственной дѣвственницей; греки ставили ее рядомъ со своей богиней Афиной и Артемидой. Танитъ олицетворяла небо ночи и холода и, въ частности, луну. Она изображалась то съ коровьей, то съ рогатой человѣческой головой, подъ именемъ Астарты-Карниамъ, т. е. рогатой.

Кромѣ этихъ перворазрядныхъ божествъ, финикіяне почитали еще много другихъ—низшихъ классовъ. Въ надписяхъ сохранились нѣсколько такихъ именъ, къ сожалѣнію, почти безъ всякихъ поясненій. Между ними встрѣчаются: Шеменъ, богъ солнца, съ длинными волосами, теряющій свою силу, когда ему обрѣзаютъ волосы

(Самсонъ); рѣчные боги Вааль, Тамаръ и Кисонъ и горные духи Пнѣэль, Казій и др.

Женскія божества всегда подчинены мужскимъ. Даже Танитъ — только сколокъ съ Вааль-Гаммана. Въ противоположность Ниневии, Эфесу и другимъ мѣстамъ, гдѣ царили женскія божества, Финикія какъ бы составила переходъ къ иудейскому культу, который всю мощь сконцентрировалъ въ мужскомъ божествѣ. Тѣмъ не менѣе женскія божества были весьма популярны, — можетъ быть, потому, что онѣ, какъ обладающія меньшею силою, какъ бы стояли ближе къ людямъ, нежели главныя боги.

Тиле указываетъ на многія общія черты въ культурахъ финикийскомъ и древне-иудейскомъ (до повсемѣтнаго признанія Иеговы). Однако и египетскій культъ оказывалъ сильное влiяние на финикийскій. Въ Испаніи нашли надписи, изъ которой видно, что Гарпократь (Гар-пе-крути—Горь-дитя) почитался въ числѣ финикийскихъ боговъ. Устройство храмовъ, одѣяніе жрецовъ и многое другое прямо заимствовано изъ Египта. И евреи, и финикийцы жертвовали божеству первенцовъ скота и первые плоды. И тѣ и другіе произвели имена собственныхъ отъ имени боговъ. Напр., Ганнибалъ означаетъ «милость Ваала», т. е. господина.

Въ дѣлахъ управленія государствомъ финикийскіе жрецы пользовались большимъ влiяніемъ. Въ силу своего духовнаго сана, верховный жрецъ Вааль-Мелькарта въ Тирѣ былъ объявленъ въ то же время и суффетомъ или верховнымъ судьей. Такъ называемые цари (права которыхъ, впрочемъ, еще не вполне выяснены) во многихъ отношеніяхъ зависѣли отъ жрецовъ. Эти же, какъ кажется, происходили изъ аристокраціи, которая, вѣроятно, и составляла основу всего государственнаго зданія. У караегянъ жрецы, по видимому, пользовались гораздо меньшею политическимъ влiяніемъ, нежели у ихъ прародителей, финикийцевъ, — по крайней мѣрѣ, въ дошедшихъ до насъ извѣстіяхъ о періодѣ борьбы Рима съ Караегеномъ мы не видимъ такого господства жрецовъ; скорѣе спорили между собой изъ-за первенства аристократическій и демократическій элементы; Гамилькаръ и Ганнибалъ опирались на послѣдній.

Если смотрѣть на религію финикийцевъ съ философской точки, то можно прити въ ужасъ какъ отъ безправственности культа, такъ и, въ особенности, отъ ужаснаго, варварскаго закланія живыхъ людей. Въ виду этого явленія, невольно напрашивается мысль объ облагораживающемъ влiяніи культа Иеговы и затѣмъ христіанства. На этой точкѣ и стоитъ ученый и гуманный Тиле. Тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться съ Лукреціемъ, припоминая его слова: *Tantum religio potuit suadere malorum!*

Въ дикомъ, звѣроподобномъ состояніи человѣкъ, очевидно, не имѣлъ вообще понятія о томъ, что мы называемъ религіей. Оттого онъ и не приносилъ въ жертву своихъ соплеменниковъ или любимѣйшихъ дѣтей. Но вотъ началось дальнѣйшее развитіе, обращеніе человѣка-звѣря въ то, что мы признаемъ человѣкомъ. Занялась заря разума. Но, съ одной стороны, страхъ, съ другой — своекорыстіе отдѣльныхъ лицъ повели къ учрежденію первобытнаго культа.

Силы природы, въ ихъ благотворномъ или губительномъ дѣйствіи, вели повсемѣстно къ установленію религій. Природа и, главнымъ образомъ, солнце развертывали свою неодолимую мощь всегда въ двухъ направленіяхъ: вызывая къ жизни и уничтожая; оно оплодотворяло землю, но оно же, своими иссушающими лучами, въ жаркихъ климатахъ, приносило смерть. Или зима сковывала все, весеннее солнце вновь пробуждало къ жизни всю природу; она праздновала свое воскресеніе и солнце было ея избавителемъ. Съ этой точки зрѣнія выводы Тиле служатъ только дальнѣйшимъ подтвержденіемъ основной мысли Дюпюи, имъ самимъ же обстоятельно развитой/

Замѣчались еще и другія явленія: сильный человѣкъ неизлѣчимо заболѣвалъ безъ всякой видимой причины, другой умиралъ вдругъ, не будучи раненъ. Тутъ дѣйствовалъ невидимый врагъ, котораго нельзя было одолѣть сѣкирой; отъ этого страхъ увеличивался. Его старались задобрить принесеніемъ въ жертву самага драгоценнаго. И божество нельзя было обманывать. Жертвовали не больныхъ и несчастныхъ дѣтей, а красивѣйшихъ и здоровѣйшихъ, любимцевъ родителей, первенцовъ или единственныхъ сыновей.

Вышеприведенныя замѣчанія достаточно объясняютъ самое возникновеніе первыхъ религій. Причины этого возникновенія кроются не столько въ абсолютной слабости человѣческой природы, сколько въ первобытномъ невѣжествѣ. Этимъ объясняется также, почему древніе египтяне обоготворяли крокодиловъ и почему туземцы Суматры не убиваютъ тигровъ; по той же причинѣ іезиды и понинѣ еще молятся дьяволу.

Когда еще приносились человѣческія жертвы, въ комъ-нибудь изъ лицъ, у которыхъ отнимали любимое дитя, особенно единственнаго сына, и отдавали на сожженіе въ честь бога,—въ комъ-нибудь изъ такихъ лицъ, безъ сомнѣнія, возникала мысль, что жертва эта не нужна, что она ужасна, возмутительна. Но, по традиціонной привычкѣ, такія мысли являлись весьма рѣдко и укрѣплялись медленно. Толпа обыкновенно увлекаетъ отдѣльныхъ людей. Тиле самъ указываетъ на примѣры изъ народной жизни его отечества. На голландской ярмаркѣ можно наблюдать заражающее дѣйствіе толпы на отдѣльныхъ лицъ. Женщины этого народа, круглый годъ въ высшей степени флегматичнаго, рѣшительно ничего не выпивъ, ведутъ себя точно пьяныя и въ такомъ видѣ принимаютъ участіе въ общемъ гвалтѣ. Такъ было и съ родителями, которые вполне понимали ужасное безуміе жертвоприношенія дѣтей,—въ виду толпы, фанатизированной жрецами, доведенной ими до крайняго возбужденія,—они сознавали полную невозможность избѣжать традиціонныхъ гнусностей. Чѣмъ знатнѣе и богаче были люди, тѣмъ болѣе они привлекали вниманіе всѣхъ; высокое положеніе и богатство въ этомъ случаѣ доставляли имъ ужасный *privilegium odiosum*. Принесеніе въ жертву ребенка простаго человѣка не имѣло того значенія и дѣйствія, какое имѣло принесеніе въ жертву сына высокопоставленнаго лица. Общественный эгоизмъ,—такъ при-

Но финикияне, благодаря своимъ социальнымъ учреждениямъ, достигли не только благосостоянія, но и матеріальной силы. Иначе какъ бы они, при небольшомъ пространствѣ ихъ страны, могли оказывать столь упорное сопротивление завоевателямъ? Если даже не придавать особеннаго значенія повѣствованію, по всей вѣроятности, преувеличенному, о тридцатилѣтней осадѣ Тира Небукаднезаромъ, то все же намъ извѣстно, что тотъ же городъ подвергся семимѣсячной осадѣ со стороны Александра Македонскаго, который, несмотря на всѣ свои силы, ничего бы не добился, если бы не помогли ему раздоры самихъ финикиянъ, такъ что финикійскіе корабли сами явились причиной паденія перваго (быть можетъ, подчасъ и надменнаго) города государства. (См. интересное описаніе этой осады у Арріана и Діодора).

Финикияне были однимъ изъ немногихъ народовъ, гибель которыхъ, сколько извѣстно, послѣдовала не отъ дурной внутренней организаціи по преимуществу. Паденіе Финикіи почти исключительно зависѣло отъ силы внѣшнихъ обстоятельствъ. Для того, чтобы дѣлать полнымъ успѣхомъ сопротивляться персамъ или македонянамъ при Александрѣ, нужны были болѣе обширные матеріальныя ресурсы, чѣмъ тѣ, какими располагала маленькая страна, даже если бы въ ней было больше единства, тѣмъ болѣе, что колоніи не хотѣли или не могли оказать ей дѣятельную помощь. Финикияне сумѣли отъ себя отвести грозу, надвигавшуюся со стороны Персіи, и отклонить ея дурныя послѣдствія: они какъ бы добровольно покорились ей и ежегодной данью спасли существованіе своихъ внутреннихъ порядковъ, за исключеніемъ, правда, политическаго значенія ихъ федеративнаго союза. Но когда разразилась буря, которая при Александрѣ, и еще болѣе послѣ его смерти, опустошила весь востокъ, тогда паденіе финикиянъ, какъ самостоятельной націи, было неизбежно.

Карѳагеняне.

Источники. Къ сожалѣнію, до насъ не дошло ни малѣйшаго отрывка изъ какого-либо историческаго труда, составленнаго карѳагеняниномъ. Только отъ грековъ и римлянъ дошли до насъ свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ народѣ, столь важномъ въ культурно-историческомъ отношеніи. Но эти иностранныя писатели говорятъ о Карѳагенѣ лишь настолько, насколько ихъ собственныя націи приходили въ прямое соприкосновеніе съ нимъ. А такъ какъ сношенія эти были, по большей части, враждебныя, то и развилась національная ненависть, которая мѣшала безпристрастной оцѣнкѣ. Поэтому мы имѣемъ только одностороннее описаніе политической исторіи Карѳагена, и данныя объ ихъ внутреннихъ порядкахъ, особенно объ ихъ государственномъ устройствѣ, тѣмъ болѣе недостаточны и ненадежны, что греки и римляне почти лишены были способности понимать чуждыя имъ воззрѣнія и учрежденія. Къ тому же только одинъ Полибій былъ современникомъ описываемыхъ имъ собы-

тій. (Онъ участвовалъ въ одномъ походѣ противъ кароагенянъ; но изъ написанныхъ имъ 40 книгъ до насъ дошли только не болѣе пяти). Всѣ остальные писатели жили, по меньшей мѣрѣ, полтора столѣтія спустя послѣ полнаго уничтоженія кароагенскаго государства: таковы Діодоръ и Ливій; еще позднѣе писали Аппіанъ, Юстинъ и Плутархъ.

Во всякомъ случаѣ, Кароагенъ былъ такъ могуществененъ и такъ сильно влиялъ на исторію развитія человѣчества, что представляеть картину процвѣтанія и величія, рѣдкую въ исторіи другихъ государствъ древности.

Обзоръ исторіи Крѣпавый споръ въ одной семьѣ суфетовъ въ Тирѣ пригнулъ одну партію къ переселенію на сѣвероафриканское побережье. Это было въ 860 г. (по другимъ свѣдѣніямъ, въ 880 или 820 г.). Дядона или Элиса, послѣ того какъ ея супругъ былъ умерщвленъ ея братомъ, Пигмаліономъ, съ нѣсколькими тирянами покинула родину и основала городъ Кароагенъ (Картагдта, г. е. «новый городъ») на томъ мѣстѣ, гдѣ еще прежде финикіяне дважды устраивали поселенія, которые, однако, просуществовали недолго. Съ возникновеніемъ города связаны мнѣгочисленныя преданія. Во всякомъ случаѣ, онъ долго оставался ничтожнымъ и платилъ дань сосѣднимъ дикимъ ордамъ. По отношенію къ метрополю Тиру онъ находился въ томъ же положеніи зависимости. Не только ежегодно посылались туда жертвы отечественнымъ богамъ, но также и десятая часть военной добычи.

Скоро, однако, сказался завоевательный духъ. Едва прошло 60 лѣтъ послѣ основанія Новаго города (Кароагена), какъ онъ подчинилъ себѣ южную часть Сардиніи (см. у Масперо). Но только съ паденіемъ Финикіи началось цвѣтущее состояніе Кароагена. Городъ окрѣпъ, измѣнились отношенія къ сосѣднимъ дикимъ ордамъ; эти, въ свою очередь, платили дань Кароагену, а послѣ того какъ метрополю потеряла свою самостоятельность, другіе города сѣверной Африки также примкнули къ своему болѣе сильному сродичу. Кароагенъ могъ спокойно развиваться—могущество грековъ не мѣшало ему, такъ какъ оно было направлено главнымъ образомъ на востокъ или ослаблялось внутренними раздорами. Духъ древнихъ финикіянь продолжалъ жить въ ихъ потомкахъ и получиль въ нихъ еще большее развитіе. «Кароагенъ представляется намъ въ такомъ видѣ: не имѣя сильныхъ соперниковъ между союзными приморскими городами, большинство которыхъ не были его врагами, Кароагенъ принялъ на себя все бремя, но также и всѣ выгоды торговли азіатскихъ финикіянь; расположенный въ весьма удобномъ мѣстѣ, почти въ центрѣ подвластнаго ему приморья, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь къ завоеванію и господству, онъ пренебрегъ прежней политикой, онъ уже не думаетъ упрочить свое вліяніе путемъ мирныхъ сношеній съ народами, а ищетъ величія въ завоеваніяхъ, которыя бы обезпечили его торговлю» *).

*) Лелевель, «Торговля сношенія финикіянь, кароагенянъ и грековъ».

Такимъ образомъ, картагеняне не только положили начало своей торговлѣ, заключая торговые договоры (первый торговый договоръ съ Римомъ въ 509 г. до Р. Х.), но и подчинили себѣ всѣ острова въ западной половинѣ Средиземнаго моря, въ особенности Сардинію, Корсику и Балеарскіе острова, и стали твердою ногой даже въ Сициліи.

Второй періодъ исторіи Картагена начинается съ первой войны съ Сиракузами и продолжается до начала борьбы съ Римомъ, отъ 480 до 264 г. до Р. Х. Стремленіе картагенянъ подчинить себѣ Сицилію вовлекло ихъ въ продолжительныя кровавыя войны. Имъ пришлось имѣть дѣло не только съ туземцами, но, еще гораздо болѣе, съ греками, которые упорно защищали свои колоніи на этомъ островѣ. Хотя ихъ безпрестанно побѣждали, картагеняне являлись каждый разъ съ свѣжими войсками, а такъ какъ силы грековъ постепенно падали, а между сицилійцами искони не было согласія, то африканцы, безъ сомнѣнія, остались бы въ концѣ концовъ, побѣдителями, если бы на театрѣ войны не появился новый народъ.

Такимъ образомъ, мы дошли до третьяго періода, до римско-пуническихъ войнъ, обнимающихъ собой время отъ 264 до 146 г. до Р. Х. Слабѣйшая партія сицилійцевъ искала помощи у римлянъ, могущество которыхъ какъ разъ въ это время возрасло. Началась первая пуническая война. Черезъ 23 года, послѣ того какъ счастье много разъ было то на одной, то на другой сторонѣ, война окончилась тѣмъ, что картагеняне должны были уступить Сицилію и, кромѣ того, заплатить Риму крупную военную контрибуцію. Но хуже всего было то, что кончилось ихъ исключительное господство на морѣ, такъ какъ ихъ противники получили и здѣсь перевѣсъ надъ ними (264 до 241 г.).

За этой неудачей послѣдовали дальнѣйшія бѣдствія. Разстройство государственнаго организма, въ особенности финансовъ, въ Картагенѣ привело къ возстанію наемныхъ солдатъ, которыми не могли заплатить жалованья. Это возмущеніе приняло широкіе размѣры и кончилось только черезъ 3 года и 4 мѣсяца упорной борьбы варварскимъ, кровавымъ истребленіемъ многихъ тысячъ недовольныхъ. Внутреннія силы Картагена были теперь еще болѣе ослаблены; когда римляне нашли новый предлогъ къ войнѣ, пуниціы были вынуждены купить продленіе мира уступкою Сардиніи. Съ этого времени они старались вознаграждать себя за эти тяжелыя потери завоеваніями въ богатой серебряною рудою Испаніи.

Въ это время выдвинулось семейство Барка. Великій Гамилъкаръ Барка не только составилъ планъ распространенія картагенскаго владычества въ Иберіи (Испаніи), но и началъ съ успѣхомъ приводить его въ исполненіе. Его зять Газдрубалъ продолжалъ это дѣло, а его сынъ Ганнибалъ, еще болѣе великій, докончилъ его.

Римляне смотрѣли съ завистью и тайнымъ опасеніемъ на вновь возрастающее могущество картагенянъ и возымѣли намѣреніе остановить дальнѣйшее расширеніе ихъ владычества въ Испаніи. Это и

повело впоследствии ко второй пунической войнѣ (отъ 218 до 201 г.). Молодой герой Ганнибалъ отважно перешелъ черезъ Пиренеи и Альпы, и, несмотря на то, что и побѣды и трудности похода уменьшили его войско до небольшого отряда, а отечество, въ которомъ господствовала партія завидовавшихъ его величію и недвольныхъ имъ плутократовъ, не присылало подкрѣпленія, все-таки цѣлыхъ 15 лѣтъ держался въ Италіи и не разъ приводилъ Римъ на край гибели. (Битвы на Тицинѣ, Требиѣ, у Тразименскаго озера и при Каннахъ). Но стойкость римлянъ оказалась непоколебимой. Когда они сами, подъ предводительствомъ Сципіона, сдѣлали смѣлое нападеніе на Африку, Ганнибалъ, хотя и не побѣжденный, долженъ былъ оставить страну, гдѣ прославилъ себя подвигами. Битва при Замѣ рѣшила участь Карфагена, какъ рѣшила бы участь Рима битва при Каннахъ, если бы Ганнибалъ получилъ энергичную поддержку отъ своихъ соотечественниковъ. Карфагенъ потерялъ не только все свои владѣнія за предѣлами Африки, но и свою самостоятельность; онъ долженъ былъ отдать свои военные корабли и не могъ начинать войны безъ разрѣшенія Рима. Если кто-нибудь могъ еще поднять государство, то только Ганнибалъ, величайшій изъ сыновъ Карфагена; даже по свидѣтельству его противниковъ, — а мы не имѣемъ о немъ другихъ извѣстій, — это былъ одинъ изъ гениальнѣйшихъ людей всемирной исторіи. Но интриги его противниковъ, аристократической партіи въ Карфагенѣ и римлянъ, принудили его бѣжать изъ родного города. Преслѣдуемый низкими замыслами своихъ смертельныхъ враговъ, онъ былъ, однако, выше своего несчастья и достойно окончилъ жизнь добровольной смертью (въ 183 г.). Тѣмъ временемъ Карфагенъ, цѣною всечeskихъ униженій и притѣвленій, старался сохранить миръ, — но все усилія были напрасны. Ненависть римлянъ прекратилась только съ истребленіемъ Карфагена, послѣ отчаяннаго боя и геройской защиты, что и было кровавымъ концомъ третьей пунической войны (149—146 г. до Р. Х.). (См. отдѣлъ «Римляне»).

Государственное устройство. Хотя государственной строй Карфагена, какъ и Финикіи, имѣлъ своимъ основаніемъ торговлю, но онъ получилъ здѣсь совершенно иное развитіе. Здѣсь не существовало федерации различныхъ общинъ въ свободномъ единеніи, какъ въ метрополіи; вся власть принадлежала одному городу. Поэтому поселенія карфагенянъ за границей не пользовались самостоятельностью, подобно финикійскимъ, а были просто владѣнія метрополіи, всегда и во всехъ важныхъ дѣлахъ зависимыя отъ нея и существующія только для ея пользы.

Эти отношенія обусловливали собой еще другое, болѣе глубокое, различіе. Карфагенъ проявилъ завоевательныя стремленія; поэтому онъ долженъ былъ сдѣлаться военнымъ государствомъ, несмотря на то, что торговля была первымъ источникомъ его могущества. Богатство облегчало всегда возможность нанимать любое число солдатъ; уронъ войскъ былъ нечувствителенъ, пораженія скоро забывались. Карфагеняне часто проявляли широту мысли и зоркій, смѣлый взглядъ, мужество и стойкость; но нерѣдко они подава-

лись и узкимъ торговымъ интересамъ; преувеличивая значеніе этихъ интересовъ, они мало обращали вниманія на развитіе воинственнаго духа въ своемъ народѣ. Слѣдствіемъ этого явилась изнѣженность и то близорукое, мнимое благоразуміе, которое въ критическіе моменты заботилось болѣе объ отклоненіи непосредственной бѣды, нежели объ устраненіи самаго источника опасности. Потому-то гениальный Ганнибалъ, носитель битвы при Каннахъ, напрасно требовалъ новаго проявленія энергіи, которое дало бы ему возможность нанести рѣшительный ударъ завистливому Риму; потому-то ему, побѣдителю, и пришлось напрасно просить о подкрѣпленіи: война и безъ того уже стоила тяжелыхъ жертвъ; сильная партія требовала мира, не предвидя, что этимъ облегчалось непріятелямъ вторженіе въ самую Африку и что это поведетъ за собой не миръ, а погибель всего государства. Когда, послѣ битвы при Замѣ, побѣдители диктовали условія мира, меркантильный духъ Карфагена сказался въ томъ, что жители его отнеслись спокойно и равнодушно къ уводу слоновъ и сожженію военныхъ судовъ; они надѣялись, что теперь настанетъ давно желанное спокойствіе; но когда надо было достать денежные средства для уплаты наложенной Римомъ контрибуціи, и для этого потребовались новые налоги, тогда капиталисты возопили и приуныли. Съ сердцемъ, обливающимся кровью, гласить преданіе, хотеть надъ ними Ганнибалъ: «Если бы вы поддержали меня хотя бы небольшою частью вашихъ теперешнихъ жертвъ, въ то время когда я воевалъ въ Италіи, говорилъ онъ имъ, врагъ не явился бы въ Африку, а плакать вамъ нужно было тогда, когда жгли ваши корабли и лишили васъ возможности продолжать войну». Въ концѣ концовъ никакое мужество и отчаяніе уже не могло болѣе спасти Карфагена.

Хотя Карфагенъ и поставилъ себѣ военныя цѣли, но, какъ мы уже сказали, онъ велъ войны съ помощью наемныхъ войскъ, жертвовалъ чужою кровью. Жадные до грабежа и битвъ, кочевыя орды сѣверной Африки доставляли имъ всегда достаточный матеріалъ. Другой контингентъ войска составляли покоренныя племена, а въ случаѣ необходимости вооружали и рабовъ. Только наименьшую часть войска составляли граждане Карфагена; въ числѣ 70000 воиновъ ихъ было (по крайней мѣрѣ, въ одномъ извѣстномъ случаѣ) только 2500. Поэтому даже наиболѣе крупныя пораженія (напр., въ Сициліи) не были особенно чувствительны для государства. Подъ конецъ и экипажъ флота состоялъ по преимуществу изъ иноземцевъ. Понятно, что все это были важныя недостатки, лежавшіе въ самой основѣ карфагенскаго государства. Но они были не единственными.

Вышеизложенныя условія приводили къ необдуманнѣйшимъ войнамъ. Затѣмъ слѣдовали опасныя возстанія наемниковъ. Карфагеняне знали превосходство грековъ въ походахъ, а потому не довѣряли имъ, такъ какъ боялись, что греки свое превосходство употребятъ ко вреду государства и станутъ опасными ему. Поэтому грековъ принимали на службу только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и отпускали при первой возможности.

Народъ съ такимъ политическимъ укладомъ не могъ долго противостать дѣйствительно воинственнымъ римлянамъ. Вооружить всѣхъ гражданъ, какъ въ Римѣ, Каррагеніанамъ не приходило въ голову.

Каррагенская національность, по существу, всегда ограничивалась однимъ городомъ. Этотъ городъ, по римскимъ извѣстіямъ, имѣлъ въ окружности 5 миль и народонаселеніе въ 700000 душъ. Затѣмъ онъ владѣлъ 300 колоній. Но обитатели поствднихъ не пользовались высшими гражданскими правами, они не участвовали въ прибылкахъ отъ завоеваній. Поэтому мы и не встрѣчаемъ въ колоніяхъ настоящаго патриотизма и готовности къ жертвамъ на пользу метрополи. Она оставалась изолированной.

Форма правленія въ Каррагенѣ была республиканская, — вѣроятно, на началахъ олигархіи. Высшіе сановники, суффеты*), избирались народомъ на опредѣленный срокъ и пользовались весьма ограниченной властью**). Государственными дѣлами завѣдывалъ сенатъ. Какъ кажется, новые проекты могли быть представляемы на рѣшеніе народнаго собранія только съ согласія суффета. Народное собраніе рѣшало, вѣроятно, вопросы о войнѣ и мирѣ, утверждало договоры и утверждало законы.

На ряду съ сенатомъ существовалъ еще родъ государственнаго судилища, совѣтъ ста или ста четырехъ, долженствовавшій охранять свободу государства отъ чрезмѣрнаго вліянія отдельныхъ лицъ и наблюдать за охраною существующаго порядка. Подобно тому какъ это было впоследствии въ Венеціи, это судилище злоупотребляло дарованной ему властью съ страшной жестокостью. Военачальники, потерпѣвшіе неудачу, предпочитали сами лишать себя жизни, чтобы не оправдываться передъ этимъ судомъ; имущество, честь и жизнь гражданъ — ничто не было защищено отъ произвола ста четырехъ. «Кто оскорбилъ одного изъ нихъ, тотъ имѣлъ врагами всѣхъ ихъ, а у раздраженныхъ судей не было недостатка въ доносчикахъ» (Ливій). По окончаніи второй пунической войны, Ганнибалъ, къ большой радости народа, свергнулъ эту ненавистную олигархическую коллегію.

Чтобы предотвратить узурпацію высшей власти со стороны суффетовъ, власть главнокомандующаго войсками была отдѣлена отъ ихъ сана; обыкновенно полководцевъ назначалъ сенатъ. Фактъ тотъ, что ни одному суффету никогда не удавалось, хотя бы не надолго, присвоить себѣ царскую власть.

Всѣ остальные государственныя учрежденія опирались на ту же демократическую основу. Повидимому, въ Каррагенѣ не было потомственнаго дворянства. Однако отдельные фамиліи получали временно большое вліяніе благодаря тому, что соединяли высокіе таланты съ значительнымъ богатствомъ, и тогда нѣкоторые

*) Подлинно не извѣстно, былъ ли одинъ суффетъ или ихъ было нѣсколько.

**) Уже по этому видно, что греческіе писатели употребляютъ неправильное выраженіе, называя суффета Βασιλεύς — царемъ; Ливій говоритъ, что это была «должность въ родѣ нашихъ консуловъ».

члены фамилии занимали поочередно высшія должности въ государствѣ—должность суффета и въ особенности главнокомандующаго.

Что касается нравственности караагенянъ, то они отличались обычными пороками восточныхъ народовъ. Семитическое происхождение и богатство этого торговаго народа привели его къ крайней роскоши. *Punica fides* (пуническая вѣрность) вошла въ поговорку, и римляне не находять выраженій для изображенія вѣроломства этого народа. Но—именно въ этомъ отношеніи и нельзя придавать слишкомъ большаго значенія свидѣтельству враговъ, особенно въ виду образа дѣйствій самихъ римлянъ. Стоитъ только вспомнить событія, лежація между 2-й и 3-й пунической войною, въ томъ видѣ, какъ они описаны римскими писателями, когда римляне нарушали одинъ за другимъ договоры, скрѣпленные клятвою. Собственные клятвонарушенія прикрывались обвиненіемъ противниковъ. Если бы римляне имѣли достаточно силы покорить Караагенъ въ первую же войну, подобно тому, какъ они покоряли другія, болѣе слабыя государства, то мы, вѣроятно, мало или ничего бы не узнали о «пунической вѣрности». Сильное сопротивленіе караагенянъ въ борьбѣ за свое существованіе, а не развратность ихъ давала поводъ римлянамъ къ такой хулѣ.

Въ отношеніи религіи караагеняне отличались терпимостью къ чужимъ вѣроученіямъ, подобно всѣмъ вообще торговымъ народамъ, въ особенности признающимъ многобожіе. Такъ, намъ извѣстно, что они для своихъ подданныхъ ввели въ Сициліи служеніе Церерѣ и, по этому поводу, даже отправили посольство къ дельфійскому оракулу (Діодоръ).

Ихъ собственный культъ—тотъ же, что и финикійскій—былъ, однако, варварскій въ высшей степени и соединялся съ человѣческими жертвоприношеніями*).

Хотя отдѣльныя временныя правительственныя распоряженія тормозили развитіе образованности (такъ, напр., время отъ времени издавалось запрещеніе изучать греческій языкъ), но въ общемъ свободныя учрежденія и сношенія съ чужими народами способствовали духовному развитію народа. Караагеняне имѣли свою литературу уже въ то время, когда у римлянъ не было еще ни одного сколько-нибудь извѣстнаго писателя. Послѣ паденія Караагена, всѣ найденныя бібліотеки побѣдители подарили туземнымъ князьямъ. Впрочемъ, одно караагенское произведеніе, именно сочиненіе суффета Магона, удостоилось перевода на латинскій языкъ, по распоряженію правительства (Плینیи). Оно написано въ VI вѣкѣ до Р. Х. и, какъ видно изъ сохранившихся отрывковъ, касалось всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства—земледѣлія, садоводства и скотоводства. Особенно можно сожалѣть объ утратѣ историческаго труда Филина, описавшаго войны Рима съ его роднымъ Караагеномъ.

*) По словамъ Юстина, Дарій будто бы угрожалъ караагенянамъ войною, если они не перестанутъ приносить въ жертву людей. Но у персовъ не было такихъ гуманныхъ понятій, они сами прибѣгали къ человѣческимъ жертвоприношеніямъ.

Большимъ почетомъ пользовалось занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Знатнѣйшіе граждане гордились своими успѣхами на этомъ поприщѣ. Конечно, самая обработка земли производилась преимущественно рабами, а иногда и военноплѣнными (въ кандалахъ)*).

Вездѣ, гдѣ только песокъ пустыни не препятствовалъ обработкѣ, страна представляла роскошное зрѣлище; вездѣ она походила на цвѣтущій садъ, утопала въ растительности; она орошалась каналами и была застроена великолѣпными загородными домами; Повсюду росли виноградники, оливковыя и фруктовыя деревья; между ними тянулись дуга со стадами рогатаго скота и овецъ; въ низменныхъ мѣстностяхъ находились огромные конскіе заводы. Въ такомъ состояніи нашель эту страну Агаокль, а полстольтія спустя Регулъ со своими римлянами (Диодоръ и Полибій).

Трудно предположить, чтобъ техническія искусства карагенянъ находились на низкой ступени. Между тѣмъ мы не знаемъ ни одной отрасли ихъ, въ которой бы они особенно отличались, за исключеніемъ кораблестроенія. Въ области искусства они не произвели ничего выдающагося. Сами они для своихъ построекъ приглашали греческихъ строителей.

Самую блестящую сторону карагенскихъ предпріятій составляла весьма оживленная торговля. Она велась со всеми прибрежными странами на самомъ западѣ Средиземнаго моря, и даже съ ближайшими африканскими и европейскими странами, лежавшими за Геркулесовыми столбами; напротивъ, къ востоку, морская торговля шла не дальше Сициліи, исключая развѣ Египта. Въмѣстѣ съ морскою торговлею велась значительная сухопутная торговля съ верхнимъ Египтомъ и внутренней Африкой. Карагеняне были, вѣроятно, первыми, которые устроили, для облегченія торговыхъ сношеній, искусственныя дороги.

Главнымъ предметомъ торговли, къ сожалѣнію, были рабы, особенно чернокожіе и корсиканцы. Газдубать во время второй войны съ Римомъ имѣлъ возможность сразу купить 5000 этихъ несчастныхъ (Аппіанъ). Кромѣ того, важнѣйшими предметами торговли были мулы, верблюды, золото, серебро, драгоценныя камни, жемчугъ, пурпуръ, финики, хлѣбъ, соль, шерсть, воскъ, медь, оливковое масло, звѣринныя шкуры и ткани.

Въ тѣсной связи съ торговлею, какъ уже сказано, стояла колонизація. Послѣ покоренія финикіянъ, карагеняне захватили значительную часть ихъ владѣній и колоній и, кромѣ того, основали еще много новыхъ. Число покоренныхъ городовъ было такъ велико, что Агаокль въ короткое время покорилъ 200. Даже тѣ финикійскія колоніи, которыя ранѣе были независимы, въ томъ числѣ и великая Утика, подпали въ большее или меньшее подчиненіе могущественному Карагену. Въ лучшемъ случаѣ оставалась имъ только нѣкоторая тѣнь самостоятельности (такъ, напр., Утика въ тор-

* Сципionъ освободилъ римлянъ, которыхъ Ганнибалъ послалъ изъ Иберіи или Сициліи или даже изъ самой Италиі въ Ливію, гдѣ они, скованные, должны были воздѣлывать нивы. (Аппіанъ).

говыхъ договорахъ съ римлянами является какъ бы самостоятельнымъ государствомъ, хотя она и должна была слѣдовать во всемъ указаніямъ Караегена).

Къ владѣніямъ караегенянь въ африканскаго материка принадлежали уже за 500 — 600 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія: Сардинія, Корсика, Эльба, Мальта и Балеарскіе острова, а въ позднѣйшее время и значительная часть Испаніи. Попытка покорить Сицилію повела, какъ извѣстно, къ несчастной войнѣ съ Римомъ*).

Изъ сказаннаго видно, что колоніи караегенянь никогда не могли стать тѣмъ, чѣмъ были нѣкогда финикійскія, потому что имъ недоставало самостоятельности и свободы. Къ тому же караегеняне мало заботились о насущныхъ потребностяхъ своихъ владѣній. Они хотѣли только извлечь изъ нихъ выгоду податями, эксплуатаціей рудниковъ и торговлей. Ихъ владычество было деспотическимъ. Колонистамъ не дозволялось вести самостоятельную торговлю, такъ какъ вся прибыль отъ нея должна была доставаться на долю метрополи. Принудительныя распоряженія караегенянь касались рѣшительно всего. Краснорѣчивый примѣръ представляетъ Сардинія. Когда караегеняне овладѣли частью этого острова и населили его новыми жителями, они запретили имъ устраивать собственныя хозяйства, приказавъ предметы первой необходимости обмѣнивать на промышленныя издѣлія самихъ караегенянь (Аристотель). Они, по выраженію Лелевеля, словно старались «уничтожить плодородіе острова», искусственно препятствуя пользоваться его естественными богатствами. Впрочемъ, позднѣе, когда Сардинія подпала владычеству римлянъ, она пришла въ цвѣтущее состояніе. Произвольномъ подобнаго рода вполнѣ объясняется, почему караегеняне потеряли всѣ свои владѣнія, безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія. Колоніи не имѣли никакого основанія добровольно бороться за продолженіе ихъ рабскаго существованія, и, такимъ образомъ, Агаоккъ и Регулъ могли сотнями отнимать у караегенянь города въ Африкѣ.

Съ большою заботливостью оберегали караегеняне свои торговыя тайны, приравнивая ихъ къ государственнымъ. Вспомнимъ хотя бы разсказъ о кораблѣ, шедшемъ къ Касситеридамъ, начальникъ котораго, видя, что ему не удастся скрыться отъ преслѣдовавшихъ его римлянъ, направилъ свое судно на подводный камень, чтобъ этимъ погубить и римское судно. За такой подвигъ караегенскому моряку была выдана полная стоимость его корабля. Всѣмъ иностранцамъ воспрещалось, подъ страхомъ смертной казни,

*) Нѣкоторые старые историки говорятъ о какомъ-то важномъ владѣніи караегенянь въ океанѣ, объ островѣ или группѣ острововъ, существованіе которыхъ караегеняне будто бы тщательно скрывали съ тою цѣлью, чтобы, въ случаѣ паденія Караегена, жители его могли найти тамъ безопасное убѣжище и среди океана основать новый Караегень. По весьма основательному мнѣнію Лелевеля, это преданіе основано на фантастическомъ вымыслѣ; дѣло идетъ о маленькомъ, ничтожномъ островкѣ Кернѣ, гдѣ Ганнонъ основалъ колонію.

приставать къ Сардиніи или плавать за Геркулесовы столбы (Стр а б о н ь).

Въ своемъ очеркѣ мы изобразили положеніе карфагенянъ, насколько дозволяли неполныя историческія свѣдѣнія о нихъ. Много остается неяснымъ и темнымъ. Нѣкоторыя обстоятельства напоминаютъ позднѣйшую Венецію, гдѣ условія и политическія учрежденія, повидимому, имѣли много общаго съ пуническимъ городомъ. Венеція была такимъ же торговымъ городомъ, какъ и Карфагенъ; она также пользовалась для своихъ завоеваній наемными войсками и во главѣ ея стояла такая же дальновидная, хитрая, жестокая и деспотичная аристократія. Сколько бы мы ни сожалѣли о паденіи Карфагена, какъ бы мало ни сочувствовали грубымъ, вѣроломнымъ побѣдителямъ его, мы, однако же, понимаемъ вполне, что такой исключительно торговый народъ долженъ былъ покориться воинственному и болѣе устойчивымъ римлянамъ. Къ тому же это была борьба между семитической и арійской расами. Побѣда Карфагена надъ Римомъ не была бы счастьемъ для человечества. Никогда пунійцы не были бы въ состояніи сдѣлать для развитія культуры то, чѣмъ міръ обязанъ ихъ врагамъ.

ЕВРОПЕЙСКІЕ НАРОДЫ.

Греки (Эллины).

Краткій обзоръ историческихъ источниковъ. Относительно древнѣйшей исторіи грековъ первоисточниковъ совсѣмъ не имѣется. Весьма цѣнныя данныя о народной жизни, но не объ историческихъ событіяхъ, находимъ въ пѣсняхъ Гомера. Древнѣйшія, дошедшія до насъ, историческія свѣдѣнія, все-таки, относящіяся къ гораздо позднѣйшему періоду и касающіяся главнѣйше внутренняго быта грековъ, содержатся въ введеніи къ исторіи пелопонесской войны Фукидида. Все, что онъ говоритъ здѣсь, только общіе выводы яснаго, здраваго ума изъ единичныхъ, ему извѣстныхъ, явленій народной жизни.

О блестящемъ періодѣ греческой исторіи дошли до насъ труды нѣсколькихъ современныхъ ему писателей, умныхъ и добросовѣстныхъ; это, дѣйствительно, первоклассные историческіе источники. Ихъ три: 1) Геродотъ. Его трудъ, за который онъ заслужилъ почетное названіе «отца исторіи», заключаетъ въ себѣ описаніе персидскихъ войнъ до битвы при Платеѣ, въ 479 г. до Р. Х., включительно. Просто, безъ всякой торжественности или риторической напыщенности, безъ особенныхъ преувеличеній, но въ то же время одушевленный живымъ патриотизмомъ и сознаніемъ величія и благородства своей задачи, повѣствуетъ онъ въ увлекательномъ разсказѣ о событіяхъ этой шумной эпохи. Мастерское изображеніе характеровъ соединяется въ немъ съ правильнымъ освѣщеніемъ событій. Нельзя равнодушно читать его описанія саламинской битвы и предшествующихъ ей событій. По мѣрѣ развитія разсказа возрастаетъ и интересъ къ нему читателя. 2) Фукидидъ. Это безспорно одинъ изъ первыхъ историковъ въ мѣрѣ по своему безпристрастію и умѣнью разбираться во всѣхъ политическихъ условіяхъ воюющихъ между собой государствъ и отдѣльныхъ партій. Онъ смотритъ на вещи какъ государственнѣйшій человѣкъ. Его описаніе пелопонесской войны, къ сожалѣнію, не доведенное до конца, представляетъ первый образчикъ прагма-

тическаго изложенія исторіи. Фукидидъ безусловно заслуживаетъ довѣрія, исключая развѣ тѣхъ предметовъ, относительно которыхъ въ это время заблуждались, благодаря низкой степени развитія естествознанія и зависѣвшимъ отъ этого религіознымъ предразсудкамъ. 3) Ксенофонтъ. Самый симпатичный изъ всѣхъ греческихъ историковъ, красотою изложенія превосходитъ всѣхъ, не уступая никому въ любви къ истинѣ, но, съ другой стороны, слишкомъ идеалистъ и потому менѣе всестороненъ, чѣмъ Фукидидъ, менѣе способенъ къ полной группировкѣ и къ обстоятельному анализу фактовъ. Его «Элленика» (Греческая исторія) и «Анабазисъ» (Отступленіе)—важнѣйшія сочиненія для изученія позднѣйшихъ эпизодовъ пелопонесской войны до сраженія при Мантиней (отъ 410 по 362 г.).

Здѣсь кѣтати будетъ сдѣлать одно общее замѣчаніе. Даже лучшіе греческіе и римскіе историки не свободны отъ ошибокъ. Мы встрѣчаемъ у нихъ зачастую условности, незнаніе, предразсудки,—однимъ словомъ, то, чего не встрѣтишь ни у одного изъ новѣйшихъ историковъ. Тѣмъ не менѣе они для насъ драгоценны, отчасти даже именно благодаря этимъ ихъ недостаткамъ. Они являются истинными дѣтьми своего вѣка и своего народа, и ихъ чувства и мысли суть мысли и чувства народа, со всеми его преимуществами, но и со всеми его ограниченными познаніями. Поэтому-то они и переносятъ насъ такъ живо въ тѣ времена, отъ которыхъ мы отдѣлены двумя тысячелѣтіями, и представляютъ намъ воочію, безъ всякихъ искусственныхъ приемовъ, все вѣрованія, идеи, заблужденія, стремленія, страсти, добродѣтели и пороки своего народа. Безъ указанныхъ ошибокъ ихъ труды не сохранили бы для насъ ни своей прелести, ни той особенной цѣнности, которая въ нихъ именно и заключается. За упомянутыми историческими первостепенными трудами идутъ разныя сочиненія второго разряда. Изъ нихъ назовемъ прежде всего сочиненія Діодора, которыя для нашего дальнѣйшаго изложенія будутъ гораздо важнѣе, чѣмъ для исторіи народовъ, о которыхъ уже было говорено. Къ сожалѣнію, большая часть написаннаго имъ объ исторіи Греціи утеряна. Затѣмъ слѣдуетъ назвать Плутарха, у котораго есть много драгоценныхъ свѣдѣній, хотя и перемѣшанныхъ сплошь да рядомъ съ вымысломъ. Это былъ человѣкъ съ большими познаніями, но съ еще большимъ легковѣріемъ, жившій при томъ настолько позднѣе своихъ главныхъ героевъ, что не могъ имѣть всегда достовѣрныхъ извѣстій. Еще незначительнѣе Корнелій Непотъ и Юстинъ. У Діодора и Плутарха мы, все-таки, находимъ нѣкоторые несомнѣнно интересные факты, почерпнутые изъ гораздо древнѣйшихъ, утраченныхъ для насъ источниковъ; о послѣднихъ же этого нельзя сказать даже относительно главныхъ событій.

Впрочемъ, не одни только историки, и другіе греческіе писатели имѣютъ для насъ большее или меньшее значеніе. Такъ, напримѣръ, ораторы, драматурги и философы могутъ намъ также служить источниками, особенно по интересующимъ насъ вопросамъ. Было бы слишкомъ долго приводить ихъ всѣхъ и подвергать оцѣнкѣ.

Достаточно будетъ указывать на нихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда придется ими пользоваться.

Обзоръ главнѣйшихъ событій. Все, что рассказы-ваютъ про древнѣйшую исторію Греціи, состоитъ изъ однихъ ми-ѳовъ, безъ всякой исторической подкладки. Возможно, что въ нѣ-которыя поэтическія сказанія и вплетены дѣйствительныя проис-шествія, но въ общемъ вымыселъ рѣшительно преобладаетъ. Од-нако поэтическимъ сказаніямъ, особенно послѣ находокъ Шли-мана, приходится отвести большее мѣсто, чѣмъ имъ удѣлялось до сихъ поръ.

И все же, съ появленіемъ эллиновъ исторія получаетъ во-обще совершенно другое значеніе, чѣмъ до тѣхъ поръ, такъ какъ культура доходить у нихъ до такой высоты, о какой другіе народы и не мечтали. Многие изъ того, что сдѣлали греки, имѣетъ значе-ніе и до сихъ поръ, а въ иныхъ случаяхъ служить даже основой, образцомъ, спуски болѣе чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ. Благодаря элли-намъ средоточіе мировыхъ событій переходитъ изъ Азіи въ Европу. Азіатскій духъ весь углубился и ушелъ въ религіозныя системы; напротивъ того, пробужденный эллинами европейскій духъ привелъ къ созданію философіи, основанной на свободномъ міросозерцаніи. Тамъ—стремленіе къ обрядовымъ формамъ, господствующимъ надъ всею человѣческою жизнью, связывающимъ человѣка и благопріят-ствующимъ деспотизму, здѣсь—стремленіе къ изслѣдованію, про-грессу и свободѣ.

Оносительно древнѣйшаго состоянія грековъ можно только сказать, что это былъ народъ хотя довольно грубый, но сильный, богато одаренный и энергичный. Онъ еще не слотился въ одну націю, отдѣльныя племена не имѣли еще общаго названія. Въ позднѣйшее время древніе греки обозначаются именемъ пелазги; въ троянскую войну особенно выдѣлялись ахеяне и данайцы. Названіе эллиновъ, какъ общее названіе націи, приобрѣло, повиди-мому, свое значеніе въ теченіе VIII вѣка до Р. X.; латиняне, кото-рые познакомились сначала только съ однимъ племенемъ «грековъ», стали обозначать этимъ именемъ всю націю. Затѣмъ въ историче-ское время явилось подраздѣленіе на четыре племени—дорянь, іонингъ, ахеянгъ и этолянгъ; аркадяне, какъ аборигены страны, стояли отдѣльно.

Древнѣйшій извѣстный намъ бытъ грековъ такъ называемаго пелазгическаго и, затѣмъ, героическаго періодовъ напоминаетъ во многомъ бытъ древнихъ германцевъ. Та же дикая удаль и рядомъ необыкновенная воспріимчивость къ выснимъ идеямъ, любовь къ поэзіи, при полномъ почти отсутствіи жизненныхъ удобствъ,— все это, разумѣется, видоизмѣненное сообразно съ климатомъ и дру-гими внѣшними условіями. Какъ древній грекъ, такъ и древній германецъ были всегда вооружены, оба были одержимы страстью къ бродячему образу жизни, оба болѣе всего цѣнили свою свободу; какъ тамъ, такъ и здѣсь вѣдали пѣвцамъ, воспѣвавшимъ подвиги героевъ, причемъ не слѣдуетъ забывать, что ни одинъ народъ не

имѣлъ такой высокопоэтической исторіи героевъ, какъ эллины. Во всякомъ случаѣ, общее арійское происхожденіе сказывается у грековъ и германцевъ разнообразіемъ и сильнѣе, нежели у другихъ народовъ.

Уже въ глубокой древности отдѣльныя племена соединялись для общихъ предприятий, и такъ какъ Эллада съ трехъ сторонъ окружена моремъ, то уже издавна происходили общія морскія экспедиціи. Походъ аргонавтовъ въ отдаленную Колхиду черезъ Эвксинское (Черное) море (яко бы около 1260 года до нашего лѣтосчисленія) принадлежитъ, по своимъ подробностямъ, къ области мифовъ. Но походъ противъ Трои (Иліада) и десятилѣтняя война подъ стѣнами этого города (относится къ 1193—1183 гг. до Р. X.) хотя и извѣстны намъ только въ видѣ поэтической легенды, но имѣютъ историческую подкладку. Но даже если бы все это было созданиемъ поэта, то и въ этомъ случаѣ вліяніе легенды на развитіе эллинизма было бы болѣе сильно, чѣмъ вліяніе обыкновеннаго, дѣйствительнаго похода. Въ этомъ и заключается своеобразная черта греческой жизни въ раннее время, подобную которой мы не находимъ ни у какого народа всемірной исторіи.

Далѣе слѣдовалъ періодъ переселенія, подобно тому какъ это было позднѣе въ древнѣйшей исторіи германцевъ. Съ крайняго сѣвера Греціи племена двигались въ южныя мѣстности, вѣтвенія прежнихъ обитателей. Эти, въ свою очередь, уходили далѣе, частью за море, завоевывать себѣ новыя мѣста жительства. Почти два столѣтія (отъ 1000 до 800 г. до Р. X.) продолжалось это великое переселеніе народовъ, начавшееся такъ называемымъ «возвращеніемъ гераклидовъ», когда, яко бы изгнанные во времена оны изъ своей родины, Пелопонеса, потомки Геракла снова будто бы воротились туда. Вездѣ создавались новыя общины, новыя условія жизни. Было положено основаніе эллинскому строю жизни, какъ мы его знаемъ. Въ особенности же положено было начало колонизаціи. Если до тѣхъ поръ на греческихъ водахъ господствовали финикіяне, если даже этотъ торговый семитическій народъ владѣлъ цѣлымъ рядомъ колоній на эллинской территоріи, то быстрота, съ какою вытѣснялись эти чужеземцы, показываетъ, какъ быстро и сильно развивалась эллинская народность. Это явленіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что превосходство финикіянь заключалось не только въ матеріальной силѣ, но и въ большей образованности; отъ нихъ получили греки азбуку, отъ нихъ же взяли они впервые мѣры объема, вѣса и чеканную монету. Тѣмъ не менѣе не только сами финикіяне скоро совершенно исчезли изъ греческихъ областей, но мы слышимъ также о множествѣ цвѣтущихъ поселеній грековъ въ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ.

Острова Эгейскаго моря и западнаго берега Малой Азіи были совершенно эллинизированы. По побережью Понта Эвксинскаго (Чернаго моря), на западѣ и на югѣ, вездѣ возникли греческія колоніи. Еще болѣе ихъ было въ обширной и богатой Сициліи, гдѣ расцвѣли, напримѣръ, знаменитыя и могущественныя Сира-

кузы. Южная Италия стала «Великой Греціей», съ городами: Кимой въ Средиземномъ морѣ, Сибарисомъ, Кротономъ и Тарентомъ въ заливѣ того же названія. Италійскія колоніи, не уступая своей метрополіи въ культурѣ, превосходили ее богатствомъ. Массимія (Марсель) — также греческая колонія. Даже на сѣверномъ побережьи Африки возникли значительныя поселенія грековъ,—напримѣръ, Кирена и Барка, а въ Египтѣ—Навкратъ. Страсть къ передвиженію пробудила не только охоту къ мореходству и приключеніямъ, но и торговый духъ. Элліны познакомились съ другими народами, съ другими условіями жизни, а это не осталось безъ вліянія на ихъ собственные порядки. Мореплаваніе послужило первымъ могущественнымъ рычагомъ для развитія цивилизаци.

У грековъ, какъ и у другихъ народовъ, VIII столѣтіе до Р. X. особенно обозначено своимъ чрезвычайнымъ прогрессомъ въ области развитія культуры.

Опредѣленное счисленіе времени было установлено введеніемъ олимпіады—праздника жертвоприношеній въ Олимпіи, который повторялся черезъ каждыя четыре года. Начало первой олимпіады соотвѣтствуетъ 776 году до нашей эры; такимъ образомъ, дана первая опорная точка для хронологіи. Но олимпійскій праздникъ имѣлъ еще и другое, высшее національное значеніе: онъ пробуждалъ и поддерживалъ во всѣхъ эллінахъ чувство національнаго единства, духъ солидарности и чувство самосознанія.

Съ развитіемъ культуры измѣнилась у грековъ также и форма правленія. Въ первое время существовала монархія въ самой простой, далеко не блестящей формѣ; потомъ бразды правленія перешли къ аристократіи; образовалась олигархія. Эта послѣдняя должна была, въ свою очередь, уступить мѣсто демократіи (особенно въ городахъ, населенныхъ іоніанцами), тогда какъ у доріанъ власть оставалась въ рукахъ аристократовъ. Такіе перевороты сопровождались, конечно, междоусобіями. Но и тамъ, гдѣ побѣждала демократія, не всѣ жители могли добиться полнаго права гражданства. Довольно указать на то, что во всѣ времена въ цѣлой Греціи существовало рабство.

Съ востока надвигалась гроза, которая сильнѣйшимъ образомъ повліяла на всю дальнѣйшую судьбу Эллады. Уже въ VII вѣкѣ до Р. X. Лидія сдѣлалась сильнымъ государствомъ, и ея цари покорили себѣ, хотя болѣе номинально, всѣ эллінскія колоніи въ Малой Азіи. Персы, болѣе дикіе чѣмъ лидіане, вѣстлѣдствіи побѣдили ихъ и владычество свое распространили и на малоазійскія колоніи грековъ. Персидское владычество было еще безпощаднѣе лидійскаго. Попытка іонійцевъ свергнуть съ себя иго варваровъ не удалась; хотя они вначалѣ дошли до Сарды и сожгли этотъ городъ, но дѣло окончилось полнымъ пораженіемъ іонійцевъ. Финикійяне, давно уже вытѣсненные, какъ мы видѣли, изъ греческихъ водъ морскими силами грековъ, своимъ флотомъ помогли персамъ одержать побѣду. Уже въ то время деспотизмъ сумѣлъ найти могущественное средство для своихъ цѣлей въ возбужденіи національной вражды, въ ожесточеніи одного племени противъ другого. 6 лѣтъ

понадобилось персамъ (499—494 до Р. Х.), чтобы подавить это возстаніе. Аѳиняне, раздраженные тѣмъ, что персидскій царь укрылъ у себя тирана Гипсія, помогли повстанцамъ. Спартанцы же, заботившіеся тогда только о расширеніи своего владычества въ самой Греціи, и какъ разъ тогда занятые войпой съ Аргосомъ, до того времени самымъ могущественнымъ государствомъ Греціи, отказались подать помощь своимъ единоплеменикамъ по ту сторону Эгейскаго моря. Между тѣмъ персидскому царю Дарію данъ былъ поводъ не только отмстить аѳинянамъ, но и распространить быстро возраставшее владычество персовъ также и на Элладу. Въ слѣдующій же годъ, по подавленіи возстанія въ Малой Азіи (493 г.), было снаряжено войско подъ начальствомъ зятя царя, Мардонія (собственно по-персидски Исфендіаръ-Марданшахъ). Покоривъ греческіе города на еракійскомъ Херсонесѣ, войско это вступило въ Македонію. Хотя большой уронъ, понесенный флотомъ у горы Аѳона, а сухопутнымъ войскомъ—отъ нападенія дикихъ туземцевъ, помѣшала дальнѣйшему движенію, но и такъ уже были завоеваны большія области. Слѣдующее за тѣмъ время было употреблено на довершеніе этихъ завоеваній и на приготовленія къ новому походу собственно противъ Греціи. Въ 490 г. экспедиція отплыла изъ Азіи; она состояла изъ большого флота и сухопутнаго войска, силы котораго, по позднѣйшимъ источникамъ, простирались до 100000 ч. пѣхоты и до 10000 конницы. Во главѣ экспедиціи стояли Датисъ и Артафернъ; послѣдній былъ племянникъ Дарія. Изгнанный изъ Аѳинъ тиранъ Гипсій также находился въ войскѣ; варвары хотѣли возвратитъ ему его прежнюю власть. Они вообще систематическй поддерживали тирановъ противъ народа,—такъ, напримѣръ, пизистратидовъ въ Аѳинахъ, Демарата въ Спартѣ и др. Зачастую персы были за одно съ деспотами. Поддерживая маленькихъ тирановъ въ ихъ борьбѣ съ народомъ, они имѣли въ нихъ послушное орудіе, такъ какъ существованіе этихъ тирановъ зависѣло отъ продолженія персидскаго владычества. Инстинктивно маленькіе властители предпочитали быть вассалами далекаго царя, чѣмъ дѣлать какія-либо важныя уступки своему собственному народу. Тогда обезпечивалъ имъ блескъ, доходъ, власть надъ народомъ, тогда какъ вольная община угрожала ихъ господству, устранила возможность ихъ произвола надъ низшими классами—явленіе весьма обычное во всѣ времена.

Прежде всего персы покорили важнѣйшіе Цикладскіе острова, почти безъ сопротивленія, а также многія области сѣверной части материка; изъ нихъ большая часть Беотіи еще до этого добровольно признала власть персидскаго царя. Затѣмъ слѣдовали завоеваніе и разрушеніе Эретріи (на Эвбей), которая должна была особенно испытать на себѣ месть побѣдителей за поддержку, оказанную возмущившимся іонійцамъ, и, наконецъ, высадка персидскаго войска въ самой Атикѣ.

Казалось, что дѣло культуры будетъ проиграно въ этой борьбѣ съ варварами. Спарта, пріобрѣтшая гегемонію надъ греческими государствами, медлила съ своею помощію, да и другія республики,

за исключеніемъ маленькой Платеи (жители которой боялись подчиниться Эивамъ, послѣ того какъ эиванцы признали надъ собой персидское владычество), отступились въ виду полной безнадежности сопротивленія. Но, предоставленные самимъ себѣ, сильно выросшіе политически за послѣднее время, благодаря своимъ свободнымъ учрежденіямъ, и окрѣпшіе въ общинномъ духѣ, афиняне выказали неожиданную силу. Смѣло выступили они всего съ 10000 тяжело вооруженныхъ солдатъ противъ гораздо сильнѣйшаго врага и, подъ предводительствомъ Мильтіада, благодаря побѣдѣ при Маравонѣ (12 сентября 490 г.), спасли не только Грецію, но явились спасителями образованности культуры и свободы вообще*).

Между тѣмъ можно было предвидѣть, что эта блестящая побѣда грековъ никоимъ образомъ не доставитъ имъ спокойствія и безопасности, а, напротивъ, повлечетъ за собой новое нападеніе соединенныхъ несмѣтныхъ полчищъ персовъ, стремившихся къ покоренію вселенной. Геніальный духъ Эемистокла понималъ положеніе дѣла; ему было ясно, что Греція будетъ покорена, если война будетъ вестись, какъ первый разъ, на одной сушѣ; только организація флота обѣщала возможность спасенія. Онъ былъ созданъ вопреки мнѣнію бережливаго Аристиды, и этимъ положено было основаніе возвышенію Аѳинъ надъ всѣми прочими государствами Эллады.

Къ счастью для грековъ, различныя обстоятельства, особенно же отчаянное возстаніе египтянъ противъ персовъ и затѣмъ смерть Дарія, замедлили новое нападеніе на Элладу и тѣмъ самымъ дали необходимое время афинянамъ увеличить и усовершенствовать свой флотъ. Только черезъ 10 лѣтъ (480 г.) появился въ Греціи новый персидскій царь Ксерксъ, самъ во главѣ огромнаго морского и сухопутнаго войска. Разные претенденты на престолъ не только изъ Аѳинъ, но и изъ Спарты сопровождали войско и обѣщали содѣйствіе персамъ на родинѣ со стороны своихъ приверженцевъ. Геродотъ перечисляетъ народы, которые, подчинившись скипетру персидскаго царя, должны были примкнуть къ его войску. Онъ считаетъ,

*) Побѣда вовсе даже не стоила особенно большихъ жертвъ. Мильтіадъ, хорошо знакомый съ состояніемъ персидскихъ войскъ и ихъ тактикою, сумѣлъ такъ удачно воспользоваться обстоятельствами, что, по словамъ Геродота, число павшихъ афинскихъ гражданъ было не болѣе 192 (изъ 9000 тяжело вооруженныхъ); къ этому, конечно, надо прибавить раненыхъ, число которыхъ намъ не извѣстно, уронъ вспомогательнаго корпуса платейнъ (состоявшаго изъ 1000 чел.) и убитыхъ рабовъ. Потеря персовъ простиралась до 6400 человекъ. Но не число убитыхъ, а результаты, къ которымъ привела эта битва, показываютъ ея значеніе. Что наполеоновскій имперскій графъ Гобино пытается умалить значеніе эллинства и всѣхъ его подвиговъ, объ этомъ уже упоминаю въ исторіи персовъ. Подобныя нападки столько же понятны, сколько совершенно безразличны. Ради ближайшаго съ ними знакомства (и ради смѣха) упомянемъ здѣсь еще, что Гобино именно битву при Маравонѣ характеризуетъ какъ «безсмысленное и несчастное» предпріятіе (*une échauffourée et rien de plus*); по его мнѣнію, греки были разбиты; въ крайнемъ случаѣ можно же сказать, что битва осталась нерѣшенной. Подобнымъ же образомъ говоритъ этотъ слуга Наполеона III о Саламинѣ и Платеѣ.

что всего войска, вмѣстѣ съ обозомъ, было не менѣе 5283000 ч. Хотя, безъ сомнѣнія, цифра эта преувеличена, но, все-таки, можно считать достовѣрнымъ, что боевыя силы Ксеркса простирались до 600000—800000 человекъ. Къ тому же вся организація, планъ похода, продовольственная часть, вооруженіе вовсе не были такъ необдуманны, плохи и грубы, какъ обыкновенно думаютъ; напротивъ, замѣчается предусмотрительность, особенно въ отношеніи снабженія провіантомъ; затѣмъ тактика морскихъ и сухопутныхъ силъ была вовсе не такъ плоха и, наконецъ, виденъ хитрый умыселъ разъединить эллинскія племена и привлечь каждое отдѣльно на сторону персовъ.

У грековъ не было совсѣмъ того единодушія и высокаго патристическаго одушевленія, о которыхъ говорятъ позднѣйшіе историки. Въ общемъ царилъ между ними малодушіе и ссоры. Спротивленіе многие считали безразсудствомъ; поэтому покорялись иноземнымъ завоевателямъ не только большинство острововъ, но и сильнѣйшія племена на материкѣ, а именно почти всѣ беотійцы, эссалійцы и ахеяне. Остальныя греческія государства пригласили своихъ уполномоченныхъ для совѣщанія на Истмѣ, и тамъ было принято рѣшеніе биться, насколько хватитъ силъ. Но какъ только дошло до дѣла, снова обнаружилась малодушіе, своекорыстіе и зависть. Въ особенности падаетъ тяжелая вина на спартанцевъ. Полныя претензій, они, между тѣмъ, сами почти никогда не выступали съ полною рѣшимостью противъ непріятеля и не развертывали всѣхъ своихъ силъ. Они желали ослабленія Аѳинъ, а потому берегли свои силы и не выполняли всего того, что отъ нихъ требовалось; къ тому же ихъ полководцы и даже цари проявили во время войны алчность къ деньгамъ. Въ дѣйствительности вся будущность Эллады основывалась не на монархическихъ и аристократическихъ государствахъ, а только на демократическихъ Аѳинахъ.

Спартанцы, эгоистичные и недалновидные, думали только о защитѣ Пелопонеса и не соглашались сосредоточить всѣ боевыя силы на сѣверѣ Эллады, чтобы тѣмъ рѣшить войну. Объ охраненіи средней Греціи они не думали, а паденіе Аѳинъ было для многихъ даже желательно. Послѣ того какъ первоначальный планъ защищать проходы у горы Олимпа былъ оставленъ, гордые и упрямо настаивавшіе на своей гегемоніи спартанцы едва согласились послать въ ущелья горы Эты, къ Термопиламъ, 300 своихъ гражданъ и около тысячи голлитовъ изъ періэковъ, составившихъ, вмѣстѣ съ другими пелопонесцами, преимущественно аркадянами, войско въ 4000 человекъ. Начальство взялъ на себя царь Леонидъ, и, по крайней мѣрѣ, онъ отнесся серьезно къ защитѣ общаго отечества. Онъ принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, но, все-таки, успѣхъ зависѣлъ отъ участія въ дѣлѣ союзнаго войска Пелопонеса и, прежде всего, самихъ спартанцевъ. Но всѣ его просьбы о подкрѣпленіи, посланныя въ Лакедемонъ, остались безъ отвѣта. Леонидъ понялъ, что его приносятъ въ жертву, чтобы хотя съ вѣншей стороны спасти честь его роднаго города. Онъ подчинился необходимости, какъ истинный герой, съ полнымъ сознаниемъ

своего положенія и мужественной рѣшимостью. Обойденный съ тыла благодаря измѣнѣ (Эфіальта), онъ самъ отослалъ большую часть своего войска обратно на югъ, чтобы сохранить его для отечества, а самъ съ небольшимъ отрядомъ палъ въ отчаянномъ бою.

Между тѣмъ началась война и на морѣ. Геродотъ опредѣляетъ силы персидскаго флота въ 1327 военныхъ кораблей, изъ которыхъ 427 принадлежали покореннымъ грекамъ малоазійскихъ острововъ. Эллы выставили противъ этой силы 271 судно, изъ нихъ однѣ Аѣины послали болѣе половины — 147 судовъ, но спартапцы не уступили имъ главнаго начальства и на морѣ, и Эмистокль оказался въ подчиненіи у неспособнаго и продажнаго Эврибиада. Страшная буря истребила отъ 200 до 300 персидскихъ кораблей еще прежде, чѣмъ произошло морское сраженіе у мыса Артемизія, вблизи Термопилъ. Къ всеобщему удивленію, греческія суда хотя и понесли значительный уронъ, но, все-таки, устояли противъ значительно превосходившаго ихъ числомъ персидскаго флота. Вторичная буря уничтожила ту часть персидскаго флота, которая должна была объѣхать Эвбею и атаковать грековъ съ тыла. Но послѣ паденія Леонида было рѣшено отступить съ флотомъ.

Жители Аѣинъ бѣжали изъ своего незащищеннаго города на ближайшій островъ Саламинъ. Городъ былъ разрушенъ персами до основанія. Лозунгомъ спартапцевъ было отступление въ Пелопонесъ. Напрасно Эмистокль требовалъ, чтобы у Саламина было дано сраженіе. Тогда онъ прибѣгнулъ къ хитрости: онъ велѣлъ тайно донести персидскому царю, будто греки хотятъ отвести свои войска, — чтобы заставить персидскаго царя окружить грековъ и принудить ихъ къ битвѣ. Флотъ грековъ усилился до 378 военныхъ судовъ; но персы, несмотря на всѣ потери, имѣли все еще до 750 судовъ. Блестящая побѣда при С а л а м и н ѣ (вѣроятно, 20 сентября 480 г.) разрушила снова всѣ надежды азіатовъ и вторично спасла свободу и культуру.

Самъ Ксерксъ возвратился въ Азію. Онъ могъ гордиться тѣмъ, что взялъ Аѣины и что его сухопутное войско не было побѣждено. Онъ оставилъ въ Греціи 300000 человекъ войска, чтобы въ слѣдующемъ году окончательно покорить Пелопонесъ. Отступление персидскаго царя къ Геллеспонту не было бѣгствомъ, какимъ его изображаютъ греки, тѣмъ не менѣе недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, всякаго рода лишенія и непривычный климатъ произвели на возвратномъ пути страшное опустошеніе среди персидскихъ войскъ. Разсказываютъ, что голодные персы сдирали съ деревьевъ кору, ѣли листья и траву, и что весь путь былъ усыянъ умирающими и трупами. Это отступление напоминаетъ отступление Наполеона изъ Россіи: и въ этомъ послѣднемъ случаѣ непріятельское оружіе было второстепеннымъ средствомъ истребленія арміи.

Спартапцы и послѣ того вели войну въ высшей степени неудовлетворительно. Они совсѣмъ не воспользовались побѣдой, а распустили большую часть своихъ войскъ. Даже и на слѣдующій годъ они выступили въ походъ слишкомъ поздно, отдали вторично Аѣины на разрушеніе персамъ и вели всю войну подъ предводи-

тельствомъ Павзанія, трусливо, нерѣшительно и небрежно. Греки собрали войско изъ 110000 человекъ: изъ нихъ Пелопонесъ далъ 27000 гоплитовъ и около 40000 гелотовъ; Аѣины, кромѣ флота, дали 8000 тяжело вооруженныхъ и около 1000 стрѣлковъ. Силы персовъ въ это время опредѣляются въ 300000 человекъ, не считая войска ихъ греческихъ союзниковъ (вессалійцевъ, беотійцевъ, фокейцевъ, локрійцевъ и т. д.). Однако объ эти цифры, безъ сомнѣнія, уменьшились за предшествовавшую зиму. Произошла битва при Платеѣ. Несмотря на жалкое предводительство спартанскаго царя Павзанія, храбрые греки (въ томъ числѣ и спартанцы) одержали новую полную побѣду; персидское могущество въ Греціи было уничтожено. Во всей этой войнѣ особенно отличился, въ качествѣ аѣинскаго вождя, Аристидъ *).

Одновременно произошла морская и сухопутная битва при Микалѣ, у береговъ Малой Азіи. Здѣсь отличился своею энергіей и храбростью спартанскій полководецъ Леотихидъ. Ксантипъ, во главѣ аѣинянъ, не уступалъ ему. Весь новый флотъ персовъ былъ уничтоженъ.

Между тѣмъ западныя греческія колоніи тоже одержали славную побѣду надъ варварами. Сицилійскіе греки, томившіеся подъ тиранією Гелона сиракузскаго и Ферона агригентскаго, подверглись нападенію со стороны сильнаго войска карфагенянъ, стремившихся къ полному покоренію Сициліи. Битва при Гимерѣ имѣла своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе огромнаго африканскаго войска. И тутъ побѣдила европейская культура.

Если прежде Спарта пользовалась неоспоримымъ главенствомъ въ Элладѣ, то въ персидскія войны она, благодаря своему сравнительно слабому участію, неустойчивости, а также корыстолюбію и продажности своихъ полководцевъ, утратила свое значеніе, тогда какъ Аѣины своимъ высокимъ патриотизмомъ, энергією, усиліями, геніальностью и самоотверженіемъ своихъ руководителей, возвысили свое положеніе. Въ дѣйствительности Аѣины стали первымъ государствомъ Греціи, и Аѣины вполне заслужили такую награду. Этимъ признали превосходство культуры надъ простой храбростью. Демократія Аѣинъ сдѣлала во всѣхъ отношеніяхъ гораздо больше, чѣмъ аристократія Спарты. Всеобщая свобода аѣинянъ явилась источникомъ высшаго одушевленія и болѣе разностороннихъ талантовъ, чѣмъ какіе могло пробудить господство привилегій въ Спартѣ.

Въ 477 году малоазійскіе греки, возмущенные продажностью и измѣною спартанскаго полководца Павзанія, обратились съ просьбой къ аѣинянамъ—учредить союзъ и стать во главѣ его по всѣмъ важнымъ политическимъ дѣламъ. Аристидъ взялъ на себя организацію союза, на основаніи полной равноправности всѣхъ союзниковъ и подъ постояннымъ контролемъ Аѣинъ. Чтобы устранить

*) При Платеѣ пали, по греческимъ даннымъ, 91 спартанецъ, 16 тегайцевъ и 52 аѣинянина, кромѣ того 600 изъ тѣхъ грековъ, которые вначалѣ отступили.

всякую тѣнь господства, мѣстомъ засѣданій союзнаго совѣта былъ назначенъ Делосъ, гдѣ должна была храниться союзная казна. На такихъ основаніяхъ Аѣины соединили подъ своей гегемоніей цѣлый рядъ менѣе сильныхъ государствъ; многіе острова и прибрежные города на Эгейскомъ морѣ сами присоединились къ союзу, — прежде всего для того, чтобъ имѣть возможность продолжать войну съ персами. Такимъ образомъ Аѣины достигли гегемоніи. Но вредное вліяніе гегемоніи стало обнаруживаться очень скоро. Хотя вначалѣ аѣинянами руководили чисто патріотическія и свободолюбивыя чувства, хотя организація новыхъ отношеній была преимущественно дѣломъ благороднѣйшаго человѣка того времени, но трудно было предотвратить зло, коренившееся въ самомъ учрежденіи, а именно—порабощеніе руководимыхъ и развращенность вождей и, слѣдовательно, погубель тѣхъ и другихъ.

Вначалѣ Аѣины, дѣйствительно, стояли только во главѣ свободной федераціи равноправныхъ государствъ, выдѣляясь своимъ дѣятельнымъ служеніемъ общему дѣлу и крайнею готовностью къ жертвамъ. Но скоро они стали превышать свою власть, требуя для себя высшаго права, въ силу большаго вліянія, которое имъ досталось главнымъ образомъ потому, что союзники предоставляли въ распоряженіе главенствующаго государства свои средства и силы.

И тутъ опять обнаружилось, что власть ведетъ за собой злоупотребленіе ею, такъ же, какъ за причиной слѣдуетъ дѣйствіе. Спустя одиннадцать лѣтъ послѣ учрежденія федераціи, островъ Наксосъ, до того времени равноправный членъ союза, за неповиновеніе былъ подчиненъ, какъ говорилось, союзу, а на самомъ дѣлѣ— аѣинской гегемоніи. Поздиѣ Эазосъ подвергся той же участи. Союзное правительство было переведено изъ Делоса въ Аѣины, и свѣщанія сдѣлались, наконецъ, пустою формою. Многіе союзники добровольно обязались платить Аѣинамъ деньги на содержаніе того числа кораблей и войска, какое должны были выставить; это повело къ вербовкѣ наемныхъ солдатъ. Мало по малу этому примѣру послѣдовали всѣ союзныя государства, исключая Самоса, Лесбоса и Хиоса. Такимъ образомъ, главному государству были даны средства не только вести войну съ персами, но и лишать союзниковъ независимости. И дѣйствительно, въ короткое время всѣ эти мелкія союзныя республики были лишены всякой самостоятельности и сдѣлались орудіемъ для сепаратныхъ цѣлей Аѣинъ, которымъ платили дань и должны были служить. Такая неестественность отношеній, постоянный притокъ чужихъ денежныхъ средствъ, формирование войскъ изъ наемныхъ солдатъ, со всѣми послѣдствіями подобныхъ условій,—все это повело къ насиліямъ, высокоумію и разврату въ Аѣинахъ, подорвало и погубило нравственныя силы главенствующаго государства.

Спартанцы, разумѣется, смотрѣли съ завистью и досадою на процвѣтаніе Аѣинъ. Они овладѣли половиной Пелопонеса и при этомъ жителей большею частью обратили въ рабовъ, т. е. въ гелотовъ. Другую часть полуострова они большею частью подчинили своей гегемоніи и вообще увеличили свое могущество союзами съ

различными государствами средней и сѣверной Греціи. Столкнове- ния между двумя соперничающими державами были неизбѣжны. Война началась въ 448 г. Ее назвали «второю священною войной» (первая была въ 595 г.), такъ какъ виновники ея, какъ это часто бываетъ, нашли выгоднымъ для себя примѣнать къ дѣламъ поли- тики религію, т. е. дельфійскій храмъ. Эта война закончилась въ 446 году перемиремъ на 30 лѣтъ между Аѣнинами и Спартой. Аѣн- няне понесли значительныя потери на сушѣ, гдѣ спартанцы имѣли перевѣсъ, но за то на морѣ они господствовали безусловно.

Развитіе Аѣнии, хотя и задержанное въ известномъ на- правленіи, тѣмъ не менѣе продолжало идти впередъ. Въ особенности П е р и к л ѣ, воодушевленный великими идеями, пытался сдѣлать Аѣины естественнымъ центромъ Греціи, превратить столицу Атики въ средоточіе всего греческаго міра. Онъ хотѣлъ объединить всю Элладу. Для осуществленія своей мысли Периклъ, вскорѣ по за- ключеніи перемирія, добился народнаго согласія на посылку два- дцати знатныхъ гражданъ во всѣ города Греціи, какъ большіе, такъ и малые, съ предложеніемъ послать изъ cadaго города пред- ставителя на конгрессъ въ Аѣины, но Спарта и союзныя съ нею Ѧины отказались отъ участія и своимъ вліяніемъ помѣшали осу- ществленію этой попытки объединенія Греціи.

Въ дѣйствительности положеніе государствъ, подчиненныхъ аѣинской гегемоніи, было гораздо лучше, чѣмъ находившихся подъ главенствомъ спартанцевъ. Поэтому одинъ аѣинскій посоль въ Спартѣ, незадолго до пелопонесской войны, могъ сказать: «Если бы наша власть перешла въ другія руки, то скоро убѣдились бы на практикѣ, какъ умѣренно мы пользовались ею». Онъ совершенно вѣрно указывалъ на то, что на мѣстѣ Аѣинъ всякое другое грече- ское государство не могло бы иначе пользоваться тѣмъ принуди- тельнымъ вліяніемъ, какое неразрывно связано съ гегемоніей, и ужъ, конечно, Спарта не проявила бы столько справедливости и мягкости, и не дала бы своимъ подчиненнымъ такъ мало поводовъ къ жалобамъ. Подъ игомъ персовъ грекамъ было куда хуже, и не лучше было бы имъ, если бъ они подпали подъ власть спартан- цевъ, которые ставили своихъ союзниковъ въ каждомъ городѣ въ рабскую зависимость отъ олигархической партіи; и если они отно- сятся недружелюбно къ аѣинянамъ, то это объясняется только тѣмъ, что подданные вообще ненавидятъ власть, какова бы она ни была.

Все зло было въ томъ, что господствующей системой было не равноправіе, а гегемонія со всѣми ея недостатками и дурными послѣдствіями.

Союзники аѣинянгъ въ дѣйствительности не выказывали осо- беннаго несочувствія главенствующему государству, такъ какъ хо- рошо понимали, что при иныхъ условіяхъ они подпали бы гораз- до болѣе несносному главенству Спарты. Но всѣ вообще греки слишкомъ любили свободу, чтобы чувствовать себя хорошо въ этомъ положеніи постоянной подчиненности, которая, въ концѣ концовъ, служила не общенароднымъ цѣлямъ, а исключительнымъ видамъ главнаго государства.

Перикль, повидимому, сознавалъ весь вредъ такого положенія: объ этомъ свидѣтельствуесть его попытка основать общегреческій союзъ. Въ этихъ видахъ онъ и сказалъ, когда говорили объ отказѣ спартанцамъ на ихъ требованія, что надѣется на успѣхъ, «если только вы (аѳиняне) не будете стремиться къ усиленію вашей власти и не станете подвергать себя добровольно новымъ опасностямъ». Но, конечно, сразу отношенія не могли измѣниться, и пагубныя послѣдствія гегемоніи скоро отозвались на обѣихъ сторонахъ, а затѣмъ и на побѣдителяхъ и на побѣжденныхъ.

Упрекъ въ возбужденіи войны падаетъ не на аѳинянъ (въ особенности это доказалъ Гротъ), а на спартанцевъ; они искали войны. Но, во всякомъ случаѣ, болѣе глубокая причина заключалась въ указанной неестественности.

Такимъ образомъ, въ 431 году началась ужасная пелопонесская война. Не прошло и 50 лѣтъ послѣ славныхъ дней Саламина и Платеи, и этотъ короткій промежутокъ времени обнималъ собой почти весь дивный ходъ высокаго развитія греческой культуры. Новая война, продолжавшаяся, съ короткимъ перерывомъ, 27 лѣтъ, до 404 года, привела Грецію къ гибели. Никогда уже болѣе не достигла она даже подобія прежняго цвѣтущаго состоянія.

На сторонѣ Спарты былъ Пелопонесъ, за исключеніемъ Аргоса и большинства городовъ Ахеи, которые сначала не принимали участія въ войнѣ; затѣмъ примкнули къ Спартѣ Мегара, Эивы и вообще большая часть беотійцевъ и локровъ, вообще всѣ области, гдѣ было аристократическое или олигархическое правленіе; кромѣ того, спартанцы не задумались даже втянуть въ эту войну варваровъ, персовъ. На сторонѣ Аѳинъ были не только подвластные имъ острова и мѣстности на восточномъ и сѣверномъ побережьи Эгейскаго моря, съ ними были также важная въ то время Коркира, нѣкоторые ессалійскіе города и большая часть акарнацевъ—все общины съ демократическимъ правленіемъ. Вся Греція употребляла всѣ усилія, чтобы погубить самое себя.

Подробное изложеніе хода такой войны, со всѣми ея колебаніями и перипетіями, не можетъ быть задачей сочиненія по исторіи культуры. Ужасы слѣдовали за ужасами. Сначала обѣ стороны думали сломить сопротивленіе врага страхомъ, потомъ пошли обоюдныя жестокости. Но если уже самъ Шлоссеръ, подавшійся обычному приему искаженія исторіи, выдвигаетъ на первый планъ «демократическія злодѣянія» аѳинянъ, то слѣдуетъ напомнить, что самый ужасный способъ веденія войны примѣнялся именно антидемократическою, олигархическою партіею: во всей исторіи не найдется ничега подобнаго избиенію гелотовъ въ Спартѣ, изъ одного только страха возстанія этихъ несчастныхъ,—фактъ, къ которому мы еще вернемся впослѣдствіи.

Послѣ самыхъ ужасныхъ пораженій, Аѳины нѣсколько разъ удивительно быстро оправлялись. Смертельный ударъ былъ нанесенъ имъ ихъ вѣроломнымъ сыномъ Алкивиадомъ. Персы понимали,

что это демократическое государство все еще продолжает быть ихъ опаснымъ врагомъ, а потому старались всѣми средствами помочь спартанцамъ. Борьба продолжалась аѳинянами до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, послѣ сраженія при Эгоспотамъ (Козьей рѣкѣ), всѣ силы ихъ не были уничтожены или, по крайней мѣрѣ, совершенно истощены; тогда городъ, изнуренный страшнымъ голодомъ, вынужденъ былъ подчиниться слѣдующимъ условіямъ спартанцевъ: стѣны и укрѣпленія должны быть разрушены, Аѳины отказываются отъ всѣхъ внѣшнихъ владѣній, выдаютъ свои военные корабли, дозволяютъ возвратиться всѣмъ изгнанникамъ (по болышей части олигархамъ) и признаютъ гегемонію Спарты.

Вопросъ о господствѣ былъ, такимъ образомъ, рѣшенъ. Греція же представляла печальное зрѣлище. Лишь немногія области остались неопустошенными и неразоренными этой 27-лѣтней войною. Въ такомъ же неутѣшительномъ положеніи оказались и политическія условія. Съ паденіемъ Аѳинъ зло, на которое жаловались, не прекратилось, ибо система равноправности всѣхъ государствъ не была восстановлена, а только грубая гегемонія Спарты вытѣснила болѣе мягкую аѳинскую.

Между тѣмъ спартанцы, одержавшіе побѣду главнымъ образомъ благодаря своимъ союзникамъ, старались воспользоваться ею исключительно для своихъ выгодъ. Это, конечно, вполне естественно при такомъ постоянномъ первенствѣ однихъ и постоянной подчиненности другихъ. Союзники Спарты не получили своей доли въ огромной военной добычѣ, не получили ея даже Фивы и Коринѳъ, несмотря на то, что держали себя относительно самостоятельно. Всѣ они не получили никакого вліянія на политическія дѣла, особенно въ покоренныхъ городахъ и островахъ. Лизандръ, побѣдоносный спартанскій полководецъ, дѣйствовалъ самовластно, въ интересахъ своего государства и еще болѣе въ своихъ собственныхъ. Будучи врагомъ демократическихъ учреждений, онъ въ Завоеванныхъ городахъ греческаго материка, на островахъ и въ Малой Азіи, образовалъ олигархію, поставивъ во главѣ ихъ небольшое число преданныхъ ему лицъ (въ Аѳинахъ такихъ олигарховъ было 30, въ другихъ городахъ по 10). Лица эти отличались своею жестокостью, метительностью и алчнымъ хищничествомъ. Война кончилась, но мщеніе, ненависть и низкія страсти все еще продолжали дѣло разрушенія. Чтобы возбудить войну противъ Аѳинъ, община была свобода; вмѣсто нея водворилась тиранія. Побѣжденные общины были порабощены, но и своими союзниками Спарта пренебрегала и только пользовалась для исключительныхъ цѣлей своей гегемоніи.

Къ счастью, духъ эллиновъ, жаждавшій свободы, не могъ долго выносить такого положенія дѣлъ. Глубокая ненависть, которую питали къ Аѳинамъ особенно Фивы, Мегара, Коринѳъ, уступила мѣсто другимъ чувствамъ—озлобленію противъ Спарты и состраданію къ упавшей съ ея дивной высоты и попираемой аѳинской республикѣ. Приказанія Спарты не давать убѣжища аѳинскимъ бѣглецамъ

эти города не исполняли. Спустя 8 мѣсяцевъ послѣ паденія Аѳинъ, благородный Тразибулъ уже могъ предпринять изъ Оивъ нападеніе на Аттику, которое окончилось низложеніемъ тридцати тирановъ и восстановленіемъ старыхъ, свободныхъ учреждений. Спартанцы допустили это, отчасти подчинясь общему настроенію Эллады, отчасти по недоброму къ произволу своего властолюбиваго полководца, который становился опаснымъ. §

Черезъ 10 лѣтъ послѣ пелопонесской войны (въ 394 г.), спартанская гегемонія на морѣ была сломлена морскою битвою при Книдѣ, но на сушѣ она еще господствовала 23 года, до битвы при Левктрѣ (371). Пораженіе на морѣ было нанесено спартанцамъ аѳинскимъ полководцемъ Конономъ, который, послѣ битвы при Эгоспотамѣ, съ небольшимъ отрядомъ флота бѣжалъ на островъ Кипръ, къ персамъ, и теперь побѣдилъ лакедемонянъ съ помощію персидскихъ судовъ.

Спартанцы не только не измѣняли своихъ отношеній къ остальнымъ эллинскимъ государствамъ, но даже предпочли заключить, чрезъ своего уполномоченнаго Апталкида, постыдный миръ съ персами (388), по которому они отдали варварамъ всѣ малоазійскіе города и острова Клазомены и Кипръ. Въ то же время они заключили союзъ съ сиракузскимъ тираномъ Діонисіемъ; то и другое ясно показываетъ, что спартанцы заботились только о сохраненіи собственнаго владычества, а не объ интересахъ всей Эллады. Греки, испытавшіе ужасныя послѣдствія гегемоніи, обратились къ мысли о федераціи на основаніи равноправности всѣхъ участниковъ. Но спартанцы самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивились этому намѣренію; въ Аркадіи они разрушили городъ Мантиней, въ землѣ орако-македонскихъ грековъ они завладѣли городомъ Олиноомъ, въ Беотіи они върломно напали на Оивы, такъ долго состоявшія въ союзѣ со Спаргою. Угнетаемые не могли найти справедливости въ Спартѣ. Но рабское повинovenіе было противно эллинскому духу, а потому внутренняя борьба въ Греціи не прекращалась. Аѳинянамъ удалось восстановить свои «длинные стѣны», ведущія къ тремъ гаванямъ. Они теперь предприняли организацію новаго союза, при чемъ хотѣли отказаться отъ своихъ прежнихъ преимуществъ въ пользу равенства всѣхъ членовъ федераціи; всякая дань и всякое подчиненіе отмѣнялись; въ устраненіе неравенства, аѳинянамъ воспрещалось пріобрѣтать земли въ областяхъ союзниковъ.

Но сильнѣйшій ударъ былъ нанесенъ спартанской гегемоніи съ другой стороны. Оиванцы сбросили съ себя иго, которое было наложено на нихъ спартанцами упомянутымъ выше нападеніемъ и водвореніемъ олигарховъ. Нужны были громадныя усилія и большіе таланты, чтобы подорвать у другихъ эллиновъ организованную власть гегемоновъ и силу привычки. Къ счастью, въ Оивахъ явились два поистинѣ замѣчательныхъ человека. Пелопидъ и, въ особенности, Эпаминондъ; нисколько не соперничая другъ съ другомъ, они, напротивъ, представляли рѣдкій примѣръ полного

единодушія, поддерживали и дополняли другъ друга. Такимъ образомъ, случилось, что, благодаря республикѣ, оставшей отъ другихъ государствъ въ духовномъ развитіи и вообще мало замѣтной, совершенно измѣнились всѣ внутреннія политическія условія Греціи.

Къ удивленію всей Эллады, Эпаминондъ сломилъ могущество Спарты въ битвѣ при Левктрѣ (371). Онъ вступилъ въ Пелопонесъ, дошелъ до самаго города Спарты, соединилъ въ особый союзъ аркадянъ и возстановилъ независимость Мессеній, послѣ 300-лѣтняго угнетенія, возвративъ тамошнимъ періэкамъ и гелотамъ землю, отнятую у ихъ предковъ, и сдѣлавъ ихъ свободными собственниками ея. Вслѣдствіе этого Спарта потеряла плодороднѣйшую часть своихъ владѣній и вдобавокъ должна была бояться недовольства остальныхъ своихъ гелотовъ. Неожиданное возвышеніе Оивъ возбудило зависть многихъ другихъ эллинскихъ племенъ. Аины, увидѣвъ, что опасное для нихъ могущество Спарты рушилось, и завидуя главному беотійскому городу, стали сближаться съ лакедемонянами; въ сѣверной Греціи, въ Фессаліи, ферскій тиранъ основалъ владычество, подобное македонскому, в послѣдствіи столь пагубному; наконецъ, попрежнему стали обращаться за помощію къ персидскому царю.

Но столько же искусный въ политикѣ, какъ и храбрый, Пелопидъ сумѣлъ импонировать царю варваровъ и склонить его принять рѣшеніе, благоприятное Оивамъ. Равнымъ образомъ этотъ государственный человѣкъ и полководецъ сломилъ въ кровавомъ бою грозную силу ферскаго тирана—усибъ, за который онъ заплатилъ свою жизнь (364). Съ своей стороны, Эпаминондъ уже началъ было создавать оиванскій флотъ и въ 362 г. двинулся въ Пелопонесъ, опять подошелъ къ Спартѣ и одержалъ новую блистательную побѣду при Мантинее, но самъ палъ въ этой битвѣ.

Послѣдній усибъ, навѣрное, имѣлъ бы рѣшительное вліяніе на счастливый исходъ греческихъ дѣлъ, если бы не сопровождался такою потерей. Но у Оивъ не осталось болѣе великихъ людей, послѣ того какъ смерть похитила ихъ вожда, въ такой рѣдкой степени выдававшася образованностью, энергіею, простотою и безкорыстіемъ, а также свободою отъ нѣкоторыхъ религіозныхъ предрассудковъ, которые такъ часто вредили эллинамъ именно на войнѣ. Теперь никто не умѣлъ воспользоваться побѣдою и установить въ Элладѣ такую государственную систему, отъ которой можно было бы ждать спасенія. Свободная федерация опять уступила мѣсто аинскому господству на морѣ, тогда какъ Спарта преобладала на материкѣ, по крайней мѣрѣ, въ Пелопонесѣ.

У аинянъ не было недостатка въ способныхъ людяхъ, но всѣ они не достигали нравственнаго величія Аристиды и Перикла (Хабрій, Тимофей, Ификратъ). Угнетеніе аинянами союзныхъ и покоренныхъ областей привело къ такъ называемой «войнѣ съ союзниками», окончившейся независимостью цѣлаго ряда греческихъ колоній на востокъ Эгейскаго моря (355 г.).

Между тѣмъ какъ греческія государства продолжали, такимъ

образомъ, взаимно истощать свои силы и никакъ не могли организовать федераціи на основаніи равноправности всѣхъ, въ сѣверной Греціи, въ Македоніи, сформировалась военная держава, въ которой выростала сила, векорѣ грозная и опасная для Эллады. Во главѣ этого государства стоялъ въ то время царь Филиппъ II. Въ Фивахъ, въ періодъ великихъ дѣятелей, онъ познакомился съ греческой образованностью и пользовался ею съ энергіей, уступавшей только его хитрости и безсовѣстности. Онъ, главнымъ образомъ, добивался положенія, которое давало бы ему право постоянно вмѣшиваться во всѣ дѣла Греціи. Удобнымъ средствомъ явилась религія. Была возбуждена новая «священная война» (третья, потому была еще четвертая). Союзъ амфиктіоновъ, первоначально учрежденіе религіозное, безъ всякаго политическаго значенія, былъ, тѣмъ не менѣе, направленъ къ охраненію міра въ союзныхъ областяхъ, и, послѣ цѣлой кровопролитной войны, исключилъ изъ своего состава фокейцевъ, за разграбленіе сокровищъ дельфійскаго храма, и принадлежавшіе имъ голоса въ союзѣ предоставилъ македонскому царю, которому и было поручено дальнѣйшее приведеніе въ исполненіе страннаго приговора, т. е. разрушеніе всѣхъ фокейскихъ городовъ. Позднѣе рѣшили исключить изъ союза Спарту. Наконецъ, пламенному краснорѣчиву Демосфену удалось выяснить афинянамъ величину грозившей всей Элладѣ опасности. Вмѣстѣ съ афинянами они пошли противъ Филиппа. Но они слишкомъ поздно уяснили себѣ самое положеніе дѣлъ и были мало подготовлены къ войнѣ, тогда какъ Филиппъ готовился къ ней нѣсколько лѣтъ. Кромѣ того, нѣкогда прекрасная организація народнаго ополченія у грековъ пришла въ упадокъ. Сами граждане, по возможности, уклонялись отъ военной службы; ихъ силою да рядомъ замѣняли подставныя лица, наемники. Сраженіе при Херонее (338) кончилось побѣдою македонскаго завоевателя. Столь обычное поклоненіе успѣху, съ одной, и подкупъ, съ другой стороны, довершили торжество Филиппа. Въ слѣдующемъ (337) году коринѣйскій конгрессъ формально призналъ и утвердилъ гегемонію Македоніи.

Филиппъ слишкомъ хорошо зналъ эллинскій духъ, а потому требовалъ не безусловнаго подчиненія своей царской власти, а сана военнаго вождя греческаго народа. Ему было этого достаточно для развитія его широко задуманныхъ плановъ.

Вислѣдствіи, когда царь Филиппъ былъ убитъ и на престолѣ вступилъ сынъ его, Александръ, Фивы сдѣлали попытку свергнуть македонское иго, но попытка не удалась и, покинутыя запуганными афинянами и иелонесцами, Фивы пали (самый городъ, по приказанію побѣдителя, былъ сравненъ съ землей). Всякому дальнѣйшему сопротивленію былъ ноложенъ конецъ. Система, придуманная отцомъ, была доведена до совершенства сыномъ его, Александромъ. Отдѣльныя республики продолжали существовать номинально, но полной свободы, съ ея прекрасными во многихъ отношеніяхъ плодами, уже не было. Теперь установилась безусловная, никѣмъ не оспариваемая гегемонія.

Мы ниже коснемся дальнѣйшаго развитія событій. Но на

этомъ кончается славная и блистательная исторія древней Эллады. Обращаемся къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ условій.

Общее развитіе эллинства. Даже въ преклонномъ возрастѣ еще высоко подымается грудь, когда вспоминаешь эллинскія учрежденія и расцвѣтъ эллинской жизни. Пусть безпристрастно изучающій историкъ многое видитъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ видѣлъ въ годы своей юности и своихъ мечтаній, все-таки прогрессъ, которымъ все человѣчество обязано грекамъ, такъ великъ, что ни одинъ мыслящій человѣкъ не будетъ говорить объ этомъ, едва ли вполнѣ измѣримо, культурномъ развитіи, не будучи преисполненъ высокаго и безусловнаго удивленія. Мы, разумѣется, не должны обходить молчаніемъ или смотрѣть сквозь пальцы на темныя стороны, которыхъ найдется въ достаточномъ количествѣ. Но при всемъ томъ эллины совсѣмъ новый народъ, не похожій ни на одинъ изъ характеризованныхъ нами выше народовъ, — народъ полный смѣлаго изслѣдованія и стремленія въ области духа, живой и энергичный, съ міросозерцаніемъ, ничего общаго не имѣющимъ съ возрѣніями другихъ народовъ. Но однихъ этихъ достоинствъ было бы еще недостаточно для того, чтобы греки могли достигнуть той блистательной высоты, до какой они дошли, къ изумленію потомства. Нужно было еще, чтобы цѣлый рядъ физическихъ условій и политическихъ обстоятельствъ дѣйствовалъ совокупно, въ счастливой комбинаціи. Климатъ Греціи, мягкій, но не расслабляющій, возбуждалъ къ дѣятельности, не требуя отъ человѣка, еще лишеннаго искусственныхъ орудій, затраты всѣхъ его силъ для необходимаго поддержанія жизни и, такимъ образомъ, не отвлекая его отъ занятій общественными дѣлами. Потомъ самая страна, омываемая со всѣхъ сторонъ моремъ, изрѣзанная бухтами, богатая гаванями, — что стало бы съ Элладой, если бы она, обладая тѣми же людьми, почвой и климатическими условіями, лежала глубоко въ срединѣ материка, вдали отъ моря? И какое громадное вліяніе имѣлъ счастливый ходъ событій. Если бы Греція не устояла противъ нашествія персовъ, она обратилась бы въ сатрапію, которая убила бы всѣ ея духовныя силы. А, съ другой стороны, безъ борьбы за свободу не доставало бы пружины, приведшей въ мѣгучее движеніе весь эллинскій народъ. Счастливое совпаденіе разныхъ топографическихъ и политическихъ условій помѣшало образованію центральнаго царства съ однообразными, болѣе или менѣе деспотическими, учрежденіями; вмѣсто объединенія всѣхъ племенъ подъ скипетромъ одного правителя, возникли федеративныя отношенія, съ условіями государства, развивающагося самостоятельно. Взаимодѣйствіе указанныхъ и еще многихъ подобныхъ же условій было настолько разнообразно и сложно, что мы, столь отдаленные отъ тѣхъ временъ, уже не въ состояніи разобраться во всѣхъ мелочахъ. Но общіе доступные намъ результаты говорятъ сами за себя ясно и опредѣленно.

Мы должны еще упомянуть объ одной выдающейся заслугѣ грековъ. Послѣ побѣдъ, одержанныхъ надъ персами, этотъ замѣчательный народъ доказалъ, что онъ не только сумѣлъ отразить бо-

лѣе сильнаго внѣшняго врага,—это удается при случаѣ и дикарямъ,—но что онъ, вопреки обычному явленію, именно послѣ побѣды, имѣлъ благородное, волю и силу охранять свободу и продолжать ея развитіе внутри страны.

Древнѣйшія бытовыя условія. Греки, какъ видно, между прочимъ, изъ описанія Фукидида и какъ мы уже говорили въ нашемъ историческомъ очеркѣ, пришли въ страну, должно быть, въ очень дикомъ состояніи, стали здѣсь тѣснить другъ друга и спорить изъ-за владѣнія землей. Чѣмъ плодороднѣе былъ край, тѣмъ чаще происходили набѣги дикихъ ордъ, истреблявшихъ одна другую. При такихъ условіяхъ страна не могла достигнуть цвѣтущаго состоянія. Съяли только то, что быстро давало плоды; не было ни торговли, ни правительныхъ сношеній; повсюду царило право сильнаго, суша и море изобиловали разбойниками и убійцами; морской разбой нагонялъ такой страхъ, что опасно было строить города вблизи моря, несмотря на всѣ выгоды такой близости. Какъ только новая орда приходила въ мѣстность, она немедленно истребляла всѣхъ жителей мужского пола и завлаживала ихъ имуществомъ. Такъ, намъ извѣстно, что іоняне, пришедшіе въ Милетъ, начали съ того, что перерѣзали поселившихся тамъ раньше критянъ и карійцевъ, послѣ чего взяли женъ и рабовъ убитыхъ и устроили новое государство. Подобнымъ же образомъ, хотя и не всегда одинаково варварски, поступали, вѣроятно, всѣ колонисты того времени. Во всякомъ случаѣ, можетъ быть доказано, что дорійское племя, если только оно не заводило торговли въ приморскихъ мѣстностяхъ и на небольшихъ островахъ, отчего смягчались нравы, основало свою собственную жизнь, по меньшей мѣрѣ, на притѣсненіи туземцевъ.

Мореходство, къ которому приглашало изобиліе бухтъ и близость другихъ береговъ, вызвало сношенія съ сосѣдними племенами и сблизило эллиновъ съ чужеземными народами. У финикійцевъ были различныя поселенія на греческихъ островахъ и берегахъ Греціи. Хотя они и были скорѣе вытѣснены, но это не мѣшало грекамъ усвоить многія черты финикійской культуры. Сравненіе алфавита этихъ семитовъ съ греческимъ показываетъ, что греческій алфавитъ составленъ по образцу финикійскаго, что и подтверждается заявленіемъ Геродота.

Матеріальной связи, которая объединяла бы всѣхъ грековъ въ одну націю, не существовало. Тѣмъ не менѣе образовалась духовная связь. Она заключалась въ общей національности, въ общемъ языкѣ, въ религиозныхъ вѣрованіяхъ, мѣтахъ, жертвоприношеніяхъ и праздникахъ; общими были и гимнастическія упражненія и, въ связи со всѣмъ этимъ, извѣстное сходство нравовъ и характера. Позднѣе ко всему этому присоединились еще созданія искусства, составлявшія общую гордость всѣхъ племенъ, хотя далеко не всѣ племена въ одинаковой мѣрѣ способствовали ихъ развитію. Вообще, въ этомъ отношеніи не было тождества, однообразія; скорѣе проявилась рѣзкая противоположность; стоитъ только сравнить тонко

образованнаго афинянина съ грубымъ спартанцемъ и прямо дикимъ жителемъ Кидеѣы, въ Аркадіи. Племенное единство эллиновъ выражалось скорѣе въ отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ явленіяхъ. Во всей Греціи не было обычая приносить человѣческія жертвы (такъ замѣчаетъ англичанинъ Гротъ, — хотя утверждать это безусловно можно только относительно того времени, когда иноземныя нравы и обычаи были вытѣснены полнымъ развитіемъ эллинизма); точно также не было привычки уродовать людей (отрѣзывать носы, уши, руки и ноги, что) допускалось только на войнѣ), оскотлять или продавать въ рабство дѣтей; не было многоженства и чувства безусловнаго повиновенія одному человѣку, тогда какъ всѣ эти черты встрѣчаются у тогдашнихъ персовъ, египтянъ, кароагянъ, аракійцевъ на каждомъ шагѣ. Затѣмъ, несомнѣнно мощное вліяніе имѣло политическое движеніе, неоднократно охватывавшее всѣ области Греціи; оно касалось не только высшихъ условій, — такъ, напр., опасность персидскаго владычества угрожала всѣмъ вообще эллинамъ, — но сказывалось также на внутреннемъ политическомъ развитіи: сначала образуются повсемѣстно ограниченныя монархіи, затѣмъ идетъ борьба и побѣда аристократіи и, наконецъ, наступаетъ болѣе или менѣе полное осуществленіе демократическаго принципа.

Въ то время какъ въ окружающихъ Грецію государствахъ (за исключеніемъ Финикіи, которая скоро подпала персамъ) господствовала централизирующая деспотическая власть, у эллиновъ начали развиваться свободныя общины. Эта автономія безчленныхъ маленькихъ республикъ даже сдѣлалась основой всего эллинскаго развитія. Конечно, такая разрозненность имѣла свои вредныя и опасныя стороны, какъ это и показали въ особенности персидскія войны. Но достоинства оказались преобладающими, иначе маленькая Эллада, какъ единоегосударственное государство, навѣрно, не устояла бы противъ громаднаго персидскаго царства, — сравнительно миниатюрная военная монархія покорилась бы монархіи огромной. При такихъ условіяхъ спасеніе было въ иного рода силахъ, чѣмъ тѣ, которыми располагаютъ монархи. Когда государственная жизнь ограничена одной областью, или однимъ городомъ, когда она вся зависитъ отъ собственныхъ силъ и не ожидаетъ помощи сверху, она въ высокой степени возбуждаетъ дарованіе, дѣятельность и гений каждаго своего гражданина; широкая же власть скорѣе убиваетъ духовныя зародыши, нежели способствуетъ ихъ счастливому развитію. Такъ было и здѣсь. Отъ Греціи обратите взоръ на Персію и Египеть, и сравните результаты тамъ и здѣсь. Греція доказала неоспоримо, что разнообразіе и свобода въ политикѣ, какъ и въ искусствѣ, могутъ создать культуру, тогда такъ однообразіе и опека порождаютъ ограниченность. Если даже у эллиновъ нѣкоторые города возвышались надъ другими, то ни одинъ никогда не достигалъ единогосударственнаго, самодержавнаго значенія. «Блескъ Аѣигъ не могъ затмить Коринѣа и Спарты, какъ не затмилъ Милета или Сиракузъ. Каждый городъ имѣлъ свою жизнь, свою духовную физіо-

номію, каждый изъ нихъ чувствовалъ себя чѣмъ-то, а потому и былъ кое-что» (Гееренъ).

Такимъ образомъ, греки разныхъ племенъ чувствовали себя и уважали другъ друга какъ члены одной общей націи. Названіе «эллины» стало для нихъ предметомъ гордости, синонимомъ свободы и гармоническаго развитія всѣхъ способностей духа и тѣла, аристократическимъ титуломъ, который отличалъ ихъ отъ другихъ народовъ, подводимыхъ подъ общее названіе варваровъ, хотя послѣднее выраженіе не имѣло теперешняго рѣзкаго значенія. Такое единеніе совершилось безъ всякаго внѣшняго принужденія или внѣшней связи (даже часто упоминаемые амфиктіоны были слишкомъ слабою связью), и повело къ результатамъ, которыхъ единичная власть ни за что бы не достигла. Свобода есть неизбѣжное условіе процвѣтанія народа.

1 Пѣсни Гомера. Помимо политическаго развитія на началахъ народнаго самоуправленія, эллинамъ досталось на долю еще то рѣдкое счастье, что у нихъ не выработалось особаго жреческаго сословія и положительной религіи, отвѣчающей интересамъ жрецовъ. Это тѣмъ болѣе неожиданно, что греки болѣе ранней эпохи были слишкомъ невѣжественны, чтобы не сдѣлаться игрушкой въ рукахъ жрецовъ, и тѣмъ удивительнѣе, что ихъ въ высшей степени воспріимчивая, мягкая и поэтическая душа была, повидимому, открыта для всякаго рода мистицизма. Между тѣмъ, благодаря именно этому предрасположенію эллиновъ къ поэзіи и могло совершиться это чудо.

Походъ противъ Трои самъ по себѣ имѣлъ едва ли не второстепенное значеніе. Безъ пѣсенъ Гомера потомство врядъ ли узнало бы что-нибудь о немъ. Но эта общія военная экспедиція не только дала матеріалъ для благороднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ созданій поэзіи, какія только знаетъ міръ, но, что еще гораздо важнѣе для исторіи человѣчества,—чудныя пѣснописныя, приписываемыя Гомеру, оказали самое глубокое и широкое вліяніе на культуру цѣлаго народа, а потомъ и на образованныхъ людей всѣхъ вообще народовъ. Съ древнѣйшихъ временъ и до погибели старо-греческой національности, Гомеръ жилъ въ устахъ всѣхъ эллиновъ. Не было, можно сказать, грека, который не воодушевлялся бы его пѣснями, который, при случаѣ, не речитировалъ бы съ вдохновеніемъ мѣста изъ Гомера. Илиада и Одиссея были для эллина тѣмъ же, что для іудеевъ—Пятикнижіе, а потомъ Талмудъ, для перса—Зендъ-Авеста, для христіанина—Библия, для магометанина—Коранъ; но такъ дороги эллинамъ эти пѣсни были только потому, что, при возникновеніи этихъ пѣсенъ, они не имѣли ни Пятикнижія, ни Талмуда, ни Зендъ-Авесты, ни Корана. Чистая поэзія поднялась на такую высоту, прежде чѣмъ жречество успѣло выработать свое вѣроученіе и установить ритуаль. «Древнее пѣніе гимновъ, жреческая поэзія у эллиновъ уступила первенство героическимъ пѣснямъ; свѣтское творчество одержало побѣду надъ священнымъ. Поэзія опередила религію; поэты замѣстили жрецовъ» (Максъ Дункеръ). Поэтому-то, подобно тому какъ у насъ знакомить

юношество съ Библіей и Катехизисомъ, молодого грека посвящали въ пѣсни Гомера. Основами этого культа была чистая природа и полнота благородной, мужественной силы, озаренная дивными образами величественной, прекраснѣйшей поэзіи; это былъ культъ особаго рода, безъ мертвящихъ правилъ, безъ предписаній слѣпой вѣры, безъ принципа насивнаго страданія и терпѣнія,—свободный, чистый, радостный и полный силы, какъ долженъ былъ быть человѣкъ въ то героическое время подъ прекраснымъ небомъ Греціи,—таковъ былъ геній этихъ дивныхъ образовъ.

Гомеровскіе идеалы не могли, конечно, устранить человѣческой слабости, причины которой коренятся въ незнаніи природы и ея свойствъ: неизбѣжныя слѣдствія невѣжественности, какъ то: разныя суевѣрія и безчисленные предрасудки, остались въ силѣ, но они проявлялись болѣе дѣтскимъ, нежели варварскимъ образомъ, въ правахъ и учрежденіяхъ скорѣ странныхъ и неосмысленныхъ, нежели грубыхъ и безчеловѣчныхъ. Религіозныхъ предрасудковъ и стѣсненія свободнаго духа, какъ мы покажемъ ниже, оставалось все еще болѣе чѣмъ достаточно, но греческая исторія, все-таки, свободна отъ тѣхъ ужасающихъ массовыхъ преслѣдованій за вѣру или невѣріе, которыя даже еще тысячелѣтія спустя позорили исторію культуры.

Развитіе государственныхъ учрежденій. Греція такъ раздроблена и расчленена природою; заливы, моря, горные хребты и ущелья сообщаютъ ея отдѣльнымъ частямъ такія рѣзкія особенности, что она не могла образовать изъ себя единаго государства въ смыслѣ центральнаго царства. Напротивъ того, по самой природѣ вещей должно было случиться, что при первобытномъ грубомъ и воинственномъ состояніи въ каждомъ племени кто-нибудь объявлялъ себя предводителемъ или вождемъ. Къ этому приводили самі условія.

Въ героическое время, въ эпоху троянской войны, званіе царя является наслѣдственнымъ, но сынъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ быть способнымъ замѣнить отца на войнѣ. Привилегіи такого правителя были невелики; онъ признавался какъ бы только первымъ изъ числа знатныхъ. Онъ приносилъ за всѣхъ жертвы богамъ, но это право было скорѣ отличіемъ, чѣмъ проявленіемъ власти. Въ походахъ онъ пользовался большими правами, какъ это и требовала война. Въ мирное время онъ созывалъ народное собраніе, которому и представлялъ (стоя) свои соображенія; вообще, во всѣхъ важныхъ случаяхъ спрашивали мнѣнія народа. Кромѣ того, царь былъ и судьей, хотя и не всегда; иногда судопроизводство поручалось совѣту старѣйшинъ. Податей царю не платили, ему приносили только добровольные дары; онъ владѣлъ большимъ участкомъ земли, чѣмъ другіе свободные люди, и получалъ наибольшую часть добычи. Не жилъ онъ собственно доходомъ со своихъ имѣній и стадъ. Такимъ образомъ, все зависѣло отъ самой личности царя. Значеніемъ и могуществомъ цари пользовались лишь въ той мѣрѣ, въ какой превышали другихъ храбростью, силою, умомъ и опытностью, — пожалуй, и богатствомъ. Народъ со-

стоялъ изъ благородныхъ и неблагородныхъ; но и послѣдніе, если они принадлежали къ свободному сословію, имѣли право участвовать въ рѣшеніи важныхъ общественныхъ дѣлъ.

Наступило передвиженіе эллинскихъ племенъ. Ахея не, нѣкогда сильнѣйшее племя грековъ, попали въ положеніе полной зависимости. Принадлежавшій имъ Пелопонесъ, за исключеніемъ Ахаіи, Аркадіи и Элиды, былъ занятъ дорянами, владѣвшими, кромѣ того, еще Доридою и Мегаридою на греческомъ материкѣ, разными островами и многими областями въ Малой Азіи. Важнѣйшимъ государствомъ дорянъ стала Спарта. Совершенно вытѣснены съ греческаго материка, исключая Аттики, были іоніанцы. Въ Атикѣ они не только удержались, но и довели свою аинскую общину до состоянія дивнаго процвѣтанія. Кромѣ того, ими были заселены большіе острова и значительная часть Малой Азіи (такъ-называемая «Іонія»). На греческомъ же материкѣ, откуда они были выселены, утвердились, главнымъ образомъ, эолійцы, сильнѣйшую вѣтвь которыхъ составляли беотійцы, съ Фивами во главѣ. Отдѣльно отъ этихъ четырехъ главныхъ племенъ держали себя аркадяне — они съ успѣхомъ отстояли свой край во время этого переселенія народовъ.

Когда, наконецъ, установились болѣе или менѣе твердыя условія, началось развитіе культуры. Многочисленные колоніи не мало поспособствовали этому. Абсолютизмъ, хотя и въ ограниченной формѣ, не отвѣчалъ потребностямъ народа. И здѣсь опять показала себя творческая сила эллиновъ. Между тѣмъ какъ азіатскіе народы имѣли обыкновеніе приканчивать дурного правителя веревкою и выбирать ему преемника, отъ котораго можно было ждать болѣе мягкаго режима, при чемъ самая основа учрежденія, самовластіе одного лица, оставалась неизмѣнною, греки перешли къ республикѣ и тѣмъ создали новую форму государства. И это теченіе въ продолженіи VII столѣтія (до нашей эры) было настолько общимъ и могучимъ, что монархическая форма была повсюду вытѣснена въ Греціи: исключеніе составляли—Спарта, гдѣ, однако же, она также удерживалась только номинально, а не по существу, и полуварварскія земли на сѣверъ отъ Греціи. Въ Аѣнахъ это видоизмѣненіе совершилось постепенно: сначала наслѣдственныхъ правителей смѣнили пожизненные архонты изъ рода прежнихъ царей, затѣмъ архонты выбирались на десять лѣтъ, и только черезъ 70 лѣтъ срокъ ихъ службы былъ сокращенъ до одного года. (О Спартѣ и Аѣнахъ см. ниже.)

Но власть досталась не всему народу, а перешла въ руки родовой знати, олигархіи. Эта знать принадлежала, безъ сомнѣнія, къ тому племени, которое завоевало страну, завладѣло землями и, въ болышей или меньшей степени, поработило туземное населеніе. Къ этому сословію, разумѣется, принадлежали наиболѣе образованные и состоятельные граждане, и они же были и могли быть самыми крупными жертвователями на общественную пользу. Они обсуждали вмѣстѣ общественныя дѣла и постановляли рѣшеніе большинствомъ голосовъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ поручались по

временамъ отдѣльныя права прежнихъ царей. Но обычныя дурныя стороны аристократическаго правленія не замедлили проявиться; особенно же чувствительны стали онѣ тогда, когда бокъ о бокъ съ аристократіей начать возвышаться, благодаря торговлѣ, средній классъ, на сторонѣ котораго оказались и зажиточность и образованіе. Съ аристократическими фамиліями случилось то же, что и съ древними родами царей; рядомъ съ ними достигло значенія и вліянія совершенно новое сословіе. Вскорѣ для того, чтобы получить значеніе, было мало аристократическаго происхожденія: нужны были еще личныя заслуги. «Какая польза принадлежать къ знатному роду, когда не имѣешь даже краснорѣчія, или не можешь дать мудраго совѣта!» говорилъ Фокилидъ Милетскій. У грековъ развилась такъ называемая тимократія: земельный цензъ получилъ громадное значеніе. Аристократія раздѣлила свое выдающееся положеніе съ другими крупными собственниками и удерживала свою долю вліянія только до тѣхъ поръ, пока каждый отдѣльный представитель ея пользовался крупнымъ состояніемъ,—слѣдовательно, пока онъ не лишился его вслѣдствіе дурнаго веденія хозяйства или по несчастнымъ обстоятельствамъ.

Въ это время, еще прежде чѣмъ укоренилась тимократія, явилось новое теченіе, которое, однако, не могло утвердиться,—стремленіе возстановить единоличную власть. Это было въ началѣ шестого столѣтія до нашей эры. Аристократія сильно угнетала народъ, и нерѣдко ей недоставало способныхъ представителей. Этимъ пользовались отдѣльные энергичные люди съ выдающимся умомъ, обыкновенно принадлежавшіе къ той же аристократіи; они старались склонить въ свою пользу народную массу и затѣмъ захватывали въ свои руки верховную власть.

Такъ дѣйствовали: Пизистратъ въ Афинахъ, Періандръ въ Коринѣ, Клисеевъ въ Сикионѣ, Феагенъ въ Мегарѣ, Тразибулъ въ Милетѣ. Они опирались не на аристократію, какъ это дѣлали прежніе цари, а, напротивъ, метили народу, и такъ какъ народъ, подобно имъ самимъ, желалъ уничтоженія или ограниченія привилегій дворянства, то они и достигали зачастую своей цѣли, тѣмъ болѣе, что спартанцы охотно поддерживали интересы единовластія.

Обманутый народъ обыкновенно слишкомъ поздно убѣждался, что, не подозрѣвая тираніи, подпалъ подъ владычество узурпатора. И хотя такое владычество, безспорно, дѣйствовало иногда благоприятно и приносило хорошіе плоды, содѣйствуя быстрому устраниенію существующихъ предрассудковъ и препятствій, все же инстинктивное чувство убѣждало эллиновъ, что только подъ панциремъ свободы можетъ процвѣтать ихъ благоденствіе. Когда по всей Элладѣ разнесся протестъ противъ тираніи, наступила долгая и тяжелая борьба. Вездѣ признана была справедливость словъ Солона: «Легче было предупредить тиранію, чѣмъ теперь ее низложить». Вопли оправдались также упрекъ, который этотъ законодатель высказалъ своимъ соотечественникамъ: «Если устройство вашей общины причинило вамъ горе, не сваливайте все на боговъ. Вы сами отдали власть и правленіе въ руки этихъ людей

и тѣмъ самымъ навлекли на себя постыдное рабство». Греческій мудрецъ высказалъ здѣсь мысли, справедливость которыхъ оправдалась впоследствии на многихъ народахъ и не утратила своей поучительности и въ наши дни.

Однако, какъ хитро ни утверждали свое владычество тираны, какъ благоразумно ни старались укрѣплять его приманкой матеріальныхъ интересовъ,— такой порядокъ вещей не могъ быть продолжительнымъ. Самый источникъ этого учрежденія побуждалъ, даже вынуждалъ къ продолженію насильственного дѣйствованія. У грековъ, однако, успѣха было еще недостаточно для того, чтобъ оправдать низложеніе государственныхъ порядковъ, болѣе отвѣчающихъ природнымъ склонностямъ эллиновъ. Всю Элладу обуревалъ духъ, жаждущій свободы, не выносившій подчиненія единоличной волѣ. Геродотъ былъ, безъ сомнѣнія, солидаренъ съ господствующимъ взглядомъ своего народа, говоря о правленіи безответственнаго властелина такими словами: «Онъ уничтожаетъ обычай страны, онъ позоритъ женщинъ, онъ убиваетъ людей безъ допроса!»

Такимъ образомъ, у народа возобновилось отвращеніе и ненависть къ единовластію и даже къ царскому титулу. Убіеніе тирана считалось высоконравственнымъ поступкомъ, и совершившій его стяжалъ себѣ вѣчную славу. Поэтому тиранія нигдѣ не могла долго утвердиться. Въ Афинахъ она пала черезъ 34 года (а если считать перерывы, то черезъ 50 лѣтъ), въ Коринѣхъ черезъ 74 года, въ другихъ мѣстахъ гораздо скорѣе. Въ Спартѣ, въ странѣ наименѣе цивилизованной, царскій санъ продолжалъ держаться и теперь, хотя и здѣсь больше номинально, чѣмъ въ дѣйствительности, ибо во внутреннихъ дѣлахъ эфоры получили преобладающую силу, и даже на войнѣ лакедемонскіе цари должны были руководствоваться указами правительства. Спартанцы вообще поддерживали, гдѣ только могли, олигархическую систему.

Столкновеніе между олигархіей и монархіей было предвѣщаніемъ борьбы, которую пришлось вести олигархическому принципу противъ нарождающейся демократіи. Развилась прежде всего тимократія, но и она въ нѣкоторыхъ государствахъ, особенно въ Афинахъ, была вытѣснена демократіею. Но даже и въ дорійскихъ общинахъ, гдѣ во главѣ стояли аристократы, основа была демократическая въ томъ смыслѣ, что народное собраніе принимало участіе въ законодательствѣ и управленіи. Въ общемъ, тамъ не было свободнаго гражданина, который чувствовалъ бы надъ собою безусловную власть, который не подавалъ бы своего голоса правительству.

Демократія сдѣлала возможнымъ свободное развитіе всѣхъ силъ и способностей народа и обезпечила общинѣ не только процвѣтаніе внутри, но и могущество съ внѣшней стороны. То и другое вызывается въ высокой степени наше изумленіе.

Государственное устройство спартанцевъ. Островъ Критъ, насколько извѣстно, выработалъ у себя, первый во всей Греціи, правильно организованный, по нашимъ понятіямъ, государственный порядокъ: развитію его, во всякомъ случаѣ, много

способствовало вліяніе цвѣтущихъ финикійскихъ городовъ, раньше здѣсь существовавшихъ, такъ какъ греческіе города Крита впоследствии считали, что создателемъ ихъ учреждений былъ финикіанинъ Минъ (Миносъ). Но самыми большими, самыми цвѣтущими и богатыми городами въ раннее время были Коринѳъ (поднялся главнымъ образомъ благодаря торговлѣ съ Италіей) и Милетъ. Тѣмъ не менѣе двѣ другія общины оказали наибольшее вліяніе на судьбы эллиновъ, а потому мы должны посвятить имъ особенное вниманіе. Это были—Спарта и Аѳины.

Во время великаго переселенія одно дорійское племя поселилось въ Лаконію и основало тамъ государство, которое приобрѣло всемірную историческую извѣстность подъ названіемъ Спарты или Лакедемона. Издревле населеніе дѣлилось на три класса: дорійскіе побѣдители составляли аристократію, жили въ городѣ Спартѣ (впрочемъ, городъ не былъ обнесенъ стѣною), и потому назывались спартанцами; періэки (т. е. окрестные жители) составились изъ той части туземнаго ахейскаго населенія, жившаго въ селахъ и деревняхъ, которой завоеватели, въ виду ихъ покорности или же по договору, предоставили въ пользованіе земельные участки, за что періэки обязаны были платить значительную подать; наконецъ, гелоты, туземцы, которые, послѣ ожесточеннаго сопротивленія, были взигы въ плѣнъ и закрѣпощены, а послѣ неоднократныхъ возстаній окончательно порабощены. Они должны были воздѣлывать поля, составлявшія собственность спартанцевъ, и сами получали только половину дохода отъ этихъ полей. Кромѣ того, они должны были служить своимъ господамъ въ качествѣ рабовъ.

Внѣшнее могущество спартанцевъ, однако, было долге время весьма незначительнымъ. Издревле правили у нихъ двѣ царскія семьи вмѣстѣ; между ними шли постоянные раздоры и нелады; неурядицы были на руку дворянству, которое въ это время выступало все съ большими притязаніями; всей общинѣ грозило паденіе.

При такихъ условіяхъ создалось новое государственное устройство, связанное съ именемъ Ликурга. О личности этого чело-вѣка не имѣется никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Геланникъ, историкъ, жившій раньше Геродота, и Фукидидъ не упоминаютъ даже его имени. Но не только все, что рассказывается о Ликургѣ, есть чистѣйшій мифъ, но и весь приписываемый ему способъ организаціи государства основанъ, очевидно, на ошибочныхъ представленіяхъ. Въ то время (за 800 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія) въ Спартѣ не требовалось особаго запрещенія записывать законы, потому что тогда едва начинали писать. Равнымъ образомъ излишними являются и другія запрещенія, напр.: употреблять при постройкѣ домовъ другое орудіе, кромѣ топора и пилы; другихъ инструментовъ въ то время не было. Если деньги изготовлялись изъ желѣза, то это значитъ, что не было ни золота, ни серебра. Можно привести еще и другіе подобныя же примѣры. Но, какъ бы то ни было, спартацкія учрежденія возникли на извѣстныхъ намъ началахъ. Остались два совѣстныхъ царя, и говорятъ, что состоявшееся между ними соглашеніе положило конецъ раздорамъ между двумя царствующи-

щими домами. Но и притязанія аристократіи были удовлетворены; верховная власть перешла въ другія руки, а цари были сами по себѣ; имъ уже не предоставлялось права выбирать себѣ людей для совѣта,—аристократія назначила совѣтъ для непосредственнаго разрѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ. Весь спартанскій народъ былъ раздѣленъ на три класса, каждый классъ на десять объ (родовые союзы—*φῶν*—имѣли значеніе, сходное съ латинскимъ *tribus*). Каждая оба составляла постоянную корпорацію, которая выбирала себѣ старѣйшину голосованіемъ или по возрасту; во всякомъ случаѣ, старѣйшины должны были имѣть не менѣе 60 лѣтъ. Старѣйшины этихъ 30 объ составляли вмѣстѣ герусію, совѣтъ старцевъ; оба царя были также членами герусіи, какъ представители двухъ своихъ объ; кромѣ того, они были предсѣдателями герусіи. Но верховная власть не принадлежала ни царямъ, ни герусіи. Всѣ важнѣйшія государственныя дѣла, особенно вопросы о войнѣ и мирѣ, предлагались на разсмотрѣніе собранія всего спартанскаго народа, происходившаго каждый мѣсяцъ. Право говорить въ этихъ собраніяхъ принадлежало только царямъ и геронтамъ. рѣшало же дѣло болѣешинство голосовъ полноправныхъ гражданъ.

Эти учрежденія мало отличались отъ прежняго политическаго устройства, которое изображено въ пѣняхъ Гомера. Уже здѣсь мы находимъ совѣтъ знатнѣйшихъ лицъ всѣхъ племенъ, князей или старцевъ, и, кромѣ того, народное собраніе (агора), созываемое въ извѣстныхъ случаяхъ для выслушанія рѣшенія совѣта. Своеобразно было раздѣленіе царской власти между двумя совмѣстными царями, при-томъ изъ различныхъ фамилій. Быть можетъ, въ этомъ усматривали средство противъ единоличной тираніи,—дѣйствительно, покушеніе на подобную узурпацію верховной власти было сдѣлано только спустя 5 столѣтій послѣ установленія власти двухъ царей.

Спартанскіе завоеватели поселились бокъ о бокъ съ враждебными имъ ахеянами, у себя же они составляли меньшинство по сравненію съ угнетаемыми ими періэками и еще болѣе бѣдствующими гелотами. Такое положеніе заставляло спартанцевъ постоянно быть готовыми къ войнѣ. Всѣ поселенія ихъ походили на военный станъ, и такой характеръ сообщило имъ вовсе не Ликургово законодательство: это прямо вытекало изъ военнаго положенія завоевателей. Противоестественность такихъ политическихъ условій породила рядъ дальнѣйшихъ аномалій. Упомянутое законодательство заботилось только о сохраненіи и продолженіи условій устроеннаго такимъ образомъ государства. Поэтому все воспитаніе и образъ жизни были суровые, чисто военные, а семейная жизнь и умственное развитіе стояли на второмъ планѣ. Общественные обѣды (*спеситіи*), внѣ дома, произошли отъ привычки обѣдать съ товарищами по шатру. Въ противоположность римлянамъ и вопреки естественному положенію вещей, спартанцы чувствовали себя менѣе стѣсненными строгими правилами на войнѣ и на чужбинѣ, нежели въ мирное время, дома.

Упорядоченіе и строгое примѣненіе военныхъ учреждений вскорѣ помогли достигъ значительныхъ внѣшнихъ успѣховъ. Ахеяне

города Амикль покорился спартанцамъ, а за ними и мессенцы. Несмотря на общедорійское сродство послѣднихъ со спартанцами, ихъ прикрѣпили къ землѣ, они должны были отдавать половину продуктовъ ихъ земель и, такимъ образомъ, были обращены въ простыхъ гелотовъ. Ихъ имѣнія послужили для образованія новыхъ родовыхъ помѣстій нарождающейся знати или обѣднѣвшихъ спартанцевъ.

Внѣшніе успѣхи послужили для царей Θεопомпа и Полидора (730—710 до Р. Х.) средствомъ къ новому возвышенію царской власти.

Опасность, угрожавшая аристократическимъ учрежденіямъ, увеличилась. Приморскіе и торговые города на сѣверѣ Пелопонеса, Коринѣ, Сикіонѣ и Мегара, распространяли на полуостровѣ разныя новшества; въ самой Лаконіи періэки стали заниматься промысломъ и торговлей, при чемъ весьма удобнымъ складочнымъ мѣстомъ служилъ имъ покоренный островъ Киоера. Царской власти стоило только привлечь на свою сторону угнетенные классы, чтобы низвергнуть господство аристократовъ и создать тиранию. Но аристократія сумѣла предупредить опасность: спасительнымъ средствомъ послужилъ эф о р а т ъ—учрежденіе, созданное побѣдоносными царями Θεопомпомъ и Полидоромъ.

Въ кругъ обязанностей царей входила власть полицейская и судебная (по гражданскимъ дѣламъ).

Когда цари были на войнѣ, они назначали себѣ помощниковъ для исправленія этихъ обязанностей; помощники назывались эфорами, ихъ было 5. Само собою разумѣется, что они являлись только орудіями тѣхъ, чьею властью они были облечены.

Возраставшая шаткость положенія аристократіи должна была неизбежно привести къ борьбѣ съ царскою властью. Мы не имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ этой борьбы. Но въ результатѣ явилось полное видоизмѣненіе эфората, преобразование его въ высшее правительственное учрежденіе, на которое возложено было охраненіе законовъ и государственнаго порядка.

Прежде всего аристократіи удалось отнять у царей право назначать эфоровъ. Вся аристократія избирала этихъ пять лицъ изъ своей среды, срокомъ на одинъ годъ. Эфорами могли быть только лица, достигшія 30 лѣтъ. Около 580—570 гг. до Р. Х. эфоры фактически достигли высшей государственной власти, благодаря стараніямъ Хилона.

Съ этого времени они становятся высшими руководителями общественныхъ дѣлъ. Они образуютъ верховную наблюдательную коллегію, контролирующую дѣйствія всѣхъ прочихъ властей; ихъ собственная власть не имѣла даже опредѣленныхъ границъ. Привлекать къ ответственности могли ихъ только эфоры слѣдующаго года. Цари утратили свой авторитетъ; сенатъ, состоявшій изъ старцевъ свыше 60 лѣтъ, не имѣлъ силы; завѣдуя полиціею внутри страны, руководя дѣлами внѣшней политики, эфоры устраняли должностныхъ лицъ, собирали войско, которое сопровождали два эфора, и заключали въ темницу самихъ правителей или царей.

Такимъ образомъ, Спарта превратилась въ чисто аристократическое государство; санъ царя сохранялся только по формѣ и по имени.

Но для упроченія такой организаціи недостаточно было учрежденія какой-либо одной коллегіи или одного института. Предприняты были еще другія преобразованія въ государственномъ устройствѣ; такъ, въ особенности, было постановлено, что геронты выбираются не родовыми союзами (обама), какъ было прежде, а всемъ вообще дворянствомъ. Главнымъ ручательствомъ прочности такого государственнаго порядка должно было служить дворянству запрещеніе и преслѣдованіе всякихъ новшествъ въ соціальной жизни. Въ Спартѣ не покровительствовали успѣхамъ промышленности, торговли и международнаго общенія. Суровыя мѣры, приписываемыя Ликургову законодательству, но на самомъ дѣлѣ только вытекавшія изъ грубости первобытныхъ условій (отсутствіе писанныхъ законовъ, исключительное употребленіе пилы и топора при домостроеніи, правила воспитанія и т. д.), стали теперь опредѣленною нормою, средствомъ для достиженія ясно сознанный цѣли. Прежде не знали культуры, отнынѣ не хотѣли ея и подавляли намѣренію и сознательно, какъ нѣчто опасное для государства.

Такимъ образомъ, высшей цѣлью спартанскихъ учрежденій является охраненіе владычества аристократіи. Цѣль достигалась, но какую цѣною! Народная масса томилась въ возмущительнѣйшемъ рабствѣ. Привилегированный же классъ былъ подчиненъ варварскому порядку, лишился какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ благъ культуры, а отчасти даже семейной жизни. Спарта была далека отъ чистоты нравовъ, трезвости и безкорыстія; ея исторія изобилуетъ чертами своекорыстія, честолюбія, роскоши и продажности; вообще безмѣрная испорченность господствовала какъ разъ въ такихъ кругахъ, гдѣ она вліяетъ самымъ вреднымъ образомъ, именно въ кругу наиболѣе выдающихся людей государства, съ большимъ вліаніемъ и силой.

Исключительнымъ владычествомъ одного сословія жителей обуславливалась еще и въ другомъ отношеніи постоянная внутренняя слабость государства. Небольшое число привилегированныхъ гражданъ лишало Спарту возможности переносить значительныя пораженія, особенно въ позднѣйшее время, такъ какъ число гражданъ въ этихъ случаяхъ уменьшалось. Вотъ почему спартанцы зачастую въ войнахъ избѣгали битвъ. Спарта, говоритъ Аристотель (Пол., II, 6, 12), погибла вълѣдствіе малаго числа своихъ гражданъ. Одна неестественность вліялась за другую.

Государственныя учрежденія аѳинянъ. Совсѣмъ иную картину представляетъ аѳинская община. Есть преданіе, что Тезей былъ первый устроитель государства. Изъ преемниковъ его въ царскомъ санѣ называютъ особенно Эрехтея и Кекропса. Общее теченіе въ Атикѣ также привело къ расширенію власти аристократіи насчетъ монархическаго устройства. Въ 752 г. до Р. Х., спустя полвѣка послѣ утвержденія такъ называемымъ Ликурговымъ законодательствомъ аристократическаго правленія въ Спартѣ, въ

Аѳинахъ былъ низложенъ царь; вмѣсто наслѣдственнаго правителя, главой государства сталъ савонникъ, избираемый уже не пожизненно, а только на 10 лѣтъ; право выбора царя предоставлялось всему высшему сословію, но избранію могли подлежать только члены прежней династіи (7 годами раньше въ Коринѣхъ къ династіи Бакхидовъ, изъ которой прежде избирались цари, перешелъ санъ притана, избираемаго на 1 годъ). Для упроченія новаго порядка, въ Аѳинахъ, какъ и въ Спартѣ, была введена организація по племенамъ; и тамъ и здѣсь расширено было могущество аристократіи и, по возможности, ограничены права народа.

Однако этими переменами еще не завершилась борьба между царской властью и аристократіей. Въ правленіе царя пятаго десятилѣтія произошла новая революція, вслѣдствіе которой право избираемости не оставалось достояніемъ одной династіи, а распространено было на всѣхъ «благородныхъ» (эпатридовъ).

Но и этимъ опасность тираніи не вполне прекратилась. Такимъ образомъ, въ 682 г., т. е. 70 лѣтъ спустя по отмѣнѣ наслѣдственности царскаго сана, монархическая форма правленія окончательно пала. Верховная власть уже не поручалась болѣе одному человѣку, а была раздѣлена между девятью архонтами, избираемыми аристократіей на 1 годъ; одинъ изъ нихъ сохранялъ за собой нѣкоторыя права прежнихъ царей, а потому и носилъ титулъ «архонта-царя». Кромѣ того, учрежденъ былъ совѣтъ изъ 48 притановъ. Но высшая власть принадлежала собранію всѣхъ достигшихъ полнаго возраста аристократовъ. Народная масса была безсильна и почти безправна, и такое положеніе было тѣмъ чувствительнѣе, что развитіе ремесла, судоходства и торговли пробуждало самосознаніе и должно было отразиться также и на поселянахъ. Аристократія злоупотребляла своею силою, тѣмъ болѣе, что твердо установленныхъ писанныхъ законовъ не существовало.

Неудовольствіе росло и скоро сдѣлалось опаснымъ. Въ 620 г. до Р. Х. аристократы избрали одного изъ своихъ, нѣкоего Дракона, первымъ архонтомъ и поручили ему записать и обнародовать существующіе законы обычнаго права (thesmoi).

Эта мѣра хотя и устраняла полный произволъ, но не привела къ желанной цѣли,—новыя потребности времени не были приняты во вниманіе. Въ государственномъ устройствѣ Драконъ ничего не измѣнилъ; была потребность и въ этомъ отношеніи, но она не вполне ясно сознавалась. На народѣ сильно отразилась такая новая санкція социальныхъ неустройствъ. Древнее обычное право было варварское; законы эти были «написаны кровью»; тѣмъ не менѣе ихъ теперь увѣковѣчивали; въ особенности законы о взыскаціи долговъ вели къ экономическому разоренію и къ личному закрѣпощенію народа. Эти тяжелыя условія вызвали волненіе, которое угрожало страшною внутреннею борьбою и кровопролитіемъ.

Въ это тревожное время, въ 594 г. до Р. Х., былъ избранъ въ санъ перваго архонта Солонъ и на него возложена задача примирить эпатридовъ съ народомъ. Солонъ принадлежалъ къ аристократіи; какъ у всѣхъ благородныхъ, такъ и у него были не-

состоятельные должники, которымъ онъ ссудилъ часть своего состоянія. Но народъ питалъ къ нему довѣріе, потому что онъ отличался сдержанностью и справедливостью; толпа даже требовала, чтобы онъ захватилъ верховную власть, но онъ былъ далекъ отъ этой мысли. Одною изъ заслугъ его передъ государствомъ является возвращеніе аѳинянамъ острова Саламина.

Сознавая полную несостоятельность существующихъ долговыхъ отношеній, новый архонтъ не испугался самыхъ радикальныхъ, какъ бы революціонныхъ мѣръ, необходимыхъ для спасенія отечества. Онъ объявилъ отмѣненными всѣ тѣ долги, которые были сдѣланы подъ залогъ личной свободы должника; такимъ образомъ, получили свободу и освобождены были отъ уплаты долговъ всѣ тѣ аѳиняне, которые находились за долгъ въ работѣ у кредиторовъ, а тѣ, которые были проданы за долгъ въ иноземное рабство, были выкуплены на счетъ государства. Но надо было доставить облегченіе и тѣмъ, которые хотя и не отдали въ кабалу самихъ себя, но у которыхъ была заложена ихъ земельная собственность. Для этого была понижена монетная единица, приблизительно на 27 процентовъ, такъ что долги уменьшились болѣе чѣмъ на $\frac{1}{4}$ капитальной суммы; кромѣ того, были понижены проценты. Это была такъ называемая «снѣхоія», «снятіе тягостей». Дабы прежніе порядки не могли повториться, Солонъ постановилъ, что личность не можетъ быть предметомъ залога, и что продавать свободнаго аѳинянина запрещено подъ страхомъ смерти; а чтобы предотвратить поглощеніе мелкаго землевладѣнія (поселянъ) крупнымъ (аристократовъ), было постановлено, что никто не можетъ имѣть болѣе опредѣленнаго закономъ количества земли. Амнистія увѣчала новое зданіе государства.

Но всѣхъ этихъ социальныхъ реформъ было недостаточно—необходимо было преобразовать также политическія учрежденія. Эта послѣдняя реформа была произведена нѣсколько позднѣе. Въмѣсто прежнихъ дѣленій гражданъ, родовыхъ и сословныхъ, Солонъ распредѣлил ихъ по размѣру земельной собственности, вѣрнѣе—по чистому доходу каждаго отъ своей земли, или по количеству продуктовъ (хлѣба, вина и оливковаго масла), доставляемыхъ этому лицу земельною собственностью его. Образовалась тимократія, на первый взглядъ напоминавшая прежнюю аристократію, владѣвшую крупными имѣніями, на самомъ же дѣлѣ важная въ практическомъ отношеніи уже потому, что соотвѣтственно такому дѣленію по поземельному цензу распредѣлялись налоги и военная повинность; такимъ образомъ, обдѣлѣвшіе эвпатриды лишились значенія, и право на высшія должности было предоставлено всѣмъ свободнымъ гражданамъ. Были установлены четыре класса: 1) Землевладѣльцы, получавшіе съ своихъ полей не менѣе 500 медимновъ (около 150 четвертей) хлѣба или соотвѣтствующее количество вина и оливковаго масла; они назывались пентакосіомедимны (500-медимные) и составляли классъ крупныхъ собственниковъ, который отнынѣ обязанъ былъ нести всѣ расходы по содержанію флота; 2) всадники (*hippeis*),—получавшіе не менѣе 300 медимновъ чистаго дохода; они

должны были служить въ конницѣ и, кромѣ того, приводить съ собою въ войско оруженосца; 3) зажиточные граждане (зевгиты), т. е. тѣ, которые получали не менѣе 200 медимновъ; въ войскѣ они служили тяжелооруженными (гоплиты); 4) оеты, свободные отъ налоговъ и военной повинности—рабочіе люди, ремесленники, купцы и все прочіе, имѣвшіе только движимое имущество. Въ связи съ этими дѣленіями на классы находилось и прогрессивное обложеніе населенія. Самое дѣленіе обуславливалось доходомъ. Налогъ же былъ соразмѣренъ съ величиной состоянія и устанавливался по различнымъ нормамъ. Для перваго класса установлены были 12% съ чистаго дохода, для втораго—10%, для третьяго—5%; четвертый классъ былъ свободенъ отъ налоговъ. Пентакосіомедимнъ, получавшій до 500 драхмъ или медимновъ дохода, платилъ налогъ съ капитала, равнаго 6000 фр.; всадникъ, доходъ котораго составлялъ 300 др., платилъ съ суммы 3000 др., зевгитъ—съ 1000 др.

Все свободные граждане аттическаго происхожденія, достигшіе 20-лѣтняго возраста, могли выбирать архонтовъ, но только изъ числа гражданъ перваго класса. Взамѣнъ аристократическаго совѣта 48 притановъ, учрежденъ былъ совѣтъ 400; члены его выбирались изъ числа гражданъ 4 древнихъ колѣнъ (филъ), по 100 изъ каждаго колѣна; выбору подлежали все граждане 3 первыхъ имущественныхъ классовъ, достигшіе 30 лѣтъ. Для постановленія закона и для рѣшенія вопросовъ о войнѣ и мирѣ требовалось согласіе народнаго собранія всехъ свободныхъ (въ указанномъ выше смыслѣ) гражданъ; оно должно было происходить не менѣе четырехъ разъ въ годъ. Каждое должностное лицо обязано было, по окончаніи своей годичной службы, представить отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; каждый гражданинъ могъ, въ теченіе мѣсяца, слѣдующаго за оставленіемъ сановникомъ должности, представить противъ него обвиненіе въ неправильныхъ дѣйствіяхъ. Судьи назывались гелиастами: это былъ родъ суда присяжныхъ, въ составъ котораго назначалось по жребію по 1000 человекъ изъ каждой филы; слѣдовательно, полный комплектъ судей состоялъ изъ 4000 гражданъ, достигшихъ 30 лѣтъ. Впрочемъ, верховнымъ трибуналомъ былъ ареопагъ; онъ рѣшалъ дѣла по обвиненіямъ въ убійствѣ и, кромѣ того, охранялъ законный порядокъ и интересы правленія, простирая свой контроль на правительство и на гражданъ.

Членами ареопага могли сдѣлаться тѣ изъ гражданъ перваго класса, которые уже раньше занимали высшій санъ въ государствѣ, именно санъ архонта, и при томъ безукоризненно отслужили свой годичный срокъ. Въ званіи члена ареопага такія лица оставались пожизненно.

Кромѣ указанныхъ условій, законодательство Солона затронуло еще многія другія отношенія гражданской и политической жизни. Оно, во всякомъ случаѣ, смягчило многія жестокія правила, возстановленныя Дракономъ, хотя частныя постановленія Солона намъ неизвѣстны (сообщенія Плутарха не достовѣрны). Какъ истинно гуманную черту, слѣдуетъ отмѣтить законъ аѳинскаго законодателя,

воспретившій отцамъ и братьямъ продавать въ рабство своихъ дочерей и сестеръ. Гражданамъ, умиравшимъ безбрачными, онъ впервые доставилъ право назначать наслѣдниковъ своего имущества по духовному завѣщанію. Не мало труда положилъ Солонъ и на воспитаніе народа; такъ, въ особенности оказалось впоследствии, что его заботы о развитіи гимнастики принесли много пользы въ войнахъ позднѣйшаго времени. Признавая общественный индифферентизмъ вообще вреднымъ для государства, а тѣмъ болѣе для республики, Солонъ обязалъ каждого гражданина принимать участіе въ борьбѣ политическихъ партій,—правило, практическое значеніе котораго, правда, нельзя ставить слишкомъ высоко въ виду именно его принудительнаго характера. Учрежденіями Солона могущество олигархіи впервые среди эллиновъ было ограничено въ демократическомъ смыслѣ. Высшія должности хотя и оставались въ рукахъ зажиточной части аристократіи, однако народная масса получила влияніе на выборы, по крайней мѣрѣ, настолько, что могла забраковать каждого немилаго ей кандидата на общественную должность, а затѣмъ и предъявлять обвиненіе противъ каждого должностнаго лица. Это былъ въ нѣкоторомъ родѣ компромиссъ. Аристократіи были оставлены большія привилегіи, но нужны были гарантіи противъ злоупотребленій. Во всемъ выразилась система колебанія, которая представляется важною, какъ первый шагъ къ демократіи, и въ переходное время могла быть признаваема весьма цѣлесообразною, но съ теченіемъ времени должна была склониться въ ту или другую сторону. По мѣткому замѣчанію Грота, Солонъ положилъ фундаментъ афинской демократіи, но созданныя имъ учрежденія были не демократическія, а олигархическія. Это было начало, важный шагъ, не болѣе. Важно въ практическомъ отношеніи было то, что социальные законы Солона, въ общемъ довольно либеральныя, создали свободный классъ небогатыхъ гражданъ и поселянъ, и названный выше историкъ основательно напоминаетъ, что безъ этого класса невозможны были бы побѣды при Маравонѣ и Саламинѣ. Не должно, однако, забывать, что сословія горожанъ и поселянъ приобрѣли свое выдающееся значеніе только при позднѣйшихъ учрежденіяхъ.

Трудъ свой Солонъ завершилъ въ 583 году до нашей эры.

Но ему пришлось еще увидѣть, какъ Аѣины подпали подъ тиранію. Предусмотрительно, и мужественно боролся Солонъ противъ нея, однако напрасно. Аристократія оказывалась безсильною, народъ беспомощнымъ и равнодушнымъ. Практически масса мало теряла въ смыслѣ политическихъ правъ и матеріальныхъ выгодъ; тираны даже дѣлали видъ, будто представляютъ интересы толпы противъ своевластія аристократіи. Уже въ то время это было вѣрнѣйшимъ средствомъ деспотизма! Такимъ образомъ удалось хитрому Пизистрату захватить высшую власть. Дважды изгнанный, онъ сумѣлъ въ третій разъ возстановить свое владычество и даже передать его по наслѣдству сыну своему Гипсію (первое господство Пизистрата 560—555 г., второе 550—549 г., третье отъ 537 до его смерти въ 527 г.; потомъ господство Гиппія до 510 г.; впрочемъ,

года, за исключеніемъ перваго и послѣдняго періодовъ, не вполне достовѣрны). Съ внѣшней стороны узурпаторъ оставилъ Солоновы законы и республиканскую форму правленія неприкосновенными, но самая сущность ихъ была уничтожена. Послѣ неоднократныхъ неудачныхъ попытокъ къ возстанію (при одной изъ нихъ потеряли жизнь прославленные герои свободы Гармодій и Аристокитонъ, послѣ того какъ былъ умерщвленъ братъ тирана, Гиппархъ), удалось, наконецъ, низвергнуть единовластіе; Гиппій былъ изгнанъ.

Аристократія, добившаяся этого успѣха, стала теперь стремиться къ восстановленію своего господства въ прежнемъ объемѣ. Но многіе изъ эпатридовъ сами понимали необходимость предоставленія большихъ и значительнѣйшихъ правъ небогатому сословію горожанъ, которое за послѣднее время приобрѣло и большую численность и большее вліяніе. Во главѣ новаго движенія сталъ Клисеенъ; онъ кореннымъ образомъ преобразовалъ законы Солона въ интересахъ демократіи; въ этомъ и состоитъ его заслуга. Новое распределеніе всего атичскаго народа явилась основаніемъ новаго строя. Прежнее дѣленіе на 4 колѣна (филы) и на множество маленькихъ общинъ, въ которыхъ преобладала аристократія, было отмѣнено. Клисеенъ раздѣлилъ все народонаселеніе на 10 филъ и каждую изъ этихъ новыхъ филъ—на 10 демовъ (округовъ). Эта реформа имѣла нѣкоторое сходство съ позднѣйшимъ закономъ, введеннымъ во время французской революціи, въ силу котораго, вмѣстѣ прежняго дѣленія на провинціи и *généralités*, было установлено раздѣленіе страны на департаменты, приблизительно равные по величинѣ, и были созданы равноправныя общины съ правомъ общегосударственнаго гражданства. Такимъ образомъ, старѣйшая родовая связь была разорвана и созданы были новые общинные союзы, въ которыхъ нѣсколько селеній представляли собой выборную единицу; этимъ подрывалось во многихъ мелкихъ околоткахъ преобладаніе знатныхъ землевладѣльцевъ. Въ тѣхъ же видахъ законодатель соединилъ по два дема въ навкраію (морской округъ). Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ такъ опредѣляетъ сущность этой реформы: «Каждая новая фила выбираетъ ежегодно изъ своей среды 50 членовъ правительственнаго совѣта. Эти 10 отдѣленій совѣта исполняютъ каждая, въ свою очередь, обязанности пританіи, т. е. предсѣдательствуютъ въ совѣтѣ въ одномъ изъ десяти періодовъ года; при каждой смѣнѣ пританіи происходитъ народное собраніе. Отъ каждой филы назначаются ежегодно по жребію въ гелію, т. е. въ народный судъ, 500 гражданъ, имѣющихъ свыше 30 лѣтъ, и филы же выбираютъ для трибунала архонта-паря, по дѣламъ о предумышленномъ убійствѣ, пять эфетовъ, сообразно числу (5) своихъ навкрарій. Каждая навкрарія выставляетъ и снаряжаетъ триэру и содержитъ ее и ея экипажъ».

Черезъ нововведенія Клисеена было привлечено къ участію въ государственныхъ дѣлахъ большее число гражданъ; при этомъ народное собраніе происходило теперь не 4 раза въ годъ, а 10 разъ. Впрочемъ, поселіе и ремесленники получили поддержку еще съ другой стороны. Война, начавшаяся съ обороны, но затѣмъ

денная съ успѣхомъ, окончилась пріобрѣтеніемъ на Эвбей плодородной равнины, принадлежавшей раньше халкидскому дворянству. По предложенію Клисоеена, земля эта была раздѣлена на 4000 участковъ (дворовъ), съ минимальнымъ доходомъ въ 150 медимновъ, и роздана гражданамъ, не имѣвшимъ недвижимаго имущества. Равнымъ образомъ приняты были въ число гражданъ метеки или вольноотпущенные, а также ипородцы, преимущественно изъ класса ремесленниковъ. За этими важными реформами слѣдовали другія; такъ, въ особенности были ограничены права архонтовъ тѣмъ, что совѣтъ 500 получилъ значеніе центральнаго органа управленія; кромѣ того, лицамъ съ небольшими средствами были проложены пути къ общественнымъ должностямъ.

Особеннымъ залогомъ нерушимости государственнаго строя должно было служить своеобразное учрежденіе, составляющее исключительную особенность древне-греческихъ демократій и больше нигдѣ не встрѣчаемое,—это былъ такъ называемый «судъ по черепкамъ» или остракизмъ. Честолюбивые люди, съ силою и вліяніемъ, могутъ стать опасными и вредными для государства, въ особенности въ республикахъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ такую опасность можно предвидѣть, пока законъ еще не нарушенъ и нѣтъ основанія къ уголовному преслѣдованію, тогда какъ именно въ самыхъ опасныхъ случаяхъ исправить вредъ, причиненный преступленіемъ, уже совершеннымъ, является дѣломъ прямо невозможнымъ, ибо самое осуществленіе государственнаго переворота лишаетъ народъ права покарать преступника. Равнымъ образомъ пагубно можетъ дѣйствовать соперничество вождей различныхъ партій. Надо было предотвратить все эти возможности особаго рода установленіемъ съ соблюденіемъ установленныхъ формъ. Можно было въ торжественномъ собраніи всего аттическаго народа предложить ему вопросъ: не требуетъ ли безопасность государства изгнанія такого-то гражданина? Сначала вопросъ этотъ обсуждался гласно. Если большинство высказывалось въ утвердительномъ смыслѣ, то назначался день окончательнаго вотированія. Оно происходило такъ: каждый гражданинъ писалъ на черепкѣ имя того, кто, по его мнѣнію, долженъ подвергнуться изгнанію. Если имя какого-нибудь гражданина было написано не менѣе чѣмъ на 6000 черепкахъ, этотъ гражданинъ долженъ былъ въ теченіе 10 дней оставить Аттику и оставаться въ изгнаніи 10 лѣтъ. Такое удаленіе, однако, не влекло за собой никакого позора или нарушенія имущественныхъ правъ. Потергившій обязанъ былъ принести большую жертву общественному благу, но его честь и его собственности оставались неприкосновенными; считалось даже въ нѣкоторомъ родѣ почестью (хотя и своеобразною) быть объявленнымъ настолько значительнымъ человѣкомъ, что сограждане признавали нужнымъ прибѣгать къ остракизму. Институтъ этотъ, конечно, имѣлъ въ виду не простыхъ гражданъ, а выдающихся дѣятелей государства, характеръ и стремленія которыхъ заставляли опасаться злоупотребленія ихъ вліяніемъ и силой въ ущербъ политической равноправности.

Остракизмъ былъ (какъ это превосходно доказалъ англичанинъ Гротъ) продуктъ страха и недовѣрія быстро развившейся, но еще

не упроченной демократіи; страхъ этотъ былъ основателенъ, «онъ можетъ казаться излишнимъ только потому, что принятія мѣры предосторожности предупредили нападеніе». (Въ монархіяхъ новаго времени подвергали изгнанію претендентовъ на корону и ихъ семейства: такъ, въ Англіи были изгнаны Стюарты, во Франціи потомки Наполеона, Бурбоны и Орлеаны. Въ монархіяхъ высылаютъ того или другого принца за предѣлы отечества, безъ всякаго суда и вотированія). Злоупотребленіе остракизмомъ случалась въ Аѳинахъ гораздо рѣже, чѣмъ можно бы думать; намъ извѣстны только 10, приблизительно, случаевъ, въ которыхъ было прибѣгнуто къ остракизму, и за однимъ или двумя исключеніями, приговоръ былъ справедливъ. Черезъ 90 лѣтъ послѣ Клизеена было вотировано послѣднее изгнаніе. Съ тѣхъ поръ демократія настолько окрѣпла въ Аѳинахъ, что могла обойтись безъ этого средства, а потому не прибѣгала больше къ нему. — Въ Аргосѣ, Сиракузахъ, а также нѣкоторыхъ другихъ демократическихъ общинахъ, существовало подобное же учрежденіе.

Спартанцы содѣйствовали низверженію тирана Гипсія: ихъ побудили къ тому эмигрировавшіе аѳинскіе аристократы и вызваннныя ими прорицанія оракула. Но когда они замѣтили развитіе демократіи, и возраставшее могущество Аѳинъ стало казаться опаснымъ для ихъ владычества, они попробовали вооруженною силою возвратитъ тирану прежнюю власть. «Они, по словамъ Геродота, разсуждали такъ: если аѳинскій народъ останется свободнымъ, то сравнится съ ними могуществомъ; если же надъ нимъ будутъ владствовать тираны, то онъ будетъ слабъ и покоренъ». Спартанцы въ это время покорили себѣ почти половину Пеллопоннеса; остальной же части полуострова, какъ и значительной части материка и островамъ, навязали свою гегемонію. Они выставили не только свое собственное войско, но и своихъ союзниковъ; кромѣ пеллопонсцевъ взяли за оружіе, для возстановленія аѳинской тираніи, беотійцы и халкидяне. Коринѳяне же, сами недавно прогнанныя своего тирана, безъ боя вернулись на родину. Спартанцы также вынуждены были отступить. Но беотійцы и халкидяне потерѣли сильныя пораженія: граждане и поселяне Аттики билась съ такимъ мужествомъ и съ такою стойкостью, какія внушаетъ только сознаніе борьбы за правое дѣло. Свобода была спасена, и аѳинская община давно окрѣпла цудъ ея эгидою. Геродотъ, описавъ это возвышеніе Аѳинъ, дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Такъ возрастала сила аѳинянъ. И мы можемъ не только въ этомъ случаѣ, но и повсюду найти подтвержденіе тому, насколько драгоценна свобода; потому что аѳиняне, когда они находились подъ властью тирана, не превосходили на войнѣ ни одного изъ своихъ сосѣдей, а какъ только они избавились отъ своихъ тирановъ, то сдѣлались первыми изъ всѣхъ. Это доказываетъ, что они были медлительны и боязливы, какъ вообще бываютъ люди работающіе на господина, изъ-подъ палки; когда же они получили свободу, то каждый приложилъ всѣ свои силы для своей же пользы.» Далѣе старый историкъ напоминаетъ: «что аѳиняне, получивъ свободу, уже не боялись Спарты, а пока ими помѣкалъ тиранъ, они были слабы и склонны къ подчиненію». (Гер., V, 78—91).

Здѣсь уместно будетъ указать еще на одно особое условіе. Мы не будемъ говорить теперь о томъ, что особому развитію искусствъ и наукъ содѣйствовали главнымъ образомъ демократическія учрежденія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря этимъ учрежденіямъ, ни въ какомъ другомъ государствѣ не уважалась такъ личность каждаго отдѣльнаго гражданина, какъ въ Аѣнахъ и въ другихъ подражавшихъ имъ общинахъ. Въ государствахъ древности вообще личность существовала только ради государства. Естественное право индивидуума приносилось въ жертву дѣйствительной, или хотя бы только воображаемой, пользѣ всѣхъ. Въ Спартѣ эта теорія подучила крайнее, почти непонятное развитіе. Но и сами философы Платонъ и Аристотель строятъ свои идеальныя общества на подобной же основѣ. Напротивъ того, въ Аѣнахъ и въ примыкающихъ къ нимъ демократическихъ общинахъ могла развиться свободная дѣятельность индивидуума. Здѣсь мысли и дѣйствія единичнаго лица не подлежали всеобщей регламентаціи; каждому были предоставлены достаточно широкія рамки для устроенія своей частной жизни по его личному вкусу и наклонности, сообразно его разумнію и энергіи. Даже эcceнтричность могла расчитывать на снисходительное отношеніе и не была мишенью для нетерпимости. Весьма распространенное мнѣніе, что въ древности гражданинъ существовалъ только ради государства, справедливо только въ общемъ смыслѣ, но не подтверждается относительно аѣнскихъ и другихъ народностей, организованныхъ подобнымъ же демократическимъ образомъ.

Очень скоро наступило время, когда достоинство аѣнскихъ учреждений могло вполне показать себя. Начались персидскія войны. Большія царства, въ родѣ Лидіи и могучаго Египта, не смогли отразить мощнаго натиска завоевателя, несмотря на централизацію всѣхъ силъ въ рукахъ единого владыки; въ раздробленной Элладѣ оказывали сопротивленіе только маленькія общины; даже болѣе того—спасеніе всей культуры зависѣло почти исключительно отъ одного города Аѣны.

Здѣсь республиканскія учрежденія, кромѣ другихъ выгодъ, принесли еще ту пользу, что управленіе государственными дѣлами всегда находилось въ рукахъ наиболѣе способныхъ и дѣятельныхъ людей. При первыхъ же вторженіяхъ персовъ мы видимъ во главѣ государства и войска Мильтіада, Аристиды и Фемистокла—за-разъ трехъ полководцевъ и государственныхъ дѣтелей въ этой крошечной республикѣ; между тѣмъ появленіе во главѣ управленія хотя бы одного подобнаго человѣка за цѣлое столѣтіе уже составляетъ рѣдкое явленіе въ исторіи даже крупнѣйшихъ государствъ недемократическаго строя. Инакъ, тутъ было на лицо развитіе всѣхъ силъ, не въ однихъ только низшихъ слояхъ, но и въ высшихъ.

Въ результатѣ получилась не только временная счастливая кооперация весьма разнообразныхъ элементовъ, но и оказался достаточно крѣпкимъ оплотъ противъ опаснаго для свободы могущества побѣдоносныхъ полководцевъ. Мильтіадъ является представителемъ аристократіи въ лучшемъ смыслѣ этого слова; Аристидъ былъ честнѣйшимъ и заботливѣйшимъ стражемъ Клеоеновой реформы,—та-

кимъ же недобѣрчивымъ, какъ и Кеантиппъ; но талантливѣйшимъ изъ всѣхъ быть умный и энергичный Фемистоклъ.

Мильтіадъ, старѣйшій изъ названныхъ мужей, былъ хорошо знакомъ съ восточными условіями и слабыми сторонами персидскаго военнаго дѣла; ему и было поручено главное начальство въ первой рѣшительной битвѣ (при Маравонѣ). Но, какъ бы ни была огромна заслуга единичнаго гражданина, спасеніе политической независимости не должно быть куплено утратою внутренней свободы. Мильтіадъ привыкъ къ самовластию въ Херсонесѣ; ему хотѣлось пересадить тиранію и въ Аѳины. Этого именно и опасался Аристидъ, но возращеній Мильтіада въ отечество; тѣмъ благородіе и возвышеніе было самоотверженіе, съ какимъ онъ въ рѣшительный моментъ помогъ этому человѣку получить командованіе надъ войскомъ, а самъ избралъ себѣ труднѣйшую позицію въ битвѣ. Но когда въ скоромъ времени опасныя стремленія Мильтіада выступили наружу, тогда самый блескъ маравонской побѣды не могъ спасти, отъ паденія и уголовного суда этого человека, который стремился захватить всѣ верховныя права въ государствѣ, возложенную на него власть употребилъ не для уничтоженія персидскаго могущества, какъ этого ожидали, а для другой цѣли, шизившей его великую задачу, для простаго завоевательнаго и хищническаго набѣга въ своемъ же эллинскомъ отечествѣ.

Теперь стояли другъ противъ друга Аристидъ и Мильтіадъ. Соперничество ихъ угрожало республикѣ силами и опасностями. Аристидъ, безъ сомнѣнія, былъ болѣе благороденъ, но Фемистоклъ не только превосходилъ его талантами вообще, но и лучше понималъ потребности времени, государства и народа. Одинъ стѣснилъ другого, и отъ этого страдала вся аѳинина; кого-нибудь изъ нихъ надо было устранить. Остракизмъ далъ себѣ знать удаленіемъ Аристиды. Фемистоклъ могъ теперь считать военный флотъ, признаваемый единственнымъ средствомъ спасенія.

Это было новою тягостью для государства. Чтобы легче нести ее, нужно было привлечь къ участию весь четвертый классъ гражданъ, до тѣхъ поръ свободный отъ налоговъ, цетовъ, мелкихъ ремесленниковъ, купцовъ, моряковъ и др., тѣмъ болѣе, что среди этого класса были элементы, наиболѣе пригодные для морской службы. Но этихъ людей нельзя было только обременять налогами; нужно было дать имъ извѣстныя права, признать ихъ гражданами, въ высшемъ значеніи этого слова. Положено было основаніе полной демократизаціи, политической равноправности всѣхъ гражданъ.

Созданіе Фемистокла вскорѣ блистательно заявило себя при Саламинѣ. Вся Эллада была спасена, никогда еще не была одержана болѣе дивная побѣда.

Но не только названное выше мѣропріятіе — организація флота — подверглось новому испытанію, самое демократическое устройство Аѳинъ выдержало эту пробу на практикѣ.

Фемистоклъ совершилъ поистинѣ великій подвигъ. Даже спартанцы не отказывали въ почестяхъ человѣку, которому Эллада была обязана своимъ спасеніемъ; Аѳины могли имъ гордиться. Аѳиняне

гордились имъ, но и не были слѣпы къ его недостаткамъ и не закрывали глазъ на опасности, которыя могла навлечь на республику небезупречная чистота характера этого гениальнаго человѣка. Онъ не былъ безупреченъ въ денежныхъ дѣлахъ, не настоялъ у спартацевъ на томъ, чтобы воспользоваться саламинскою побѣдою для освобожденія іонянъ, и, наконецъ, забывъ примѣръ Мильтіада, онъ предпринялъ, съ недостойною эллинскаго дѣла хищническою дѣлюю, экспедицію противъ острова Андроса, а жителей Пароса заставилъ откупиться отъ осады деньгами.

Его не предали суду. Саламинская заслуга его была слишкомъ памятна и слишкомъ велика. Но довѣріе къ этому человѣку было поколеблено. Начальство надъ аѳинскимъ войскомъ въ слѣдующемъ году было поручено не ему, а Аристиду,—этому истинному патриоту, который это довѣріе блистательно оправдалъ: побѣда при Платеѣ, уничтожившая персидское войско въ Греціи, была дѣломъ не только его личной храбрости, но еще болѣе его благороднаго самоотверженія, какъ равно и основаніе федераціи эллинскихъ государствъ внѣ Пелопонеса подъ предводительствомъ Аонія II, наконецъ, Аристидъ, на основаніи указаній практики, отказавшись отъ своего пружинно-предположенія не идти дальше демократическихъ учрежденій Клиссона, продолжалъ обучать всѣхъ аѳинцевъ, которыя назначеніе должности ставили въ зависимость отъ добродѣтели инаго общественнаго цѣнза; каждый независимый себя гражданинъ подлежалъ стнннѣ избранію, всѣ были равноправны.

Но хотя Аристидъ и сдѣлался вліятельнѣйшимъ человѣкомъ въ Аѳинахъ; онъ нисколько не затмилъThemistocle, тѣмъ болѣе, что ихъ прежнее соперничество сдѣлалось довольно близкимъ отношеніямъ. Особенную заботливость приложилъ Themistocle къ тому, чтобы, на зло подозрительной и надменной Спарѣ, укрѣпить самый городъ Аонія и его гавани. И только когда открылась измѣна спартацкаго царя-регента Павзанія и онъ былъ уличенъ въ сношеніяхъ съ персами, Themistocle, который оказался замѣшаннымъ въ это гнусное дѣло, выдвинулся, былъ объявленъ дѣйствующимъ царемъ.

Мы сейчасъ упомянули, что демократическія учрежденія аѳинянъ привели къ тому поразительному результату, что, несмотря на свою небольшую территорію, аѳинская область способна была не только воспитать великихъ полководцевъ и государственныхъ людей, но и ставить ихъ во главѣ управленія. Мы видѣли, что за Мильтіадомъ тотчасъ послѣдовали Themistocle и Аристидъ.

Но производительность аѳинскаго народа не ограничилась только этими великими людьми. Еще при жизни Аристиды—черезъ 10 лѣтъ послѣ платейской битвы—выдвинулся Климонъ, сынъ Мильтіада, человѣкъ съ аристократическими наклонностями, но одушевленный любовью къ отечеству и самоотверженіемъ, при этомъ искусный военачальникъ. На ряду съ нимъ приобрѣлъ значеніе своимъ демократизмомъ Эфιάльтъ и самый даровитый изъ всѣхъ Периклъ (сынъ Ксантіппа, довицеля Мильтіада). Во всей всемирной исторіи нельзя указать монархіи, гдѣ бы замѣчалось такое послѣдовательное появленіе поштиннѣ выдающихся дѣятелей общественной жизни, какъ

въ этой маленькой республикѣ, Аѣинахъ. Аналогичное явленіе мы уважемъ ниже относительно поэтовъ, особенно драматурговъ*).

Новѣйшіе историки привыкли изображать аѣинскія учрежденія и порядки, достигшіе своего полнаго развитія при Периклѣ, въ такомъ освѣщеніи, которое, быть можетъ, и льстило тенденціямъ самовласти, абсолютизма, но отнюдь не соответствовало правдѣ. Лицепріятные историки исказили всю картину; послѣдователи ихъ давали копии, по возможности, еще съ новыми придачами. Традиционная оцѣнка вводила въ заблужденіе даже людей, въ общемъ выработавшихъ себѣ самостоятельные взгляды, и, между прочимъ, заставила Шлоссера, вмѣсто того, чтобы высказать мнѣніе, основанное на фактахъ, предпочесть пустыя и дутыя фразы, даже брань по адресу яко бы «самой дикой, необузданной демократіи», видя въ ней простую «тиранію черни», охлократію, для которой не было ничего святого.

Заслуга англичанина Грота въ томъ, что онъ первый съ глубочайшею основательностью возстановилъ ту часть исторіи, которую искажали историки, лишенные пониманія вольныхъ общинъ и демократическихъ учреждений.

И здѣсь опять сказалась громадная разница между сужденіемъ чловѣка близко знакомаго съ жизнью народа, поставленнаго въ условія широкой общественной свободы, и узкими понятіями профессора, хотя и почтеннаго, но привыкшаго къ тѣсному помѣщенію каедры и къ молочкаливой и вѣрующей публикѣ, наполняющей аудиторію.

Преобразование государственнаго устройства Аѣинъ при Периклѣ состояло главнѣйше въ томъ, что равноправность всѣхъ гражданъ, уже признавая раньше въ принципѣ, была теперь вполне осуществлена на дѣлѣ; административная власть была отдѣлена отъ судебной и были даны всевозможныя гарантіи противъ подкупа, который процвѣталъ не только въ Аѣинахъ, но еще болѣе въ Спартѣ. Противъ чего же направлены обвиненія и даже брань?

У ареопага были отняты право контроля и судебная власть, кромѣ случаевъ убійства, которыми онъ продолжалъ вѣдать въ силу стародавнихъ религіозныхъ обычаевъ и предразсудковъ. Далѣе совѣтъ пятисотъ (сенатъ) утратилъ свою карательную власть, исключая постановленій о незначительныхъ денежныхъ пеняхъ. Все остальное судопроизводство, гражданское и уголовное, вручено было народу. Вмѣсто постоянныхъ судей, учреждены были трибуналы въ родѣ судовъ присяжныхъ, только въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ наши нынѣшніе. Каждый годъ назначался, посредствомъ жребія, 6000 гражданъ, для исполненія обязанностей дикастовъ. Ихъ приводили къ

*) Англичанинъ Фрэнсисъ Гальтонъ («О наследственной гениальности») указываетъ на то, что маленькія Аѣины за періодъ одного столѣтія (530—430 до Р. Хр.) произвели 14 знаменитостей, прославленныхъ исторіей; вотъ ихъ имена: Мильтиадъ, Фемистоклъ, Аристидъ, Кимонъ, Периклъ, Фукидидъ, Сократъ, Ксенофонтъ, Платонъ, Аристотель, Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ, Аристофанъ и Фидій. Гальтонъ спрашиваетъ, какъ велико число подобныхъ великихъ людей, вышедшихъ изъ остальныхъ милліоновъ чловѣчества? Мы прибавимъ отъ себя: каково будетъ отношеніе, если изъ этой массы выдѣлить Флорентинскую республику, нѣсколько приближающуюся къ Аѣинамъ?

присягѣ, распредѣляли на 10 декурій, по пятисотъ человѣкъ въ каждой; сверхкомплектные оставались запасными. Постоянные судьи уже не рѣшали споровъ и не постановляли взысканій, а только представляли дѣла на рѣшеніе той или другой декуріи. Самая величина состава уже служила достаточною гарантіею праваго суда, но, кромѣ того, никто не могъ по своему усмотрѣнію назначить дѣло къ слушанію въ одно изъ 10 отдѣленій; это рѣшалось жребіемъ, и никто не могъ предвидѣть результата.

Такое устройство налагало на гражданъ новую обязанность, болѣе трудную, чѣмъ прежнія, и для бѣднаго человѣка она должна была сдѣлаться тяжелою и обременительною. Поэтому было постановлено, что каждый желающій, получая за свой трудъ небольшое вознагражденіе отъ государства. (Мы не знаемъ доподлинно сколько именно: одинъ ли оболъ сначала, или сразу три оболы, т.-е. около 12 коп. серебр., какъ это было въ позднѣйшее время; впрочемъ, слѣдуетъ принять во вниманіе высшую денежную цѣнность въ тѣ времена. Это и былъ столь порицаемый «подкупъ народа», та самая судейская мзда, о которой говорили съ такимъ презрѣніемъ. Какъ будто въ нашихъ современныхъ государствахъ судебныя обязанности отправляются безвозмездно). «Вліяніе и значеніе вельможъ, которые привыкли занимать высокія мѣста, было уменьшено; съ другой стороны, въ средѣ бѣдныхъ гражданъ возникла новая жизнь, возникли новыя нравы и новое чувство силы» (Гротъ). Менѣе зажиточный гражданинъ теперь также освоился со всѣми условіями общественной жизни; его знаніе увеличилось, его чувство соборнаго достоинства возвысилось; а чрезъ это, съ одной стороны, выигрывала интеллигентная сила общины, а съ другой стороны—постороннее воздѣйствіе на судей становилось какъ бы дѣломъ невозможнымъ.

Новыя мѣры не только не облегчали ниспроверженія существующаго порядка и преніяетвовали произвольному измѣненію законовъ, но, напротивъ, представляли достаточно сильную гарантію противъ всяческихъ преобразованій, внушаемыхъ впечатлѣніями минуты. На оеосоетахъ лежала обязанность ежегодно провѣрять существующіе законы и представлять на пересмотръ юридическія противорѣчія и недоумѣнія. Каждый одиннадцатый день перваго мѣсяца въ году происходило народное собраніе (экллесія), въ которомъ оглашался каждый отдѣльный законъ, для его утвержденія или отмѣны. Если законъ измѣнялся, или какой-нибудь гражданинъ хотѣлъ предложить новый законъ, третье собраніе пританіи назначало номоеетовъ, для предварительнаго разсмотрѣнія законопроекта. Ихъ избирали изъ 6000 присяжныхъ дикастовъ, и при томъ всегда въ большемъ числѣ (отъ 500 до 1000). Вся суть этого порядка была въ томъ, что законы устанавливались или отмѣнялись съ соблюденіемъ тѣхъ же законныхъ формъ и съ тою же торжественностью, съ какимъ велись судебныя процессы, но съ тою только разницею, что утвержденіе или отмѣна закона зависѣли не отъ народнаго собранія, а отъ номоеетовъ. Экллесія (народное собраніе) постановляла рѣшенія

только въ отдѣльныхъ случаяхъ; такое рѣшеніе называлось *psephisma*. Но для предупрежденія интригъ было постановлено, что каждый вносящій проектъ закона отвѣчаетъ за то, что его проектъ не противорѣчитъ ни одному изъ существующихъ законовъ (въ противномъ случаѣ слѣдовало предложить измѣненіе или отмѣну стараго закона), а также, чтобы соблюдаемы были установленныя формы; нарушившій эти правила цѣлый годъ оставался въ опасности быть привлеченнымъ къ отвѣтственности и подвергнуться наказанію. (Этотъ процессъ назывался *graphè paranómon*). Изъ чего видно, что тутъ было не «дикое, разнузданное, тираническое господство черни», а, совсѣмъ напротивъ, были безусловно консервативныя учрежденія, имѣвшія въ виду, попятно, не охрану законныхъ порядковъ, а проведеніе мирнымъ путемъ необходимыхъ измѣненій въ законодательствѣ.

Личность самого Перикла настолько чиста во всѣхъ отношеніяхъ, что трудно указать другой такой примѣръ въ исторіи. Упрекъ въ «демагогическихъ уловкахъ» имъ не заслуженъ и могъ бы быть отнесенъ скорѣе къ его олигархическому противнику Кимону. Периклъ проявилъ честность Аристиды въ связи съ гениальностью и зоркостьюThemistocles; въ немъ соединялись всѣ преимущества превосходнаго воспитанія съ высокою осмотрительностью и самообладаніемъ. Этимъ только и объясняется тотъ фактъ, что этотъ человѣкъ удержалъ свое огромное вліяніе на государственную жизнь, за небольшимъ перерывомъ, до самой своей смерти, т.-е. цѣлыхъ 40 лѣтъ (что было бы невозможно при дикомъ господствѣ черни и вообще при условіяхъ, какъ ихъ рисуютъ историки-обвинители), несмотря на то, что у него были очень сильныя антагонисты. Не демократическія учрежденія погубили будущность Аѳинъ, — напротивъ того, они были источникомъ безпримѣрнаго процвѣтанія этой маленькой общины, — а нѣчто совсѣмъ другое — гегемонія, господство въ худшемъ значеніи этого слова, было причиной сначала нравственной порчи, а затѣмъ и постепенной гибели великолѣпныхъ Аѳинъ.

Особенно принято говорить о свирѣпой демагогѣ при «к о ж е в н и к ѣ Клеонѣ» (называемомъ такъ потому, что онъ велъ обширныя промышленныя дѣла). Гротъ опровергъ часть упрековъ Клеону, другую же часть свелъ на ихъ дѣйствительную скромную мѣру. Какъ бы ни преувеличивали ошибки этого демагога, основываясь на показаніяхъ его враговъ, во всякомъ случаѣ онъ не принесли Аѳинамъ даже приблизительно столько вреда, сколько причинили имъ пороки олигарха Алкивиада.

Между тѣмъ демократическое устройство продолжало дѣйствовать и во время пелопонесской войны, пока, на 25-мъ году ея, одна олигархическая фракція, путемъ обмана и убійствъ, не захватила власть въ свои руки и не поручила управленіе совѣту четырехсотъ. Но господство этого террора длилось не болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Онъ былъ побѣжденъ твердой волею флота, на которомъ находились тогда граждане, преданные демократіи и какъ бы представлявшіе собой «отечество», а также сопротивленіемъ небольшого остатка городского

населенія. Контръ-революція низвергла деспотическое правленіе и возстановила прежнія учрежденія почти во всемъ ихъ объемѣ, ограничивъ только право голоса (какъ говорятъ, 5000-ми гражданъ) и прекративъ производство жалованья за исполненіе гражданскихъ обязанностей. Послѣднее, вѣроятно, обусловливалось тогдашнимъ финансовымъ кризисомъ, а право голоса уже въ слѣдующемъ году было распространено попрежнему на всѣхъ аѳинскихъ гражданъ.

Война, какъ всегда, была могилой свободы. Аѳинская партія олигарховъ буквально задумала паденіе своего родного города и предавала его врагамъ, что едва ли даже было нужно. Тридцать человѣкъ, извѣстныхъ въ исторіи подъ названіемъ «тридцати тирановъ», захватили верховную власть въ свои руки. Опираясь на лакедемонскій гарнизонъ, особо вызванный для этой цѣли, они принялись хозяйничать на подобіе революціоннаго трибунала во Франціи, съ которымъ это правленіе вообще имѣть разительное сходство. Сначала цѣлью учрежденія правительства тридцати было выставлено составленіе проекта новаго государственнаго уложенія. Въмѣсто этого они объявили, что сначала очистить городъ отъ злоумышленниковъ. Они назначили новый сенатъ изъ своихъ приверженцевъ, роздали имъ всѣ должности и стали яростно преслѣдовать демократовъ и тѣхъ аристократовъ, которые не преклонялись передъ ними безусловно или не становились слѣпо на ихъ сторону. Наперерывъ старались эти тридцать правителей насытить свою личную ненависть и алчность. Конфискаціямъ и казнямъ не было конца. Изъ всей массы гражданъ, обвиненныхъ ими передъ сенатомъ, только одинъ былъ оправданъ; онъ былъ обвиненъ для виду, — чтобы потомъ свидѣтельствовать противъ другихъ. Обычнымъ наказаніемъ былъ кубокъ яда. Многіе были казнены безъ допроса, безъ слѣдствія, просто по приказанію тирановъ. Лизандръ, побѣдоносный спартанскій полководецъ, извѣстный своими талантами, но еще болѣе своею низостью, безусловно поддерживалъ это гнусное правленіе угрозой прогнать изъ Аѳинъ всѣхъ не признававшихъ его гражданъ. Чтобы сложить съ себя отвѣтственность на будущее время, совѣтъ тридцати старался дѣлать сообщниками своихъ преступленій какъ можно болѣе консерваторовъ; съ этой цѣлью имъ давали разные порученія, и рѣдко кто осмѣливался отклонить подобное участіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ самъ подвергался преслѣдованію. Многіе аѳиняне бѣжали. Спартанцы требовали отъ своихъ союзниковъ, чтобы они не давали убѣжища этимъ бѣглецамъ. Но, какъ велико ни было озлобленіе другихъ племенъ противъ аѳинянъ и какъ ни свойственно человѣку преслѣдовать слабыхъ, однако владычество тирановъ пробудило сознаніе обще-эллинской связи, чувство свободы и права, и это чувство было такъ сильно, что большая часть общинъ не исполняла требованія главенствующей Спарты. Какъ уже было сказано выше, благородный Тразибулъ изъ Оивъ произвелъ нападеніе на Аттику, послѣдствіемъ чего и было низверженіе тирановъ. Цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ безпрепятственно свирѣпствовали совѣтъ тридцати: этотъ періодъ называли аѳиняне «періодомъ анархіи»; черезъ слѣдующіе восемь мѣсяцевъ тиранія была окончательно низвергнута.

Какое короткое время по сравненію съ новѣйшими періодами реакціи!

Олигархія проводила систему гнусостей и сдѣлалась невыносимой. Потому не могло быть рѣчи о сохраненіи олигархическихъ учреждений, даже въ смягченной формѣ. Демократія опять вступила въ свои права. Тридцать правителей, поддерживаемые богатымъ классомъ всадниковъ, по мѣткому замѣчанію Тразибула, совершили въ какіе-нибудь восемь мѣсяцевъ больше преступленій и злодѣній противъ личности и собственности, нежели бѣдная народная масса за все сто лѣтъ своего господства: съ этимъ согласяся самые ярые противники демократіи. Прѣжнее право, за немногими измѣненіями, было снова восстановлено, и столь ужасно угнетаемый, а теперь побѣдоносный народъ великодушно увѣнчалъ все дѣло провозглашеніемъ всеобщей амністіи (за немногими исключеніями), и тѣмъ фактически доказалъ, что народное правленіе не всегда вырождается въ «господство черни».

Какъ мы уже сказали выше, въ очеркѣ вѣйшихъ событій въ Греціи, Аѳинамъ пришлось позднѣе испытать еще не мало тревоженій и метаморфозъ. Тяжелые удары, полное изнеможеніе, истребленіе и гибель части стариннаго городского сословія, все то оставило глубокіе слѣды на умѣлѣвшемъ населеніи. Явилась потребность въ покоѣ, отдыхѣ. Граждане въ особенности старались избавиться отъ тяжелой военной службы; наемничество было удобнымъ средствомъ, а потому и получило широкое развитіе. Потому-то аѳиняне время Демосоена были уже не тѣ, что во времена Перикла и Аристиды. И, тѣмъ не менѣе, многія черты доказывали, что старыи, возвышенный духъ продолжалъ дѣлать свое дѣло даже при самыхъ неблагоприятныхъ вѣйшихъ условіяхъ. Побѣды македонянъ не могли уничтожить горячей любви аѳинскаго народа къ своимъ руководителямъ въ борьбѣ за самостоятельность и свободу; такъ, напримѣръ, ничто не могло уничтожить привязанности аѳинянъ къ Демосоену или даже обратить это чувство въ противоположное, какъ это часто бываетъ при перемены счастья. Вспомнимъ о чертѣ величія, проявленнаго аѳинянами, когда могущественный Александръ потребовалъ выдачи вождей партіи враждебной Македоніи. Онъ только что передъ этимъ сравнивалъ съ землею Фивы за отказъ фивянъ исполнить подобное же требованіе его, и тѣмъ самымъ показалъ, что ожидало Аѳины. Но повиновеніе Александру было бы въ то же время нарушеніемъ свободы слова и преступленіемъ противъ вождей, хотя и побѣжденныхъ но выказавшихъ высокій патриотизмъ. И тутъ-то, несмотря на ужасное положеніе, народъ имѣлъ нравственное мужество отвергнуть съ негодованіемъ предложеніе Фокіона подчиниться требованіямъ Александра. И, несмотря на все свое право сильнаго, завоевателя, предпочелъ не подвергать Аѳинъ участи Фивъ.

Соціальная жизнь эллиновъ. Какъ ни великолѣпно развилась общественная жизнь грековъ, ихъ соціальныя порядки далеко не все были идеальны. Изъ несомнѣнно законнаго, самого по себѣ, самосознанія ихъ вытекало неуваженіе къ другимъ народамъ. Понятіе о гуманности, обнимающей собою все человечество,

не получило развитія *). Всѣ чужія народности не только считались варварами, но навсегда таковыми и оставались. Каждый эллинъ имѣлъ право на участіе въ элевзинскихъ таинствахъ; по одному древнему закону всѣ иноплеменники были лишены этого права. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что культурное развитіе смягчало въ грекахъ грубую и мрачную исключительность, какую мы видимъ у другихъ народовъ, особенно у евреевъ.

Однако и въ глазахъ грека общеэллинское гражданство обнимало не всѣ, безъ исключенія, греческія области. Въ оиванцѣ, прибывшемъ въ Аѳины, видѣли не эллинскаго брата, а скорѣе только беотійца. Потому онъ не могъ просто переселиться и получить права аттическаго гражданина. Подобныя, даже еще болѣе строгія, правила существовали и въ другихъ государствахъ Греціи. Въ Спартѣ затруднялось пребываніе иноземцевъ въ виду того, что тамъ опасались, и едва ли не основательно, распространенія новыхъ идей. Затѣмъ городское и сельское населеніе пользовалось опять-таки неодинаковыми правами. Эта разнь проникала до самыхъ корней народной жизни. Городскіе жители, въ свою очередь, распались на группы—родовыя и имущественныя. Мы уже видѣли, послѣ какихъ продолжительныхъ и тяжелыхъ междоусобій аѳиняне достигли равенствъ гражданскихъ правъ. Въ Спартѣ и большинствѣ другихъ городовъ никогда не могли добиться этой цѣли, и даже самое стремленіе къ ней признавалось безумнымъ.

Иноземцы, пришельцы и даже ихъ потомки были только покровительствуемые, вольноотпущенные (метеки). Аристофанъ, сообразно господствовавшимъ тогда понятіямъ, называетъ ихъ «плевелиами городовъ». Лишенные права занимать какую-либо общественную должность, они не могли также вести какое либо дѣло отъ своего имени, а обязаны были стать подъ защиту туземца и за это работать на него. Кромѣ того, они обязывались и по имени и по одеждѣ отличаться отъ свободныхъ гражданъ (носить коротко остриженные волосы). Они не смѣли посѣщать гимназій; мѣстомъ для тѣлесныхъ упражненій служили имъ, какъ и незаконнорожденнымъ мальчишкамъ, находившіеся за городской чертой киносарги.

Самымъ темнымъ пятномъ былъ институтъ рабства. Міра безъ рабовъ эллинъ не могъ бы себѣ и представить. Идея равноправности всѣхъ людей была ему совершенно чужда. Самъ Аристотель учитъ (Полит., I, 2), что нѣкоторые люди рождены быть рабами.

Говорятъ, что во всей Греціи число рабовъ почти въ шесть разъ превышало число свободныхъ. Даже въ Аѳинѣ, въ извѣстное время, при населеніи въ 21000 гражданъ (семействъ) было 10000 метековъ и 400000 рабовъ. Въ Лакедемонѣ эта несоразмѣрность была еще больше.

*) Хотя оно уже существовало, если правда то, что сообщаетъ Діодоръ Гелонъ, сиракузскій тиранъ, послѣ большой побѣды надъ караегенянами при Гимерѣ (480 до Р. Хр.), однимъ изъ условій мира выставилъ требованіе, чтобы караегеняне прекратили гнусный обычай человѣческихъ жертвоприношеній Кроносу (Молоху). Монтескье называетъ договоръ этотъ прекраснѣйшимъ во всей исторіи.

Большинство этихъ несчастныхъ состояло изъ жителей покоренныхъ областей и ихъ потомковъ. Морекою разбой имѣлъ также цѣлью добываніе рабовъ. Платонъ и Діогенъ испытали эту участь; первый былъ выкупленъ своими друзьями за 3000 драхмъ (727 р. 50 к.), второй до конца жизни оставался рабомъ. Впрочемъ, цѣна на рабовъ, вслѣдствіе ихъ многочисленности, часто стояла такая низкая, что худшая лошадь стояла столько же, сколько пять чело-вѣкъ. Торговля невольниками является вообще одной изъ крупнѣйшихъ отраслей промышленности.

Ненормальность этого положенія налагала свою печать на всѣ житейскія отношенія. Старались привить этимъ несчастнымъ низкое понятіе о своей личности, принизить ихъ образъ мысли, подавать всякое чувство собственного достоинства «небагороднымъ» воспитаніемъ и приученіемъ къ побоямъ и истязаніямъ. Ихъ узнавали по имени, по одѣянію и стрижкѣ волосъ. Ихъ не допускали къ поклоненію разнымъ богамъ; ихъ присутствіе на религіозномъ праздникѣ оскорбляло бы этихъ боговъ! Рабы не могли быть свидѣтелями, но ихъ подвергали пыткамъ, чтобы добиться отъ нихъ признаній. Такъ какъ отъ пытокъ многіе рабы умирали или становились калѣками, то владѣлецъ могъ требовать, чтобы передъ пыткой было представлено обезпеченіе въ размѣрѣ стоимости раба. На раба смотрѣли какъ на вещь, которую можно было продать, отдать въ наемъ или въ закладъ.

Всего мягче обращались съ этими несчастными въ Аѳинахъ. Духъ гуманности, развившійся въ этомъ городѣ болѣе чѣмъ въ другихъ греческихъ городахъ, и тутъ оказывалъ свое благотворное вліяніе. Здѣсь воспрещалось бить рабовъ; положимъ, что на это запрещеніе мало обращали вниманія. Рабы могли искать убѣжища въ храмѣ Тезея и оттуда принести жалобу на своихъ господъ. Если жалобу находили основательною, то владѣлецъ долженъ былъ продать истаца.

Хуже всего была участь рабовъ въ Лакедемонѣ. «Въ Спартѣ свобода, какъ и рабство, не имѣютъ границъ», гласила общегреческая поговорка, хотя первую ея половину нужно понимать весьма ограничительно. Здѣсь были двѣ главныя категоріи рабовъ: гелоты и мессенцы; съ послѣдними обращались несравненно лучше, чѣмъ съ первыми. Для тогдашнихъ понятій характерно, что многіе, въ томъ числѣ и «мудрый Платонъ», вовсе не считали гелотовъ рабами, хотя они лишены были всякаго права самоопредѣленія и свободу могли получить не отъ частнаго владѣльца, а отъ государства. Когда хотѣли внушить молодому спартапцу отвращеніе къ пьянству, то напавали гелота, чтобы онъ велъ себя безобразно и по-скотски. Его принуждали къ непристойнымъ пляскамъ и шутовскимъ пѣснямъ; пѣсни о свободѣ и герояхъ не должны были оскверняться устами гелота. Когда вступившіе въ Пелопонесъ ѳиванцы, подъ начальствомъ Эпаминонда, потребовали отъ плѣнныхъ гелотовъ, чтобы они спѣли оды Терпандра, Алькмана и Спендона, тѣ отвѣчали имъ: «Это пѣсни нашихъ господъ, мы не смѣемъ ихъ пѣть».

Было подвергнуто сомнѣнію извѣстіе, будто эфоры по временамъ разрѣшали подстергать и убивать гелотовъ, какъ дичь (такъ

называемая криптія). Но извѣстенъ фактъ, записанный Фукидидомъ,—именно, что во время пелопонесской войны эфоры, втайнѣ опасаясь недовольства этихъ несчастныхъ, обѣщали свободу всѣмъ, кто пойдетъ сражаться за Спарту. Но это обѣщаніе было дано только для того, чтобы найти болѣе отважныхъ. 2000 гелотовъ, явившихся на призывъ, были тайно умерщвлены, какъ люди опасные для государства. Неудивительно, что господа постоянно боялись мятежей, «потому что рабы сидятъ точно въ засадѣ, выжидая катастрофу», какъ характерно выражается Аристотель (Пол., II, 6).

Обращаемся къ семейной жизни эллиновъ. Положеніе женщины во всей Греціи было несравненно лучше, нежели у всѣхъ народовъ, разсмотрѣнныхъ нами выше. Зачастую христіанству приписываютъ введеніе моногаміи, тогда какъ она существовала во всей древней Элладѣ. Уже потому женщина не могла быть работою мужчины. «Значительная доля романтическаго интереса, возбуждаемаго въ насъ греческими сказаніями, относится къ женщинамъ: Пенелопа, Андромаха, Елена, Клитемнестра, Эрифла, Иокаста, Гекуба и др. стоятъ безусловно на первомъ планѣ, благодаря своимъ добродѣтелямъ и красотѣ, или же по своимъ преступленіямъ и страданіямъ» (Гротъ).

Впрочемъ, нравы и обычаи выработались въ Греціи иначе, чѣмъ у насъ. У всѣхъ іонійцевъ, въ особенности у аоніянъ, женщины проводили жизнь, по возможности, уединенно, въ женскомъ отдѣленіи домовъ, вдали отъ мужскихъ пировъ. Во времена упадка развился промыселъ гетеръ (напоминающій подобныя же явленія новѣйшихъ временъ), но на него всегда смотрѣли какъ на оскорбленіе законной жены. Положеніе женщинъ въ Спартѣ намъ извѣстно по мало достовѣрнымъ сообщеніямъ Плутарха. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что у всѣхъ дорійцевъ женщины принимали нѣкоторое участіе въ общественной жизни и пользовались большою свободой.

Отцовская власть была безгранична. Жизнь новорожденнаго ребенка зависѣла всецѣло отъ воли отца, даже у аоніянъ. Если отецъ находилъ у ребенка какой-либо тѣлесный недостатокъ или если боялся, что не будетъ въ состояніи прокормить ребенка, то онъ могъ подкинуть его или даже убить. Этотъ варварскій обычай существовалъ во всей Греціи, за исключеніемъ Фивъ. Мистикъ и мечтатель Платонъ одобряетъ его (Респ., V), а Аристотель (Респ., VII, 16) признаетъ за матерью многочисленнаго семейства право умерщвлять плодъ подъ своимъ сердцемъ. Этотъ взглядъ имѣлъ своимъ основаніемъ принципъ ограниченія числа гражданъ и нежелательность роста лишняго и бѣднаго населенія.

Въ Спартѣ вопросъ жизни и смерти новорожденнаго ребенка рѣшался не отцомъ, а собраніемъ родовыхъ старшинъ. Неправильно сложенныхъ или слабыхъ дѣтей немедленно убивали; ихъ бросали въ пропасть Тайгетскаго хребта. Но и воспитаніе крѣпкихъ также не лежало на обязанности отца, а было заботой государства. Спартанское государство заботилось о возможно лучшемъ развитіи физическаго здоровья, и почти не обращало вниманія на высшія духовныя силы. Умѣніе читать и писать было рѣдкимъ въ Спартѣ, и

человѣкъ, обучавшійся краснорѣчію въ своего отечества, наказывался эфорами какъ за намбреніе обольщать своихъ согражданъ. Пресловутая «лаконическая краткость выраженія», даже по признанію ученаго поклонника Спарты (Мансо), оказывается, въ сущности, только слѣдствіемъ бѣдности и малаго развитія языка этого народа.

Иное дѣло въ Аѳинахъ. Гимназіи служили здѣсь цѣли развитія физическихъ способностей, тогда какъ въ различныхъ философскихъ школахъ приобреталось порой замѣчательное умственное образованіе. Аѳиняне понимали, что невѣжество гражданъ служить деспотизму. Но они употребили это во зло, запретивъ обученіе дѣтей митиленицамъ, отложившимся отъ аѳинянъ и вновь ими покореннымъ. Съ другой стороны, намъ извѣстно, что, по крайней мѣрѣ, одинъ законодатель. Харондъ Катарскій, постановилъ законъ, по которому преподавателямъ производится жалованье изъ государственныхъ суммъ, и это постановленіе получило въ слѣдствіи примѣненіе и въ Туріяхъ, въ числѣ прочихъ законовъ того же Харонда.

Безусловно вредно вліяло, между прочимъ, и на семейную жизнь ограниченіе числа гражданъ, — мѣра, способствовавшая укрѣпленію своего рода маіоратовъ. По законамъ Солона, въ Аѳинахъ не должно было быть болѣе 20000 гражданъ. Въ слѣдствіе этого цикло не могъ достигнуть полноправнаго гражданства, пока не умеръ его родной или названный отецъ: братья правопреемника также не пользовались правами гражданина. Продажа и даже отдача въ залогъ наследственныхъ имѣній если и не запрещались безусловно, то были обставлены чрезвычайными затрудненіями. Въ связи съ этими условіями, закономъ была установлена предѣльная величина дозволеннаго землевладѣнія. Вся система вела къ чудовищнымъ послѣдствіямъ. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ, что если гражданинъ, не имѣющій сыновей, имѣлъ дочь, то послѣдняя обязана была выйти замужъ за своего ближайшаго родственника, «права» котораго въ этомъ случаѣ были столь же неоспоримы, какъ и велики. Это послѣдствіе имѣло силу даже тогда, если дочь уже была замужемъ. Если она заявляла свое право на наследство, то каждый ближайшій родственникъ могъ расторгнуть ее бракъ и принудить дочь умернаго выйти за него. Но если отъ такого брака не было дѣтей, то жена, въ свою очередь, могла требовать развода и выйти за слѣдующаго ближайшаго родственника. Вся суть была въ сохраненіи естественнаго въ дѣлостн. Только съ побѣдой демократіи надъ аристократіей пало самое основаніе для подобныхъ грубыхъ постановленій.

Интересы общественной жизни наполняли собой все промыслы и искуству грековъ. Народныя собранія, члѣснныя упражненія въ гимназіяхъ, посѣщеніе театра, охота поглощали почти все время аѳинянъ. Для общественной работы не оставалось времени; поэтому нужны были рабы. Вотъ почему отсутствовалъ средній классъ, столь необходимый для государственнаго благоустройства; неслѣдствіемъ являются Аѳины въ лучшее время демократіи, а также многіе великогреческіе и итальянскіе города. Въ общемъ занятіе ремесломъ считалось постыднымъ, а что до земледѣлія, то Платонъ и Аристотель настаивали на томъ, чтобы оно было возложено на рабовъ

Помимо большинства дорийских племенъ, у всѣхъ вообще грековъ была одна общая цѣль—стремленіе къ добру въ соединеніи съ красотой—καλὸν καὶ ἀγαθόν. Достаточно вспомнить игры и праздники въ Олимпіи, Дельфахъ, Коринѣ и др., соединявшіе, по обыкновенію, всю Грецію. Личное удовольствіе и удобство стояли на заднемъ планѣ; значеніе имѣло только то, что выдѣлялось на фонѣ общественной жизни. Въ Афинахъ, рядомъ съ великолѣпными общественными зданіями, невзрачные домики служили жилищами вліятельнѣйшихъ гражданъ; и въ то время какъ они, на свой счетъ, устраивали публичные празднества или снаряжали корабли, сами они—по крайней мѣрѣ, въ лучшій періодъ греческой исторіи—жили въ величайшей простотѣ. Правда, уже Демосеенъ жалуется на перемѣну къ худшему, на чрезмѣрную роскошь въ частныхъ домахъ.

Нравственная порча грековъ зависѣла, какъ уже сказано, не только отъ существованія рабства внутри страны, но и отъ стремленія сильнѣйшихъ государствъ къ владычеству надъ другими, къ гегемоніи. Последняя породила такую распущенность, что даже у самыхъ выдающихся людей того времени мы встрѣчаемъ постыдную продажность и другія черты глубокаго паденія; подкупъ и развратъ были настоящей чумой, болѣе всего другого благоприятствовавшею планамъ враговъ Греціи. Множество фактовъ доказываетъ, что строгія правила воздержанія нисколько не мѣшали спартацамъ предаваться самому грубому распутству. Царь Клеоменъ умеръ отъ бѣлой горячки; цѣлый рядъ царей осудили за тяжкія преступленія; со временъ Павзанія извѣстна масса примѣровъ самаго подлаго грабительства со стороны спартацкихъ военачальниковъ, а въ эпоху Перикла вліятельнѣйшіе люди въ Спартѣ тайно получали ежегодныя субсидіи изъ Афинъ. Такимъ образомъ, Ликургово законодательство и въ этомъ отношеніи не оправдало ожиданій.

Религія и философія. Мы уже замѣтили въ введеніи къ настоящей книгѣ, что невѣжество, въ особенности незнаніе естественныхъ наукъ, есть корень не только ханжества, но и суевѣрія. Примѣръ грековъ подтверждаетъ это. Несмотря на то, что міръ обязанъ греческому народу многими огромными успѣхами въ области духа, общія религіозныя воззрѣнія грековъ не могутъ насъ удовлетворять. Естественныя науки принадлежатъ къ тѣмъ немногимъ отраслямъ знанія, въ которыхъ грекамъ не удалось сдѣлать великихъ и прочныхъ открытій. Вслѣдствіе этого недостатка греки не дошли до такого религіознаго сознанія, которое соотвѣтствовало бы прочимъ условіямъ ихъ культуры. По счастью, однако, общій свѣтлый взглядъ на жизнь помѣшалъ развиваться системѣ мрачныхъ мукъ и истязаній, и этому обстоятельству нельзя не придавать высокаго значенія. Но цвѣтующемъ, въ элементахъ суевѣрія не было недостатка, и при случаѣ ими пользовались хитрость и политика для самыхъ дурныхъ цѣлей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ болѣе отдаленныя времена къ эллинамъ проникали иноземныя культы и что въ Греціи, на подобіе Финикіи, люди приносились въ жертву «богамъ». Но подобный культъ не могъ пустить корней и иривиться въ Элладѣ. Точно

также общія понятія о мірѣ, богахъ и человѣкѣ не могли допустить развитія умерщвляющаго плоть аскетизма. О загробной жизни не заботились. О существованіи на томъ свѣтѣ долгое время такъ мало думали, что за оскорбленіе боговъ полагались только земныя наказанія. Только въ позднѣйшее время, когда мистическія идеи Платона нашли много послѣдователей, вѣра въ загробную жизнь сдѣлалась общенароднымъ вѣрованіемъ, главнымъ образомъ, благодаря поэтамъ того періода. Здѣсь не было религіозной книги въ родѣ Пятикнижія или Зендъ-Авесты, мертвая формалистика не сковывала и не стѣсняла развитія народа; поэзія предупредила догматизмъ, о чемъ уже было замѣчено выше (стр. 179—180).

Сообразно господствующему основному воззрѣнію, боги, хотя, вѣроятно, и заимствованные у другихъ народовъ, представлялись въ образѣ людей. Ихъ надѣляли человѣческой природой, со всеми ея преимуществами и недостатками; только они были одарены высшею силой, болѣе воздуннымъ тѣломъ и мошнымъ, хотя и не всегда прекраснымъ сложеніемъ. Такое превращеніе боговъ совершилось, какъ уже замѣчено Гереномъ, черезъ поэзію и искусство. Олимпъ разработанъ Гомеромъ и Гезіодомъ. Жреческой касты не было. Еще у Гомера жертвы приносятся мірянами, преимущественно царями. Обыкновенно санъ жреца и жрицы замѣчался по выбору. Они могли быть людьми семейными, въ особенности жрицы. Точно также должность служителя храма не исключала отъ участія въ гражданскихъ дѣлахъ. Повидимому, только немногія жреческія должности оставались наследственными въ нѣкоторыхъ древнихъ родахъ, наприм., Эвмолпиды, изъ когорыхъ назначался іерофантъ и др.). Въ Дельфахъ цнѣя выбиралась изъ мѣстныхъ женщинъ; она должна была отказаться отъ общенія съ мужчинами. Наблюденіе за порядкомъ внутри храмовъ лежало на обязанности знатныхъ гражданъ, выбравшихся для этого посредствомъ жребія.

Высокій философскій умъ грековъ помогаль людямъ образованнымъ болѣе или менѣе понимать настоятельность народныхъ представлений о религіозныхъ предметахъ; ниже мы приведемъ примѣры того, до какой ясности и проицательности сужденія доходили нѣкоторые философы. Но недоставало той именно основы, которая одна благоприятствуетъ развитію такихъ независимыхъ взглядовъ и служить гарантіею противъ злоупотребленія религіозными наклонностями и чувствами,—недоставало болѣе точнаго изслѣдованія простыхъ явленій природы. Оттого-то эллинскому духовенству, несмотря на его слабый авторитетъ, удавалось, какъ въ народной массѣ, такъ и среди большинства образованныхъ людей, поддерживать мистическій священныи трепетъ и множество суевѣрій, къ которымъ жрецы прибѣгали какъ къ вѣрному средству для достиженія своекорыстныхъ цѣлей. Аристократія, въ продолженіе своего долгаго господства, съ намѣреніемъ заботливо холила и оберегала эти воззрѣнія; по привычкѣ она оотно производила себя отъ полубоговъ и въ религіи видѣла якорь спасенія для своего могущества, когда демократія съ ея требованіемъ равноправности для всѣхъ гражданъ поступалась въ ворота стараго зданія. Поэтому-то

религія въ трагедіяхъ Эсхила является грозною силою и, возбуждая мистическій ужасъ, угрожаетъ сграшной карой за уклоненіе отъ существующихъ политическихъ и религиозныхъ установленій, тогда какъ у болѣе демократическаго Софокла божества имѣютъ кроткій, свѣтлый, человѣчный характеръ. Слѣпой страхъ передъ богами долженъ былъ спасти падающій авторитетъ аристократическаго правленія.

Разсматривая вышнее богослуженіе грековъ, находимъ удивительное смѣшеніе самыхъ возвышенныхъ идей съ безчисленными явленіями грубѣйшаго суеврія и наглаго обмана. Трудно повѣрить, что иногда даже образованнѣйшіе люди съ благоговѣйнымъ страхомъ преклонялись передъ надувательствомъ оракуловъ, что даже Ксенофонтъ, ученикъ Сократа, проникался подобными чувствами передъ нелѣпнѣйшими выдумками жрецовъ, а Фукидидъ такія обыкновеннѣйшія явленія природы, какъ солнечное затменіе или землетресеніе, принималъ за предзнаменованія народоистребительной войны (см. начало его чуднаго произведенія, I, 23). Геродотъ до такой степени пренсполненъ суеврїей, что въ этомъ отношеніи можетъ поспорить съ ограниченнѣйшими лѣтописцами — монахами среднихъ вѣковъ и превосходить послѣднихъ только развѣ въ выборѣ своихъ сверхъестественныхъ знаменій и чудесъ. Народная масса со страхомъ и трепетомъ созерцала не только кометы и лунныя затменія, но даже и бури и молніи. Дурное предзнаменованіе грома старались отворотить жертвеннымъ возліаніемъ вина: молніи поклонялись, какъ божеству; шипѣніе и свистъ должны были предотвратить ея вредныя дѣйствія. Ни одно войско не обходилось безъ прорицателей и гадателей, и только въ случаѣ благоприятныхъ жертвенныхъ знаменій начинали бой. Зачастую, конечно, религіей только прикрывались политическія и личныя иждивенія. Мы погрѣшили бы противъ вѣрности изображенія эллинскаго быта, если бы не указали на рядъ примѣровъ изъ этой сферы. Извѣстенъ кубокъ яда, выпитый Сократомъ, и если даже будемъ искать объясненіе этого событія въ самыхъ условіяхъ глубоко тревожнаго времени, то, все-таки, остается неизмѣннымъ фактъ политическаго убійства; религія играла тутъ второстепенную роль; рѣзкій образъ дѣйствій Сократа раздражалъ его враговъ и послужилъ предлогомъ для обвиненія*). Но при первомъ же появленіи философіи ей пришлось столкнуться съ религіей. Анаксагоръ за свое ученіе долженъ былъ бѣжать изъ Афинъ; Диагоръ который отрицалъ существованіе боговъ, могъ спастись только такимъ же способомъ. Афиняне назначили награду за его голову и воздвигли ему позорный столбъ; Протагоръ

*) Сократъ, предвѣя ожидавшія его старческаго немощи (ему было уже почти 70 лѣтъ) и исполненный вѣры въ свою божественную миссію, въ дѣйствительности не считалъ смерть бѣдствіемъ, а потому едва ли не болѣе всего заботился о томъ, чтобы выдержать характеръ и ни въ чемъ не измѣнить своему безупречному прошлому. Этимъ онъ не только блистательно закончилъ свою жизнь, но и явилъ примѣръ, достойный подражанія. Въ этомъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ Гротомъ, который, разъясняя этотъ темный отдѣлъ исторіи, черезчуръ ужъ постарался представить убійство Сократа въ болѣе мягкомъ свѣтѣ.

былъ изгнанъ изъ того же города, какъ атеистъ, и сочиненія его были публично сожжены *)—первый извѣстный случай этой процедуры, такъ часто примѣнявшейся до настоящаго времени; наконецъ, Продикъ, утверждавшій, что люди обоготворяли явленія природы, не избѣгъ-таки казни.

Жрецы, поддерживаемые приверженцами старыхъ политическихъ учреждений, не останавливались ни передъ какими средствами насилія, чтобы только поднять значеніе старой теологіи. Святотатство наказывалось смертью и лишеніемъ торжественнаго погребенія, и даже Платонъ, въ общемъ мягкій и гуманный, но не свободный отъ ограниченнаго мистицизма, не считалъ это наказаніе слишкомъ строгимъ (*De leg. lib. IX*). Говорятъ, что въ Афинахъ казнили гражданина за вырванный въ священной рощѣ кустъ, или за убійство птицы, посвященной Эскулапу; даже ребенокъ платился жизнью, если уносилъ съ собой золотой листъ, выпавшій изъ вѣнка Артемиды. Даже въ позднѣйшее время, когда законодательство было гораздо мягче, за порубку дерева, посвященнаго богинѣ Афинѣ, наказывали изгнаніемъ.

Плутни оракуловъ не требуютъ особаго описанія. Людей, пытавшихся разоблачить обманъ, заманивали въ пещеры и убивали. Въ различныхъ мѣстахъ культъ принималъ форму, совершенно несовмѣстимую съ нашими понятіями о нравственности. На о. Кипрѣ происходило поклоненіе Афродитѣ, весьма схожее съ вавилонскимъ культомъ Милитты (Герод., I, 199), а въ Коринѣ мужчины и женщины посвящали этой богинѣ извѣстное число гетеръ для того, чтобы задобрить ее на случай горя, нужды или опасныхъ предпріятій. Эти гетеродулы (священныя рабыни) обязаны были часть своего послѣднаго заработка отдавать въ храмъ. Богатство храмовъ возрастало безмѣрно. Въ Дельфахъ накопилось больше золотыхъ и серебряныхъ сокровищъ, нежели во всей остальной Греціи. Наступила, конечно, реакція, выразившаяся въ отчужденіи этихъ богатствъ. (Шлоссеръ клеймитъ подобное разрѣшеніе вопроса въ новой Европѣ, какъ ужаснѣйшее изъ преступленій, какъ признакъ полнѣйшей утраты религіознаго чувства, оскорбленіе святыни, святотатство и проч.; такой взглядъ могъ сложиться только въ кабинетѣ профессора).

Совершенно понятно, что въ массѣ народа и даже среди образованнаго класса крѣпко держалась масса суевѣрій.

У Теоокрита наносятъ удары изображенію Пана, если онъ послалъ мало дичи на охотѣ, предпринятой подъ его покровительствомъ, а у Гомера стараются привлечь вниманіе подземныхъ боговъ топаніемъ и ударяніемъ въ землю руками и ногами. Народная масса вѣрила, что извѣстныя женщины обладаютъ искусствомъ и властью останавливать движеніе солнца, притягивать луну къ землѣ, вызывать и заклинать бури, воскрешать мертвыхъ и ввергать въ могилу живыхъ. Законы дозволяли всякія волшебства, но

*) Онъ писалъ: «Что касается боговъ, то я не знаю, существуютъ ли они и каковы ихъ свойства; невѣрность субъекта, краткость человѣческой жизни и другія причины лишаютъ меня этого знанія».

воспринимали злоупотребленіе ими. Были даже особы прорицатели, по назначенію властей; они должны были вызывать тѣни умершихъ и содѣйствовать ихъ успокоенію. Вѣровали въ глупѣйшія примѣты. Если въ походѣ замѣчали зайца, то считали это предзнаменованіемъ пораженія. Затменіе луны вызвало такой страхъ въ афинскомъ полководцѣ Никіѣ и его войскѣ, что онъ приказалъ солдатамъ положить оружіе, отдавъ безъ сопротивленія себя и свое войско смертоносному мечу непріятели (такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Плутархъ). Чиханіе было важнымъ предзнаменованіемъ. Фемистокла поздравили съ предстоящей побѣдой, когда кто-то чихнулъ справа отъ него. Кто-то чихнулъ, когда Ксенофонтъ публично говорилъ рѣчь, и, какъ кажется, это рѣшило его избраніе въ полководцы. Но когда онъ готовился къ битвѣ, чиханье было сочтено, напротивъ, такимъ дурнымъ предзнаменованіемъ, что были вознесены всеобщія молитвы о предотвращеніи несчастія*). Даже Сократъ не былъ свободенъ отъ такого суевѣрія. Если кто встрѣтитъ евнуха, негра, обезьяну, суку со щенками, или на дорогѣ лежитъ змѣя,—все это знаменія. Примѣтой, зловѣщей для предпріятія, разрушающей всѣ надежды (особливо касательно жатвы), считалось неожиданно увидѣть женщину прядущую или несущую непокрытое веретено. Перебѣжавшей черезъ дорогу ласки было достаточно, чтобы отложить народное собраніе. Точно также боялись, если черная собака вбѣжитъ въ домъ, или если мышь прогрызетъ мѣшокъ съ солью. При одѣваніи надо было начинать съ правой стороны. Со многими словами связывалось суевѣрное значеніе; подобныхъ примѣровъ можно бы привести тысячи.

Подобныя суевѣрія, даже и при безразличныхъ обстоятельствахъ, должны были дурно вліять на всѣ условія жизни и особенно тормозить развитіе наукъ**).

Мы выше упомянули о томъ, что философія при первомъ же своемъ появленіи вступила въ борьбу съ «религіей». Старѣйшая философская школа грековъ, іонійская, сдѣлала смѣлый починокъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, въ смыслѣ проникновенія въ сущность вещей, на основаніи изслѣдованія условій самой матеріи (*οὐ φυσικοί*); къ этой школѣ принадлежали Фалесъ, Анаксимандръ, Ферекидъ и отчасти Анаксименъ. Фалесъ (жившій, вѣроятно, между 640 и 550 г. до нашей эры) считается основателемъ школы. Школы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, онъ не образовалъ, но, насколько намъ извѣстно, онъ былъ первый, который старался понять и научно объяснить явленія природы. Это

*) Замѣчательно что греческое восклицаніе при чиханіи *Ζεὺς εὐβοῦ*—«помоги тебѣ Богъ»,—сохранилось по сіе время, и что даже многіе дикіе народы (напр., обитатели Мономотапы, индѣйцы во Флоридѣ, при завоеваніи страны испанцами) придавали большое значеніе чиханію.

***) На полнѣйшемъ непониманіи всѣхъ дѣйствительныхъ условій основано мнѣніе Моммзена (Римск. ист., I кн., 12 гл.), «что Эллада всѣмъ своимъ умственнымъ развитіемъ обязана ея религіи». Напротивъ того, это развитіе доставалось чаще всего въ борьбѣ съ этою религіей, хотя послѣдняя, къ счастью, не омертвѣла въ формахъ, а слѣдовательно и не могла вполне задерживать развитія.

стремленіе нашло сочувствіе и подражаніе. Уже вскорѣ послѣ него, во второй половинѣ VI вѣка, благодаря возбужденному имъ интересу къ прикладнымъ знаніямъ, сдѣланы были успѣхи въ геометріи, астрономіи и географіи.

Особенной извѣстности достигъ Пифагоръ; онъ родился на о-вѣ Самосѣ, вѣроятно, около 580 г. Онъ много и долго путешествовалъ и, между прочимъ, жилъ въ Египтѣ и такимъ путемъ расширилъ свои знанія, хотя и поддался восточному мистицизму. Изъ своихъ учениковъ онъ образовалъ общество въ родѣ монашескаго, имѣвшее аскетическій характеръ, особый ритуаль, особую одежду и діету. Занятія наукой чередовались съ фантастикой. Это былъ плотный союзъ (Гротъ даже сравниваетъ его съ иезуитскимъ орденомъ), который стремился также и къ политическому вліянію и, какъ замкнутая партія, держался строго аристократическаго направленія. Въ Кротонѣ, цвѣтущемъ городѣ Великой Греціи, пифагорейцы имѣли полное вліяніе на управленіе государственными дѣлами. Но свободный духъ эллинскаго народа не могъ надолго сдужиться съ ихъ направленіемъ, и, кажется, самъ Пифагоръ дожилъ до низверженія своей партіи.

Свободнѣе и смѣлѣе не только мистическихъ пифагорейцевъ, но и ионической школы было ученіе, съ которымъ выступила такъ называемая элейская школа, основанная Ксенофаномъ. Къ ней болѣе или менѣе тѣсно примыкають Гераклитъ, Парменидъ, Зенонъ, Демокритъ, который впервые объяснялъ матерію какъ совокупность отдѣльныхъ атомовъ, а также Эмпедокль, многосторонній изслѣдователь, который, между прочимъ (болѣе чѣмъ за 22 столѣтія), избавилъ отъ лихорадокъ сицилійскій городъ Селинунтъ, осушивъ окрестныя болота проведеніемъ туда двухъ рѣкъ. Но мы уже видѣли на различныхъ примѣрахъ, что даже въ Аѣнахъ крайнія направленія философіи не находили свободныхъ путей, а, напротивъ, подвергались преслѣдованію и притѣсненію. Здѣсь будетъ уместно упомянуть, что высокій, гениальный умъ эллиновъ сумѣлъ-таки самъ отыскать правильный путь, но что успѣхи его были остановлены, за отсутствіемъ болѣе точнаго знанія природы, и подавлены жрецами, которые опирались на предразсудки массы. Но самый сильный ударъ нанесъ старому міросозерцанію Ксенофанъ. Онъ родился въ 572 г. до Р. X. въ Колофонѣ, но послѣ того, какъ его родной городъ потерялъ свою независимость, переселился въ велико-греческій городъ Элею (въ южной Италіи), основанный эмигрантами. Современникъ Анаксимандра и Пифагора, онъ былъ знакомъ съ ихъ ученіями, но также мало удовлетворенъ ими (особенно мистицизмомъ послѣдняго), какъ и прочими господствующими понятіями о богахъ. Вопреки имъ онъ полагалъ, что всю природу должно разсматривать какъ цѣлое; міръ и Богъ — одно и то же, единое, которое съ тѣмъ вмѣстѣ все; оно не только дѣйствительная и первобытная сущность міра, но и единственное истинное, сущее, вѣчное и неизмѣнное. Во имя философіи Ксенофанъ объявилъ войну богамъ Олимпа и всякому положительному культу и училъ, что существуетъ только одинъ Богъ, только онъ стоитъ не надъ вселенной, а составляетъ

ея внутреннюю сущность. «Куда бы я ни обратилъ свой взоръ, говорить у Тимона Ксенофанъ, всегда возвращается онъ къ одному, котораго есть все. Это все, распространяющееся во всѣ стороны, постоянно возвращается къ единой однородной сущности»: Аристотель замѣчаетъ: «Созерцая все небо, Ксенофанъ первый доказывалъ единство бытія и назвалъ это единство Богомъ». Человѣческой умъ, говорилъ—онъ далѣе, не можетъ вполне постичь истину, но онъ можетъ, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ ней. «Даже тогда, когда я высказываю высшую истину, я знаю и въ то же время не знаю».

Природа космоса также была впервые вѣрно понята этимъ гениальнымъ человѣкомъ и глубокимъ мыслителемъ. Онъ первый высказалъ предположеніе, что допотопные отпечатки формъ животныхъ и растеній суть дѣйствительные остатки вымершихъ существъ и что горы, внутри которыхъ ихъ находятъ, нѣкогда стояли надъ водою. (Аристотель и другіе позднѣе присоединились къ этому мнѣнію *).

Уже Ксенофанъ признавалъ, что въ народныхъ представленія о богахъ сводятся къ болѣе или менѣе грубому антропоморфизму или уподобленію людямъ. Онъ смѣло высказывалъ, что люди сами создали боговъ по своему подобію, а не наоборотъ. «Смертнымъ кажется, что боги имѣютъ ихъ наружный видъ, носятъ ихъ платье и говорятъ ихъ языкомъ. Чернокожіе почитаютъ черныхъ боговъ съ приплюснутыми носами, оракійцы—боговъ съ голубыми глазами и рыжими волосами. А если бъ у быковъ и львовъ были руки и они могли ими рисовать и дѣлать изображенія, какъ люди, то они дали бы богамъ тотъ видъ и то тѣло, какіе имѣютъ сами. Лошади дали бы имъ видъ лошадей, быки видъ быковъ». Когда элейцы спросили Ксенофана, слѣдуетъ ли имъ приносить жертвы Левкоеевѣ и пѣть ей погребальныя пѣсни, онъ отвѣчалъ: «Если вы считаете Левкоею богиней, то незачѣмъ ее оплакивать, а если Левкоея была только женщина, то не слѣдуетъ приносить ей жертвы». Традиціонныя изображенія боговъ возмущали его. «Все, что позорно и постыдно для людей, Гомеръ и Гезіодъ приписали богамъ. Они взводятъ на боговъ всякія беззаконія—воровство, прелюбодѣйство, обманъ». Существуетъ только одинъ Богъ; но онъ не индивидуальная личность, этотъ богъ «есть разумъ, мышленіе, вѣчность».

Это замѣчательное ученіе, далеко опередившее свое время, и при томъ подкрѣпляемое необыкновеннымъ діалектическимъ искусствомъ, могло бы, однако, прочно установиться только при условіи одновременнаго прогрессивнаго движенія въ области естествознанія. Но этого-то именно и не было. Одного инстинктивнаго чутья истины было недостаточно въ виду господствовавшей массы

*) Вопреки этому взгляду, въ средніе вѣка господствовало мнѣніе (которое раздѣлялось многими натуралистами еще въ прошломъ столѣтіи), что окаменѣлости представляютъ собой уродливости, такъ называемую игру природы (*lusus naturae*) или продукты неизвѣстной образующей силы, создающей особая формы (*nisus formativus, vis plastica*).

предразсудковъ; необходимы были еще непровержимыя матеріальныя доказательства. Отдѣльные умы догадывались о томъ, что только тысячелѣтія спустя сдѣлалось несомнѣннымъ (даже ученіе о движеніи земли вокругъ солнца было изобрѣтеніемъ грековъ, и Коперникъ самъ рассказываетъ, какъ изложеніе Плутархомъ теоріи Филолая, Гераклида и другихъ эллинскихъ философовъ навело его на мысль о возможности съ помощью этой системы устранить недоумѣнія, вызываемыя ученіемъ Птолемея). Но всѣмъ этимъ глубокомысленнымъ предположеніямъ и догадкамъ недоставало незыблемой достовѣрности научнаго обоснованія. Этимъ объясняется, почему теоріи іонійской школы, а также ясное и свѣтлое умозрѣніе школы элейской могли удержаться только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и только временно, и постепенно были вытѣснены полумракомъ мистицизма, черпающаго свою силу въ недостаточномъ знаніи.

Уже Пифагоръ облакалъ мистическимъ туманомъ свои философскія и даже математическія положенія, — неизвѣстно, по врожденной ли склонности, по слабости, или по расчету. Для его учениковъ въ Великой Греціи быть, можетъ быть, самымъ важнымъ этотъ покровъ, подъ которымъ они скрывали свое знаніе или, скорѣе, свое невѣжество; вѣдь этотъ покровъ окружалъ ихъ сіяніемъ, своего рода ореоломъ святости, которому тѣмъ больше дивились, чѣмъ меньше понимали, въ чемъ дѣло. Подобная философія правилась особенно самовластителѣмъ греческой Италіи. Они съ любовью и заботливостью холили и берегли систему, столь полезную ихъ господству; извѣстно, что Діонисій и другіе тираны были членами пифагорейскаго союза. Въ этотъ союзъ вступилъ и Платонъ, и, благодаря этимъ отношеніямъ, попалъ ко двору обонихъ Діонисіевъ. Онъ не внялъ предостереженію, которое высказалъ Софокль, въ едіягомысли съ афинскимъ народомъ, въ одной изъ своихъ трагедій: «тѣмъ кто живетъ у влaстителя, дѣлается рабомъ его, хотя бы онъ принадлежалъ къ нему съ вольными убѣжденіями». Прямодушный, но мечтательный философъ надѣялся здѣсь осуществить свои политическіе идеалы: по его мысли, тиранъ долженъ былъ создать единое государство эллиновъ въ Италіи, чтобы направить общія силы противъ варваровъ. (Сперва единство, а потомъ уже свобода, насколько она возможна, — такова была руководящая мысль). Тираны охотно и съ удовольствіемъ принимали все, что только могло быть полезнымъ ихъ могуществу, но мало заботились о теоріяхъ философовъ вообще, а если эти послѣдніе тяготили ихъ, то тираны умѣли дѣлать ихъ безвредными для себя. Платонъ, правда, не сдѣлался рабомъ угнетателей, но, вслѣдствіе обманутой надежды, онъ очутился въ области фантазій и идеоловъ и уходилъ все болѣе и болѣе въ мистическія и безплодныя мечтанія; такимъ образомъ, сближеніе съ тиранами, все-таки, остановило его развитіе и выбило его изъ естественной колеи. Этому тлетворному вліянію, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что этотъ гениальный человѣкъ никогда не дошелъ до истиннаго пониманія демократіи и, вмѣсто усвоенія реальныхъ сторонъ жизни своего даровитаго народа, предался пустымъ фан-

тасмагоріямъ, которыя не облекутся въ плоть и кровь даже въ отдаленнѣйшемъ будущемъ.

Вообще слѣдуетъ имѣть въ виду вліяніе, которое оказывали италійскіе греки на общеэллинскую жизнь. Самостоятельные города дѣлались убѣжищами смѣлаго прогресса, средоточіемъ искусствъ, дивнаго расцвѣта духовныхъ силъ вообще: Властители, съ своей стороны, привлекали знаменитыхъ людей для того, чтобы прославить себя, а также для своихъ политическихъ цѣлей. Равнымъ образомъ изищныя искусства служили имъ безопаснымъ средствомъ польстить самолюбію народа и тѣмъ отвлечь его отъ вопросовъ практической политики. Придворѣ этихъ тирановъ преимущественно развивалось искусство вѣщаній к. п. с. с. помощью которой можно было объяснять все, — между прочимъ, особое призваніе такихъ владыкъ, и то, что народы имъ обязаны своимъ счастьемъ. Отсюда это новое искусство распространило свою дѣятельность на собственную Грецію.

Софисты, какъ доказано Гротомъ, не составляли особой школы на основѣ какихъ-либо своеобразныхъ началъ, — они были преподавателями тѣхъ отраслей науки, знаніе которыхъ признавалось необходимымъ для каждаго образованнаго гражданина, и въ особенности для государственнаго человека; они учили молодыхъ людей «мыслить, говорить и дѣйствовать»; такого формальнаго образованія требовала общественная жизнь. Воспитаніе (спеціально въ Аѳинахъ) имѣло два направленія: «гимнастика» развивала тѣло, «музыка» — умъ. Подъ понятіемъ «музыки» подводилось все, что относилось къ сферѣ девяти музъ, даже астрономія, географія, физика и диалектика.

Преподаваніе являлось для софистовъ какъ бы ремесломъ, — они брали деньги за свои курсы, что уже Сократъ и особенно Платонъ признавали унижительною. Было вполнѣ въ порядкѣ вещей, что эти люди употребляли свое диалектическое искусство на то, чтобы льстить сильнымъ міра, напр., сицилійскимъ тиранамъ. Хотя названіе «софистъ» первоначально не имѣло того предосудительнаго значенія, какое было дано ему впоследствии, но надо полагать, что дурное мнѣніе о софистахъ уже издавна имѣло свое основаніе. Помимо Платона, и Аристотель говоритъ о софистахъ, что они «пользовались своимъ знаніемъ для того, чтобы выдавать лесть за истину, обманывать и добывать деньги» *).

*) Намъ кажется, что почтенный Гротъ уже слишкомъ защищаетъ софистовъ. Болѣе современныя явленія достаточно наглядно показываютъ, что эти люди были льстецами. Съ другой стороны, сужденія потомковъ о нихъ бывали дѣйствительно односторонни; достаточно было знать, что изреченіе принадлежитъ софисту, чтобы найти его предосудительнымъ. Такъ, софиста Тразимаха объявили дурнымъ, безнравственнымъ человекомъ, потому что онъ поняте право опредѣлялъ какъ «интересъ господствующей власти», какъ «то правило, которое правящая власть въ обществѣ предписываетъ для своей же пользы». Даже Гротъ не рѣшается оправдывать софиста за это положеніе. Мы лично усматриваемъ въ немъ преувеличеніе, односторонность, невѣрное опредѣленіе, но съ тѣмъ вмѣстѣ и крупицу правды.

Такъ какъ недоставало важнѣйшей основы истинной философіи, именно глубокаго изученія природы, то съ теченіемъ времени развивались различныя ученія на иныхъ, нерѣдко причудливыхъ и произвольно измысленныхъ, началахъ. Аристиппъ, основатель киренской школы, въ послѣдствіи названной эпикурейскою (по Эпикуру), искалъ практическую мудрость въ наслажденіи. Напротивъ того, Антисоенъ, отецъ цинической, а въ послѣдствіи стоической философіи, видѣлъ высшее благо въ воздержаніи отъ всѣхъ потребностей. Рядомъ съ этими системами возникали другія теоріи, основныя идеи которыхъ не были абсолютно невѣрны, но были безусловно односторонни, такъ какъ не брали во вниманіе цѣлой массы житейскихъ условій.

Аристотель продолжилъ новый путь философіи. На немъ тѣмъ болѣе нужно нѣсколько остановиться, что, какъ уже замѣтилъ одинъ историкъ, ни одинъ человекъ, за исключеніемъ развѣ вѣручителей (болѣе или менѣе мнѣческихъ), не имѣлъ такого могучаго вліянія на умственную жизнь всего человѣчества, какъ Аристотель. Онъ родился въ 384 г. въ г. Стагирѣ. Его отецъ былъ врачомъ македонскаго царя Аминта III. Семнадцати лѣтъ отъ роду онъ поѣхалъ въ Аѳины, гдѣ сдѣлался ученикомъ Платона, и въ продолженіе 20 лѣтъ былъ его слушателемъ и другомъ. Тѣмъ не менѣе онъ избралъ себѣ другое, противоположное направленіе. Высшею цѣлью онъ считалъ не витаніе въ туманѣ мистицизма, а изслѣдованіе и уясненіе дѣйствительности. А потому онъ стремился не столько къ фантастическому построенію идеаловъ, сколько къ правильному пониманію и къ практическому приложенію реальныхъ, естественныхъ условій. Даже путь къ достиженію намѣченной цѣли былъ выбранъ другой. Аристотель выработалъ новый методъ. До него сначала придумывали отвлеченную теорію, а потомъ подыскивали или приспосабливали къ ней данныя опыта; наоборотъ, Аристотель прежде всего приступаетъ къ всестороннему анализу фактовъ, затѣмъ приводитъ въ систему и группируетъ ихъ, и потомъ уже дѣлаетъ свой выводъ. Главное стремленіе его было направлено къ точному уясненію законовъ природы. Уже этимъ однимъ онъ упрочилъ за собою неравненно болѣе видное положеніе, чѣмъ большинство его предшественниковъ, но къ этому присоединялись еще всесторонность, универсальность и глубина ума, т. е. такія качества, которыми едва ли былъ надѣленъ когда-либо другой человекъ въ такомъ изумительномъ сочетаніи. Само собою разумѣется, что далеко не всѣ, безъ исключенія, взгляды и тезисы этого гениальнаго человека были признаны позднѣйшими временами безспорными; тѣмъ не менѣе почти невѣроятно, что одинъ человекъ могъ явиться такимъ поистинѣ глубокимъ изслѣдователемъ и новаторомъ въ столь многочисленныхъ и разнообразныхъ отрасляхъ знанія. Неудивительно, что философія стагиріа (перипатетическая школа) получила болѣе широкое распространеніе, нежели ученіе Платона. Его міровоззрѣніе оказалось настолько универсальнымъ, что онъ, язычникъ, былъ признаваемъ безспорно высшимъ свѣтскимъ авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ духа (по не

въ вопросахъ духовныхъ) въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ; передъ этимъ авторитетомъ склонился міръ ислама и христіанства. хотя имъ большею частью нелѣпѣйшимъ образомъ злоупотребляли.

Послѣ смерти Платона, Аристотель прожилъ нѣсколько лѣтъ у тирана города Атарнеи, съ которымъ былъ друженъ, и въ другихъ малоазійскихъ городахъ, а на 41 году былъ приглашенъ царемъ Филиппомъ македонскимъ быть воспитателемъ сына его Александра. Такимъ образомъ, онъ нѣсколько лѣтъ проведъ при македонскомъ дворѣ. Это оказалось возможнымъ, потому что его политическія идеи хотя и не были льстиво-раболопными, но клонились въ сторону монархическаго принципа. Повидимому, отношенія между учителемъ и ученикомъ были хорошія, хотя и не задушевныя. Въ послѣдствіи Александръ, самъ полный жажды знаній и желавшій прослыть покровителемъ наукъ, своею великодушною щедростію далъ Аристотелю полную возможность отдаться занятіямъ естествознаніемъ, но дѣятельность самого повелителя, сколько намъ извѣстно, оставалась внѣ круга непосредственнаго вліянія философа.

Аристотелю было около 50 лѣтъ, когда онъ снова поселился въ Афинахъ. Какъ нѣкогда Платонъ въ академіи, такъ онъ преподавалъ философію въ тѣнистыхъ аллеяхъ Ликейскаго сада (лицея); по утрамъ излагалъ свои лекціи въ строго научной формѣ, для болѣе подготовленныхъ учениковъ (эзотериковъ), а послѣ обѣда въ формѣ общедоступной (для экзотериковъ). Такъ прожилъ онъ еще 13 лѣтъ. Но религіозное ханжество, которое никогда не было пощаждено въ Афинахъ вполнѣ, пробудилось вновь; фанатики отважились обвинить философа въ атеизмъ, и заслуженный престарѣлый человекъ вынужденъ былъ покинуть городъ. Онъ уѣхалъ въ ближайшую Халкиду, и вскорѣ послѣ переселенія умеръ, въ 322 году. Такимъ образомъ, ему пришлось еще быть очевидцемъ тѣхъ смутъ и несчастій, которыми ознаменовалось правленіе его ученика, гениальнаго автократа, и которыя пережили своего виновника.

Прочія явленія умственной жизни. Литература. Самымъ раннимъ плодомъ эллинской культуры была поэзія. О Гомерѣ мы уже говорили. Древнѣйшимъ родомъ поэзіи были вообще произведенія эпическія — легенды или сказанія, слагавшіяся размѣромъ гекзаметра.

Въ половинѣ VII вѣка до начала нашей эры Архилохъ и Каллимахъ положили начало поэзіи лирической. Въмѣстѣ съ содержаніемъ измѣнилась и форма, измѣнилось стихосложеніе. Музыка расширила свою область, и это потому такъ сильно повліяло на поэзію, что во многихъ случаяхъ музыка имѣла первенствующее значеніе, а текстъ былъ только придаткомъ къ ней; такъ, по крайней мѣрѣ, продолжается до конца V столѣтія, когда отношеніе становится обратнымъ. Знаменитѣйшимъ лирическимъ поэтомъ былъ еванецъ Пиндаръ, жившій во времена персидскихъ войнъ (родился около 520 г. до Р. X. и, какъ говорятъ, умеръ 90 лѣтъ).

Въ началѣ VII вѣка жили лесбосскій арфистъ Терпандръ, фригійскій флейтистъ Олимпъ и аркадскій или беотійскій флейтистъ

Клонасъ. Терпандръ, вмѣсто четырехструнной арфы, ввелъ въ употребленіе семиструнную. Современники Архилоха и Каллина были Тиртей, своими пѣснями вдохновлявшій воиновъ передъ битвами, и Алкманъ; позднѣе явились Алкей и поэтесса Сафо, оба—уроженцы Лесбоса; потомъ Аріонъ, Стесихоръ, еще позднѣе Анакреонъ и Ивикъ,—все въ слѣдующіе полтора столѣтія послѣ Терпандра—явное доказательство, что поэтический духъ охватилъ весь эллинскій народъ.

Такъ называемые семь мудрецовъ впервые приобрѣли всеобщую извѣстность, независимо отъ поэтическихъ созданій, въ качествѣ дѣятелей если не науки, то чистой мысли*). Ихъ краткія изреченія вошли въ поговорку; это были своего рода уроки житейской мудрости, выраженные въ сжатыхъ афоризмахъ, безъ дальнѣйшаго обоснованія.

Только въ періодъ времени между 600 и 580 гг. до Р. Х. стали впервые записывать стихи. Къ 550 г. относится первый памятникъ, писанный прозой. Но только въ эпоху Пизистрата стали посвящать прозѣ особенное вниманіе. То было какъ-разъ время, когда показались первые признаки пластическаго искусства (между 600 и 560 гг.), притомъ одновременно въ Коринѣ, на Эгинѣ, Самосѣ, Хиосѣ и въ Ефесѣ.

Тѣмъ временемъ выработался и анекдотическій рассказъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ греки познакомились съ востокомъ и его фантастическими сказками. Исторія басни, въ которой дѣйствуютъ животныя, сохранила намъ имя Эзона**).

*) Извѣстно, что уже древнія времена расходятся въ перечисленіи именъ этихъ семи мудрецовъ. Обыкновенно въ списокъ входили: Солонъ афинскій, Фалесъ милетскій, Питтакъ милитенскій, Віантъ пріанскій (эти четверо упоминаются во всѣхъ спискахъ), дальѣ Клеобулъ линдскій (Линдъ—родосскій городъ), Мисонъ малійскій (хенскій) и Хилонъ спартанскій. Самое чи сл о «мудрецовъ» обозначается не вездѣ одинаково; Дикеархъ приводитъ 10 именъ, Гермиппъ даже 17.

**) Интересна легенда, прочитанная профессоромъ Эрдманнсдорферомъ въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ: «Вѣкъ новеллы». Извѣстна изъ нея самое существенное. Новелла—это коротенькія анекдотическія рассказы, передаваемый народомъ изустно. Лекторъ переноситъ насъ въ конецъ VIII и начало VII столѣтій до Р. Х. Въ это время эллинскія племена селились по обѣимъ сторонамъ Эгейскаго моря и на его островахъ; восточное побережье Малой Азии было не менѣе греческимъ, чѣмъ первобытныя поселенія этого народа по эту сторону моря. Но для кочевому духу эллиновъ и эти границы были тѣсны. Снова начинается колонизаціонное движеніе въ огромныхъ размѣрахъ. Черезъ сто лѣтъ Сицилія и Южная Італія были заняты греческими колоніями; на сѣверномъ побережьи Африки греческіе колонисты спорятъ о господствѣ съ финикійскими Карфагеномъ, а на противоположномъ европейскомъ берегу другіе греческіе основали Массилію. Египетъ также открываетъ свои гавани, и греческіе торговые люди упорчиваютъ тамъ свое положеніе. Движеніе направляется и въ другую сторону, и скоро надъ водами Геллеспонта и Пропонтиды владычествуютъ цвѣтущія колоніи грековъ, а вдоль береговъ Чернаго моря вытягивается кайма греческихъ городовъ. Несмотря на такую раздробленность свою, эллинскій народъ всегда свято хранилъ и лелѣялъ сокровище, доставшееся ему отъ прежнихъ поколѣній,—національные мифы и сказанія и такъ дивно объединяющія ихъ гомеровскія пѣсни.

Наивысшаго развитія достигла драматическая поэзія, въ особенности въ Аѳинахъ, и она заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что театръ оказывалъ въ высшей степени сильное воздѣйствіе на всю общественную жизнь и всѣ ея условія. Содержимый на счетъ государства (въ Аѳинахъ собственно на счетъ бо-

Цѣля столѣтія душа и фантазія греческаго народа были почти исключительно заняты этими сказаніями о національных герояхъ, изъ которыхъ, правда, только часть, но превосходнѣйшая, вошла въ гомеровскія поэмы. Но именно послѣдствіемъ колонизаціи, раздвинувшей кругозоръ эллинскаго народа, являлась реакція противъ духовной монополіи, которою до тѣхъ поръ пользовался Гомеръ. Масса новыхъ явленій, съ которыми столкнулись эллины, и на первомъ планѣ своеобразный міръ востока, съ которыми они все болѣе сближались, заслонили собой древній народный эпосъ, хотя онъ все еще сохранялъ свою притягательную силу. Время дальнѣйшей обработки народомъ мотивовъ старой легендарной поэзіи пришло къ концу. Старинный торжественный гекзаметръ долженъ былъ также уступить мѣсто новымъ поэтическимъ формамъ, которыя создаетъ новый духъ времени. Греки сами изобразили конецъ поэтическаго времени въ остроумномъ сказаніи о смерти Гомера.

Однажды, гласитъ преданіе, благородный пѣвецъ-старецъ сидѣлъ на берегу моря, на островѣ Юсѣ. Причалила лодка, изъ нея вышли іонійскіе рыбаки. Старецъ спрашиваетъ ихъ, хороши ли былъ ловъ; на это тѣ отвѣтили ему темной остроумной загадкой:

«То, что мы поймали, осталось на мѣстѣ, съ нами только то, что отъ насъ ускользнуло».

Уже давно оракулъ предостерегалъ поэта отъ «загадки молодыхъ людей»; теперь прорицаніе исполнилось: Гомеръ, не будучи въ состояніи разгадать загадку, такъ былъ огорченъ этимъ, что умеръ.

Хотя мы и не опасаемся, что тѣ изъ нашихъ читателей, которые не разгадаютъ загадки, примутъ это такъ же близко къ сердцу, какъ слѣпой пѣвецъ, мы, все-таки, дадимъ маленькій намекъ, чтобъ облегчить разгадку: такъ какъ рыба не пла, то рыбаки на досугъ занялись охотой на такихъ звѣрей, которыхъ можно ловить не только въ открытомъ морѣ, но и за завѣской. Наивная символика этого разсказа ясна... Пѣвецъ эпоса погибаетъ отъ остроумной загадки; «загадка молодыхъ людей»—это символъ иного порядка вещей, новаго міросозерцанія, прямо противоположнаго міру этическому. Выступаетъ новое поколѣніе, остроумное, ироническое, съ рѣзко субъективнымъ взглядомъ на жизнь, не уважающее идеаловъ стараго времени, представитель которыхъ; на свой участливый вопросъ, полнучаетъ отвѣтъ въ легкомысленномъ тонѣ:

У древнихъ имѣлись двойные бюсты: передняя сторона изображала Гомера, а задняя—Архилоха. Этимъ символически представлялось противопоставленіе стараго и новаго времени, съ Архилохомъ въ качествѣ представителя послѣдняго. Этому времени можно, пожалуй, приписать ѣдкую, разлагающую иронию, насмѣшку, которой не пощадила и поэзія, освященной стариною. Только въ это время и была возможна пародія на гомеровскую поэму, дошедшая до насъ подъ названіемъ «Батрахоміомохія» («Война мышей съ лягушками»), гдѣ, какъ извѣстно, вмѣсто грековъ и троянцевъ, героями, войны являются лягушки и мыши. Въ это же время ямбистъ Симонидъ сложилъ стихотвореніе «О женщинахъ»: здѣсь онъ съ насмѣшкой говоритъ о бѣднѣхъ гомеровскихъ герояхъ, которѣ такъ много дрались и, въ концѣ концовъ, даже должны были низойти въ гадесъ, «и все это изъ-за женщины». Стесихоръ также написалъ сатирическую пѣсню на прекрасную Елену; положимъ, легенда прибавляетъ, что онъ за это ослѣпъ и прозрѣлъ только тогда, когда искупилъ свой грѣхъ хвалебной пѣснью.

Греки признавали Архилоха представителемъ этого времени; Архилохъ былъ знаменитый сатирической поэтъ, о которомъ преданіе рассказываетъ, что многіе его противники, пораженные его острой сатирой, лишили себя жизни, не будучи въ силахъ перенести ударъ, нанесенный имъ поэтомъ.

гатыхъ гражданъ. по очереди), онъ замѣнялъ древнимъ какъ бы повседневную печать. «Все что возбуждало вниманіе общества, говорить Гееренъ, были ли то лица или дѣла, могло ожидать быть перенесеннымъ на театръ. Даже любимѣйшій демагогъ, находившійся на высотѣ своей силы, не избѣгалъ этой участи; мало того,

Къ этому-то времени лекторъ и относитъ начатки греческой новеллы. «Можно, кажется, безъ доказательства допустить, что атмосфера тогдашней Греціи была такъ же пропитана подобнаго рода разсказами, какъ это было въ XIII вѣкѣ на западѣ. Повидимому, это было совершенно сообразно съ характеромъ греческаго народа, и беззаботный острый умъ іонянъ жадный до всего новаго, склонный къ вымыслу, также естественно указывалъ на подобныя произведенія, какъ и ѣдкая эпиграмматическая манера дорійскаго племени».

Но въ пользу этой гипотезы говорятъ и опредѣленные историческія показанія. Отдѣльные города и мѣстности издревле были извѣстны тѣмъ, что тамъ были въ ходу остроумные бытовые разсказы. Въ позднѣйшей древности особеннымъ распространениемъ пользовались «милетскія новеллы».

Извѣстно, что въ 100 г. до Р. Х. нѣкій Аристидъ изъ Милета составилъ сборникъ такихъ разсказовъ, который, въ скоромъ времени, былъ введенъ въ римскую литературу въ переводѣ Сисенны. Судя по немногимъ, дошедшимъ до насъ, пересказамъ, содержаніе разсказовъ было преимущественно эротическое, и, вѣроятно, собраніе Аристида послужило главнѣйшимъ источникомъ для послѣдующей длинной серіи поздне-греческихъ обработокъ подобнаго матеріала.

Другой очагъ такихъ произведеній находился на противоположномъ концѣ греческихъ колоній—въ южной Италиі: сибаритскіе разсказы пользовались также широкой извѣстностью, которая пережила существованіе рано разрушеннаго города (Сибариса). Немногое, дошедшее до насъ изъ пересказовъ и образцовъ этихъ повѣстей, свидѣтельствуеетъ о забавномъ, шуточномъ содержаніи и эпиграмматически мѣткомъ остроуміи, а такъ какъ сибариты и безъ того были народецъ, о житьѣ-бытьѣ котораго разсказывалось много страннаго, то возможно, что многое, имѣвшее другое происхожденіе, было потомъ связано съ ихъ именемъ. Аристофанъ сохранилъ намъ два хорошихъ сибаритскихъ анекдота. Еще въ позднее римское время знали цѣлый сборникъ ихъ. Извѣстенъ юмористическій разсказъ, который приводитъ изъ него Эліанъ,—про сибаритскаго школьнаго учителя, который быстро вырываетъ изъ рукъ своего ученика найденную на дорогѣ фигу, съѣдаетъ ее и затѣмъ читаетъ мальчику нотацию за его обжорство: эта шутка по своему простодушію и комизму не уступаетъ любой изъ продѣлокъ попа Амиса и совершенно въ томъ же духѣ.

Эпиграмматическую краткость анекдоты раздѣляютъ съ живоотною баснею, начатки которой также относятся къ этому періоду. О громадной популярности басни можно судить по циркулировавшей въ то время массѣ разсказовъ и шутокъ этого рода. Вся послѣ гомеровскаго поэзіи пользовалась ими, хотя болѣе эпизодически: басня влеталась въ разсказъ какъ поэтическое украшеніе, какъ примѣръ, подтверждающій истинность сказочнаго; потому уже, какъ извѣстно, Эзопъ придалъ баснѣ значеніе самостоятельнаго рода поэзіи, въ которомъ лучшими продолжателями его дѣла были Федръ и Лафонтенъ.

Кромѣ того, новелла того времени брала своей матеріалъ изъ области исторіи. Миръ востока давалъ эллинскому воображенію новую пищу. Были усвоены и обработаны сказанія о древнихъ фригійскихъ царяхъ Гордіѣ и Мидасѣ (съ ослиными ушами), а также чисто восточная легенда о Кандавлѣ и Гигесѣ: содержаніе ея въ томъ, что царь Кандавлъ, въ гордомъ упоеніи отъ красоты своей жены, ищетъ еще большаго удовлетворенія этой гордости въ зависти человѣка, который не обладаетъ такимъ счастьемъ; онъ позволяетъ своему тѣлохранителю Гигесу тайкомъ подсмотрѣть обнаженную красоту. Но это постыдное дѣло погубило царя: царица замѣтила все; глу-

афинскій народъ имѣлъ удовольствіе видѣть пзображеннымъ на сценѣ самого себя, и смѣялся надъ собою, и онъ за это вѣнчалъ поэта». Свобода сцены такъ глубоко коренилась въ понятіяхъ народа, что даже 30 тирановъ, которыхъ посадили въ Афинахъ спар-

боко оскорбленная, она рѣшаетъ отмстить и предлагаетъ Гигесу на выборъ— или самому умереть, или убить царя и занять его мѣсто. Гигесъ выбираетъ послѣднее; онъ убиваетъ Кандавла съ помощью царицы «и такимъ образомъ получаетъ жену и царство». Отъ него производила себя династія индійскихъ царей, которая въ историческое время владычествовала въ Сардахъ.

Первый сообщилъ эту новеллу Геродотъ. Въ нѣсколько иной версіи передаетъ ее Платонъ; здѣсь впервые является мотивъ волшебнаго перстня, дѣлающаго невидимымъ: этотъ перстень Гигесъ (по этой версіи царскій па-стухъ) получилъ чудомъ и, благодаря ему, успѣлъ овладѣть сперва царицей, а потомъ и престоломъ убитаго обоими царя. Впрочемъ, изъ образовъ мало-азіатскихъ царей ни одинъ не сдѣлался такимъ популярнымъ и не сроднился съ міромъ эллинскаго духа въ такой степени, какъ Крезъ, богатый царь лидянь. По сказочному преданію, при его дворѣ гостили, между прочими, Эзонъ и Солонъ. Разказъ о разговорѣ между Крезомъ и Солономъ—одно изъ превосходнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ преданій того времени.

Связь съ древней чудотной страной пирамидъ также оплодотворила греческую фантазію. Оттуда пришла извѣстная классическая повѣсть о сокровищницѣ Рампсинита и о неистощимыхъ хитростяхъ ловкаго сына египетскаго строителя, о которыхъ такъ мило и изычно разказываетъ Геродотъ. Впрочемъ, эта исторія встрѣчается и въ другихъ версіяхъ. Въ описаніи путешествія Павзанія о ней разказываютъ строители Трофоній и Агамель, которые построили сокровищницу боотійскаго царя Гирея, съ пресловутыми движущимися камнями, а потомъ обокрали ее; третья редакція переноситъ мѣсто дѣйствія въ Элиду, и здѣсь обворованнымъ является знаменитый царь Авгій.

Къ циклу новеллъ, имѣющихъ темой личную отвагу, въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ, принадлежитъ, между прочимъ, и повѣсть о сватовствѣ Гиппоклида, разказанная намъ также Геродотомъ.

У тирана Клисена сикіонскаго млада единственная дочь Агариста, которая и являлась наслѣдницей его власти и всѣхъ его богатствъ. Желая выбрать женихомъ для нея красивѣйшаго и достойнѣйшаго элина, Клисень для этого на олимпійскомъ праздникѣ всенародно объявилъ, что кто изъ молодыхъ грековъ считаетъ себя достойнымъ стать его зятемъ, можетъ пріѣхать въ Сикіонъ и жить у него; черезъ годъ онъ выберетъ себѣ зятя. Женихи съѣхались со всѣхъ концовъ Эллады, даже изъ самыхъ отдаленныхъ греческихъ городовъ Южной Италіи,—это были цвѣтъ благородной молодежи. Но отцу больше всѣхъ понравились двое афинскихъ молодыхъ аристократовъ—Мегаклъ и Гиппоклидъ: оба были знатнаго рода и обладали высокими личными достоинствами. Когда приблизилось время выбора, Клисень рѣшилъ остановиться на Гиппоклидѣ, такъ какъ въ его пользу говорило больше, нежели въ пользу его соперника. Устраивается большое празднество, на которомъ Клисень хочетъ объявить свое рѣшеніе. Гиппоклидъ совершенно уврѣнъ въ своемъ успѣхѣ и веселъ безконечно, вино льется, музыка играетъ; Гиппоклидъ начинаетъ плясать—сперва по-спартански, потомъ по-аттически, все возбужденнѣе, все страстнѣе, а подъ конецъ, въ пылу увлеченія, онъ сталъ на столъ внизъ головою и началъ дѣлать ногами въ воздухѣ плывовыя движенія. Этого степенный Клисень не выдержалъ: онъ считалъ Гиппоклида человѣкомъ серьезнымъ. Онъ обратился къ нему съ возгласомъ: «Сынъ Тисандра, ты проплясалъ свою свадьбу!» и отдалъ руку Агаристы другому афинскому жениху, алкмеониду Мегаклу. Но Гиппоклидъ, въ жилахъ котораго текла беззаботная іонійско-афинская кровь, нисколько не смутившись, крикнулъ ему въ отвѣтъ: «Для Гиппоклида это пустяки!» И эти слова сдѣлались ходячимъ словомъ въ Афинахъ и во всей Греціи—для выраженія геніальнаго легкомыслія.

танцы, были преспокойно осмѣяны на театрѣ и, тѣмъ не менѣе, не рѣшились подвергнуть поэта другому взысканію, кромѣ выговора, и то подъ предлогомъ, что онъ осмѣялъ отечественныя учрежденія передъ иностранцами, присутствовавшими по случаю праздника Діониса, за что авторъ зло и безнаказанно отмѣтилъ правителямъ въ другой разъ, когда не было иностранцевъ въ Афинахъ.

Вѣкъ демократіи въ Афинахъ, отъ Клизмена до Евклида, отмѣченъ небывалымъ развитіемъ драматическаго генія, подобнаго которому не представляла исторія ни прежде, ни послѣ. Одинъ за другимъ (младшій изъ нихъ былъ моложе старшаго только 45 годами) три величайшихъ трагическихъ поэта, Эсхилъ, Софоклъ и Еврипидъ, создавали свои дивныя творенія; каждый изъ нихъ былъ поистинѣ гениаленъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выражалъ политическій духъ своего времени. И они были далеко не единственные поэты; другіе, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, уцѣлѣли одни только имена, успѣшно состязались съ ними: «Эдипъ» Софокла былъ превзойденъ драмой Филокла; «Медея» Еврипида получила только третью награду; Евфоріонъ, сынъ Эсхила, получилъ первую награду, Софоклъ—вторую. А между тѣмъ двѣ названія трагедій Софокла и Еврипида—величайшія изъ дошедшихъ до насъ произведеній этихъ поэтовъ. Ксеноклъ и Никомакъ одержали побѣду надъ Еврипидомъ; называютъ еще и другихъ трагиковъ также съ большими похвалами*).

Въ самый расцвѣтъ трагедій, приобрѣла значеніе сатира и комедія; поэтъ Кратина, Гермиппа и Кратеса явился остроумный Арпетофанъ съ своимъ язвительнымъ смѣхомъ и покорилъ себѣ комедію.

Но не одинъ только театръ служилъ приправою общественной жизни. Къ чести грековъ надо сказать, что имъ не приходило въ голову увеселить себя гладиаторскими боями или травлей звѣрей. За то у нихъ были разные праздники и игры, которые съ теченіемъ времени превратились въ сборнища почти всѣхъ эллиновъ и служили не только развитію физической силы, но и духовнымъ наслажденіямъ. Древнѣйшія такія игры были основаны на маленькомъ островѣ Делосѣ («священномъ»); уже на нихъ происходили также состязанія интеллектуальныя. Съ 776 г. до нашей эры олимпійскія игры дѣлаются національнымъ праздникомъ всѣхъ эллиновъ; позднѣе по этимъ играмъ установилось счисленіе времени (олимпиады). Затѣмъ были игры въ Дельфахъ, въ Коринѣ (истмійскія) и внутри Пелопонеса (пемейскія). Одна Спарта имѣла свои отдѣльныя игры. Вычленился не только побѣдитель въ борьбѣ,—и пѣвецъ, и музыкантъ, и поэтъ, даже историкъ, прочитавшій народу свой трудъ, всѣ удостоивались заслуженной высшей награды,

*) Гротъ замѣчаетъ: Въ 469 г. до нашей эры, во время весенняго праздника великихъ Діонисіевъ, Афины увидѣли первую трилогію Софокла (Триптолемъ). Геродоту было тогда 16 лѣтъ, Эукидиду 3 года, а Еврипиду 12 лѣтъ. Черезъ семь лѣтъ Периклъ достигъ высоты своего могущества, а Афины своей славы. Софоклъ написалъ 31 драму, прежде чѣмъ создалъ свою «Антигону».

радостно приветствуемой всею Элладой. Все бытіе эллиновъ основывалось на общественной жизни. За исключеніемъ нѣкоторыхъ дорійскихъ племенъ, повсюду проявлялось живое стремленіе къ гармоническому соединенію добра и красоты (*καλοῦ καὶ αἰδοῦς*).

Ораторское искусство получило особенное значеніе въ политической жизни: Кто хотѣлъ занять важное мѣсто среди своихъ согражданъ, отъ того, понятнѣе, требовалось знакомство со всеми отраслями государственныхъ знаній того времени. Но онъ долженъ былъ также обладать способностью въ живой, свободной рѣчи развивать и защищать свою мысль. Первые, составившіе себѣ имя на поприщѣ реторики и диалектики, были греки изъ Италіи: Эмпедокль изъ Агригента (470—440), риторъ, и Зенонъ изъ Элея (460—440), диалектикъ. Долго краснорѣчіе оставалось чуждымъ искусственныхъ приемовъ; еще Лисій больше обращать вниманія на содержаніе, чѣмъ на форму. Исократъ первый придалъ большое значеніе формѣ; послѣ него идетъ Исей и, наконецъ, славный Демосоеенъ, знаменитѣйшій ораторъ всего древняго міра (род. въ 385 г. до Р. Х., на 63 году окончилъ жизнь самоубійствомъ); его противникъ, Эскинъ, занималъ второе мѣсто послѣ него. Замѣчательно, что знаменитые ораторы Греціи, за немногими исключеніями, были уроженцы Аттики.

Нашимъ знакомствомъ съ жизнью другихъ народовъ глубокой древности мы обязаны главнѣйшимъ образомъ любви грековъ къ передвиженію и ихъ наблюдательному уму. Безъ ихъ записей мы почти ничего не знали бы о большинствѣ тѣхъ народовъ. Даже позднѣйшее нахожденіе памятниковъ мало бы подвинуло насъ впередъ; они были бы едва понятны.

Философскій умъ Гиппократъ преобразовалъ медицину, въ смыслѣ правильнаго наблюденія и обоснованія ея на началахъ науки; оттого онъ и теперь еще считается отцомъ врачебной науки, хотя самъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ упоминаетъ о заслугахъ своихъ предшественниковъ, а происхожденіемъ своимъ греческая медицина обязана египетской. Во всякомъ случаѣ, любопытно, что древнѣйшая врачебная школа грековъ возникла въ Киренахъ, на сѣверномъ берегу Африки, на границѣ Египта, и Le Page Renouf, между прочимъ, доказалъ, что въ одномъ сочиненіи, приписываемомъ Гиппократу, встрѣчается египетскій рецептъ почти въ буквальной передачѣ.

Впрочемъ, низкій уровень естествознанія оставался непреодолимой преградой въ этой области. Въдѣ не могли же, напримѣръ, додуматься до правильнаго календаря (даже послѣ того, какъ египтяне, уже за тысячелѣтіе раньше, составили дендерскіе знаки зодіака). Считали то лунными, то солнечными мѣсяцами, въ различныхъ циклахъ прибавляли и убавляли дни и даже мѣсяцы. Календари Аттики, Беотіи, Малой Азіи и Македоніи сильно различались между собой. Цѣлыхъ два столѣтія греческіе астрономы билась надъ задачей: какимъ образомъ національные праздники справлять всегда въ одно и то же время года и въ періоды, установленные оракулами и законами. Съ 776 г. (до нашей эры) начинается ира-

вильный счетъ олимпіады, т. е. національныхъ праздниковъ, справлявшихся каждыя четыре года въ Олимпіи; онъ хотя и служатъ намъ опорными хронологическими пунктами, но древнѣйшіе греческіе историки, до Ксенофонта, еще не считали по нимъ*). Не уясняли себѣ даже простыхъ явленій природы. Утверждали, напр., что на горѣ Аѳонѣ, пмѣющей немного болѣе 5000 ф. высоты, солнце восходитъ тремя часами ранѣе, чѣмъ на равнинахъ. Подобнымъ заблужденіямъ не было счета.

Важнымъ препятствіемъ въ дѣлѣ образованія былъ недостатокъ въ бібліотекахъ: отсюда высокая цѣна списковъ. Несмотря на свои связи въ Италиі, Платонъ съ трудомъ досталъ отсюда нѣсколько философскихъ трактатовъ; за одно сочиненіе Филолая ему пришлось заплатить 100 минъ (около 3600 руб.).

Развитіе искусства. Въ области изящныхъ искусствъ греки несравнены, и во многихъ отношеніяхъ недостигаемы; здѣсь они, по справедливости, являются предметомъ удивленія всѣхъ позднѣйшихъ народовъ. Они, дѣйствительно, въ совершенствѣ умѣли схватывать природу, и ихъ произведенія, въ особенности что касается гармоніи частей, навсегда останутся образцовыми. Кромѣ того, количество ихъ художественныхъ работъ было изумительно. Въ одной Олимпіи стояло (по Плинію) около 3000 статуй; столько же, вѣроятно, было въ Аѳинахъ и Дельфахъ. По сопоставленію Винкельмана, Павзаній въ своемъ описаніи Греціи упоминаетъ болѣе чѣмъ о 20000 статуй.

Истинныхъ художниковъ отличали, осыпали почестями и щедро награждали. Первые люди въ государствѣ не ограничивались милостями по отношенію къ выдающимся художникамъ; мы знаемъ, что Периклъ былъ другомъ Фидіа, и не менѣе извѣстно, какимъ высокымъ уваженіемъ пользовались такіе люди у всего народа.

Въ нашихъ руководствахъ по исторіи не удѣляется художественной дѣятельности грековъ столько же вниманія, какъ нѣкоторымъ другимъ отраслямъ духовной жизни (напр., литературѣ, по почину Шлоссера). И это очень жаль. Искусство у эллиновъ не было только забавой или пріятнымъ развлеченіемъ; оно было индигенентомъ всей жизни и духа націи; оно проникло и пополнило весьма существенную часть этой жизни и вліяло, въ свою очередь, на условія и положеніе индивидуума и цѣлой общины. А такъ какъ искусство было тѣсно связано со всѣмъ эллинскимъ міромъ, то оно поддерживалось и развивалось всюду, гдѣ только поселялись греки, не только въ Элладѣ въ тѣсномъ смыслѣ, но и въ Малой Азіи, въ Великой Греціи, въ Сициліи и на африканскомъ побережьѣ. Даже деспоты, появившіеся въ различныхъ общинахъ, понимали необходимость заботливаго отношенія къ искусству и поощряли все сколько-нибудь выдающееся на этомъ поприщѣ. Такимъ образомъ, искусство составляло одно изъ существеннѣйшихъ явленій

*) Для поясненія замѣтимъ: такъ какъ олимпіада обнимала четырехлѣтній періодъ, то говорили: въ 1—4 году такой-то олимпіады; напр., ол. VI, 3, т. е. въ третьемъ году VI олимпіады, говорятъ, былъ основанъ Римъ.

въ жизни этого народа и уже потому заслуживаетъ полнаго вниманія.

Если обратимся къ отдѣльнымъ отраслямъ, то и тутъ придется изумляться какъ удивительной быстротѣ развитія изъ грубыхъ начатковъ, такъ и степени выработки вплоть до высшаго совершенства. Многіе народы христіанско-германскаго отдѣла среднихъ вѣковъ, владѣвшіе обширными территориями, проводили длиннѣйшіе періоды времени словно во снѣ, или наполнили ихъ неслѣпыми схоластическими спорами, приправленными развѣ еще сожженіемъ колдуновъ или вѣдьмъ, — а гораздо меньшіе періоды оказались вполне достаточными въ Элладѣ для созданія художественнаго міра, достойнаго всей остальной культуры и равнаго которому нельзя указать во всей исторіи.

Надо сказать, что первое развитіе искусства замѣчается у дорянъ, на Самосѣ, Эгинѣ, Сициліи; уже позднѣе оно поднялось у іонянъ въ Малой Азіи и, наконецъ, дивно расцвѣло въ Аѳонахъ.

Взглянемъ, прежде всего, на архитектуру. Сохранившіеся остатки крѣпостныхъ стѣнъ г. Таринноа показываютъ намъ, изъ какихъ зачатковъ выработалось строительное искусство эллиновъ: колоссальной величины камни и обломки скалъ кое-какъ положены одинъ на другой — признакъ мощи, но и отсутствія всякаго искусства. Такія сооруженія получили довольно мѣткое и картинное названіе «циклопическихъ стѣнъ»: оно дѣйствительно подходит къ этимъ мионическимъ чудшамъ. Теперь стѣны эти, по большей части, приписываютъ пелазгамъ, т. е. ихъ считаютъ остатками изъ періода предполагаемыхъ туземцевъ Эллады. — Почти однородны съ этими сооруженіями древнѣйшія извѣстныя намъ ворота, напр., такъ называемыя «львиныя ворота въ Микенахъ», хотя въ нихъ замѣтенъ уже нѣкоторый прогрессъ, камни стѣнъ уже обтесаны и сложены болѣе правильно, но самыя ворота состоятъ просто изъ двухъ большихъ, нѣсколько косо поставленныхъ, камней, поверхъ которыхъ, поперекъ, положена еще большая каменная глыба, а на нее другой камень съ грубымъ рельефомъ, изображающимъ двухъ львовъ (должно быть, подражаніе аспрійской скульптурѣ). Глядя на эти остатки, едва представляешь себѣ, какимъ образомъ тотъ же народъ могъ дойти до такихъ дивныхъ созданій, какъ Парѳенонъ, Пропилеи, Эрехтеионъ и многія другія зданія, достойныя быть поставленными рядомъ съ этими, — словомъ, до чудныхъ произведеній Иклина, Калликрата и другихъ мастеровъ. Строго говоря, едва ли были принимаемы во вниманіе цѣнителями все чисто техническія трудности, которыя приходилось грекамъ преодолевать при подобныхъ работахъ. Въ то время еще не знали сводчатыхъ построекъ. На самыхъ незначительныхъ разстояніяхъ прибѣгали къ подставкамъ или подпорнымъ стѣнкамъ, на которыя плашмя клали большія каменные плиты. Даже позднѣе, когда дошли до такого перекрытія отверстій, при которомъ каждый верхній рядъ надежно опирается на нижележащій, не могли обойтись безъ подпоръ. Цѣльныя стѣны замѣнялись пидястрами. Онѣ были не просто украшеніемъ, за что ихъ принимаютъ теперь, а необходимою

Но посмотрите, какъ гений это средство претворилъ въ чисто техническую цѣль, какъ онъ его усовершенствовалъ и облагородилъ! Каменная опора потолочной плиты превратилась въ чудную колонну—въ дорическую, крѣпкую и простую, въ стройную, художественно разработанную и богатую ионическую и, наконецъ, въ великолѣпную коринфскую.

Такъ называемыя пелазгическія сооруженія, о которыхъ мы говорили выше, возведены, вѣроятно, за 1000 лѣтъ до начала нашей эры. Первый толчокъ къ прогрессу былъ данъ мощнымъ дорійскимъ племенемъ. Впослѣдствіи болѣе изящные и возвышенные іоняне достигли гораздо высшей ступени творчества, но и заслуги дорянъ вѣтъ всякаго спора.

Индусы, туло погруженные въ фантастическую думу о мерзости здѣшняго и о блаженствѣ другого, невѣдомаго міра, направляли свои физическія и духовныя силы прежде всего на храмоздательство во славу грозныхъ и чудовищныхъ божествъ. Въ персидскомъ царствѣ и въ другихъ деспотическихъ государствахъ строительное искусство ограничивается возведеніемъ дворцовъ для тѣхъ, отъ мановенія коихъ зависѣла жизнь или смерть каждаго. Египтяне строили храмы и пирамиды. Изъ всѣхъ древнихъ народовъ только одни изобрѣтательные греки проявляютъ стремленіе приурочить строительное, какъ и всякое другое, искусство ко всѣмъ отраслямъ жизни: къ культу (проникнутому антропоморфизмомъ), гражданскому обиходу, національнымъ праздникамъ и играмъ, а затѣмъ и къ болѣе тихой сферѣ домашней и семейной жизни. Такимъ образомъ, архитектура служила одновременно и матеріальнымъ потребностямъ и идеальнымъ стремленіямъ народа. Безъ сомнѣнія, вѣрно замѣчаніе одного новѣйшаго историка искусства: «Если искусство востока на каждомъ шагѣ напоминаетъ намъ о смутномъ выраженіи рабскихъ мыслей, о неподвижной формалистикѣ, о мрачныхъ религіозныхъ предствленіяхъ, то здѣсь, въ общей формѣ сіяющихъ мраморами храмовъ, насъ поражаетъ высокая прелесть свободнаго сознанія, самостоятельное чувство человѣческаго достоинства и веселая чувственность облагороженнаго культа» (Любке). Но надобно помнить, что храмы были не единственными произведеніями греческаго зодчества; оно не исчерпывалось ими. Поэтому ошибка утверждать, какъ это дѣлаетъ названный авторъ, что зодчество выработало только одинъ типъ построекъ—храмы. Мы можемъ судить о его развитіи и по воротамъ, по рянку (агора), составлявшему важнѣйшій сборный пунктъ, но стоямъ, палестрамъ и гимназіямъ, ипподромамъ и театрамъ, мавзолеямъ и кенотафіямъ. Храмы не были простыми модельями, они служили высшей цѣли свободной, смѣло и широко развивающейся народности. Особеннымъ украшеніемъ религіозныхъ праздниковъ считалось не покаяніе, не поверженіе въ прахъ или добровольное самобичеваніе; высшей красой культа являлись, напротивъ того, общественныя игры и состязанья, свободное проявленіе физической и духовной силы. Боги чтились не одною только смиренною молитвою, но и общественными играми, бѣгами и прыганьемъ, бросаніемъ копья и диска, борьбою и кулачнымъ боемъ.

Въ театрѣ, въ самой серединѣ того мѣста, гдѣ танцовалъ хоръ, находился жертвеникъ бога, котораго чествовали,—обыкновенно Діониса (Вакха). Это было тѣмъ естественнѣе, что драматическіе діонисрамбы первоначально сочинялись для праздника въ честь Діониса, а театръ предназначался именно для этихъ праздниковъ. Такъ, намъ извѣстно, что первый каменный театръ съ особою пристройкой для сцены, находившійся на южномъ склонѣ аѳинскаго акрополя, былъ посвященъ вышеупомянутому богу. Поэтому, если даже допустить, что всѣ художественныя зданія хоть сколько-нибудь связаны съ культомъ, то, во всякомъ случаѣ, надо будетъ признать, что этотъ культъ былъ нѣчто совершенно иное и имѣлъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ то, что понимается теперь подъ этимъ выраженіемъ. Въ наши дни врядъ ли кто-нибудь встрѣтилъ бы сочувствіе и поддержку со стороны лицъ духовнаго сана, если бы вздумалъ, ради вящей торжественности богослуженія, не ограничиться молитвой и пѣніемъ, но предложить кулачный бой и борьбу: а находящійся алтарь на сценѣ или въ танцевальной залѣ послужилъ бы, навѣрно, поводомъ для обвиненія въ поруганіи святыни. Итакъ, вопросъ объ отношеніи греческаго искусства къ религіи требуетъ, во всякомъ случаѣ, поясненія или даже ограниченія, и при томъ внѣ всякаго спора, что древне-греческая религія, отчасти благодаря именно искусству, освободилась отъ варварства, облагородилась и сдѣлалась болѣе человѣчною. Поэтому нельзя высокое развитіе искусства объяснять прямымъ вліяніемъ религіи, скорѣе можно бы предположить обратное.

Наивысшаго совершенства греки достигли въ скульптурѣ. До насъ дошло сравнительно немного экземпляровъ ихъ гениальныхъ созданій безъ существенныхъ поврежденій, но не только эти уцѣлѣвшія произведенія, но и обломки цѣлага ряда другихъ вполне убѣждаютъ насъ, что ни одинъ народъ въ мірѣ не создалъ ничего равнаго этому. Въ искусствѣ воспроизводить формы человѣческаго тѣла греки достигли такого идеальнаго совершенства, до какого не доходилъ потомъ ни одинъ изъ народовъ, прославившихъ себя въ искусствѣ, и это тѣмъ болѣе удивительно, что анатомія, какъ наука, была имъ неизвѣстна.

Древнѣйшіе извѣстные памятники принадлежатъ не Греціи въ собственномъ смыслѣ, а Сициліи, давно уже эллинизированной и достигшей высокаго развитія, и въ частности Селинунту; въ этихъ изваяніяхъ видна мощь, но они еще грубы и тяжелы. Двѣ статуи Аполлона съ острова Феры и изъ мѣстности близъ Коринѳа, сдѣланныя, вѣроятно, немногимъ позднѣе, обнаруживаютъ уже большой шагъ впередъ; у нихъ стройное, хорошо сложенное тѣло, но за то выраженіе лица не удовлетворяетъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ. Гораздо лучше и художественнѣе мраморныя статуи изъ храма богини Аѳины на Эгинѣ, сдѣланныя, вѣроятно, въ началѣ періода персидскихъ войнъ (въ настоящее время находятся въ Мюнхенѣ); тѣла сдѣланы превосходно, но лица страдаютъ тѣмъ же упомянутымъ сейчасъ недостаткомъ.

Около того же времени (вѣроятно, между 515 и 455 гг. до нашего лѣтосчисленія) жилъ въ Аргосѣ замѣчательный художникъ Агеладъ, знаменитый своими бронзовыми изображеніями боговъ и побѣдителей на олимпійскихъ играхъ, и еще болѣе извѣстный какъ учитель величайшихъ когда-либо существовавшихъ ваятелей—Фидія, Мирона и Поликлета. Въ особенности слава Фидія затмила всѣхъ остальныхъ. Къ сожалѣнію, о двухъ его наиболѣе прославленныхъ произведеніяхъ мы можемъ судить только по изображеніямъ (понятно весьма неудовлетворительнымъ) на дошедшихъ до насъ монетахъ. Первое—колоссальная статуя Зевса олимпійскаго, сдѣланная изъ золота, слоновой кости, драгоценныхъ камней и другихъ дорогихъ матеріаловъ. Богъ былъ изображенъ сидящимъ на своемъ престолѣ; его окружали чудные образы и другія роскошныя украшенія; вышина фигуры въ сидячемъ положеніи доходила до 40 фут. Вся Эллада приходила въ восторгъ отъ этого превосходнѣйшаго въ мірѣ пластическаго созданія, этого творенія вполне созрѣвшаго художника. Раньше того Фидіемъ сдѣлана была образцовая статуя Паллады Защитницы (*Pallas Promachos*), стоявшая въ Аѳинскомъ Акрополѣ; высота ея была 70 фут., такъ что она высоко царилла надъ городомъ и окрестностями. Но до насъ не дошло ни одного изображенія великолѣпной и изысканнѣйшей статуи Аѳины въ Парѳенонѣ, оконченной въ 437 г. до Р. Х. Уцѣлѣли только мраморныя барельефы, фризы и метопы этого дивнаго зданія, несравненная отдѣлка которыхъ не допускаетъ сомнѣнія въ томъ, что это дѣйствительно произведеніе самого Фидія (лордъ Эльгинъ перевезъ эти мраморныя изваянія изъ Аѳинъ въ Лондонъ, и теперь они находятся въ Британскомъ музеѣ). Фидіевы образы боговъ, особенно Зевса, Аѳины, Афродиты, описываются современниками не только какъ созданія идеальнѣйшей красоты, но онѣ вызывали еще большее удивленіе выраженіемъ духовнаго величія и божественной возвышенности.

Фидій былъ аѳинянинъ какъ по рожденію, такъ и по своему постоянному мѣстожителству; кромѣ того, онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Перикломъ. Въ его время аѳинская школа пластики занимала первое мѣсто. Миронъ, знаменитый удивительною реальностью своихъ произведеній, хотя и былъ уроженецъ Элевферъ, въ Беотіи, но жилъ также въ Аѳинахъ. Въ это же время Поликлетъ основалъ новую скульптурную школу въ Аргосѣ. Онъ особенно выдавался тонкой отдѣлкой своихъ работъ, и о немъ говорятъ какъ о неподражаемомъ изобразителѣ юношей съ прекраснымъ тѣлосложеніемъ, развитымъ гимнастикой. Его знаменитѣйшимъ произведеніемъ считается фигура Геры, которая могла соперничать съ колоссальными статуями Фидія и была подобна имъ по величинѣ, красотѣ и великолѣпной отдѣлкѣ. Изъ ваятелей того же періода слѣдуетъ назвать еще Каллимаха, изобрѣтателя роскошной коринтской капители.

Въ слѣдующемъ, затѣмъ, періодѣ (середина IV столѣтія до нашего лѣтосчисленія) выступаетъ новая аттическая школа, величайшими художниками которой являются Скопась пароскій и

Пракситель; первому особенно удавалось выраженіе глубокаго чувства, задушевности и страсти, а второй (уроженецъ Аѳинъ, но работалъ по преимуществу въ Малой Азіи) прославился граціозностью своихъ образовъ, а также многосторонностью и богатствомъ фантазіи. Которому изъ этихъ двухъ художниковъ принадлежитъ группа Ниубей, возбуждающая удивленіе даже по существующимъ слѣбкамъ, неизвѣстно. Нельзя обойти молчаніемъ и Евфранора коринѳскаго, жившаго въ Аѳинахъ.

Кромѣ этой младшей аѳинской школы, существовала еще аргосско-сикіонская школа, главнымъ представителемъ которой былъ Лизиппъ изъ Сикіона, знаменитый своими изображеніями сильнаго тѣла атлетовъ и героевъ (напр., Геракла).

Мы дошли до періода Александра Македонскаго. О произведеніяхъ этого періода можно бы также упомянуть здѣсь постольку, поскольку они были плодами эллинскаго духа. Но самовластіе, какъ бы оно ни покровительствовало искусству, все-таки, дурно вліяло на его развитіе. Македонскіе цари не могли вдохнуть въ искусство духа свободы. Художественная дѣятельность, особенно въ пластикѣ, продолжалась, поддержка и покровительство автократа, хотя бы даже гениальнаго Александра, могли расширить искусство матеріально, но не содѣйствовать его внутреннему развитію; оно выиграло въ размѣрахъ, но теряло самостоятельность и энергію. Эти признаки упадка не могли быть устранены и въ позднѣйшее время, когда Греція опять стала свободна. Поэтому о позднѣйшихъ созданіяхъ греческой пластики мы скажемъ при изложеніи македонскаго періода.

Позже другихъ искусствъ развилась живопись. Едва ли, впрочемъ, можно высказать какое-либо опредѣленное мнѣніе о ея значеніи, такъ какъ главнѣйшія созданія ея намъ неизвѣстны даже по снимкамъ. Но увлеченіе, съ которымъ говорить о нихъ эллины, столь высоко цѣнившее искусство, не оставляетъ сомнѣнія въ красотѣ и совершенствѣ этихъ произведеній.

Первый, дѣйствительно выдающійся, художникъ былъ Полигнотъ, уроженецъ острова Озоса; около 462 г. онъ былъ вызванъ Кимономъ въ Аѳины, гдѣ и украсилъ фресками одну изъ стѣн (Роикіле); картины изображали мораѳонскую битву, съ превосходной фигурой Мильтиада, а также сцены изъ троянской войны. Но это были только контуры, исполненные лишь четырьмя красками, безъ тѣней и перспективы, но, очевидно, обнаруживавшіе уже нѣкоторое мастерство.

Истощеніе Аѳинъ, вслѣдствіе пелопонесской войны, остановило развитіе живописи въ этомъ городѣ. Но она, все-таки, развилась: въ Малой Азіи возникла іонійская школа; главнымъ центромъ ея дѣятельности былъ Ефесъ. Здѣсь работали Зевкисъ (вѣроятно, изъ Великой Греціи) и Парразій (уроженецъ Ефеса). Живопись на отдѣльныхъ доскахъ отодвинула фрески на второй планъ; развитіе быстро подвигалось впередъ. Прочвѣтала живописная школа и въ Сикіонѣ: ей, какъ говорятъ, принадлежитъ изобрѣтеніе ракурса и анкаустической техники.

Лучшія качества этихъ двухъ школъ соединились въ творчествѣ А п е л л е с а, — кажется, уроженца Колофона. Главными достоинствами его произведеній были: дивная гармонія, нѣжный колоритъ, тончайшая рисовка формъ и задушевность выраженія. Знаменитѣйшими картинами Апеллеса были Афродита и портретъ Александра Македонскаго, который не позволялъ никому, кромѣ Апеллеса, рисовать свои портреты. Въ ряду живописцевъ, современныхъ Апеллесу, выдается Протогенъ на Родосѣ, котораго называютъ даже его соперникомъ; жили выдающіеся художники и въ Пестумѣ, въ Великой Греціи; остатки ихъ произведеній сохранились въ тамошнихъ катакомбахъ. Та же эпоха пристрастилась къ жанровой живописи и къ изображенію болѣе обыденныхъ предметовъ:

Мы разсмотрѣли главныя отрасли изобразительныхъ искусствъ; но было бы ошибкой думать, что только ими ограничивался художественный вкусъ эллиновъ. Послѣдній распространился на всѣ условія жизни. Стоитъ только вспомнить мозаику, расписныя вазы, монеты и рѣзные камни, геммы и камеи.

Музыка была также предметомъ изученія и разработкисъ ней были нераздѣльны поэзія и танцы. Аррей фонъ Доммеръ, (котораго беремъ въ руководители въ данномъ случаѣ) замѣтилъ, что развитіе музыки шло параллельно развитію душевной жизни человѣчества; его источникъ, чувство, просыпается еще въ дѣтскомъ состояніи, какъ у отдѣльныхъ людей, такъ и у цѣлыхъ народовъ, и, по удовлетвореніи, по крайней мѣрѣ, насущнѣйшихъ матеріальныхъ потребностей, оно стремится къ болѣе идеальному поэтическому выраженію. Поэтому-то первые зачатки какой бы то ни было музыки, какъ выраженія чувства посредствомъ звуковъ, появляются задолго до всякихъ историческихъ преданій и легендъ. Развитіе музыкальнаго искусства потребовало, такимъ образомъ, огромныхъ періодовъ времени и вообще оно вступило въ зрѣлый возрастъ позже всѣхъ другихъ искусствъ.

Составить себѣ хотя бы приблизительно вѣрное понятіе о пѣніи древнѣйшихъ народовъ мы не можемъ. Многіе дѣлаютъ себѣ идеальное представленіе о немъ, въ особенности о духовномъ пѣніи древнихъ іудеевъ, но едва ли это представленіе можно чѣмъ-нибудь подкрѣпить. Поразительно, какъ давно жрецы разныхъ религій стали вводить пѣніе въ культъ, но еще болѣе поразительно, что на музыку уже передовые народы древности смотрѣли какъ на науку, основанную на математикѣ. И, тѣмъ не менѣе, по выраженію Доммера, «еще долго нельзя было думать о свободномъ художественномъ творчествѣ» и «музыка въ Греціи, какъ и во всемъ древнемъ мірѣ, не выработывала самостоятельныхъ формъ, а служила для оживленія рѣчи при рецитированіи или же какъ болѣе богатое модуляциями пѣсенное украшеніе; затѣмъ она сопровождала танцы, драму и служила политеистическому культу и другимъ практическимъ цѣлямъ, и все это въ полномъ подчиненіи законамъ поэтической ритмики, а не какъ простое, одnogолосное рецитированіе и пѣніе».

предосудительнымъ поступить въ персидскую службу. Въ этомъ уже заключается переходъ къ регулярному войску. У афинянъ во время пелопонесской войны число наемныхъ солдатъ и матросовъ увеличилось уже настолько, что они произвели поворотъ въ ходъ событій: когда персы дали спартанцамъ средства на увеличеніе жалованья морякамъ, масса афинскихъ матросовъ перешла къ спартанцамъ. Благодаря этому только послѣдніе не были разбиты на морѣ.

Говоря о военномъ дѣлѣ, нельзя не сказать нѣсколько словъ о военномъ правѣ. Въ Греціи и въ позднѣйшія эпохи оставались въ силѣ грубыя, даже варварскія понятія - остатки отъ давнихъ временъ. Побѣдитель считалъ себя господиномъ надъ жизнью и имуществомъ побѣжденныхъ. Пленныхъ воиновъ нерѣдко уродовали или убивали. Известно, что афиняне, овладѣвши Лесбосомъ, изрубили до 1000 его знатнѣйшихъ жителей. Земли, принадлежавшія жителямъ городовъ, возставшихъ противъ Афинъ, были разбиты на 3000 участковъ и по жребію розданы бѣднѣйшимъ афинянамъ. Принудивши къ сдачѣ сикіонцевъ, они убили всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей обратили въ рабство, а сикіонскія поля подарили платейнамъ. Мы уже видѣли выше, что спартанцы поступали еще хуже афинянъ.

Теперь обратимся къ главнѣйшимъ отраслямъ гражданскихъ занятій.

Въ Греціи всеми признавалась важность земледѣлія. «Лучшій народъ тотъ, который занимается земледѣліемъ», говорилъ Аристотель (Полит., VI, 4), хотя самъ онъ, какъ уже сказано было выше, требуетъ, чтобы воздѣлываніе полей было производимо рабами. Еще въ гомеровское время земельные участки принадлежали частнымъ лицамъ: они были размежеваны, и грани ихъ обозначены камнями. Самою обработкою земли въ большей части государствъ занимались рабы; такъ было въ Лаконіи, Мессеніи, Фессаліи, на Критѣ. И Платонъ и Аристотель положительно требуютъ, чтобы земледѣльство производилось ими. (О законахъ, VII, Полит., VII, 10). Огромная часть имѣній принадлежала храмамъ; цѣлыя округи (напр., вся область Кипры) были изъяты отъ обработки, вслѣдствіе произнесенныхъ проклятій. Кто пробовалъ сдѣлать посѣвъ на такой землѣ, тотъ подвергался смертной казни.

Въ занятіи промыслами греки всегда видѣли что-то унижительное, даже презрѣнное (*ἀναυτοί, artes illiberales*—римляне). Даже занятіе искусствомъ не составляло исключенія, если ему предавались ради полученія денегъ или средствъ къ жизни, т. е. разъ оно становилось ремесломъ. Уже въ силу этого софисты должны были вызывать презрѣніе. Хотя общественное мнѣніе и не считало постыднымъ владѣть ремесленными заведеніями или фабриками, но не допускалось, чтобы человѣкъ съ значеніемъ могъ собственными руками производить какую-нибудь работу. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ ни объ одномъ знатномъ грекѣ, который бы унижился до занятія какимъ-нибудь ремесломъ. Это было также дѣломъ рабовъ. «Въ благоустроенныхъ государствахъ, юворитъ

Аристотель (Полит., III, 5), мелких ремесленников не допускают до гражданских прав». Далѣе онъ говоритъ, что другой политикъ, Фанеасъ халкидонскій (вѣроятно, согласно съ духомъ своего народа и времени), предлагалъ установить, чтобы все ремесла отъправлялись общественными рабами, и что эта мысль была осуществлена въ г. Эпидамнѣ. Кромѣ рабовъ, ремеслами занимались метеки, иноземцы, платившіе за это право 12 драхмъ. (291 руб. сер.), при чемъ имъ не позволялось приобретать земельную собственность. Только съ возвышеніемъ демократіи и по мѣрѣ усиленія ея господства положеніе ремесленниковъ улучшалось. Солонъ издалъ рядъ законовъ, охранявшихъ ремесленниковъ отъ оскорбленій. Позже, въ Афинахъ и въ другихъ государствахъ, они дѣлались гражданами и даже чиновниками. Этимъ была дана хотя тѣнь возможности къ созданію средняго сословія, этой существенной опоры государства. Цеховъ греки не знали, такъ какъ вообще не придавали важности ремесленному дѣлу. Въ Спартѣ, гдѣ при постройкѣ жилищъ не дозволялось употреблять другихъ инструментовъ, кромѣ топора и пилы, ремесленный бытъ не могъ развиваться. Рядъ запретительныхъ мѣръ мѣшалъ всякому совершенствованію. Запрещалось примѣшивать къ оливковому маслу благовонія, бѣлизнѣ шерсти нельзя было придавать другой цвѣтъ (исключая пурпурнаго); такъ какъ золото и серебро вовсе изгонялись, то не было и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ. При войскахъ допускались нѣкоторыя ремесла (гланатая, трубача, повара), но съ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобы сынъ наследовалъ ремесло отца, подобно тому, какъ это дѣлалось въ Египтѣ (Геродотъ, VI, 60). Народныя понятія особенно характерно выразились въ заявленіи вернувагося изъ Афинъ спартаца, что онъ «возвратился изъ города, гдѣ не знаютъ ничего постыднаго!» И этимъ онъ намекалъ не только на ремесло сводней, но и на занятіе мелкихъ торгашей. Въ Фивахъ, чтобы быть выбраннымъ въ какую-нибудь должность, нужно было, по меньшей мѣрѣ, десять лѣтъ не занимать себя торгашествомъ (Аристотель, Полит., III, 4)*).

*) Находки Шлимана въ Микенахъ побудили аинскаго профессора К. Мидопуло произвести изслѣдованіе химическаго состава открытых тамъ металлическихъ и минеральныхъ древностей, результаты коихъ опубликованы въ «*Berg-und Huttenmännische Zeitung*» (27 апрѣля 1878 г.); позволяемъ себѣ привести отсюда нѣсколько извлеченій.

«Полнѣйшее отсутствіе желѣзныхъ орудій въ древнѣйшихъ гробницахъ Микенъ доказываетъ, что въ тѣ времена, когда были зарыты эти древности, жители этого города ничего не знали о желѣзѣ и о трудно плавимой желѣзной рудѣ. Если, такимъ образомъ, желѣзо стало извѣстно только во времена Гомера («*πολύκιρτος σίδηρος*» читаемъ мы у него), то остается предположить, что микенскія находки еще древнѣе. Если же допустить, что онѣ современны троянской войнѣ, то весьма вѣроятно, что то, что Гомеръ называетъ *χαλκός*, была не чистая мѣдь, а смѣсь олова и мѣди. Но откуда появилась эта смѣсь или, по крайней мѣрѣ, откуда явилось олово? Должно полагать, что отъ финикянъ, потому что въ самой Греціи и въ смежныхъ съ нею странахъ до сихъ поръ не находили оловянной руды».

«Изслѣдованіе всѣхъ этихъ металлическихъ орудій показываетъ, что процессъ плавленія въ тѣ древнія времена былъ очень простъ. Изъ золотой, серебряной, свинцовой и мѣдно-оловянной руды приготавливались металлы

Торговля грековъ имѣла своимъ главнѣйшимъ пунктомъ Аѳины. Торговые обороты были, кажется, главнымъ внутреннимъ источникомъ аѳинскаго могущества и культуры. Насколько они были значительны (для тогдашняго времени), видно изъ того, что во время пелопонесской войны торговли пошлины въ Аѳинахъ отдавались на откупъ за 36 талантовъ, изъ чего можно предположить о ввозѣ болѣе чѣмъ на 1800 талантовъ (свыше 2½ мил. руб. сер., а по теперешней валютѣ, пожалуй, свыше 18 мил. рублей сер.). Конечно, эти обороты покажутся незначительными по сравненію съ теперешними. Ввозъ г. Гамбурга въ 1881 г. составлялъ свыше 2000 мил. марокъ. Мошенничество въ торговлѣ строго наказывалось въ Аѳинахъ. Само правительство показывало примѣръ честности: послѣ Солонова измѣненія монетной системы, оно не допускало ухудшенія пробы вычеканенной имъ монеты, вслѣдствіе чего курсъ аѳинскихъ денегъ держался во всей Греціи лучше всякихъ другихъ.

весьма невысокаго качества, которые не подвергались никакой очисткѣ. Рудокобы того времени не знали, что серебряная руда содержитъ въ себѣ достаточно золота, или что въ оловѣ и мѣди можно найти серебро. Химія была совсѣмъ неизвѣстна и горная практика весьма необширна. Но изъ формы и украшеній различныхъ орудій видно, что тоглашній человѣкъ стоялъ уже на сравнительно высокой ступени развитія. Соединеніе двухъ кусковъ металла паяніемъ было ему еще неизвѣстно, куски соединялись скобками. Какъ всѣ эти предметы попали въ Грецію—неизвѣстно; предполагаютъ, что они относятся еще къ тому доисторическому періоду, когда въ Греціи появились первые колонисты, вооруженные металлическимъ оружіемъ».

«Изъ всего сказаннаго видно, что доисторическій, бронзовый періодъ существовалъ и въ Греціи, гдѣ нашли также орудія каменнаго вѣка, какъ, напр., въ Домбренѣ, Фенеѣ, Эвбеѣ и другихъ мѣстностяхъ, а также на островахъ. Желѣзо встрѣчается уже у Гомера (см. выше). Такимъ образомъ, въ Греціи происходила смѣна всѣхъ трехъ доисторическихъ періодовъ развитія человѣчества (вѣковъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго)».

«Изъ неметаллическихъ предметовъ находимъ горный хрусталь. Онъ былъ извѣстенъ не только грекамъ и римлянамъ, но и древнѣйшимъ обитателямъ или колонистамъ Микенъ; какъ показываютъ найденные тамъ предметы, уже въ то время умѣли шлифовать горный хрусталь и дѣлать изъ него различныя украшенія. Предметы изъ горнаго хрустала отличаются удивительною прозрачною и чистотою; нѣкоторые вышлифованы призмами длиною въ 5 дюймовъ и шириною въ 1 дюймъ, во всю длину главной кристаллической оси, другіе—водяно-прозрачны и круглы съ изящно отшлифованными гранями. Поверхность всѣхъ этихъ украшеній очень гладкая, что наводитъ на мысль, что тогдашніе люди знали какой-нибудь болѣе твердый минералъ, который и употребляли для шлифовки горнаго хрустала и выдѣлки изъ него предметовъ украшенія. Возможно, что это былъ корундъ или наждакъ, встрѣчающіеся въ Малой Азіи и въ Ост.-Индіи. Но откуда эта масса горнаго хрустала? До сихъ поръ еще въ Греціи не находили залежей горнаго хрустала».

«Находки въ Микенахъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что янтарь уже въ глубокой древности былъ въ большомъ употребленіи: въ гробницахъ найдено множество закругленныхъ и продыравленныхъ кусочковъ янтара, должно быть, составившихъ цѣпочки. Почти всѣ шарики снаружи попортились, утратили блескъ и имѣютъ много трещинъ. Нѣкоторые шарики испорчены совершенно, другіе же, болѣе крупныя, только на извѣстную глубину. Измѣнившіяся части сохранили всѣ оттѣнки, отъ свѣтло-желтаго до коричневаго цвѣта, части и свою прозрачность; но и на нихъ много трещинъ. Эти видоизмѣненія происходятъ, можетъ быть, отъ неполнаго сжигенія, которому подвергались тѣла умершихъ».

При всемъ томъ въ Аѳинахъ (мы знаемъ нѣкоторыя подробности о торговлѣ только этого города) существовали ничѣмъ не оправдываемыя стѣснительныя постановленія. Такъ, напр., запрещалось вывозить изъ Аттики хлѣбъ, строевой лѣсъ, воскъ и множество другихъ товаровъ. Оливковое масло едва ли не было единственнымъ продуктомъ, вывозъ котораго разрешался безусловно. Точно также аѳинянамъ запрещалось вывозить изъ-за границы хлѣбъ въ другія мѣста, кромѣ аттического торговаго центра. При этомъ мы узнаемъ объ установленномъ закономъ максимумѣ цѣны на хлѣбъ (пять драхмъ за медимну, приблизительно 40 коп. сер. за четверикъ). Говорятъ, подъ страхомъ смертной казни запрещалось скупать болѣе опредѣленнаго количества плодовъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ государство извлекало изъ такого распоряженія всѣ выгоды монополіи.

Въ героическія времена не было чеканенныхъ денегъ. Герои Гомера знали только мѣновую торговлю, и, весьма вѣроятно, Ликургово законодательство только потому могло изгнать изъ Спарты золотыя и серебряныя деньги, что онѣ еще не вошли во всеобщее употребленіе. Можно удивляться высотѣ тогдашнихъ процентовъ: 10% считались очень низкимъ процентомъ; многіе брали по 16% въ мѣсяць, а то платили и четверть всей ссуды за одинъ день.— На проѣзжихъ дорогахъ встрѣчались гостиницы, но онѣ были низшаго разряда и пользовались дурной славой. Шоссейныхъ дорогъ не было, почты не существовало. Такъ какъ главнымъ путемъ сообщенія было море, то указанный недостатокъ не былъ особенно ощутителенъ.

Заключеніе. Теперь бросимъ еще одинъ общій взглядъ на зрѣлище, представляемое эллинскимъ міромъ, по возможности, отрѣшившись отъ предвзятыхъ впечатлѣній, будь то увлеченіе нашихъ юныхъ лѣтъ, или вкоренившееся въ насъ, въ позднѣйшіе годы, нерасположеніе ко всякимъ другимъ условіямъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми мы сжились. Не правда ли, какіе изумительные подвиги и достоинства, и рядомъ—какіе грубые недостатки и общественныя язвы!

Во всемъ эллинскомъ народѣ лежалъ зародышъ необычайной силы и способности къ развитію.

При всемъ томъ можно сказать, что только Аѳины, только одинъ городъ собственно и возвелъ Грецію на ея несравненную высоту. Спарта и вообще всѣ общины дорянъ никогда не могли совершить ничего подобнаго. Сами Аѳины возвысились только тогда, когда, послѣ изгнанія Гиппарховъ, онигъ возстановили демократическія учрежденія и все болѣе и болѣе развивали ихъ. Своего же апогея Аѳины достигли тогда, когда стали морскою державою. Свобода слова, позволявшая говорить обо всемъ публично, на народномъ театрѣ и въ народныхъ собраніяхъ, общее чувство полной причастности ко всей общественной жизни—дѣйствовали одинаково сильно и благотвѣтельно на естественное развитіе всѣхъ отношеній.

При всемъ томъ во всей Греціи никогда не могла получить авторитета идея признанія общечеловѣческаго достоин-

ства и благородной гуманности, по крайней мѣрѣ въ полномъ значеніи этого слова. Скорѣе замѣчается въ общинѣ отсутствіе истинно-правственной основы (напр., въ Спартѣ).

Собственно говоря, ни одна нація не имѣла такого цивилизующаго значенія, какъ эллинская. Но и это государство и этотъ городъ хотѣли преобладать надъ всѣми другими. Стремленіе къ гегемоніи породило безконечныя бѣдствія, оно стало пагубой и для властителей и для подвластныхъ. Въ позднѣйшія времена, за исключеніемъ Аѳинъ, Спарты и (короткое время) Фивъ, всѣ прочія общины находились въ положеніи угнетаемыхъ въ большей или меньшей степени. Но и въ названныхъ городахъ, исключая Аѳинъ, да и то условно, мы находимъ сравнительно малое число привилегированныхъ, массу безправныхъ и несмѣтное количество рабовъ. Число же полноправныхъ и дѣйствительно свободныхъ греческихъ гражданъ было ничтожно, сравнительно съ безконечнымъ множествомъ порабощенныхъ или, по крайней мѣрѣ, униженныхъ и политически угнетенныхъ людей. Угнетаемыя племена отлично понимали, что съ каждой политической переменѣю для нихъ только мѣнялись господа, самое же положеніе ихъ, по существу, оставалось неизмѣннымъ. При такихъ условіяхъ нечего было думать о возстаніи всей Греціи, когда появился новый могучій врагъ въ лицѣ Филиппа македонскаго. Силы двухъ-трехъ городовъ, выгнанныхъ въ одиночку противъ опаснаго сѣвернаго врага, разбитыя о мощныя македонскія фаланги.

Къ главнѣйшимъ внутреннимъ непорядкамъ древней Греціи слѣдуетъ отнести то, что ей недоставало многочисленнаго и зажиточнаго средняго класса,—недостатокъ, который лишь въ немногихъ городахъ, въ томъ числѣ въ Аѳинахъ, былъ отчасти устраненъ. Неуваженіе къ самоличному занятію земледѣліемъ, промысловъ и торговлей, непродуцательное сосредоточеніе частнаго богатства въ храмахъ, употребленіе всѣхъ наличныхъ средствъ почти исключительно для художественныхъ цѣлей, наконецъ, то обстоятельство, что такъ называемые союзники платили дань, а съ этимъ легкимъ способомъ наживы была сопряжена расточительность,—все это положительно мѣшало возвышенію трудового класса, богатаго, образованнаго и сильнаго—этой единственно незыблемой основы государства.

Но хотя многое не удовлетворяетъ насъ, а многое заслуживаетъ порицанія, мы не можемъ безъ чувства глубокаго уваженія къ грекамъ задать себѣ вопросъ: что сдѣлала Эллада для дальнѣйшаго прогресса человѣчества? Есть ли во всей исторіи другой народъ, проявившій подобную же дѣятельность? И, наконецъ, въ какомъ состояніи находился бы и теперь еще весь родъ человѣчскій безъ тѣхъ неизмѣримыхъ духовныхъ приобрѣтеній, которыми мы обязаны грекамъ почти на всѣхъ поприщахъ духа?

Но мы еще болѣе изумимся, если примемъ въ соображеніе незначительность греческой территоріи и числа ея народонаселенія, а равно краткость времени, въ какое суждено было этому народу достигнуть столь широкаго развитія.

Все пространство Греции вмѣстѣ съ островами ограничивалось 1400 кв. географическими мил.; это была, значить, область немногимъ больше нынѣшняго Баварскаго королевства. Если допустить равное пространство для малоазійскихъ и италійскихъ колоній (хотя, повидимому, большинство греческихъ поселеній были весьма необширны), то, все-таки, получимъ площадь, нѣсколько большую, нежели четверть нынѣшней Германіи, не считая нѣмецкой Австріи. Что же касается числа жителей, то оно едва ли превышало 8 или 10 милліоновъ, включая сюда и рабовъ. Свободныхъ людей въ Греции никогда не было болѣе двухъ-трехъ милліоновъ.

Собственно на Аттику, болѣе всѣхъ прочихъ греческихъ областей знаменитую своими подвигами, приходилось не болѣе 40 кв. милъ, т. е. пространство, гораздо меньшее занимаемаго Саксенъ-Мейнингенемъ, Ангальтомъ или Мекленбургъ-Стрелицомъ. Народонаселеніе Атики однимъ заслуженнымъ историкомъ (Бёкомъ) опредѣлено въ 500000 душъ; изъ нихъ приблизительно 180000 упадаютъ на столицу. Эта цифра слишкомъ велика, такъ какъ число домовъ въ Афинахъ никогда не превышало 10000, а частныя зданія, какъ извѣстно, были очень малы и тѣсны. Изъ приведеннаго итога, во всякомъ случаѣ, надо исключить 360000 рабовъ, не имѣющихъ въ данномъ случаѣ особеннаго значенія, и затѣмъ еще 10000 семействъ метекъ. Гражданъ насчитывалось всего 21000.

Но слѣдуетъ принимать въ расчетъ не только ограниченность пространства и числа населенія, но и краткость времени, въ какое совершилось развитіе грековъ. Отъ начала персидскихъ войнъ до подавленія Греции Александромъ Македонскимъ прошло всего полтора столѣтія; при этомъ между саламинской побѣдой и началомъ пелопонесской войны лежитъ не болѣе полустолѣтія. Между тѣмъ къ этому именно періоду и относятся величайшія созданія греческаго гения.

Общій выводъ изъ сдѣланнаго нами обзора можетъ быть только тотъ, что ни одинъ народъ не сдѣлалъ для развитія культуры, а стало быть и для блага всего человѣчества, такъ много, какъ древніе греки; безъ нихъ мы и теперь еще находились бы въ безнадежномъ состояніи дикарей и даже варваровъ. Греки были именно тотъ народъ, который проложилъ дорогу культурѣ и цивилизаціи; ихъ дѣятельность на пользу человѣчества превыше всего что сдѣлано другими народами!

Греко-македонскій періодъ.

Эллинскій міръ былъ внезапно выбитъ изъ самостоятельной колѣи культурнаго развитія и насильственно брошенъ на совершенно чуждый ему путь двумя дѣятельными, смѣлыми, исполненными жажды славы и завоеваній царями Македоніи—Филиппомъ II и сыномъ его Александромъ. Привычка къ абсолютизму, непониманіе значенія свободныхъ политическихъ учрежденій, въ особенности же ненависть къ демократіямъ и республикамъ зачастую омрачали, подчасъ извращали и даже искажали сужденіе большинства нашихъ новѣйшихъ петри-

ковъ объ этомъ насильственномъ нарушеніи естественнаго хода культуры. Несмотря на это, сами факты, очевидные результаты переворота, едва ли оставляютъ сомнѣніе въ мыслившемъ и безпристрастномъ человѣкѣ относительно истиннаго значенія того, что было здѣсь создано или разрушено. Отъ страшнаго истощенія, причиненнаго пелопонесской войной, Эллада почти уже оправилась; побѣды эвванцевъ возвратили самостоятельность большинству пелопонесскихъ народностей, а главное, освободили отъ рабства мессеніянъ; развитіе искусствъ достигло небывалой высоты; несмотря на крупныя внутренніе недочеты, уже были на лицо элементы, необходимые для мощнаго и дивнаго возрожденія Греціи. Но въ это время произошло грубое вмѣшательство сѣверныхъ царей-завоевателей, которые пустили въ ходъ все средства подкупа, вѣроломства и грубѣйшаго насилія, и подлѣмили пышный цвѣтокъ свободы; на развалинахъ знаменитыхъ греческихъ общинъ они создали военную державу, огромную по размѣрамъ, но недолговѣчную: она рушилась, какъ только испустилъ послѣдній вздохъ ея главный виновникъ, оставивъ по себѣ всеобщее смятеніе и опустошеніе, которые породили опять новыя смуты, наполнившія цѣлыя столѣтія. До чего можетъ доходить путаница понятій, показываетъ примѣръ Шлоссера («Всемирная исторія для нѣмецкаго народа»), историка съ безусловно честными стремленіями. Онъ безъ всякихъ доказательствъ, категорически, утверждаетъ, что «міръ нуждался въ человѣкѣ, который бы республиканскія формы жизни замѣнилъ монархическими»; совершенно голословно это мнѣніе о неотвратимой будто бы необходимости монархической (скорѣе деспотической) формы правленія. Шлоссеръ думаетъ, что этимъ онъ устранилъ всякія сомнѣнія; онъ вообще не задаетъ себѣ вопроса, насколько послѣдующее было лучше или хуже прежняго; онъ даже одобряетъ насильственное переселеніе высокообразованныхъ жителей городовъ греческаго приморья въ глубь варварской Македоніи, видя въ этомъ похвальную заботу о распространеніи культуры; наконецъ, онъ старается обосновать свои обвиненія противъ республиканцевъ указаніемъ на недостатокъ у нихъ добродѣтели и умѣренности, и въ то же время не задумывается оправдывать «пьянство и другіе пороки» царя Филиппа, «потому что они способствовали достиженію его политическихъ цѣлей и въ македонскомъ царѣ были «неизбѣжны». Противъ такого изложенія всемірной исторіи, при томъ въ одномъ изъ новѣйшихъ и обширнѣйшихъ трудовъ этого рода, слѣдуетъ протестовать, если мы не хотимъ, чтобы исторія обманывала и развращала общество.

Историческіе источники. Характерно для исторической роли македонства, что оно не произвело ни одного хорошаго историка. Историческіе источники крайне скудны. Сочиненія птолемеевыхъ историковъ до насъ не дошли. Македоняне хотя и были сродни греческому народу и говорили на одномъ съ нимъ языкѣ, но, при господствующемъ у нихъ грубомъ, воинственномъ направленіи, они не дали ни одного историка, по крайней мѣрѣ такого, который бы дѣйствительно заслуживалъ этого названія. Двое спут-

никовъ Александра, Аристобуль и Птолемей Лаги, записали его дѣянiя. Но мы можемъ быть вполне увѣрены, что они писали чистѣйшіе панегирики своему поводителю, а не безпристрастную исторiю. При всемъ томъ сочиненiя эти имѣли бы для насъ большое значенiе, такъ какъ можно предположить, что въ нихъ, по крайней мѣрѣ, были вѣрно переданы въ общихъ чертахъ вѣдѣнія событiя; къ сожалѣнiю, именно эти сочиненiя утрачены. Аррианъ, жившій почти 500 лѣтъ спустя, еще имѣлъ возможность пользоваться ими, и потому его сочиненiя служатъ намъ важнѣйшимъ источникомъ по македонской исторiи. Кромѣ того, несомнѣнное значенiе имѣютъ для насъ замѣчанiя объ эллинско-македонскихъ отношенiяхъ, встрѣчающiяся въ рѣчахъ Демосвена и Эхина. Затѣмъ находимъ нѣкоторые отрывочныя данныя ранней македонской исторiи у Геродота и Фукидида; много, хотя и лишенное критическаго значенiя, сообщаетъ Диодоръ II, наконецъ, кое-что—еще болѣе ничтожный Юстинъ. Собственно для исторiи Александра у насъ имѣются еще Плутархъ и Курцій. Выше мы упоминали о ненадежности перваго; второй заслуживаетъ еще меньшаго довѣрiя и, съ критической точки, онъ не можетъ служить источникомъ—это почти всеобщее мнѣнiе. Новая литература возникла уже долгое время спустя послѣ того, какъ этотъ насильственно соединенный конгломератъ земель распался,—именно въ нѣкоторыхъ пунктахъ прежняго огромнаго царства, особенно въ Александрiи.

Обзоръ событiй. Греки давно уже достигли апогея цивилизаціи, когда сильное, но грубое племя македонянъ еще лишено было всякаго высшаго духовнаго развитiя. О событiяхъ того времени и до самой смерти царя Филиппа II не извѣстно ничего такого, что имѣло бы значенiе для исторiи человѣчества, если не придавать такового цѣлому ряду преступленiй и ужасовъ, совершенныхъ въ самой царской фамилии. Но когда Филиппъ II возшелъ на престолъ, на который не имѣлъ права по рожденiю (въ 360 г. до нашего лѣтосчисленiя), македоняне возымѣли большое влiянiе на судьбы Греціи и затѣмъ всего міра.

Царь Филиппъ по своимъ дарованiямъ былъ въ высшей степени замѣчательный человѣкъ. Доказательствомъ этому служить умѣнье, съ какимъ онъ прежде всего упрочилъ внутреннiй порядокъ незначительной и раздраемой междоусобiями Македонiи, а затѣмъ подчинилъ ея господству болѣе сильную, болѣе богатую и образованную Элладу. При этомъ все его стремленiя и почти все употребляемыя имъ средства были пагубою для народовъ, были безнравственны, коварны и отвратительны.

Филиппъ въ юношескіе годы былъ привезенъ въ Фивы Пелопидомъ въ качествѣ заложника. Здѣсь онъ познакомился съ греческою образованностью. По возвращенiи въ свое отечество, онъ воспользовался тамошними спорами о престолонаслѣдiи и, подъ предлогомъ охраны правъ своего малолѣтняго племянника, захватилъ правительственную власть, которую и удержалъ за собою. Подкупы, хитрость, вѣроломство, всякаго рода насилiя пускались въ ходъ противъ его внутреннiхъ и внѣшнiхъ враговъ; онъ былъ мастеръ разъ-

еднятыя противниковъ, ослаблять или губить одного посредствомъ другого. Онъ не останавливался ни передъ какимъ средствомъ.

Внутри государства Филиппъ сумѣлъ подчинить своей власти сильную феодальную аристократію. Военное дѣло основывалось на системѣ милиціи; съ преобразованіемъ войска Филиппомъ, военная служба стала обязательною для всѣхъ способныхъ носить оружіе. Новая система тактики довела до образцоваго состоянія фалангу, это ядро македонскаго войска. Вышніе враги, варвары, иллирійцы и фракійцы были побѣждены и лишены значительныхъ областей. Но для осуществленія плана Филиппа—господства надъ Греціей—была неизбѣжна борьба съ эллинами, въ особенности съ аоніанами. Подготовляя удобный моментъ, Филиппъ, пока что, старался сперва ослѣпить аоніискій народъ своимъ великодушіемъ, а потомъ обмануть его ложными обѣщаніями. Какъ всегда и вездѣ въ подобныхъ случаяхъ, онъ пустилъ въ ходъ деньги и другія средства, чтобъ образовать и поддерживать въ самихъ Аоніахъ партію, которая бы дѣйствовала въ его интересахъ. Къ сожалѣнію, однимъ изъ вожаковъ этой партіи явился превосходный, знаменитый ораторъ Эхпизъ, между тѣмъ какъ болѣе великій Демосѳенъ съ непоколебимой энергіей и всею душою отдался дѣлу своего отечества и свободы. Но здѣсь случилось то, что мы такъ часто видимъ въ исторіи: народу грозитъ бѣда, а онъ не отваживается рѣшить дѣло оружіемъ, пока врагъ не соберетъ всѣхъ своихъ силъ и не опутаетъ его окончательно. Едва ли какая политика стоила человечеству больше крови и причинила ему больше вреда, какъ политика мнимаго миролюбія, которая не рѣшается своевременно начать войну, а надѣется уступками поддержать миръ, тогда какъ противникъ прибѣгаетъ къ насилію,—тактика, которая, въ концѣ концовъ, все-таки, приводитъ къ войнѣ, но только при неблагоприятныхъ условіяхъ и безнадежномъ положеніи. Эта политика близорука и безсильна; она всячески споспѣшествуетъ завоеваніямъ и угнетенію, а деспотизмъ строитъ на ней безошибочно свои расчеты; политика эта почти всегда кончается гибелью сторонниковъ мира.

Религіозныя недоразумѣнія представили благовидный предлогъ для осуществленія завоевательныхъ замысловъ Филиппа. Фокейская или третья «священная война» дала ему поводъ поссорить между собою всѣ болѣе значительныя общины Греціи. Пообѣщавъ сначала аоніанамъ подчинить ихъ власти тотъ или другой городъ, онъ напалъ на союзный съ ними Олинъ, взялъ этотъ городъ, предалъ его разграбленію и разрушилъ его до основанія, а жителей частью раздарилъ своимъ приверженцамъ въ другихъ греческихъ городахъ, частью же велѣлъ продать въ рабство. Этотъ поступокъ вывелъ аоніанъ изъ ихъ бездѣйствія; но царю еще разъ удалось, съ помощью македонской партіи въ Аоніахъ, увѣрить ихъ въ своихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ и задержать переговорами до тѣхъ поръ, пока онъ не укрѣпился въ Фермопилахъ и не соединилъ всѣхъ своихъ силъ. Тогда сопротивленіе ихъ прекратилось.

Союзъ амфиктіоновъ, собственно свободная религіозная федерация, былъ уже съ нѣкотораго времени обращенъ аѳванцами въ

родъ политическаго судилища: Филиппъ далъ этой системѣ еще болѣе широкое развитіе. Прежде всего устранены были изъ союза фокейцы и на ихъ мѣсто приняты македоняне, затѣмъ была исключена и Спарта. вмѣстѣ съ тѣмъ амфиктіоны передали Филиппу высшій надзоръ надъ дельфійскимъ храмомъ и поручили ему приведеніе въ исполненіе приговоровъ союза, что и дѣлалось имъ съ возможною жестокостью, напр., по отношенію къ несчастнымъ фокейцамъ; впрочемъ, увѣряетъ насъ Шлоссеръ, все это дѣлалось только ради политическихъ цѣлей—традиціонный способъ, которымъ оправдываются всякіе ужасы деспотизма.

Такимъ образомъ, перевѣсъ Филиппа былъ дѣломъ принципиально рѣшеннымъ. Тѣмъ не менѣе онъ все еще не рѣшался нанести Греціи послѣдній ударъ. Расширеніе его владѣній во Фракіи, ослабленіе аѳинянъ и усиленіе его партіи въ этомъ городѣ, вмѣстѣ съ подкупами, служили главнѣйшими средствами къ достиженію дальнѣйшей цѣли. Это было время, когда Демосенъ направлялъ противъ опаснаго врага свои знаменитыя рѣчи, названіе которыхъ—«филиппики»—сдѣлалось нарицательнымъ. Надо было изолировать и окружить Аѳины. На этотъ разъ, однако, Филиппъ встрѣтилъ сопротивленіе, хотя и запоздалое; онъ занялъ ближайшій къ Аѳинамъ большой островъ Эвбею и одновременно осадилъ важные города Византію и Перинѳъ (на сѣверо-востокъ Греціи). Но аѳиняне прогнали оттуда македонскія войска и принудили Филиппа снять осаду съ обоехъ городовъ.

Но развязка была неизбежна. Она наступила, когда возгорѣлась новая (четвертая) «священная война». Амфиссеяне совершили мнимое «преступленіе», запахавъ киррейскій округъ—который, нѣсколько столѣтій тому назадъ, былъ посвященъ дельфійскому богу—вмѣсто того, чтобъ оставить его пастбищемъ жертвенныхъ животныхъ. Эсхинъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы въ собраніи амфиктіоновъ возбудить фанатизмъ,—все, понятно, въ цѣляхъ политики. Дома и хозяйственныя постройки на полѣ, принадлежащемъ «богу», были разрушены. Амфиссеяне, приведенные въ отчаяніе опустошеніемъ своихъ полей и разрушеніемъ своихъ жилищъ, напали на амфиктіоновъ и прогнали ихъ. И вотъ Филиппу представился желанный поводъ къ войнѣ—обстоятельства благоприятствовали ему. Онъ направилъ походъ не противъ Амфиссы, а противъ Аѳинъ и Фивъ. Опасность соединила оба города; къ нимъ примкнуло еще нѣсколько мелкихъ городовъ. На Херонейской равнинѣ (августъ 338 г. до Р. X.) произошло рѣшительное сраженіе. Македоняне, которые нѣсколько лѣтъ вооружались и готовились къ этой войнѣ, разбили на голову наскоро собранное войско эллиновъ. Самостоятельность и свобода послѣднихъ были уничтожены.

Въ слѣдующемъ году предположено было папастъ на Персію. На весеннемъ конгрессѣ въ Коринѣ греческія общины, фактически уже присоединенныя къ Македоніи, провозгласили Филиппа своимъ военачальникомъ съ неограниченной властью и поручили ему назначить, сколько войска и денегъ должна дать каждая союз-

ная область. Цезаризмъ вступилъ въ свои права—подъ видомъ защиты національности.

Неожиданному событію суждено было отсрочить осуществленіе широкихъ плановъ Филиппа. При македонскомъ дворѣ все время не прекращались семейныя ссоры. Въ это время царь удалилъ отъ себя жену Олимпіаду (мать Александра) и женился на другой. Среди пышныхъ свадебныхъ пиршествъ онъ былъ заколотъ однимъ изъ своихъ тѣлохранителей, знатнымъ македоняниномъ Павзаніемъ. Осталось неизвѣстнымъ, насколько участвовала въ этомъ дѣлѣ Олимпія; сынъ и наслѣдникъ Филиппа Александръ велѣлъ казнить цареубійцу.

Все твореніе завоевателя готово было рушиться, потому что лишено было внутреннихъ, естественныхъ основъ, если бы случай,—весьма рѣдкое явленіе,—не далъ Филиппу сына и наслѣдника, который дарованіями и энергіей далеко превосходилъ самого творца государства.

Александръ, впослѣдствіи названный «Великимъ», былъ несомнѣнно одной изъ сильнѣйшихъ личностей, когда-либо появившихся въ исторіи. Онъ обладалъ болѣе широкимъ, болѣе гениальнымъ умомъ, рѣже отца впадалъ въ грубость и невоздержность и болѣе его былъ доступенъ благороднымъ побужденіямъ.

Отецъ его поступилъ умно, выбравъ ему наставникомъ философа Аристотеля. Но, кромѣ этого, у него было еще два воспитателя, которыхъ считаютъ виновниками того, что въ Александрѣ такъ часто прорывались дурныя качества. Странное непониманіе истины! Въ самой роли деспота уже заключалось зло. Отъ власти до злоупотребленія властью только одинъ шагъ!

При вступленіи на престолъ, въ 336 году до Р. Х., Александру было всего 20 лѣтъ. Походъ Филиппа противъ персовъ былъ въ то время совершенно подготовленъ и часть войска стояла уже на азиатской землѣ. Но послѣ убіенія Филиппа повсюду проявилось сильное броженіе, вездѣ стремились сбросить или сломить неестественное иго. Броженіе обнаружилось въ самой царской фамиліи, среди македонской аристократіи, среди подвластныхъ варваровъ и, разумѣется, у грековъ, стремившихся къ возстановленію своей независимости. Мощной энергіи Александра удалось подавить всѣ эти враждебные элементы; для этого онъ не пренебрегъ даже варварскими средствами, и, какъ истый восточный повелитель, началъ съ умерщвленія всѣхъ своихъ родственникововъ, такъ какъ они могли быть ему опасны. Туземные вожди были также усмирены, фракійцы и иллирійцы вновь покорены, а возростаніе могущества Греціи заторможено систематическимъ поддерживаніемъ внутреннихъ смуть и раздоровъ. Когда же поднялись Фивы и попробовали въ героической борьбѣ отстаивать свою независимость, царь подвергъ ихъ страшной мести: городъ, которому Греція какъ разъ за послѣднее время была такъ много обязана (быть можетъ, въ этомъ и была его главная вина), онъ велѣлъ сравнять съ землею, а всѣхъ его жителей (числомъ 30000) продать въ рабство.

Александръ не хотѣлъ, да и не могъ ограничиться однимъ только охраненіемъ могущества, начало которому было положено его отцомъ. Не одно только честолюбіе, еще болѣе полнѣйшее разстройство финансовъ побуждало его, подобно азартному игроку, доведенному до крайности, поставить на карту все. Войско было доведено до такой численности, что Македонія, страна бѣдная, была не въ состояніи содержать его. Уменьшить же войско оказалось невозможнымъ, потому что правитель нуждался въ такой большой силѣ, чтобы держать въ повиновеніи всѣ враждебные элементы. Оставалась надежда на покореніе Персіи, на попытку завоевать Азію, и Александръ былъ до такой степени проникнутъ сознаніемъ своего положенія, что при переходѣ черезъ Геллеспонтъ онъ обѣщаль македонянамъ въ будущемъ освобожденіе отъ всѣхъ податей, кромѣ воинской повинности, а свою собственную недвижимость, состоящую изъ земель и помѣстій, роздалъ военачальникамъ. Ему оставался одинъ выходъ: либо подчинить Азію, либо погибнуть. Итакъ, отъ отчаяннаго положенія азартнаго игрока зависѣла судьба всего цивилизованнаго міра!

Весною 334 года начался походъ. Войско состояло изъ 30000 чел. пѣхоты и 5000 конницы; въ томъ числѣ было 7000 грековъ изъ различныхъ областей, исключая Спарты, которая въ то время еще не признавала главенства надъ собой. Войско персовъ было гораздо многочисленнѣе, но, не считая греческихъ наемниковъ, это былъ разнокалиберный сбродъ. Предводитель родосскихъ наемниковъ Мемнонъ напрасно на военномъ совѣтѣ совѣтовалъ персамъ избѣгать рѣшительнаго сраженія, отступить въ глубину страны и тѣмъ погубить непріятели. Если бы планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе, то Александра постигла бы, вѣроятно, участь Наполеона въ Россіи. Но персы требовали битвы. Небольшое сраженіе при рѣчкѣ Граникѣ, въ которомъ персы, какъ говорятъ, потеряли 1000, а македоняне только 115 человекъ, окончилось пораженіемъ первыхъ и подчинило всю Малую Азію владычеству Александра; малоазійскіе греки радовались изгнанію персовъ, на которыхъ смотрѣли какъ на варваровъ. Одержанная въ слѣдующемъ (333) году еще большая побѣда при Иссъ подчинила власти македонянина Сирию. Дабы воспрепятствовать нападению персовъ на европейскую Македонію и освободить отъ ихъ ига образованнѣйшія и наиболѣе зажиточныя племена, завоеватель не пошелъ тотчасъ же къ столицѣ государства, а направился вдоль Средиземнаго моря. Но здѣсь онъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе. Одинъ городъ, сильный, какъ свободнымъ духомъ своихъ жителей*), такъ и богатствами, приобретенными торговлею, оказалъ болѣе энергичное сопротивленіе, нежели до сего времени оказывало все громадное персидское царство. Но когда, послѣ семимѣсячной осады, Тиръ, наконецъ, палъ, Александръ поспѣшилъ въ Египетъ, гдѣ, на радость его населенія, положилъ конецъ ненавистному всѣмъ персид-

*) Подъ владычествомъ персовъ финикіяне сохранили почти безусловно свою самостоятельность во внутреннихъ дѣлахъ. (См. выше).

скому владычеству. Здѣсь основалъ онъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ испушить паденіе Тира, новый торговый городъ, Александрію. Городъ этотъ, превосходно расположенный для торговыхъ сношеній между тремя извѣстными тогда частями свѣта, вскорѣ сдѣлался центромъ торговли и своимъ именемъ увѣковѣчила память о своемъ основателѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что Александру были доступны не только грубыя завоеванія, но и болѣе высокія цѣли. Впрочемъ, и это созданіе было осуществлено путемъ широкаго примѣненія такихъ насильственныхъ мѣръ, какъ, напр., произвольныя переселенія инородцевъ.

Хотя Александръ и выказалъ милость къ плѣнному при Иссъ семейству персидскаго царя, но онъ съ гордымъ презрѣніемъ отвергъ все предложенія Дарія, старавшагося купить миръ какою бы то ни было цѣною. Александръ хотѣлъ быть единодержавнымъ властелиномъ Азіи. Легко выигранная битва при Арбелахъ и Гавгамелахъ (македоняне не потеряли здѣсь и 500 человекъ, а по свѣдѣніямъ Арріана только около 100) рѣшила судьбу Персіи (въ 331 г.), такъ какъ все послѣдующія препятствія, которыя стояли на пути Александра, не имѣли никакого значенія и были въ сущности только попытки отдѣльныхъ вождей и племенъ сдѣлаться независимыми.

Попытка спартанцевъ сбросить съ себя иго иноземнаго владыки, пока онъ находился въ дальнемъ походѣ, не удалась главнымъ образомъ потому, что, польщенные разными знаками милости Александра, аоніяне отказали имъ въ своемъ содѣйствіи. Спартанскій царь Агисъ II палъ въ героической битвѣ противъ Антипатра, оставленнаго намѣстникомъ въ Македоніи.

Александръ не терпѣлъ не только сопротивленія, но даже серьезнаго противорѣчія. Все должно было рабски преклониться передъ нимъ. Слѣпая покорность и рабское подчиненіе восточнаго деспота ему нравились болѣе обычаевъ и нравовъ грековъ. Поэтому греческіе обычаи, по мѣрѣ возможности, вытѣснялись имъ и замѣнялись обычаями персовъ. Александръ ввелъ у себя придворный церемоніаль и царскую обстановку побѣжденнаго народа; онъ требовалъ себѣ божескихъ почестей, и еще во время похода въ Египетъ, въ храмѣ Юпитера Аммона, велѣлъ подкуленнымъ жрецамъ обвивать себя сыномъ этого бога. Онъ, счастливый завоеватель, старался опираться на систему законнаго права наслѣдства (почти въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблялось въ пѣвѣе время), выставлялъ себя законнымъ наслѣдникомъ персидскихъ царей. Въ память своего коня онъ назвалъ его именемъ городъ, основанный имъ на томъ мѣстѣ, гдѣ конь этотъ палъ! Въ пьяномъ задорѣ велѣлъ онъ сжечь персепольскій дворецъ,—говорятъ, что эту мысль внушила ему гетера,—поступокъ, въ которомъ онъ, конечно, очень скоро раскаялся, такъ какъ такое дѣяніе не согласовалось съ его мнимымъ призываніемъ («престижемъ») царя персидскаго. Македонскіе солдаты

роптали не только за то, что, какъ говорятъ ослѣпленные историки, Александръ, желая способствовать сліянію народовъ, относился одинаково къ азіатцамъ и европейцамъ, но еще и потому, что требованіе восточной покорности глубоко оскорбляло ихъ чувства свободныхъ людей. Недовольны были и полководцы и часто возбуждали недовѣріе властелина. Одного изъ нихъ, Парменіона, несмотря на его заслуги, Александръ велѣлъ тайно убить. Въ пьяномъ видѣ онъ убилъ другого полководца—Клита, брата его кормилицы, спасителя его жизни въ сраженіи при Граникѣ. Несчастный паць за то, что съ сердцемъ сталъ возражать лъстцамъ, которые, приравнивая Александра за его дѣянія къ богамъ, подсмѣивались надъ подвигами отца его и позволили себѣ умалить славу войска. Преклоненіе передъ счастьемъ сильныхъ проходить какъ бы красною нитью черезъ большинство нашихъ историческихъ трудовъ, а потому не мѣшаетъ указать на то, къ какимъ проявленіямъ непомѣрнаго самомнѣнія, ностыднаго насилія и даже безумія толкала неограниченная власть даже такого несомнѣнно даровитаго человѣка, какъ Александръ.

Не довольствуясь своими огромными успѣхами, Александръ въ 327 году предпринялъ походъ въ Индію. Войско роптало. Но послѣ покоренія Пенджаба всеобщее неудовольствіе разразилось открыто: солдаты отказывались идти далѣе ради фантастическихъ плановъ завоеваній, и главные военачальники не скрывали этого неудовольствія отъ царя. Напрасны были гнѣвъ и угрозы. Александръ принужденъ былъ воротиться. Обратный походъ происходилъ въ трехъ главныхъ колоннахъ. Три четверти той колонны, которая шла подъ личнымъ предводительствомъ Александра, погибла отъ голода и другихъ лишеній. Это было отступленіе, подобное отступленію Наполеона изъ Россіи, съ тою только разницею, что Александра не преслѣдовалъ непріятель.

Дабы заставить остатки войска забыть перенесенныя бѣдствія, были устроены великолѣпныя, пышныя празднества; пиршествамъ не было конца; это былъ сплошной угаръ чувственныхъ наслажденій. Александръ задумывалъ новый фантастическій походъ, на этотъ разъ въ Аравію. Но внезапная смерть (въ юнѣ 323 г. до Р. X.) похитила неустаннаго искателя славы и тѣмъ уберегла его отъ будущихъ неудачъ, весьма вѣроятныхъ въ виду отважности его плановъ и сильно возрастающаго недовольства его воиновъ. Когда Александръ скончался, ему было всего 32 года и 8 мѣсяцевъ; онъ царствовалъ 12 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

Теперь посмотримъ, какіе результаты принесла чловѣчеству дѣятельность великаго царя. Что касается его современниковъ, (исключая только нѣкоторыхъ счастливыхъ искателей приключеній), то для нихъ плоды его геройскихъ подвиговъ состояли въ нарушенномъ счастьи, злодѣйствахъ и гибели. Отъ береговъ Эллады, у которой отнята была свобода, и до далекой Индіи, повсюду текли потоки крови, свирѣпствовали пожары и голодъ. Историки большею частью съ удовольствіемъ рассказываютъ о тѣхъ, едва ли вѣроятныхъ при тогдашнихъ условіяхъ, суммахъ, которыя будто бы

Александръ или раздавалъ, или же вообще выбрасывалъ произвольно своимъ любимцамъ и солдатамъ просто такъ, зря; болѣе того, эта расточительность восхваляется, какъ черта великодушія и величія. При этомъ поражаетъ то, что ни одинъ панегиристъ не говоритъ о томъ, изъ какого же собственно источника получались эти колоссальныя суммы. Какъ должны были быть опустошены и разграблены тѣ несчастныя страны и народы, черезъ которые двигалось побѣдоносное македонское войско, если были возможны подобныя безсмысленныя траты!

Но если даже будетъ допущено, что великія дѣянія Александра не только не осчастливили современниковъ, а, напротивъ, были для нихъ бѣдственны и пагубны, то вамъ скажутъ въ утѣшеніе: ему удалось слить воедино народы Востока и Запада, онъ насадилъ европейскую культуру въ Персіи и Индіи. Въ дѣйствительности все это пустыя фразы. Не распространеніе культуры, а расширеніе своего владычества и затѣвъ утвержденіе его на основѣ восточнаго рабства—вотъ что было побудительной причиной и конечной цѣлью мощной дѣятельности Александра. Это доказывается всѣми фактами.

Нельзя даже сказать, что походы Александра, хотя бы безъ особеннаго намѣренія съ его стороны, открыли эллинской цивилизаціи доступъ во внутреннюю Азію. Естественно, что персы, индусы и масса другихъ племень покоренныхъ странъ противились насильственному навязыванію чуждыхъ имъ обычаевъ, нравовъ и порядковъ. Послѣ того какъ ихъ всячески мучили и истязали культурой, едва прошло столѣтіе, какъ во всей внутренней Азіи отъ этого мнимаго «культуртрегерства» не осталось и слѣда. Напрасно стали бы ссылаться на Сирію и Египеть: эти страны еще до македонскаго царя вступили въ культурную среду европейскихъ народовъ; развитіе ихъ только видоизмѣнилось, и при томъ едва ли къ лучшему. Несомнѣнно то, что отъ ужасныхъ переворотовъ Греція, Македонія и Малая Азія только проиграли, и въ особенности Греція отъ потери своей свободы.

Каково же было вообще вліяніе столь прославленныхъ дѣяній Александра на развитіе культуры, на поэзію, искусство и науку, безотносительно къ отдѣльнымъ странамъ? Замѣчательно, что одинъ изъ самыхъ горячихъ и искреннихъ поклонниковъ Александра (Шлоссеръ), послѣ своего безконечнаго панегирика, все-таки, вынужденъ признаться, что въ этомъ именно отношеніи «вліяніе Александра было не особенно благотворно», въ поэзіи «онъ, собственно говоря, поощрялъ только искусство льстить», искусства изобразительныя «унали», благодаря внесенію въ нихъ восточнаго элемента; «въ томъ же родѣ было его отношеніе къ наукѣ; литература, благодаря ему, лишилась самостоятельности и поставлена была въ зависимость отъ характера (т. е. отъ тщеславія и прихоти) правителей». Что же послѣ этого остается отъ всей его славы? Къ чему были всѣ эти смуты и бѣдствія, которымъ подверглись милліоны людей? Правда, было создано такъ называемое «всемірное царство», но созданіе это было противоестественно и виновникъ его не могъ бы надолго сохранить его цѣлость: умеръ безвременно Александръ,

и грандіозное зданіе рушилось подобно карточному дому. За многими исключеніями, держалось только одно: слѣды опустошеній, которыми сопровождались его побѣдоносные походы; они были таковы, что и теперь еще, т. е. по прошествіи болѣе двухъ тысячелѣтій, во внутренней Азіи не удалены нѣкоторые развалины, оставшіяся отъ древняго разгрома.

Если уже все время царствованій Филиппа и Александра было періодомъ постоянныхъ войнъ, которыя едва ли можно оправдывать необходимостью новой системы правленія и еще менѣе пользою для угнетенныхъ народовъ, то за этимъ временемъ слѣдоваль періодъ полиѣйшей анархіи, длившейся полстолѣтія. Правда, съ политическими движеніями и бурями, съ которыми связано самоопредѣленіе народовъ, окончили, абсолютизмъ правителей нашель опору въ военной силѣ и расцвѣло вплоть то, что впоследствии выступаетъ подъ названіемъ «преторіанства».

Въ моментъ смерти могучаго и счастливаго завоевателя единственнымъ наслѣдникомъ былъ малолѣтній сынъ его, мать котораго, персіянка Барсина, была плѣнницей, слѣдовательно—рабыней, вслѣдствіе чего, по македонскимъ понятіямъ, не могло быть рѣчи о законности брака и о правѣ наслѣдованія престола ея ребенкомъ. Главная жена умершаго царя, Роксана, была въ послѣднемъ періодѣ беременности; позднѣе и она разрѣшилась сыномъ. Кромѣ того, изъ числа родственниковъ Александра мужского пола былъ живъ только слабоумный побочный братъ его, Филиппъ; всѣхъ остальныхъ, казавшихся ему опасными, онъ устранилъ насильственнымъ образомъ,—необходимость подобной системы лежала въ самомъ абсолютизмѣ, который оправдывался условіями того времени. Но теперь не было налицо ни одного сколько-нибудь значительнаго человѣка, непосредственно заинтересованнаго въ поддержаніи династіи. Члены семьи женскаго пола, мать Александра Олимпиада, обѣ названныя выше жены его, двѣ его сводныя сестры и племянница или сами затѣвали всевозможныя козни или служили орудіемъ для интригъ полководцевъ. Итакъ, судьба всего цивилизованнаго міра зависѣла главнымъ образомъ отъ козней нѣсколькихъ коварныхъ и злыхъ женщинъ. Вотъ вамъ результатъ мнимаго спасенія міра новымъ видомъ правительства, вотъ то счастье, для достиженія котораго нужно было уничтожить демократическое устройство Греціи. Плоды показали, какого сорта было нововведеніе.

Полководцы покойнаго царя (пожалуй, вѣрнѣе сказать—султана или великаго шаха и его визирей или маршаловъ) распорядились войсками, а потому вся власть, въ концѣ концовъ, была въ ихъ рукахъ. Если бы одинъ изъ нихъ пользовался безусловно большимъ значеніемъ, чѣмъ всѣ прочіе, то онъ немедленно овладѣлъ бы высшею властью. Такъ какъ этого не было, то соперники должны были оставить споры и притти къ какому-нибудь соглашенію,—разумѣется, въ ущербъ народамъ. За семьей покойнаго царя сохранились пока ея права, тѣмъ болѣе что она же служила предлогомъ и ширмой для всѣхъ интригъ и насилій. Между тѣмъ нарушались одинъ за другимъ договоры и соглашенія, заключенные

между собою полководцами. Ни одинъ изъ этихъ новыхъ правителей не оставался вѣрнъ своему товарищу, каждый помышлялъ о гибели остальныхъ; не гнушались они даже предательскимъ убійствомъ, каковымъ путемъ и были устранены въ первое же время Мелеагръ и его противникъ Пердикка, а за ними и множество другихъ. Иногда солдаты, служившіе прежде только орудіемъ полководцевъ, играли первую роль, избирая правителя государства. Но вскорѣ опять вся власть перешла къ полководцамъ, которые продолжали заключать между собою союзъ, но спустя короткое время неизбѣжно переходили на сторону непріятеля; между ними не было ни одного, который не сражался бы впоследствии противъ своихъ прежнихъ союзниковъ, по нѣскольку разъ мѣняя и своихъ враговъ, и своихъ союзниковъ. Положеніемъ и именемъ членовъ царской фамиліи пользовались въ самомъ широкомъ размѣрѣ; если же они попадали въ руки противниковъ, то ихъ безчисленныя козни и жестокости служили основаніемъ къ тому, чтобы и съ ними обращаться безъ всякой пощады; ни одинъ изъ нихъ не избѣжалъ насильственной смерти. Мать Александра, жестокая Олимпіада, первая подала примѣръ яростнаго преслѣдованія своихъ родственниковъ; она предала мучительной смерти своего слабоумнаго пасынка и его жену—свою внучку; позднѣе, когда побѣдили ея враги, она сама была приговорена къ смерти и побита камнями. Потомъ первая жена Александра съ сыномъ были тайно убиты полководцемъ, во власть котораго они попали; та же участь постигла и вторую жену покойнаго царя и ея сына; побѣдоносные военачальники вели ихъ задушить. Такъ продолжалось до полнаго истребленія царской фамиліи. Послѣдними членами этой семьи были сводная сестра Александра, Фессалоника, умерщвленная своимъ собственнымъ сыномъ Антипатромъ, который въ свою очередь былъ казненъ по приказанію тестя за покушеніе на его жизнь,—и младшій сынъ Фессалоники Александръ, убитый полководцемъ Димитріемъ въ тотъ самый моментъ, когда Александръ собирался нанести ему смертельный ударъ. Приведенныхъ фактовъ достаточно для характеристики того нравственнаго состоянія, которое явилось послѣдствіемъ новаго положенія вещей.

На востокъ побѣда, одержанная Селевкомъ и Лизимахомъ въ 301 году во Фригіи, при Исосѣ, надъ Антигономъ и Димитріемъ, послужила, по крайней мѣрѣ, къ образованію новаго государственнаго строя, тогда какъ до того времени полководцы постоянно основывали для себя новыя государства, которыя затѣмъ и разрушались соперниками этихъ полководцевъ. Лизимахъ взялъ себѣ Малую Азію, Селевкъ держался въ Вавилонѣ, Сиріи и въ остальныхъ старо-персидскихъ областяхъ; Птолемей же, съ большою ловкостью утвердившійся въ Египтѣ, продолжалъ и теперь владѣть имъ. Господство Лизимаха надъ Малой Азіей продолжалось недолго; когда онъ соединился съ Птолемеемъ для войны противъ Селевка, этотъ послѣдній самъ овладѣлъ Малой Азіей и присоединилъ ее къ своему обширному царству.

Въ Европѣ смуты продолжались еще около 30 лѣтъ. Мы не будемъ здѣсь разсказывать о всѣхъ насиліяхъ и злодѣйствахъ, или о тѣхъ колебаніяхъ счастья, которыми наполненъ этотъ періодъ.

Нельзя не упомянуть, что во время этой сумятицы греки, и особенно аѳиняне, дѣлали неоднократныя попытки снова завоевать себѣ свободу и самостоятельность. Тотчасъ же по смерти Александра поднялись аѳиняне, подъ предводительствомъ благороднаго Леофеена, и съ помощью этолянъ разбили македонскаго намѣстника Антипатра. Но когда велѣдъ за тѣмъ ихъ славный вождь погибъ, а македоняне получили сильное подкрѣпленіе, счастье перешло на сторону послѣднихъ. Македоняне были снова господами Греціи, Аѳины же отданы во власть македонскаго гарнизона, поставленнаго въ гавани Мунихіи. Правительство было низложено, демократія была выгнана плутократіей, господствомъ богатыхъ. Многіе аѳиняне покинули свою несчастную родину, большую часть ихъ Антипатръ насильно переселилъ во Фракію. Бѣжавшихъ вождей антимакедонской партіи преслѣдовали, многіе изъ нихъ были убиты. Эта же участь угрожала и 63-лѣтнему Демосѳену; его настигли въ Калавріи, но гениальный свободолюбивый ораторъ предпочелъ добровольную смерть позору и принялъ ядъ, зараже приготовленный имъ для этой цѣли.

Затѣмъ слѣдовало 10-лѣтнее деспотическое правленіе любимца македонянъ, Димитрія Фалерскаго. Потомъ пошли новыя смуты и волненія. Нѣкоторое время всѣ враждующіе между собою вожди призывали эллиновъ къ свободѣ, съ намѣреніемъ обмануть ихъ. Особенно прочно утвердился въ Аѳинахъ сынъ Антигона, Димитрій Поліоркетъ, хотя счастье не разъ измѣняло ему. Въ 287 году благородному аѳинянину Олимпіодору удалось прогнать македонскій гарнизонъ, но самъ онъ при этомъ погибъ. Неоднократныя славныя попытки этолянъ также не увѣнчались успѣхомъ; судьбы Греціи продолжали зависѣть отъ дикаго и беспорядочнаго хода всемирныхъ событій.

Но вотъ случилось новое неожиданное бѣдствіе, словно всѣхъ этихъ несчастій было еще недостаточно.

Въ 280 году ворвались въ Македонію чужія, дикія племена—галлы, принадлежавшіе къ другой расѣ*); они двигались въ Грецію черезъ Фессалію, производя повсюду полнѣйшій разгромъ. Высланныя противъ нихъ войска были разбиты. Позднѣе, правда, македоняне (подъ начальствомъ Сосѳена) одержали надъ ними побѣду, но пришли новыя полчища, съ Бренномъ во главѣ, и смяли македонянъ. (Бренномъ звали вождя галловъ, который болѣе ста лѣтъ

*) Галловъ, а также прежнихъ обитателей нынѣшней Германіи, Англіи и Испаніи принято называть кельтами. Очевидно, этимъ названіемъ злоупотребляютъ, такъ какъ имъ обозначаютъ всѣ до-римскія племена. Ближайшія изслѣдованія (въ особенности череповъ) показали, что эти народы сами принадлежали къ различнымъ расамъ. Относительно Англіи (Йоркширъ) это доказалъ, между прочимъ, Гринуэлль (Who were the ancient Britons? Lond., 1867). Онъ нашелъ длинныя и широкіе черепа, различнаго рода жилища, утварь и проч. Повидимому, все найденное существовало въ одно время.

тому назад побѣдоносно подступилъ къ самому Риму; вѣроятно, слово это не имя собственное, а обозначаетъ «вождь»). Нѣсколько лѣтъ варвары опустошали Грецію, но потомъ были вытѣснены отсюда. Послѣ того они около 25 лѣтъ бродили по Фракіи и Малой Азіи, пока, наконецъ, не поселились на границахъ Фригіи и Витиніи, основавъ собственное государство — Галатію.

Эфемерное всемірное царство Александра, въ основѣ распавшееся уже въ моментъ его смерти, разбилось на три главные части, изъ которыхъ двѣ, въ свою очередь, немедленно раздѣлились на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ; это были: царство Селевкидовъ, вначалѣ обнимавшее все азіатскія владѣнія, затѣмъ Египетъ, и, наконецъ, Македонія съ Греціей. Для полноты обзора мы должны сказать о нихъ по порядку.

Царство Селевкидовъ. Селевкъ I, по прозванію Никаторъ, т. е. «побѣдитель», подчинилъ своей власти, какъ уже было сказано выше, все пріобрѣтенія Александра въ Азіи до границы далекой Индіи. Первоначально его резиденціей былъ Вавилонъ, который еще Александръ намѣревался сдѣлать столицей міра. Но такъ какъ греческая культура не пускала корней на востокъ, а событія, опредѣлявшія собой судьбы государствъ, рѣшались скорѣе на западѣ, то вскорѣ получили преобладающее значеніе другіе города, въ особенности Антиохія на Оронтѣ, потомъ Селевкія на Тигрѣ, Лаодикея и Апамея въ Сиріи (Селевкъ или основалъ цѣлый рядъ городовъ съ этими названіями, или поднялъ ихъ значеніе). Особенно быстро сдѣлалась блестящимъ центромъ культуры Антиохія, населеніе которой состояло почти все изъ грековъ, преимущественно аніянъ. Царство Селевкидовъ скоро стало сирійскимъ царствомъ, потому что Сирія была очагомъ высшей образованности, а также потому, что вскорѣ цѣлыя обширныя области отъ первоначальнаго союза отпали и сдѣлались самостоятельными государствами. Это началось уже при сынѣ Селевка, Антиохѣ I; при немъ Каппадокія, Пафлагонія, Понтъ и Витинія, сохранявшіе извѣстную самостоятельность даже подъ пирсидскимъ владычествомъ, стали вполне независимыми. Рядомъ съ ними возникли еще два новыхъ государства: Галатія, основанная пришлыми варварами, и чисто греческое государство Пергамъ, столица котораго (того же имени) вскорѣ сдѣлалась однимъ изъ средоточій науки и промышленности (огромная бібліотека, школа ваияни, изобрѣтеніе или усовершенствованіе пергамента, знаменитыя прядильни). При Антиохѣ II одинъ грекъ основалъ въ Бактріи самостоятельное государство и почти одновременно съ этимъ завоевали себѣ независимость воинственные паряне. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ непрерывно развивающееся разложеніе и дробленіе государствъ. Этому соответствовалъ глубокой упадокъ семейной жизни въ царствующей династіи; упадокъ этотъ сопровождался безчисленными злодѣяніями, жестокостями и ужасами.

Египетъ при Птолемахъ. Полная обособленность и замкнутость древняго Египта прекратилась уже около середины VII вѣка до начала нашего лѣтосчисленія. Цари династіи Псамметиха

опирались на иноземцевъ (см. стр. 90). Затѣмъ настало владычество персовъ. Значитъ, египтяне уже привыкли къ сношеніямъ съ иностранцами и не могли не поддаться ихъ вліянію во всемъ, что было у нихъ лучше въ матеріальномъ отношеніи. Сближеніе могло бы итти еще успѣшнѣе, если бы плоды высшей культуры сдѣлались болѣе доступными, а для этого нужно было свергнуть персидское иго и освободить страну отъ изнуравшаго ее владычества македонянъ.

Вотъ при какихъ условіяхъ, вскорѣ по смерти Александра, Птолемей объявилъ себя правителемъ Египта. Онъ понималъ выгоду такого положенія дѣлъ въ этой странѣ и, въ противоположность другимъ полководцамъ македонскаго завоевателя, остерегался повредить своему дѣлу погонею за призракомъ всемірнаго царства; онъ удовольствовался обладаніемъ однимъ Египтомъ, отождествивъ свои интересы съ интересами этой страны.

Птолемей I (по прозванію Лаги, т. е. мнимый сынъ Лага; говорятъ, его настоящій отецъ былъ Филиппъ II македонскій) стремился создать новую цивилизацію посредствомъ сліянія греческихъ и туземныхъ египетскихъ элементовъ, что и удалось, въ значительной степени, ему и его преемникамъ («лагидамъ», которые всѣ носили имя «Птолемей»). Городъ Александрія приобрѣлъ еще большее значеніе въ научномъ, чѣмъ въ торговомъ отношеніи. Ниже мы скажемъ подробнѣе о томъ, что было сдѣлано на этомъ поприщѣ.

Но если политическая мудрость Птолемеевъ, въ особенности первыхъ трехъ, должна быть поставлена высоко, то нельзя того же сказать о нравственной сторонѣ ихъ придворной жизни. Уже при второмъ Птолемей существовало настоящее правительство жещницъ. Самъ царь позулчилъ въ исторіи названіе «Филадельфа», т. е. братолюбиваго, хотя онъ преслѣдовалъ и велѣлъ казнить своихъ братьевъ. Внукъ его, Птолемей IV, присвоилъ себѣ титулъ «Филопаторъ», отцелюбивый, хотя его обвиняютъ въ отравленіи отца. По этимъ примѣрамъ можно судить о значеніи тѣхъ или другихъ историческихъ прозвищъ.

Мы не можемъ поставить себѣ задачей писать исторію правителей, ни здѣсь, ни въ дальнѣйшемъ изложеніи. Что же касается судьбы египетскаго государства, то мы скажемъ необходимое въ отдѣлѣ о римлянахъ.

Македонія и Греція; ахейскій союзъ. Послѣ смерти Александра въ Македоніи еще долго свирѣпствовали кровавыя распри изъ-за обладанія престоломъ, сопровождавшіяся, какъ само собою разумѣется, нескончаемыми ужасами. Послѣ всѣхъ усилій и успѣховъ государство снова сузилось до своихъ прежнихъ границъ; на первыхъ порахъ власть оставалась за домомъ Димитрія Поліоркета («Завоевателя городовъ»). Затѣмъ послѣдовало (упомянутое выше) опустошеніе страны варварами, пришедшими изъ Галліи. Потомъ Македонія была завоевана безпокойнымъ царемъ Пирромъ II эпирскимъ, извѣстнымъ своею неудачною войною противъ римлянъ. Но

сына его прогналъ изъ Македоніи прежній ея правитель, Антигонъ Гонатъ.

Между тѣмъ греческія государства, по мѣрѣ возможности, опять возстановили свою свободу, несмотря на то, что безконечныя смуты и войны претендентовъ на престолъ истомили ихъ силы до послѣдней степени. Но болѣе, чѣмъ отдѣльныя государства, обращаетъ на себя вниманіе въ это время союзъ государствъ, такъ называемый ахейскій союзъ.

Съ древнѣйшихъ временъ маленькіе города Ахаіи (область въ сѣверномъ Пелопонесѣ) находились между собой въ союзѣ (федерации), цѣль котораго была—поддержаніе своей независимости, на основѣ демократическихъ учрежденій отдѣльныхъ городовъ. Ахейцамъ жилось хорошо до тѣхъ поръ, пока македонскіе правители не поставили въ эти города или своихъ гарнизоновъ, или своихъ наместниковъ—тирановъ. Когда же усилились смуты въ Македоніи, четыре маленькіхъ города Ахаіи поднялись и возобновили прежній союзъ; къ нимъ присоединились вскорѣ и остальные шесть городовъ.

Но ахейскій союзъ получилъ болѣе высокое значеніе только съ присоединеніемъ къ нему сосѣдняго города Сикіона. Городъ этотъ, знаменитый своею превосходною школою искусствъ, томился также подъ властью одного изъ поддерживаемыхъ Македонією тирановъ, Абантида. Послѣдній велѣлъ казнить тѣхъ свободомыслящихъ гражданъ Сикіона, которые не успѣли бѣжать. Между прочимъ, изъ одной семьи удалось спасти только мальчика, по имени Аратъ; его увезли въ Аргосъ къ одному другу его отца. Достигши юношескаго возраста, полный пламенной любви къ свободѣ, Аратъ соединился съ другими эмигрантами и вмѣстѣ съ ними совершилъ ночью нападеніе на Сикіонъ. Оно удалось (252 г.): тиранъ Никоклъ бѣжалъ, и свобода была восстановлена безъ всякаго кровопролитія. Но надо было предотвратить возобновленіе прежняго режима и, кромѣ того, дать Сикіону возможность противостоять какъ хищнымъ этолянамъ, такъ и сильнымъ македонянамъ, а потому Аратъ убѣдилъ свой родной городъ присоединиться къ ахейскому союзу.

Какъ только этотъ молодой патріотъ достигъ необходимаго для того возраста, онъ былъ избранъ стратегомъ, т. е. высшимъ сановникомъ союза (246 г.). Незадолго передъ тѣмъ македонскій царь Антигонъ Гонатъ коварно овладѣлъ ключомъ Пелопонеса, городомъ Коринѳомъ. Аратъ напалъ на непріятельскій гарнизонъ, прогналъ его и объявилъ Коринѳъ свободнымъ, послѣ чего этотъ городъ также присоединился къ союзу (244 г.).

Димитрій II, вступившій тѣмъ временемъ на престолъ, былъ слишкомъ занятъ другими дѣлами, чтобы напасть на ахеянъ. Преемникъ же его, Антигонъ Досонъ, понималъ всю пользу дружескихъ отношеній съ ахеянами, а потому не поддерживалъ тирановъ въ различныхъ городахъ Пелопонеса. Тираны, желая спасти, по крайней мѣрѣ, свои богатства, одинъ за другимъ добровольно отказались отъ своей власти; первый примѣръ подалъ Лидіадъ, тиранъ самаго населеннаго на полуостровѣ города, Мегалополя. Всѣ осво-

бодившіеся такимъ образомъ города вступили въ ахейскій союзъ; присоединились къ нему и Аонины (въ 229 г.) и Мегара. Острова Эгина и Саламинъ также принадлежали къ федерации, равнымъ образомъ весь Пелопонесъ, исключая Спарты и нѣсколькихъ мелкихъ городовъ.

Насколько можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ извѣстій (главнымъ образомъ у Полибія), цѣлью этой федерации было: образованіе союзнаго государства, долженствовавшаго вѣдать всѣ общія дѣла союза, оставляя неприкосновенными права всѣхъ отдѣльныхъ членовъ союза, во всемъ, что касается ихъ особыхъ условій. Верховная власть принадлежала союзному собранію: оно созывалось два раза въ годъ и происходило въ Эгіѣ, въ роцѣ Зевеса «Собирателя». Полагаютъ, что право голоса принадлежало всѣмъ достигшимъ 30-лѣтняго возраста, если только онъ не занимался ремесломъ. Собраніе рѣшало дѣла о войнѣ и мирѣ, о союзныхъ законахъ, наборахъ и финансахъ. Это было то же, что мы и по сію пору видимъ въ общемъ собраніи представителей швейцарскихъ кантоновъ. Завѣдываніе дѣлами, а также предварительное обсужденіе вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію общимъ собраніемъ, было поручено сенату (булэ, герусіа); онъ состоялъ изъ 12 членовъ, избираемыхъ, вѣроятно, отдѣльными государствами. Во главѣ сената стоялъ стратегъ (первоначально ихъ было два); его выбирали на годъ и онъ заправлялъ не только военными дѣлами, на что указываетъ его названіе, но былъ также высшимъ представителемъ союза по управленію всѣми внутренними гражданскими дѣлами.

Всѣ члены союза пользовались равными правами, общій демократическій принципъ обезпечивалъ каждому полную свободу въ его внутреннихъ дѣлахъ. Для всего союза были введены одинаковыя мѣра и монета. Даже, кажется, существовало нѣчто въ родѣ общаго союзнаго права гражданства.

Подобныя же союзы оставили этолянѣ. Этотъ союзъ также существовалъ съ давнихъ временъ, но теперь получилъ лучшее устройство; кажется, за образецъ былъ взятъ ахейскій. Этоляне были народъ хищный и цолуварварскій. Они до тѣхъ поръ почти не обращали на себя вниманія другихъ грековъ, но союзъ возвысилъ ихъ репутацию. Въ то время единственные изъ всѣхъ грековъ, не державшіе наемниковъ, они имѣли свою собственную милицію, а потому внушали страхъ другимъ грекамъ. Къ сожалѣнію, они неоднократно дѣйствовали враждебно противъ ахеянъ, якобы для защиты своихъ собственныхъ интересовъ, а на самомъ дѣлѣ являясь орудіемъ интригъ постороннихъ лицъ; это и послужило къ несчастію какъ самихъ этолянъ, такъ и ихъ сосѣдей.

Въ Спартѣ, какъ мы видѣли, давно уже исчезли или пришли въ упадокъ учрежденія и обычаи, введенные Ликургомъ. Такъ какъ сравнительно небольшое лакедемонское государство не могло надолго оставаться чуждымъ окружавшей его со всѣхъ сторонъ культурѣ, то для дальнѣйшаго сохраненія его давняго значенія и могущества необходимо было бы полное преобразование его на основаніи совершенно противоположной его старой организаціи. Поло-

жимъ, еще вопросъ, возможно ли вообще подобное видоизмѣненіе государственнаго организма съ такими выработанными формами, т. е. можно ли поднять государство средствами, діаметрально противоположными тѣмъ, которыми создано его первоначальное величіе? Какъ бы то ни было, въ Спартѣ и не думали о реформахъ. Ближайшими послѣдствіями такой привязанности къ устарѣлымъ формамъ, когда уже смыслъ ихъ утратился и самыя условія измѣнились, были: порча правовъ внутри и паденіе вишняго могущества.

Къ такому положенію дѣлъ не могли, конечно, относиться равнодушно патриоты, оно оскорбляло ихъ спартанскую гордость, привитую имъ въ дѣтствѣ; въ то же время оно какъ бы указывало путь, на которомъ дѣятельные и честолюбивые люди могли проявить свою доблесть. Царь Агисъ III стремился расширить царскую власть до прежнихъ размѣровъ; для осуществленія своихъ плановъ, онъ старался привлечь на свою сторону всю массу бѣдныхъ гражданъ уничтоженіемъ всѣхъ долговъ и новымъ раздѣломъ имущества. Другой царь и эфоры противились ему; онъ устранилъ ихъ путемъ государственнаго переворота. Но вскорѣ послѣдовала контрреволюція; Агисъ и его приверженцы были низложены и казнены олигархами.

Спустя нѣсколько лѣтъ, царскаго сана достигъ Клеоменъ III, который имѣлъ тѣ же планы, какъ и Агисъ, но, будучи хитрѣе его, задумалъ достигъ цѣли окольнымъ путемъ. Война противъ ахейскаго союза должна была помочь ему преодолѣть внутреннія затрудненія, милитаризмъ долженъ былъ помочь произвести переворотъ; такъ и случилось.

Аратъ все время находился во главѣ ахеянъ; у него было много прекрасныхъ качествъ, но, къ сожалѣнію, онъ не былъ рожденнымъ полководцемъ. Клеоменъ, получившій отъ египетскаго царя постоянныя субсидіи, на вербовалъ на эти деньги отрядъ иноземныхъ наемниковъ и одержалъ побѣду. Послѣ побѣды Клеоменъ съ тѣми же наемниками поспѣшилъ обратно въ Спарту, чтобы произвести тамъ кровавый переворотъ. Онъ приказалъ умертвить эфоровъ и ихъ приверженцевъ, изгналъ изъ страны 80 знатнѣйшихъ государственныхъ людей. По устраненіи эфоровъ, былъ восстановленъ прежній авторитетъ царя и объявлены уничтоженіе всѣхъ долговъ и новый раздѣлъ земель. Затѣмъ усиленно развивался милитаризмъ. Ахейскому союзу спартанскій царь предлагалъ миръ, съ условіемъ, чтобы союзъ назначилъ его своимъ главою. Союзу, вся сущность котораго была основана на равноправности всѣхъ его членовъ, котораго цѣль состояла именно въ охраненіи мира и внутренней свободы, а не въ войнѣ, предлагали преклониться передъ спартанскою гегемоніей, передъ приказаніемъ тирана, достигнугаго власти войною и войною же хотѣвшаго удержать ее. Это было невозможно. Война продолжалась. Союзъ очутился въ самомъ тяжеломъ положеніи и Клеоменъ считалъ успѣхъ несомнѣннымъ. Онъ, постоянно принимавшій деньги отъ египетскаго царя, дававшаго ихъ Спартѣ, конечно, не безкорыстно, считалъ Арата и

ахеянъ до такой степени преданными доктринерству, что не допускали и мысли, чтобъ они могли принять помощь извнѣ. Конечно, послѣднее средство всегда опасно. Но ожидать, что люди, претерпѣвшіе позорнѣйшія мученія, предпочтутъ вѣрную гибель единственной, хотя бы даже крайне сомнительной, возможности спастись,—значить совершенно не знать человѣческой природы. Доведенные до крайности, ахеяне сдѣлали то же, что сдѣлали впоследствии нѣмецкіе протестанты и что всегда будутъ дѣлать угнетенные въ подобномъ положеніи: они искали помощи у первыхъ попавшихся. Они обратились къ македонянамъ.

Мы уже сказали, что Антигонъ Досонъ слѣдовала дружелюбной политикѣ относительно ахейскаго союза, а потому договоръ состоялся. Рѣшеніе народнаго собранія въ Эгіѣ утвердило условія. Теперь Клеомену пришлось пожинать плоды своего властолюбія и насилія. Въ тылу у него поднялись жители Аргоса, возставшіе противъ навязаннаго имъ союза со Спартою. При Селласіи (въ Лаконіи) Клеомень былъ разбитъ на голову (222 г.) и бѣжалъ къ своему другу, египетскому царю. Спарта, безъ дальнѣйшаго сопротивленія, сдѣлалась добычей македонянъ и ахеянъ и должна была примкнуть къ ахейскому союзу; впрочемъ, во всемъ остальномъ ей была возвращена полная свобода. Прежнія учрежденія были восстановлены. Такъ какъ египетскій царь не оказывалъ достаточнаго содѣйствія Клеомену для его водворенія въ Спартѣ, то послѣдній сдѣлалъ попытку произвести возстаніе въ Александріи; предпріятіе не удалось, и, дабы избѣгнуть казни, Клеомень самъ покончилъ съ собой. Слѣдуетъ помянуть еще, что Антигонъ Досонъ честно исполнилъ свои обязательства по отношенію къ ахейскому союзу, не злоупотреблялъ своею властью и, по достиженіи цѣли, тотчасъ выступилъ изъ Спарты и вообще изъ Греціи, безъ всякаго проявленія насилія.

Племянникъ и преемникъ его, Филиппъ III, былъ человѣкъ способный, но не оставался ни передъ какимъ насиліемъ. Его, между прочимъ, обвиняютъ въ томъ, что онъ велѣлъ отравить престарѣлаго Арата, которымъ тяготился. Но мѣсто покойнаго занялъ другой, болѣе великій человѣкъ—аркадянинъ Филопемень, уже отличившійся какъ воинъ при Селласіи и взявшій себѣ за образецъ благороднаго Эпаминонда.¹

Военныя неудачи ахеянъ побуждали къ новымъ набѣгамъ ихъ враговъ—хищныхъ этолянъ и спартанскаго тирана Маханида. Филопемень восстановилъ прежнее значеніе союза. Онъ нанесъ полное пораженіе спартанскому тирану и собственноручно убилъ его во время битвы. Другой тиранъ, Набисъ, занялъ мѣсто Маханида, но и онъ былъ разбитъ, а впоследствии и убитъ самими спартанцами, которые вновь примкнули къ ахейскому союзу. Этоляне были также прогнаны. Мессенцы покушались отложиться отъ союза. Въ 183 г. Филопемень пошелъ въ Мессенію. Онъ оттѣснилъ непріятеля, но потомъ былъ взятъ врагами въ плѣнъ и отравленъ (80 лѣтъ отъ роду). Ликортъ, новый, столь же дѣятельный союзный

стратегъ, побѣдилъ инсургентовъ; Мессенія была снова присоединена къ ахейскому союзу.

Тѣмъ временемъ въ Италіи народилась новая грозная сила, которая покорила себѣ Грецію—Римъ. Филиппъ III македонскій понялъ возрастающую опасность, но ему не доставало мужества въ время выставить противъ нея всѣ свои силы,—одно изъ обычныхъ явленій въ исторіи. Хотя, во время пребыванія Ганнибала въ Италіи, Филиппъ III сталъ къ нему въ такія отношенія, которыя должны были возбудить озлобленіе римлянъ, но онъ не отважился поддержать великаго цуиійца всѣми своими войсками. Это и рѣшило участь македонскаго государства—оно должно было пасть.

Но очередь погибнуть пришла не только для монархій, но и для республикъ. Подъ предлогомъ возстановленія свободы всѣхъ эллинскихъ государствъ, римляне поддерживали повсюду междоусобія и ссоры. Между прочимъ, на основаніи живыхъ доносовъ римскихъ клеветовъ, были отправлены на судъ въ Римъ около 1000 человѣкъ знатнѣйшихъ людей ахейскаго союза, обвиняемыхъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ послѣднимъ македонскимъ царемъ. Безъ всякаго разслѣдованія задерживали ихъ въ Римѣ, и только черезъ 17 лѣтъ, когда ихъ оставалось всего 300 человѣкъ, они получили дозволеніе вернуться на родину (въ числѣ ихъ находился историкъ Полибій).

Позднѣе, благодаря стараніямъ римлянъ, спартанцы разсорились съ ахейскимъ союзомъ и вынуждены были выбрать третейскими судьями римлянъ. Эти постановили, что не только Спарта, но и всѣ города, лежащіе внѣ предѣловъ собственно Ахаіи, не должны оставаться членами ахейской федераціи и что отъ нея отдѣляются даже такіе города, какъ Коринѳъ, Сикіонъ и Аргосъ. Приговоръ этотъ, въ связи съ прежними оскорбленіями, привелъ ахейянъ въ отчаяніе. Безъ всякой надежды на успѣхъ, геройски, сражались они противъ своихъ притѣснителей, предпочитая славную гибель позорному порабоженію (146 до Р. Х.). Въ эту войну погибъ Коринѳъ, считавшійся въ то время первымъ по красотѣ городомъ Греціи. Побѣдитель, римскій консулъ Муммій, человѣкъ необразованный, приказалъ убить мужчинъ, продать въ рабство женщинъ и дѣтей, а самыя города сжечь до тла; коринѳская область была объявлена собственностью римскаго государства (римскаго народа). Такой же участи подверглись Фивы, Халкида и другіе города. Союзъ былъ уничтоженъ, всякія народныя собранія запрещены; Греція и Македонія составили двѣ отдѣльныя римскія провинціи. Такимъ образомъ былъ уничтоженъ послѣдній признакъ самостоятельности Греціи *).

Культурныя условія. Международныя сношенія происходили въ этомъ періодѣ въ довольно широкихъ размѣрахъ.

*) Нѣмецкій доктринеръ Моммсенъ стяжалъ себѣ болѣе чѣмъ сомнительные лавры слѣдующимъ открытіемъ («Римская Исторія»): «Уничтоженіе мнимаго народоправства союзовъ и всей связанной съ ними смутной и пагубной комедіи (Schwindel) было счастіемъ для страны». Вотъ куда заводитъ слѣпое поклоненіе успѣху.

Раньше уже различные народы, главнымъ образомъ финикіяне и греки, вели торговлю съ чужими странами, и даже Египетъ былъ открытъ эллинамъ, а съ теченіемъ времени все болѣе рушилась стѣна, отдѣлявшая народы отъ общей универсальной культуры. Въ основѣ этой культуры лежали умственные пріобрѣтенія Греціи; но передъ культурой преклонялись не только самостоятельные эллины Европы и Малой Азіи, но и жители Александріи (Египетъ), Антиохіи (Сирія) и Пергама (Мизія).

Понятно, что насильственная остановка прежняго естественнаго развитія не осталась безъ дурныхъ послѣдствій. Съ потерю полной свободы прекратилась и свѣжесть и гениальный подъемъ духа, которымъ такъ поражаютъ насъ греки. Они уже не могли ничего создать новаго, а стремились только собирать и приводить въ порядокъ существующее. Старались подвести подъ правила тѣ формы, которыми прежде пользовались умъ безсознательно, и этимъ правиламъ давали силу закона.

Выше было замѣчено, что въ этотъ періодъ ни одна изъ странъ, причастныхъ къ греко-македонской цивилизаціи, не произвела ни одного выдающагося историка. Такъ же мало было сдѣлано и въ области философіи. Александрійская школа философіи явилась позднею, собственно говоря уже въ римскія времена, при томъ съ ложнымъ направлениемъ. Неоплатоники искали спасенія челоуѣчества въ несостоятельномъ мистицизмѣ, о чемъ будетъ сказано ниже (въ главѣ о римлянахъ). Поэзія также лишена была истиннаго вдохновенія, и только Теокрытъ сиракузскій, проживавшій въ Египтѣ, является въ этомъ періодѣ блестящею звѣздою.

Иное дѣло точныя знанія, отрасли математическая и физическая. Справедливо замѣчено, что въ этомъ отношеніи александрійскіе ученые болѣе чѣмъ на тысячу лѣтъ оставались учителями міра. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ Евклидъ (род. около 308 г. до Р. X. въ Гелѣ, Александріи или Чирѣ); онъ первый разработалъ математику на началахъ науки. Въ этой же области работали Эратосѣенъ (родомъ изъ Кирены), завѣдывавшій александрійскимъ музеемъ, Архимедъ (сиракузскій), основатель статики, и Аполлоній (род. въ Пергѣ, но жившій временно въ Пергамѣ), которому мы обязаны учениемъ о коническихъ сѣченіяхъ. Далѣе слѣдуетъ назвать Гиппарха изъ Никеи, въ Визоніи, главнымъ образомъ трудившагося на островѣ Родосѣ; это былъ знаменитѣйшій астрономъ древности, который впервые вычислилъ время солнечныхъ и лунныхъ затменій; его предшественникъ, великій наблюдатель Аристархъ самосскій (около 260 г. до Р. X.), выработалъ правильныя понятія о нашей солнечной системѣ, причисливъ солнце къ неподвижнымъ звѣздамъ, и училъ, что ни солнце, ни эти звѣзды не обращаются вокругъ земли, а, наоборотъ, земля, двигаясь по растянутой орбитѣ (эклиптикѣ), обращается вокругъ солнца, и что ея вращеніе около оси производитъ перемѣну дня и ночи. (Черезъ нѣсколько столѣтій ученые Александріи увлек-

Болѣ всего отличалась свободная родосская школа, главою которой былъ Харесъ, творецъ колоссальной бронзовой статуи бога солнца («Колоссъ Родосскій» имѣлъ 105 римск. фут., т. е. 32 м. вышины, впоследствии былъ разрушенъ землетрясеніемъ). Но знаменитѣйшее произведеніе родосской школы—группа Лаокоона, работа трехъ художниковъ—Агесандра, Аеенодора и Полидора. Кромѣ этихъ произведеній, извѣстенъ еще такъ называемый «Фарнезскій быкъ»—самая колоссальная группа древности, исполненная Аполлономъ и Таврикомъ изъ Траллеса. Царскій дворъ въ Пергамѣ былъ единственный, покровительствовавшій пластику. Пергамская школа поставила себѣ главною задачею прославленіе подвиговъ царей Атала и Евмена въ битвахъ съ галлами. Кромѣ отрытыхъ въ 1878 г. въ Пергамѣ большихъ рельефовъ, до насъ дошли еще два дѣйствительно чудныхъ произведенія этой школы: одно—изображаетъ варвара, умирающаго отъ ранъ, второе—галльского воина, который лѣвою рукою держитъ убитую имъ съ отчаянія жену, а правою съ силою вонзаетъ себѣ въ грудь короткій мечъ. Кромѣ Родоса и Пергама, скульптура этого періода нигдѣ не произвела ничего замѣчательнаго.

Живопись также шла назадъ. Тимомахъ считается послѣднимъ замѣчательнымъ художникомъ. Живопись совершенно погрузилась въ изображеніе обыденныхъ и даже низменныхъ предметовъ. Впрочемъ, мозаичная живопись достигла высокой степени совершенства; особенно славилась одна работа Сососа изъ Пергама.

Въ общемъ можно сказать, что переворотъ, произведенный македонскими правителями въ прежнемъ мировомъ политическомъ развитіи, въ области науки и искусства также принесъ больше вреда, чѣмъ пользы, остановилъ движеніе впередъ; стало быть, бѣдствія и гибель, непосредственно причиненныя милліонамъ людей, не были искуплены и заглажены хотя-бы заслугами передъ цивилизаціею.

Римляне.

Время до основанія Рима. Если намъ (какъ увидимъ далѣе) не извѣстно ничего, кромѣ мифовъ, даже о древнѣйшей исторіи Рима, то тѣмъ менѣе можно требовать связной исторіи Италіи за время до основанія Рима. Однако, народы, игравшіе важную роль въ Италіи въ до-римское время, занимаютъ такое видное мѣсто въ исторіи самихъ римлянъ, что невольно приглядываешься къ нимъ ближе, тѣмъ болѣе, что многочисленныя остатки сооружений, утварь и даже художественныя издѣлія указываютъ на культуру, стоящую несравненно выше римской въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій.

Изъ всего, что намъ извѣстно, можно заключить, что въ до-римскій періодъ, не считая остатковъ коренныхъ италійскихъ туземцевъ и эллиновъ Великой Греціи, Италію населили три пле-

мени: этруски, сабиняне и латинцы. Каждое изъ этихъ племенъ, въ свою очередь, распадалось на отдѣльные вѣтви, но, по большей части, мелкія общины объединялись племенными союзами, представлявшими, правда, довольно слабую связь.

Самымъ образованнымъ изъ этихъ трехъ народовъ были, несомнѣнно, этруски, или тирренцы, называемые также тусканами (говорятъ, что сами они называли себя расеннами). Они населили страну, лежащую на югѣ отъ Альпійскихъ горъ, до Тибра; главнымъ средоточіемъ ихъ была нынѣшняя Тоскана. Всѣ прочіе народы Италіи были, безспорно, индо-германскаго, вѣрнѣе, арійскаго происхожденія, — ихъ родство съ греками проглядываетъ во многомъ; но этруски, повидимому, принадлежали совсѣмъ къ другой расѣ. Оставшіяся отъ самихъ этрусковъ изображенія показываютъ намъ людей съ особенною формой головы и тѣлосложеніемъ: приземистые, широкоплечіе, неуклюжіе, они отличаются отъ эллиновъ и прочіихъ италійцевъ плоскою, придавленной головою, съ сильно выдающеюся впередъ нижнею и круто отходящею назадъ верхнею частью лица. Поэтому ихъ, какъ и древнѣйшихъ обитателей Греціи, причисляли къ пеласгамъ. Но пресловутый народъ пеласговъ представляетъ собой вообще нѣчто мнѣшное, неуловимое для исторіи. Во всякомъ случаѣ, этруски и по языку и по нравамъ рѣзко отличались отъ грековъ и отъ другихъ италійцевъ. Этрусскій языкъ, сохранившійся до временъ римскихъ междоусобныхъ войнъ, съ тѣхъ поръ настолько погибъ, что, несмотря на всѣ старанія, до послѣдняго десятилѣтія никто не могъ разобрать этрусскихъ надписей, существующихъ въ большомъ количествѣ. Понятно, что отъ литературы этого народа, по всей вѣроятности, довольно значительной, не дошло до насъ ничего. Но вотъ бременскому филологу Корссену показалось, что онъ разрѣшилъ загадку. Онъ призналъ этрусковъ аборигенами Италіи. (W. Corssen, Ueber die Sprache der Etrusker, 2 Bände). Новый взглядъ какъ будто встрѣтилъ всеобщее сочувствіе, долго не возражали противъ него. Появились даже два періодическихъ изданія (Деекке и Паули), специально посвященныхъ этрусскому языку; казалось, что главное сомнѣніе устранено. Но затѣмъ явились новыя затрудненія и были заявлены столь вѣсскія возраженія, что и теперь исторія такъ же далека отъ разгадки, какъ была прежде, и вопросъ о происхожденіи этрусковъ такъ и остается открытымъ. По словамъ Діонисія Галикарнасскаго, сами римляне чувствовали, что этрусски не одного племени съ ними.

Надо полагать, что этруски прибыли позже другихъ названныхъ выше народовъ на Апеннинскій полуостровъ и покорили своей власти прежнихъ его обитателей на обширномъ пространствѣ. Но и послѣ того они рѣзко отдѣлялись отъ нихъ, избѣгали всякаго смѣшенія съ покоренными. Нѣкоторыя обстоятельства указываютъ на то, что ихъ владычество нѣкоторое время простиралось на большую часть Италіи; прежде всего безспорно, что самъ Римъ довольно долгое время находился подъ властью этрусковъ.

Въ то время этруская культура была выше римской: римляне при побѣдахъ заботились прежде всего о добычѣ и часто раз-

рушали цвѣтущіе города; этруски, во время своего владычества надъ Римомъ, производили тамъ цѣлесообразнѣйшія, поистинѣ изумительныя сооруженія; такова, прежде всего, Слоса maxima—отводный каналъ, который и теперь, т. е. нѣсколько тысячелѣтій спустя по его постройкѣ, исполняетъ свое назначеніе. Но въ то время, когда значеніе Рима стало возрастать, могущество этрусковъ уже нѣсколько столѣтій было въ упадкѣ.

Государственный строй этрусковъ былъ, вѣроятно, аристократически-иерархическій; у нихъ вообще правили патрици. Возможно, что въ древнѣйшія времена у нихъ были цари, но потомъ санъ царя удержался только въ Веіяхъ. Нѣсколько городовъ составляли болѣе тѣсный союзъ съ республикански-федералистическими формами. Многіе религиозные обряды и гражданскіе порядки древнихъ римлянъ, безъ сомнѣнія, были заимствованы отъ этрусковъ, какъ отъ народа, который по развитію и познаніямъ стоялъ выше другихъ италійцевъ. Римскія цифры—этрускаго происхожденія, свой алфавитъ этруски заимствовали у грековъ въ очень древнія времена.

Въ общемъ этруски, подобно древнимъ египтянамъ, извѣстны намъ, главнымъ образомъ, по своимъ памятникамъ, затѣмъ по уцѣлѣвшей утвари и художественнымъ издѣліямъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе этруское зодчество. Подобно циклопическимъ стѣнамъ Греціи, этрускія сооруженія древнѣйшаго періода построены изъ неотесанныхъ многоугольныхъ камней, соединенныхъ безъ помощи цемента. Въ позднѣйшее время употреблялись правильно отесанныя плиты, и прогрессивное движеніе зодчества можно ясно прослѣдить при сравненіи стѣнъ Пуплоны, Косы, Кортоны и Вольтерры. Но еще болѣйшій шагъ впередъ сдѣлали этруски, избобрѣта искусство строить своды: этимъ они опередили технически все прежнее строительное искусство и открыли ему широкое и плодотворное поприще. Доказательствомъ такой избобрѣтательности ихъ служить арка въ Вольтеррѣ и своды большой клоаки въ Римѣ; римскія свидѣтельства не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что наиболѣе выдающіяся постройки, а равно и другія художественныя произведенія древняго Рима принадлежатъ этрускамъ. Интересны также этрускіе некрополи (кладбища), находившіеся вблизи городовъ. Могилы состоятъ изъ земляныхъ или каменныхъ холмовъ съ массивнымъ подземельемъ (вѣроятно, древнѣйшія), другія высѣчены въ скалѣ, снабжены художественными фасадами, богато разукрашены стѣною живописью; такія гробницы имѣютъ двѣ или болѣе комнатъ, которыя были наполнены произведеніями искусства и техники. Картины, единственные остатки изъ временъ этрусковъ, изображаютъ похоронные обряды, игры, ристанія и проч., и очень похожи на греческую живопись самаго ранняго періода. То же можно сказать о живописи на этруской глиняной посудѣ. Въ обработкѣ глины (терракотты) этруски достигли большого искусства: они дѣлали изъ глины головы, саркофаги, урны и множество предметовъ домашнего хозяйства. Но они были искусны и въ литейномъ дѣлѣ. Масса бронзовыхъ издѣлій, металлическія зеркала съ красной рѣзбою, золотыя уборы, отчасти и теперь служащія образцами, издѣлія изъ але-

бастра и многія другія вещи свидѣтельствуютъ, что этруски достигли высокой степени совершенства въ томъ родѣ работы, который мы называемъ ремесломъ, техникою; этрусское искусство стояло выше греческаго, которое стремилось къ идеальнымъ цѣлямъ, но, за исключеніемъ однихъ грековъ, этруски въ дѣлѣ искусства превзошли всѣ другіе народы и, кромѣ того, опередили древность, средніе вѣка и отчасти новое время полезными сооруженіями на предметъ охраненія общественного здравія. / 0 предпримчивости этрусковъ на этомъ поприщѣ свидѣтельствуетъ и понынѣ, между прочимъ, находящійся подѣ городомъ Chiusi (Клузіи) лабиринтъ подземныхъ ходовъ, служившій, вѣроятно, водостокомъ. Земля въ Этруріи, повидимому, воздѣлывалась хорошо, такъ какъ, напримѣръ, въ южной части этой страны (нынѣшнія «мареммы») вліяніе вреднаго воздуха (малярія) только и можно парализовать особенно усерднымъ уходомъ за почвою. Въ началѣ нашей эры, вслѣдствіе дурной культуры почвы, міазмы были такъ сильны, что эта мѣстность была едва ли не самая нездоровая и безлюдная въ Европѣ. Между тѣмъ, при господствѣ этрусковъ, она была усѣяна множествомъ (какъ свидѣтельствуютъ уцѣлѣвшія развалины) городовъ болѣе или менѣе значительныхъ, соединенныхъ съ моремъ береговыми гаванями. На этомъ морѣ, которое отъ нихъ (тиррены) получило названіе тирренскаго, этруски, подобно большинству мореходовъ, вначалѣ занимались пиратствомъ, а потомъ на немъ долгое время господствовали этрусскіе торговые корабли. Этруски также ходили въ Адриатическое море и далѣе и сдѣлались первымъ торговымъ народомъ Средиземнаго моря послѣ финикійцевъ, карфагенцевъ и грековъ.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что мы только потому не имѣемъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній объ этомъ столь развитомъ народѣ, что этрусскій языкъ слишкомъ рѣзко отличался отъ языковъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ.

Паразительно то, что около 1½ столѣтій спустя послѣ вѣка процвѣтанія Этруріи, на томъ мѣстѣ, гдѣ жили этруски, стала развиваться другая величественная культура, которая въ теченіе XIII и до XV вв. такъ дивно выработалась, что представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе блестящихъ моментовъ исторіи. Не только центръ этой страны, Флоренція, была отчизною величайшихъ поэтовъ, ученыхъ, художниковъ и государственныхъ людей, но и вся область, которую нѣкогда владѣли этруски, отъ Болоньи (этрусская Фельзина) до Перуджіи, проявила себя на поприщѣ науки и искусства. И замѣчательно, какъ тѣ же самые города, уцѣлѣвшіе и, вообще, такъ или иначе, избѣжавшіе историческаго погрома, снова заблестали своими политическими учрежденіями, научными и художественными школами и умственно выдающимися людьми. Такъ въ родномъ городѣ извѣстнаго Мепената (который былъ этрускъ, а не римлянинъ), Аретці (нынѣ Аретціо), родился въ XIV вѣкѣ Петрарка. Даже къ извѣстнымъ отраслямъ искусства позднѣйшіе тосканцы питали такое же пристрастіе, какъ этруски (терракоты, золотые уборы). Въ эту эпоху умственнаго величія верхней и средней Италіи, Римъ не произвелъ выдающихся людей и для художественнаго

творчества попрежнему вынужденъ былъ приглашать мастеровъ извнѣ—фактъ, несомнѣнно, характеризующій итальянскія расы.

Гораздо ниже этрусковъ стояли латины, занимавшіе приморскую полосу на югъ отъ Тибра, и сабиняне, обитавшіе горную долину въ Апеннинахъ, адриатическое поморье на сѣверъ отъ Великой Греціи, а также южную Италію, гдѣ они жили вмѣстѣ съ эллинскими поселенцами.

Разсказывается, будто Эней съ остатками троянцевъ поселился въ Лаціумѣ, но эта легенда лишена историческаго основанія. Между латинскими городами замѣчательнѣйшимъ является Альбалонга. Это былъ союзный городъ; по всей вѣроятности, онъ былъ разрушенъ не римлянами (какъ это утверждали), а ранѣе, самими латинами, тяготившимися главенствомъ Альбалонги.

Сабиняне, по преимуществу занимавшіеся земледѣіемъ и скотоводствомъ, состояли изъ различныхъ народовъ, называемыхъ общимъ именемъ «сабеллы», изъ нихъ главнѣйшіе, собственно сабиняне, самниты, герники, пиценты, луканы и бруттійцы. Болѣе точныхъ свѣдѣній о бытѣ этихъ народовъ у насъ не имѣется.

Вообще можно допустить, что Италія въ до-римское время была значительно населена и земля ея хорошо воздѣлана. Но культурные успѣхи италійцевъ были скорѣе матеріальные, нежели духовные: исключеніе составляютъ этруски. Относительно послѣднихъ изъ упомянутыхъ выше народовъ, латиновъ и сабинянъ, можно ограничиться приведенными краткими замѣчаніями, такъ какъ нѣкоторые результаты различныхъ изслѣдованій представляютъ мало интереса для нашей цѣли.

Обзоръ римской исторіи *). Древнѣйшая исторія Рима не только покрыта мракомъ, подобно древне-эллинской, но изученіе его быта и старинныхъ установленій, даже въ историческое время, еще болѣе затрудняется частью намѣренной, частью невольной ложью въ показаніяхъ позднѣйшихъ римскихъ историковъ.

*) Источники. Два древнѣйшихъ историка, которые повѣствуютъ о возникновеніи Рима, о первомъ періодѣ его исторіи, жили 7½ столѣтій спустя послѣ того времени, къ которому относится основаніе города Рима. Это Діонисій Галикарнасскій и Ливій: оба жили въ царствованіе Августа. Они передаютъ древніе мѣты и сказанія въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до нихъ, какъ несомнѣнную историческую истину, какъ факты, въ достовѣрности которыхъ они не сомнѣваются. При всей неестественности событій—самихъ по себѣ оба писателя, какъ нарочно, выбираютъ наименѣе вѣроятныя версіи, дабы сообщить подвигамъ древнихъ римлянъ возможно большій блескъ. Разумная критика, безъ которой не мыслимъ истинный историкъ, совершенно отсутствуетъ. Но если въ этомъ отношеніи оба писателя болѣе или менѣе сходны между собой, за то у каждаго свой способъ изображенія, своя особенная манера разсказывать. Діонисій риториченъ, растянута и скучна; Ливій располагаетъ къ себѣ прекраснымъ изложеніемъ, за что многіе считаютъ его лучшимъ римскимъ историкомъ,—хотя, по отсутствію критики и по своему пристрастію, онъ не заслуживаетъ этого названія. Кромѣ того, къ источникамъ древнѣйшей римской исторіи причисляютъ обык-

Длинный періодъ отъ основанія Рима до цуническихъ войнъ (почти шесть столѣтій), обнимающій всю первую половину римской исторіи, не описанъ современникомъ тѣхъ событій. Допедашія до насъ «первобытныя исторіи» Рима гораздо позднѣйшаго происхожденія. Стало быть, всѣ эти событія лишены основныхъ условий

новено Плуларха, о ненадежности котораго мы уже неоднократно упоминали

Для одной (да и то не цѣлой) эпохи второго періода у насъ есть, по крайней мѣрѣ, одинъ, но за то превосходный историкъ—элинь Полибій (Пуническія войны). Въ общемъ онъ расположенъ къ римлянамъ, но становится пристрастнымъ и партійнымъ до ослѣпленія, какъ только въ событіяхъ принимаетъ участіе семья Сципіоновъ, особенно Сципіонъ Африканскій. Для исторіи этого періода можно пользоваться и Ливіемъ, хотя въ общемъ римское бахвальство продолжается. Далѣе идутъ нѣкоторыя, въ сущности маловажныя писатели: Корнелій Непотъ—последняго времени республики—съ его біографіями, Аппіанъ александрійскій—писатель середины второго столѣтія по Р. Х.; Флоръ, вѣроятно, времени царствованія Траяна, и Веллей Патеркулъ, жившій въ эпоху императора Тиберія; послѣдніе всѣ писали также о первыхъ вѣкахъ римской исторіи.

Въ третьемъ періодѣ, обнимающемъ время императоровъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ превосходнѣйшій римскій историкъ Тацитъ. То, что дошло до насъ отъ его «Лѣтописи», обнимаетъ немногимъ болѣе полу столѣтія (вся она обнимала періодъ времени съ 14 по 68 г. нашей эры). За то, какъ въ этой «Лѣтописи», такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ (въ «Исторіи», жизнеописаніи Агриколы) онъ говоритъ какъ современникъ и болѣею частью какъ очевидецъ; дѣлая строгую оцѣнку всѣмъ событіямъ, онъ возвышается надъ предрасудками и безхарактерностью своего времени. Во всякомъ случаѣ, о потерѣ разныхъ частей Тацитовыхъ трудовъ можно жалѣть болѣе, чѣмъ о потерѣ другихъ древнихъ писаній.

Послѣ него болѣе замѣчательны, хотя гораздо ниже его, Светоній (жизнеописанія первыхъ 12 императоровъ). Затѣмъ, начиная съ Геродіана (первая половина III столѣтія), идетъ довольно длинный рядъ менѣе значительныхъ историковъ, болѣею частью современниковъ описываемыхъ ими событій, которыя они, въ общемъ, передаюгъ вѣрно; но всѣмъ имъ не достаетъ высшаго пониманія; таковы: Элій Спартіанъ, Юлій Капитолинъ, Элій Лампридій, Полліонъ, Вулканій Галликанъ, Флавій Вопискъ; всѣ они жили въ началѣ III столѣтія. Поклѣкомъ позже жили Амміанъ Марцеллинъ, а потомъ Зосимъ. Сюда же относятся очерки римской исторіи Руфа, Евтропія и Аврелія Виктора.

Но кромѣ названныхъ писателей, излагавшихъ римскую исторію вообще, есть еще другіе, повѣствующіе объ отдѣльныхъ событіяхъ или происшествіяхъ, таковы: превосходный Саллюстій, Юлій Цезарь, Юліанъ и др.; слѣдуетъ имѣть въ виду всѣ вообще труды римскихъ авторовъ, важныя особенно при изученіи социальныхъ условий. Не мѣшаетъ также историко болѣе внимательно изучать собраніе римскихъ законовъ, которыми до сихъ поръ пользовались почти исключительно одни юристы.

Въ новѣйшее время надъ римской исторіей работали не только серьезные, но и проницательные ученые. Расширеніе области сравнительнаго языковѣднія, развитіе исторической критики, уразумѣніе внутреннихъ законовъ человѣческаго и политическаго развитія дало въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможность исправить даже тѣ источники, изъ которыхъ были почерпнуты первыя свѣдѣнія о римской старинѣ. Такимъ образомъ, новая литература здѣсь такъ же необходима, какъ и древняя. Поэтому считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь кое-какія замѣчанія по этой части. тѣмъ болѣе, что нѣкоторые писатели систематически злоупотребляли римскою исторіей въ политически-реакціонныхъ и абсолютистскихъ цѣляхъ.

Послѣ Макіавелли («Разсужденіе объ исторіи Ливія» 1331 г.) и Монтеस्कье («Мысли о причинахъ величія и упадка Римлянъ, 1734»), англи-

достоѣрности. Если вникнуть въ самую суть розказней, то станеть очевиднымъ, что это не исторія, а басни.

Мы избѣгаемъ слово «миѡы», потому что оно слишкомъ благородно для того, что дають намъ эти розказы; вообще сказанія римлянъ объ ихъ народнои старинѣ никоимъ образомъ не могутъ выдержатъ сравненія съ легендами эллиновъ.

чанивъ Гиббонъ въ теченіе времени съ 1764 по 1787 г. обработалъ свою превосходную «Исторію упадка и разрушенія римской имперіи», — сочиненіе, которое свидѣтельствуетъ объ эрудиціи, критическомъ безпристрастїи и философскомъ умѣ автора, какъ немногіе историческіе труды, а потому сохранить свое значеніе и тогда, когда писанія его порицателей будутъ забыты.

Если великія заслуги Гиббона касаются позднѣйшей исторїи Рима, то послѣ него стали (особенно въ Германїи) заниматься изслѣдованіемъ древнѣйшей римской исторїи; здѣсь, по преимуществу, оказала свое вліаніе критика. Починъ сдѣланъ Нибуромъ («Римская исторія», 1812 г.). Его главная заслуга въ томъ, что онъ былъ первымъ серьезнымъ изслѣдователемъ, въ строгомъ и при томъ новомъ смыслѣ этого слова, и старался внести свѣтъ во многія области древней римской исторїи, которая у Ливїа и Діонисїа мало освѣщена или не освѣщена вовсе. Но въ этомъ стремленїи Нибуръ увлекся не только до разныхъ произвольныхъ предположенїй, но и до построенїа какъ бы цѣлыхъ зданїй, которыя были пороженїемъ его фантази; при этомъ онъ приводилъ мѣста изъ позднѣйшихъ римскихъ писателей только для того, чтобы, путемъ искусственнаго толкованїа, дать имъ силу доказательства противъ того, что хотѣли сказать сами римляне. Оттого Нибуръ, при всѣхъ его великихъ заслугахъ, все-таки, чаще сбиваетъ съ прямого пути, чѣмъ наводить на него.

Долгое время спустя послѣ него обработалъ критически древнюю римскую исторію Швеглеръ въ своемъ, къ сожалѣнїю, неоконченномъ трудѣ («Римская исторія въ эпоху царей», 1853—1858 г.); достоинства его—обстоятельность, знаніе предмета, безпристрастїе и рѣдкая пронїцательность. Преждевременная смерть не дозволила ему довести свой трудъ далѣе Лициневыхъ законовъ. Это сочиненіе надолго останется богатымъ источникомъ поученїа.

Болѣе другихъ новѣйшихъ работъ по римской исторїи извѣстно сочиненїе Моммзена («Римская исторія», 1856). Особенности книги—обилїе свѣдѣнїй, пронїцательность, образный, хотя часто напыщенный, фразистый слогъ. Впрочемъ, чрезмѣрному успѣху этой книги не мало способствовала кружковщина, внѣдрившаяся въ нѣмецкїй литературный мїръ. Какъ это ни непрїятно, но въ такомъ обще-историческомъ сочиненїи, какъ наше, въ которомъ обсуждаются, между прочимъ, условїа политическои свободы, надо это высказатъ прямо, потому что книга Моммзена, помимо яркихъ недостатковъ чисто историческаго характера, преслѣдуетъ еще политическую тенденцію, которая старается систематически исказить уроки исторїи о свободномъ развитїи народныхъ правъ и унизить и осмѣятъ стремленїе къ такимъ правамъ. Что касается ошибокъ и недостатковъ книги, то слѣдуетъ сказать, что Моммзенъ зачастую нисколько не затрудняется изображать и выставятъ вещи совершенно произвольно, такъ, какъ ему вздумается. Онъ говоритъ объ нихъ съ такой увѣренностью, какъ будто дѣло идетъ не о гипотезахъ или фантазіяхъ, а о несомнѣнной историческои истинѣ. Доказательства, подтвержденїа ссылкой на источники, неизбѣжныхъ въ такихъ специальныхъ трудахъ, не ищите; все это долженствуетъ замѣнить авторитетъ самого автора,—автора, который старается импонируетъ вамъ дутыми фразами и высокопарною пренебрежительностью, не заботясь о томъ, что онъ достаточно часто самъ себѣ противорѣчитъ. Погоня за изысканнымъ способомъ выраженїа приводитъ его даже къ подражанїю дурному вкусу различныхъ педагоговъ первой половины прошлаго вѣка, которые, не задумываясь, употребляли новыя названїа для обозначенїа древне-римскихъ должностей и учрежденїй. (Римская гегемонїа надъ латинами называется у Моммзена «Eidgenossenschaft»; островъ Родось—представляетъ собой греческую Ганзу; проконсулы—фогты;

Римляне были лишены фантазіи и высшаго поэтическаго полета. Они никогда не могли создать эпоса, который хотя бы только приближался къ гомеровскому. Ихъ сказанія, замѣнявшія исторію, полны чудесъ, въ самомъ обыденномъ смыслѣ; позднѣйшія героическія легенды сухи, бѣдны вымысломъ, дубоваты. Кромѣ того, римляне одну и ту же исторію повторяли въ незначительныхъ вариантахъ раза два, три и болѣе. Нѣкоторые повѣствованія прямо не вѣроятны. Можетъ казаться страннымъ, что римляне, у которыхъ на первомъ планѣ стоялъ разсудокъ, могли вѣрить этимъ плоскимъ баснямъ, изъ которыхъ составлена ихъ древняя исторія. Но небывлицы прославляли римскій народъ, а потому всякая критика была неумѣстна!*)—Талантливые люди находили удовольствіе въ переписи

у римлянъ (!) были маршалы, исправники, фельдфебеля, «жюри» и пр.). Что же касается тенденціи, то книга эта—продуктъ самаго яснаго докритерства. Такъ, напримѣръ, авторъ, искажая факты, представляетъ чѣмъ-то вреднымъ и чудовищнымъ вполнѣ естественное стремленіе плебеевъ къ уравненію въ правахъ съ патриціями. Еще разительнѣе его сочувствіе къ цезаризму, о чемъ еще будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ. Идея свободы, республиканскія стремленія представляются Моммзену неправильными и безумными; цезаризмъ—его полярная звѣзда; поклоненіе успѣху, въ его глазахъ, величайшая мудрость.

Вотъ почему трудъ Моммзена, несмотря на его большое распространеніе, не только не лишаетъ значенія книги Петера («Исторія Рима»), содержащей тщательное, умное и ясное сопоставленіе наличнаго матеріала, но даже уступаетъ другому сочиненію—Ине («Римская исторія», 8 томовъ, 1866—1890), принадлежащему къ числу лучшихъ работъ по этому предмету. Здѣсь съ необыкновенною пронизательностью, ясно и просто освѣщены наиболѣе темныя стороны древне римскихъ социальныхъ условій. Изложеніе отличается ясностью и основательностью. Въ политическомъ отношеніи точка зрѣнія Ине свободная—неправду онъ такъ и называетъ неправдою.

*) Вотъ нѣсколько краткихъ напоминаній для подтвержденія сказаннаго. Близнецы Ромулъ и Ремъ рождены были дѣвственными цѣю-весталкою отъ бога Марса; они были брошены въ рѣку во время разлива (подобно Моисею), вскормлены волчицею и затѣмъ спасены пастухомъ. Далѣе рассказывается, какъ ихъ дѣдъ, Нумиторъ, свергнутый съ престола, узналъ своихъ внуковъ, какъ они ему возвратили царскую власть, построили городъ и для рѣшенія вопроса, чѣмъ именемъ назвать его, ожидаютъ знаменія свыше: одинъ братъ видитъ 6, другой 12 коршунувъ (мифическія числа лѣтнихъ и годовыхъ мѣсяцевъ). Подобно Каину, Ромулъ убиваетъ брата, потомъ похищаетъ сѣбьянокъ; эти бросаются между сражающихся и добиваются формальнаго заключенія мира. Въ концѣ концовъ Ромулъ, среди грома и молніи, возносится на небо, принявъ образъ бога Квирина, и т. д. Послѣ довольно долгаго междуцарствія, въ которое управляли патриции, былъ избранъ царемъ Нума, родомъ не римлянинъ; будучи любимцемъ боговъ, онъ, при постоянномъ содѣйствіи богини Эгеріи, далъ Риму внутреннее благоустройство на основѣ религіознаго культа.

Подобныя неисторическія извѣстія наполняютъ всю послѣдующую исторію царей. Можно ли серьезно относиться къ бою Гораціевъ съ Курціями, со всѣми существенными и несущественными его подробностями? Не менѣе курьезенъ рассказъ о переселеніи Тарквинія Старшаго въ Римъ (въ пути орель садится ему на голову), гдѣ этотъ иноземецъ дѣлается царемъ гордаго народа! Голову его преемника Сервія Туллія въ колыбели окружало сіянье, но оно не спасло его потомъ отъ насильственной смерти и на глазахъ толпы родная дочь погнала своихъ муловъ чрезъ трупъ своего благороднаго отца. И это могло произойти въ такое время, которое многими изображалось замѣчательнымъ по чистотѣ нравовъ! Тарквиній Гордый

сываніи и прикрашиваніи этихъ щобылицъ, а толпа какъ образованныхъ, такъ и невѣжественныхъ людей принимала все съ такою вѣрой, какая обычна развѣ только въ дѣлахъ религіи. Въ позднѣйшее время эти басни уже прямо производили впечатлѣніе реальной исторіи, т. е. дѣйствительныхъ происшествій. При такихъ условіяхъ, отдѣлать дѣйствительно историческіе моменты отъ огромной массы выдумокъ — задача нелѣгкая и непріятная, и результатъ такой работы, будетъ, во всякомъ случаѣ, невеликъ и неудовлетворителенъ.

Городъ Римъ возникъ въ странѣ, гдѣ граничили между собою области главнѣйшихъ древне-италійскихъ народовъ: латиновъ, сабинянъ и этрусковъ. Это обстоятельство, въ связи съ любовью древ-

является послѣднимъ въ ряду с е м и (священное число) царей, какъ бы седьмою планетою на щобѣ римскихъ царей. Легенда о Брутѣ, притворяющемся помѣшаннымъ; въ особенности же исторія Лукреціи имѣютъ характеръ чистѣйшей басни. Даже съ наступленіемъ республиканскаго періода еще не начинается настоящая исторія. Вспомнимъ хотя бы сказаніе о томъ, какъ сыновья Брута составили заговоръ противъ того дѣла, за которое стоялъ и въ послѣдствіи палъ ихъ отецъ; какъ послѣдній еще самъ велѣлъ казнить сыновей и потомъ самъ погибъ въ единоборствѣ съ Тарквиніемъ Младшимъ (Арунсомъ), при чемъ копье каждаго изъ нихъ пронзило противника (не говоря уже о странномъ вмѣшателствѣ дѣснаго бога Сильвана, отъ голоса котораго разбѣжались оба войска). Преданія о героическихъ походахъ также относятся скорѣе къ области эпоса, чѣмъ исторіи; къ тому же дѣло не обходится безъ противорѣчій. Такъ, напримѣръ, Муцій Сцевола, «спокойно, какъ будто не чувствуя ничего», кладетъ свою руку въ огонь и объявляетъ Порсеннѣ, что онъ только одинъ изъ 300 римлянъ, поклявшихся убить его; эта угроза будто бы такъ испугала этрусскаго царя, что онъ самъ просилъ римлянъ о заключеніи мира. Но послѣ мы узнаемъ, что римляне дали ему 300 заложниковъ, а это указываетъ на побѣду Порсенны надъ Римомъ. По словамъ Плинія, заключенный договоръ, который не былъ обоюднымъ соглашеніемъ, а былъ продиктованъ побѣдителемъ, запрещалъ римлянамъ имѣть желѣзные орудія, кромѣ земледѣльческихъ. Не лучше обстоитъ дѣло и при изображеніи междоусобій. Можно ли, напримѣръ, повѣрить, чтобы нелѣпая басня о желудкѣ, котораго прочіе члены тѣла не хотѣли болѣе кормить, такъ подѣйствовала на страшно возбужденную народную толпу, уже совсѣмъ было покинувшую Римъ, что она, какъ бы по волшебному мановенію, вдругъ измѣнилась и стала покорной. Да вѣдь послѣдній изъ вожаковъ недовольныхъ могъ бы сдѣлать рассказчика басни всеобщимъ посмѣшищемъ! Совершенно невѣроятна исторія Коріолана. Онъ, аристократъ, наводитъ ужасъ на патриціевъ, съ которыми у него, въ сущности, общіе интересы, тогда какъ народъ, до котораго болѣе всего относится нападеніе Коріолана, остается совершенно безучастнымъ, какъ будто онъ тутъ не при чемъ. Затѣмъ вѣроятно ли, чтобы законодательная коммиссія д е щ е м в и р о в ѣ могла въ первый же день отправления своихъ обязанностей дѣйствовать деспотически хотя бы даже формально; не естественнѣ ли допустить, что подобныя лица, для достиженія своей цѣли, скорѣе должны были потакать толпѣ и усыплять ее? Вѣроятно ли, чтобы отецъ Виргиніи убилъ свою собственную дочь, а не похитителя ея чести? И что, наконецъ, дѣлаетъ возмущенный народъ, спокойно смотрящій на это дѣло, до тѣхъ поръ, пока уже нельзя было спасти несчастную, что дѣлаетъ взволновавшееся войско? Всѣ уходятъ изъ города, вмѣсто того, чтобы, въ сознаніи своей правоты, наказывать нарушителей народныхъ правъ.

Впрочемъ, римляне еще могли на вѣру принимать эти легенды; но вотъ что совершенно непонятно: зачѣмъ новѣйшіе историческіе труды повторяютъ подобныя сказки съ такою обстоятельностью, какъ будто это драгоцѣннѣйшія историческія истины въ мірѣ?

нихъ римлянъ къ войнѣ и хищничеству, привело къ догадкѣ, что какой-нибудь предводитель кочующей шайки пастуховъ или разбойниковъ нашелъ это мѣсто, «на рубежѣ трехъ государствъ», особенно удобнымъ для своихъ цѣлей, а потому избралъ его своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ; потомъ уже сюда стали стекаться отовсюду бѣглецы, бродяги и преступники и съ теченіемъ времени образовали цѣлое поселеніе. Но въ дѣйствительности намъ ничего неизвѣстно объ основаніи города Рима.

Отсюда само собой понятно, какую цѣну имѣють для насъ точныя указанія года и даже дня этого основанія. Но установленіе какого-либо года, хотя бы совершенно произвольное, имѣеть то основаніе, что этимъ дается опорная точка хронологіи, безъ которой невозможна исторія. Обыкновенно принято, слѣдуя вычисленіямъ Варрона, относить основаніе Рима къ 3-му году шестой Олимпіады, т. е. къ 753 году до начала нашей эры. (По другимъ свѣдѣніямъ Римъ основанъ позже, между 753 и 729 гг.).

Основателемъ и первымъ царемъ считаютъ Ромула; послѣ него, до 509 г. до Р. Х. было еще шесть царей. Весь этотъ періодъ наполненъ войнами, прерываемыми лишь введеніемъ религиозныхъ учрежденій и устройствомъ молодого государственнаго быта.

Военная, по преимуществу, исторія какъ царскаго, такъ и слѣдующаго за нимъ республиканскаго періода излагается римскими историками съ непомѣрнымъ національнымъ тщеславіемъ. Храбрости и самоотверженію римлянъ нѣтъ границъ; не считая весьма немногихъ случаевъ, гдѣ непріятель одолеваетъ ихъ, благодаря своему подавляющему большинству, римляне вездѣ являются побѣдителями. Когда у римскихъ историковъ не хватаетъ матеріала, они рассказываютъ о какомъ-нибудь чудѣ (напр., бритвѣ, разрѣзающей точильный камень, и т. п.), или восполняютъ пробѣлы новою войною, новыми подвигами. Но и въ этомъ случаѣ они проявляютъ такую скудость фантазій, что рассказываютъ по нѣскольку разъ одно и то же событіе съ незначительными измѣненіями, и вообще до того не умѣють разукрасить исторію своихъ предковъ, что заставляютъ римлянъ покорять одинъ и тотъ же городъ три, четыре, даже шесть разъ, при томъ отнюдь не оговариваясь, что этотъ городъ былъ ими терямъ.

Критика не оставляетъ сомнѣнія, что вся исторія царей, въ томъ видѣ, какъ она рассказана римскими историками, лишена всякой исторической основы. Чтобы притти къ этому отрицательному, даже убійственному результату, нѣтъ надобности въ преувеличенномъ скептицизмѣ: полнѣйшая несостоятельность этой исторіи можетъ быть доказана во всѣхъ ея существенныхъ частностяхъ.

Сопоставимъ, однако же, то, что можетъ быть извлечено изъ всего наличнаго историческаго матеріала и, по критической оцѣнкѣ, признано относительно вѣроятнымъ.

Римляне были народъ храбрый, воинственный, завоевательный и хищный. Они управлялись царями. Царскій санъ не былъ наследственнымъ, цари избирались, и власть ихъ была самостоятельная, какъ всегда бываетъ при избирательномъ монархическомъ правленіи.

Хотя, при тогдашнихъ грубыхъ условіяхъ, едва-ли могли быть вполне точно выдѣлены тѣ дѣла, которыя не могли рѣшаться безъ участія сената, тѣмъ не менѣе эта корпорація имѣла значительное вліяніе и силу, пока царь не распырялъ незаконно своихъ правъ. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ, при установленіи и отменѣ законовъ, требовалось согласіе народа, т. е. всѣхъ полноправныхъ гражданъ. Царь не имѣлъ даже права помилованія; онъ могъ только разрѣшить или не допустить представленіе просьбы о помилованіи на рѣшеніе собранія всѣхъ гражданъ, «верховой земской общины», какъ выражаются въ Швейцаріи *).

Храбрость и стойкость римлянъ въ бояхъ доставляли имъ большей частью побѣду. Но если у римскихъ историковъ всѣ войны кончаются удачно для римлянъ, то это, понятно, преувеличеніе. Это не только противорѣчитъ естественному ходу вещей (отважные предпріятія народа, какъ и отдѣльнаго человѣка, не могутъ сопровождаться только удачами), но и у самихъ историковъ встрѣчаются указанія на противное. Можно догадываться, что нескончаемыя войны приводили Римъ подъ власть, даже подъ иго непріятелей; видно господство сабинянъ, а позже—этрусковъ. Если бы гордые римляне не были покорены, они не терпѣли бы на своемъ престолѣ сабинянъ, какъ они сами объ этомъ рассказываютъ (Нума Помпилій и Анкъ Марцій были сабиняне). Тарквиній Гордый былъ этрускъ. Этимъ и объясняется введеніе сабинскихъ учрежденій и обычаевъ, изъ которыхъ нѣкоторые держались въ Римѣ довольно долго.

Монархія пала. Обстоятельства, сопровождавшія это событіе, въ описаніи римскихъ историковъ опять носятъ характеръ легенды. Очень можетъ быть, что царь (полагаютъ, что Тарквиній

*) Вотъ что, впрочемъ, буквально говоритъ Моммзенъ (книга I, глава 5): «Правамъ царя не поставлены и не могутъ быть поставлены внѣшніе предѣлы; для главы общины не существуетъ судьи внутри самой общины, какъ для домохозяина не существуетъ судьи въ его собственномъ домѣ». Онъ увѣряетъ, будто царь имѣлъ такую же «неограниченную» власть надъ всѣми гражданами государства, какую имѣлъ отецъ надъ всѣми членами семьи. Напрасно бы мы искали у него доказательствъ въ пользу этого положенія: оно продуктъ его воображенія, не болѣе. Но, во всякомъ случаѣ, Моммзену слѣдовало быть послѣдовательнымъ, и держаться взглядовъ діаметрально противоположныхъ нашимъ. Но этого онъ не дѣлаетъ. Въ той же главѣ онъ называетъ общину—«носителницей верховной государственной идеи»; несмотря на «неограниченную» власть «правителя», «господствуютъ законы», а дальше (кн. II, гл. 1) «царская власть въ Римѣ подчинялась законамъ, а не стояла надъ ними». Говоря о сверженіи Тарквинія, Моммзенъ самъ называетъ вѣроятными и тѣ причины возстанія, на которыя указываетъ преданіе: Тарквиній не спрашивалъ совѣтовъ сената и не наполнялъ его новыми членами, казнилъ по произволу и конфисковалъ имѣнія осужденныхъ, не спрашивая согласія народа; въ его амбарахъ лежали огромные запасы хлѣба; онъ обременялъ гражданъ военной службою или бралъ на работу. Мы полагаемъ нужнымъ привести хотя одинъ примѣръ въ оправданіе высказаннаго нами мнѣнія о книгѣ Моммзена. Примѣръ этотъ показываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ чему ведетъ многословіе; даже умные и свѣдущіе люди теряютъ благоразуміе въ потокѣ пустыхъ словъ и забываютъ то, что они сами говорили.

Гордый) злоупотреблялъ своею властью, а это повело къ народному возстанію и изгнанію царя. Но въ дѣйствительности, какъ думаетъ новѣйшій остроумный изслѣдователь (Ине), изгнаніе Тарквиніевъ не было только переменною формою правленія, оно обозначаетъ собою сверженіе иноземнаго владычества этрусковъ, возстановленіе національной самостоятельности. По изгнаніи царя нужно было время для созданія новаго порядка. Исторія основанія республики и далеко не ясна. Истина заслоняется грудою фантастическихъ преданій и сказочныхъ легендъ. Мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

Говорятъ, что монархія пала главнѣйше благодаря Юнію Бруту, установленіе же законовъ, опредѣлившихъ новый, республиканскій строй государства, приписываютъ П. Валерію Попликолѣ. Разказываютъ, будто тотчасъ по изгнаніи царя были выбраны консулами Брутъ и Тарквиній Коллатинъ, но послѣдній, по причинѣ своего родства съ изгнанною династіею, скоро долженъ былъ сложить съ себя эту должность. Его мѣсто занялъ Валерій, который по смерти своего товарища Брута остался единственнымъ консуломъ (второго не выбирали) и одинъ управлялъ всѣми государственными дѣлами.

Какъ бы то ни было, законы, которые онъ предложилъ народу, насколько намъ извѣстно, состояли въ слѣдующемъ:

Царская власть отмѣняется, ея мѣсто заступаетъ республика. Высшими сановниками государства являются два консула, выбираемые на одинъ годъ. Кто, помимо назначенія народомъ, старается присвоить себѣ какую-либо власть, тотъ подвергается проклятію боговъ. На консуловъ возлагаются (на годичный срокъ) вообще всѣ права прежнихъ царей, за исключеніемъ жреческихъ функцій, для которыхъ назначается особый духовный сановникъ (*rex sacrificulus* или *rex sacrovinus*), удаленный отъ всѣхъ политическихъ дѣлъ; безъ сомнѣнія, римляне понимали, какое сильное вліяніе имѣла религія на невѣжественный и суевѣрный народъ. Власть консуловъ надъ жизнью гражданина была также ограничена безусловнымъ правомъ апелляціи къ народу, т. е. къ собранію всѣхъ полноправныхъ гражданъ. Это постановленіе было главнымъ ручательствомъ свободы и личной безопасности cadaго. Дальнѣйшая общественная гарантія заключалась въ самомъ раздѣленіи власти между двумя равноправными консулами, потому что слишкомъ суровыя или даже жестокія дѣйствія одного могли быть останавливаемы запрещеніемъ другого, а по римскому взгляду на право, отрицательный голосъ должностнаго лица имѣлъ перевѣсъ надъ утвердительнымъ.

Во время большой опасности для государства устанавливалась особая должность диктатора. Диктаторъ назначался, по порученію сената, однимъ изъ консуловъ, по его усмотрѣнію, при чемъ срокъ его власти не могъ превышать шести мѣсяцевъ. Диктаторъ имѣлъ неограниченную власть, его воля могла приостановить дѣйствіе всякаго закона; всѣ чиновники обязаны были безпрекословно исполнять его приказанія; во время диктатуры всѣ гарантіи лич-

ной свободы упразднялись, все государство находилось какъ бы въ осадномъ положеніи.

Нельзя не обратить вниманія на то безспорно необычайное явленіе, что республиканское правленіе не только продержалось полтысячелѣтія, но и до самаго конца этого длиннаго періода ни разу не было сдѣлано попытки возстановить монархію. Это явленіе тѣмъ замѣчательнѣе, что диктатура, казалась, должна была прежде всего искушать временнаго носителя неограниченной власти къ продолженію и упроченію своего владычества. Такой великій результатъ приписали главнѣйше законамъ Валерія. Но, какъ ни велико ихъ значеніе, какъ ни превосходны они сами по себѣ, но указанное нами явленіе основано, все-таки, прежде всего на другомъ условіи, именно на отсутствіи въ Римѣ регулярнаго войска. Такъ какъ вся военная сила состояла исключительно изъ милиціи, т. е. изъ обученной военному дѣлу и хорошо организованной совокупности всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, то ни вліятельному сановнику, ни счастливому полководцу не удалось бы подчинить себѣ и угнетать народъ. Всѣ вооруженные римляне были одинаково заинтересованы въ поддержаніи и охраненіи республиканской свободы, и никто, вопреки собственному праву, не сталъ бы поддерживать узурпатора, да вдобавокъ жертвовать за него своею жизнью. Въ отсутствіи регулярнаго войска, вмѣстѣ съ полнымъ развитіемъ милиціи, заключается вся тайна столь продолжительной цѣлости республики, несмотря даже на учрежденіе диктатуры съ ея неограниченными полномочіями. Вотъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, разительный примѣръ таго значенія, какое имѣетъ для всѣхъ временъ вопросъ, что лучше, «регулярное ли войско или хорошо организованная всеобщая милиція?»

Сенатъ изъ 300 человекъ былъ высшею совѣщательною коллегіею. Его значеніе не столько опредѣлялось точными законоположеніями, сколько опиралось на традицію. Право назначенія сенаторовъ было предоставлено консуламъ, но они могли выбирать людей исключительно изъ класса патриціевъ, т. е. изъ тогдашней знати*). Консулы предсѣдательствовали въ сенатѣ; они могли спрашивать его мнѣнія по всѣмъ предметамъ управленія, но не были къ этому обязаны по закону. Казалось бы, это лишало авторитета всю корпорацію. На дѣлѣ было не такъ. Вотъ справедливое замѣчаніе Ине по этому поводу: «Сенатъ никогда не состоялъ изъ однихъ только членовъ важнѣйшихъ фамилій. Даже тогда, когда во главѣ государства стояли только патриціи, плебеи же не допускались до управленія, въ сенатѣ засѣдали одни патриціи, но вовсе не всѣ патриціи, а также не исключительно члены извѣстныхъ фамилій. Въ Римѣ политическія должности никогда не занимались по наслѣдству, даже въ эпоху царей. Въ легендѣ, въ послѣдней редакціи которой сказывается греческое вліяніе, отражаются лишь еди-

*) Мнѣніе, что плебеи также назначались сенаторами, безъ сомнѣнія, неосновательно, по крайней мѣрѣ, относительно рассматриваемаго времени, такъ какъ это противорѣчитъ всему тогдашнему строю римскаго государства.

ничные случаи наслѣдственныхъ притязаній на престолъ. Но сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что римляне, какъ и всѣ прочіе исконные италійцы, никогда не заводили у себя наслѣдственныхъ должностей, служить то, что мы не находимъ у нихъ и слѣда наслѣдственности жреческаго сана». Надобно, впрочемъ, замѣтить, что санъ сенатора былъ пожизненный. Но идемъ дальше: значеніе сената обезпечивалось уже тѣмъ обстоятельствомъ, что сенаторы были несмѣняемы, а консулы избирались и смѣнялись ежегодно. Разногласіе, которое при одновременномъ исполненіи обязанностей двумя консулами было неизбѣжно, особенно въ затруднительныхъ случаяхъ, и, по меньшей мѣрѣ, нравственная отвѣтственность консуловъ, въ случаѣ ихъ самовольныхъ мѣропріятій, побуждали этихъ высшихъ сановниковъ, ради самихъ себя, во всѣхъ случаяхъ особой важности испрашивать предварительно совѣтовъ сената. Но особенное значеніе приобрѣтала эта корпорація благодаря тому, что не только проекты, предлагаемые народному собранію, поступали на предварительное разсмотрѣніе и одобреніе сената, но и самое рѣшеніе народнаго собранія нуждалось еще въ окончательномъ утвержденіи сената, для того чтобы быть исполненнымъ.

Народное собраніе у римлянъ, безъ сомнѣнія, имѣло то же начало, какъ и у всѣхъ независимыхъ народовъ въ первобытномъ состояніи. Такъ какъ война была не только важнѣйшимъ, но и обычнымъ явленіемъ, и въ ея тягостяхъ и опасностяхъ участвовали всѣ, то каждый полноправный гражданинъ подавалъ свое мнѣніе о войнѣ въ собраніи всего народа. Кромѣ того, народное собраніе выбирало должностныхъ лицъ, голосовало по поводу новыхъ законовъ и рѣшало ходатайства о помилованіи въ случаяхъ смертной казни.

Точнаго установленія компетенціи народнаго собранія не было. Преній въ собраніяхъ также не было, происходило только голосованіе, т. е. принимали или отвергали предложеніе («рогацію»), обыкновенно уже бывшее на разсмотрѣніи сената. Произвольной народной сходки не дозволялось: народъ могъ собираться только по призыву консуловъ, какъ прежде—по призыву царей. Сходились не въ одномъ общемъ собраніи, а въ комиціяхъ по центуріямъ, которыя развились изъ комицій по куріямъ.

Такъ какъ въ основѣ римскаго государства и всѣхъ его учреждений лежала военная организація, то центурія (т. е. соединеніе ста человекъ), представлявшая низшую тактическую единицу (соответствующую нашей ротѣ), служила соединительнымъ пунктомъ въ дѣлахъ гражданскихъ.

Прежде 30 курій патриціевъ выставляли войско, легіонъ въ 3000 человекъ. Положимъ, плебей также привлекались къ военной службѣ, но право голоса они приобрѣли постепенно, и при томъ только въ размѣрѣ ихъ ценза.

Итакъ, въ центуріальныхъ комиціяхъ римляне—*populus*—осуществляли свое верховное право народа. Власть консуловъ и сената была несамостоятельная и ограниченная, власть народа была самостоятельная, и ограничивалась лишь коллективною волею

всего народного собранія. Фактически, правда, было не совсѣмъ такъ; не только потому, что консулы и сенатъ умѣли пользоваться своею властью въ большей мѣрѣ, чѣмъ предоставлено было исполнительнымъ органамъ, но главнѣйше потому, что патриціи, аристократы, одни и были полноправными гражданами.

Послѣ паденія царства вся правительственная власть лежала въ ихъ рукахъ. Новѣйшій историкъ (Ине) такъ изображаетъ положеніе патриціевъ и плебеевъ: «Революція противъ монархіи привела къ исключительному господству патриціевъ. Простой народъ (плебсъ) былъ отдаленъ отъ привилегированнаго сословія, отъ его выгодъ, правъ и почестей. Плебеевъ отдѣляла отъ патриціевъ цѣлая пропасть, черезъ которую не было моста; никакія заслуги относительно государства, никакія богатства не давали плебею надежды выйти изъ массы подвластнаго сословія, получить участіе въ управленіи государствомъ. Бракъ между патриціями и плебеями считался незаконнымъ, подобно браку между свободными людьми и рабами. Плебей былъ устраненъ отъ всякихъ правительственныхъ должностей и отъ сената; онъ былъ недостоинъ высокаго жреческаго сана, устраненъ отъ ауспицій (гаданій о волѣ боговъ), отъ знанія законовъ; на его долю доставалось только несеніе налоговъ и повинностей, въ особенности военной службы, которая становилась все тяжелѣе». Таковы были основныя условія гражданскаго и политическаго быта въ первыя времена республики.

Внутренняя борьба за политическія права, неизбѣжная при такомъ порядкѣ вещей, настолько поучительна для практики и теоріи политическихъ учрежденій вообще, что мы должны на ней нѣсколько остановиться. Эта борьба, впрочемъ, съ самаго начала была связана съ вопросами чисто матеріальной пользы и выгоды; сама по себѣ она лишена была высшаго идеальнаго значенія. Споръ между патриціями и плебеями прежде всего былъ борьбою загнаннаго класса, добивавшагося равнаго участія въ пользованіи государственною землею, владѣніе которою патриціи считали исключительнымъ правомъ своего сословія; кромѣ того, плеbei хотѣли выйти изъ долговой подвластности патриціямъ, въ которую они попали вслѣдствіе такого неравенства положеній. Требованіе одинаковыхъ политическихъ правъ было прежде всего средствомъ для достиженія послѣдней цѣли—оно не было само по себѣ цѣлью или средствомъ для достиженія другихъ какихъ-либо высшихъ политическихъ или нравственныхъ цѣлей. Здѣсь опять выступаетъ разница между греками и римлянами; она сказывается почти во всѣхъ условіяхъ жизни. Съ одной стороны, дивная возвышенность эллиновъ, съ другой—отсталость, даже какой-то скудость римлянъ въ духовномъ отношеніи.

Всѣ изобразители древней римской исторіи удѣляютъ очень много мѣста спору между патриціями и плебеями объ аграрныхъ вопросахъ и о долгахъ. То, что сообщаютъ намъ объ этомъ позднѣйшіе римскіе писатели, мало уясняетъ обстоятельства этого дѣла. Большинство же новѣйшихъ историковъ, занимавшихся этимъ предметомъ, отъ Нибура до Моммзена, пытаясь разрѣшить

отдѣльные вопросы, только болѣе запутывали дѣло; они строятъ гипотезы, которыя не только не согласуются съ букввальнымъ смысломъ дошедшихъ до насъ извѣстій, но (и это, пожалуй, главное) противорѣчатъ самой природѣ вещей. Они упустили изъ виду простѣйшее и самое естественное объясненіе, научное обоснованіе котораго составляетъ заслугу Ине («Forschungen auf dem Gebiete der römischen Verfassungsgeschichte»). Вотъ какимъ образомъ сложились условія для социальной борьбы.

Патриціи и плебеи были, по всей вѣроятности, потомки различныхъ племенъ; первые происходили отъ побѣдителей, вторые — отъ покоренныхъ. Явными доказательствами ихъ племенного различія служатъ запрещеніе браковъ между обоими сословіями и безусловное недопущеніе плебеевъ къ ауспиціямъ и къ отправленію духовныхъ обязанностей; ихъ считаютъ какъ бы нечистыми, недостойными общенія съ богами. Исконные побѣдители оставили побѣжденнымъ жизнь, но земли ихъ присвоили себѣ по праву завоеванія. Но сами они не могли обработывать всѣхъ полей; для этого имъ не доставало, прежде всего, необходимаго числа рукъ. Поэтому они ограничивались тѣмъ, что заняли прежде всего пастбищныя участки и, не раздавая ихъ въ частную собственность, владѣли ими какъ общественной землей (государственнымъ имуществомъ); побѣдители пользовались этими участками, кажется, бесплатно, а побѣжденные платили за такое пользованіе налогъ. Затѣмъ патриціи присвоили себѣ извѣстную часть пахатной земли, причемъ каждый потомокъ побѣдителей получалъ опредѣленный участокъ въ полную собственность. Остатокъ (можетъ быть, $\frac{2}{3}$ пахатнаго поля) они отдали туземцамъ, плебеямъ (подобно тому, какъ это дѣлалось въ эпоху переселенія народовъ) на тяжелыхъ условіяхъ опредѣленныхъ повинностей; патриціи получали съ нихъ десятую долю дохода съ земли, причемъ каждый въ отдѣльности плебей находился въ распоряженіи того или другого патриція.

Таково было первоначальное социальное положеніе кліентовъ: каждый изъ нихъ обязанъ былъ имѣть своего патрона, безъ котораго не могъ явиться на судѣ, не имѣлъ гражданскихъ правъ и былъ беззащитенъ.

Такимъ образомъ, патриціи не только имѣли свои собственныя земли, но и получали доходъ отъ пашень, предоставленныхъ въ пользованіе туземцамъ. Постыдніе, правда, не могли быть изгнаны изъ своихъ маленькихъ владѣній, пока они выполняли свои обязательства. Но вслѣдствіе дурныхъ временъ, неурожаевъ и другихъ несчастныхъ случаевъ накопились недомки, ложившіяся на плебеевъ всю тяжестью своихъ роковыхъ постыдствій; они дѣлались должниками патриціевъ, которые старались извлечь возможно большую выгоду изъ бѣдственнаго положенія плебеевъ. Постоянная связь между законами аграрными и законами о долгахъ даетъ указаніе на то, что долги плебеевъ образовались не изъ непосредственныхъ денежныхъ займовъ, а изъ недоимокъ поземельнаго налога. Патриціи требовали роста на недоимки. Положеніе зависимыхъ ухудшалось, когда привилегированные обращали пастбища въ пашни (на что

они имѣли право) и черезъ это урѣзывали выгоны для скота плебеевъ. Такъ угнетали патриціи плебеевъ и тѣмъ вызывали частыя волненія народа и даже доводили его до отчаянія. Если должникъ былъ не въ состояніи платить, онъ могъ быть выгнанъ изъ своего земельного участка, который былъ предоставленъ ему лишь условно; наконецъ, онъ самъ могъ быть проданъ за долги въ рабство. Эта подвластность покоренныхъ, приниженныхъ людей и объясняетъ, какъ намъ кажется, строгость законовъ о должникахъ. Богатые давно устроились на государственныхъ земляхъ, а число рабовъ, вначалѣ небольшое, сильно увеличилось благодаря военнымъ успѣхамъ, и вотъ капиталисты нашли для себя выгоднымъ увеличивать свою поземельную собственность путемъ изгнанія туземцевъ изъ ихъ участковъ, а также занятіемъ пастбищной земли и обращеніемъ ея въ пашню. Отсюда тѣ постоянныя жалобы, которыя, при иномъ взглядѣ на дѣло, были бы необъяснимы. Изъ такихъ обезземеленныхъ кліентовъ образовалось особое сословіе людей, лишенныхъ всякой осѣдлости и потому не связанныхъ условіями кліентуры: это сословіе называлось *plebs*. Пользованіе землей составляло основу кліентуры. Успѣхи промышленности увеличивали число безземельныхъ, такъ какъ излишекъ поселянъ шелъ въ городъ искать заработка ремеслами.

Римское государство было основано на завоеваніи. Римскій народъ представлялъ собою какъ бы войско. Копье было символомъ бога, котораго всѣ римляне считали своимъ прародителемъ; отъ копья (по-сабински *quiris*) они сами назывались к в и р и т а м и. Но такъ какъ не только патриціи, но и плебеи несли всѣ бѣдствія и опасности нескончаемыхъ войнъ, то у подвластныхъ естественно пробудилось желаніе участвовать не только въ тягостяхъ, но и въ выгодахъ государства, а именно—пользоваться общественною землею, на равныхъ правахъ съ патриціями, а не на условіяхъ кабалы. Въмѣсто этого плебеи, при новыхъ завоеваніяхъ, не получали законной части. Еще въ позднѣйшія времена покоренные народы, по обыкновенію, обращались въ кліентовъ римскихъ патроновъ, а ихъ области присоединялись къ общественной землѣ (*ager publicus*) и раздавались римлянамъ по участкамъ, съ которыхъ каждый получалъ десятую долю продукта. Кромѣ этого права пользованія общественною землею, патриціи имѣли еще частную собственность въ колоніяхъ и въ самомъ Римѣ; въ нѣкоторыхъ покоренныхъ областяхъ бывали случаи, что отдѣльныхъ лицъ, (какъ, напримѣръ, въ Капуѣ все сословіе всадниковъ), за оказанныя Риму услуги, освобождали отъ податей, награждали правами римскаго гражданства и соединенными съ ними преимуществами; но римскіе плебеи-колонисты въ древнее время пользовались не большими правами, чѣмъ побѣжденные народы: они оставались «кліентами» (Ине). Такъ образовались отношенія, похожія на тѣ, которыя уничтожила французская революція 1789 г. ниспроверженіемъ феодализма, съ тою только разницею, что въ Римѣ равноправность достигалась медленно, шагъ за шагомъ, а въ новой Франціи установилась сразу. Неравенство сословій оказывало поистинѣ пагубное вліяніе на все

развитіе римской жизни. Оно прежде всего было причиной раздоровъ, дивившихся цѣлыя столѣтія; однако неестественныя отношенія не прекратились и по окончаніи этихъ раздоровъ. Развитіе этихъ отношеній происходило въ главныхъ чертахъ такъ: патриціи, воспитанные въ сословныхъ предразсудкахъ, защищали свои привилегіи и осуществляли ихъ съ суровостью, даже съ безчеловѣчьемъ. Плебеи, обременяемые тяжелыми повинностями, требовали для себя прежде всего права пользованія государственными угодіями, хотя бы тѣми, которыя были завоеваны при ихъ непосредственномъ участіи; къ этому основному требованію впоследствии само собою присоединилось стремленіе къ другимъ правамъ, т. е. къ равноправности въ политическомъ отношеніи. Образъ дѣйствій патриціевъ изображался въ самомъ непривлекательномъ видѣ (въ особенности рѣзко отзывается объ нихъ Ине). На самомъ дѣлѣ патриціи дѣйствовали такъ въ силу неестественныхъ и тѣтворныхъ условій, среди которыхъ они жили и развивались. На ихъ мѣстѣ плебеи дѣйствовали бы точно такъ же, какъ это и оказалось впоследствии, когда совершилось уравненіе правъ между обоими сословіями и сами плебеи не захотѣли признать равноправными съ собою прочихъ обитателей римскаго государства. (Здѣсь подтверждается то, что говорено было въ введеніи о всемогуществѣ условій, см. стр. 34—41). Жажда завоеваній усилилась, когда увеличилось число участниковъ въ дѣлежѣ добычи. Это было проклятіе, лежавшее на той варварской системѣ, въ которой вся частная собственность покоренныхъ также дѣлалась добычей побѣдителей. Въ этомъ отношеніи война ничѣмъ не отличалась отъ разбоя.

Упомянутыя ненормальныя отношенія развились не только въ Римѣ, но и во всей Италіи. Во всѣхъ частяхъ полуострова существовали два различные класса: привилегированное сословіе и простолюдины (народъ). Согласно указанному ходу развитія, мы видимъ, что во всей дальнѣйшей исторіи Италіи, до полного покоренія Римомъ всего полуострова, патриціи являются приверженцами Рима, а Римъ поддерживаетъ ихъ противъ демократическаго населенія, которое, наконецъ, повсемѣстно подпадаетъ его владычеству. Одна ненормальность, одна неправда порождаетъ другую, и такимъ образомъ зло древнѣйшаго завоеванія и порабощенія продолжало отравлять дальнѣйшее существованіе Рима.

Послѣдствіемъ упорной обособленности, въ связи съ постоянной убылью людей въ нескончаемыхъ войнахъ, было то, что число патриціевъ значительно уменьшилось. Съ тѣмъ большимъ основаніемъ могли плебеи предъявлять свои требованія. Аристократія пробовала было успокоить недовольныхъ раздачею земельныхъ участковъ во вновь основанныхъ колоніяхъ. Но достигнуть соглашенія этимъ способомъ было невозможно, потому что въ тѣ времена вновь заводимыя колоніи представляли собой не что иное, какъ военные посты въ непріятельской землѣ, жизнь въ которыхъ была сопряжена съ непрестаннымъ трудомъ и опасностями.

Приступая къ изложенію дальнѣйшаго хода междоусобной борьбы, веденной обоими сословіями съ необыкновеннымъ унор-

ствомъ, нельзя прежде всего не пожалѣть объ односторонности и партійности дошедшихъ до насъ древнихъ извѣстій объ этихъ раздорахъ. Всѣ подобныя описанія имѣютъ чисто аристократическую тенденцію, что объясняется отчасти взглядами и положеніемъ ихъ авторовъ, а отчасти тѣмъ, что единственнымъ матеріаломъ послѣднихъ были фамилійныя записки патриційскихъ родовъ. Поэтому о многомъ можно только догадываться, да и то лишь приблизительно; а между тѣмъ замѣтно, что факты изображены односторонне, въ искаженномъ видѣ, а другіе обойдены, очевидно, съ умысломъ, такъ что мы совершенно лишены возможности ближе познакомиться съ ними. Все это не имѣло бы значенія, если бы не шло дѣло объ исторіи развитія народа, который въ нѣсколько столѣтій покорилъ себѣ весь цивилизованный міръ.

Если изгнаніе царей и было дѣломъ патриціевъ, то, все-таки, переворотъ совершился, очевидно, съ согласія, а можетъ быть и при содѣйствіи плебеевъ. И это вполнѣ понятно, особенно если допустить, что дѣло шло о низверженіи господства чужой расы (этрусковъ), тогда какъ патриціи и плебеи хотя и происходили отъ различныхъ племенъ, но принадлежали къ одной національности. Кроме того, мы знаемъ, что, по упраздненіи царской власти, патриціи дѣлали плебеемъ различныя уступки для улучшенія ихъ матеріальнаго положенія. Но скоро эти уступки оказались недостаточными. Онѣ тѣмъ менѣе могли надолго удовлетворять плебеевъ, чѣмъ чаще были войны, а слѣдовательно и наборы войскъ, и чѣмъ чаще подчиненные чувствовали свою полную зависимость отъ доброй или злой воли своихъ патроновъ, интересы которыхъ обыкновенно не совпадали съ интересами плебеевъ (клиентовъ).

При той суровости, съ какой патриціи обращались со своими должниками, угнетенные въ своей бѣдѣ не находили другого исхода, кромѣ отказа участвовать въ отраженіи въ нѣщихъ ихъ враговъ (въ особенности вольсковъ), время отъ времени тѣснившихъ Римъ. Тогда патриціи сулили имъ разныя облегченія, но обѣщанія никогда не исполнялись. Наконецъ, обманутые ушли изъ города и укрѣпились на сосѣднемъ холмѣ, рѣшившись предоставить Римъ его участи. Патриціи еще разъ должны были уступить имъ. Плебеемъ предоставлено было право имѣть своихъ особенныхъ плебейскихъ сановниковъ, народныхъ трибуновъ, облеченныхъ властью защищать плебеевъ и ихъ права, не спрашивая на то содѣйствія или согласія патроновъ. Народные трибуны имѣли право останавливать своимъ запрещеніемъ (veto) исполненіе всѣхъ распоряженій правительственныхъ патриційскихъ мѣстъ. Личность трибуна была объявлена неприкосновенною по святости сана (трибуны были sacrosancti). Число трибуновъ первоначально было, вѣроятно, два, но скорѣе увеличено до пяти. Они не имѣли никакой матеріальной исполнительской власти, и это обстоятельство, казалось бы, лишало трибунатъ всякаго значенія. Въ дѣйствительности же эти заступники народныхъ правъ и не нуждались въ какой-либо особенной власти: система милиціи, при которой плебеи составляли большинство въ войскахъ, вполнѣ ограждала трибуновъ отъ оскорбленій при

исполненіи ими обязанностей. Этимъ вполне объясняется, почему исторіи неизвѣстенъ ни одинъ случай принесенія жалобы на что-либо подобное.

Но созданиемъ трибуната было положено только начало правового порядка относительно загнаннаго класса: плебеи все еще не выходили изъ состоянія зависимости. Нужно было еще обезпечить за плебеями право избирать своихъ трибуновъ. Центуріальные комиціи соединяли оба сословія, но патриціи все еще имѣли здѣсь перевѣсъ. Законъ Публилія (471 до Р. Х.) предоставилъ плебеямъ право выбирать своихъ магистратовъ въ собраніяхъ по трибамъ, безъ участія патриціевъ, такъ что здѣсь плебеи могли дѣйствовать вполне самостоятельно.

Положеніе трибуновъ было нелегкое, прежде всего, потому, что въ Римѣ законы не были обнародованы во всеобщее свѣдѣніе: до сихъ поръ патриціи считали знаніе законовъ исключительною привилегіею своего сословія и существующія нормы держали въ тайнѣ отъ непосвященныхъ глазъ плебеевъ. Понятно, явилось желаніе, чтобы дѣйствующіе законы были записаны и обнародованы, и при томъ при участіи обоихъ сословій, дабы редакція законовъ не оказала предпочтеніе интересамъ одной партіи. Лѣтъ десять подрядъ патриціи сопротивлялись этому справедливому и простому требованію. Охотнѣе дѣлались нѣкоторые другія уступки: такъ, напр., увеличили число трибуновъ съ 5 до 10 и отдали плебеямъ поле на Авентинскомъ холмѣ. Это была первая уступка подобнаго рода, послѣдовавшая вслѣдствіе закона, предложеннаго Ициліемъ (456 до Р. Х.). Для этого правительство отобрало общественную землю у патриціевъ, пользовавшихся ею (по праву оккупации) и роздало плебеямъ. Другой законъ (атернійскій) поставилъ границы произволу консуловъ въ назначеніи денежныхъ пеней установленіемъ максимальнаго размѣра штрафа въ 30 интукъ рогатаго скота и 2 овцы. Но всего этого, конечно, было недостаточно. И только въ виду новой опасности, въ которой очутилось государство, вслѣдствіе набѣговъ вольсковъ и эквовъ, уже стоявшихъ на римской территоріи, была назначена коммиссія изъ десяти членовъ (децемвировъ) срокомъ на одинъ годъ, для написанія и введенія законовъ. Въ эту коммиссію должны были быть выбраны представители обоихъ сословій; на дѣлѣ всѣ десять членовъ были назначены изъ патриціевъ (454 до Р. Х.). Въ первый годъ дѣйствія децемвировъ были составлены «законы десяти таблицъ». Но работа не была еще окончена. При выборахъ на слѣдующій годъ въ коммиссію попалъ нѣсколько человѣкъ плебеевъ (3 или 5); къ прежнему собранію законовъ прибавили еще двѣ новыя таблицы и такимъ образомъ составились «законы двѣнадцати таблицъ».

Исторія этихъ событій безусловно неясна, и дошедшее до насъ повѣствованіе совершенно несостоятельно. Мы не знаемъ даже всего содержанія законовъ двѣнадцати таблицъ. Характернѣе всего, конечно, то, что браки между патриціями и плебеями попрежнему не признаются ими полноправными (*connubium*), а дѣти отъ такихъ браковъ признаются плебеями. (Изъ чего видно, какъ мало осно-

вательны доктринерскіе возгласы о неумѣренныхъ требованіяхъ плебеевъ, которые будто бы не довольствовались никакими уступками).

Съ тѣхъ поръ какъ знаніе законовъ перестало быть тайною одного сословія, плебеямъ дана была возможность лучше вести борьбу за равноправность. Кромѣ того, постояннымъ стимуломъ къ продолженію борьбы должно было служить то, что теперь неравенство было написано на мѣдныхъ доскахъ и доступно глазамъ всѣхъ и каждаго.

Слѣдующимъ успѣхомъ, достигнутымъ плебеями путемъ новаго оставленія города, былъ законъ, принятый по предложенію консуловъ Валерія и Горация во всеобщемъ собраніи центурій и постановлявшій, что рѣшенія плебеевъ по трибамъ имѣютъ обязательную силу для всего народа. Впрочемъ, рѣшенія собраній по трибамъ, вообще постановляемыя только по гражданскимъ дѣламъ, такъ же какъ и приговоръ центурій, нуждались еще въ утвержденіи сената (*patrum auctoritas*). Стало быть, выигранъ былъ небольшой.

Послѣ того плебеи потребовали полноправности браковъ и постановленія, чтобы консулами могли быть избираемы и плебеи. Первое требованіе было, наконецъ, удовлетворено безусловно (445 г. до Р. Х.), второе же лишь съ большими ограниченіями. Народу предоставили каждый годъ выбирать консуловъ по примѣру прежнихъ лѣтъ (т. е. изъ однихъ патриціевъ), или вмѣсто нихъ назначать другихъ сановниковъ, называемыхъ «военными трибунами съ консульскою властью» (*tribuni militum consulari potestate*); послѣдніе могли быть избираемы изъ обоихъ сословія; три военныхъ трибуна замѣняли двухъ консуловъ. Въ случаѣ выбора такихъ трибуновъ, весьма существенная часть консульскихъ обязанностей передавалась новымъ должностнымъ лицамъ—цензорамъ, которые должны были назначаться исключительно, изъ патриціевъ. Послѣдніе распределяли гражданъ по центуріямъ и трибамъ; опредѣляли величину налоговъ, а также производили контроль надъ нравственностью гражданъ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи они не были стѣснены правилами закона, а должны были дѣйствовать исключительно по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Они могли не только подвергать цензорскому замѣчанію, но даже исключать сенаторовъ изъ сената и всякаго гражданина изъ его трибы, чѣмъ и лишали послѣдняго гражданскихъ правъ; равнымъ образомъ они могли переводить гражданъ съ низшаго податнаго оклада на высшій. Такимъ образомъ, эта сдѣлка имѣла свои невыгодныя стороны.

За всѣмъ тѣмъ приниженный и угнетенный народъ пріобрѣлъ теперь значительныя выгоды. Онъ добился ихъ цѣною неустанной борьбы и немалыхъ жертвъ. Патриціи относились всегда съ непримиримымъ озлобленіемъ къ тѣмъ изъ своихъ собратій, которые, по чувству ли справедливости или по благоразумію, старались помочь забитымъ, улучшить свое положеніе. Такъ, уже раньше (485 г. до Р. Х.) погибъ Спурій Кассій, который въ свое третье консульство предложилъ раздать часть общественной земли плебеямъ. Патриціи не только помѣшали осуществленію этого проекта, они обвинили

Спурія Кассія въ мнимомъ или дѣйствительномъ превышеніи власти и, по истеченіи срока его консульства, приговорили его къ смертной казни. Почти столѣтіемъ позже (384 г.) та же участь постигла Марка Маніція, спасителя Капитолія. За его демократическія старанія до раздѣлъ полей народу онъ былъ низвергнутъ съ Тарпейской скалы. Не меньшая опасность грозила и энергичнымъ плебеямъ. Напр., Спурій Мелій, который во время голода сдѣлалъ большія пожертванія въ пользу народа, и черезъ это достигъ большого значенія (435 г.), былъ сперва запутанъ въ уголовный процессъ, а потомъ, когда предстояло судебное разбирательство, публично, на глазахъ диктатора, убитъ на форумѣ однимъ фанатикомъ-патрищемъ.

Въ критическія моменты дѣлались народу уступки, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствіе ихъ, по возможности, ослаблялось или парализовалось патриціями. Упрекъ этотъ основанъ не на единичныхъ случайныхъ явленіяхъ, а на непрерывномъ рядѣ фактовъ. Такъ, напр., существовали *de jure* трибуны съ консульскою властью, замѣнявшіе прежнихъ консуловъ. На дѣлѣ патриціи ежегодно поднимали по этому поводу споры, требуя избранія консуловъ, а не военныхъ трибуновъ, и въ результатъ оказалось, что за 35 лѣтъ (съ 444 по 409 г.) только 15 разъ были назначаемы военные трибуны. Этого мало, всяческими интригами патриціи добились еще того, что во всѣхъ этихъ случаяхъ ни разу не былъ выбранъ въ число трибуновъ съ консульскою властью плебей. Вообще до 400 г. (до нашей эры), т. е. въ продолженіе 44 лѣтъ, были назначаемы 23 раза трибуны съ консульскою властью, и всякій разъ удавалось патриціямъ фактически устранить плебеевъ отъ избранія на эту должность. Только въ 400 и 399 гг., т. е. два года подрядъ, и потомъ въ 396 г. плебеямъ удалось провести въ этотъ санъ людей ихъ сословія и при томъ каждый разъ по два человѣка, такъ что въ этихъ случаяхъ плебеи явились преобладающимъ элементомъ въ трибунахъ съ консульскою властью.

Аграрнымъ спорамъ не было конца. Плебеи уже считали вопіющей несправедливостью исключительное присвоеніе патриціями государственной земли въ Римѣ; теперь недовольство росло съ каждымъ новымъ завоеваніемъ. Оба сословія въ равной мѣрѣ проливали кровь на войнѣ, такъ почему же главная добыча—земля, отнятая у побѣжденныхъ, — предоставлялась одному сословію на условіяхъ, гораздо болѣе выгодныхъ, чѣмъ другому?

До взятія большого этрускаго города Веій (396 г. до Р. Х.) завоеванія римлянъ были незначительны; теперь римская область сразу удвоилась въ своемъ объемѣ; тѣмъ не менѣе нравительство относительно плебеевъ долго ограничивалось одними пустыми обѣщаніями, прибѣгало къ помощи жрецовъ и, пользуясь религиозными предразсудками, оттягивало на неопредѣленное время производство новаго ценза (т. е. составленіе всеобщей переписи по сословіямъ и размѣру имущества) и тѣмъ откладывало дѣло въ долгій ящикъ.

Наконецъ, послѣ упорной десятилѣтней борьбы, народный трибунъ Гай Лициній Столонъ въ 366 г. провелъ важную реформу. Приняты были три новыхъ закона. Первый обдѣлчилъ положеніе должниковъ тѣмъ, что изъ суммы долга вычитались уплаченные проценты. Второй законъ постановлялъ, что никто не имѣетъ права имѣть въ наслѣдственномъ пользованіи болѣе 500 югеревъ (около 100 десятинъ) общественной земли (*ager publicus*); этимъ постановленіемъ привлекалось большее число гражданъ къ пользованію имуществомъ (до полной частной собственности законъ этотъ не относился). Наконецъ, третій законъ отмѣнялъ трибунатъ съ консульскою властью и восстанавливалъ безусловно прежній санъ консула, съ тѣмъ важнымъ дополненіемъ, что однимъ изъ консуловъ долженъ быть непременно плебей. Уступая этому требованію, патриціи поставили условіемъ, что весьма существенная доля консульской власти—городской судъ—отошла, подъ названіемъ претуръ, къ особымъ сановникамъ (преторамъ), назначаемымъ изъ патриціевъ. Кромѣ того, привилегією послѣднихъ оставалась цензура и (чему обыкновенно не придають должнаго значенія) жреческія должности.

Послѣ этого успѣха плебеевъ, теряли все болѣе свою силу и прочія черты неравенства сословій, за весьма немногими исключеніями. Уже въ первый годъ по введеніи законовъ Лицинія, должность курульныхъ эдиловъ перестала быть монополіею патриціевъ; въ 356 г. плебеи получили доступъ къ диктатурѣ, въ 351 г.—къ цензурѣ, а въ 337 г. пала, наконецъ, привилегія патриціевъ и относительно претуръ. Законъ консула Нублилія Филона, установленный въ 339 г., объявилъ народные приговоры по центуріямъ независимыми отъ согласія сената, а въ 313 г. была воспрещена отдача римскихъ гражданъ въ работу за долги. Этимъ устранялся послѣдній остатокъ старинныхъ жестокихъ законовъ о долгахъ. Впрочемъ, и теперь не обходилось безъ попытокъ помѣшать фактическому осуществленію реформъ въ пользу плебеевъ или нарушить данныя обѣщанія. Много еще предстояло борьбы. Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ принятія лициніевыхъ законовъ, были выбраны консулами два патриціи, вмѣсто одного патриція и одного плебея—прямое нарушеніе важнѣйшаго постановленія этихъ законовъ. Есть также извѣстіе о народномъ волненіи въ 342 г., хотя мы не знаемъ его ближайшихъ причинъ. И только черезъ 66 лѣтъ послѣ изданія Лициніевыхъ законовъ, законъ Огульнія открылъ плебеймъ доступъ въ должность понтифексовъ и авгуровъ, а первое назначеніе плебея на должность цензора состоялось не ранѣе 280 г. Законное препятствіе было устранено, но предрасудки продолжали оказывать свое вліяніе. Нѣкоторыя должности навсегда оставались монополіею патриційскихъ фамилій: таковы были старинныя жреческія должности салиевъ («прыгуновъ»), полевыхъ братьевъ (*fratres arvales*), феціаловъ и царя священнослуженія. Старинная родовая знать видѣла въ этомъ свое почетное право, но съ тѣмъ вмѣстѣ вполне сознавала, какую власть она могла незамѣтно извлекать изъ подобныхъ религіозныхъ должностей.

Такимъ образомъ, въ общемъ осуществилось великое преобразование: произошло сліяніе двухъ народныхъ особей, нѣкогда враждебныхъ другъ другу, сліяніе побѣдителей и побѣжденныхъ, господъ и подвластныхъ, привилегированныхъ и презираемыхъ; отнынѣ тѣ и другіе являются членами одной и той же націи и сами чувствуютъ себя таковыми. Ограниченные доктринеры и теперь еще осуждаютъ ненасытность плебеевъ, неумѣренность ихъ нескончаемыхъ требованій и негодность мнимаго владычества черни. Въ дѣйствительности плебеи съ самаго начала не требовали болѣе того, что должно быть первымъ и самымъ естественнымъ желаніемъ каждаго класса народонаселенія, не подавившаго въ себѣ стремленія къ свободѣ; они домогались равенства правъ при равенствѣ повинностей. Побѣдѣ плебеевъ обязанъ Римъ своимъ процвѣтаніемъ и величіемъ. Если бы патриціямъ удалось поработить загнанный классъ, Римъ не оправился бы дослѣ пораженія при Каннахъ, не избѣгнулъ бы участи многихъ другихъ городовъ; въ лучшемъ случаѣ онъ влачилъ бы жалкое существованіе, особенно при постоянномъ уменьшеніи числа лицъ привилегированныхъ и при общемъ духовномъ упадкѣ, какъ неизбѣжномъ слѣдствіи системы насилія. Теперь же развился въ Римѣ новый классъ, сильный числомъ, дѣятельный и закаленный въ борьбѣ; онъ сталъ настоящею основою государства и сообщилъ всему государственному организму небывалую силу и крѣпость.

Теперь перейдемъ къ бѣглому обзору внѣшнихъ событій. Военная исторія эпохи царей для насъ не имѣетъ никакого значенія уже потому, что она лишена твердой почвы; о послѣдующемъ періодѣ можно сказать въ двухъ словахъ, отчасти по той же причинѣ, отчасти потому, что, несмотря на безмѣрную хвастливость римскихъ историковъ, дѣло касается въ большинствѣ случаевъ мелкихъ стычекъ, не имѣющихъ никакого всемірно-историческаго значенія. По всему видно, что сабелльскіе народы—воища ~~и~~ аквы—долго сражались съ соединившимися противъ нихъ латинами, римлянами и герниками. Война, повидимому, велась съ переменнымъ счастьемъ. Но уже тогда (а еще болѣе въ слѣдствіи) римляне, по отношенію къ другимъ народамъ, руководились не чувствомъ справедливости, а единственно выгодною, и притомъ отличались крайнею жестокостью.

Въ это время своеобразный и замѣчательный этрусскій народъ уже вышелъ изъ своего воинственнаго періода; онъ переживалъ эпоху миролюбія, почти утомленія. Сообразно всему ходу своего развитія, римляне возымѣли особенное желаніе усилиться насчетъ именно этихъ своихъ сосѣдей. Началась война съ богатымъ городомъ Веями. Спротивленіе было упорно, и римляне не разъ терпѣли неудачи и бѣдствія, хотя остальные этруски держались нейтралитета. Послѣдніе сдѣлали обычную въ исторіи ошибку: вмѣсто того, чтобы общую опасность отразить общими силами, они своимъ бездѣйствіемъ помогли врагу напасть на нихъ по одиночкѣ, въ удобное время, и разбить поочередно всѣхъ. Послѣ десятилѣт-

ней (по преданію) осады Веи пали и были разрушены до основанія (въ 396 г. до нашей эры). Это было первое крупное завоеваніе римлянъ; ихъ область удвоилась; они приобрѣли громадныя богатства, небольшое прежде число ихъ рабовъ также получило значительный приростъ. Впрочемъ, къ 21 римскимъ трибамъ, несмотря на протяженіе и плодородіе страны, были прибавлены только четыре новыя.

Въ общемъ исторія войны съ Веями, какъ о ней повѣствуютъ римскіе историки, есть, очевидно, слабое подражаніе греческому сказанію о троянской войнѣ.

Спустя шесть лѣтъ послѣ паденія Веи (390 г. до Р. Х.) Римъ неожиданно очутился на краю гибели. Кельтскія племена, пришедшія въ Галлію (Францію), разлитыя по сѣверной Италіи, покоряли городъ за городомъ, область за областью, грабили, жгли и опустошали все на своемъ пути. Одно изъ ихъ племенъ, сенонское, проникло въ среднюю Италію, и его орды черезъ землю этрусковъ двинулись прямо на римскую область. При рѣчкѣ Алліи, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Рима, произошло сраженіе. Римское войско было разбито на голову и большая часть его истреблена. Для жителей Рима годовщина этого пораженія навсегда осталась днемъ несчастнымъ, днемъ скорби, подобно тому, какъ для иудеевъ день разрушенія Иерусалима. Испугъ и ужасъ убили въ римлянахъ всякое мужество. Всѣ бѣжали изъ города. Галлы сперва разграбили, а потомъ сожгли его. Устоялъ одинъ крѣпкій Капитолій; сеноны были неискусны въ веденіи осады, а потому не могли его взять. Тогда они, забравъ добычу, ушли. Римляне всячески украсили преданіе объ этихъ событіяхъ отчасти завѣдомо-живыми подробностями; въ общемъ дѣло происходило, вѣроятно, такъ, какъ мы его здѣсь намѣтили.

Любопытно, что какъ въ грекахъ впервые пробудилось сознаніе ихъ національнаго единства благодаря войнамъ съ персами, такъ и въ италійцахъ—благодаря нашествію галловъ. Вторженія галловъ не только заставили италійскіе народы тѣснѣе сомкнуться, но и положили начало преобладанію и владычеству Рима надъ его сосѣдями.

Римляне, бѣжавшіе, главнымъ образомъ, въ Веи, по удаленіи галловъ, возвратились къ развалинамъ своего роднаго города и снова принялись за его постройку. Новыя строенія были бѣдны и жалки—жители были разорены, да и не имѣли вкуса и чувства красоты.

Галлы потомъ еще нѣсколько разъ повторяли свои набѣги на Лаціумъ; они опять пришли лѣтъ черезъ 30 послѣ того разрушенія Рима. Еще въ 295 году удалось имъ въ Этруріи разбить и уничтожить цѣлый легионъ. Уже одно имя галловъ (точно такъ же, какъ впоследствии имя германцевъ) наводило на римлянъ смертельный ужасъ.

Оправившись отъ перваго нашествія галловъ, римляне принялись за дальнѣйшее расширеніе своего могущества. Старинный союзъ свой съ латинами и герниками они старались превратить въ отношенія повелителей къ подчиненнымъ. Военные приказы исхо-

дили изъ Рима, союзники должны были только поставлять свой контингентъ войска; завоеваніями распоряжались римляне, въ дѣлѣ добычи союзники почти не участвовали. Естественно, такое обхожденіе оскорбляло и раздражало ихъ. Латины категорически потребовали равноправности, но римляне съ горделивымъ презрѣніемъ отвергли это требованіе. Такимъ образомъ, въ 341 году вспыхнула великая война съ латинами. Многіе латинскіе города не принимали въ ней никакого участія; и здѣсь римлянамъ помогли недалечковидность и малодушіе тѣхъ, къ покоренію которыхъ они готовились въ недалекомъ будущемъ. При всемъ томъ война была очень опасна для римлянъ, потому что прежніе союзники не уступали имъ въ воинственности. Одно обстоятельство, наконецъ, порѣшило дѣло: латины вообще не составляли одного политическаго цѣлаго, подобно Риму, они образовали только федерацію, не соединяющую членовъ крѣпкими узами на подобіе нынѣшней Швейцаріи, а весьма слабую и непрочную. Поэтому-то латины и были побѣждены, послѣ того какъ римлянамъ удалось ихъ поссорить и разъединить: римляне вообще договаривались съ каждымъ племенемъ порознь (война окончилась въ 338 г.). На этотъ разъ, впрочемъ, побѣдители не злоупотребляли своимъ успѣхомъ, какъ обыкновенно дѣлалось въ тѣ времена, а обошлись съ покоренными необыкновенно мягко. Союзъ латинскихъ городовъ былъ уничтоженъ, его замѣнила такая организація, которая обезпечивала за римлянами безусловное право распоряжаться всѣми военными силами ихъ соплеменниковъ противъ ихъ собственныхъ враговъ; у латиновъ отняли часть ихъ общинной земли, но за то имъ предоставили, по крайней мѣрѣ, полную свободу и автономію въ дѣлахъ внутренняго самоуправления. Политическія хлопоты не были дѣломъ Рима; хотя и преслѣдовалась цѣль государственнаго единства, а не федеративнаго государства, однако въ данномъ случаѣ не прибѣгли сразу къ слишкомъ крутымъ мѣрамъ, а только присвоили себѣ значительные участки общественныхъ земель. Впрочемъ, съ покоренными городами обращались различно; самыхъ выгодныхъ условій добились Тибуръ и Пренесте, которые остались самостоятельными общинами, хотя и должны были связать себя на вѣчныя времена клятвеннымъ союзомъ съ Римомъ. Жители прочихъ мѣстностей получили право римскаго гражданства, но безъ права голоса въ народномъ собраніи (*civitas sine suffragio*), и всѣ частныя права; они могли заключать съ римлянами полноправные браки, приобретать собственность въ столицѣ и вообще совершать всякаго рода сдѣлки купли-продажи. Такимъ образомъ, Латіумъ скоро слился съ Римомъ, можно сказать, «романизировался»; въ нѣсколько десятилѣтій лагины безъ понужденія смѣшались съ римлянами въ одинъ народъ. Это была гуманная политика—для того времени: наше время назвало бы это иначе. Латины превратились въ римлянъ второго или третьяго класса; они несли всѣ повинности римскихъ гражданъ, но не пользовались ихъ правами въ полномъ объемѣ.

Сравнительная снисходительность побѣдителей была, вѣроятно, внушена имъ благоразуміемъ. Почти одновременно съ латин

скою войною возгорѣлись самнитскія войны, которыя съ небольшими перерывами продолжались отъ 343 до 272 года. Какъ это обыкновенно бываетъ съ народами въ болѣе или менѣе первобытномъ состояніи, многочисленному и сильному самнитскому народу не доставало крѣпкой связи, которая бы соединяла его отдѣльными маленькими общинами.

Несмотря на это, война велась съ переменнымъ счастьемъ, такъ что римляне безъ самоотверженной помощи латинъ едва ли одержали бы рѣшительныя побѣды. «Кавдіи»скія ущелья (ущелье) для гордости завоевателей были еще чувствительнѣею раной, чѣмъ пораженіе при Алліи и при Каннахъ, ибо къ пораженію прибавилось еще униженіе и—это слѣдуетъ подчеркнуть—безчестное коварство, запятнавшее римское имя. При Кавдіи римское войско было разбито на голову самнитами въ 321 году, которыми командовалъ талантливый и благородный Г. Понцій изъ Телезіи; римляне были заперты въ ущельѣ. Прорваться и бѣжать было невозможно, пришлось сдаться.

По тогдашнему военному праву, которое сами римляне такъ часто примѣняли съ неумолимою жестокостью, побѣдители могли или перебить всѣхъ побѣжденныхъ до послѣдняго человѣка, или продать ихъ въ рабство. Но великодушный Понцій поступилъ иначе,—къ сожалѣнію, слишкомъ гуманно по отношенію къ римлянамъ. Онъ не стремился покорить Римъ, а потому заключилъ съ плѣнными консулами, квесторами и военными трибунами договоръ, по которому Римъ и Самній признавались независимыми и равноправными государствами; Римъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ посягательствъ на свободу Самніи, и между обоими государствами долженъ былъ царить миръ. Въ предположеніи, что сенатъ признастъ это соглашеніе, въ обезпеченіе котораго оставлены были у самнитовъ заложниками 600 римскихъ всадниковъ *), плѣнныхъ не убили и не продали въ рабство, а дозволили имъ возвратиться на родину; но, по обычаю того времени, побѣжденные должны были отдать оружіе и пройти подъ ярмо, сложенное изъ двухъ копій, воткнутыхъ въ землю, и третьяго, положеннаго сверху. Рассказываютъ, что, по возвращеніи въ Римъ, сами консулы совѣтовали нарушить лично ими же заключенный договоръ. Какъ бы то ни было, сенатъ объявилъ его недѣйствительнымъ, не исполнилъ условій и не вернулъ самнитамъ плѣнныхъ. Война возобновилась еще съ болѣе жестокимъ ожесточеніемъ и попрежнему велась съ переменнымъ счастьемъ. Въ одномъ изъ этихъ позднѣйшихъ сраженій великодушный Понцій былъ взятъ въ плѣнъ, и римляне были настолько низки, что повели его въ своемъ триумфѣ, а потомъ казнили человѣка, который имѣлъ полную возможность покорить ихъ; они не думали о томъ, что этимъ поступкомъ они только увеличили свой позоръ. Нерѣшительныхъ латинъ Римъ умѣлъ держать въ страхѣ. Въ

*) Сословіе всадниковъ образовалось постепенно. Сначала богатые землевладѣльцы изъ плебеевъ служили въ войскѣ всадниками, и притомъ отъ себя ставили лошадей. Впослѣдствіи эти такъ называемые всадники часто занимались денежнымъ маклерствомъ, что и дѣлало ихъ ненавистными.

этомъ случаѣ, какъ и всегда, Римъ возбуждалъ междоусобія тѣмъ, что поддерживалъ аристократическую партію противъ народной, а обѣ эти партіи существовали во всѣхъ городахъ (такъ было, напримѣръ, въ Капуѣ). Благодаря этому римляне оставались побѣдителями. Самній хотя и не былъ окончательно покоренъ, но дѣла во всей Италіи уже приняли такой оборотъ, что безусловное владычество Рима могло быть здѣсь только вопросомъ времени.

Но и греческому элементу пришлось помѣриться оружіемъ съ римскимъ.

Въ это время самой цвѣтущей эллинской колоніей Великой Греціи былъ Тарентъ. Городъ этотъ, подъ вліяніемъ своихъ демократическихъ учреждений, мирно и спокойно развивался и достигъ высокой степени благосостоянія и значительной образованности. Римляне жадными глазами смотрѣли на эту общину. Они старались путемъ искусственно составленной римской, или, что въ podobныхъ случаяхъ было то же самое, путемъ аристократической партіи, утвердиться въ Тарентѣ и затѣмъ овладѣть имъ, но это не привело къ желаемой цѣли. Тогда неутомимые римляне рѣшились на открытое нападеніе (въ 282 г. до Р. Х.). Хотя тарентинцы находились въ союзѣ съ римлянами, тѣмъ не менѣе послѣдніе снарядили десять военныхъ кораблей, которые должны были неожиданно напасть на тарентскую гавань. Это было нарушеніемъ мира, нарушеніемъ международнаго права. Если бы тарентинцы пустили римскія военныя суда въ свою внутреннюю гавань, то ихъ городъ очутился бы во власти ихъ алчныхъ сосѣдей. Но хотя нападеніе было неожиданно, тарентинцы оказали рѣшительное сопротивление; наскоро снарядивъ свои корабли, они напали на неприятеля. Послѣ жаркаго боя, четыре римскихъ судна были потоплены, одно взято, остальные успѣли уйти. Это было дѣло смѣлое и достойное похвалы.

Война была теперь неизбѣжна. Конечно, одинъ городъ не могъ бы бороться съ Римомъ. Поэтому тарентинцы, греки по происхожденію, искали помощи на своей исконной родинѣ; они обратились къ даровитому и отважному искателю приключеній Пирру, царю эпирскому, искусному полководцу, у котораго было войско, организованное по македонскому образцу. Въ 280 году онъ вступилъ въ Италію. При Горукулѣ римляне потерпѣли полное пораженіе, но выказали твердость, отказавшись отъ мира, невыгоднаго для ихъ завоевательныхъ стремленій. Но и во второмъ сраженіи (при Авеккулѣ) римляне были разбиты на голову. Приписываемыя побѣдителямъ и столь часто повторявшіяся слова: «еще одна такая побѣда, и я погибъ», безъ сомнѣнія, относятся къ области безчисленныхъ римскихъ легендъ. Теперь римляне не надѣялись болѣе на свои собственныя силы и заключили союзъ съ карфагенянами, народомъ, соперничество котораго ихъ прежде такъ беспокоило и съ которымъ имъ предстояло вступить въ упорную борьбу.

Въ это время карфагеняне завладѣли Сицилією. Тамонніе греки также просили Пирра о помощи, и онъ былъ тѣмъ болѣе склоненъ оказать ее, что предпріятіе это льстило его честолюбію

и отвѣчало его плану основанія могущественнаго государства. Пирръ былъ женатъ на дочери того самаго Агаѳокла, который хотя и былъ сыномъ горшечника, но завладѣлъ цвѣтущими Сиракузами и оттуда сдѣлалъ нападеніе на кароагенскія владѣнія въ Африкѣ; сначала онъ имѣлъ успѣхъ, но потомъ былъ разбитъ и умерщвленъ греками, какъ тиранъ. Союзъ кароагенянъ съ римлянами могъ казаться Пирру прямымъ вызовомъ, и онъ рассчитывалъ, что по изгнаніи кароагенянъ изъ Сициліи и покореніи имъ этого богатаго острова, римляне не въ силахъ будутъ противостоять его могуществу.

Дѣйствительно, сицилійскіе греки привѣтствовали эпирскаго царя какъ освободителя отъ африканскаго господства. Онъ покорилъ себѣ весь островъ, за исключеніемъ Лилибея. Кароагеняне изъявили готовность отказаться отъ всѣхъ завоеваній, если имъ оставить эту приморскую крѣпость. Но отсюда могли постоянно возобновляться завоевательные набѣги, а потому Пирръ потребовалъ, чтобы кароагеняне совершенно очистили Сицилію. Но военное счастье измѣнилось ему; царь принужденъ былъ снять осаду Лилибея; у многихъ грековъ пробудилось естественное чувство неприязни къ узурпатору, «тирану»; къ тому же становилось все необходимѣе его присутствіе на италійскомъ континентѣ. Онъ возвратился туда послѣ почти трехлѣтняго отсутствія (276). Но моральная сила его войска была поколеблена, тогда какъ римляне тѣмъ временемъ успѣли окрѣпнуть. У Пирра было наемное, хотя и хорошо обученное, войско; у римлянъ была прекрасная милиція, т. е. граждане-воины, которые сражались за отечество, за семью, за свой очагъ; и здѣсь опять выказалось рѣшительное преимущество милиціи. Битва при Бевейтѣ кончилась пораженіемъ Пирра. Онъ послѣдшилъ къ себѣ на родину, оставивъ гарнизонъ для защиты Тарента. Вскорѣ онъ погибъ въ новомъ походѣ противъ Македоніи, а оставшіеся въ Тарентѣ эпирскій полководецъ Милонъ сдалъ этотъ городъ римлянамъ, которые оставили Таренту, какъ и нѣкоторымъ другимъ греческимъ городамъ, по крайней мѣрѣ, его внутреннее самоуправленіе.

Теперь римляне принялись за укрѣпленіе своего владычества въ землѣ этрусковъ. Въ цвѣтущемъ, богатомъ произведеніи искусства, городѣ Вольсиніяхъ, въ то время, какъ кажется, союзномъ городѣ Этруріи, они, по обыкновенію, поддерживали аристократическую партію противъ народной. Дѣло дошло до раздоровъ и войны; римляне осадили, взяли и разрушили этотъ чудный и цвѣтущій городъ.

Кромѣ цисальпинской Галліи (Верхней Италіи), которая въ то время не причислялась къ Италіи, весь полуостровъ повиновался приказаніямъ, исходящимъ съ береговъ Тибра; впрочемъ, различнымъ областямъ была, на первыхъ порахъ, оставлена хоть тѣнь самостоятельности.

Слѣдующій періодъ ознаменовался для Рима такою борьбою, какой ему еще не приходилось выдерживать. Это были три пуническія войны (римляне называли кароагенянъ пуниѳцами, т. е. финикіянами), которыя съ двумя большими перерывами продолжались болѣе столѣтія (съ 264 по 146 г. до на-

чала нашего лѣтосчисленія). Эти войны интереснѣе другихъ войнъ, не только по тѣмъ страшнымъ усиліямъ, съ которыми онѣ велись, и по той геніальности, которая въ нихъ проявилась, но еще и по тому, что ими были рѣшены вопросъ, которая изъ двухъ культуръ возьметъ верхъ—карфагенская или, вѣрнѣе сказать, семитическая, или арійская; изъ нихъ, впрочемъ, послѣдняя стояла у римлянъ еще на очень низкой ступени развитія. Африка и Европа боролись за обладаніе міромъ. При такой постановкѣ вопроса военныя событія получаютъ и для исторіи культуры особенно выдающееся значеніе.

Огромное протяженіе римскаго государства неизбежно должно было привести къ встрѣчѣ, къ столкновенію съ карфагенянами. То были два государства, повидимому, равной силы. Карфагеняне имѣли преимущество въ томъ, что они господствовали на морѣ, были гораздо богаче, а во время второй войны, рѣшившей участь Карфагена, ими командовалъ полководецъ и государственный человѣкъ, превосходившій талантами всѣхъ своихъ противниковъ. Несмотря на все это, они были побѣждены. Вся остальная Италия стояла гораздо ближе къ Риму, чѣмъ сѣверная Африка къ пунийцамъ: здѣсь семиты всегда оставались чуждою расою. Еще важнѣе были слѣдующія два обстоятельства: въ Римѣ къ этому времени уже окончилась борьба патриціевъ съ плебеями побѣдою послѣднихъ; оба сословія составляли, въ сущности, одинъ равноправный народъ. Если бы одно сословіе сохранило свои прежнія привилегіи, то немислима была бы готовность къ жертвамъ со стороны другого, въ которомъ государство такъ нуждалось, и тогда война приняла бы оборотъ, несчастный для Рима. Другое рѣшающее обстоятельство заключалось въ томъ, что карфагеняне были народъ, которымъ руководили исключительно торговые интересы, народъ недалководный, съ узкими взглядами, и скуной на жертвы, когда онѣ требовались часто; вся военная сила Карфагена опиралась на регулярное наемное войско; военная же сила Рима, наоборотъ,—на прекрасно обученную милицію, въ составъ которой входили всѣ молодые римскіе граждане; каждый изъ нихъ сознавалъ, что послѣдствія пораженія падаютъ на него самого и на его близкихъ.

Первая пуническая война началась въ 264 году и продолжалась до 241 г. до Р. Х., т. е. 23 года. Ближайшимъ поводомъ къ войнѣ послужила Сицилія. Уже одно положеніе этого острова вблизи африканской столицы должно было вызвать въ карфагенянахъ желаніе завладѣть имъ. И дѣйствительно, къ этой цѣли были направлены всѣ ихъ старанія и усилія втеченіе полутора столѣтія. Но въ восточной части этого острова процвѣтали различныя греческія колоніи; въ особенности сильныя Сиракузы. Къ сожалѣнію, эти эллинскіе города, въ томъ числѣ и Сиракузы, поддавали, большею частью, подъ власть тирановъ. Въ Сиракузахъ владычествовали одинъ за другимъ: Гелонъ, оба Діонисія, Агаоклъ и Пиронъ. По временамъ тиранія низвергалась одушевляемыми любовью къ свободѣ патриотами (въ родѣ Тимолеона).

Греко-персидскія войны отозвались и на берегахъ Сициліи. Въ то время какъ Ксерксъ шелъ на Европу, кароагеняне напали на сицилійскихъ эллиновъ. Но Гелонъ нанесъ имъ (по словамъ преданія—въ день Саламинской битвы) сильное пораженіе при Гимерѣ. Мы уже сказали, что Агаоклъ впоследствии напалъ на Африку и, въ первое время, покорилъ сотни кароагенскихъ городовъ. Въ общемъ, греки утвердились на большей, восточной половинѣ Сициліи, а кароагеняне—на меньшей, западной. Во время войнъ, многія области переходили попеременно то къ пунійцамъ, то къ эллинамъ. Главною твердынею первыхъ была крѣпость Лилибей (нынѣшняя Марсала), опорнымъ пунктомъ послѣднихъ были Сиракузы.

Кароагенское войско заняло Мессану (нынѣшняя Мессина). Римскій отрядъ напалъ на городъ и прогналъ кароагенянъ отсюда. Пунійцы, очевидно, мало подготовленные къ войнѣ, были всюду отбиваемы; къ тому же Геронъ, порвавъ свой союзъ съ кароагенянами, перешелъ на сторону ихъ враговъ. Римляне, обладавшіе нѣсколькими ничтожными военными судами, теперь съ необычной энергіей и въ кратчайшее время построили себѣ прекрасный флотъ.

Послѣ нѣсколькихъ сраженій, гдѣ счастье колебалось, римлянамъ удалось разбить кароагенянъ даже на морѣ; они смѣло пошли въ Корсику и Сардинію и, наконецъ (въ 256 г. до Р. X.), подначальствомъ Регула, даже въ Африку. Счастье и здѣсь благоприятствовало имъ. Кароагеняне просили мира, но римскій полководецъ предъявилъ высокомѣрные требованія: кароагеняне должны были не только отказаться отъ собственнаго военнаго флота, но и поставлять римлянамъ корабли. Теперь все зависѣло отъ генеральнаго сраженія. На этотъ разъ римское войско было разбито, уничтожено, самъ Регулъ былъ взятъ въ плѣнъ. На морѣ и въ Сициліи счастье также было на сторонѣ пунійцевъ. Но у римлянъ и на этотъ разъ (какъ обыкновенно въ неблагоприятныхъ условіяхъ) было достаточно твердости—не искать мира, а употребить все средства для продолженія борьбы. Счастье и впоследствии нѣсколько разъ колебалось. Въ Сициліи оно благоприятствовало кароагенянамъ, особенно послѣ того, какъ главнокомандующимъ былъ назначенъ способный и неутомимый Гамилькаръ (до прозванія Барка въ емолия), отецъ Ганнибала. Патриціи и многіе малолетущіе граждане впади въ уныніе; жертвъ войны было такъ много, что общее число римскихъ гражданъ за пять лѣтъ уменьшилось на одну шестую*). Но народная масса не падала духомъ: она проявляла безпримѣрную дѣятельность въ то время, какъ африканскій непріятель истощалъ свои силы, или воображалъ, что это такъ. Заключение было миръ. Условія не были слишкомъ тяжелы; обѣ стороны договаривались въ качествѣ равноправныхъ. Кароагеняне отказались отъ Сициліи и заплатили 3200 еврейскихъ талантовъ (около 8 милліоновъ рублей) военныхъ издержекъ, но сохранили полную независимость. Римъ и Кароагенъ взаимно обязались не нападать на сво-

*) По цензу 252 г. до Р. X. числилось 297797 римскихъ гражданъ, а по цензу 247 г.—только 251222.

ихъ союзниковъ. Это былъ миръ, справедливый по отношенію къ обѣимъ сторонамъ. Но при данныхъ условіяхъ соперничества между обоими государствами, договоръ этотъ не привелъ къ неизбѣжной развязкѣ, а только отерочилъ ее. Война была прервана съ тѣмъ, чтобы быть возобновленною при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ. Въ дѣйствительности это былъ не миръ, а только перемиріе.

Такъ понималъ положеніе дѣлъ проницательный Гамилькаръ. совѣтуя своимъ согражданамъ кароагенянамъ принять этотъ, такъ называемый, миръ. Онъ понималъ необходимость самыхъ коренныхъ реформъ для Кароагена и могъ надѣяться привести ихъ въ исполненіе, находясь во главѣ народа и ратуя противъ олигархической партіи. Соглашеніе было, сравнительно, выгодно для кароагенянъ, что и увидѣли римляне въ скоромъ времени. Тогда они дали волю своей досадѣ самымъ подлымъ, каверзнымъ образомъ и, какъ мы сейчасъ увидимъ, открыто нарушили только что заключенный договоръ.

Кароагену вообще не удалось приняться тотчасъ же за исцѣленіе старыхъ язвъ. Наемничество прибавляло къ прежнимъ язвамъ еще новыя. Господствовавшая въ то время въ Кароагенѣ партія съ чисто торгашескою мелочностью хотѣла уменьшить жалованіе, слѣдующее солдатамъ, вернувшимся съ похода. Это было поводомъ къ ужасному возмущенію солдатъ. Почти всѣ города сѣверной Африки поддерживали мятежниковъ; притѣсненія, производимыя купеческою аристократіею, во всей странѣ, принесли горькіе плоды. Инсургенты составили войско въ 70000 человекъ и производили ужаснѣйшія злодѣйства, иногда съ прямою цѣлью отрѣзать возставшимъ всякій легальный путь, послѣ того какъ они становились соучастниками бунта. Но, какъ только народной партіи удалось передать управленіе въ руки Гамилькара, безъ труда было подавлено возстаніе, грозившее погубить все государство. Кароагенъ испыталъ сильное потрясеніе и былъ опустошенъ. Возстаніе длилось почти четыре съ половиною года. Заслуга Гамилькара въ этомъ трудномъ дѣлѣ была велика: онъ спасъ государство.

Тѣмъ временемъ Кароагену нанесенъ былъ другой гяжелый ударъ: возстаніе наемниковъ распространилось на островъ Сардинію. Островитяне стали прогонять необузданныя шайки. Но тогда эти послѣднія призвали на помощь римлянъ, которые, послѣ нѣкотораго колебанія, вѣрломно завладѣли островомъ. Вскорѣ они взяли и Корсику. Слабый Кароагенъ ничему не могъ препятствовать.

Но Гамилькаръ сумѣлъ открыть новые источники благосостоянія и могущества для своего отечества. Онъ хотѣлъ покорить Италію, которая должна была вознаградить Кароагенъ за понесенныя потери; тамъ онъ надѣялся добыть деньги и составить хоршее войско, чтобы затѣмъ съ успѣхомъ возобновить прерванную войну съ римлянами.

Въ 237 году Гамилькаръ отправился въ Испанію и то, что онъ успѣлъ тамъ совершить въ слѣдующія девять лѣтъ, кажется почти невѣроятнымъ. Покореніе края шло исподлинскими шагами. Возникали города (напр., Новый Кароагенъ или Картагена) и от-

крывались богатые серебряные рудники. Въ одной изъ битвъ Гамилькарь палъ; его мѣсто занять не менѣе дѣятельный вѣтъ его Газдрубалъ. Газдрубалъ въ теченіе слѣдующихъ восьми лѣтъ съ умомъ и усѣлхомъ продолжалъ дѣло. Рука убійцы положила конецъ его жизни. Тогда (въ 221 году) войско избрало, а кароагенскій народъ утвердилъ главнокомандующимъ сына Гамилькара 22-лѣтняго Ганнибала (шурина Газдрубала). Это былъ человекъ выдающихся талантовъ. Съ пламенной любовью къ отечеству онъ соединялъ всестороннюю осмотрительность, съ гениальнымъ умомъ — неослабную энергію; при этомъ онъ отличался неутомимой дѣятельностью, изобрѣтательностью и непоколебимою силою характера.

Въ Римѣ не безъ зависти смотрѣли на расширеніе кароагенскаго владычества въ Испаніи, но врядъ ли вполне понимали его значеніе. Римская гордость удовлетворялась тѣмъ, что кароагеняне дали обещаніе не идти за рѣку Эбро. Между тѣмъ сами римляне принялись покорять въ это время галловъ и иллирійцевъ въ Верхней Италіи.

Ганнибалъ понималъ необходимость быстрога рѣшенія. Цисальпинскіе галлы пока еще противились ненавистному римскому господству; Иллирія, Эпиръ, Македонія и Сиракузы также могли еще содѣйствовать отраженію общаго врага — Рима. Главное — надо было помѣнать неприятелю выбрать благоприятный моментъ для открытія военныхъ дѣйствій.

Тотчасъ по своемъ назначеніи главнокомандующимъ, Ганнибалъ принялся упрочивать кароагенское господство въ Испаніи и расширять его тамъ, гдѣ это казалось надобнымъ. На это потребовалось полтора года. Затѣмъ онъ сдѣлалъ шагъ, который римляне должны были принять за вызовъ. Онъ воспользовался споромъ жителей Сагунта (колонія, основанной греками) съ однимъ народомъ, дружнымъ съ кароагенянами, и осадилъ этотъ городъ. По всей вѣроятности Сагунтъ вступилъ въ союзъ съ Римомъ изъ ненависти къ африканцамъ. Благоразуміе подсказывало Ганнибалу не оставлять у себя въ тылу этого важнаго пункта съ враждебнымъ населеніемъ, потому что римляне имѣли бы въ немъ постоянное высадочное мѣсто, откуда и предпринимали бы нападенія на важнѣйшую провинцію кароагенянъ. Но сагунтяне оборонялись съ мужествомъ, которое вошло въ поговорку. Противъ ожиданія Ганнибала осада затянулась. Но хотя она и продолжалась восемь мѣсяцевъ, ожидаемая Сагунтомъ помощь съ Тибра не приходила. Римляне въ это время воевали въ Иллиріи. Оставленный на произволь судьбы, Сагунтъ палъ.

Успѣхъ этотъ и добыча, доставшаяся кароагенянамъ въ завоеванномъ городѣ, доставили Ганнибалу средства преодолѣть тѣ затрудненія, которыя встрѣтили было его планы въ самомъ Кароагенѣ: главныя препятствія представились ему какъ въ лицѣ того класса гражданъ, который въ своей торгашеской узости думалъ только о ближайшемъ будущемъ, такъ и въ лицѣ враждебныхъ Ганнибалу аристократовъ. Для Ганнибала было ясно, что Кароагенъ и его культура погибнуть, если не удастся теперь же сломить римское могущество.

Напасть на римлянъ можно было съ успѣхомъ только въ самой Италіи. Но на морѣ господствовали уже не карагеняне, а римляне; къ тому же у карагенянъ не было пристани на италійскомъ полуостровѣ. Поэтому Ганнибалъ рѣшился на отважное предпріятіе—перейти черезъ Пиренеи и Альпы. Ничего подобнаго міръ еще не видалъ. И теперь еще походъ Наполеона, предпринятый двѣ тысячи лѣтъ спустя (въ 1800 г.), и притомъ только изъ Франціи въ Италію (Маренго) считается великимъ подвигомъ. Карагенскому полководцу пришлось совершить гораздо болѣе длинный и несравненно труднѣйшій путь, притомъ съ солдатами, набранными, болышею частью, въ жаркой Африкѣ; ему нужно были вести черезъ горы лошадей и слоновъ, онъ не былъ знакомъ съ мѣстностью такъ, какъ ее знаютъ теперь и, разумѣется, не обладалъ тѣми безчисленными вспомогательными средствами, какими располагалъ французскій полководецъ.

Тѣмъ не менѣе предпріятіе Ганнибала отнюдь нельзя назвать фантастическимъ походомъ, предпринятымъ зря и на авось. Планъ его былъ смѣлый, но хорошо обдуманннй, а не сумасбродный. Удивительно, съ какою дальновидностью карагенскій полководецъ взвѣсилъ предварительно все обстоятельства, какъ онъ разсчиталъ все выгоды, какъ успѣлъ обойти или по крайней мѣрѣ ослабить все затрудненія.

Для Ганнибала было важно появиться именно въ центрѣ Верхней Италіи. Здѣсь жили галлы, неоднократно побѣждаемые римлянами, но все еще не покоренные ими окончательно. Они съ глубокимъ озлобленіемъ несли римское иго. Несмотря на трудности сообщенія въ тѣ времена, Ганнибалъ еще изъ Италіи вошелъ въ сношеніе съ этими «цисальпійцами»; онъ получилъ отъ нихъ свѣдѣнія о пути и весьма понятное увѣреніе въ наилучшемъ приемѣ, если онъ придетъ освободить галловъ отъ римлянъ. Въ то же время карагенскій вождь старался поднять противъ римлянъ народы, жившіе на востокъ отъ Италіи, въ особенности македонянъ, а также сицилійскихъ грековъ, и вообще подстрекалъ къ войнѣ и возстанію всехъ враговъ Рима.

Римляне сперва не понимали всей опасности, которую готовила имъ геніальность ихъ противника. Они думали о новой высадкѣ въ Африкѣ, въ то время какъ Ганнибалъ уже шелъ на италійскій полуостровъ.

Римъ располагалъ въ то время, включая колоніи, приблизительно 250000 пѣшихъ и 23000 конныхъ вооруженныхъ гражданъ. Если причислить сюда союзниковъ, то римляне располагали войскомъ въ 770000, или, по другому разсчету, приблизительно въ 650000 человекъ; десятая или двѣнадцатая часть этихъ людей могла служить въ конницѣ. Войско Ганнибала, набранное въ Испаніи, опредѣляется въ 90000 пѣхоты и 12000 конницы, но значительную часть этого войска надо было оставлять гарнизонами въ Испаніи; другую часть солдатъ полководецъ распустилъ по домамъ какъ ненадежныхъ, такъ какъ они не хотѣли и слышать о предстоящемъ чудовищномъ предпріятіи; наконецъ, битвы съ наро-

дами между Эбро и Пиренеями стояли многихъ человеческихъ жертвъ.

Такимъ образомъ, при переходѣ черезъ Пиренеи, войско Ганнибала состояло изъ 50000 человекъ пѣхоты и 9000 конницы (съ 37 слонами). Это было отборное войско, двѣ трети котораго составляли африканцы, а остальную часть — преимущественно испанцы. Ганнибалъ перешелъ Пиренеи и прошелъ черезъ Галлію до Роны; здѣсь онъ встрѣтился съ римскимъ консуломъ Корнелиемъ Сципіономъ, который воображалъ, что карфагеняне еще въ Испаніи. Пунійскій полководецъ, не желая здѣсь вступать въ битву, обманулъ римскаго вождя, счастливо переправился черезъ рѣку, достигъ подошвы Альпъ и перешелъ эти горы при помощи проводниковъ, присланныхъ ему цисальпійскими галлами. Путь его былъ тотъ самый, по которому галлы привыкли ходить въ Италію (по всей вѣроятности, черезъ Малый Сень-Бернардскій проходъ) и длился 15 дней: 9 дней поднимались на горы, 6 дней спускались внизъ. Ужасны были трудности, которыя приходилось преодолевать въ борьбѣ съ природой и съ враждебными племенами. Когда войско перешло на другую сторону Альпъ, въ немъ оказалось только 20000 пѣхоты и 6000 конницы, изнуренныхъ и усталыхъ. Внезапное нападеніе римлянъ положило бы, вѣроятно, конецъ этому походу. Но этого не случилось. Карфагеняне стояли теперь въ Италиі, въ плодородной странѣ, у своихъ союзниковъ, галловъ. (Поразительна указанная выше убыль конницы, въ этомъ трудномъ походѣ, сравнительно, ничтожная).

Войско уже успѣло отдохнуть до перваго столкновенія при рѣкѣ Тизиднѣ. Римляне, подъ начальствомъ Сципіона, были опрокинуты. Другой консулъ, Семпроній, соединилъ свое войско съ войскомъ Сципіона. Большая битва при Требинъ окончилась полнымъ пораженіемъ обоихъ консуловъ. Римляне отерли Верхнюю Италію, Ганнибалъ вернулся въ Среднюю. Все это произошло еще до истеченія 218 года. Въ слѣдующемъ году Ганнибалъ столкнулся съ ловымъ войскомъ непріятеля, подъ начальствомъ консула Фламинія, у Тразименскаго озера (нынѣшнее озеро Перуджіа). Римское войско было уничтожено, самъ консулъ палъ въ битвѣ. Въ виду своего критическаго положенія, римляне избрали диктатора, давъ этотъ санъ Квинту Фабію, который, несмотря на всѣ хитрости своего противника, не уступалъ въ битву, а старался, главнымъ образомъ, дисциплинировать свое вновь сформированное войско и подбить пунійцевъ проволочками и затягиваніемъ войны (отсюда прозвище Фабія — cunctator, т. е. медлитель). Карфагеняне между тѣмъ обсадили всю Италію. Наконецъ, въ 216 году имъ удалось принудить римлянъ къ сраженію, при Каннахъ, въ Нижней Италиі. Римлянами командовали два консула: Эмилій Павелъ и Теренцій Варронъ. На ихъ сторонѣ былъ значительный перевѣсъ войска: 80000 человекъ пѣхоты и 6000 конницы; у Ганнибала было только 40000 человекъ пѣхоты и 10000 конницы. Тѣмъ не менѣе битва окончилась полною побѣдою карфагенянъ: 70000 римлянъ было убито, 10000 были взяты въ плѣнъ; въ числѣ убитыхъ былъ и

консулъ Эмилиј Павелъ, Варрону съ небольшимъ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человекъ удалось спастись. Это было ужаснѣйшее изъ всѣхъ поражений, когда либо испытанныхъ римлянами. Однакожь оно не рѣшило исхода войны.

Историки утверждали, что, если бы Ганнибалъ немедленно пошелъ на Римъ, онъ взялъ бы его безъ особеннаго труда. Но карагенскій полководецъ, всегда такъ правильно опредѣлявшій силы своихъ противниковъ и не пугавшійся никогда ихъ численнаго превосходства, безъ сомнѣнія, зналъ, что Римъ, благодаря своей милиціонной системѣ, все еще обладалъ достаточной военной силой въ лицѣ уцѣлѣвшихъ гражданъ; кромѣ того Римъ, благодаря крѣпости своихъ окоповъ, не могъ быть взятъ приступомъ, при тогдашнихъ, крайне несовершенныхъ способахъ веденія осады крѣпостей. Поэтому главною заботою Ганнибала было заставить союзниковъ отложиться отъ Рима. Къ этому и были направлены все старанія Ганнибала съ момента вступленія его на италійскую почву. Послѣ первыхъ же побѣдъ, онъ безъ всякаго выкупа отпустилъ илѣнныхъ союзниковъ Рима, заявивъ, что ведетъ войну только противъ Рима, а не противъ другихъ италійскихъ народовъ. Однако стараніе оторвать эти народы отъ союза съ Римомъ не увѣчались особеннымъ успѣхомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что города оставались вѣрны римлянамъ, потому что боялись ихъ мести; но, кромѣ того, полагаемъ, имѣли важное вліяніе два другія условія, на которыя не указывалось въ прежнихъ историческихъ руководствахъ, а именно—антипатія италійцевъ къ карагенянамъ, какъ совершенно чуждой имъ національности и расѣ (семитической), а также ихъ отвращеніе къ союзникамъ карагенянъ—галламъ, которыхъ италійцы боялись и ненавидѣли.

Изъ числа болѣе значительныхъ городовъ, одна богатая, роскошная Капуя вступила въ союзъ съ Ганнибаломъ. Нѣсколько другихъ городовъ онъ завоевалъ. Галламъ удалось въ Верхней Италіи уничтожить высланное противъ нихъ римское войско, но силы карагенскаго полководца все болѣе ослаблились и истощались, такъ какъ каждая его побѣда покупалась большими жертвами, а убывавшіе ряды не пополнялись новыми. Въ Карагенѣ враждебная ему партія скупилась; говорили: онъ побѣдилъ, значитъ онъ не нуждается въ подкрѣпленіи. Италія также не пополняла въ достаточной мѣрѣ его войска и въ особенности его уменьшающихся кадровъ.

Въ 212 году Ганнибалу удалось завладѣть важнымъ для него Тарентомъ и, такимъ образомъ, добыть наконецъ надежную морскую гавань. Въ Сиракузахъ пунійская партія также одержала побѣду. Тогда римляне быстро подступили къ этому городу; послѣ весьма знаменательной осады, онъ былъ взятъ штурмомъ, причѣмъ былъ убитъ знаменитый Архимедъ. Все художественныя богатства этого города были увезены въ Римъ. Еще хуже было то, что римляне завоевали Капую, гдѣ (какъ всегда въ такихъ случаяхъ) съ вели-

чайшею жестокостью предались мщению. Въ слѣдующемъ (211) году они опять взяли Тарентъ.

Отнынѣ нужны были чрезвычайныя усилія и весь мощный геній Ганнибала, чтобы хоть сколько-нибудь поддерживать равновѣсїе на полѣ битвы. Силы Ганнибала были истощены и онъ надѣялся только на подкрѣпленіе, ожидаемое изъ Испанїи, отъ брата его Газдрубала. Послѣдній, дѣйствительно, перешелъ со своимъ войскомъ Пиреней и Альпы, и (въ 207 г.) достигъ Италїи. Но здѣсь огромное войско римлянъ разбило и совершенно истребило войско Газдрубала, самъ онъ палъ въ битвѣ. Отрубленная голова Газдрубала, брошенная у стана Ганнибала, принесла ему первую вѣсть о печальной судьбѣ экспедиціи, на которую онъ возлагалъ свои послѣдніи надежды.

Тѣмъ временемъ свирѣпствовала война и въ Испанїи. Послѣ ухода Ганнибала, римляне употребляли всевозможныя усилія къ покоренію этого полуострова, но сначала испытывали только неудачи. Подъ начальствомъ двухъ первыхъ Сципіоновъ они терпѣли почти одиѣ только пораженїи. Казалось, страна эта была для нихъ потеряна. Но когда главнокомандующимъ былъ назначенъ молодой, талантливый (хотя слишкомъ ужъ превозносимый) Публий Корнелій Сципіонъ (прозванный впоследствии Африканскимъ), обстоятельства измѣнились. Неискушенные каррагенскіе полководцы давали ему возможность одерживать одну побѣду за другой. Въ концѣ концовъ пунїицы были совершенно вытѣснены изъ Испанїи (но и римское владычество не могло здѣсь упрочиться въ теченіе столѣтїи и возстанїя продолжались).

Покончивъ дѣла въ Испанїи и сформировавъ въ Сициліи новое войско, Сципіонъ отплылъ въ Африку (204 г.), Ганнибалъ получая приказаніе возвратиться на родину. Осенью 203 года онъ покинулъ Италїю—страну своихъ славныхъ подвиговъ, въ которой онъ ко всеобщему изумленію держался въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Переговоры съ Сципіономъ не привели ни къ чему; оружіе должно было быть судьей. Произошло сраженіе при Замѣ (въ 202 г.), въ которомъ войско Ганнибала было почти цѣликомъ истреблено. Теперь ужъ немисливо было серьезное сопротивленіе Риму и въ началѣ 201 года Каррагенъ долженъ былъ подчиниться условїямъ мира, продиктованнымъ Сципіономъ. По этимъ условїямъ каррагеняне должны были отдать римлянамъ всѣхъ своихъ дрессированныхъ слоновъ и весь военный флотъ (оставивъ у себя только 10 судовъ); въ теченіе 50 лѣтъ уплатить римлянамъ 10000 еврейскихъ талантовъ (около 20 милл. рублей), отказаться отъ всѣхъ владѣній, лежащихъ внѣ Африки, возвратитъ престолъ изгнанному нумидійскому царю Масиниссѣ и, наконецъ, не начинать войны безъ разрѣшенїя Рима. Такимъ образомъ, политически Каррагенъ погибъ; предстояла еще матеріальная гибель. Тяжело поплагились и всѣ союзники Ганнибала: Калуга (см. выше) и тѣ греческіе города, которые примкнули къ каррагенянамъ. Больше всего пострадала вся Нижняя Италїя, гдѣ ни одна область не избѣгла совершеннаго разоренїя и опустошенїя. Въ Верхней Италїи кельты были под-

вергнуты систематическому истребленію. Впрочемъ, римская Италия была также страшно опустошена и обезлюжена. Въ самомъ Римѣ, послѣ убыли, понесенной въ первой пунической войнѣ, число гражданъ въ 220 г. опять поднялось до 270213; въ 204 году оно вновь упало до 214000. Но римляне, все-таки, достигли своей главной цѣли: они утвердили свое владычество надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ.

Война съ Ганнибаломъ имѣетъ такое огромное значеніе, что мы должны еще немного на ней остановиться. За все время этой долгой борьбы, Римъ не выдвинулъ ни одного полководца, котораго можно было бы сравнить съ Ганнибаломъ. Всѣ тѣ искаженія историческихъ фактовъ, которыя римскіе историки позволяли себѣ изъ дурно понятаго чувства патриотизма, всѣ эти искаженія, доведенныя ими до очевиднѣйшимъ нелѣпостей, не въ силахъ ни вычеркнуть этого факта, ни затмить дивнаго величія противника римлянъ, опороченнаго ими самымъ недостойнымъ образомъ. Въ новѣйшее время стали критически относиться къ похвальбамъ по адресу Сципіона, возвеличеннаго не по заслугамъ (съ легкой руки, напримѣръ, Полибія). Истинную геніальность, истинное величіе мы найдемъ не у римскихъ полководцевъ, а только въ римскомъ народѣ, да и то только въ смыслѣ стойкаго мужества и непоколебимости; но у того же народа и у знатныхъ вождей его почти всегда и вездѣ прорываются черты хищничества и варварства и нигдѣ не замѣтны черты великодушія, которыя служатъ украшеніемъ образа Ганнибала.

Римъ одержалъ полную побѣду. Уже теперь въ его рукахъ лежала власть надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Но именно послѣдняя война и ея результаты и были началомъ губели побѣдителей. Продолжительная война подорвала старую военную организцію. Многіе римляне совсѣмъ отвыкли отъ гражданской жизни. Военная служба стала ихъ профессіею. Было положено начало постоянному войску и тѣмъ самымъ подготовлена почва для позднѣйшаго единовластія. Такимъ образомъ, побѣда надъ Каррагеномъ принесла въ концѣ концовъ вредъ побѣдителямъ.

Несчастные каррагеняне переносили теперь молча и безропотно всѣ униженія и оскорбленія, наносимыя имъ какъ самими надменными римлянами, такъ и сподвижникомъ ихъ, неистовымъ и алчнымъ Масиниссою. Его орды разорали каррагенскую область, но каррагеняне не смѣли объявить ему войну; затѣмъ онъ отнялъ у каррагенянъ лучшія земли. Напрасны были всѣ жалобы Риму: тамъ нельзя было добиться правосудія.

Но не всѣ каррагеняне жаждали во что бы то ни стало мира на вѣчныя времена. Еще живъ былъ Ганнибалъ. Ему удалось свергнуть господствующую олигархію и установить въ Каррагенѣ правленіе на демократическихъ началахъ; главнымъ же образомъ ему удалось упорядочить финансы устраненіемъ всякаго рода подлоговъ. Враги Ганнибала боялись его и жаловались на него въ Римъ. Говорили, будто онъ вмѣстѣ съ сирійскимъ царемъ Антиохомъ замышляетъ новое нападеніе на Римъ. Въ основаніи этого обвиненія ле-

жала, по всей вѣроятности, нѣкоторая доля правды, ибо оно соотвѣтствовало положенію вещей. Вслѣдствіе этого римляне отправили въ Картагенъ пословъ, которымъ, какъ говорятъ, было дано полномочіе требовать выдачи Ганнибала. Но послѣдній, зная, что его ожидаетъ, избавилъ себя отъ позора: онъ тайно уѣхалъ изъ Картагена. Враги Ганнибала приговорили его къ вѣчному изгнанію, имущество его было конфисковано, а домъ его былъ разрушенъ (195 г.). Вотъ что было наградой величайшему изъ сыновъ Картагена. Ганнибалъ бѣжалъ къ царю Антиоху уговорить его начать смѣлую, энергичную войну противъ общихъ враговъ: онъ видѣлъ въ этомъ единственное средство, которое могло спасти самого Антиоха. Но все было напрасно. Царь велъ себя двулично. При заключеніи мира съ римлянами онъ принужденъ былъ обязаться выдать Ганнибала. Тогда послѣдній бѣжалъ къ воинскому царю Прузію. Но и отъ послѣдняго потребовали выдачи Ганнибала. Увидѣвъ зданіе, въ которомъ онъ находился, окруженнымъ воинами и всѣмъ потайные выходы занятыми стражею, онъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: онъ принялъ ядъ, чтобы не отдаться живымъ въ руки враговъ (183 г. до Р. X.). Ему было 64 года. Въ томъ же году умерли его побѣдитель Сципionъ и благородный грекъ Филоменъ.

Въ Картагенѣ теперь безусловно преобладала партія, которая совѣтовала отказаться отъ всякой политики и заботиться только о своемъ карманѣ; многіе думали серьезно, что отнынѣ можно будетъ безмятежно наслаждаться настоящимъ матеріальнымъ благополучіемъ. Но римляне и ближайшій притѣснитель картагенянъ Масинисса не унимались. Въ сенатѣ могущественнаго города на Тибрѣ старикъ Катонъ каждую свою рѣчь кончалъ извѣстной фразой: *Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*. («За симъ я стою за то, что Картагенъ долженъ быть разрушенъ»).

Впродолженіе полстолѣтія картагеняне переносили насилія и оскорбленія. Но когда въ 150 году Масинисса напалъ на картагенскій городъ Ороскопу и осадилъ его, отчаяніе лобудило ихъ защищаться. Въ глазахъ римлянъ это было нарушеніемъ мира. Картагеняне испугались; они изъявили готовность исполнить всѣ требованія Рима. Но побѣдители поступили до-нельзя вѣроломно. Къ своимъ прежнимъ требованіямъ они постоянно прибавляли новыя. Сначала они потребовали заложниковъ и—больше ничего; потомъ картагеняне должны были выдать все оружіе (въ томъ числѣ 20000 полныхъ доспѣховъ); наконецъ послѣдовало самое тяжелое условіе: жители Картагена получили приказаніе разрушить свой городъ и поселиться не ближе двухъ миль (14 верстъ) отъ моря. Послѣднее требованіе липало картагенянъ самыхъ основныхъ условій матеріальнаго существованія.

Теперь даже самыя малодушные говорили только о сопротивленіи. Картагеняне выказали такую неимовѣрную дѣятельность и энергію, что одна малая доля ея упрочила бы за Ганнибаломъ побѣду. Они не страшились никакихъ усилій, лишь бы изготовить новое, хотя бы несовершенное оружіе. Война продолжалась три

года. Наконецъ въ 146 году П. Корнелію Сципіону Эмилиану (впоследствии также прозванному Африканскимъ) удалось проникнуть въ городъ. Здѣсь бой продолжался шесть дней; приходилось брать приступомъ каждую отдѣльную улицу, каждый отдѣльный домъ. Подъ конецъ часть карфагенцевъ бѣжала въ храмъ и, не желая отдаться неприятелю живыми, эти войны зажгли храмъ и нашли смерть въ пламени. Все, что еще уцѣлѣло отъ города, было сожжено римлянами; 17 дней длился пожаръ, прежде чѣмъ огонь довершилъ дѣло разрушенія. Побѣдители и здѣсь выказали фанатизмъ: они произнесли проклятіе надъ всѣми, кто вздумалъ бы когда-либо вновь отстроить этотъ городъ. Часть карфагенской области получила въ подарокъ нумидійскій царь, остальная часть обращена была въ римскую провинцію. Рассказываютъ, что Сципіонъ плакалъ надъ развалинами Карфагена, видя въ его судьбѣ предвѣстіе участи, какая постигнетъ и его родной городъ.

Мы изложили исторію пуническихъ войнъ въ ихъ общей связи. Въ промежуткахъ времени между второй и третьей пуническими войнами римляне вели еще цѣлый рядъ другихъ войнъ для распространенія своего владычества. Несмотря на то, что война съ Ганнибаломъ (вторая пуническая) обратила всю Италію въ пустыню и довела до минимума ея населеніе, Римъ былъ настолько военная держава, что могъ и послѣ того безъ всякаго затрудненія предпринимать новые походы. Ничто не угрожало его самостоятельности, дѣло шло лишь о расширеніи римской власти на Востокъ, надъ ослабленными и разстроеными государствами, на которыя распалась всемірная монархія Александра Македонскаго. Римляне не бросались на быстрыя непосредственныя завоеванія: съ тонкимъ расчетомъ ставили они побѣжденныхъ сперва въ зависимое отъ себя положеніе, а потомъ въ такія невыносимыя условія, что римское владычество казалось туземцамъ меньшимъ изъ двухъ золъ. Чтобы легче сломить силу отдѣльныхъ общинъ, римляне старались вызывать и поддерживать между ними взаимную вражду; они натравляли одного князя противъ другого, подстрекали ихъ къ захвату чужихъ владѣній, терпѣли подобныя хищенія долгое время, но при случаѣ пользовались ими какъ предлогомъ для обвиненій и для войны. Союзникъ, вчера еще нужный Риму, а потому обласканный имъ, къ удивленію своему, сегодня оказывался въ положеніи его врага; вчера еще онъ за одно съ нимъ разбивалъ противника, а сегодня Римъ поддерживалъ этого противника противъ него, съ тѣмъ, чтобы потомъ погубить обоихъ.

Мы не будемъ подробно останавливаться на этихъ дѣлахъ и протекавшихъ отсюда войнахъ; достаточно будетъ указать на нихъ вкратцѣ. Уже въ 200 году (т. е. непосредственно за заключеніемъ мира съ Карфагеномъ) вспыхнула война съ царемъ Филиппомъ Македонскимъ; она кончилась въ 196 году тѣмъ, что поспѣшняго принудили къ «союзу» съ Римомъ, т. е. сдѣлали римскимъ вассаломъ. Затѣмъ, между 192 и 189 гг. слѣдовали войны противъ сирійскаго царя Антиоха, Этольскаго союза и галатовъ (галловъ) въ Малой Азій. Съ эти войны прокладывали путь рим-

скому владычеству. Потомъ (съ 171 г. до 168 года) была вторая македонская война, которая, послѣ побѣды при Пиднѣ, кончилась распаденіемъ Македоніи на четыре части.

Наконецъ, въ 146 и 133 годахъ совершилось полное покореніе римлянами Македоніи, Греціи и Малой Азіи.

Въ промежутокъ времени между 200 и 133 годами римляне вели различныя войны въ Италіи и въ Испаніи. На Апеннинскомъ полуостровѣ продолжалось вытѣсненіе и истребленіе галльскихъ народовъ. Затѣмъ наступила очередь лигурійцевъ, жившихъ на сѣверо-западѣ италійскаго моря (главнымъ образомъ по берегамъ Генуэзскаго залива). Ихъ цѣлыми массами (сразу 40000 человекъ) насильно переселили въ другія мѣста. Въ Испаніи само населеніе способствовало изгнанію картагенянъ; но когда туземцы познакомились съ тяжелымъ римскимъ игомъ, ихъ недовольство возросло и это было причиной частыхъ волненій. Около 150 года римляне задумали было подчинить себѣ и Лузитанію (нынѣшнюю Португалію), но встрѣтили сильное сопротивленіе. Римляне вѣроломно нарушили договоръ, заключенный съ лузитанцами. Тогда туземцы возстали и 8 лѣтъ (148—139) боролись за свою независимость; во главѣ инсургентовъ стоялъ Виріатъ, бывшій пастухъ (римскіе историки называютъ его разбойникомъ). Римляне избавились отъ этого врага недостойнымъ образомъ: они подкупили измѣнниковъ, которые и убили своего вождя спящаго въ патрѣ. Но война этимъ не кончилась. Городъ Нуманція оборонялся съ упорствомъ, какое римляне встрѣчали чуть ли не въ одной только Испаніи. Но въ 133 году и этотъ городъ былъ взятъ чужеземными завоевателями послѣ того, какъ большая часть его жителей погибла при оборонѣ, а изъ ѣдѣльвшихъ многіе умертвили себя сами.

Подводя итогъ изложеннымъ событіямъ и успѣхамъ римлянъ, поражаешься ужасною массою насилій, вѣроломства и всякаго рода преступленій, которыя служили римлянамъ средствами для достиженія цѣли. Отсутствие нравственнаго чувства и справедливости, не говоря уже о великодушій, проходитъ красною нитью чрезъ всю римскую исторію. Конечно, издавна вошло въ обычай осуждать угнетенные, ограбленные и поработанные народы за несогласія, алчность и разрозненность, но при этомъ совершенно упускаютъ изъ виду, что сами римляне систематически прививали имъ всѣ недостатки и пороки, поддерживали и развивали въ нихъ все дурное. Всегда и вездѣ найдутся продажныя личности, всегда и вездѣ люди эти, располагая различными средствами обольщенія, данными имъ чужимъ государствомъ, будутъ въ состояніи дальнѣе распространять ядъ порчи. Когда гонимый (справедливо, или нѣтъ) знаетъ, что въ другомъ могущественномъ государствѣ онъ встрѣтитъ поддержку противъ своихъ враговъ или гонителей въ своемъ отечествѣ, то это другое государство во всякое время будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи массу приверженцевъ и готовыхъ орудій, которые съ величайшимъ усердіемъ станутъ подрывать учрежденія и даже весь общественный строй своей родины и вообще будутъ дѣйствовать согласно съ интересами непріятельскаго государства.

Такъ случилось, когда сперва Филиппъ Македонскій, а потомъ римляне поддерживали среди грековъ постоянные раздоры, такой же политики держались римляне относительно германцевъ и другихъ народовъ; не лучше обещались въ прошломъ столѣтіи нѣкоторые кабинеты съ Польшею. Несправедливо осуждать цѣлый народъ за слабость и пороки отдѣльныхъ его представителей за то, что этимъ отдѣльнымъ личностямъ удастся при помощи чрезвычайныхъ средствъ, представляемыхъ чужимъ государствомъ, широко распространить въ своей родинѣ рознь и нравственную порчу. Самый тяжелый упрекъ падаетъ прежде всего на тѣ правительства, которые пользуются такими средствами и орудіями. Невозможно требовать, чтобы въ цѣломъ народѣ не нашлось ни одного целовѣка, который не захотѣлъ бы служить подобнымъ планамъ. Такого народа никогда не было и не будетъ.

Въ половинѣ второго столѣтія до нашего лѣтосчисленія римское государство, кромѣ Италіи, обнимало слѣдующія провинціи: 1) Сицилію; съ 241 г. Риму принадлежала западная часть, а съ 210—весь островъ; 2) Сардинію и Коренку, съ 238 года; 3 и 4) въ Испанію—Каталонію, Валенсію и Андалузію (называвшуюся также Бетикой), съ 206 года; позднѣе Каталонія была увеличена—Кельтиберій, Андалузія—Лузитаніей; 5 и 6) Македонію и Ахаію, съ 146 г.; 7) Азію, съ 133 года. Къ этому же времени относится и покореніе Цисальпинской Галліи и Иллиріи, но въ провинціи онѣ были обращены позднѣе.

Послѣ обзора внѣшнихъ событій, перейдемъ къ внутреннимъ дѣламъ Рима. Различіе между патриціями и плебеями почти изгладилось. Дѣла рѣшались въ демократическихъ комиціяхъ по трибамъ, а не въ аристократическихъ по центуріямъ и, за немногими исключеніями, оба класса могли быть избираемы во всѣ должности. Демократическій элементъ настолько возвысился, что когда число полноправныхъ гражданъ вълѣдствіе кровопролитныхъ войнъ сильно уменьшилось, то право гражданства стали давать полугражданамъ и даже отпущенникамъ; Аппій Клавдій не задумался даже принимать въ сенатъ людей этого послѣдняго класса. Это были, правда, рѣдкіе случаи. Господствующимъ оставался принципъ, что величіе и верховная правительствующая власть принадлежатъ народу, что воля народа есть высшій законъ.

Между тѣмъ мѣсто патриціата заняло другое правящее сословіе.—нобилей, родъ служилой знати, образовавшейся изъ потомковъ высшихъ сановниковъ, патриціевъ и плебеевъ, которые на заслугахъ своихъ предковъ основывали свои притязанія на разныя преимущества по занятію высшихъ должностей. Отсюда образовалось господство фамилій, олигархія, со всеми ея дурными послѣдствіями. Правда, сословіе нобилей по самой сущности своей не могло составлять такой замкнутой корпораціи, какъ сословіе патриціевъ, такъ какъ выснія должности, все-таки, доставались по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ даровитымъ личностямъ низкаго происхожденія; тѣмъ не менѣе остается фактомъ, что неспособные члены знатныхъ родовъ часто получали важнѣйшіе посты и народу римскому нерѣдко приходилось расплачиваться своею кровью за невѣ-

жество или ограниченность своихъ вождей изъ новой знати. Хуже всего было то, что стремленіе этихъ нобилей къ обезпеченію за собою должностей вело къ приращенію народа въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Даже консулы и цензоры злоупотребляли своею властью въ интересахъ новаго сословія; этой же цѣли служили правосудіе и религія. Различіе между богатыми и бѣдными было стало неизмѣримо. Высасываніе провинцій сдѣлалось привилегіей нобилей. Справедливо замѣчено, что новые нобили не уступали старымъ патриціямъ въ властолюбіи, алчности и жестокосердїи. Оно и понятно: привилегированное положеніе само по себѣ оказываетъ дурное вліяніе на людей.

Въ сущности, даже и паденіе сословныхъ перегородокъ между патриціями и плебеями оказало свое дѣйствіе въ одномъ только городѣ Римѣ; по отношенію къ сельскому населенію и жителямъ провинцій прежніе плебеи сохраняли за собою доставшіяся имъ преимущества съ самымъ черствымъ своеборьствіемъ.

Провинціями управляли преторы. Откупа, подати и вообще вся финансовая часть приходилась въ рукахъ квесторовъ. Города въ провинціяхъ имѣли неодинаковыя права. Въ общемъ страшно развивалась система высасыванія: чиновники, посылаемые въ провинціи, смотрѣли на свои мѣста главнымъ образомъ какъ на средство къ своему обогащенію. Роскошь и всякаго рода расточительность, со всеми ихъ губительными послѣдствіями, распространились съ ужасающею быстротою. Дабы успокоить народныя умы въ самомъ Римѣ часть переборовъ была употреблена вмѣсто невзысканныхъ податей и на пониженіе цѣнъ на хлѣбъ. Начиная съ 167 года и до самаго конца республики въ Римѣ уже не устанавливалось болѣе податей, за исключеніемъ одного только случая.

Замѣтимъ еще, что законъ Порція (lex Porcia, названный такъ по имени народнаго трибуна 199 или 195 года) совершенно отмѣнилъ тѣлесныя наказанія для римскихъ гражданъ, а смертную казнь замѣнилъ изгнаніемъ.

Между тѣмъ политическое значеніе народа несомнѣнно падало. Милитаризмъ, посредствомъ котораго держали въ повиновеніи покоренныя страны, вело къ абсолютизму. Верховная власть хотя и принадлежала народу *de jure*, но *de facto* сосредоточивалось въ сенатѣ. Уголовное судопроизводство, возложенное закономъ XII таблицъ на центуріальныхъ комиціи, въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ напр., по обвиненіямъ въ вымогательствѣ въ провинціяхъ, было передано сенату: созывать для каждаго случая народъ было признано слишкомъ затруднительнымъ. При выборахъ нобили почти всегда могли добиться своего, такъ какъ въ центуріальныхъ комиціяхъ отъ консуловъ зависѣло допустить или не допустить выборы. Цензоры въ свою очередь, благодаря тому, главнымъ образомъ, что имъ отдавались на откупъ пошлины и другіе сборы, имѣли въ рукахъ своихъ сильное средство держать въ зависимости отъ себя многихъ гражданъ. Въ крайнемъ случаѣ, заявленія авгуровъ о несоблюденіи формальности при ауспиціяхъ было достаточно для того, чтобы объявить рѣшеніе народнаго собранія недействительнымъ.

Если какой-нибудь магистратъ заявлялъ, что онъ собирается наблюдать небесный сводъ, то предполагавшееся народное собраніе отлагалось. Не соблюдались даже самыя формы. Послѣ 202 года уже не назначали больше диктаторовъ. Сенатъ считъ себя въ правѣ облечь консуловъ диктаторскою властью, объявивъ просто на просто, что «консулы должны заботиться о томъ, чтобы не было какого-либо вреда республикѣ» (*Videant consules ne quid respublica detrimenti capiat*).

Нельзя не согласиться, что перемѣна, происшедшая постепенно и незамѣтно и перенесшая центръ тяжести всего общиннаго строя въ сенатъ имѣла бы внутреннее оправданіе, если бы не была возможна другая какая-либо организація. Государственное устройство Рима предназначалось съ самаго начала только для одного города, оно не годилось для огромной всемірной державы. Надо замѣтить, что сенатъ въ это время правилъ съ большимъ благоразуміемъ. Но неестественность условій, лежавшихъ въ основаніи всей государственной системы, подрывала всѣ отношенія. Владычествуя въ сенатѣ неограниченно, нобили относились ко всему государству такъ, какъ будто оно существовало только для нихъ. Масса гражданъ болѣе и болѣе бѣднѣла, теряла свою индивидуальность, падала нравственно: нобили пользовались ею какъ средствомъ для своихъ цѣлей; ей дѣлались уступки, когда это было нужно и выгодно для нобилей. Что же касается тѣхъ миллионовъ людей, которые не были гражданами города Рима, которые жили въ самой Италиі и въ провинціяхъ востока и запада,—то они были лишены всякаго права самоопредѣленія, необходимаго для блага каждаго народа; всѣ они зависѣли, въ большей или меньшей степени, отъ произвола и корыстолюбія своихъ римскихъ владыкъ.

Принципъ завоеванія, давшій Риму величіе и могущество, въ концѣ концовъ погубилъ побѣдителей и покоренныхъ. Трудно было бы понять, какъ могъ преуспѣвать цѣлый народъ, ведя безпрестанно войны, если бы не постыдное правило—отнимать у каждаго покореннаго города или народа часть ихъ земель: эта система достаточно ясно показываетъ, что каждый походъ возбуждалъ личное корыстолюбіе какъ знатныхъ, такъ и простыхъ римлянъ. Не мирною дѣятельностью, а грабительствомъ старались люди обезпечить себѣ существованіе и добыть богатство.

Мы уже говорили, что аристократы сумѣли захватить себѣ наибольшую часть общественныхъ полей. Землевладѣніе сосредоточилось въ рукахъ немногихъ; число мелкихъ владѣльцевъ постоянно уменьшалось. Образовались такъ называемыя латифундіи обширныя помѣстья, о которыхъ Плиній говоритъ, что они разорили Италию (*Latifundia Italiam perdidierunt*). Народный трибувъ Л. Марцій Филиппъ, предложившій въ 104 г. до Р. X. аграрный законъ, утверждалъ, что въ то время во всей Италиі не насчитывалось и 2000 человекъ, которые имѣли бы недвижимое имущество. Латифундіи обрабатывались болѣею частью рабами. Свободные люди обдѣлывали: они уходили изъ имѣній, откуда ихъ выгоняли, и увеличивали собою голодную толпу городского населенія.

Но было еще и другое обстоятельство, на которое не обращали вниманія, но которое послужило прямой причиной гибели государства. Съ тѣхъ поръ какъ массу римскаго населенія составляли не осѣдлые люди, а пролетаріи, милиціонная система утратила свою естественную основу; теперь люди не сражались за собственный очагъ, потому что не имѣли его. На этой почвѣ развился милитаризмъ, которымъ можно подавлять всѣ виды свободы, но который, какъ бы высоко ни стояла военная техника войскъ, въ концѣ концовъ, все-таки, не будетъ въ состояніи защитить страну противъ вѣнчанныхъ враговъ.

Такое положеніе дѣлъ, въ высшей степени опасное для дальнейшаго развитія республики, не могло ускользнуть отъ нѣкоторыхъ болѣе зоркихъ людей. Но именно тѣ, которые по своему положенію яенѣ могли видѣть вещи, преслѣдовали слишкомъ эгоистическія цѣли, чтобы желать и добиваться переменъ. Имъ самимъ и всему сословію, къ которому они принадлежали, пришлось бы принести большія жертвы.

Не всѣ, однако, руководились такими своекорыстными побужденіями. И между знатными и богатыми были всегда отдѣльныя личности, исполненныя теплаго участія къ страданіямъ своихъ бѣдныхъ согражданъ. Фамилія Гракховъ занимаетъ между ними особенно почетное мѣсто. Въ 133 г. Тиберій Семпроній Гракхъ получилъ санъ народнаго трибуна. Уже его отецъ и дѣдъ пріобрѣли любовь народа и отличались великодушіемъ; его мать, дочь Сципіона Африканскаго, Корнелія, славилась возвышенностью своихъ чувствъ. Самъ Тиберій Гракхъ отличился въ послѣднихъ походахъ противъ Карфагена и во многихъ войнахъ въ Испаніи. На обратномъ пути въ отечество, онъ былъ глубоко опечаленъ, увидѣвъ, что въ Этруріи земля покинута свободными земледѣльцами и наполнена невольниками, которые воздѣлывали обширныя латифундіи богачей подъ тяжестью цѣпей, въ буквальномъ смыслѣ слова. Это произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что, по позднѣйшему свидѣтельству его брата, Тиберій возымѣлъ намѣреніе населить вновь Италію свободными людьми и тѣмъ самымъ возвратить благосостояніе и самостоятельность скопиченному въ Римѣ пролетаріату, упавшему физически и нравственно. Онъ хотѣлъ дать республикѣ то, что составляетъ единственно неизмѣемую основу государства: истинное гражданство.

Проникнутый такими мыслями, полный юношескаго идеализма, Тиберій Гракхъ надѣялся провести великую, очевидно благотворную и даже необходимую реформу совершенно мирнымъ путемъ. Въ единомысліи со многими аристократами онъ предложилъ возобновить аграрный законъ Лицінія, который или никогда не исполнялся, или во всякомъ случаѣ въ этотъ періодъ уже былъ забытъ; по этому закону никто не могъ имѣть въ своемъ пользованіи болѣе 500 югеровъ общественной земли, не считая, разумѣется, собственныхъ имѣній. Желая по возможности, смягчить реформу, онъ предложилъ слѣдующія измѣненія: для взрослыхъ сыновей допускалась прибавка до 250 югеровъ; сверхъ того владѣльцы возвращаемыхъ полей могли требовать вознагражденіе за распапку и

Аристократы прибѣгли теперь къ другому средству: они поднимали споръ объ каждомъ земельномъ участкѣ, долженствовавшемъ отойти къ государству, доказывая, что онъ не государственная земля, а частная собственность. Этимъ они задерживали приведеніе закона въ исполненіе. Все зависѣло отъ того, будетъ ли Гракхъ избранъ трибуномъ на второй годъ. Этому-то всѣми силами хотѣли помѣшати его противники, тѣмъ болѣе, что онъ, окруженный опасностями, предложилъ новыя реформы въ обезпеченіе народныхъ правъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ помѣшати баллотировкѣ, вторичное избраніе въ трибуны страшнаго человека казалось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, а потому сенатъ собрался, чтобы принять прогивъ него насильственные мѣры. Но консулъ не хотѣлъ допустить насилія; тогда Сципионъ Назика, одинъ изъ самыхъ озлобленныхъ сенаторовъ, пригласилъ своихъ коллегъ и множество кліентовъ слѣдовать за нимъ. Толпа ринулась къ Капитолію, гдѣ происходило народное собраніе, народъ, привышій къ почтительности къ знатымъ и богатымъ, испуганно рступился передъ ними; Гракхъ упалъ у ступеней Капитолійскаго храма и, какъ говорятъ, былъ убитъ однимъ изъ своихъ товарищей; его тѣло, а также трупы многихъ другихъ убитыхъ (говорятъ, ихъ было 300) были брошены въ Тибръ. Партія аристократовъ побѣдила путемъ злодѣянія. Впервые при новомъ положеніи партій была пролита кровь гражданъ; пропасть между богатыми и бѣдными увеличилась до безконечности.

Чтобы дать юридическое оправданіе убійству Гракха, нѣкоторые изъ его приверженцевъ были преданы суду, осуждены на смерть или подвергнуты изгнанію.

Этимъ, однако, вопросъ не былъ исчерпанъ. Пока все это происходило въ Римѣ, въ Сициліи свирѣпствовала невольническая война. Угнетенные невольники, сознавая свою многочисленность, еще въ 135 г. подняли мятежъ и разбили посланныя противъ нихъ войска; ихъ вооруженныя банды возросли числомъ до 200000 человекъ; они разбойничали съ ужасающею жестокостію. Только черезъ нѣсколько лѣтъ удалось подавить возстаніе, что опять сопровождалось безчеловѣчными свирѣпостями. Одновременно и въ другихъ частяхъ государства, даже въ самомъ Римѣ, вспыхивали заговоры рабовъ, которые были подавлены кровавой расправой. Въ Малой Азіи невольническая война была въ 131—130 гг. Противополитенность социальныхъ условій повсемѣстно приносила свои плоды.

Въ это время во главѣ сенатской партіи сталъ возвратившійся изъ Испаніи Сципионъ Эмилианъ (Африканскій Младшій, покоритель Картагена)—человѣкъ безусловно честный, но съ аристократическимъ образомъ мыслей. По его настоянію (въ 130 г.) народные трибуны объявлены были отвѣтственными за безпорядки въ народныхъ собраніяхъ, ибо они во всякое, время могли распустить эти собранія: мѣра эта клонилась къ тому, чтобы запугать трибуновъ. Затѣмъ, по вліянію Сципіона, ршеніе вопроса, какія земли должно признавать общественными, какія составляю-

щими частную собственность, было изъято из завѣдыванія триумвировъ передано особому консулу, который какъ бы въ насмѣшку надъ аграрной реформой вслѣдъ затѣмъ отбылъ въ Иллирію. Циціонъ имѣлъ какъ бы диктаторскую власть. И вотъ однажды по утру его нашли въ кровати мертвымъ; явилось предположеніе, что онъ умеръ отъ руки какого-нибудь политическаго противника. Обобщенное раздраженіе партій возрастало.

Тѣмъ не менѣ споръ на нѣсколько лѣтъ притихъ, пока Гай Семпроній Гракхъ, братъ убитаго Тиберія, не былъ избранъ трибуномъ.

Старшій изъ братьевъ погибъ на 30 году своей жизни. Второй братъ былъ 9 годами моложе старшаго и уже по этой причинѣ не могъ продолжать начатое имъ трудное дѣло непосредственно послѣ него. Къ тому же ему странно было выступать на такое опасное поприще. Вдобавокъ сенатъ постарался устранить молодого даровитаго и благороднаго человѣка, пославъ его квесторомъ въ Сардинію, гдѣ онъ скоро приобрѣлъ себѣ прекрасную репутацію. Но голосъ народа требовалъ, чтобы Гай Семпроній посвятилъ себѣ народному дѣлу. Не безъ тяжелой внутренней борьбы рѣшился онъ всецѣло отдаться ему. Онъ въ 124 г. сложилъ съ себя должность квестора въ Сардиніи, на которую его хотѣли назначить вторично, воротился въ Римъ, баллотировался въ трибуны и получилъ этотъ санъ.

Послѣ различныхъ предварительныхъ мѣропріятій въ пользу народа, онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ проектовъ глубоко задуманныхъ реформъ. Важнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія: 1) ни одинъ гражданинъ не можетъ быть приговоренъ къ смертной казни безъ рѣшенія народнаго собранія (вопреки закону 12 таблицъ сенатъ вышеуказанной формулой неоднократно давалъ консуламъ власть надъ жизнью и смертью); 2) судебныя учрежденія переходятъ изъ завѣдыванія сенаторовъ въ завѣдываніе всадниковъ (такимъ образомъ этотъ классъ гражданъ, т. е. сословіе капиталистовъ и купцовъ сдѣлался независимымъ отъ сенаторовъ, и иривители провинцій, по обвиненіямъ въ злоупотребленіяхъ, были подчинены суду людей, по своему общественному положенію стоявшихъ ниже сенаторовъ); 3) аграрный законъ, вѣроятно, восстановленный въ прежнемъ видѣ, но съ устраненіемъ главнѣйшихъ затрудненій въ его примѣненіи; предложено было основать колоніи какъ въ самой Италіи, такъ и за ея границами, а на мѣстѣ Карфагена построить новый городъ Юнонію; и 4) законъ о дарованіи права гражданства союзникамъ (справедливая мѣра по отношенію къ этому многочисленному классу населенія).

Всѣ эти законопроекты были приняты безъ особеннаго сопротивленія, за исключеніемъ послѣдняго. Гракхъ, предлагая его, безъ сомнѣнія понималъ, что даетъ этимъ важное оружіе враждебной партіи, тѣмъ болѣе, что масса бѣдныхъ гражданъ, жившихъ въ Римѣ, вовсе не желала дѣлиться съ другими италійцами хотя бы частью своихъ правъ. Чѣмъ бѣдственнѣе было ихъ собственное положеніе, тѣмъ болѣе этимъ бѣднякамъ хотѣлось, чтобы другіе стояли

ниже ихъ—явленіе, впрочемъ, весьма обычное. Кромѣ того, значеніе этого заслуженнаго человѣка было подорвано тѣмъ, что сенаторская партія прибѣгла къ обману: она обѣщала народу еще больше выгодъ и еще лучшія колоніи, ни мало не заботясь о возможности осуществленія этихъ обѣщаній и даже съ прямымъ намѣреніемъ, никогда ихъ не исполнить.

По истеченіи срока трибунства Гай Семпроній Гракхъ почти совершенно удалился отъ дѣлъ. Но когда въ 121 г. его враги возбудили вопросъ объ отмѣнѣ указанныхъ выше законовъ, онъ снова выступилъ на общественное поприще. Сенатъ воспользовался случайнымъ убійствомъ одного ликтора во время жертвоприношеній, чтобы опять вручить консулу диктаторскую власть посредствомъ вышеприведенной формулы. Недовольствуясь этимъ, сенаторы, съ отрядомъ критическихъ стрѣлковъ, бросились на Авентинскій холмъ и разогнали вооруженной силой стоявшихъ тамъ приверженцевъ Гракха. Самъ Гай Семпроній, зная ненависть своихъ противниковъ, обѣжалъ въ священную рошу Фурины и тамъ приказалъ своему рабу убить его. Голова его была отрублена и налита свинцомъ, такъ какъ консулъ обѣщалъ тому, кто принесетъ ее, золото по вѣсу ея. Тѣла убитыхъ—Гракха и его приверженцевъ—числомъ 3000 были брошены въ Тибръ.

Такова была награда второго Гракха за то, что онъ жизнь свою посвятилъ народу. Оба брата принадлежатъ къ числу благороднѣйшихъ личностей всемірной исторіи. Даже злѣйшіе враги ихъ не могутъ привести противъ нихъ ничего, кромѣ лживаго обвиненія въ стремленіи къ единовластію, къ тиранніи. Этимъ приверженцы цезаризма стараются извинить образъ дѣйствій позднѣйшихъ основателей единовластія. Ни одинъ сколько-нибудь примѣчательный фактъ не подтверждаетъ ихъ довода; напротивъ того, его опровергаетъ то именно обстоятельство, что ни одинъ изъ Гракховъ никогда не заботился о привлеченіи на свою сторону постоянной вооруженной силы, безъ которой немислимо было овладѣть верховной властью.

Побѣдители не рѣшались открыто ниспровергнуть проведенные Гракхами аграрные законы. Но они сумѣли помѣшать приведенію ихъ въ исполненіе. Былъ, повидимому, предпринятъ «пересмотръ» принятыхъ постановленій. Въ 111 году вышелъ законъ Торія, по которому общественная земля, находившаяся во владѣніи гражданъ, въ количествѣ до 500 югеровъ, а также земля, вновь розданная или еще подлежащая раздачѣ, участками до 30 югеровъ, была обращена въ полную собственность своихъ владѣльцевъ; рѣшеніе по этимъ дѣламъ вмѣсто триумвировъ было поручено цензорамъ и преторамъ и вообще вся забота аграрной комиссіи передана въ руки нобилей. Въ результатъ явилось продолженіе прежнихъ неурядицъ и жалобъ.

Сословіе нобилей, освободившееся отъ всякой опасности, отдалось теперь полному наслажденію побѣдой, которою воспользовалось съ беззавѣтною наглостью. Съ поразительной и ужасающей яркостью, словно быстро образовавшійся злокачественный нарывъ,

выступила нравственная испорченность римской аристократіи въ югуртинской войнѣ. Послѣдующія унижительныя событія дали возможность придавленной народной партіи воспрянуть духомъ и снова появиться на общественной аренѣ.

Нумидійскій царь Масинисса, старинный мучитель Карфагена, умеръ наконецъ въ 148 году, послѣ 60-лѣтняго царствованія. Въ его семействѣ царили ссоры и варварство и римляне съ расчетомъ поддерживали, насколько отъ нихъ зависѣло, всё беззаконіе и пороки потомковъ Масиниссы. Югурта, внукъ стараго князя, питомецъ римскаго войска, пользовался расположеніемъ видныхъ аристократовъ. Не имѣя правъ на престолъ, онъ, однакоже (въ 118 г.) чрезъ усыновленіе царемъ Мицинсой, сдѣлался сонаслѣдникомъ нумидійскаго царства. Но этимъ онъ не удовольствовался. Онъ велѣлъ убить одного изъ своихъ братьевъ по усыновленію и пошелъ на другого. Напрасно послѣдній искалъ помощи у римлянъ. Его право не подлежало сомнѣнію, но Югурта хорошо былъ знакомъ съ продажностью римскихъ нобилей и сумѣлъ подкупомъ отвлечь отъ себя надвигавшуюся грозу. Всѣ споры рѣшались въ его пользу, и если этого нельзя было сдѣлать открыто, то всякій приговоръ своимъ исполненіемъ или неисполненіемъ, все-таки, обращался въ его пользу. Безнаказанность, съ которою нумидійскій вождь долгое время позволялъ себѣ все, увлекла его наконецъ до того, что онъ, не видя на приходшее изъ Рима приказаніе прекратить военныя дѣйствія, осадилъ городъ Цирту. Принудивъ его сдаться, онъ замучилъ до смерти своего послѣдняго брата и соправителя и велѣлъ убить всѣхъ мужчинъ въ городѣ, не только римлянъ, но и нумидійцевъ. Теперь дѣло дошло до войны, но старое средство подкупа опять оказало свое дѣйствіе: походъ велся римлянами плохо и безъ всякаго успѣха. Деньгами нумидійскій князь купилъ выгодный миръ. Подкупъ былъ очевиденъ. Тѣмъ не менѣе возмущенный этимъ народный трибунъ Г. Меммій дѣйствовалъ очень робко. Онъ требовалъ, чтобы Югурта самъ явился въ Римъ для отвѣта; ему была даже обѣщана безопасность и свобода. Надѣясь на силу своего золота, Югурта поѣхалъ въ Римъ и ему по всей вѣроятности удалось бы и на этотъ разъ достигъ своей цѣли, еслибъ онъ не поддакъ искушенію убить изъ опасенія соперничества одного князька, котораго поддерживали многіе нобили. Злодѣйство совершено было слишкомъ дерзко, чтобы остаться тайной. Югурта былъ высланъ изъ Рима. Говорятъ, что, покидая Римъ, онъ сказалъ: «Продажный городъ; онъ погибнетъ, какъ только найдетъ себѣ покупателя!» Онъ жалѣлъ, что цѣна превышала его собственныя средства. Возобновленная война велась нумидійцемъ по прежнему: подкупъ помогать ловкости и неутомимости смѣлаго, энергичнаго вождя. Дѣло дошло до того, что окруженное со всѣхъ сторонъ римское войско принуждено было заключить договоръ, по которому оно должно было пройти подъ ярмо (что напоминало кавдинское ущелье) и очистить Нумидію въ десятидневный срокъ.

Позоръ былъ слишкомъ великъ, чтобы не возбудить всеобщаго негодованія въ Римѣ. Народный трибунъ предложилъ, нако-

нець, предать суду тѣхъ, по чьей винѣ Югурта не повиновался сенату и тѣхъ, которые, въ качествѣ пословъ и полководцевъ, брали отъ него взятки. Были найдены виновными многіе вліятельные сенаторы, въ томъ числѣ бывший консулъ Л. Опимій, ярый противникъ младшаго Гракха (109 г.). Консулъ Метелль, получившій главное начальство надъ войскомъ въ Африкѣ, нашель послѣднее совершенно деморализованнымъ и отвыкшимъ отъ всякой дисциплины. Онъ прежде всего приучилъ войско къ повиновенію и порядку, и послѣ того только началъ походъ, который повелъ очень ловко. Югурта, хорошо знакомый со всѣми условіями страны, находилъ все новые ресурсы и обрѣлъ даже союзника въ лицѣ мавританскаго царя Бокха. Война затягивалась.

Въ 107 г. во главѣ римскаго войска является Гаій Марій, человекъ низкаго происхожденія и мало образованный, суровый и смѣлый воинъ; избраніе его главнокомандующимъ означало побѣду народной партіи надъ партіей нобилей. При новомъ наборѣ войска онъ впервые наводилъ въ легіоны пролетаріевъ. Марій велъ войну съ такимъ же искусствомъ, какъ и его предшественникъ. Обычное средство Югурты—измѣна—съ паденіемъ его счастья обратилось противъ него самого; онъ уже не могъ довѣрять своимъ приближеннымъ.

Его союзникъ, царь Бокхъ, прельстился дружбой съ римлянами. Гнусная измѣна предала Югурту въ руки римлянъ; его тесть заманилъ его въ засаду; его конвой былъ убитъ, самъ онъ въ окопахъ выданъ Луцію Суллі (106 г.). Онъ сперва украсилъ собой триумфъ Марія, передъ глазами продажнаго города, а потомъ былъ брошенъ въ подземную темницу, гдѣ и умеръ голодною смертью (104 г.). Согласно взгляду древнихъ трагиковъ можно было считать, что Немезида совершила свое дѣло надъ внукомъ Масиниссы.

Въ это время на сѣверѣ римскаго государства поднималась опасность, которая вначалѣ мало обращала на себя вниманія, но потомъ разрослась до ужасающихъ размѣровъ. Вспыхнула война, и притомъ совершенно своеобразная: пришлось биться не просто съ неприятельскимъ войскомъ, а съ цѣлыми народностями германскаго племени, которыя шли въ Италію съ женами, дѣтьми и стариками, не потому, что римляне ихъ обидѣли или нанесли имъ вредъ, а потому, что они хотѣли завоевать себѣ землю, которая давала бы имъ лучшее пропитаніе, нежели ихъ прежнее отечество. Вѣдь начинали же римляне войны единственно ради увеличенія своей общественной земли (ager publicus)! Это была борьба, угрожавшая гибелью всей римской культурѣ. Правда, въ республикѣ было еще довольно жизненной силы, чтобы преодолѣть, на этотъ разъ, опасность, но это былъ только прологъ къ той драмѣ, въ которой суждено было разслабленному Риму временъ императоровъ найти свою погибель.

Первоначально родины цимбровъ или кимбровъ были, какъ полагають, скандинавскій полуостровъ. Послѣ долгихъ скитаній, они, въ 113 г., появились въ Норикѣ (нынѣшніе Крайнъ и Каринтія). Когда собраны были римскія войска для обороны этой

страны, принадлежавшей дружественному народу, и для прикрытія дороги въ Италію, кимвры сначала было проявили готовность идти въ другія мѣста и избѣгать всякаго столкновенія съ римлянами. Консулъ Карбонъ согласился на это, но далъ имъ проводниковъ, которые завели ихъ въ засаду, а самъ сдѣлалъ попытку внезапнымъ нападеніемъ уничтожить варваровъ. Но послѣдніе проявили такую неожиданную силу сопротивленія, что непріятель былъ разбитъ на голову; своей побѣдой, однако, кимвры не воспользовались, а ушли, измѣнивъ направленіе своего пути.

Черезъ нѣсколько лѣтъ они снова появляются въ области Роны. Съ ними соединились нѣкоторыя другія кочевавшія племена: тигурины и амброны, загѣмъ многочисленныя тевтоны, которые, по свѣдѣніямъ, за два столѣтія передъ тѣмъ обитали на Балтійскомъ приморьѣ. Всѣ эти народы бродили, то порознь, то вмѣстѣ, по Галліи и Испаніи, грабили и опустошали все на пути. Замѣтивъ, что Италіи угрожала опасность, римляне выслали противъ нихъ новыя войска; но эти войска, одно за другимъ, потерпѣли пораженіе. Въ 109 г. былъ разбитъ консулъ Силанъ, въ 107 г. — консулъ Кассій, въ 105 — консулъ Манлій, потомъ послѣдній былъ разбитъ еще разъ вмѣстѣ съ консуломъ Цепіономъ. Но и теперь побѣдоносные варвары не двинулись на открытый Аппенинскій полуостровъ, а безцѣльно бродили по сѣверу и западу (въ Испаніи).

Наконецъ, въ Римѣ сознали необходимость болѣе энергичнаго веденія войны. Былъ избранъ консуломъ не представитель нобилей, а плебей, знаменитый Марій. Безсмысленныя передвиженія варваровъ дали ему время переформировать римское войско, приучить его къ дисциплинѣ и порядку и даже къ неопишимо страшному виду варваровъ.

Въ 102 году, наконецъ, варвары задумали совершить набѣгъ на Италію, но не соединенными ордами, а двумя отдѣльными массами. Марію удалось совершенно истребить тевтоновъ и амброновъ при *Aquae Sextiae* (близъ нынѣшняго Aix во Франціи). Въ слѣдующемъ году такая же участь постигла кимвровъ и тигуриновъ на Равдійской равнинѣ, несмотря на величайшую храбрость, которую они проявили; даже женщины бросались въ бой; многія убивали себя, не желая пережить пораженія.

Итакъ внѣшняя опасность была устранена; но тѣмъ хуже обстояли дѣла внутри государства. Политическій строй Рима годился для одного города, а не для всемірной державы, — реформы были неизбежны. На этомъ принято основывать неизбежность паденія римской республики и установленія единовластія и цезаризма. Между тѣмъ ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого необдуманнаго вывода. Была еще одна возможность. Простѣйшее и болѣе естественное рѣшеніе вопроса напрашивалось само собой и было понято не только въ болѣе позднее время: уже въ тѣ времена его настойчиво требовали союзники. Это рѣшеніе отвѣчало бы справедливому требованію всѣхъ италійскихъ провинцій и заключалось въ установленіи общаго представительства, которое бы за всѣми частями обезпечивало права сообразно ихъ повинностямъ, оставляя нѣкото-

рыя преимущества главному городу. Но этому воспротивился почти весь Римъ, не только нобили, но и простолюдины. Какъ мы сейчас увидимъ, изъ-за этого возгорѣлась открытая борьба. Организованное могущество главенствующаго города побѣдило соединенныя наскоро силы провинцій, требовавшихъ своего естественнаго права. Но такъ какъ аристократическое владычество сената не могло быть долговѣчно, то въ результатѣ явилось единовластіе отдѣльныхъ лицъ, совершенно устранившее естественное рѣшеніе вопроса. Характерно, что нѣмецкіе историки, даже нѣкоторые профессора, стоять именно за такой порядокъ вещей, стараются унижить и называютъ глупыми республиканцевъ, которые свободѣ принесли въ жертву самое высшее благо, свою жизнь. Тѣ дѣйствительно тяжкія болѣзни, которыми страдалъ Римъ, не только не были слѣдствіемъ республиканскаго устройства, но даже противорѣчили всякой демократической организаціи. Поклоненіе успѣху—успѣху глубокой безнравственности—не можетъ быть оправдываемо; оно менѣе всего умѣстно тамъ, гдѣ единовластіе оказывалось нагубнымъ какъ для отдѣльныхъ гражданъ, такъ и для цѣлаго государства, гдѣ, съ господствомъ абсолютизма, ни одинъ человѣкъ не могъ быть спокоенъ ни за свое имущество, ни за свою жизнь, а общественному быту дано было такое направленіе, которое лишило государство способности сопротивляться серьезной опасности, такъ что оно погибло, несмотря на свои неизмѣримыя физическія и духовныя силы и какъ разъ вслѣдствіе своего новаго устройства.

Наши замѣчанія, которыя мы предпослали изложенію борьбы, кончившейся побѣдой цезаризма, умѣстны тѣмъ болѣе, что доктринарство нашихъ дней считаетъ своимъ долгомъ искажать исторію и вносить путаницу въ сужденія. Впрочемъ, мы должны отмѣтить, что далеко не всѣ профессора впадаютъ въ такое поклоненіе силѣ (повторяемъ—основанной на безнравственности и ведущей къ гибели государства). Съ удовольствіемъ приводимъ слова Карла Петера изъ предисловія къ его «Исторіи Рима»: «Съ паденіемъ республики погибли и специально римскія доблести, которыя, если гдѣ-нибудь, такъ именно въ Римѣ обусловливались свободнымъ дѣятельнымъ участіемъ въ общественныхъ дѣлахъ. Время имперіи—вопреки г. Момзену—время упадка, время разложенія плодотворныхъ до того нравственныхъ силъ». Съ правильностью этого взгляда согласится каждый безпристрастный человѣкъ.

Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній обратимся къ самымъ событіямъ, подготовившимъ бѣдствія цезаризма.

Словеніе нобилей, продолжая дѣйствовать по старому, старалось сдѣлать призрачной или даже взять назадъ каждую льготу, обѣщанную народу въ трудныя времена. Общее правило—не давать права гражданства всѣмъ осѣдлымъ людямъ, а считать его привилегією, держало число этихъ гражданъ въ сравнительно тѣсныхъ границахъ, но за то значительно увеличило число пролетаріевъ. Это соображеніе наводило Марія на мысль принять въ легионы пролетаріевъ, которые шли туда единственно ради жалованья и только ради него и оставались на военной службѣ. Такимъ пу-

своекорыстіе. Раздраженіе противъ Ливія за его законы было такъ велико, что онъ былъ убитъ.

Но это преступленіе не могло ни рѣшить вопроса, ни устранить его. Союзники уже давно чувствовали обиду и несправедливость римлянъ къ нимъ, и это чувство было слишкомъ глубоко, чтобы и впредь молча переносить все. Постоянное «предводительство» на войнѣ, по самой природѣ вещей, обратилось въ иго, давящее и высасывающее всѣхъ, а рядомъ съ нимъ стояло поработенное населеніе, которое должно было нести всѣ тягости, не получая никогда соотвѣстнаго вознагражденія, и права котораго, и такъ уже ограниченныя, нисколько не были ограждены отъ своеволія сильныхъ. Тогда угѣсенныя племена отправили въ Римъ посольство, чтобы вытребовать столько разъ обѣщанное имъ со временъ Граковъ право римскаго гражданства. Въ отвѣтъ они получили гордый отказъ. Тогда вспыхнула «союзническая война». Самниты, марсы, марруцины, пелигны, вестинцы, пиценты и луканы заключили между собою союзъ. Въмѣсто властолюбиваго и насильническаго Рима, предположено было сдѣлать столицей всей Италіи—городъ Корфиній и назвать его Италікой (на языкѣ осковъ Вителлія; до сихъ поръ сохранились монеты съ этимъ названіемъ). Законодательная власть должна была находиться въ рукахъ сената, состоящаго изъ 500 членовъ — представителей различныхъ народностей, которые ежегодно выбирали 2 консуловъ и 12 преторовъ. Для защиты этого свободнаго союза рѣшено было выставить войско въ 100000 чел., не считая городскихъ гарнизоновъ.

Все это несомнѣнно доказываетъ, что въ то время существовало ясное сознание того, въ какой формѣ Италія, какъ государство, могла быть перестроена на новой нормальной основѣ. По всей вѣроятности, предпріятіе увѣчалось бы успѣхомъ, если бы не обычное римское искусство задерживать всѣми средствами одну часть противниковъ, пока другая не будетъ уничтожена. Города съ латинскими правами, измѣненные этруски, умбры, и нѣкоторые греческіе города не осмѣлились отложиться отъ Рима и доставляли ему, какъ и прежде, свой контингентъ противъ общаго дѣла всѣхъ неримскихъ италійцевъ.

Тѣмъ не менѣе въ первый (90) годъ счастье колебалось и казалось, что при такихъ условіяхъ, различныя племена, примкнувшія изъ страха къ могущественнымъ римлянамъ, готовы были перейти къ ихъ непріятелямъ. Тогда въ столицѣ признана была необходимость уступокъ для того, чтобы остановить дальнѣйшее распространеніе возстанія и затѣмъ подавить его. Консулъ Л. Юлій Цезарь провелъ законъ, по которому жителямъ городовъ, оставшихся вѣрными Риму, предоставлено было право римскаго гражданства. То, въ чемъ до сихъ поръ отказывалось союзникамъ вопреки всякому естественному праву, пришлось теперь уступить изъ благоумія и страха. Кругъ дѣйствій новаго закона былъ еще расширенъ тѣмъ, что всѣ мужчины союзнаго города, слѣдовательно и участвовавшіе въ возстаніи, въ теченіе 60 дней явившіеся къ претору, могли воспользоваться выгодами этого закона. Была введена

еще одна реформа: такъ называемые всадники, собственно люди, служившіе въ конницѣ, большею частью разбогатѣвшіе промышленники, нерѣдко злоупотребляли привилегіею, въ иныхъ случаяхъ исполнять обязанности судей, постановляющихъ приговоры по указанію своей совѣсти на подобіе присяжныхъ; ихъ судоговореніе особенно уязвляло чувства аристократіи. По инициативѣ трибуна Плавція былъ изданъ законъ, по которому исключительное право суда было отнято у сословія всадниковъ и передано особому трибуналу, члены котораго избирались въ комиціяхъ по трибамъ изъ гражданъ всѣхъ сословій. Потомъ, въ 89 г., послѣдовалъ законъ консула Помпея Страбона, распространившій права римскаго гражданства на циспаданскую Галлію, а городамъ транспаданской Галліи давшій латинское право.

Эта уступка сразу ослабила возстаніе. Отпаденія отъ Рима прекратились. Его владычеству покорялись добровольно сначала отдѣльныя лица, а потомъ и цѣлые города. Возстаніе, вначалѣ грозное, во второй годъ потеряло свою силу, а въ третій (88 г.) было совершенно подавлено.

Новое законоположеніе увеличило число римскихъ гражданъ болѣе чѣмъ вдвое: до войны ихъ было менѣе 400000 (394, 336 г.), а въ 70 г. число возросло до 900000. Но и здѣсь мы видимъ ту систему обмана и лжи, съ помощью которой Римъ, такъ сказать, давая одной рукою, бралъ обратно другою. Дали право гражданства, но не дали возможности пользоваться имъ въ полномъ объемѣ. Народныя собранія въ Римѣ были единственнымъ органомъ верховной власти народа. Граждане, жившіе въ провинціи, хотя и пользовались, номинально, правомъ гражданства, но не участвовали въ рѣшающемъ голосованіи. Голодная чернь, уходившая въ столицу, окончательно подрывала уваженіе къ этимъ новымъ гражданамъ; на нихъ смотрѣли какъ на низшій классъ. А главное число ихъ, по самому устройству народныхъ собраній, никогда не могло имѣть перевѣса. Помимо того, что въ столичныхъ народныхъ собраніяхъ они натурально появлялись въ небольшомъ числѣ, — изъ нихъ вообще составили не болѣе 8 (но другимъ свѣдѣніямъ не болѣе 15) новыхъ трибъ (подобно тому какъ для отпущенниковъ устроили 4 трибы), тогда какъ старѣйшіе граждане имѣли не менѣе 35 трибъ, слѣдовательно составляли далеко превышающее большинство. Если 22 трибы старѣйшихъ гражданъ стояли за какое-нибудь предложеніе, то новые граждане вовсе не допускались до голосованія. Такимъ образомъ, вѣрнымъ союзникамъ дано было только по формѣ то, чего они требовали до начала возстанія, но не то, чего они домогались въ дѣйствительности, и не то, къ чему стремились при началѣ возстанія: не было настоящаго представительнаго устройства, при которомъ бы всѣмъ гражданамъ государства давалось хотя бы приблизительно равное право голоса. Это неравенство и было причиной того, что возстаніе не прекратилось и послѣ введенія новыхъ законовъ.

Въ дѣйствительности реформы были неудовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ. Къ политическимъ недоразумѣніямъ прибави-

лись крупныя матеріальныя изъязы. Союзническая война чрезвычайно усилила нужду и тяжелое положеніе зависимости должниковъ отъ ихъ кредиторовъ. Они не могли болѣе платить проценты и требовали новыхъ законовъ о долгахъ. Городской преторъ Азелліонъ поддерживалъ ихъ на основаніи стараго, вышедшаго изъ употребленія, закона. Это до такой степени ожесточило капиталистовъ, что они напали на претора въ то время, когда онъ приносилъ жертву богамъ, и убили его. Неудовольствіе должниковъ еще болѣе усилилось, когда оказалось, что по поводу этого преступленія не было даже произведено слѣдствія.

Напряженное состояніе умовъ дошло до того, что даже люди, не только по своему общественному положенію, но и по взглядамъ принадлежавшіе къ сенатской партіи, но сохранившіе независимый образъ мыслей, поняли крайнюю необходимость коренныхъ реформъ. Во главѣ этихъ людей являлся Судъиціей Рухъ, избранный народнымъ трибуномъ на 86 годъ. Сперва онъ выступилъ съ предложеніемъ о возвращеніи изгнанныхъ приверженцевъ реформы. Потомъ онъ внесъ другое предложеніе—о томъ, что сенаторъ, задолжавшій болѣе 2000 денаріевъ (по тогдашнему курсу 800 р.), лишается своего сана; это было могущественное орудіе противъ неподатливыхъ нобилей. Наконецъ, Сульпицій предложилъ, чтобы новые граждане и вольноотпущенники были распределены по всемъ 35 трибамъ, что должно было дать практическое значеніе ихъ голосамъ. Упрямая сенаторская партія старалась помѣшать принятію этого законопроекта тѣмъ, что обнародовала распоряженіе о закрытіи комицій по случаю праздниковъ. Эта мѣра вызвала народное волненіе; законъ былъ принятъ.

Во главѣ сенаторской партіи стоялъ Сулла. Хотя уже назначенный главнокомандующимъ въ войнѣ съ Митридатомъ, царемъ Понта, онъ находился еще въ столицѣ, когда вспыхнуло волненіе. Ему пришлось бѣжать къ своему войску, стоявшему въ Нижней Италіи. По предложенію Сульпиція, народное собраніе отняло у него начальство надъ войскомъ, которое было передано Марію. Но Сулла не подчинился этому рѣшенію—къ его услугамъ было войско; съ нимъ онъ пошелъ на Римъ; бой завязался въ самомъ городѣ; Сулла одержалъ побѣду. Отнынѣ милитаризмъ рѣшалъ судьбы Рима.

Сулла началъ съ составленія списка лицъ, подлежащихъ проскрипціи. Вожаки враждебной партіи были осуждены сенатомъ на смерть; Марій бѣжалъ; Сульпицій былъ убитъ своимъ рабомъ; за этотъ поступокъ Сулла наградилъ раба свободой, но потомъ велѣлъ его сбросить съ Тарпейской скалы за измѣну своему господину—фактъ ярко характеризующій Суллу. Весьма важное значеніе имѣло распоряженіе Суллы, чтобы на будущее время имѣли законную силу только тѣ рѣшенія народнаго собранія, которыя будутъ приняты въ центуральныхъ комиціяхъ (гдѣ наибольшимъ влияніемъ пользовались все еще оптиматы), и притомъ лишь съ предварительнаго согласія сената. Послѣ этого Сулла уѣхалъ изъ столицы, чтобы начать походъ противъ царя Понта.

Тотчасъ по отвѣздѣ Суллы, консулъ Цинна, нарушивъ свою клятву вѣрности Суллѣ, сдѣлалъ попытку возвратить гражданскія права изгнанникамъ и возстановить законы Сульпиція. Но, на этотъ разъ, сенатъ воспротивился. Циннѣ пришлось бѣжать; но онъ призвалъ къ оружію союзниковъ; появился и Марій, собравшій небольшое войско. Скоро оба овладѣли Римомъ. Началось ужасное избіеніе противниковъ; такого времени Римъ никогда еще не переживалъ; по выраженію Веллеія, не было бы большаго кровопролитія, если бы за этимъ не послѣдовала вскорѣ кровавая рѣзня Суллы. Такъ-то началось господство милитаризма; пока римское войско состояло изъ милиціи—подобныя звѣрства были невозможны.

Марій и Цинна были теперь неограниченными господами Рима. Пьянство прекратило жизнь перваго послѣ того, какъ онъ въ седьмой разъ получилъ консульскій санъ.

Между тѣмъ Сулла благоразумно и успѣшно велъ войну противъ Митридата. Самая борьба насъ мало интересуетъ, хотя стойкость этого полуцивилизованнаго восточнаго деспота, который (какъ выразился Наполеонъ I), спасаясь бѣгствомъ, помышлялъ объ уничтоженіи Рима—достойна удивленія. По самому ходу историческаго развитія вся Малая Азія должна была подпасть римскому владычеству. Митридатъ былъ разбитъ и принужденъ подчиниться условіямъ, предписаннымъ ему Суллой.

Послѣ того Сулла «Счастливый», какъ онъ самъ называлъ себя, возвратился съ своимъ войскомъ въ Италію. Цѣлыхъ четыре года страшная междоусобная война (отъ 83 до 79 г.) опустошала полуостровъ. Сулла опять остался побѣдителемъ и ужаснѣйшимъ образомъ свирѣпствовала надъ демократами. Убийствамъ и конфискаціямъ имущества не было конца. Подъ предлогомъ введенія порядка въ эту рѣзню, былъ обнародованъ списокъ осужденныхъ, въ числѣ 80 чел. Но это было только началомъ: на другой день появился новый списокъ съ 220 именами, на третій еще новый—и столько же осужденныхъ. Въ общемъ, въ столицѣ было убито, какъ говорятъ, 4700 гражданъ, въ томъ числѣ 40 сенаторовъ весьма умѣренныхъ убѣждений и 1600 всадниковъ; многіе изъ нихъ, при Маріѣ, были судьями, или дѣлали конфискаціи имущества предметовъ денежной спекуляціи. Кто убивалъ лишеннаго, чрезъ проскрипцію, покровительства законовъ, тотъ не только оставался безнаказаннымъ, но еще получалъ въ награду 12000 денаріевъ (около 3000 р.); а кто давалъ пріютъ такому несчастному, тотъ самъ подвергался преслѣдованію, хотя бы это былъ членъ его семьи. Стоимость конфискованныхъ имуществъ простиралось до 350 мил. сестерціевъ (30 мил. руб.), не считая еще большихъ суммъ, которыя достались прислужникамъ Суллы. Но преслѣдованіе не ограничивалось ни одной столицей, ни отдѣльными лицами; оно распространилось на цѣлые города и даже области. Во время войны избивалось все мужское населеніе завоеванныхъ городовъ (такъ, перерѣзано было 12000 чел. въ Пренестахъ); но и по окончаніи войны города подвергались наказанію за поддержку враговъ: срывались стѣны и отнималась вся поземельная собственность, или, по крайней

мѣрѣ, часть ея. Безчеловѣчнѣ всего обошлись съ самнитами, луканами и этрусками; по приказанію Суллы, вооруженныя шайки проходили черезъ ихъ области, грабили, убивали и жгли, такъ что прежде густо населенныя земли—теперь совершенно опустѣли.

Сенатъ возложилъ на Суллу, этого могучаго вождя аристократовъ, диктатуру новаго рода, съ неслыханными правами. Онъ получилъ право издавать законы, распоряжаться жизнью и имуществомъ гражданъ и притомъ не на опредѣленное время, а до тѣхъ поръ, пока это ему будетъ казаться необходимымъ въ интересахъ государства. Если при данныхъ условіяхъ Сулла, окруженный извѣстнымъ нимбомъ законности и опираясь на слѣпо преданное ему войско, тѣмъ не менѣе не рѣшился протянуть руки къ царской діадемѣ, то этимъ только явно доказывается, до какой степени институтъ монархіи (рекомендуемый доктринерами, поклонниками силы, какъ панацея) былъ противенъ всему складу возрѣвнѣй, желаньямъ и стремленьямъ римлянъ. Сенаторская партія, оставшіеся побѣдительницей въ борьбѣ, не могла благопріятствовать утвержденію единовластія, такъ какъ стремилась возстановить господство аристократіи; народная партія не хотѣла его по другимъ причинамъ, третьей партіи не было. Всѣ фракціи желали республики, ни одна не думала искать спасенія въ монархіи.

Сулла не трогалъ распредѣленія новыхъ гражданъ по 35 трибамъ, но онъ отнялъ у демократическихъ комицій по трибамъ законодательную власть и передать ее исключительно центуріальнымъ комиціямъ, въ которыхъ преобладали нобили. Затѣмъ онъ отнялъ у народныхъ трибуновъ всѣ ихъ права, за исключеніемъ права протеста (интерцессіи) и постановилъ, что всякій, кто разъ былъ трибуномъ, не можетъ занимать другихъ высшихъ почетныхъ должностей; этимъ не только снято было значеніе у трибуната, но и всѣ честолюбивые, въ особенности молодые, люди отклонялись отъ занятія этой должности. Наконецъ, онъ возвратилъ сенату право суда по жалобамъ на притѣсненія и другія подобныя тому преступленія и, кромѣ того, расширилъ кругъ дѣятельности этого судебного мѣста. Такимъ образомъ, демократическія учрежденія были упразднены, а господство аристократіи возстановлено въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Увеличеніе сената на 300 новыхъ членовъ должно было поднять значеніе и вліяніе этой корпораціи. Понятно, что Сулла не забылъ и солдатчины, этой главной опоры насилія: 120000 ветерановъ получили земельные участки и поселились въ конфискованныхъ помѣстьяхъ; изъ всей массы рабовъ, потерявшихъ черезъ проскрипціи своихъ господъ, Сулла выбралъ 10000: они получили свободу и составили нѣчто подобное войску тѣлохранителей диктатора въ Римѣ.

Пробывъ диктаторомъ съ 82 до 79 г. и считая свою задачу оконченной, Сулла сложилъ съ себя полномочіе правителя и сталъ жить частнымъ человѣкомъ въ Путеоли, гдѣ и умеръ въ 78 г.

Мы уже говорили выше, что республиканскій строй Рима рассчитанъ былъ на общинный бытъ только одного города. Но такъ какъ этотъ городъ сдѣлался завоевателемъ и, покоровъ другіе на-

роды, не захотѣвъ дать побѣжденнымъ одинаковыхъ правъ съ побѣдителями, то въ Римѣ уже не могли развиваться представительныя учрежденія, которыхъ тоже желали союзники. Черезъ это республика потеряла драгоцѣннѣйшую часть своего существа: народъ лишился права самоопредѣленія. вмѣсто этого явилось господство: господство города, пріобрѣтшаго могущество, его знати или, наконецъ, единого лица. Зло возрастало оттого, что Римъ былъ не простымъ государствомъ, а сложнымъ, всемірнымъ, которое исключало естественное развитіе отдѣльныхъ странъ и полезное соревнованіе различныхъ государствъ.

Если республиканская форма продолжала существовать даже при такихъ условіяхъ, то это говоритъ только въ пользу ея внутренняго достоинства и прочности. Militarизмъ уже пустилъ свои вредныя корни, вся власть сосредоточилась въ рукахъ одного чловека, а между тѣмъ никому не приходило въ голову замѣнить республиканскую форму монархическою. Позже, конечно, наступили другія времена. Однако, вполне основательно возгласы о «непрочности республики»; не самая форма эта создала чудовищныя условія, а чудовищныя условія были слѣдствіемъ завоевательной политики. Непрочность свободныхъ государственныхъ учреждений тутъ не причемъ; удивительно то, что эти учрежденія могли такъ долго существовать при столь безобразныхъ условіяхъ. Если ужъ порицать, въ этомъ смыслѣ, республику, то развѣ только римскую, гдѣ подъ именемъ республики существовало нѣчто лишнее главное условіе ея сущности: народныя массы не имѣли права самоопредѣленія при условіи равноправности всѣхъ ея членовъ. Если даже большее число жителей провинцій съ теченіемъ времени получили право римскаго гражданства, то все-таки рѣшительнѣе дѣль зависѣло отъ тѣхъ, кто могъ лично присутствовать въ народномъ собраніи въ Римѣ, т. е. фактически оно было въ рукахъ обитателей столицы.

Аристократическій элементъ въ Римѣ развивался въ самомъ дурномъ направленіи. *Principes, Optimates* или *Boni Viri*, какъ они называли себя, утопали въ награбленныхъ, стало быть, безъ труда нажитыхъ богатствахъ. Все чаще встрѣчаются примѣры безмѣрнаго сластолюбія, мотовства и роскоши. Въ этомъ и былъ источникъ систематической порчи лѣнливой, праздною, нравственно все болѣе опускавшейся толпы—это было естественное слѣдствіе указанныхъ условій, о которомъ менѣе всего вправѣ сокрушаться тѣ, которые такъ усердно защищаютъ людей, внесшихъ эту порчу, выставляя ихъ личныя цѣли потребностью времени, будто бы вызывавшаго уничтоженіе свободныхъ учреждений.

Сулла вновь укрѣпилъ господство сената, а съ тѣмъ вмѣстѣ и аристократіи. Тѣмъ не менѣе попытка возвратитъ народу отнятыя у него права вскорѣ возобновилась; попытка, правда, исходила не изъ самаго народа. Отдѣльныя честныя и благоразумныя личности изъ аристократовъ сознавали необходимость уступокъ. Самымъ обычнымъ явленіемъ было то, что честолюбивые и задолжавшіе нобили, нравственно опустившіеся или обѣднявшіе, подъ предлогомъ

народнаго дѣла, проводили свои эгоистическіе планы или же искали въ немъ спасенія отъ гибели. Со временъ Маріа и Суллы, а еще болѣе со временъ Помпея, вмѣсто народа, выступаютъ впередъ отдѣльныя личности, дѣятельность, интриги и прихоти которыхъ рѣшаютъ судьбу болѣшинства.

Учрежденія Суллы были слишкомъ насильственны, чтобы удержаться на-долго. Еще въ томъ же году, когда умеръ Сулла, была сдѣлана попытка разрушить его дѣло. Консулъ Эмилиѣ Лепидѣ предложилъ возстановить трибунатъ и комиціи по трибамъ въ ихъ прежнемъ видѣ, возвратитъ гражданскія права изгнанникамъ и конфискованныя имущества ихъ прежнимъ собственникамъ. Сенатъ воспротивился этому; вспыхнуло междоусобіе, въ которомъ Лепидъ былъ побѣжденъ и убитъ. Это было въ 77 г. до Р. X. Но предложенія возобновлялись каждый годъ. Сперва (въ 75 г.) удалось возвратитъ трибунамъ право занимать другія должности; затѣмъ (въ 70 г.) и магистраты получили свои прежнія права: эта послѣдняя реформа была, не безъ сильнаго противодѣйствія сената, проведена Помпеемъ (названнымъ Суллою «Великимъ»—Magnus), послѣ того какъ онъ вернулся въ столицу побѣдителемъ изъ похода. Отъ всей созданной Суллою реакціи оставались только сенаторскіе суды. Они возбуждали особенно сильное озлобленіе, такъ какъ въ послѣднее время обнаружались всевозможныя безобразія провинціального управленія, совершавшіяся подъ покровительствомъ этихъ судовъ. «Нѣтъ ни одного, самаго отдаленнаго мѣста, говорилъ Цицеронъ въ одной изъ своихъ рѣчей противъ Верреса, «куда бы не проникли произволъ и насиліе римлянъ; не могущества, оружія или войны должны мы бояться, а воплей, слезъ и жалобъ всѣхъ народовъ; они такъ ужасны, что намъ не перенести ихъ». Сенаторскіе суды, прикрывавшіе всѣ эти безобразія, должны были пасть. По новому закону, должности судей распредѣлялись одновременно между сенаторами, всадниками и трибунами-казначейми (зажиточными гражданами), чѣмъ и было устранено преобладающее вліяніе сенаторовъ.

Оптиматы, не будучи въ состояніи принципиально поддерживать свое дѣло, стали опять прибѣгать къ тѣмъ мелочнымъ средствамъ, которыя только раздражаютъ, не измѣняя сущности дѣла. Они склоняли на свою сторону отдѣльныхъ трибуновъ, которые протестовали противъ тѣхъ или другихъ предложеній; возбуждали обвиненія противъ трибуновъ, слагавшихъ свою должность; консулы не признавали выборовъ, которые имъ не нравились, а сенатъ объявлялъ новые законы недействительными. Положеніе было тѣмъ безнадежнѣе, что ни одна партія не въ состояніи была сдѣлать что-либо существенное. Справедливы слова, сказанныя Катилиной въ 63 г.: въ Римѣ два государства: нобили, не многочисленныя, но крайне притязательныя, и народъ: онъ хотя опасенъ сенату, но безъ вождя, безъ плана, безъ руководящихъ мыслей, онъ слѣдуетъ самымъ разнообразнымъ побужденіямъ.

Къ этимъ смутамъ присоединялись постоянныя войны противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Онѣ привели бы къ серьез-

нѣйшимъ послѣдствіямъ, еслибы воюющія стороны не имѣли неблагоразумія дѣйствовать порознь, такъ что когда одинъ поднималъ оружіе, другой уже былъ низложенъ. Къ числу осужденныхъ Суллою защитниковъ народныхъ правъ принадлежалъ Кв. Серторій, человекъ незнатнаго происхожденія, уроженецъ провинціи, но даровитый, честный, любившій свое отечество, какъ немногіе его любили въ это время всеобщаго развращенія. Онъ пошелъ въ Испанію не только, чтобы спастись, но и съ серьезнымъ намѣреніемъ дать снова восторжествовать поруганному народному дѣлу. Восемь лѣтъ длилась эта «Серторіанская война» (80—72 г.). Отважный человекъ сумѣлъ склонить на свою сторону лузитанцевъ, которые бились теперь за него. Онъ разбилъ посланные противъ него войска, даже Помпей понесъ въ этой борьбѣ значительный уронъ. Въ противовѣсъ римскому сенату Серторій, въ самый разгаръ войны, составилъ другой сенатъ изъ 300 членовъ, который онъ думалъ перевести въ Римъ. Не оружіе, а измѣна и убійство положили конецъ этой борьбѣ. Серторій былъ убитъ подчиненными ему военачальниками на пиру устроенномъ однимъ изъ нихъ. Главный виновникъ убійства, завистливый полководецъ Перперна, оказался неспособнымъ продолжать войну съ Помпеемъ.

Едва миновала эта буря, какъ въ самой Италіи, разразилась новая. Для забавы народа, лишеннаго правъ; введены были гладиаторскія игры. Онѣ, какъ кажется, имѣли религіозную основу, потому что сперва о нихъ упоминается только при погребальныхъ церемоніяхъ; но потомъ для нихъ устраиваются особыя празднества. Люди, нарочно подготовленные для этого въ школахъ (значатъ только рабы, военноплѣнные или осужденные преступники, а впоследствии и свободные), сражались публично, на потѣху черни, на жизнь и на смерть. Спартакъ, родомъ еракіецъ, воспитанникъ гладиаторской школы въ Капуѣ, убѣдилъ своихъ товарищей погибнуть лучше въ борьбѣ за свою свободу, чѣмъ ради пустого увеселенія черни. Когда же этотъ смѣлый и даровитый человекъ добился нѣкоторыхъ успѣховъ, число его приверженцевъ увеличилось сверхъ всякаго ожиданія. Онъ собралъ до 120000 гладиаторовъ, рабовъ и другихъ недовольныхъ. Нѣсколько римскихъ войскъ было ими разбито. Эта масса прошла по всей Италіи цѣль конца въ конецъ, повсюду производя грабежи. Съ трудомъ удалось, наконецъ, претору Диннию Брасу уничтожить этихъ враговъ. Самъ Спартакъ палъ въ битвѣ. Эта невольническая война была новымъ признакомъ государственнаго разстройства; она происходила въ 73 и 72 гг. до Р. X.

Трудное положеніе Рима побудило Митридата начать въ 74 г. новую войну, въ которую позднѣе вовлеченъ былъ и Тигранъ, царь армянскій. Война велась съ переменнымъ счастьемъ и сильно затянулась. Въ 66 г. Помпей и въ этой войнѣ получилъ главное начальство надъ римскими войсками. Только въ 63 г., послѣ того какъ Митридатъ умертвилъ себя, война могла считаться оконченной. Въ теченіе послѣдняго похода Помпей пошелъ къ Дербесалиму и, послѣ трехмѣсячной осады, взялъ городъ приступомъ.

Въ этотъ же періодъ вспыхнула война съ морскими разбойниками. Послѣ уничтоженія Кароагена, римляне совершенно забросили свой военный флотъ. Морскіе разбойники стали силой. Говорилось, что у нихъ было 1000 кораблей и 400 крѣпостей въ Сициліи и на Критѣ. Серторій и Митридатъ вступали съ ними въ сношеніе. Снаряжено было противъ нихъ нѣсколько экспедицій, но безъ особеннаго успѣха. Многіе изъ выдающихся людей государства (между прочимъ и Цезарь) попались имъ въ руки. Наконецъ, Помпею было поручено истребить ихъ; ему даны были 500 кораблей, 12000 чел. пѣхоты и самыя широкія права. Этимъ положенъ былъ конецъ безпорядкамъ.

Такимъ образомъ, были устранены всѣ опасности, которыя могли бы имѣть самыя фатальныя послѣдствія, еслибъ обрушились сразу все вмѣстѣ, а не представлялись поочередно. Вмѣсто того, войны съ Митридатомъ и съ морскими разбойниками повели даже къ значительному расширенію границъ государства. Вся передняя Азія (включая Палестину до Евфрата и отчасти за этой рѣкой) была теперь присоединена къ римскому государству.

Однако внутреннее состояніе государства отъ этого не улучшилось. Прежніе безпорядки продолжались. Особенное значеніе получили притѣсненія Катилины, челоуѣка знатнаго рода, въ высшей степени даровитаго и энергичнаго, но еще болѣе погрязнаго въ развратѣ и способнаго на всякую гнусность. Онъ ухватился за народное дѣло, какъ за предлогъ для оуществленія своихъ корыстныхъ цѣлей. Прежде всего, онъ домогался консульства на 63 г. Такъ какъ вмѣсто него былъ избранъ М. Туллій Цицеронъ (знаменитый ораторъ и философъ), то онъ организовалъ заговоръ. Планъ его былъ раскрытъ и разрушенъ консуломъ Цицерономъ. Но постоянно послѣдняго въ сенатѣ, заговорщики были преданы въ Римѣ смертной казни. Самъ Катиллина бѣжалъ въ Этрурію, гдѣ успѣлъ собрать два небольшихъ легіона, но палъ въ битвѣ.

Скоро послѣ этого событія вернулся изъ своего похода Помпей. Его имя было самое популярное въ Римѣ, почему обѣ партіи хотѣли имѣть его на своей сторонѣ. Помпей не склонялся ни въ ту, ни въ другую сторону, но особенно испортилъ свои отношенія къ сенату. Онъ безцѣленно стремился къ тиранніи, и если это стремленіе было безуспѣшнымъ, то только благодаря Марку Порцію Катону (извѣстному въ исторіи подъ именемъ Катона Утическаго, правнука Катона цензора). Высадившись въ Италіи, Помпей распустилъ преданное ему войско, въ надеждѣ, что теперь всѣ партіи поддадутся его интригамъ и предоставятъ ему верховную власть. Онъ ошибся. Отбросивъ опору, онъ тѣмъ только сыгралъ въ руку своимъ противникамъ. Скоро властолюбець убѣдился въ своемъ политическомъ безсиліи; онъ сталъ искать новыхъ связей и это привело его, къ союзу съ Цезаремъ.

Гай Юлій Цезарь родился въ 100 г. до Р. Х.; онъ происходилъ изъ стариннаго патрціанскаго рода. Онъ, однако, примкнулъ къ партіи Марка, а потому, послѣ побѣды Суллы, и ему

грозила опасность проскрипціи. Рассказываютъ, будто диктаторъ, склоняясь на просьбы пощадить Цезаря, воскликнулъ: «Этотъ невзрачный молодой человекъ будетъ поопаснѣ Марія». По смерти тирана, Цезарь всячески льстилъ народу и выказывалъ себя усерднымъ поклонникомъ Помпея, которому дѣятельнѣйшимъ образомъ помогать въ осуществленіи его плановъ. Равно честолюбивый и талантливый, онъ всѣми способами стремился къ значенію и власти. Для этой цѣли онъ не жалѣлъ денегъ. Когда онъ въ 61 г. увѣзжалъ въ Испанію правителемъ, на немъ лежалъ огромный долгъ въ суммѣ 830 талантовъ (около 1 милл. руб.); богатый Крассъ долженъ былъ поручиться за него иреть кредиторами, чтобы дать ему возможность увѣхать. Желая получить консульство на 59 г., Цезарь тайно заключилъ союзъ съ Помпеемъ и Крассомъ; союзъ этотъ названъ былъ «первымъ триумvirатомъ». Вступивъ въ свой новый санъ, Цезарь старался расположить къ себѣ сначала войско Помпея, а затѣмъ и народъ — раздачей земельныхъ участковъ. Такъ, какъ сенатъ сильно воспротивился этому, то Цезарь внесъ свой проектъ прямо въ народное собраніе, помимо сената: это былъ первый примѣръ такой оппозиціи. Сенатъ былъ такъ запуганъ, что не рѣшился на дальнѣйшее сопротивленіе. А когда «одинъ» изъ трибуновъ провелъ законъ объ отдачѣ Цезарю, по окончаніи его консульства, въ управленіе на 5 лѣтъ Цисальпийской Галліи (т. е. Верхней Италіи) — покорный сенатъ далъ ему и Галлію Трансальпийскую, которая въ то время обнимала юго-восточную часть нынѣшней Франціи (отъ Женевского озера до моря и береговую полосу до Пиренеевъ). Впослѣдствіи срокъ этотъ былъ продолженъ еще на 5 лѣтъ.

Ко времени прибытія Цезаря въ Галлію (въ 58 г.) обстоятельства сложились такъ, что представляли удобнѣйшій случай для удовлетворенія его честолюбія. Гельветы, сдѣлавъ изгнаннымъ племені, покинули свою родину, чтобы завоевать себѣ въ Галліи лучшія мѣста. Цезарь разбилъ ихъ и, послѣ страшной рѣзни, принудилъ уцѣлѣвшій остатокъ ($\frac{1}{3}$ гельветовъ) вернуться въ ихъ отечество. Въ то же время, на лѣвомъ берегу верхняго Рейна, появились, подъ предводительствомъ Ариовиста, германскія племена, призванныя частью поссорившихся между собой галловъ. Но и они потерпѣли полное пораженіе. Затѣмъ, римскій полководецъ покорилъ бельговъ и приморскихъ жителей Бретани и Норманди. Двѣ другія германскія народности, узипеты и тенктеры, перешедшія черезъ Нижній Рейнъ, подверглись со стороны Цезаря вѣроломному нападенію и истребленію. Цезарь самъ водилъ свое войско на правый берегъ Рейна (въ 55 г.) и дважды ходилъ въ Британнію, но ни тамъ, ни здѣсь не основалъ онъ прочнаго владычества. Вмѣсто того, иноземное иго вызвало въ 52 г. возстаніе во всей Галліи; римлянамъ нѣсколько разъ приходилось плохо; но, послѣ паденія сильной Алезіи, война окончилась полнымъ водвореніемъ римскаго владычества. Римская культура, которая уже нѣсколько вѣковъ назадъ достигла своего высшаго развитія, пала совершенно.

Нельзя, конечно, оправдывать насилія римлянъ. Но безспорно и то, что галлы, народъ смѣлый и храбрый, хотя и достигли известной степени благосостоянія, большею частью, разумѣется, благодаря разбойничьимъ и хищническимъ походамъ, но ничего не сдѣлали для духовнаго развитія, искусства и науки. Ихъ промышленность стояла на низкой ступени, а въ социальномъ отношеніи знать и жрецы пользовались вредною властью. Теперь же обширная и прекрасная Галлія открылась движенію всеобщей культуры. Безполезно говорить о томъ, не могла ли быть достигнута эта цѣль менѣе кровавымъ способомъ.

Въ то время, какъ одинъ изъ триумвировъ стяжалъ себѣ такимъ образомъ блистательную славу и, что при данныхъ условіяхъ было еще важнѣе, организовалъ безслесно преданное ему войско.—его союзникъ, корыстьлюбивый Крассъ, велъ неудачную войну въ далекой Азіи противъ парсовъ. Его войско (по крайней мѣрѣ 40000 чел., по Аллиану 90000) было уничтожено; изъ 7 легионовъ осталось всего 500 всадниковъ; самъ предводитель былъ убитъ.

Третій триумвиръ Помпей, оставаясь въ Римѣ, чтобы удобнѣе держать въ своихъ рукахъ нити политическаго развитія. Но его неустойчивый характеръ помѣшалъ ему достигнуть желанной цѣли его честолюбія—сдѣлаться верховнымъ правителемъ государства. Онъ то опирался на сенатъ, то расходился и потомъ опять сходилъ съ нимъ. Такъ же точно онъ относился и къ Цезарю. Натянутость отношеній между соперниками постоянно возрастала. Подъ предлогомъ парянской войны у покорителя Галліи были отняты два легиона. Потомъ консулъ Марцеллъ въ послѣднихъ числахъ 50 года возложилъ оборону республики на Помпея. Наконецъ, въ первый день новаго (49) года сенатъ приказалъ Цезарю распустить свое войско; затѣмъ послѣдовала передача консуломъ чрезвычайныхъ полномочій и бѣгство двухъ народныхъ трибуновъ, защищавшихъ интересы Цезаря. Споръ властолюбивыхъ соперниковъ былъ близокъ къ рѣшенію.

Цезарь не только жаждалъ верховной власти, подобно Помпею; но онъ обладалъ также рѣшимостью и смѣлостью въ способъ достиженія своихъ цѣлей, чегд именно не доставало послѣднему. Во главѣ своихъ войскъ онъ перешелъ черезъ рѣчку Рубиконъ, обозначающую границу его провинціи. Помпей, плохо вооруженный и къ тому же покинутый своими войсками, бѣжалъ въ Грецію, между тѣмъ какъ его счастливый противникъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ покорилъ всю Италію, почти не встрѣчая сопротивленія. Послѣ краткаго пребыванія въ Римѣ Цезарь направился сперва противъ греческой колоніи Массилія (Марсель), которая держалась стороны Помпея и рѣшилась мужественно защищаться, а потомъ въ Испанію. Счастье много разъ колебалось. Но помпеянцы были побѣждены на Пиренейскомъ полуостровѣ, а потомъ принуждена была стать и мужественная Массилія. Въ Африкѣ, напротивъ, цезаріанцы потерпѣли значительныя пораженія и весь востокъ оставался во власти Помпея. Тогда Цезарь съ небольшимъ войскомъ пошелъ въ Грецію. Его противникъ, превосходившій Цезаря числен-

ностью войска и кораблей, велъ войну довольно нерѣшительно. Не разъ положене отважнаго честолюбца было почти отчаянное. Наконецъ произошла рѣшительная битва при Фарсаль (9 августа 48 г.). Помпей потерялъ полнѣйшее пораженіе, несмотря на значительный перевѣсъ своихъ силъ. Онъ бѣжалъ въ Египетъ. Опекуны малолѣтняго царя обѣщали ему безопасность, но, какъ только онъ вступилъ на берегъ—они велѣли его умертвить (наканунѣ дня его рожденія, 28 сент. 48 г., когда ему исполнилось бы 59 л.), думая тѣмъ угодить Цезарю.

Но погибель Помпея еще не устранила всѣхъ препятствій, лежавшихъ на пути Цезаря. Прежде всего онъ вмѣшался въ семейныя раздоры членовъ египетской царской фамиліи. Онъ принялъ сторону Клеопатры, прельстившей его своею красотою и умомъ; это поставило его въ затруднительное положеніе относительно египетскаго войска, но, въ концѣ концовъ, онъ подавилъ всѣ враждебныя дѣйствія. Эта послѣдняя война и прелести египетской царицы надолго удержали Цезаря вдали отъ Рима. Прежде чѣмъ покинуть востокъ, онъ легко побѣдилъ Фарнака, сына Митридата, царя босфорскаго.

Помпей въ послѣднее время держалъ сторону сената; побѣда Цезаря вырвала власть изъ рукъ аристократіи. Поэтому, пока Помпей былъ живъ, оптиматы избѣгали оказывать почести Цезарю. Но когда въ Римъ пришло достовѣрное извѣстіе о смерти Помпея, сенатъ унизился передъ побѣдителемъ самымъ недостойнымъ образомъ. Эта нѣкогда столь гордая корпорація не только изощрилась въ способахъ льстиваго угожденія владыкѣ, но и вручила ему право рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ, о распредѣленіи провинцій, о жизни и смерти помпеянцевъ, о назначеніи чиновниковъ не избираемыхъ въ комиціяхъ по трибамъ; кромѣ того, онъ получилъ неприкосновенность, принадлежащую сану народнаго трибуна и, наконецъ, назначеніе диктаторомъ на одинъ годъ и консуломъ на 5 лѣтъ: однимъ словомъ, совмѣщеніе всѣхъ полномочій, которое заключало въ себѣ полновластіе тирана.

Однако, увѣнчанному лаврами побѣдителю государства предстояло преодолѣть еще кое-какія препятствія. Въ самомъ Римѣ вспыхнулъ мятежъ, хотя и не опасный; затѣмъ взбунтовались и войска, не получившія своевременно своего жалованія. Цезарю удалось ихъ успокоить и вновь расположить къ себѣ; они хотѣли быть именно «солдатами», а не «гражданами», какъ называлъ ихъ хитро разсчитывавшій властитель въ своемъ отвѣтѣ—иначе они потребовали бы увольненія изъ строя: все это доказывало, что солдатчина уже была поставлена выше гражданства.

Между тѣмъ помпеянцы въ Африкѣ собрали значительную силу. Цезарь, опередивъ главную массу своего войска, высадился тамъ съ небольшими боевыми силами. Нѣкоторое время онъ долженъ былъ держаться оборонительной тактики. Когда же прибыли подкрѣпленія, онъ нанесъ противникамъ полное пораженіе при Тапсѣ. Много благородныхъ республиканцевъ пало въ этой битвѣ, другіе, избѣжавшіе непріятельскаго меча, сами покончили съ собой.

Такъ поступили Сципіонъ и М. Катонъ (Утическій); послѣдній былъ образцомъ римской добродѣтели и стойкости: это былъ чловѣкъ, который даже въ самыя трудныя минуты проявлялъ чрезвычайную кротость по отношенію къ другимъ и величайшую готовность приносить жертвы; поэтому даже во времена самаго глубокаго упадка и нравственной порчи римлянъ, Катонъ признавался недостижимымъ идеаломъ вѣрности своимъ убѣжденіямъ и самоотреченію. Цезарь вообще поступалъ великодушно со своими врагами—если только примѣнимо здѣсь слово великодушіе, но эти гордые республиканцы не хотѣли быть чѣмъ-нибудь обязаны утѣснителю свободы; они умерли съ стоическимъ спокойствіемъ. По истинѣ трогательно дѣйствовало непоколебимый Катонъ, стараясь, передъ смертью, сдѣлать все, что отъ него зависѣло, для спасенія своихъ единомышленниковъ *).

Работѣнный сенатъ, въ своемъ добровольномъ самоуничиженіи, осыпалъ возвратившагося въ столицу владыку новыми почестіями. Въ четвертый разъ былъ онъ избранъ диктаторомъ и притомъ на 10 лѣтъ, за тѣмъ ему дали санъ «блюстителя нравовъ» (*praefectus morum*) на 3 года, вручивъ ему права цензорской власти. Ему устроили триумфальный въѣздъ какъ бы за побѣды надъ галлами, египтянами и другими народами, а на самомъ дѣлѣ это былъ праздничекъ уничтоженія свободы римскаго народа. Его триумфальную колесницу поставили противъ статуи Юпитера Капитолійскаго; бронзовая статуя изображала самаго побѣдителя стоящимъ на покоренномъ земномъ шарѣ, съ надписью: «Подлугу». Такъ низко упало чувство самоуваженія и нравственности въ той части оптиматовъ, которая въ это время руководила общественнымъ мнѣніемъ. Сенатъ былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ власти и долженъ былъ облекать его предписанія пустымъ именемъ законности, причемъ зачастую даже не считалъ нужнымъ соблюдать предписанныя формы: нѣкогда гордая аристократическая корпорація покорно сносила презрительное отношеніе; доклады въ сенатъ какъ бы въ насмѣшку поручались самымъ неспособнымъ и невѣжественнымъ людямъ; записывались голоса сенаторовъ, находившихся за нѣсколько сотъ миль. Всесильный диктаторъ раздавалъ высшіе титулы и должности людямъ, которые никогда не занимали никакой магистратуры. Народныя собранія сдѣлались несвободными, а потому потеряли всякое значеніе. (Наполеонъ I систематически подражалъ римскимъ учрежденіямъ времяѣ цезаризма и далъ намъ во многихъ отношеніяхъ вѣрный сколокъ съ тѣхъ временъ, а его бездарный племянничекъ старался ему подражать).

Огромныя денежныя суммы, захваченныя или награбленныя Цезаремъ въ различныхъ странахъ, дали ему возможность щедро

*) Напомнимъ здѣсь о словахъ, которыя Луканъ вложилъ въ уста благороднаго Катона: «Какъ отецъ, который самъ кладетъ на костеръ трупъ твоего послѣдняго сына и готовитъ ему печальное торжество, такъ и я не оставляю тебя, о Римъ, пока не буду держать тебя въ своихъ рукахъ бездыханнымъ и пока имя твое, о свобода, не исчезнетъ, какъ пустая тѣнь».

наградить своихъ солдатъ; каждый изъ нихъ, кромѣ обѣщанныхъ земель, получилъ чистыми деньгами 5,000 денаріевъ (около 1200 р.) Каждому простоявшему было выдано 100 денаріевъ. Кромѣ того, для увеселенія народа устраивались роскошныя игры: на одной звѣриной травлѣ на арену было выведено до 400 львовъ: для представленія морскаго сраженія былъ нарочно вырытъ огромный прудъ. Цезарь началъ также новую организацію государства, намѣреваясь съ помощью обольщенной и лишенной власти толпы утвердить свое владычество. Онъ измѣнилъ число и положеніе магистратовъ, давалъ сенаторскій санъ людямъ низкаго происхожденія и увеличилъ число сенаторовъ до 900; такимъ образомъ, въ сенатъ попали люди безъ всякихъ государственныхъ заслугъ, просто фавориты, которые были, конечно, послушнымъ орудіемъ Цезаря, составляя въ сенатѣ большинство, на которое онъ могъ всегда разсчитывать. При замѣщеніи судовъ опять отдавалось предпочтеніе аристократіи и плутократіи, а трибуны-казначей, ближе стоявшіе къ народу, не могли быть избираемы на должности судей. Огромныя денежныя подачки войскамъ требовали чрезвычайныхъ рессурсовъ. Возвышенія налоговъ было недостаточно; нужны были другіе источники. Усилены были штрафы. Съ давнихъ поръ каждый гражданинъ имѣлъ право добровольнымъ удаленіемъ въ ссылку избавиться отъ судебного преслѣдованія. Цезарь прибавилъ къ этому гнусную конфискацію и мучество, дававшую поводъ къ постыднымъ злоупотребленіямъ. Толпа римскихъ бѣдняковъ, при извѣстныхъ условіяхъ небезопасная, была уменьшена на 80000 чел. устройствомъ новыхъ колоній. Столица украсилась нѣкоторыми сооруженіями; съ помощью александрійскаго астронома Сосигена былъ исправленъ календарь. Обитатели Верхней Италиі получили право римскаго гражданства. Эта милость стала теперь средствомъ еще дальше распространять всеобщую зависимость.

Когда Цезарь, послѣ трудной войны, въ сраженіи при Мундѣ (45 г.) уничтожилъ остатки помпейцевъ въ Испаніи, началъ новыя самоуничиженія сената, и притомъ еще въ усиленномъ размѣрѣ, что можетъ казаться почти невѣроятнымъ. Рѣшено было отпраздновать побѣды Цезаря 50-ти-дневнымъ торжествомъ. Мѣсяцу, въ которомъ родился Цезарь, дано было его имя (Юлій—юль); новая статуя его была поставлена рядомъ со статуями 7 царей и Брута старшаго; одна изъ статуй, поставленныхъ въ храмѣ Квириннала имѣла надпись: «непобѣдимому богу». Сенатъ приказалъ, чтобы статуи Цезаря были поставлены во всѣхъ городахъ, а также во всѣхъ храмахъ Рима; этимъ статуямъ должно было воздавать божескія почести. Цезарь хвалился происхожденіемъ отъ богини Венеры и пытался объявить себя свѣтымъ и неприкосновеннымъ. Теперь уже онъ не задумался отпраздновать триумфъ надъ изверженными республиканцами. Это былъ первый триумфъ, отпразднованный римляниномъ по случаю побѣды надъ своими согражданами!—Вѣтъ послѣдовало дальнѣйшее назначеніе консуломъ на 10 лѣтъ, диктаторомъ и блюстителемъ нравовъ пожизненно, и, наконецъ, полученіе почетнаго ти-

титула императора и верховнаго первосвященника (Pontifex Maximus), съ правомъ передачи этихъ титуловъ его потомкамъ.

Надо было вслѣдствіемъ въ высшей степени, чтобы въ такомъ беззастѣнчивомъ поруганіи сенатомъ всѣхъ народныхъ правъ и своего собственнаго достоинства усматривать средство къ обновленію римскаго государства. Но какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ (потому что они повторяются во всѣ времена) было бы заблужденіемъ думать, что всѣ безусловно граждане пали такъ низко, какъ руководящая партія. Послѣ потрясающихъ переворотовъ, подобныхъ только что описаннымъ, почти всегда является наибольшее число честныхъ и добрыхъ людей, карьеристовъ и нравственно и материально погибшихъ людей, которые нагло лѣзутъ впередъ, стараясь превзойти другъ друга во всякихъ мерзостяхъ. Наибольшее усердіе проявляютъ перебѣжчики, которые не въ мѣру подслуживаются побѣдителямъ, чтобы заставить его забыть ихъ прежній образъ дѣйствій. Не только большинство людей зависимыхъ, но и вообще трусы охотно примыкаютъ къ господствующей силѣ. Темная масса плыветъ по теченію. Тотъ, кто во время борьбы принадлежалъ къ другой партіи и не желаетъ поклониться успѣху, осужденъ на молчаніе. Какое бы разумное предложеніе, какое бы справедливое требованіе ни исходило отъ такого человѣка, — они непремѣнно будутъ отклонены и виновникъ ихъ подвергнутъ жестокому гоненію за безнадежное свое начинаніе. Этими условіями объясняются обычные, въ подобныхъ случаяхъ, неумѣренности всякаго рода, переменны и противорѣчя. Неожиданности, которыя при этомъ получаются, являются оттого, что всему народу приписываютъ то, что въ сущности оказывается дѣломъ только единичной партіи, выдвинутой силою обстоятельствъ, часто даже одного какого-нибудь кружка.

Несмотря на то, что общественная порча глубоко виѣдрилась въ Римъ, и несмотря на всю несостоятельность государственнаго строя, — республиканскій духъ и республиканская доблесть, въ особенности высокій патріотизмъ, далеко еще не заглохъ въ сердцахъ гражданъ. Сказалось это и въ поведеніи сената.

Уже пять съ половиною лѣтъ Цезарь былъ фактически владыкою Рима. Но онъ былъ ненасытенъ; его честолюбіе требовало царскаго титула. Какъ это часто бываетъ, жрецы и тутъ послужили орудіемъ власти; сивиллинскія книги должны были освятить человѣческой обманъ. Народъ римскій въ продолженіе 500 лѣтъ воспитывался въ глубокой ненависти къ монархической формѣ правленія. Своимъ стремленіемъ къ царской діадемѣ Цезарь оскорблялъ національное чувство свободы и справедливости. Фантастическія предпріятія, требовавшія неизмѣримыхъ жертвъ и не обѣщавшія существенныхъ выгодъ, ослѣпляли своимъ блескомъ. Неслыханное счастье, до сихъ поръ ему не измѣнявшее, толкало на безумные планы даже такого человѣка какъ Цезарь — новое доказательство, что и въ этомъ смыслѣ власть ведетъ неминуемо къ произволу также, какъ причина вызываетъ слѣдствіе. Опыанный побѣдами, онъ сочинилъ проекты, которые намъ, людямъ 19-го столѣтія, напоминаютъ походъ Наполеона I въ Россію, но на самомъ дѣлѣ были

еще гораздо фантастичнѣе. Не только походъ противъ далекихъ пареянъ, но и послѣдовавшій за нимъ походъ въ неизвѣстныя страны сѣверной Азіи и Европы, должны были изумить міръ. Такой походъ могъ потребовать нѣсколькихъ лѣтъ. Поэтому, три сановника должны были остаться въ Римѣ въ качествѣ намѣстниковъ неограниченнаго владыки; для этого онъ выбралъ такихъ трехъ, которые, по мѣткому выраженію одного новаго историка (Шлоссера) «въ каждомъ порядочномъ человѣкѣ должны были возбуждать опасеніе и страхъ. То были: распутный Антоній, котораго Цезарь назначилъ консуломъ—ненавистникъ свободы, склонный ко всякому насилію; въ товарищи ему назначенъ былъ необузданный и совершенно бездарный Долабелла; третій—Маркъ Эмилий Лепидъ, выбранный начальникомъ конницы, былъ столько же вреденъ своею лѣнью и неспособностью, сколько другіе два своею безразсудною любовью къ мотовству и насиліямъ. Всевластный диктаторъ, отправляющійся на сомнительное завоеваніе вселенной, два консула, которые уже прежде возбуждали кровавые беспорядки, которые всегда готовы были на всякія гнусности и, къ тому же, жили между собой въ открытой враждѣ, наконецъ намѣстникъ диктатора, который по своей лѣни и ничтожности отлично годился быть безвольнымъ орудіемъ тирана—вотъ что улыбалось въ будущемъ неотвыкшимъ еще отъ свободы римлянамъ!» Число недовольныхъ росло, ихъ раздраженіе дошло до послѣдней степени. Даже долгодѣтніе горячіе приверженцы весельнаго находили такое положеніе дѣлъ невыносимымъ. Эллискій взглядъ, признававшій убійство тирана высокою патріотическою заслугой, никогда еще не встрѣчалъ въ Римѣ противорѣчія, а напротивъ того, всегда находилъ сочувствіе. Такъ какъ всякая другая оппозиція была немыслима, то прибѣгли къ этому единственному средству. Болѣе 60 сенаторовъ были согласны въ необходимости этого дѣла и были готовы его исполнить. Они не хотѣли связывать себя присягой; общность убѣжденія и взаимное довѣріе служило имъ ручательствомъ. Во главѣ заговорщиковъ стояли М. Юній Брутъ и Г. Кассій; съ ними были Децимъ Юній Брутъ и Публий Сервій Каска. Первый былъ до извѣстной степени любимцемъ Цезаря; говорятъ, что первая мысль объ убійствѣ тирана принадлежала Кассію.

На «мартовскіе иды» (15-го марта 44 г. до нашей эры) было назначено послѣднее засѣданіе сената передъ отправленіемъ Цезаря въ походъ противъ пареянъ; ходили слухи, что въ этомъ засѣданіи будетъ сдѣланъ докладъ о томъ, что, по пророчеству сивиллинскихъ книгъ пареяне могутъ быть побѣждены только царемъ, и внесено предложеніе о возстановленіи, въ виду этого, монархическаго правленія. Это само собою опредѣляло время и мѣсто низверженія тирана. Замыселъ долженъ былъ свершиться посреди собранія, состоявшаго большею частью изъ креатуръ Цезаря; это должно было служить доказательствомъ того, что совершается не простое убійство, а чрезвычайная кара, при участіи первыхъ гражданъ Рима, передъ лицомъ всего міра—за преступленія противъ государственнаго порядка; кара, къ которой прибѣгаютъ только потому, что достигъ цѣли обыкновеннымъ путемъ было невозможно, такъ

какъ преступникъ, при помощи своихъ солдатъ, держалъ въ оковахъ само государство и суды.

Засѣданіе случайно происходило въ священной залѣ театра, построеннаго Помпеемъ; золотое тронное кресло Цезаря стояло у самого подножія статуи его побѣжденнаго противника. Какъ было условлено, Тиллій Цимбръ обратился къ Цезарю съ просьбою о возвращеніи брата изъ ссылки, въ чемъ ему неоднократно было отказано. Другіе сенаторы окружили его, дѣлая видъ, что хотягь поддержать ходатайство. Снова получивъ отказъ, Цимбръ стащилъ тунику съ плеча властителя: это былъ условный знакъ. Какъ ска первый ударилъ его кинжаломъ, но не сильно. «Негодий, что ты дѣлаешь?» вскрикнулъ Цезарь и, вскочивъ съ кресла, схватилъ злоумышленника за руку. Тогда остальные бросились на него съ кинжалами. Одни изъ фаворитовъ, которыхъ онъ возвысилъ, въ оцѣненіи глядѣли на эту трагедію, другіе—въ ужасѣ разбѣжались,—по обыкновенію всѣхъ фаворитовъ. Видя себя покинутымъ, сознавая невозможность успѣшнаго сопротивленія, Цезарь, закрывъ лицо тогой, упалъ у статуи Помпея, пронзенный 23 ударами кинжаловъ. (Разсказъ о томъ, что Цезарь, увидѣвъ между убійцами Брута, воскликнулъ: «и ты, сынъ мой!», должно считать выдумкой).

Цезарь представляетъ собою явленіе до того необыкновенное во всемирной исторіи и до того могучее, что мы считаемъ нужнымъ прервать обзоръ событій, чтобы вставить нѣсколько замѣчаній объ этомъ знаменитомъ человѣкѣ и о значеніи его внимательства въ судьбы человѣчества.

Политическая исторія не знаетъ человѣка съ болѣе высокимъ дарованіемъ и съ болѣею геніальностью, нежели Цезарь. Одаренный могучимъ геніемъ, умный, способный спокойно взвѣшивать обстоятельства, дѣятельный и смѣлый, онъ великъ какъ государственный человѣкъ и какъ полководецъ, будучи въ то же время знаменитъ какъ другъ и покровитель наукъ и какъ исторической писатель. Его необыкновенная талантливость выказала себя въ разнообразнѣйшихъ условіяхъ его бурной и богатой переменами жизни. Вначалѣ не особенно сочувствуя военному дѣлу и не готовясь специально къ военной службѣ, онъ, уже не въ молодыхъ лѣтахъ (въ то время ему было подлѣ сорокъ), былъ неожиданно, благодаря положенію дѣлъ въ Галліи, вовлеченъ въ нескончаемыя войны, которыя доставили ему славу перворазряднаго полководца. По истинѣ изумительная проницательность, какую онъ обнаруживалъ, соображая условія, средства и способы дѣйствій, въ связи съ отвагой, которая во многихъ случаяхъ обеспечивала успѣхъ тѣмъ, что не медля начиналъ неизбѣжный бой, пока противникъ еще колеблется и готовъ еще только на половину. Последній талантъ, рѣдко вполнѣ оцѣненный, Цезарь (вначалѣ нѣсколько нерѣшительный) проявилъ впоследствии какъ на войнѣ, такъ и въ политической жизни.—Его развитіе шло въ сущности не особенно быстро, но именно потому оно было прочно; онъ проявлялъ иногда чисто юношескую подвижность, энергію и свѣжесть ума; съ другой стороны, зрѣлый опытъ и богатая личная жизнь помогли ему обходить подводные камни и, между

прочимъ, удерживали его отъ проявленія жестокости по отношенію къ побѣжденнымъ врагамъ.

Но какъ бы мы ни уважали и ни цѣнили всѣ эти выдающіяся качества, мы не станемъ вѣрить тѣмъ, кто сдѣло превозноситъ и даже обоготворяетъ Цезаря, какъ это вошло въ моду въ наше время поклоненія всякому успѣху (какъ это дѣлалось и въ наполеоновскую эпоху). При всѣхъ великихъ талантахъ, этому человѣку не доставало того, что конечно иными самозванными гениями цѣнятся очень мало, даже не ставится ни во что, или просто вызываетъ насмѣшку; ему не было даровано нравственной основы характера, истиннаго патриотизма, ему не были дарованы народное право и народная свобода. Вся жизнь его полна чувственныхъ наслажденій, излишествомъ всякаго рода и безмѣрнаго мотовства, въ тѣсной связи съ которыми находилось наглое ограбленіе чужихъ странъ. Руководимый только честолюбіемъ и властолюбіемъ, Цезарь сперва старался играть роль главы демократической партіи, потомъ сдѣлался товарищемъ Помпея; онъ не задумываясь надѣвалъ то одну, то другую маску, когда это могло служить его эгоистическому расчету. Въ заключеніе онъ погубилъ сначала ту партію, которая его возвысила, а потомъ и своего сподвижника. Находясь въ томъ возрастѣ, когда честолюбіе уже могло бы быть подавлено, онъ терпѣлъ безмысленнѣйшую дестъ, вознесившую его до небесъ; а если и говорятъ, что онъ часто останавливалъ преувеличенные похвалы, то достаточно указать на самый родъ почестей, которыя онъ принималъ не задумываясь, чтобы понять, что всѣ его протесты были не болѣе какъ комедія: ему нужно было облечься въ наружный покровъ скромности. Вообще трудно найти во всей исторіи другаго великаго человѣка, общественная дѣятельность котораго была бы такъ разсчитана на театральнѣйшій эффектъ, какъ у Цезаря, особенно въ тотъ періодъ, когда онъ уже не скрывалъ своего стремленія къ единовластію. Его хвалятъ за то, что онъ не льстилъ тѣмъ людямъ, которые защищали свои права и права страны—но вѣдь онъ не позволялъ имъ просто удалиться отъ политической жизни, онъ принуждалъ ихъ къ активному участию въ утвержденіи новаго режима. Онъ былъ склоненъ прощать, но не прощалъ оппозиціонныхъ писателей, которымъ боялся дать поводъ обезславить его передъ потомствомъ. У цезаризма есть обычная фраза: народъ самъ не желалъ болѣе республики, республиканцевъ больше не было. Невѣрность перваго положенія доказывается всѣми фактами. Самъ Моммзенъ, между прочимъ, принужденъ сознаться, что республиканство проявляло себя самымъ рѣшительнымъ образомъ, какъ оппозиція мнѣній (!) «Ничья рука не двигалась, когда появлялся императоръ среди народа. Масса прибитыхъ къ стѣнамъ памфлетовъ и стиховъ были исполнены горькой и мѣткой сатиры противъ новой монархіи. Громкое одобреніе привѣтствовало комедіанта, дозволившаго себѣ намекъ на республику. Восхваленіе Катона было модной темой авторовъ оппозиціонныхъ брошюръ, и писанія ихъ находили тѣмъ болѣе благодарную публику, чѣмъ менѣе свобода была литература». Народъ римскій, внѣ всякаго сомнѣнія, желалъ не монархіи, а сохраненія республики—и этимъ тогдашніе римляне горди-

лись. Что же до того, будто не было болѣе республиканцевъ, то достаточно назвать имена Катона, Врута, Кассія и многихъ другихъ, чтобъ доказать живость такого увѣренія. Наконецъ, надо спросить: что же прочнаго сдѣлалъ этотъ кумиръ для пользы своего народа и чело-вѣчества? Покореніе Галліи римскому владычеству—военный под-вигъ, подобныхъ которому не мало совершено другими завоевате-лями. Помимо же этого дѣянія, мы видимъ уничтоженіе республики, установленіе абсолютной монархической власти и основаніе съ этою цѣлью полнаго милитаризма. Цезарь ввелъ пагубную систему при-нятія въ войско наемныхъ и поземцевъ, а эта система до-вела могучее римское государство до того, что подъ конецъ оно сдѣлалось зависимымъ отъ прихоти и алчности варваровъ. Въ огром-ныхъ размѣрахъ тратилъ онъ народный капиталъ на солдатчину, а черезъ это молодежь отрывалась отъ труднаго, но честнаго ре-месла, требующаго усидчивости; между тѣмъ, всё необходимыя для этого суммы выжимались изъ самихъ мирныхъ гражданъ. Каждый простой солдатъ за свое участіе въ междоусобной войнѣ полу-чилъ въ награду 20,000 сест. (около 2500 р.), а каждый простолюдинъ въ столицѣ за неучастіе въ той же войнѣ, кромѣ хлѣба, получилъ еще денежную прибавку въ 300 сест. (32 руб.): всё эти подачки приучали солдатъ и простой народъ къ алчности и подго-товляли безчисленныя волненія, содѣйствуя не пресловутому возро-жденію, а, наоборотъ, паденію гнилого общественнаго строя. Дѣйствіе цезаризма сказалось также въ обезлюденіи Италіи—состоя-тельствѣ, лучше другихъ рисуящемъ отрицательныя стороны пре-словутой новой эры. Нескончаемыя реквизиціи, поборы и грабитель-ства не давали землевладѣльцамъ возможности пользоваться пло-дами своихъ трудовъ. Къ чему имъ было долѣе мучиться? Огром-ныя полосы нахатной и пастбищной земли лежали заброшенныя безъ пользы, обратились въ пустыри; народонаселеніе гибло отъ нужды и бѣдствій, или вело скитальческую жизнь, или же искало себѣ лучшей доли на чужбинѣ, въ завоеванныхъ провинціяхъ, но и тамъ либо погибало, либо сосало и грабило туземцевъ. Приходи-лось останавливать убыль населенія искусственными средствами: награжденіемъ родителей многочисленныхъ семей, особымъ налогомъ на холостяковъ, запрещеніемъ пребыванія за предѣлами Италіи. Но и это не помогало—народонаселеніе продолжало уменьшаться. Ду-мали помочь дѣлу законами противъ роскоши, особенно противъ роскоши стола и поминковъ мертвыхъ; придумывали новые законы о долгахъ; причемъ «блюститель нравовъ» (про безнравственность котораго его собственные солдаты плѣли на триумфальныхъ праздни-кахъ насмѣшливыя пѣсни и который въ самомъ началѣ своей по-литической карьеры буквально погрязалъ въ долгахъ), объявилъ должникамъ, что они имѣютъ право вычестъ изъ долговаго капи-тала всё уплоченные займодавцамъ проценты и проч.

Мы видимъ, какою цѣною было вообще куплено уничтоженіе республики. Ниже мы принуждены будемъ изобразить, хотя въ об-щихъ чертахъ, какого рода дальнѣйшія условія породилъ этотъ «но-вый порядокъ вещей», выдаваемый за неизбѣжное «нравственное

возрождение государства»; мы увидимъ, какъ безумнѣйшій деспотизмъ и преторіанство, ставшее постепенно головой выше самихъ «едино- и самовластителей», повергли римскій міръ въ анархію, безправіе, жестокость, грубость и кровожадность, какихъ не видали никогда ни республиканская Греція, ни Римъ при своихъ свободныхъ учрежденіяхъ,—даже не исключая періода императорствовавшихъ соперниковъ Марія и Суллы *).

*) Намъ въ высшей степени непріятно полемизировать. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ своею обязанностью самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ такихъ историковъ какъ Моммзенъ, и ихъ изображенія политическѣй исторіи, потому что ихъ восхваленіе деспотической политики и поклоненіе успѣху извращаетъ объективную исторію, подрываетъ чувство нравственности и свободы народа и, насколько зависитъ отъ такой книги, вредно вліяетъ на общественные взгляды. Поэтому, въ послѣдній разъ, еще нѣсколько словъ объ указанномъ авторѣ по поводу изображенія имъ цезаризма: для того чтобы характеризовать его сочиненіе, было бы впрочемъ вполне достаточно цитировать подлинныя слова этого автора-профессора, стало быть, воспитателя юношества. Не будемъ, однако, владаться въ оцѣнку безчисленныхъ хлесткихъ и громкихъ словъ, которыми г. Моммзенъ любитъ приправлять продукты своей политической кухни. По существу дѣла, онъ исходитъ изъ такого положенія: «Римъ только выигрывалъ отъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣропріятій деспота, который устранялъ всѣ остатки свободныхъ учреждений». Вѣрность убѣжденіямъ и самопожертвованіе республиканцевъ, этихъ людей, соглашавшихся лучше отдать за идею свое имущество и даже свою жизнь, нежели служить деспотической власти и участвовать въ предлагаемыхъ ею выгодахъ—эти добродѣтели не только не находятъ достойной оцѣнки, но даже вызываютъ насмѣшки и глумленіе; эти безкорыстные, т. е. въ глазахъ Моммзена «непрактичные» люди представляются ему просто «ограниченными радикалами, которые, ради громкихъ словъ программы своей партіи (!) жертвовали имуществомъ и жизнью». (Такую плоскую критику позволяетъ себѣ учитель, который лично ничѣмъ не заявилъ себя на поприщѣ практической общественной жизни!) Катонъ, въ его глазахъ—глупецъ, или, по болѣе типичному взгляду г. Моммзена, онъ то «напыщенный полудуракъ, то просто дуракъ». «Какая потрясающая картина—на той самой мировой сценѣ, на которой дѣйствовало такъ много великихъ и мудрыхъ людей—долженъ былъ фигурировать—дуракъ». Неужели исторія существуетъ для того, чтобы за величайшія жертвы свободѣ и отчизнѣ награждать такими приговорами! Правда, не всѣ еще профессора исповѣдуютъ моммзенскую вѣру; къ чести этой корпораціи слѣдуетъ упомянуть, что другой профессоръ, Кёхли, давъ замѣчательно мѣткій отпоръ неприличной выходкѣ своего коллеги («Sato von Utica», статья напеч. въ «Академическихъ чтеніяхъ и рѣчахъ д-ра Герм. Кёхли»), и въ томъ же смыслѣ отвѣтилъ ему д-ръ А. Бринцъ въ своей вступительной рѣчи въ сенатѣ тубингенскаго университета. Но если Моммзенъ указаннымъ способомъ уничтожаетъ Катона, то совершенно другое мѣрило у него для Цезаря. Онъ такъ рисуетъ сокрушителя римской республики, что можно подумать, что онъ совершилъ плагиатъ надъ описаніемъ идола, взятымъ изъ сочиненія какого-либо фанатическаго изуверъ. Любоусердный богословъ могъ бы примѣнить къ своему святому это прославленіе распутнаго Цезаря. «Такая личность могла быть понята одними поверхностно, другими—глубже, но въ общемъ—мнѣніе не могло расхотиться; перелѣ каждымъ изслѣдователемъ, не лишеннымъ здраваго смысла, величественный образъ являлся съ одними и тѣми же существенными чертами, а между тѣмъ воспроизвести его наглядно еще никому не удалось. Вся тайна въ его совершенствѣ. И какъ человекъ, и какъ историческое лицо Цезарь стоитъ на той точкѣ, въ которой великія противорѣчія бытія взаимно уравниваются... Какъ художникъ можетъ живописать все, кромѣ совершенной красоты, такъ историкъ, встрѣчающій совершенство одинъ разъ въ каждое тысячелѣтіе, можетъ о немъ только умолчать. Потому что можно выразить правило, но оно даетъ намъ только отрицатель-

Бросимъ взглядъ на дальнѣйшій ходъ событій.

Люди, разстроившіе деспотическіе и напослѣдокъ даже фантастическіе планы Цезаря, безспорно были представителями самаго чистаго патріотизма и высшей образованности ихъ времени: они соединяли ученія греческой философіи съ истинно республиканскими принципами, были римляне въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Они принадлежали къ знатному и богатому классу.

ное понятіе объ отсутствіи недостатка; выразить тайну природы въ ея совершеннѣйшихъ проявленіяхъ, связь между нормальнымъ и индивидуальнымъ—немыслимо. Намъ остается только завидовать счастьемъ тѣхъ, которые видѣли это совершенство, и угадывать его по тому отблеску, которымъ навѣки остаются озарены труды, созданные этой великою личностью». Моммзенъ подыскиваетъ даже чисто библейскія выраженія. Такъ, «Цезарь пришелъ (правда, вопреки утвержденіямъ въ другихъ мѣстахъ, но это ничего не значитъ!) не разрушить, но исполнить свободу», и т. п. Но довольно примѣровъ подобнаго отношенія къ исторіи. Иной капуцинъ могъ бы позавидовать мастерскому искусству г. Моммзена, по части обоготворенія. Вѣроятно и Наполеонъ III приходилъ отъ него въ восторгъ. Въ насъ, конечно, оно возбуждаетъ другое чувство—отвращеніе.

Впрочемъ, Моммзенъ только беззащитнѣйшій представитель цѣлой фракціи нѣмецкихъ историковъ. Въ «Историческомъ журналѣ» г. Зибеля (1868 г., книжка 2), также преклоняющагося передъ успѣхомъ, нѣкто г. Ниссенъ говоритъ въ томъ же родѣ. Онъ исходитъ изъ такого положенія: «Всѣ писатели древняго и новаго времени согласны въ томъ, что монархія была для тогдашняго міра необходимою и благомъ». Для этого ученаго господина, какъ кажется, не существуютъ ни Тацитъ, ни Светоній, какъ «писатели древняго времени», разъ ихъ нельзя приладить къ произвольному доктринарному утвержденію. Для насъ непонятна логика и непослѣдовательность г. Ниссена, который, съ одной стороны, смысляетъ «на всѣхъ писателей древняго и новаго времени», а съ другой—въ самомъ началѣ той же статьи жалуется, что школа Нибура усмотрѣла во всей эпохѣ императоровъ только «упадокъ», разрушеніе всего, что было великаго, благороднаго и замѣчательнаго въ предыдущей эпохѣ; объясняетъ онъ это тѣмъ, что «самые блестящіе представители римской литературы, Цицеронъ, Ливій, Гораций, Тацитъ или выступаютъ открыто противъ новаго порядка вещей, или съ глубокимъ сожалѣніемъ говорятъ объ уничтоженной свободѣ и погибшей добродѣтели прежнихъ поколѣній». Авторъ очевидно забылъ то, что самъ сказалъ выше. Далѣе г. Ниссенъ усматриваетъ «огромный прогрессъ въ прекращеніи республиканскаго произвола и затѣмъ въ возстановленіи мирныхъ, упорядоченныхъ условій». Произвольныя казни, убійства и прочія беззаконія авторъ, повидимому, вовсе не принимаетъ въ расчетъ, ибо все это «касалось только небольшого круга политическихъ дѣятелей, которые спорили съ цезарями о всемірномъ владычествѣ: это была игра, въ которой на карту ставилась—жизнь». Такъ вотъ каковы были мирныя и упорядоченныя условія, достойныя человека и нравственности—никто не могъ заниматься общественными дѣлами, не подвергаясь опасности; вотъ въ чемъ были необходимость, прогрессъ, благо этой новой эры! Помимо сказаннаго, видна еще подтасовка фактовъ. Развѣ всѣ тѣ, которыхъ убивали за ихъ богатства, или тѣ частныя лица: мужчины, женщины, даже дѣти, которыхъ власть предержавшая—зачастую по внушенію блудницы или злобнаго фаворита—приказывала убивать развѣ всѣ они хотѣли вырвать всемірное владычество изъ рукъ цезарей? «Догматъ божественности императора необходимо коренится въ воззрѣніяхъ того времени», разсуждаетъ г. Ниссенъ и безъ сомнѣнія относитъ скачекъ отъ воззрѣній республиканцевъ къ идеямъ вдохновенныхъ имперіалистовъ къ успѣхамъ, достигнутымъ прекращеніемъ «республиканскаго произвола». Фразу: «республика не была жизнеспособна» основываютъ въ концѣ концовъ опять таки на томъ

Приверженцы власти и абсолютизма—Наполеонъ I, какъ и нѣмецкій профессоръ—пытались отдѣлаться отъ нихъ простымъ словечкомъ «аристократы»; на нашъ взглядъ, это возвышенные, безкорыстные люди, вѣрные своимъ убѣжденіямъ, отдавшіе свою жизнь за идею, за общее благо. Если ихъ попытка спасти республику не удалась, то ближайшая причина этого въ томъ, что они, вступивъ на свой путь въ интересахъ невѣрно примѣненной, мнимой гуманности, не пошли еще на одинъ шагъ дальше; имъ нужно было, кромѣ Цезаря, сдѣлать безвреднымъ и Антонія, котораго онъ назначилъ консуломъ, человѣка хитраго, властолюбиваго, распутнаго деспота, во всѣхъ отношеніяхъ опаснаго. Вопросъ объ этомъ возбуждался заговорщиками, но они отказались отъ этой мысли, послѣ того какъ Брутумъ, кажется, было заявлено, что самозащита не должна идти дальше самаго необходимаго. Выражалась, правда, надежда, что великодушіемъ можно и этого человѣка заставить обуздать свои дурныя качества. Но это было тяжелой ошибкой, стоившей римскому государству цѣлаго потока крови и приведшей возрожденную республику прямо къ гибели.

Союзники вообще не уяснили себѣ, какъ поступить тотчасъ послѣ смерти Цезаря,—вѣроятно они слишкомъ понадѣялись на правоту своего дѣла и слишкомъ разсчитывали на то, что всеобщее одушевление преодолѣетъ всѣ препятствія. Но вышло иначе: систематическая порча правовъ дала себѣ знать и скоро оказалось, что во времена революціи недостаточно благородныхъ намѣреній, когда нѣтъ яснаго плана дѣйствій и серьезной осмотрительности.

Народъ видѣлъ, какъ приверженцы Цезаря, не поспѣвшіе сдѣлать что-либо для его спасенія, бѣжали въ ужасѣ изъ засѣданія сената. Куда они ни приходили, они приносили съ собою страхъ, и страхъ этотъ передавался другимъ, такъ какъ союзники не успѣли объявить объ утвержденіи новаго порядка, не успѣли установить какое-либо временное правительство. Поэтому, когда враги Цезаря, какъ кажется, молчаливо появились на улицѣ,—народная масса казалась озадаченной, смущенною, почти безучастной. Совершившееся не произвело ожидаемаго впечатлѣнія; напротивъ, нужно было опасаться реакціи со стороны тѣхъ, которые пользовались благоволеніемъ тиранна и могли найти поддержку въ праздно толпѣ, падкой до расточительности самодержавнаго режима и до всякаго рода наслажденій. При такихъ-то условіяхъ, заговорщики, вмѣстѣ съ состоящими у нихъ на службѣ гладіаторами, удалились на Капитолій, не зная какъ поступать далѣе.

Вечеромъ тамъ собралось нѣсколько сенаторовъ, и между ними Цицеронъ; не будучи человѣкомъ дѣла, онъ вначалѣ было устранился, хотя Брутъ и выкликалъ его имя. Цицеронъ предло-

только обстоятельство, что эта государственная форма фактически была ниспровержена. Но сказать это, не значить ли назвать неспособнымъ къ жизни большого, слабого человѣка, на котораго напалъ хищный звѣрь? Если же это прикрашиваніе не выдерживаетъ критики, то нельзя, точно также, приводить въ оправданіе новаго режима—хорошіе плоды послѣдняго, потому что плоды эти были не только не хорошіе, а напротивъ того, самые скверные, какъ мы это подробнѣе увидимъ ниже.

звать сенатъ. Хотя Римъ находился на революціонномъ положеніи, но планъ Цицерона встрѣтилъ препятствіе въ пустой формальности: по закону, сенатъ могъ быть созванъ или консуломъ, или народными трибунами; но консуломъ былъ опасный Антоній, а трибуны получили свои должности отъ Цезаря и были врагами переворота. И вотъ произошло то, чего не должно было произойти: выжиданіемъ пропустили драгоцѣнное время и наконецъ напали на несчастную мысль—вступитъ въ переговоры съ Антоніемъ.

Этогъ сначала трусливо спрятался. Но, узнавъ о крайней нерѣшительности и затѣмъ бездѣйствіи заговорщиковъ, онъ показался на свѣтъ. Теперь же, когда къ нему обратились за содѣйствіемъ, онъ увидѣлъ возможность, посредствомъ хитрости, захватить въ свои руки власть и—занять мѣсто Цезаря.

Онъ согласился созвать сенатъ на 17 марта; въ этомъ засѣданіи, вѣроятно по предварительномъ соглашеніи между нѣсколькими вліятельными сенаторами, была съ одной стороны объявлена амнистія убійцамъ Цезаря, съ другой—были признаны имѣющими законную силу всѣ распоряженія убитаго, даже тѣ, которыя еще не были обнародованы, а заключались въ бумагахъ, находящихся въ рукахъ Антонія.

Это уже было начало реакціи. У заговорщиковъ хватило мужества поставить на карту жизнь ради революціи, но неостало благоразумія довести дѣло до конца.

«Мирные граждане», эти всегда близорукіе и слабые люди, радовались совершившемуся «примиренію»; они увѣрили себя, что теперь возстановленъ и закрѣпленъ порядокъ и всеобщее довольство; они не подозрѣвали, что эта преобладавшая теперь добродушная слабость поведетъ къ самой ужаснѣйшей анархіи—къ безправію, ограбленію гражданъ и кровопролитію.

Неувѣренный еще въ своей силѣ, Антоній вначалѣ прикидывался сторонникомъ республики. Это было гнусное лицемеріе. При первомъ удобномъ случаѣ, онъ постарался возбудить народъ противъ республиканцевъ,—разумѣется не изъ-за убитаго Цезаря, а для того, чтобы удержать неограниченное владычество и заполучить власть въ собственныя руки.

Для этой цѣли ему послужило, прежде всего, завѣщаніе Цезаря. Когда толпа услышала, что Цезарь каждому бѣдному гражданину завѣщалъ по 75 денаріевъ, а свои чудные сады отдалъ въ общественное пользованіе—ея сочувствіе перешло открыто на сторону покойнаго. Съ удовольствіемъ узнали, что убитый усыновилъ и назначилъ своимъ главнымъ наслѣдникомъ внука своей сестры, Гаія Юлія Цезаря Октавіана; ненависть же къ убійцамъ усилилась, когда было сообщено, что не только Антоній, но и Децимъ Брутъ, одинъ изъ убійцъ, былъ поставленъ въ числѣ такъ наз. второстепенныхъ наслѣдниковъ. Толпа, понимающая только денежныя выгоды, кричала о неблагодарности республиканцевъ вообще.

Затѣмъ были устроены торжественныя похороны и тутъ Антоній выступилъ самолчно. Антоній сказалъ надгробную рѣчь и съ необыкновенной театральной ловкостью сумѣлъ возбудить страсти.

Онъ блестящими красками изобразилъ военные подвиги Цезаря, потомъ перечислялъ его щедроты по отношенію къ народу. Какъ часто сенатъ ручался за безопасность этого величайшаго государственнаго человѣка и героя, какими высокими почестями осыпалъ онъ его! И вотъ Цезарь коварно убитъ въ собраніи того же сената! Для усиленія сценическаго эффекта, Антоній показаль рыдающей толпѣ изорванную кинжалами и окровавленную одежду покойнаго, потомъ восковую куклу, на которой виднѣлись 23 раны.—Народъ былъ доведенъ до ярости.

Печальное явленіе! Дошло до того, что судьба Рима, т. е. судьба всего тогдашняго культурнаго міра, зависѣла отчасти отъ театральнаго искусства честолюбиваго сластолюбца, готоваго на всякое насиліе и лишеннаго всякой нравственной опоры! Проклятіе завоевательной системы, деспотизма, ограбленія и порабощенія другихъ народовъ—оказывало свое пагубное дѣйствіе.

Отвыкнувъ отъ всякой полезной дѣятельности, народная масса не имѣла ни имущества, пріобрѣтеннаго собственнымъ трудомъ, ни настоящаго образованія, ни здравыхъ сужденій объ общественныхъ дѣлахъ.

Республиканцы, которымъ не легко было укрываться въ своихъ домахъ отъ взрывовъ ярости систематически возбужденной противъ нихъ толпы, рѣшились оставить столицу, тѣмъ болѣе, что Антоній сформировалъ тамъ цѣлый отрядъ тѣлохранителей изъ ветерановъ Цезаря. Съ помощью подложныхъ документовъ, выдаваемыхъ имъ за бумаги Цезаря, Антоній могъ достигнуть всего у залупаннаго сената. Онъ не только завладѣлъ всею наличною государственною казною, но и пользовался мнимыми бумагами Цезаря, чтобы раздавать имущество, должности, всякаго рода привилегіи, якобы отъ имени Цезаря, а на самомъ дѣлѣ продавая все это за огромныя суммы! Рука объ руку съ этимъ шла раздача государственныхъ земель ветеранамъ, потому что только на войско вѣдь и опиралась эта благодѣтельная тиранія.

Несмотря на все это, большинство сенаторовъ втеченіе полгода (до сентября 44 г.) позволяло Антонию дурачить себя и водить себя за носъ. Думая только о томъ, какъ бы отсрочить на время неизбежное столкновеніе, эти покладистые, но близорукіе люди—къ нимъ принадлежалъ долгое время и Цицеронъ—терпѣли всякія безобразія и утверждали все, что имъ диктовали. Они сами подрывали свою силу и свой авторитетъ. Наконецъ, когда высококомѣрныя и тиранническія поползновенія превзошли всякую мѣру, и когда, съ другой стороны, предвидѣлась помощь, вспыхнуло неудовольствіе, которое и вызвало, между прочимъ, первую изъ 14 филиппикъ Цицерона.

Усыновленный Цезаремъ Октавіанъ, который долженъ былъ сопровождать своего дядю въ пароянскій походъ и уже былъ посланъ въ походъ въ Иллирію, получивъ извѣстіе о его смерти, вернулся въ Италію. Ему шелъ только 19-й годъ, но онъ велъ себя чрезвычайно хитро со всѣми, въ особенности по отношенію къ Антонию и къ сенату, руководителемъ котораго, въ это время, являлся политически несостоятельный Цицеронъ. Въ то же время,

Октавианъ старался втихомолку привлечь къ себѣ народъ и подкупить войско Антонія.

Послѣдній чувствовалъ необходимость дѣйствовать рѣшительно, чтобъ обезпечить себѣ господство. Онъ пошелъ противъ Децима Брута, съ намѣреніемъ прогнать его изъ Цисальпинской Галліи, которой тотъ управлялъ. Благодаря проiscaмъ Октавиана, часть войска дѣйствительно отпала отъ консула и примкнула къ нему какъ къ наслѣднику Цезаря.

Открытый разрывъ былъ теперь неизбеженъ. Децимъ Брутъ упорно сопротивлялся въ городѣ Мутиѣ (Моденѣ). Сенатъ, по настоянію Цицерона, объявилъ Антонія врагомъ государства и поручилъ въ 43 г. Октавиану и обоимъ консуламъ начальство надъ войсками, выставленными противъ него. Послѣ упорной битвы Антоній былъ разбитъ и бѣжалъ въ Трансальпинскую Галлію. Республика, казалось, была спасена, такъ какъ и Маркъ Юній Брутъ и Кассій побѣдоносно, на всемъ Востокѣ, сражались противъ войскъ Антонія. Оставалось нанести ему послѣдній ударъ.

Но до этого не допустилъ Октавианъ. Онъ желалъ не возстановленія республики, а продолженія монархіи; честолюбивый и властолюбивый, онъ хотѣлъ обладать наслѣдствомъ Цезаря въ его глазахъ государство, земля и люди были не болѣе, какъ простое имущество.

Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать уничтоженію Антонія, онъ вступилъ съ нимъ въ тайныя сношенія, во главѣ порученнаго ему войска самовольно пошелъ въ Римъ и принудилъ безсильный и лишенный авторитета сенатъ дать ему санъ консула, взять назадъ приговоръ надъ Антоніемъ и, наконецъ, отмѣнить амнистию, дарованную убійцамъ Цезаря; послѣ этого онъ вызвалъ ихъ къ суду и такъ какъ никто не явился, то онъ осудилъ ихъ на смерть.

Вслѣдъ затѣмъ онъ снова выступилъ въ походъ. Къ Антонію присоединился военачальникъ Лепидъ. Вступать въ бой съ этими противниками не входило въ расчеты Октавиана, — это послужило бы только на пользу ненавистнымъ республиканцамъ. Поэтому, Октавианъ, Антоній и Лепидъ съѣхались на маленькомъ островѣ рѣчки Рена (нынѣ Рено), недалеко отъ Бононіи (Болоньи), въ виду своихъ войскъ, стоявшихъ на обоихъ берегахъ рѣчки. Сначала исполненные недовѣрія и неясности, они, послѣ двухдневнаго совѣщанія, порѣшили на уничтоженіи республиканцевъ и на раздѣлѣ государства между собой. Они, въ качествѣ триумвировъ (трехъ мужей), рѣшили взять въ свои руки власть на 5 лѣтъ, раздать впередъ, на все это время, всѣ должности, раздѣлить между собою провинціи и, наконецъ, устранить своихъ личныхъ противниковъ посредствомъ проскрипцій, чтобы конфискаціей ихъ имущества добыть средства для осуществленія своихъ дальнѣйшихъ плановъ. Объ этомъ соглашеніи было сообщено не народу, а войску, разумѣется, съ утайкой послѣдняго пункта; радостные крики солдатъ, а не рѣшеніе народа или сената, дали санкцію этому договору.

Триумвиры начали съ того, что немедленно сами составили первый списокъ обрекаемыхъ на смерть. Ни одинъ изъ этихъ но-

Л
 выхъ владыкъ Рима не задумался отдать своихъ близкихъ родственниковъ или вѣрныхъ приверженцевъ на мнѣніе обоимъ своимъ товарищамъ. Октавіанъ пожертвовалъ Цицерономъ, преданнымъ ему почти до покорности. Антоній помѣстилъ въ ужасный списокъ своего дядю, Лепидъ—своего брата; ничто не уважалось: ихъ не останавливали ни узы крови, ни дружба. Смертные приговоры были приведены въ исполненіе еще прежде, чѣмъ новые тираны врибыли въ Римъ. За первыми проскрипціями слѣдовали другія. Полагаютъ, что было убито 300 сенаторовъ и до 2000 всадниковъ. Исчезло всякое человѣческое чувство; все чаще и чаще стали проявляться гнуснѣйшія черты корысти и предательства. Особымъ эдиктомъ была обѣщана награда за голову каждаго осужденнаго: свободному человѣку 25000 денаріевъ (драхмъ, около 5000 р.), рабу—свобода и 10000 денаріевъ (около 2000 р.). Случалось, что жены выдавали палачамъ своихъ мужей, сыновья—отцовъ, и наоборотъ. Но, къ чести человѣческой природы, слѣдуетъ упомянуть, что были также примѣры благороднѣйшаго самопожертвованія. Убивали не въ моментъ возбужденія и озлобленія, а по хладнокровно обдуманному плану, съ трезвымъ расчетомъ, и притомъ убивали людей совершенно безоружныхъ, лишенныхъ всякой возможности защищаться. «Все, что хотя нѣсколько превышало толпу», замѣчаетъ новѣйшій историкъ (Петеръ), «подвергалось истребленію, если не принадлежало къ побѣдоносной партіи; косили цѣлыя ряды благородныхъ фамилій».—это янѣе всего видно изъ того, что уже въ первыя времена имперіи попадаетъ мало носителей древнихъ знаменитыхъ именъ. А съ ними и въ лицѣ ихъ уничтожались носители республиканскихъ обычаевъ и воспоминаній, и, слѣдовательно, единственные остатки и представители республики. Съ ними вмѣстѣ, прибавимъ мы, исчезъ почти весь образованный и состоятельный классъ римскихъ гражданъ; онъ былъ искорененъ, чтобы дать просторъ благодѣяніямъ монархіи. Но до какой степени естественное, здоровое, нравственное сужденіе объ этихъ возмутительныхъ явленіяхъ насилуется и искажается обычнымъ въ нашихъ школахъ изображеніемъ фактовъ, невольный примѣръ тому даетъ тотъ же историкъ, замѣчанія котораго мы привели выше: вслѣдъ за упомянутыми словами онъ пишетъ: «Конечно, все это должно было случиться, чтобы дать мѣсто новому развитію и, въ особенности, полному возрожденію нравственной жизни»; онъ думаетъ только, что самихъ триумфировъ нельзя оправдать. Въ виду безмѣрныхъ ужасовъ, которыми открывалась новая эра, въ виду всевозможныхъ гнусностей и того чудовищнѣйшаго поруганія всякой нравственности, какими исполнена вся послѣдующая исторія цезарей, человѣкъ, въ общемъ довольно свободныхъ убѣжденій и безпристрастный, рѣшается говорить о необходимости истребленія республиканцевъ и даже—о «полномъ возрожденіи нравственной жизни!»

Этотъ весьма распространенный взглядъ основанъ, кромѣ того, на коренномъ заблужденіи. Невозможно совершенно передѣлать основы, на которыхъ государство развивалось и сдѣлалось сильнымъ,

и вмѣсто нихъ создать противоположныя, безъ того чтобы не разрушить весь государственный организмъ. Невозможно было превратить цвѣтущія греческія республики въ столь же благоденствующую монархію; еще менѣе возможно было установленіемъ единовластія «возродить» Римъ, гдѣ все нравственное и матеріальное развитіе было связано съ республиканскимъ бытомъ и республиканскими формами. Можно было уничтожить республику, но черезъ это нельзя было возродить государства, а напротивъ можно было только ускорить его погибель. Если что насъ можетъ удивлять, то только необычайная твердость и мощь общиннаго быта, установленнаго и выработаннаго римской республикой: быть этотъ держался еще цѣлыя столѣтія противъ всякихъ насилій и беззаконій всемогущихъ владыкъ.

Впрочемъ, воплѣтъ естественно, что при описанныхъ выше условіяхъ преслѣдованіе не ограничивалось только такими людьми, которые были страшны какъ политическіе враги. Личная ненависть часто пользовалась случаемъ и мстила людямъ совершенно незначительнымъ въ политическомъ отношеніи. Особенно опасно было быть владѣтелемъ хорошаго состоянія. Красивый домъ, прекрасная усадьба, возбуждая алчность кого-либо изъ новыхъ господъ Рима, являлись достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы имя владѣльца попало въ проскрипціонный списокъ. И даже тогда, когда прекратились убійства, все еще продолжались притѣненія и грабежи. И именно того, къ чему при переворотахъ болѣе всего стремятся и чего домогаются большинство гражданъ—личной и пмущественной безопасности—не было вовсе,—она исчезла безъ слѣда.

Въ число жертвъ кроваваго триумвиральнаго союза попасть, какъ мы уже замѣтили выше, и знаменитый ораторъ и философъ Цицеронъ. Человѣкъ слова, но не дѣла, съ ненадежнымъ, условно шаткимъ характеромъ, онъ не принималъ участія въ устраненіи Цезаря. Но событіе это сильно на него подѣйствовало и пробудило въ немъ чувства гражданина свободнаго государства. Онъ писалъ тогда: «Всѣ лучшіе люди являются участниками этого дѣла. Однимъ не доставало средствъ, другимъ—мужества, третьимъ—случая, но ни у кого не было недостатка въ доброй воли». Онъ былъ глубоко опечаленъ отъѣздомъ Брута изъ Италіи. «Онъ уѣхалъ, писалъ Цицеронъ, потому, что не хотѣлъ возбудить въ Италіи междоусобной войны. Какое печальное зрѣлище не только для людей, но и для волнъ и береговъ морскихъ! Спасителю отечества пришлось бѣжать изъ родной земли, а его губители остаются тамъ всесильными господами». Цицеронъ хотѣлъ ѣхать вмѣстѣ съ Брутомъ, но вернулся въ Римъ по его просьбѣ, чтобы возбудить республиканскую партію на послѣднее усиліе. Его филиппики полны огня и вдохновенія; въ нихъ онъ обнаружилъ такую дѣятельную энергію, которая заставляла забыть его лѣтъ и все его прошлое. «Теперь существуетъ только одинъ корабль для всѣхъ благомыслящихъ людей», восклицалъ онъ. Его слова имѣли зажигательное дѣйствіе, потому что (по выраженію одного новѣйшаго біографа этого талантливаго человѣка) заразительно дѣйствуетъ не только

страхъ, но и мужество. Цицеронъ былъ теперь главою сенаторской партіи. Но къ нему примкнули также многіе граждане, которые боялись наглости воиновъ, и даже военачальники, опасавшіеся депотизма новаго тирана. Но вотъ Цицеронъ опять впадаетъ въ несчастную слабость. Не обладая внутренней силой для самостоятельной борьбы съ врагомъ республики, онъ былъ счастливъ въ юномъ Октавіанѣ видѣть избавителя и помощника; онъ привѣтствуетъ его какъ «божественнаго юношу, котораго ниспослало небо для спасенія отечества». Это было слово, которое навсегда порвало связь между Цицерономъ и Брутомъ, и въ которомъ первому пришлось скоро раскаяться. «Божественный юноша» призналъ для себя болѣе выгоднымъ сойтись со своимъ соперникомъ и предать Цицерона въ руки его смертельнаго врага. Такое предательство вѣрнѣйшихъ приверженцевъ входило, конечно, въ условіе взаимныхъ обязательствъ триумвировъ. Но Антоній, по крайней мѣрѣ, помогъ бѣжать своему дядѣ, а Лепидъ—своему брату, Октавіанъ же не сдѣлалъ этого для Цицерона. Говорятъ, одинъ изъ кліентовъ знаменитаго оратора, котораго онъ съ успѣхомъ защищалъ въ трудной тяжбѣ, послѣдовалъ за нимъ, когда онъ бѣжалъ, и нанесъ ему смертельный ударъ. Когда убійцы принесли Антонію отрубленную голову врага, онъ велѣлъ имъ выдать награду въ десять разъ больше обѣщанной. Жена Антонія, злая Фульвія, для потѣхи колола иглой языкъ великаго оратора. Потомъ его голова—въ видѣ угрозы оппозиціоннымъ ораторамъ—была публично выставлена на ораторской трибунѣ, украшеніемъ которой такъ долго служилъ Цицеронъ.

Несмотря на широкіе размѣры, въ которыхъ практиковались конфискаціи имущества, доходы отъ нихъ далеко не покрывали того непомернаго мотовства, которому предавались тираны. Они объявили налогъ въ 200 милліоновъ денаріевъ. Домохозяева во всей Италіи должны были внести сполна свой годовоіи доходъ съ домовъ; землевладѣльцы и капиталисты — половину своихъ доходовъ. У господъ безвозмездно отбирали рабовъ въ матросы на военные корабли. Оцѣнка при этомъ производилась такимъ образомъ: собственникамъ, въ видѣ милости, предоставлялось или уплатить требуемая суммы, или уступить все свое имущество казнѣ за вознагражденіе въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ оцѣночной суммы.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, къ поборамъ въ пользу тирановъ присоединились вымогательства ихъ клеветовъ. Эти послѣдніе поборы практиковались не только въ единичныхъ, мелкихъ случаяхъ, но систематически въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Войскамъ были обѣщаны въ награду 18 богатѣйшихъ городовъ Италіи, въ томъ числѣ Капуя, Регій, Венузія, Беневентъ, Нуцерія, Арминія и Велія. Но ачные наемники не довольствовались этимъ, они старались увеличить свою добычу еще грабежемъ и поборами на свой собственный страхъ и рискъ. И словно въ насмѣшку былъ изданъ эдиктъ, который, подъ строгимъ наказаніемъ, приказывалъ праздновать ближайшій новый годъ (1 янв. 42 г.).

Обыкновенно бываетъ такъ, что во времена политическихъ бурь благонамѣренные граждане желаютъ правленія деспота, надѣясь

этимъ обезпечить себѣ безмятежное пользованіе доходами отъ своего имущества. Разъ это настроеніе преобладаетъ въ народѣ, желаемая власть не замедлитъ явиться. Но въ результатѣ почти всегда оказывается разочарованіе *). Иной хоть косвеннымъ путемъ содѣйствовалъ установленію тираніи, потому что волненія и маленькія жертвы, которыя вызывала республика, были ему неудобны и тягостны, но потомъ, когда уже было поздно, онъ пришелъ къ убѣжденію, что не отреченіе отъ всякой политической дѣятельности, а, напротивъ того, живое и серьезное участіе во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, дасть средство обрѣсти спокойствіе и матеріальное благополучіе; исторія безчисленными кровавыми примѣрами доказываетъ, что и «спокойный гражданинъ», равнодушный ко всякому политическому режиму, во времена деспотическаго правленія не можетъ быть спокоенъ не только за цѣлость своего состоянія, но и за свою жизнь; самое богатство его, за мирное обладаніе которымъ онъ поступился всѣми своими политическими правами, иной разъ оказывается поводомъ, который можетъ стоить ему жизни.

Пока происходили описанныя событія и триумвиры царили какъ неограниченные владыки надъ Западомъ, Брутъ и Кассій овладѣли всѣмъ Востокомъ. Еще Цезарь, тотчасъ послѣ ихъ преторства, назначилъ ихъ правителями Македоніи и Сиріи,—Антоній, правда, убѣдилъ преданный ему сенатъ назначить на ихъ мѣсто другихъ лицъ: но они не уступали, побѣдили своихъ противниковъ и покорили даже остальные части Азіи. Нужда и ихъ заставила обложить эти области тяжелыми и обременительными налогами. Трудное положеніе надолго задержало республиканцевъ на Востокъ, иначе они пришли бы въ Италію прежде чѣмъ триумвиры могли выступить въ походъ. Осенью 42 года оба войска—каждое приблизительно въ 100000 человекъ, встрѣтились при оракійско-македонскомъ горѣ Фидиіпахъ. Исходъ битвы былъ неопредѣленный: Кассій былъ отбитъ Антоніемъ, но Брутъ нанесъ Октавіану полное пораженіе; въ общемъ положеніе дѣлъ было выгодно для республиканцевъ; можно было ожидать, что побѣдоносный Брутъ побѣдитъ и Антонія. Но обыкновенно столь осмотрительный Кассій на этотъ разъ потерялъ голову. Онъ увидѣлъ приближающихся всадниковъ,—это былъ авангардъ Брута,—и принялъ ихъ за непріятелей; думая, что товарищъ побѣжденъ, онъ въ отчаяніи бросился на свой мечъ, чтобы не отдать себя на поруганіе враговъ. Битва была прервана и возобновилась только черезъ двадцать дней при тѣхъ же Филиппахъ. На этотъ разъ Брутъ былъ разбитъ; горячій поклонникъ стоической философіи, онъ также лишилъ себя жизни; говорятъ, его примѣру послѣдовала и жена его, героическая Порція. Многіе изъ знатнѣйшихъ римлянъ, въ томъ числѣ и не военные, бѣжавшіе отъ преслѣдованій къ республиканцамъ, добровольно покончили

*) Съ тѣхъ поръ какъ было написано это мѣсто, исторія къ прежнимъ примѣрамъ прибавила новый. Французы восторженно привѣтствовали «спасеніе общества» Людовикомъ Наполеономъ, но потомъ убѣдились, какихъ потоковъ человѣческой крови и какихъ огромныхъ денежныхъ жертвъ стоилъ ихъ отечеству абсолютизмъ.

расчеты съ жизнью, которая потеряла для нихъ всякую прелесть. И они своимъ примѣромъ опровергаютъ фразу, будто въ это время не было истинныхъ республиканцевъ. Лишившись своихъ вождей, республиканцы уже не могли болѣе сопротивляться. Повсюду ихъ разбивали и триумвиры неограниченно господствовали въ огромномъ римскомъ государствѣ.

Антоній отправился на Востокъ, обладаніе которымъ было предоставлено ему обоими товарищами, и скоро наслаждался въ объятіяхъ египетской царицы Клеопатры, которая умѣла совершенно овладѣть имъ. Онъ предавался всевозможнымъ порокамъ, его оргіи превосходятъ всякое описаніе. Его огромныя траты вызывали ужаснѣйшіе поборы. Развратъ переходилъ уже въ безуміе. Это было во всякомъ случаѣ характерное «возрожденіе нравственной жизни».

Тѣмъ временемъ Октавіанъ, на долю котораго достались Италия и остальная Западъ, приводилъ въ порядокъ свои дѣла. Задача была не легкая, потому что это приведеніе въ порядокъ состояло прежде всего въ изгнаніи жителей 18 большихъ итальянскихъ городовъ, обшчанныхъ въ награду солдатамъ, а потомъ надо было добыть огромныя суммы, чтобы расплатиться съ наемниками. Въ то же время въ самомъ Римѣ порочная жена Антонія (Фульвія) и братъ ея ковали опасныя интриги противъ «вѣрнаго союзника» Октавіана. Страна и ея мирное населеніе опять имѣли счастье вдоволь наслаждаться яко бы необходимымъ обновленіемъ государства. Не менѣе 34 легионовъ шли по итальянскому полуострову безпорядочными шайками, грабили и разоряли жителей. Солдаты оскорбляли даже самого Октавіана. Однажды онъ долго не являлся къ одному огряду и тѣмъ возбудилъ ропотъ; центуріонъ сталъ угрожать солдатамъ, они убили его и положили трупъ на дорогѣ, по которой долженъ былъ идти Октавіанъ; послѣдній могъ успокоить ихъ только новыми обшчаніями. Это была прелюдія къ тому, что пришлось римскому міру испытать вполсѣдствіи отъ преторіанства! Какъ уже сказано, 18 городовъ не могли удовлетворить алчности наемниковъ. Большая часть всего населенія Италии лишилась крова и всего, что имѣла. Никто почти не обрабатывалъ полей, потому что никому не давали возможности пользоваться плодами посѣва; не было больше личной безопасности; повсюду свирѣпствовали убійства, грабежи и пожары.

Настушила полная анархія. Жена Антонія и ея братъ (Фульвія и Луцій Антоній) такъ удачно повели свои интриги, что склонили на свою сторону часть войска, Октавіанъ рѣшился начать противъ нихъ войну.

Между тѣмъ остатки республиканцевъ собрались подъ знаменами Секста Помпея (младшаго сына бывшаго триумвира). Антоній, видя опасность со стороны своего бывшаго товарища Октавіана, соединился съ тѣмъ. Но вскорѣ между обоими триумвирами состоялось примиреніе и они пошли вмѣстѣ противъ республиканца Помпея. Но послѣдній держался благодаря своему флоту, который не пропускалъ въ Италію кораблей съ провіантомъ. Тогда голодная

масса въ столицѣ стала роптать. Чтобы успокоить ее, триумвиры должны были формально уступить своему противнику италійскіе острова. Но и послѣ этого анархія, интриги и вѣроломство не прекращались. Началась новая война противъ Помпея. Онъ былъ разбитъ искуснымъ полководцемъ Октавіаномъ, Маркомъ Випсаніемъ Агриппой, и бѣжалъ въ Азію къ Антонію. Но послѣдній приказалъ его убить. Теперь Октавіанъ вооружился противъ другого своего товарища, Лепида, которому была предоставлена Африка и отъ котораго онъ хотѣлъ избавиться. Лепидъ былъ низверженъ, но въ виду его абсолютной неспособности и ничтожности ему была въ видѣ исключенія оставлена жизнь.

Наконецъ, въ началѣ 32 года, вспыхнула новая и, на этотъ разъ, рѣшительная война между Октавіаномъ и Антоніемъ. Это была опять какъ бы борьба между Востокомъ и Западомъ; Антоній уже задумывалъ перенести на Востокъ центръ римскаго государства; Александрія должна была стать его столицей; развратная египетская царица, у ногъ которой лежалъ Антоній, говорила о Римѣ съ пренебреженіемъ. 2 сентября 31 года произошла морская битва при Акциумѣ, мѣстѣ, образуемомъ горами Акарнаниі. Первая бѣжала Клеопатра, за ней немедленно послѣдовалъ Антоній; побѣда Октавіана, или вѣрнѣе, его полководца Агриппы, была полная.

По возвращеніи въ Египетъ, Клеопатра рѣшила избавиться отъ своего любовника, чтобы на новомъ побѣдительѣ испробовать знаменитую силу своихъ чаръ. Она велѣла донести Антонію, что лишила себя жизни. Онъ повѣрилъ и закололъ себя. Такъ кончилось для него нелѣпое соперничество и подавленіе свободы, и такова была, кромѣ того, заслуженная награда за всѣ его гнусности и пороки. Въ свою очередь царица убѣдилась, что Октавіанъ хочетъ овладѣть ея сокровищами и увести ее въ Римъ, чтобы украсить ею свой триумфъ. Этого Клеопатра не могла вынести и на этотъ разъ дѣйствительно лишила себя жизни, въ 30 г. По одному сказанію, она приложила къ своей груди ядовитую змѣю.

Такимъ образомъ, выходитъ, что историкъ, при изображеніи судебъ человѣчества, посвящаетъ свое вниманіе дѣяніямъ отдѣльныхъ честолюбивыхъ или развратныхъ личностей, что онъ даже принужденъ останавливаться на нихъ.

Итакъ, Октавіанъ сдѣлался неоспоримымъ владыкою Рима, владыкою культурнаго міра. Первымъ проявленіемъ его всевластія было то, что онъ, по примѣру азіатскихъ деспотовъ, приказалъ убить Цезаріона (сына Цезаря и Клеопатры) и дѣтей Антонія отъ его перваго брака. Повидимому и это слѣдуетъ отнести къ «обновленію нравственнаго строя міра», о которомъ съ такимъ пафосомъ говорятъ доктринеры.

Октавіанъ былъ человѣкъ съ безмѣрнымъ честолюбіемъ и чрезвычайнымъ благоразуміемъ. Самымъ блестящимъ его качествомъ было хитрое умѣнье скрывать свое честолюбіе подъ наружными формами скромности и умѣренности. Хотя онъ въ общемъ былъ человѣкъ далеко недужинный, однакоже ни въ чемъ не выказалъ особенно выдающагося таланта. Мы видѣли, что онъ, для достиже-

нія своей пѣли, не останавливался ни передъ какими насиліями и злодѣяніями: при этомъ онъ дѣйствовалъ такъ не въ порывѣ ненависти, а по холодному расчету. Тѣ же самыя соображенія заставляли его, по утверженіи своей власти, придерживаться известной системы кротости. Ложь и притворство были обычными средствами его политики.

Новый повелитель вселенной думалъ прежде всего о томъ, чтобъ изъ Египта добыть суммы, которыя были ему необходимы для осуществленія его честолюбивыхъ плановъ въ Римѣ.

Чтобы покрыть военныя издержки, Клеопатра присвоила себѣ сокровища храмовъ и, кромѣ того, обложила частныхъ лицъ чрезвычайными налогами. Все, что осталось отъ этихъ сокровищъ, было взято побѣдителемъ. Но не довольствуясь этимъ, онъ наложилъ на несчастныхъ туземцевъ еще контрибуцію въ размѣрѣ двухъ третей ихъ состоянія. Черезъ это онъ получилъ возможность, при своемъ триумфѣ въ Римѣ, награждать каждаго солдата 1000 сестерціями (нѣсколько менѣе 100 р.), а каждому простолудину дать по 400 сестерціевъ. Затѣмъ онъ надѣлилъ землями 120000 ветерановъ, а прежнихъ владѣльцевъ этихъ земель вознаграждалъ деньгами. (Первый подобный случай). Кромѣ того онъ предпринялъ большія празднества и устраивалъ разнаго рода игры, забавлялъ падкую до зрѣлищъ толпу носорогомъ и гишпонатамомъ и во всѣхъ отношеніяхъ проявлялъ необыкновенную щедрость. Это располагало къ нему всѣ классы народа, даже почти всю массу римскаго населенія, и никто не заботился о несчастныхъ, въ конецъ разоряемыхъ египтянахъ.

Опыяненная толпа радостно привѣтствовала начало новой эпохи. Сопротивленія почти не было, такъ какъ всѣ фамиліи старыхъ республиканцевъ были истреблены. Согласно постановленію сената, новый правитель пополнилъ классъ патриціевъ зачисленіемъ въ него плебеевъ, по своему выбору. И наоборотъ, онъ заставилъ выйти изъ сената нѣсколько сотъ сенаторовъ, которыхъ замѣнилъ своими креатурами. О противодѣйствіи со стороны сената нечего было и думать.

Сенатъ самъ не пропускалъ случая осмыслить побѣдителя при Акиціумѣ самыми изысканными отличіями и почестями. Тѣмъ легче было для Октавіана притвориться скромнымъ. Онъ объявилъ, что слагаетъ съ себя власть триумвира, что всѣ дѣла и дѣянія имъ въ качествѣ такового распоряженія отменяются: онъ хотѣлъ быть только консуломъ и трибуномъ, чтобы имѣть возможность защищать народъ. И такъ весь римскій народъ позволилъ сказать себѣ въ лицо, что нуждается въ защитѣ одного человѣка! Кромѣ того онъ увѣрялъ, что нуждается въ покоѣ и отдыхѣ, послѣ столькихъ заботъ и трудовъ. Отвѣтомъ сената была униженная просьба удержать за собою власть, иначе Римъ можетъ подвергнуться страшной опасности; отечество требуетъ отъ него этой жертвы! Послѣ продолжительнаго притворнаго колебанія, Октавіанъ согласился принять тѣ должности, которыя давали ему дѣйствительную власть, и отказался отъ тѣхъ, которыя лишены были реального значенія. Новые знаки

угодности со стороны сената и дарованіе Октавіану титула Августа (Высокаго, Священнаго); этотъ титулъ сдѣлался съ того времени однимъ изъ именъ Октавіана. Титула царя Октавіанъ не требовалъ, потому что этотъ титулъ былъ не популяренъ; въ качествѣ императора и Августа, затѣмъ какъ *princeps senatus* (первый сенаторъ), какъ консулъ и носитель трибунской власти, онъ пользовался болѣе чѣмъ царскимъ могуществомъ. Какъ трибунъ онъ былъ объявленъ неприкосновеннымъ и имѣлъ право интерпессіи (т. е. право воспрепятствовать исполненію судебныхъ приговоровъ) и санъ проконсула во всѣхъ важнѣйшихъ провинціяхъ; ему были подчинены всѣ военныя силы государства, а впоследствии, получивъ санъ верховнаго первосвященника (*Pontifex maximus*), онъ приобрѣлъ право завѣдывать и богослужебными дѣлами. Онъ былъ монархомъ. Комедія притворнаго отказа отъ должностей и принятія ихъ по настоянію сената и послѣ не разъ повторялась Августомъ. А такъ какъ затѣмъ ему были переданы пожизненно трибунская и консульская власти, потомъ надзоръ надъ законами и нравами (*cura legum et morum*), съ правомъ издавать распоряженія, имѣющія силу закона, то вся государственная власть очутилась въ рукахъ одного этого человѣка, вся нація зависѣла отъ его произвола и прихоти, отъ его ума, его доброй или злой воли. Народное верховенство снималось съ этого народа и переносилось на отдѣльное лицо. Наступилъ такой порядокъ вещей, котораго не въ состояніи былъ бы вообразить себѣ римлянинъ прежнихъ временъ.

Единодержавный владыка съ хитрымъ расчетомъ не трогалъ республиканскихъ формъ послѣ того, какъ уничтожилъ ихъ сущность. Требования единичной воли облекались въ прежнюю форму законности. Это было новое зло, благодаря которому еще болѣе развивались притворство и нравственная порча. Даже относительная умѣренность, съ какою Августъ пользовался своею неограниченною властью, дѣйствовала пагубно въ томъ отношеніи, что вся система болѣе упрочивалась, пускала болѣе глубокіе корни, чѣмъ это было бы возможно, если бы она выступила въ болѣе рѣшительной формѣ. Сенатъ наружно продолжалъ управлять государствомъ; но дѣлами завѣдывалъ почти исключительно комитетъ по назначенію императора. Главными совѣтниками Августа были: славный полководецъ Агриппа, которому императоръ былъ чрезвычайно многимъ обязанъ и который лично сохранялъ остатокъ республиканскихъ убѣжденій, затѣмъ Менепатъ и Мессала, люди свѣдущіе и покровители наукъ; это были люди разсудительныя и благонамѣренныя, но они стремились къ спокойствію и удобствамъ, а такъ какъ новый режимъ предоставлялъ имъ эти блага, то и находилъ въ нихъ преданныхъ слугъ.

Какъ почти всѣ представители абсолютизма, императоръ старался создать себѣ опору во всемъ, что касалось религіи. Были возобновлены строгіе религіозные обряды древнихъ временъ, восстановлены многіе разрушенные храмы и святилища и сооружены новыя; упраздненныя жреческія должности были вновь замѣщены, сивиллинскія книги пересмотрѣны и, за выключеніемъ изъ нихъ

того, что не согласовалось съ цезаризмомъ, или вѣрнѣе не нравилось ему, вновь переписаны, положены въ дорогіе ящики и отнесены въ священное мѣсто. Цезаризмъ и духовенство шли рука объ руку—иначе и быть не могло.

Новый порядокъ вещей по возможности сглаживалъ разницу между привилегіями нобилей и таковыми остальныхъ жителей столицы. Но это «сглаживание» имѣло цѣлью не возвышеніе приниженныхъ, а скорѣе приниженіе привилегированныхъ. Нужно было приучить гордыхъ римскихъ гражданъ къ мысли, что они такіе же «подданные» единовластителя, какъ и провинціалы. Въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ принципиально важный шагъ, на который городскіе граждане по своей узости и ограниченности никогда бы не рѣшились, а именно: чтобы облегчить участіе въ голосованіяхъ римскимъ гражданамъ, живущимъ внѣ столицы, было постановлено, что декуріоны городовъ, т. е. члены городского совѣта, могутъ подавать свои голоса по римскимъ выборамъ оставаясь на мѣстѣ. Кромѣ того были основаны новыя колоніи и даны права римскаго и латинскаго гражданства многимъ общинамъ и областямъ, которыя до того времени ихъ не имѣли.

Чтобы упрочить за собою симпатіи столичнаго населенія, Августъ неоднократно велѣлъ раздавать бѣднякамъ денежные подарки иногда по 300, по 400, а иногда и по 240 сестерціевъ каждому; кромѣ того устраивались игры не только утонченныя, но и варварскія. Самъ Августъ придавалъ имъ такое большое значеніе, что велѣлъ записать, что 8 разъ устраивалъ гладіаторскіе бои, въ которыхъ участвовало всего 10000 бойцовъ; 27 разъ—ристалища въ циркѣ и сценическія представленія и 26 разъ—звѣринныя травли и т. п. Было выкопано нарочно цѣлое озеро, чтобы представить праздною толпѣ морское сраженіе. Раздачею хлѣба пользовались каждый разъ отъ 150000 до 320000 гражданъ. Желаніе «хлѣба и игрیشъ» (*panem et circenses*) внушалось толпѣ самимъ правительствомъ. Но всѣ эти огромныя траты денегъ приходилось разумѣется, возмѣщать другимъ способомъ—постояннымъ возвышеніемъ обременительныхъ налоговъ.

Однако, въ Римѣ царилъ спокойствіе. Всякій интересъ къ политической жизни былъ угнѣтъ, не замѣчалось ни малѣйшаго движенія въ какой бы то ни было области общественной жизни. Можно сказать, что надъ всѣмъ государствомъ царилъ тишина могилы *).

*) Позволяемъ себѣ привести нѣсколько словъ Монтескье: «Августъ возстановилъ порядокъ, т. е. установилъ сносное владычество, ибо если кто въ республикѣ присваиваетъ себѣ верховную власть, то все, что можетъ упрочить неограниченный авторитетъ этого единственнаго лица, называютъ порядкомъ; и все, что оставляло бы приличную свободу отдѣльнымъ индивидамъ—называютъ безпорядкомъ, смутой, дурнымъ правленіемъ. Всѣ тѣ, кто преслѣдовалъ честолюбивыя планы, старались прежде всего довести республику до извѣстной степени анархіи. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовали особенно успѣшно Помпей, Крассъ и Цезарь. Они достигли того, что всѣ государственныя преступленія оставались безнаказанными, устраняли все, что могло удерживать нравственную порчу и все, что отвѣчало хорошему управленію, и если хорошіе законодатели стараются своихъ согражданъ-исправить, то они,

Нѣсколько походовъ упрочили безопасность границы и отчасти раздвинули ихъ, хотя Августъ не желалъ увеличенія государственной территоріи и даже упомянулъ объ этомъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи.

Важнѣйшими изъ этихъ военныхъ экспедицій были походы противъ германцевъ. Пасынокъ императора, Друзъ, упрочилъ римскую власть надъ Рейномъ, построилъ на этой рѣкѣ (между прочимъ и на правомъ ея берегу) рядъ укрѣпленій, а на одномъ изъ своихъ походовъ дошелъ даже до Эльбы (между 12 и 9 гг. до Р. Х.). По смерти Друза, его братъ Тиберій препринялъ (въ 6 г. по Р. Х.) походъ противъ Германіи; онъ двинулъ на нее разомъ два войска (12 легионовъ): одно шло изъ Панноніи (Венгріи), другое съ Рейна. Германцамъ готовилась участь галловъ; римляне намѣревались ихъ покорить и раздавить. Уже оба войска римлянъ, шедшія съ юго-востока и съ запада, приблизились другъ къ другу настолько, что до соединенія оставалось всего нѣсколько дней пути, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство, возстаніе народовъ въ Далмаціи и Панноніи, т. е. въ тылу Тиберія, принудило его вернуться обратно и тѣмъ спасло Германію. Но вскорѣ послѣдовали новыя попытки покорить германцевъ. Пришедшій изъ Сиріи полководецъ Квинтилій Варъ надменно и неосторожно двинулся съ 3 легионами въ самое сердце Германіи. Молодой отважный херускъ*) по имени Арминій (Германъ), выучившійся у самихъ римлянъ военному искусству и командовавшій римскимъ отрядомъ, съ умысломъ заманилъ Вара въ безразсудный походъ въ далекую незнакомую мѣстность. Тутъ Арминій оставилъ его; тѣмъ временемъ подготовлено было всеобщее возстаніе; римляне блуждали въ Тевтобургскомъ лѣсу (между истоками Эмса и Липпе) и скоро увидѣли себя окруженными врагами. Ненастье и недостатокъ въ провіантѣ въ конецъ истомили преслѣдуемыхъ. На третій день погибъ остатокъ римскаго войска; самъ Варъ въ отчаяніи бросился на свой мечъ. Значеніе этого событія измѣряется не столько огромною потерей людей (эта потеря была меньше чѣмъ у Красса въ Парейнскую войну и едва ли превышала 20000 чел., такъ какъ германскіе отряды отпали отъ римлянъ); гораздо важнѣе было моральное впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ въ Римѣ. Впрочемъ, германцы не сумѣли воспользоваться этой побѣдой.

Это былъ тяжелый ударъ для Августа, и притомъ не единственныи. Семейной горе, а также преступленія въ императорской

наоборотъ, задалась цѣлью ихъ развратить. Они приучали народъ къ подкупу, а если кто обвинялся въ томъ, что за подачу голоса получилъ взятку, то подкупали судей; старались всѣми способами мутить и вліять на выборы, власть народа была уничтожена. Первые люди республики старались сдѣлать такъ, чтобы народу стали предать его права, дабы самимъ сдѣлаться необходимыми, и именно они представляли изъяны республиканскаго режима въ чудовишномъ видѣ; и какъ только Августъ сталъ повелителемъ, онъ, какъ мудрый политикъ, приступилъ къ восстановленію порядка, дабы его подданные живѣе чувствовали «счастье единовластія».

*) Страбонъ (Geogr. VII, 1) навываетъ херусковъ въ числѣ болѣе мелкихъ германскихъ племенъ.

фамиліи, давно уже подтачивали его. У него былъ только одинъ законный ребенокъ — дочь, распутная Юлія, бывшая въ супружествѣ за Марцелломъ. Два его внука, оба носившіе имя цезарей, на которыхъ онъ возлагалъ свои лучшія надежды, умерли, быть можетъ, отравленные его третьей женой Клеопатрой; третьяго внука пришлось отправить въ ссылку за безпутное поведеніе. Его храбрый пасынокъ, Друзъ, какъ уже сказано, умеръ еще раньше. Такимъ образомъ, наследникъ римскаго міра вынужденъ былъ усыновить друга своего пасынка — Тиберию, человека котораго онъ ненавидѣлъ и далъ отъ Тиберию лишь лицъ его дать государству новаго властелина. Августъ умеръ въ 14 г. по Р. Х., на 76 г. жизни, черезъ 57 лѣтъ по принятіи имъ консульскаго сана и спустя 44 года послѣ побѣды при Акціумѣ, утвердившей за нимъ единовластіе. По преданію, безъ сомнѣнія, вымышленному, но во всякомъ случаѣ очень характерному, умирающій цезарь будто бы спросилъ окружающихъ его постель: «хорошо я сыгралъ свою роль на сценѣ жизни?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ прибавилъ: «Такъ рукоплещите же!» Но можетъ быть въ эти минуты онъ былъ во власти совѣсть другого чувства, того чувства, которое выразилъ умирающій «старый Фрицъ» (Фридрихъ Великій) словами (приписываемыми ему): «Я усталъ повелѣвать рабами!» Если уже царствованіе Августа не представляло никакихъ солидныхъ преимуществъ передъ республикой, то окончательно непонятно, какъ историкъ, знакомый съ дѣятельностью четырехъ слѣдовавшихъ за нимъ императоровъ: Тиберию, Калигулу, Клавдію и Нерона, можетъ повторять вышеприведенныя стереотипныя фразы. А между тѣмъ эти фразы постоянно повторяются. Поэтому, съ нашей точки зрѣнія необходимо постоянно имѣть въ виду разницу въ характерѣ общихъ условій времени республики и эпохи царей, надобно помнить прежніе нравы, хотя и не идеальные, но сравнительно простые и имѣвшіе своею основою строгую честность, въ противоположность теперешней безнравственности, оскорбляющей всякія чувства и понятія; надо указать, съ одной стороны, на принципы уваженія къ личности каждаго гражданина, къ его свободѣ и жизни, и, съ другой стороны, на полную личную необезпеченность всѣхъ и каждаго (безъ исключенія) и на безусловный произволъ, съ какимъ властвующій деспотъ могъ распоряжаться имуществомъ, честью и жизнью миллионовъ людей, играть самыми священными правами гражданъ. Въ чемъ же, спросимъ мы еще разъ, состояло мнимое благо римской монархіи, смѣнившей республику? Въ чемъ оправданіе этого переворота? Въ чемъ слѣдуетъ видѣть «новый моральный строй», будто бы созданный единодержавіемъ? Но когда намъ говорить о возрожденіи государства, то мы должны сознаться, что ни въ чемъ не видимъ и слѣда чего-либо подобнаго, а, напротивъ, повсюду бросаются въ глаза явные признаки упадка и разложенія, даже вѣрнѣе гибели государства.

Одно изъ главныхъ золъ было въ томъ, что вмѣстѣ съ республикой уничтоженъ былъ важнѣйшій импульсъ къ благородной дѣятельности, стоящей превыше эгоизма и всякой подлости. Не

было общины; съ ней вмѣстѣ исчезъ и общинный духъ и его мѣсто занято низкое своекорыстіе со всеми сопровождающими его пороками. То, что прежде облагораживало и нравственно возвышало римлянъ, «горячая, самоотверженная преданность» (по удачному выраженію Петера) общественнымъ интересамъ, все это, съ паденіемъ свободы, утратило свою главную пружину. Императоръ олицетворялъ собою государство; въ его рукахъ была соединена вся власть. Взоры всеѣхъ были направлены теперь не на народныя собранія, не на магистраты, а на монарха, которому слѣпо повиновались, который всеми дѣлами руководилъ по своему усмотрѣнію. Даже на литературѣ того времени отразилась эта отвѣчка отъ свободной самодѣятельности въ политикѣ. Не было подъема, не было свободныхъ идей. Прежняя умственная подвижность уступила мѣсто ужасному застою мысли. (Старый и новый наполеонизмъ имѣли такое же дѣйствіе). Но въ самомъ Римѣ и не могло быть иначе. Вся душа, вся суть націи въ высшемъ значеніи этого слова, т. е. вся римская народность коренилась въ республиканскіяхъ учрежденіяхъ и условіяхъ. Даже если бы Римъ не имѣлъ несчастья быть управляемымъ такими государями, о какихъ намъ сейчасъ придется говорить, то и въ этомъ случаѣ монархія, вѣрнѣе тиранія, не могла бы преуспѣвать на основѣ, созданной для республики, уже не говоря о томъ, что учрежденія, которыя могли привести къ подобнымъ ужасающимъ послѣдствіямъ, не вправѣ были вытѣснить существующій порядокъ.

Необузданныѣшія интриги и тяжкія преступленія послѣдней жены Августа, Ливіи, побудили самодержца передать свою трибунскую и проконсульскую власть Тиберию. Это сдѣлало послѣдняго, послѣ смерти Августа, естественнымъ его преемникомъ. Онъ оставался цезаремъ 23 года, съ 14 по 37 г. по нашему лѣтосчисленію.

Новаго императора постоянно мучилъ страхъ передъ заговорами, потерей власти и жизни. Въ его характерѣ лежали трусости, и зависть, чувственность и жестокость и эти качества еще углублялись талантомъ притворства, которымъ Тиберій обладалъ въ такой высокой степени, что весь его наружный видъ, его слова и приемы почти всегда выражали противоположное тому, чего онъ на самомъ дѣлѣ хотѣлъ и добивался.

Тиберій началъ съ того, что велѣлъ умертвить послѣдняго внука Августа, несчастнаго юношу Агриппу Постума. Мрачный характеръ новаго царствованія выразился вскорѣ и другимъ способомъ: многочисленныя войска, стоявшія на Рейнѣ, 8 легионовъ, хотѣли видѣть императоромъ не Тиберию, а своего любимаго полководца Германика, сына Друза; они возмутились и только безкорыстіе и великодушіе Германика, рѣшительно отвергавшаго мысль о престолѣ, спасли на этотъ разъ римскій міръ отъ междоусобной войны, возникшей было по претензіи солдатъ.

Съ сенатомъ Тиберій держалъ себя съ полнымъ притворствомъ и лщемѣріемъ. Въ то время какъ онъ приказалъ умертвить своего двоюроднаго брата Агриппу Постума, въ которомъ подозрѣвала претендента на его корону, онъ передъ сенатомъ дѣлалъ видъ, будто

твердо рѣшился отказаться отъ престола. Но уже два-три замѣчания нѣкоторыхъ сенаторовъ, въ томъ числѣ низкихъ льстецовъ, неискусныхъ въ рѣчахъ, могли довести его до гнѣва и бѣшенства. Развилась система доносовъ. Шпіонство и доносы стали ремесломъ. Всѣ нравственныя и человѣческія чувства были попораны; дождемъ посыпались правильныя и ложныя обвиненія; они были вѣрнѣйшимъ средствомъ приобрести покровительство и награду; впрочемъ, для неискусныхъ доносчиковъ дѣло принимало иной разъ и гибельный оборотъ. Наибольшія выгоды доставляли обвиненія въ оскорбленіи величества. Тѣ самые законы, которые нѣкогда охраняли величество римскаго народа отъ покушеній отдѣльныхъ необузданныхъ гражданъ, охраняли теперь особу единовластителя отъ народа*).

Пока еще страхъ передъ Германикомъ нѣсколько сдерживалъ деснота. Въ качествѣ любимца многочисленнѣйшаго изъ римскихъ войскъ, этотъ полководецъ, несмотря на свое прежнее отреченіе отъ власти, всегда могъ перемѣнить рѣшеніе и захватить престолъ. Въ случаѣ если бы Тиберій слишкомъ уже грубо сталъ нарушать интересы тѣхъ или другихъ партій. Германикъ совершилъ въ Германіи нѣсколько блистательныхъ походовъ, особенно въ 15 и 16 годахъ. Легко возможно, что римское владычество утвердилось бы въ Германіи; Германикъ увѣрялъ, что еще одинъ годъ и война будетъ доведена до славнаго конца. Но возрастаніе славы своего полководца возбудило въ единовластительѣ новое, еще сильнѣйшее безпокойство. Подъ предлогомъ, что война эта стоила слишкомъ крупныхъ жертвъ сравнительно съ тѣми незначительными матеріальными выгодами, которыя она до сихъ поръ принесла, онъ отозвалъ популярнаго вождя отъ преданнаго ему войска и послалъ его на Востокъ, давъ ему тамъ очень широкую власть. Въ то же время онъ назначилъ правителемъ Сиріи Пизона, человѣка надменнаго и злобнаго. Этотъ послѣдній всячески интриговалъ противъ Германика; а когда этотъ юноша умеръ, всеобщая молва подтвердила предположеніе самого умирающаго, что онъ отравленъ Пизономъ. Это произошло въ 21 г. по Р. Х.; въ томъ же году въ Германіи былъ умерщвленъ своими родственниками Арминій, за его стремленіе къ единовластію.

Страхъ деспота передъ его даровитымъ и популярнымъ племянникомъ былъ такимъ образомъ устраненъ. Отнынѣ исторія Тиберія становится еще однообразнѣе. Съ внѣшней стороны происходитъ нѣсколько совершенно незначительныхъ событій, внутри только и слышно, что о дворцовыхъ интригахъ и коварныхъ замыслахъ фаворитовъ, наряду съ процессами объ оскорбленіи величества, конфискаціями имущества, кознями или самоубійствами. Въ политической жизни, необходимой для всякой живой націи, господствовалъ полнѣйшій застой. Насколько счастливъ былъ самъ властитель, объ этомъ можно судить по тому, что онъ становился все замкнутѣе и

*) Lex I § D. ad leg. Jul. majest.: «Majestatis crimen illud est, quod adversus Populum Romanum vel adversus securitatem ejus committitur».

мрачнѣе, что въ немъ все болѣе развивалась боязнь людей, презрѣніе и ненависть къ немъ.

Съ этого времени деспотическій характеръ Тиберія развертывается вполнѣ. Начиная съ 23 г. императоръ находился подъ безусловнымъ вліяніемъ начальника (префекта) преторіанскаго стана Элія Сеяна, который уже раньше приобрѣлъ его довѣріе, а теперь какъ бы совершенно овладѣлъ имъ. Этого новаго положенія Сеянъ достигъ главнымъ образомъ благодаря тому, что Тиберій, отъ природы нерѣшительный и робкій, нуждался въ послушномъ орудіи, всегда готовомъ къ совершенію всякаго наслія и преступленія: при этомъ деспотъ, безъ сомнѣнія, придавалъ особенное значеніе тому, что его любимецъ, происходившій изъ сословія простыхъ всадниковъ, не былъ связанъ съ классомъ патриціевъ, котораго императоръ особенно боялся. Тѣмъ не менѣе нельзя достаточно удивляться той истинѣ демонической власти, которою Сеянъ опуталъ обыкновенно столь подозрительнаго человѣка. Замѣчательно, что даже Тацитъ это обстоятельство казалось настолько загадочнымъ, что онъ объяснялъ его исключительнымъ гнѣвомъ боговъ противъ Рима.

Сеянъ приобрѣлъ расположеніе Тиберія съ того момента, когда собралъ воедино когорты преторіанцевъ, разбѣянные до того времени по всей Италіи, и соединилъ ихъ въ укрѣпленный станъ у самыхъ стѣнъ Рима для того, чтобы каждую минуту имѣть въ своемъ распоряженіи сильное орудіе власти. Въ дѣйствительности, это было страшное оружіе въ рукахъ деспотизма, но оружіе, которое скоро обратилось не только противъ народа, но и противъ самихъ императоровъ, такъ что многіе изъ числа римскихъ царей не трепетали этой «охраны престола», которая стала для нихъ опаснѣе всякаго врага.

Все постыднѣе становилось положеніе дѣлъ, отъ котораго стоялъ римскій міръ. Мы не будемъ приводить здѣсь весь безконечный рядъ гнусностей, ужасающую картину которыхъ такъ мастерски нарисовалъ Тацитъ. Съ насъ достаточно двухъ трехъ примѣровъ. Былъ, напр., такой случай, что бывший правитель Испаніи (Вибій Серенъ), извѣстный доносчикъ, подвергся самъ обвиненію со стороны его собственнаго сына, причемъ доносъ оказался ложнымъ. Изъ огромнаго числа преслѣдованій слѣдуетъ упомянуть о преслѣдованіи, которому подвергся Кремуцій Кордъ (25 г.). Въ одномъ своемъ историческомъ сочиненіи онъ похвалилъ Марка Брута, а Кассія назвалъ послѣднимъ римляниномъ. Это было, конечно, тяжкое преступленіе, достойное смертной казни. Кремуцій Кордъ не дѣлалъ себѣ иллюзій относительно своей участи: онъ защищался мужественно и съ полной рѣшительностью. Онъ говорилъ о позорности господствующихъ условій, выразилъ вѣру въ будущее торжество свободы, а также надежду на то, что потомство воздастъ должное Бруту и Кассію и произнесетъ смертный приговоръ его преслѣдователямъ. Послѣ того онъ вышелъ изъ сената и самъ умерилъ себя голодомъ. Палачи деспотизма, лишившись возможности отомстить этому человѣку лично, выместили свою злобу на его трудъ:

онъ былъ сожженъ эдипами; его списки, правда, ходили секретно по рукамъ, но къ сожалѣнію до нашего времени они дошли.

Въ эту эпоху было вообще обыкновеннымъ явленіемъ, что обвиненные предупреждали приговоръ самоубійствомъ. Всѣ знали, что политическій доносъ почти то-же, что смертный приговоръ; преслѣдуемымъ оставалась надежда этимъ путемъ избавить своихъ родныхъ отъ конфискаціи имущества, что въ подобныхъ случаяхъ иногда допускалось, пока алчность деспотизма не издала въ этомъ отношеніи формальнаго запрещенія: съ этого времени уже ничто не избавляло родственниковъ самубійцы отъ конфискаціи ихъ имущества. Кромѣ того, пресыщеніе всѣмъ и отвращеніе къ этой презрѣнной жизни, которая приносила съ собою только униженія и позоръ и никому, даже и привилегированнымъ, не давала никакихъ гарантій, толкало на самоубійство многихъ, желающихъ прекратить такое мучительное и постыдное существованіе. Особенно разительнымъ представляется примѣръ сенатора-юриста Кокция Нервы; онъ долго былъ другомъ императора, но, несмотря, на всѣ его увѣщанія, лишилъ себя жизни, чтобы не дожить до своего безчестія. Самъ Тиберій все болѣе и болѣе предавался своей боязни людей и дошелъ, такимъ образомъ, почти до полнаго затворничества и уединенія. Угрызенія совѣсти и страхъ лишали его покоя, даже члены его семейства возбуждали его подозрительность; онъ не довѣрялъ никому. Сеянъ очень ловко умѣлъ запугивать его. Въ 26 г. императоръ рѣшился уѣхать изъ Рима. Онъ поселился сначала въ Кампаніи, потомъ на островѣ Капреяхъ (Капри), единственный доступъ къ которому зорко охранялся стражей и куда допускали лишь немногихъ. Здѣсь онъ вполне предался своему утонченному разврату. А въ Римѣ Сеянъ, между тѣмъ, приводилъ въ исполненіе свирѣпыя императорскія приказанія, но большей части придумываемыя имъ самимъ. Тогда говорили съ ироніей, что императоръ—Сеянъ, а Тиберій только государь острова Капрей. Человѣкъ безсовѣстный, но очень способный, дѣятельный и неутомимый фаворитъ этотъ былъ обуреваемъ огромнымъ, пламеннымъ честолюбіемъ. Онъ пролагалъ себѣ дорогу къ престолу. Для этого нужно было прежде всего погубить важнѣйшихъ членовъ императорскаго семейства и перваго—Друза, сына и законнаго преемника Тиберія. Сеянъ обольстил жену Друза, Ливію (Ливиллу), которой обѣщальъ бракъ и участіе въ правленіи; при ея содѣйствіи и былъ отравленъ Друзъ; фактъ этотъ установленъ судомъ восемь лѣтъ спустя послѣ паденія Сеяна.

Затѣмъ преслѣдованіе направилось на сыновей Германика, имѣвшихъ наибольшія права наследовать престолъ, а также противъ ихъ матери Агриппины, женщины гордой и властолюбивой, но великодушной и добродѣтельной. Она была послѣдняя внучка Августа. Она держала себя въ высшей степени умно и осторожно, а потому нельзя было пустить въ дѣло ядъ. Поэтому нужно было во что бы то ни стало возбудить Тиберія противъ несчастной семьи. Началось съ преслѣдованія и истребленія ихъ приверженцевъ. Обычныя средства, — коварство и предательство, озлобленіе и ложное обвиненіе — сдѣлали свое дѣло. Были запрещены всякія сношенія

съ опальной семьей. Наконецъ, въ 29 г. Тиберій велѣлъ сенату подвергнуть наказанію Агриппину за ея высокомеріе и упрямство, а ея старшаго сына Нерона за его распутство. Напрасно народъ выраженіемъ своего сочувствія старался спасти эту болѣе всѣхъ другихъ уважаемую имъ семью. Агриппина была сослана на островъ Пандатарію, Неронъ на островъ Понцію, а второй сынъ Друзъ былъ брошенъ въ подземную темницу; уцѣлѣлъ лишь младшій изъ сыновей Германика, Калигула, человѣкъ неспособный и проводившій жизнь вдали отъ общества: онъ одинъ имѣлъ право на престолъ.

Сеянъ былъ близокъ къ высшей власти. Тиберій уже назначилъ его вторымъ консуломъ; даже въ храмахъ его изображенія появлялись подлѣ изображеній императора. Наконецъ, въ тираніи пробудилось недовѣріе и къ своему любимцу; вѣроятно, оно было вызвано предостереженіемъ одного изъ членовъ императорскаго семейства. Теперь онъ ужаснулся той огромной власти, которую самъ предоставилъ этому человѣку. По врожденной трусости и фальши онъ и теперь не рѣшился дѣйствовать открыто; паденіе преторіанскаго любимца подготовлялось боязливо, заботливо и хитро. По разнымъ признакамъ Сеянъ могъ замѣтить, что благосклонность тирана къ нему уменьшилась; но затѣмъ являлись новыя милости, которыя вводили въ заблужденіе этого человѣка, всегда столь умнаго и рѣшительнаго, и это удерживало его дѣйствовать отчаянно и погубить самого императора, чтобы спасти себя. Приготовленія къ низверженію Сеяна походили на заговоръ. Его увѣрили, что въ сенатѣ будетъ прочтено письмо императора, который назначаетъ его своимъ товарищемъ по должности трибуна. вмѣсто этого было прочтено сенату длинное письмо императора, въ которомъ страннымъ образомъ упреки чередовались съ похвалами, и которое заканчивалось приказаніемъ арестовать Сеяна: этотъ конецъ могъ быть обойденъ въ томъ случаѣ, если бы общее настроеніе оказалось въ пользу Сеяна. Его арестовала отборная когорта преторіанцевъ еще прежде чѣмъ сенаторы подали свои голоса. Макрону, назначенному вмѣсто Сеяна начальникомъ преторіанцевъ, и бывшему главнымъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ, удалось успокоить когорты обѣщаніемъ наградъ. Въ тотъ же день состоялось вторичное засѣданіе сената, въ которомъ произнесенъ былъ смертный приговоръ Сеяну; вслѣдъ затѣмъ его убили. Тѣло его было выброшено въ поле и отдано на поруганіе черни; черезъ три дня его бросили въ Тибръ. Затѣмъ, по приказанію Тиберія были убиты невинныя дѣти этого недавняго всемогущаго фаворита, а потомъ и остальные родственники и друзья его. Низверженіе Сеяна произошло въ 31 г.; но доносы и смертные приговоры надъ его приверженцами продолжались еще до 33 г., и дѣло кончилось тѣмъ, что Тиберій отдалъ приказъ казнить безъ предварительнаго слѣдствія всѣхъ лицъ, привлеченныхъ къ суду по обвиненію въ соучастіи съ Сеяномъ. Повелѣніе было исполнено. Какая поразительная картина вырожденія нравовъ и государства и вмѣстѣ съ тѣмъ какой наглядный примѣръ того, къ чему приводитъ подобное единовластіе, столь прославленное какъ спасительное средство!

Можно было надѣяться, что теперь послѣдуетъ перемена въ пользу Германика. Напрасно такъ думать. Сначала устраненъ былъ старшій сынъ Неронъ; онъ умеръ, вѣроятно, насильственной смертью; второго сына, Друза, уморили голодомъ, послѣ того какъ онъ три года просидѣлъ въ темницѣ; проклетія умирающаго по адресу Тиберія были приведены въ сенатѣ для оправданія приговора; наконецъ, умерла голодной смертью Агриппина. Въ письмѣ къ сенату деспотъ хвастался своею кротостью, такъ какъ не велѣлъ удавить несчастную и выбросить ее въ поле; онъ считалъ «знаменательною волею боговъ» то обстоятельство, что она умерла въ одинъ день съ Сеяномъ. Рабобѣдствующій сенатъ, не довольствуясь благодарственнымъ письмомъ къ императору, постановилъ совершать ежегодно въ этотъ день жертвоприношеніе Юпитеру. Такимъ образомъ религія должна была служить какъ бы для возвеличенія преступленія.

Когда быстрый упадокъ силъ стараго сластолюбца указывалъ на приближеніе его конца, новый фаворитъ Макронъ сталъ принимать мѣры къ тому, чтобы населеніе Рима признало императоромъ Калигулу, бездарнаго младшаго сына Германика. Тиберій задыхался; тогда бывшіе тутъ стали шумно поздравлять съ полученіемъ императорской власти его преемника. Но старикъ очнулся. Въ этотъ страшный для всѣхъ окружающихъ моментъ не потерялся одинъ Макронъ. Онъ не видѣлъ другого средства спасти себя и другихъ, какъ набросить на деспота подушки и одѣяла и ими задушить его. Тиберію было тогда болѣе 77 лѣтъ *).

Такимъ образомъ вступилъ на престолъ Райи Цезарь Германикъ—таково было его настоящее имя; названіе же Калигула, подъ которымъ онъ извѣстенъ въ исторіи, было просто шутовское или ласкательное прозвище, данное солдатами ему, когда онъ былъ еще ребенкомъ, и означаетъ—«маленькій солдатокъ»,—намень на его маленькіе солдатскіе сапожки, сапожки. Онъ, послѣдній сынъ Германика, подчинялся всѣмъ капризамъ Тиберія, и низкой честию не только спасъ свою жизнь, но даже возбудилъ въ послѣднемъ извѣстномъ расположеніи, а можетъ быть и жалость. Онъ никогда не выказывалъ состраданія къ своей оскорбляемой матери и къ своимъ несчастнымъ братьямъ, такъ что въ послѣдствіи о немъ было сказано, что при Тиберіи онъ показалъ себя наилучшимъ рабомъ, а деспотомъ—наихудшимъ императоромъ.

Однако, нѣтъ ничего необычнаго въ томъ, что дурные государи, при восшествіи на престолъ, возбуждаютъ въ довѣрчивой толпѣ розовыя надежды: напротивъ, явленіе это весьма обыкновенное. Для этого не много нужно; уже самая возможность произвестъ перемены въ существующихъ порядкахъ почти невольно приводитъ къ новымъ мѣропріятіямъ, которыя принимаются обыкновенно съ преувеличеннымъ восторгомъ. Что касается Калигулы, то

*) Для характеристики рабобѣдства, внесеннаго въ новѣйшую исторіографію, укажемъ на тотъ фактъ, что существуютъ нѣмецкіе историки, которые поставили себѣ задачей защиту Тиберія. Ихъ аргументація построена, главнымъ образомъ, на томъ, что онъ могъ надѣлать еще гораздо больше зла, но что онъ этого не сдѣлалъ.

туть имѣло мѣсто особое обстоятельство, которое сдерживало его въ самомъ началѣ: шаткость его положенія; онъ боялся, что его власть не будетъ признана, а скорѣе возбудитъ опасное сопротивленіе. Чтобы прежде всего утвердить свое положеніе, новый императоръ началъ тратить деньги съ безграничной расточительностью; необходимыя для этого средства давалъ ему большой запасъ денегъ въ казнѣ, собранный бережливымъ Тиберіемъ. Калигула велѣлъ объявить недѣйствительнымъ завѣщаніе покойнаго государя въ виду того, что оно дѣлало его обладателемъ только одной половины наслѣдства, тогда какъ другая половина должна была перейти къ сыну умершаго, а это вовсе не согласовалось съ своекорыстіемъ новаго повелителя; но онъ оставилъ въ силѣ то мѣсто завѣщанія, по которому каждый преторіанецъ получалъ по 1000 сестерціевъ, солдаты городскихъ когортъ по 500, воины легионовъ по 300, а народъ, въ общемъ, около 50 миллионъ сестерціевъ; онъ даже удвоилъ выдачи преторіанцамъ и отпустилъ народу суммы, ранѣе ему завѣщанныя, но не выданныя; кромѣ того, онъ старался также расположить къ себѣ народъ роскошными играми и звѣрыными травлями.

Но едва только Калигула почувствовалъ, что сидитъ на престолѣ прочно, какъ неудержимо вырвалась наружу вся жестокость его характера. Онъ губилъ всѣхъ, кто, по его мнѣнію, могъ быть ему опасенъ. Первою жертвой палъ несчастный 18-лѣтній Тиберій, котораго онъ принудилъ къ самоубійству; потомъ погибъ его тесть, Клавдій Силанъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ людей въ Римѣ; далѣе были погублены бабушка Калигулы, Антонія, и въ одно время съ нею упомянутый выше Макронъ, хотя обоимъ имъ извергъ былъ обязанъ престоломъ.

Въ это время Калигула предавался самому грязному разврату и грубымъ порокамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдался своей страсти къ развлеченіямъ въ циркѣ. Сенаторы должны были участвовать въ бѣгахъ на колесницахъ, въ гладиаторскихъ бояхъ; многихъ приговаривать къ этому податливый былъ. Императоръ выступалъ въ качествѣ певца, танцовщика и гладиатора. Его наглость доходила до подвѣшанія безумія. Стучалось, что ночью онъ внезапно созывалъ сенаторовъ, а когда они являлись, ожидая услышать важное, не терпящее отлагательства, сообщеніе, подымался занавѣсъ и императоръ подъ аккомпаниментъ музыки исполнялъ передъ ними танецъ. Его любимая скаковая лошадь получила особый придворный штатъ и была стѣлана членомъ жреческой коллегіи, которую учредилъ сумасшедшій для воздаванія самому себѣ божескихъ почестей.

Жестокость неограниченнаго владыки достигала такихъ размѣровъ, какіе обыкновенно присущи деспотамъ внутренней Азіи и Африки. Однажды, когда преступниковъ бросали на растерзаніе звѣрямъ, число преступниковъ оказалось меньше, чѣмъ было нужно; онъ велѣлъ схватить изъ толпы зрителей, сколько было надобно, и бросить ихъ звѣрямъ. Отцы должны были присутствовать при казни своихъ сыновей и за это получали приглашеніе къ царскому столу.

Одинъ отецъ, который передъ такой экзекуціей спросилъ деспота, можетъ ли онъ закрыть глаза, былъ тутъ же казненъ вмѣстѣ съ сыномъ. Кромѣ жестокости побуждала Калигулу къ убійству богатыхъ гражданъ и конфискаціи ихъ имуществъ еще другая причина—истощеніе запаса денегъ въ казнѣ. Для обвиненія подыскивались самыя противорѣчивыя предлоги. Одни обвинялись въ томъ, что не носили траура по случаю смерти сестры императора; другимъ вѣнялось въ преступленіе, что они оплакивали ея смерть, ибо Друзилла не умерла, а вознеслась къ богамъ. Когда, послѣ казни нѣкоего Приска, оказалось, что у него не было предполагаемаго крупнаго состоянія, Калигула воскликнулъ смѣясь: «Этотъ обманулъ меня, онъ могъ бы остаться жить». Императоръ часто исполнялъ обязанности судьи. Когда однажды его жена вышла изъ опочивальни, онъ хвалился, что пока она отдыхала послѣ обѣда, онъ успѣлъ приговорить къ смерти 40 обвиненныхъ и приобрести столько-то милліоновъ. Впрочемъ, было бы ошибкой думать, что несправедливаго чудовища обращались только противъ знатныхъ и богатыхъ. Простой народъ также раздражалъ его и испытывалъ на себѣ его гнѣвъ. Когда нужны были жертвы, брали первыхъ попавшихся. Известно его восклицаніе: «Я желаю, чтобы всѣ весты римскій народъ имѣлъ одну голову—тогда можно было-бы отрубить ее однимъ ударомъ». Калигула хотѣлъ, чтобы его, считали какъ бога и действовали противъ тѣхъ, кто отказывался признавать его богомъ и поклоняться ему.

Сказанное въ достаточной мѣрѣ характеризуетъ ужасное положеніе, въ которое низвергнуть былъ римскій міръ въ правленіе этого деспота. Мы смѣло можемъ обойти комическую игру Калигулы въ мнимые походы противъ Галліи, потому что противъ германцевъ и Британцевъ и не распространяться также о его жестокихъ злодѣяніяхъ въ Галліи, гдѣ однажды императоръ, покинувъ на нѣсколько минутъ общество, съ которымъ игралъ въ кости, приговорилъ по спискамъ имущественнаго ценза къ смертной казни богатѣйшихъ галловъ и, возвратясь къ играющимъ, сказалъ шутя: «пока вы здѣсь играли на нѣсколько денаріевъ, я заработалъ 150 милліоновъ».

Положеніе членовъ императорской фамиліи въ продолженіе всего царствованія Калигулы было ничуть не болѣе безопаснымъ положеніемъ всякаго другого человѣка. За участіе въ (мнимомъ или дѣйствительномъ) заговорѣ былъ казненъ зять императора, а двухъ своихъ сестеръ онъ сослалъ на Понтійскіе острова, одну, притомъ, съ изысканнымъ позоромъ. Нескончаемое мотовство вело къ новымъ налогамъ и угнетеніямъ народа.

Наконецъ, преторіанскій дружина Кассій Херея, лично оскорбленный и потому вѣроятно опасавшійся за свою жизнь, рѣшился убить деспота. Нѣкоторые другія лица, между прочимъ, начальникъ преторіанцевъ и отпущенникъ Каллиста, также трепетавшіе тирана, примкнули къ нему и закололи изверга въ узкомъ корридорѣ дворца (въ началѣ 41 г.). Его правленіе длилось менѣе 4 лѣтъ; самому

ему было 28—29 лѣтъ. Какъ всегда бываетъ при подобномъ депотическомъ владычествѣ, были убиты также его жена и ребенокъ.

Заговорщики и тутъ достигли своей ближайшей цѣли, но не подумали о томъ, что дѣлать послѣ. Преторіанцы, преданные Калигулѣ за его подарки, были возмущены убійствомъ. Тѣлохранители обыскивали дворецъ въ надеждѣ найти убійцу и мимоходомъ пограбить. Здѣсь они вытащили 50-лѣтняго дядю императора, Тиберія Клавдія Нерона, въ испугѣ сирягавшагося за дверь, во время кровавой расправы. Въ преторіанскомъ станѣ провозгласили его императоромъ. Онъ сначала не хотѣлъ принять этого опаснаго титула, тѣмъ болѣе, что сенатъ сдѣлалъ попытку возстановить республику и эта всемірно-владычествовавшая прежде коллегія выразила Хереевъ благодарность отечества, причемъ ему, какъ военному трибуну, былъ объявленъ (въ первый разъ послѣ цѣлаго столѣтія) лозунгъ: слово «свобода».

Но рѣшили дѣло солдаты. Клавдію обѣщали каждому преторіанцу по 15000 сестерціевъ и безсильный сенатъ подчинился требованію войска.

Онъ имѣлъ отъ природы слабый разумокъ, его вѣчно унижали, часто оскорбляли, и это дѣлало его еще болѣе неспособнымъ. Онъ передъ тѣмъ предавался невиннымъ занятіямъ литературой, былъ незлобивъ и хотѣлъ добросовѣстно исполнять то, что считалъ своимъ долгомъ правителя, но при этомъ не забывалъ радостей жизни и въ особенности хорошаго стола. Несчастьемъ Клавдія и римскаго народа были жены императора и вліяніе отпущениковъ. Вотъ отъ какихъ элементовъ зависѣла судьба тогдашняго человѣчества.

Клавдію были уже раньше жепать два раза; съ обѣими женами онъ развелся. Теперь онъ женился на Мессалинѣ, безстыдной, развратницѣ, имя которой вошло въ поговорку, а послѣ ея на столь же безнравственной Агриппинѣ. Въ союзъ съ этими женщинами, особеннымъ вліяніемъ пользовались отпущенники: Полибій, помощникъ императора въ литературныхъ занятіяхъ, Нарциссъ, секретарь Клавдія, и Паллантъ, казначей; все это были хитрые, коварные интриганы; кромѣ нихъ играли роль еще другіе, притомъ почти исключительно греки; въ это и въ послѣдующее время вообще греки, низко упавшіе нравственно, выдвигались благодаря ихъ ловкости и хитрости.

По обыкновенію начало царствованія обѣщало много хорошаго. Тѣмъ не менѣе Херей и нѣкоторые другіе убійцы Калигулы были казнены. Новый императоръ ревностно засѣдалъ въ судѣ и въ циркѣ, занимался вообще самыми пустыми дѣлами, но охотнѣе всего предавался обжорству. Въ то время какъ римскія войска покоряли Англію, въ Римѣ хозяйничала Мессалина. По ея настоянію сестра Калигулы Агриппина, возвращенная изъ ссылки, была сослана вновь, потому что возбудила ревность Мессалины; философъ Сенека былъ сосланъ на островъ Корсику. Потомъ былъ убитъ Силанъ, отчимъ Мессалины и женихъ дочери императора; было сказано, что сновидѣнія открывали многимъ лицамъ, между прочимъ

Мессалинъ и Нарциссу, что Силанъ злоумышляетъ противъ жизни императора; Клавдій заявилъ потомъ сенату, что Нарциссъ бережетъ его даже во снѣ. Не избѣжали казни также одна изъ внучекъ Тиберія и зять Клавдія. Опасеніе за собственную жизнь побудило многихъ вліятельныхъ людей составить заговоръ, но онъ былъ открытъ и далъ императрицѣ удобный случай насытить казнями свою ненависть и алчность. Пржебній злодѣйства возобновились, но виновникомъ ихъ былъ не слабоумный императоръ, а его ужасная супруга. Доносчики снова держали въ трепетѣ Римъ. Такъ Свиллій заставилъ одного всадника заплатить ему 400000 сестерціевъ за непредъявленіе доноса, но потомъ все-таки донесъ на него, безъ сомнѣнія, потому, что другой заплатилъ ему еще больше. Другой ораторъ подобнымъ же образомъ «пажилъ» себѣ состояніе въ 300 милліоновъ сестерціевъ.

Мы, конечно, не будемъ вдаваться въ подробности. Мессалина въ своемъ распутствѣ дошла до того, что во время отсутствія мужа императора совершила ~~область~~ бракосочетанія со своимъ любовникомъ, кандидатомъ въ консулы Гаемъ Силіемъ. Отпущенникъ Нарциссъ поспѣшилъ въ Остію, гдѣ былъ тогда Клавдій, и открылъ ему все. Понимая, что теперь должны погибнуть или онъ, или Мессалина, Нарциссъ не покидалъ уже болѣе императора, привезъ его въ Римъ и представилъ доказательство того, что противъ императора злоумышляли; чтобы не допустить до императора Мессалину, которая могла его погубить, онъ отдалъ отъ имени императора приказаніе убить ее (въ 48 году).

Послѣ этого началась борьба между отпущенниками; каждый изъ нихъ предлагалъ императору жениться на той женщинѣ, которая обѣщала ему наибольшее вліаніе. Послѣ цѣлаго ряда интригъ побѣду одержалъ Паллантъ: выборъ палъ на Агриппину, дочь Германика; она была сестра Калигулы и, слѣдовательно, племянница Клавдія.

Эта женщина была безнравственна, властолюбива и жестока какъ Мессалина; но, въ отличіе отъ послѣдней, для нея развратъ не былъ конечною цѣлью. Прежде всего она стала хлопотать о томъ, чтобы сдѣлать наслѣдникомъ престола своего сына отъ перваго брака, Луція Домиція, вмѣсто сына императора Британника. Для этого надобно было сначала разстроить помолвку дочери императора Октавіи съ Силаномъ. Подъ ничтожнымъ предлогомъ, самымъ постыднымъ образомъ, Силанъ былъ исключенъ изъ сената и принужденъ лишиться себя жизни. Въ то же время двѣнадцатилѣтній Домицій былъ объявленъ жиникомъ дѣвушки, которая на свое несчастье была дочерью императора. Въ слѣдующемъ (50) году Клавдій усыновилъ своего пасынка, который, по этому случаю, получилъ имя Нерона, до той поры пользовавшагося большимъ уваженіемъ у народа и въ фамиліи Клавдія, но скоро сдѣлавшагося предметомъ отвращенія на вѣчныя времена. Философъ Сенека былъ возвращенъ изъ ссылки; ему поручили воспитаніе мальчика. Сенатъ, все болѣе терявшій свое достоинство, далъ 14-лѣтнему Нерону прокон-

сульскую власть и объявилъ, что по достиженіи 20 лѣтъ назначить его консуломъ.

Устранивъ всѣ препятствія и обезпечивъ себѣ содѣйствіе преторіанцевъ назначеніемъ Афранія Бурра начальникомъ ихъ. Агриппина быстро пошла къ своей цѣли. Въ Клавдіѣ уже проснулось не только чувство стыда, но и сознание небезопасности своего положенія, Императоръ былъ отравленъ. Неронъ въ сопровожденіи Бурра отправился въ преторіанскій станъ, обѣщалъ подарки преторіанцамъ (подобно тому какъ это сдѣлалъ и его отчимъ при своемъ воцареніи) и они провозгласили его императоромъ; сенату оставалось только подтвердить избраніе (въ октябрѣ 54 г.).

Передъ нами опять одно изъ тѣхъ многихъ царствованій, начало которыхъ обѣщало много, а конецъ былъ ужасенъ.

Молодому государю еще не было 17-ти лѣтъ. Онъ находился подъ вліяніемъ Сенеки и Бурра, людей благомыслящихъ, но податливыхъ. Первые пять лѣтъ правленія Нерона считаютъ сравнительно хорошими, хотя преимущество это состояло не въ томъ, что преступленія не совершались вовсе, а только въ томъ, что ихъ совершалась мало.

Агриппина хотѣла владычествовать,—владычествовать по прежнему. Противъ ея властолюбія боролись Сенека и Бурръ. Любовная интрижка Нерона съ одной отпущенницей казалась императрицѣ-матери особенно невыгодной для ея положенія; она грозила сыну, что возведетъ на престолъ Британика. Тогда Неронъ велѣлъ отравить своего несчастнаго двоюроднаго брата за императорскимъ обѣдомъ мгновенно дѣйствующимъ ядомъ, а свою мать онъ удалилъ отъ дворца. Это произошло уже во второмъ изъ пяти первыхъ лѣтъ правленія Нерона.

Распутство Нерона уже не стѣснялось ничѣмъ. Онъ, между прочимъ, сошелся съ Пoppеей Сабинной, мать которой была убита по приискамъ Мессалины. Но Пoppея хотѣла быть не только любовницей, но и женою императора; Агриппина стояла на дорогѣ ей. Она упреками и насмѣшками раздражала Нерона противъ матери и онъ, наконецъ, рѣшился на матереубійство. Напрасно Агриппина принимала всѣ мѣры предосторожности и хитрости. Прикрываясь лицемѣриемъ, Неронъ велѣлъ сдѣлать нѣсколько покушеній на убійство матери: когда эти попытки не удались, онъ просто послалъ въ виллу несчастной людей, которые убили ее булавами («Пронзите это тѣло, которое произвело на свѣтъ чудовище Нерона», будто бы сказала Агриппина ворвавшимся къ ней убійцамъ). Сенатъ постановилъ, что ежегодно должно быть приносимо благодареніе богамъ за спасеніе императора. Благочестіе въ такихъ случаяхъ предписывало жертвоприношеніе богамъ!

Неронъ теперь убѣдился во-очію, что для него не существуетъ не только матеріальныхъ, но и нравственныхъ преградъ. Нагло и высокомерно объявилъ онъ, что всѣ прежніе императоры были плохи; что онъ первый покажетъ, до чего можетъ дойти произволь. Безъ стыда и чувства, съ полнымъ самосознаніемъ продолжалъ

онъ идти по пути разврата и, дѣйствительно, его кровавое владычество непрерывно длилось девять лѣтъ.

Неронъ хотѣлъ блистать и стяжать лавры какъ актеръ, пѣвецъ, тапшовщикъ, поэтъ и мастеръ править лошадыми въ циркѣ. Устраивались безстыднѣйшія народныя увеселенія (ночью въ рощахъ). Возобновились процессы объ оскорбленіи величества и конфискаціи имуществъ. Бурръ умеръ; вѣроятно его отравили; Сенека получилъ отставку. Несчастная Октавія, съ которой развелся Неронъ, была сослана; на нее были возведены вымышленныя, позорившія ее, обвиненія и она была убита, послѣ чего сенатъ опять постановилъ благодарить боговъ за спасеніе императора.

Въ 64 году Римъ былъ опустошенъ ужаснымъ пожаромъ. Правда ли, что Неронъ былъ виновникомъ этого пожара и, стѣя надъ огненнымъ моремъ, декламировалъ стихи, описывающіе разрушеніе Трои—неизвѣстно. Какъ бы то ни было, но это происшествіе страшно ожесточило народъ противъ Нерона; желая отклонить отъ себя подозрѣніе, онъ обвинилъ въ поджогѣ христіанъ, проживающихъ въ Римѣ, которыхъ ненавидѣли и презирали (по выраженію Тацита «odium humani generis» за ихъ ненависть къ людямъ) за ихъ восточно-судебные обряды. Множество ихъ было по повелѣнію Нерона безчеловѣчно предано смерти въ его садахъ и въ его присутствіи; однихъ отдавали на растерзаніе собакамъ, другихъ сожигали, такъ что даже грубая толпа, при всемъ отвращеніи къ религиозному культу этихъ несчастныхъ, чувствовала состраданіе къ нимъ.

Заговоръ, открытый въ 65 г., повлекъ за собой массовыя казни. Большинство обвиненныхъ проявили, при этомъ, постыдную низость и трусость; но были и черты древне-римскаго мужества и гордости, которыя доказывали, что не умеръ еще старинный республиканскій духъ римлянъ. Заговоръ этотъ далъ извергу поводъ погубить своего учителя Сенеку. Хотя онъ жилъ въ полномъ уединеніи, его обвинили въ соучастіи въ заговорѣ и онъ получилъ приказаніе убить себя. Изъ множества позднѣйшихъ жертвъ мы назовемъ только Пета Тразею и Барею Сорана, о которыхъ Тацитъ говорить какъ о воплощеніяхъ добродѣтели.

Неронъ, съ намѣреніемъ, предавался открыто самому утонченному разврату и всякаго рода чувственнымъ наслажденіямъ. Его расточительность не имѣла границъ. Съ своей второй женой Пoppеей—виновницей убійства матери и первой жены императора—онъ обращался грубо; она, какъ говорятъ, умерла отъ пинка ногой, даннаго ей Нерономъ. Семейная жизнь при дворѣ давно упала до того, что было почти рѣдкостью, если какой-либо выдающійся членъ императорскаго двора умиралъ естественною смертью.

Страсть Нерона выступать въ качествѣ актера и колесничаго возчика принимала все болѣе сумасбродныя формы. Онъ предпринялъ артистическую поѣздку въ Грецію, которая продолжалась почти два года, давъ этимъ измученному Риму хоть нѣсколько отдохнуть отъ его свирѣпостей. Собравъ 1800 вѣнковъ, Неронъ вернулся въ столицу.

Исторія ничего не отбѣтила изъ сферы внутренней жизни государства. Народъ не имѣлъ никакого значенія, былъ ничто; онъ едва принимался во вниманіе настолько, насколько служилъ капризамъ императора или интригамъ женщинъ и придворныхъ. Римскія войска съ уснѣхомъ сражались въ Британніи, въ землѣ парѣянъ и въ Арменіи; на востокѣ одерживалъ побѣды полководецъ Корбулонъ. Неронъ вызвалъ его къ себѣ въ Грецію и отдалъ ему здѣсь приказаніе убить себя, а потомъ устроить въ Римѣ праздники въ честь себя и своихъ подвиговъ. Когда, наконецъ, въ мартѣ 68 г. «плохой китаристъ» Неронъ по настоятельному желанію народа (который жаждалъ игрѣ) выѣхалъ въ Римъ, онъ въ Неаполѣ получилъ извѣстіе, что надвигается черная тучка. Правитель Галліи Юлій Виндексъ, возмущенный лежавшимъ на римскомъ государствѣ позоромъ, возсталъ и предложилъ провозгласить императоромъ правителя Испаніи, Сервія Сульпиція Гальбу. Послѣдній сперва отклонилъ отъ себя предложенный ему санъ, и только по утвержденіи сенатомъ пошелъ освобождать Римъ. Хотя войско Виндекса было разбито правителемъ Верхней Германіи, но въ то же время отложились отъ Нерона одинъ за другимъ правители провинцій. Неронъ отуманивалъ себя все новыми излишествами. Наглый въ началѣ, онъ вскорѣ отдался презрѣнной трусости. Когда стража покинула дворецъ, онъ бѣжалъ изъ Рима, не зная на что рѣшиться. И только когда приблизились всадники, посланные взять его и привезти въ столицу для совершенія надъ нимъ казни—онъ вонзилъ себѣ въ грудь мечъ, но такъ слабо, что одинъ отпущенникъ сжался надъ нимъ и прикончилъ эту подлую жизнь: «Какого художника теряетъ во мнѣ мѣръ» будто бы воскликнулъ при этомъ Неронъ, и если эти слова придуманы, то очень удачно. Неронъ умеръ на 31 году жизни (въ іюнѣ 68 г.).

Римскій мѣръ былъ обязанъ неистовству самихъ императоровъ династіи Клавдіевъ-Юліевъ тѣмъ, что династія эта теперь была истреблена и не оставалось никого, кого бы можно было посадить на римскій престолъ. Положимъ, несчастье было не велико, потому что нравственный упадокъ императорской фамиліи, традиціонный образъ дѣйствій и разныя другія условія должны были даже недурного по природѣ челоуѣка толкать далѣе по этому какъ бы наследственному пути. Правда, что ближайшимъ слѣдствіемъ прекращенія династіи явилась анархія. Кромѣ Гальбы и другіе военачальники считали себя вправе занять римскій престолъ; они устроили мятежъ и новый императоръ, пробовавшій было строгостью обуздать наглость преторіанцевъ, уже черезъ семь мѣсяцевъ правленія былъ низложенъ и умерщвленъ распутнымъ предводителемъ преторіанцевъ Отономъ (январь 69 г.). Трехъ слѣдующихъ мѣсяцевъ, однако, было достаточно, чтобы положить конецъ владычеству и жизни этого развратнаго военачальника. Теперь судьба челоуѣчества лежала въ рукахъ Вителлія, начальника легионовъ нижняго Рейна, челоуѣка, который своимъ обжорствомъ и пьянствомъ, расточительностью и жестокостью возобновилъ времена Калигулы и Нерона. Но не гнусность его, а прихоть войскъ, пришед-

нихъ изъ при-дунайскихъ земель, чтобы отмстить за Отона, низвергла и его черезъ 8 мѣсяцевъ.

По счастью, военачальникъ, въ пользу котораго рѣшилась слѣпая игра борьбы въ послѣдній военный бунтъ, оказался способнымъ, разумнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ. Это былъ Титъ Флавій Веспасіанъ, въ послѣднее время командовавшій войсками въ войнѣ съ іудеями. Правленіе его (69—79 г.г.) въ общемъ было хорошее; оно было такимъ потому, что населеніе, привыкшее къ сумасбродствамъ и неистовствамъ его предшественниковъ, считало уже особеннымъ счастьемъ, если повелитель не свирѣпствовалъ какъ звѣрь. Печальное знаменіе того, куда привело единовластіе римлянъ, нѣкогда гордыхъ своею свободой. Веспасіанъ всячески старался заставить римлянъ забыть гнусности своихъ предшественниковъ; онъ хотѣлъ возстановить до извѣстной степени значеніе сената; кромѣ того самый характеръ имперіи велъ къ уравненію въ правахъ жителей провинцій съ италійцами, или, выражаясь точнѣе—къ одинаковому подчиненію тѣхъ и другихъ волѣ единовластителя. Но абсолютизмъ оказался сильнѣе благихъ намѣреній хорошаго, разумнаго императора. Огромныя издержки на содержаніе постоянныхъ войскъ и народныя увеселенія весьма способствовали развитію въ императорѣ скупости. Онъ продавалъ должности и почести, занимался торговыми спекуляціями и назначалъ ачюныхъ людей правителями провинцій, чтобы потомъ выжимать ихъ какъ губки и завладѣть награвленными ими богатствами цѣлыхъ провинцій. Не было болѣе гражданской милиціи; имперія, по самому существу своему, не могла опираться на нее, не могла возвратиться къ ней; содержаніе же наемныхъ войскъ стоило огромныхъ суммъ, которыя пришлось добывать всяческими способами: такъ одно зло порождало другое. Такъ какъ все зависѣло отъ воли одного человѣка, то одна изъ его наложницъ легко могла за свой собственный счетъ торговать должностями и привилегіями. Деспотизмъ не помѣшалъ даже Веспасіану сурово и жестоко преслѣдовать всякое, даже самое отдаленное, проявленіе республиканскаго духа. Такъ онъ сперва осудилъ на изгнаніе Гельвидія Приска—почтеннаго человѣка, имѣвшаго республиканскія убѣжденія, а потомъ велѣлъ убить его, хотя Гельвидій уже не былъ опасенъ престолу. Веспасіану нравилось быть покровителемъ философовъ, пока они были полезными и послушными слугами государства; но онъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ другихъ, въ особенности стойковъ и ихъ демократическія убѣжденія; къ этой именно школѣ принадлежала большая часть республиканцевъ, павшихъ въ прежнихъ междоусобныхъ войнахъ; кромѣ того онъ могъ находить, что люди, умѣющіе сдерживать свой эгоизмъ и поканчивать расчеты съ жизнью, могутъ при извѣстныхъ условіяхъ оказаться неудобными и опасными единовластію.

Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть о томъ, что въ правленіе Веспасіана былъ взятъ приступомъ и разрушенъ сыномъ его Титомъ (въ 69 г.) городъ Іерусалимъ, осада котораго начата была самимъ Веспасіаномъ. Число погибшихъ и уведенныхъ въ плѣнъ іудеевъ опредѣляется въ 1.100.000 чел., хотя цифра эта, конечно, не досто-

вѣрна. Существованіе іудейскаго государства было этимъ окончательно уничтожено.

Правительственной системы Веспасіана продолжалъ держаться и его сынъ и наслѣдникъ Титъ (покоритель Іерусалима). Этотъ человѣкъ своимъ развратомъ и жестокостями, которымъ предавался до своего вступленія на престолъ, возбуждалъ сильнѣйшія опасенія. Тѣмъ неописаннѣ были изумленіе и восторгъ римскаго народа, когда новое царствованіе пошло по пути Веспасіана; новаго государя называли: «любовь и радость рода человѣческаго». Впрочемъ, Титъ процарствовалъ всего два года (79—81) и, стало быть, въ виду примѣра первыхъ 5 лѣтъ царствованія Нерона вопросъ, на долго ли противостояли бы хорошія качества человѣка искушеньямъ неограниченной власти, остается открытымъ.

Преемникомъ Тита былъ его братъ, Титъ Флавій Домитіанъ. Онъ царствовалъ отъ 81 до 96 г. Историки хвалятъ первые годы его правленія. Но потомъ мотовство, злость и жестокость обнаружилась во всей силѣ. II неистовства императора продолжались бы еще долго—гражданское населеніе не было вооружено, а потому не могло имѣть вліянія—если бы жена деспота, увидѣвъ свое имя въ спискѣ осужденныхъ, не вступила въ заговоръ съ нѣкоторыми отчаянными придворными, которымъ предтояла та же участь, и не побудила ихъ убить его. Они напали на него въ опочивальнѣ и убили его. Заговорщики избѣжали обычной ошибки, которая являлась причиною неуспѣха большинства заговоровъ въ Римѣ, почти всегда удачныхъ въ самомъ началѣ. Хотя надо было дѣйствовать быстро, они не ограничились однимъ устраненіемъ деспота, а подняли новое знамя, провозгласивъ имя новаго императора. Это былъ пожилой, всѣми уважаемый сенаторъ Кокцій Нерва. Такъ какъ въ первую минуту никто не успѣлъ выставить другаго кандидата, то онъ и удержался на престолѣ. Но когда затѣмъ обнаружилось сильное броженіе, онъ самъ назначилъ себя соправителемъ и наслѣдникомъ въ лицѣ Ульпія Траяна, уроженца Испаніи, командовавшаго легионами на нижнемъ Рейнѣ. Постъ двухлѣтняго правленія Нерва умеръ. Траянъ царствовалъ отъ 98 до 117 г. Его правленіе считаютъ въ высшей степени честнымъ и благотѣльнымъ для римскаго народа. «Будь счастливѣе Августа и лучше Траяна» (*felicitior Augusto, melior Trajano*)—гласила формула, которою сенатъ привѣтствовалъ, два съ половиной столѣтія спустя, новаго императора. Однако, его завоевательная политика не принесла счастья государству.

На этой вышней политикѣ мы должны теперь нѣсколько остановиться. Мы уже говорили о томъ, что еще Августъ предвидѣлъ опасность дальнѣйшаго расширенія и безъ того огромнаго государства и потому предостерегалъ отъ завоеваній. Тиберій раздѣлялъ этотъ взглядъ. Онъ былъ убѣжденъ, что лучше всего предоставить германцевъ (съ которыхъ все равно нечего взять) самимъ себѣ и ихъ несогласіямъ. Онъ тѣмъ болѣе настаивалъ на этомъ, что такой взглядъ давалъ ему поводъ удалить Германика отъ приверженныхъ ему рейнскихъ легионовъ. Иначе сложились обстоятель-

ства при послѣдующихъ императорахъ. Они не могли обойтись безъ большого постоянного войска и должны были давать ему какое-нибудь дѣло отчасти для того, чтобы доказать его необходимость, а отчасти, чтобъ отвлечь честолюбіе военачальниковъ и алчность солдатъ отъ опасныхъ умысловъ противъ самихъ цезарей. Это повело къ упраздненію многихъ мелкихъ пограничныхъ государствъ, которыя республика терпѣла и признавала своими союзниками, и къ присоединенію ихъ территорій къ имперіи. Но вмѣстѣ съ этимъ исчезли и важнѣйшіе форты, охранявшіе имперію отъ дальнихъ варварскихъ народовъ. Съ тѣхъ поръ какъ придвинулась къ нимъ римская граница, открылся неизсякаемый источникъ споровъ, которые вовлекали римлянъ въ походы въ чужія, невѣдомыя земли, а варваровъ побуждали къ набѣгамъ на римскую область. Успѣхъ оружія, правда, доставался римлянамъ; но все-таки нескончаемыя войны и постоянное увеличеніе римской территоріи были губельны для государства.

Такимъ образомъ, въ Германіи римляне укрѣпились и на правомъ берегу Рейна и на южномъ берегу Дуная. Въ Азіи были покорены римскому владычеству въ особенности тѣ земли, которыя служили оплотомъ противъ дикихъ парѣявъ, а также Чудей, столица которой, Іерусалимъ, былъ взятъ и разрушенъ Титомъ. Большая часть Британніи была завоевана превосходнымъ полководцемъ Юліемъ Агриколою.

Такимъ образомъ, римское государство обнимало въ то время, кромѣ Италіи, еще слѣдующія страны: Галлію, Испанію и большую часть Британніи; затѣмъ Иллирику, Рецію, Норику, Паннонію, Мезію, Дакию, Фракію, Македонію и Грецію; Малую Азію, Сирію, Финикію и Палестину; Египетъ и сѣверную Африку и, наконецъ, всѣ острова Средиземнаго моря; другими словами—весь тогдашній культурный міръ, вмѣщавшій въ себѣ территорію въ 75,000 географ. кв. мпль, съ населеніемъ около 120 милліоновъ людей.

Понятнымъ образомъ, съ расширеніемъ римской имперіи были связаны возстанія и войны вновь покоренныхъ народовъ противъ иноземнаго владычества. Важнѣйшимъ изъ этихъ возстаній былъ мятежъ Батавовъ подъ предводительствомъ Клавдія Цивилиса (въ 69 и 70 г.г.), подавленный только послѣ большихъ усилій.

Изъ войнъ прославленнаго императора Траяна слѣдуетъ отмѣтить походы противъ варваровъ, преимущественно противъ даковъ, жившихъ на лѣвомъ берегу Дуная (въ нынѣшней Румыніи). Онъ одержалъ много блестятельныхъ побѣдъ и ему дѣйствительно удалось не только покорить Дакию, но и положить начало романизации мѣстнаго населенія, вслѣдствіе чего положеніе южныхъ провинцій Фракіи и Мезіи сдѣлалось болѣе прочнымъ.

Эти побѣды, значеніе которыхъ само по себѣ сомнительно, давали Траяну поводъ къ безмѣрной расточительности: онъ построилъ цѣлый рядъ великолѣпныхъ зданій и устроилъ блестящія празднества. Публичныя игры и увеселенія продолжались 123 дня сряду: въ нихъ выступили 10000 гладиаторовъ и было выведено 11000 хищныхъ звѣрей, и т. д. Подобное безобразіе практикова-

лось и при другихъ хорошихъ императорахъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Ободренный побѣдами, одержанными надъ даками, Траянъ предпринялъ два похода противъ парянь. Но послѣдній походъ скоро оказался безнадежнымъ. Траянъ уже думалъ прекратить войну; на возвратномъ пути онъ умеръ.

На престолъ вступилъ Публій Элій Адрианъ—говорили, будто покойный императоръ назначилъ его своимъ преемникомъ, но вѣроятнѣе всего, что актъ усыновленія его Траяномъ былъ подложный, составленъ вдовой императора. Адрианъ былъ также родомъ испанецъ. Онъ царствовалъ отъ 117 до 138 г. Онъ началъ съ того, что добровольно отказался отъ завоеваній своего предшественника въ странѣ парянь, такъ какъ удержать покоренныя области можно было только продолжительной войной. Потомъ онъ бросилъ на британскомъ полуостровѣ сѣверную часть римской области и такимъ образомъ совершенно отказался отъ вредной завоевательной политики Траяна. Поэтому правленіе Адриана, въ общемъ, было мирное и благотворное. Сенатъ пользовался уваженіемъ, но крайней мѣрѣ формально. Важнѣйшіе эдикты республиканскихъ преторовъ, бывшіе главнымъ источникомъ права въ прежнія времена, были собраны и приведены въ порядокъ. Этотъ сводъ эдиктовъ, названный «постояннымъ эдиктомъ» (*edictum perpetuum*), былъ объявленъ государственнымъ кодексомъ, къ которому никакіе представители судебной власти не могутъ дѣлать никакихъ прибавленій. Императоръ лично посѣтилъ всѣ части своего государства, покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ, возводилъ полезныя сооруженія и великолѣпныя зданія. Однако, проклятіе цезаризма погубило и его. Онъ велѣлъ умертвить всѣхъ, кого считать опасными престолу. Его тщеславное желаніе прослыть знатокомъ и мастеромъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и искусства доводило его до ужасной жестокости; архитекторъ, неоднократно порицавшій императорскіе планы, заплатилъ за это жизнью. А между тѣмъ уровень художественныхъ вкусовъ сильно понизился во времена Адриана. Въ одномъ храмѣ, построенномъ имъ въ Афинахъ, онъ самъ себя воздвигъ алтарь. Своего любимца, прекраснаго юношу Антиноя, онъ, послѣ его смерти, объявилъ богомъ. Планъ Адриана обратить Иерусалимъ въ римскую колонію, въ которой бы приносились жертвы Юпитеру Капитольскому, а не Іеговѣ,—вызвалъ страшное возстаніе іудеевъ. Въ эту трехлѣтнюю войну опять погибло отъ меча 580000 іудеевъ. Иерусалимъ былъ вновь разрушенъ и потомъ восстановленъ подъ названіемъ Эліи Капитолины (Капитольской), но подходить къ нему было запрещено іудеямъ подъ страхомъ смертной казни. Вообще правленіе Адриана представляло такую странную смѣсь доброты и жестокости, что, когда онъ умеръ, сенатъ не зналъ, причислить ли умершаго императора къ богамъ, какъ это обыкновенно дѣлалось, или объявить его сквернымъ тираномъ; послѣднее предположеніе было отклонено только вслѣдствіе просьбы новаго императора.

Преемникъ Адриана былъ Антонинъ, по прозванію Пій (почтительный, добродѣтельный); самимъ императоромъ былъ назначенъ другой знатный молодой человѣкъ, красивый и эксцентрич-

ный, но онъ, по счастью, умеръ. Антонинъ оправдалъ данное ему названіе въ теченіе всего своего долгодѣтняго царствованія, съ 138 по 161 г. Всегда обуздывая свои личные страсти, онъ заботился только о всеобщемъ благоденствіи. Въ совершенно одинаковомъ духѣ дѣйствовалъ и его преемникъ, усыновленный имъ Маркъ Аврелій, названный философомъ: онъ царствовалъ отъ 161 до 180 г. Правленіе этихъ двухъ императоровъ, Антониновъ—по вѣрному замѣчанію Гиббона—представляло собой, быть можетъ, единственный періодъ въ исторіи, когда счастье великаго народа составляло исключительную цѣль его государей. Въ особенную заслугу слѣдуетъ вмѣнить Марку Аврелію его успѣшное стараніе устранить отъ государственныхъ дѣлъ своего соправителя, развратнаго Вера, котораго назначилъ ему въ помощники Антонинъ согласно распоряженію, сдѣланному Адрианомъ.

Мы дошли до рубежа въ исторіи императоровъ. Въ послѣдній періодъ на долю римскаго государства выпало неслыханное счастье: слѣпой случай, такъ часто рѣшающій дѣло, возводилъ на престолъ людей благороднѣйшихъ, не дававшихъ волю своимъ страстямъ и заботившихся только о благѣ народа. Безъ сомнѣнія, періодъ этотъ былъ счастливѣйшій для тѣхъ жителей огромнаго государства, которые были заняты исключительно своими ближайшими интересами—не считая развѣ только тѣхъ, которые обитали у самыхъ границъ, постоянно угрожаемыхъ варварами. Еслибъ монархическій принципъ могъ дѣйствительно обновить Римъ, то ужъ конечно не во времена предшествовавшихъ изверговъ, а только при Антонинахъ должно бы было совершиться блистательное возрожденіе римскаго народа и государства.

Но факты непереложно доказываютъ противное. Развитіе государства пошло по ложной дорогѣ. Цезаризмъ не только привелъ къ ужаснѣйшимъ злодѣйствамъ безумныхъ деспотовъ—о которыхъ еще можно пожалуй сказать, что отъ нихъ страдало много отдѣльныхъ лицъ, хотя опасное положеніе единицъ неизбежно вліяетъ на массу—онъ подорвалъ также существованіе всего государства и повелъ его къ неминуемой гибели тѣмъ, что, отрицая систему всеобщей гражданской милиціи, цезаризмъ опирался не на нее, а на постоянное наемное войско. Состоящіе на императорской службѣ варвары, принадлежавшіе къ грубымъ и дикимъ народамъ, постоянно развивали и усиливали въ своихъ соплеменникахъ страсть къ богатствамъ и наслажденіямъ, которыя заключало въ себѣ римское государство. То самое устройство, которое должно было охранять безопасность, явилось главнымъ источникомъ постоянныхъ тревогъ. Такъ, отъ постоянныхъ набѣговъ варварскихъ племенъ римское государство особенно страдаетъ въ превосходное правленіе Марка Аврелія. Государство подвергается сильному потрясенію и быстро идетъ къ упадку. Такимъ образомъ, монархическое начало въ Римѣ не только не исполнило своего назначенія, но скорѣе прибавило къ существующимъ неурядицамъ еще новые, и притомъ еще худшаго качества.

Вся исторія римлянъ этого времени въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, вращается почти исключительно около личностей императоровъ. Мы ничего болѣе не слышимъ о самостоятельной дѣятельности народа; рѣчь идетъ только о выраженіяхъ воли и повелѣніяхъ отдѣльныхъ лицъ, которые въ лучшемъ случаѣ совершаютъ невозможное, т. е. думаютъ за всѣхъ, пекутся обо всѣхъ, а иногда и топчутъ всѣхъ передъ собою въ прахъ и распоряжаются всѣми по своему произволу. Никто не могъ быть спокоенъ за свою жизнь, потому что и хорошіе императоры не отказывались отъ произвола и многіе, вначалѣ хорошіе правители, съ теченіемъ времени быстро превращались въ кровожадныхъ тирановъ. Кто дорожилъ своей шкурой и своимъ имуществомъ, тотъ долженъ былъ по возможности таиться, но и скрывающійся могъ на свою гибель случайно обратиться на себя вниманіе властителя, правителя въ провинціи, влиятельнаго фаворита или доносчика. Правда, что при обширной территоріи имперіи, многіе милліоны людей совершенно не затрогивались ужасными происшествіями въ столицѣ. Но за то въ провинціяхъ надъ ними тяготѣлъ произволъ правителей, другихъ чиновниковъ и ихъ фаворитовъ. Безопасности вообще не было вовсе и такое положеніе дѣлъ должно было, хотя косвенно, отражаться на всѣхъ.

Мы бы не останавливались такъ долго на исторіи отдѣльныхъ императоровъ, еслибъ это не казалось намъ необходимымъ для характеристики положенія, въ которомъ находилось тогда человѣчество. Дальше мы уже не будемъ вдаваться въ подробности при повтореніи гнусностей прежнихъ тирановъ.

Давно замѣчено, что превосходные люди рѣдко имѣютъ превосходныхъ сыновей. Но исторія не знаетъ второго примѣра, гдѣ бы сынъ представлялъ такой отвратительный контрастъ своему прекрасному отцу, какъ Коммодъ, наслѣдникъ Марка Аврелія. Этотъ полудуемасшедшій деспотъ, который не проявлялъ и тѣни уметвенныхъ интересовъ, царствовалъ съ 180 до 192 г. и былъ убитъ только тогда, когда намѣревался отдать приказаніе убить нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, такъ что имъ не оставалось другого выбора, какъ покончить съ нимъ. На престолъ былъ возведенъ городской префектъ Пертинаксъ—человѣкъ благородный и всѣми уважаемый. Но именно потому онъ и не могъ удержаться въ своемъ положеніи; не смотря на обычные подарки, которые получили преторіанцы, онъ былъ убитъ взбунтовавшимися солдатами; его правленіе продолжалось менѣе трехъ мѣсяцевъ.

Преторіанцы стали теперь формально продавать императорскій санъ съ аукціона. Дидій Юліанъ, богатый сенаторъ, старикъ, подстрекаемый своею тщеславною женою и дочерью, купилъ престолъ, обѣщавъ каждому преторіанцу 6250 денаріевъ, тогда какъ другой претендентъ предлагалъ только 5000. Но противъ такого позоравозстали легіоны, стоявшіе въ провинціяхъ. Объявились три соискателя престола. Послѣ кроваваго боя одержалъ побѣду Септимій Северъ, начальникъ легіоновъ, стоявшихъ въ Дакіоніи (Венгрія), грубый и суровый воинъ. Онъ царствовалъ отъ 193 до 211 г. Для

характеристики его понятій о монархизмѣ достаточно привести одинъ фактъ. Послѣ изложенія Коммода, сенатъ, къ всеобщему восторгу, велѣлъ низвергнуть статуи этого «врага отечества, убійцы и гладіатора» и поставить противъ курій вмѣсто статуи тиранина статуи свободы. Но Северъ, несмотря на то, что самъ достигъ престола только благодаря паденію того злодѣя, принудилъ сенатъ провозгласить Коммода богомъ, повидимому давая этимъ санкцію принципу божественности каждаго монарха. Этой теоріи придерживались и впослѣдствіи, по крайней мѣрѣ настолько, что расплавленіе или вообще разрушеніе конскрированной императорской статуи приравнивалось къ оскорбленію величества. Говорятъ, что, умирая, Северъ далъ своимъ двумъ сыновьямъ такой совѣтъ, характеризующій положеніе дѣлъ: «Идите въ лагерь къ солдатамъ и не спрашивайте болѣе никого на счетъ!» (сыновья Севера, Каракалла (насмѣшливое прозвище, данное ему за любимый имъ галльскій плащъ, настоящее имя его было Бассіанъ) и Гета были оба провозглашены императорами. Первый изъ нихъ, убивъ своего брата въ объятіяхъ матери, свирѣпствовалъ въ преисполнѣннѣмъ намъ духѣ. Чтобы открыть новый источникъ дохода, онъ предоставилъ права римскаго гражданства всему свободному населенію имперіи; новые граждане должны были платить налоги. Не трудно понять, что законъ этотъ имѣлъ громадную политическую важность. То, что не могло сдѣлать естественное чувство справедливости, т. е. дать равноправность всемъ подданнымъ государства, явилось неизбежнымъ слѣдствіемъ алчности. Вотъ до какой степени римскій міръ былъ въ то время игрушкой въ рукахъ одного чловѣка, который заявилъ себя самыми сумасброднѣйшими наклонностями. Онъ, наконецъ, былъ убитъ, въ 217 г. Виновникъ убійства, преторіанскій префектъ Макринъ, захватилъ власть, но удержалъ ее только на одинъ годъ. Родственникамъ убитаго Каракаллы удалось интригами склонить войско на свою сторону и возвести на престолъ сына одной изъ этихъ хитрыхъ женщинъ, Бассіана, который, по его сану, первосвященника сирійскаго бога солнца, принялъ имя Геліогабала: въ исторіи онъ извѣстенъ какъ омерзительнѣйшій изъ негодяевъ на престолѣ. Его правленіе ознаменуется по истинѣ безумными оргіями сладострастія, мотовства и жестокости. Онъ велѣлъ приносить людей въ жертву своему сирійскому богу, черному камню, котораго привезъ въ Римъ, и заставлялъ совершать гаданія по внутренностямъ убитыхъ дѣтей. Дворъ получилъ восточное устройство. Этотъ сумасшедшій далъ своей лошади санъ консула. Наконецъ, въ 222 г. онъ былъ убитъ преторіанцами. Его бабушка, предвидя скорый конецъ этого правленія, сама возбудила мятежъ, чтобы возвести на престолъ другого внука, Александра Севера. Ислѣдній находился вполне подъ влияніемъ матери. Несмотря на это, или скорѣе благодаря этому, наступилъ поворотъ къ лучшему. Опять былъ учрежденъ государственный совѣтъ; въ него вышерались сенаторы. Превосходные юристы Ульпіанъ и Павелъ были совѣтниками государя, который лично велъ простой и скромный образъ жизни. Но солдатчина была недовольна, несмотря на

то, что Северъ увеличилъ расходы на содержаніе войска. Въ 235 г. галльскіе легіоны, стоявшіе на Рейнѣ, убили императора и его мать, и провозгласили императоромъ своего военачальника **Максимиана**, родомъ еракійца. Неслыханное дѣло! Варваръ, человѣкъ совершенно необразованный, Максиминъ отличался необыкновенной физической силой и жестокостью. Какъ всегда, приниженному сенату оставалось только одобрить выборъ войска. Наступила полнѣйшая анархія. Максиминъ и его сынъ были убиты въ 238 г., по той же участи подверглись и другіе претенденты, явившіеся иногда по два сразу и провозглашаемые то войскомъ, то сенатомъ; такъ погибли (еще до Максимиана) оба Гордіана, послѣ нихъ Максимъ и Бальбинъ, затѣмъ третій Гордіанъ, который держался на престолѣ отъ 238 до 244 г., наконецъ, Филиппъ Арабъ, который погибъ въ 249 г., въ борьбѣ съ претендентомъ Деціемъ. Римъ попалъ бы скорѣе во всякое другое положеніе—ему не давались только миръ и спокойствіе.

Въ это время стали постепенно проявляться послѣдствія различныхъ перемѣнъ, которыя совершались частью внутри, частью за предѣлами государства.

Возотрадное положеніе дѣлъ въ имперіи, отсутствіе всякой личной безопасности гражданъ, наглое поруганіе всякихъ нравственныхъ понятій самими императорами, грубое невѣжество, поддерживаемое намѣренно въ неимущемъ классѣ, наконецъ безнадежность общихъ условій—все это; съ одной стороны, уничтожало гражданскій духъ, а съ другой—способствовало развитію суевѣрій; люди выкакали всѣ надежды земной жизни переносить на небо, которое они рисовали себѣ самыми огненными красками; на этой почвѣ развивался религіозный мистицизмъ и притомъ въ такой степени, въ какой онъ раньше никогда не проявлялся въ характерѣ трезвыхъ и прозаичныхъ римлянъ. Писатели сѣтуютъ на то, что особенно много фанатичныхъ поклонниковъ находило себѣ въ Римѣ восточное суевѣріе въ его разнообразнѣйшихъ и отвратительнѣйшихъ формахъ. Геліогабалово поклоненіе черному камню, богослуженіе, связанное съ сладострастными танцами жриць, были, конечно, потому только необычнымъ явленіемъ, что культъ этотъ былъ заведенъ самимъ императоромъ, игравшимъ въ то время роль первосвященника. Въ особенности раздавались жалобы на распространеніе мрачныхъ и суевѣрныхъ культовъ, облекавшихся въ мистицизмъ, избѣгавшихъ публичность. Къ числу религій, пришедшихъ въ Римъ извнѣ, принадлежало и іудейство; чуждый духъ его ученія возбуждалъ вниманіе римлянъ и уже за одно это іудеи дѣлались предметомъ преслѣдованія со стороны толпы. Затѣмъ стало сильно распространяться христіанство, мистическій элементъ котораго, при данныхъ условіяхъ, привлекалъ къ нему массы въбрующихся. Мы ниже будемъ говорить подробнѣе объ его развитіи. Здѣсь пока замѣтимъ только, что и новая религія не могла остановить полного разстройства и упадка государства, а напротивъ того, сильно содѣйствовала его окончательному разложенію. Основнымъ правиломъ христіанъ была терпѣливая покорность, между тѣмъ какъ состояніе

государства требовало развитія политическихъ характеровъ; кромѣ того, новое ученіе не заботилось о дѣлахъ свѣтскихъ, о патриотизмѣ, и по основной тенденціи своей не призывало, не воодушевляло къ самоотверженной дѣятельности на пользу отечества. Новая церковь не превозносила любви къ отечеству, не была культомъ великихъ государственныхъ идей, въ которыхъ тогда искали спасенія государство и человечество. Язычество понимало и ставило на первое мѣсто долгъ гражданина по отношенію къ отчизнѣ; оно требовало для нея величайшихъ жертвъ. Христіанство все это оставляло въ сторонѣ, не говорило, умалчивало объ этомъ предметѣ. Всѣ помыслы человѣка должны быть направлены къ небу, сосредоточены на этой цѣли; пробуждать патриотизмъ въ пользу земного государства значило бы отклоняться отъ единственно важной задачи. Отчизна, конечно, нуждалась въ высшей степени въ энергической дѣятельности всѣхъ способныхъ и честныхъ людей и, пожалуй, въ то время отъ нихъ зависѣло спасеніе культуры; но послѣдователи новаго ученія предпочитали въ тайныхъ собраніяхъ усердно молиться и, «воздавая Кесарево Кесарю», смотрѣть бездѣятельно со стороны на всѣ свирѣпства деспотовъ, пока они не затрогивали ихъ вѣры— подобно тому, какъ покорно сносятъ ненастье, — зная, что земной владыка отвѣтитъ за свои дѣянія передъ Богомъ. Христіане сбѣжали отъ міра и тогда, когда натискъ варваровъ становился все сильнѣе и опустошительнѣе, и предавались своему культу вмѣсто того, чтобы вооружиться мечомъ и прогнать враговъ съ отечественной территоріи. Еще болѣе критическимъ стало положеніе, когда появилось монашество, когда уходить въ монастыри стало дѣломъ моды, такъ что массы молодыхъ и сильныхъ людей предпочли монашескіе подвиги дѣлу защиты отечества. Въ этомъ отношеніи христіанство къ прежнимъ извамамъ государства прибавило еще одинъ моментъ огромной важности, который ослаблялъ, подтачивалъ и разрушалъ государство.

Тѣмъ временемъ произошелъ переломъ и во внѣшнихъ политическихъ условіяхъ. На дальнемъ востокѣ возстаніемъ персовъ въ 226 г. было низложено парфянское царство, находившееся подъ властью династіи Арсакидовъ, и основано новое персидское царство, подъ скипетромъ Ардашира или Артаксеркса I. При новой династіи Сасанидовъ былъ возстановленъ древній культъ Зороастра (см. стр. 131—136). Духъ воинственности овладѣлъ народомъ и цари энергично и мужественно стремились къ возстановленію огромнаго древне-персидскаго царства. Особенно грозенъ былъ царь Шапуръ (Сапоръ).

Между тѣмъ какъ Риму предстояла новая, упорная борьба съ Персией, на него надвигалась еще другая опасность, болѣе близкая. Германскіе народы все чаще повторяли свои набѣги на римскую имперію. Тысячи этихъ варваровъ, состоящихъ на службѣ у избѣженныхъ римлянъ, знакомились не только съ различными удобствами матеріальной культуры передоваго народа, но и съ слабыми сторонами римскаго государственнаго союза. Если, съ одной стороны, ихъ прельщали наслажденія, то, съ другой, они легко могли на-

лѣяться осуществить свои желанія, такъ какъ усвоили себѣ римскую военную тактику. Желаніе обладать плодородными землями естественно вытекаетъ изъ самаго характера сильныхъ и грубыхъ народовъ. Въ Греціи и въ Италиі, древнѣйшіе извѣстные намъ обитатели были нотомки пришлыхъ завоевателей. Мы знаемъ также, что галлы (кельты) неоднократно совершали набѣги на Италію, Македонію и Малую Азію. Не менѣе сильною страстью къ недвижимости отличались и гермаиды. Отражать ихъ римляне могли только до тѣхъ поръ, пока можно было каждый набѣгъ на римскую область немедленно наказывать кровопролитіемъ. Съ постепеннымъ уиадкомъ могущества уменьшалась и безопасность съ этой стороны. Положимъ, въ то время варвары еще не могли думать о прочныхъ завоеваніяхъ; но тѣмъ чаще совершали они свои разбойничьи набѣги. Для этого достаточно было небольшого числа закаленныхъ въ опасностяхъ и отважныхъ людей. Нѣсколько тысячъ этихъ варваровъ часто заходили далеко въ глубь римской области, грабили и опустошали страну на огромномъ пространствѣ. Отбитые въ одномъ мѣстѣ, они немедленно появлялись въ другомъ. Всякому спокойствію настала конецъ.

Опасность, угрожавшая римскому государству, еще увеличилась, когда варвары, до того появившіеся лишь разрозненными племенами, соединились въ цѣлыя народности. Такъ, на нижнемъ Рейнѣ, образовался союзъ франковъ, который обнималъ собою племена: сикамбровъ, аттуарійцевъ, бруктеровъ, хаттовъ и др.; за ними былъ союзъ саксовъ, на юго-западѣ Германіи — союзъ алеманновъ. Сообразно своему географическому положенію, франки нападали преимущественно на Галлію, тогда какъ алеманны избрали трудный переходъ черезъ Альпы въ Италію. Вестготы, въ свою очередь, нападали на Иллирію, Фракію, Македонію и Грецію. Остготы, въ союзѣ съ аланами и герулами, появились на восточномъ и южномъ берегахъ Чернаго моря и проникли до восточнаго берега Эгейскаго моря.

Имперія не только оказалась неспособной къ оборонѣ, но даже содѣйствовала врагамъ. Опираясь исключительно на свои легіоны, императоры третали всякій разъ, когда народъ вооружался хотя бы для отраженія варварскихъ набѣговъ. Когда въ 258 году алеманны появились въ Италиі и уже проникли до Равенны, сенатъ, въ виду опасности, велѣлъ гражданамъ вооружиться. Передъ такою боевою силою варвары отступили: но тогдашнему императору Галліону такъ не понравилась эта мѣра самозащиты, что онъ особымъ эдиктомъ запретилъ подобныя наборы и отнялъ у сенаторовъ право заниматься военными дѣлами.

Такимъ образомъ, къ нескончаемымъ междоусобіямъ изъ-за обладанія престоломъ присоединились еще внѣшнія опасности.

Но внутреннее распаденіе и разложеніе римскаго міра было ускорено варварами и другимъ путемъ, именно тѣмъ, что въ чертѣ самой имперіи образовались массовыя колоніи этихъ варваровъ. Общее внутреннее разстройство сопровождалось постояннымъ уменьшеніемъ народонаселенія. Заброшенные земли охотно предоставля-

лись крѣпкимъ чужеземцамъ для обработки. Такъ какъ изъ Германіи прибывали все свѣжіе элементы, то число варваровъ возрастало, между тѣмъ какъ число коренныхъ римлянъ убывало. Но эти отважные, выносливые и даровитые люди годились и для другихъ профессій. Все чаще появляются германцы на аренѣ государственной дѣятельности, въ особенности въ должностяхъ военныхъ, вплоть до высшихъ; молча римляне отгѣсняются на второй планъ, особенно тамъ, гдѣ требуются рѣшимость и сила. Такъ разлагалась имперія; безъ всякаго шума шелъ изнутри процессъ германизаціи. И замѣчательно, стойкими и опасными противниками вольныхъ германцевъ были ихъ земляки, или поступившіе въ римскую военную службу, или поселившіеся въ имперіи и съ гордостью считавшіе себя римлянами. Германецъ не задумывался биться съ своими соплеменниками, даже съ своими ближайшими родственниками, и по приказанію римлянъ опустошалъ родной край.

Возвращаемся къ ходу событій.

Императоръ Децій въ 251 г. погибъ со своимъ войскомъ въ войнѣ съ готами. Его преемникъ Галлъ купилъ миръ цѣною ежегодной дани. Это постыдное условіе погубило его; полководецъ Эмилианъ разбилъ сначала готовъ, а потомъ и самого императора, который пошелъ на встрѣчу сопернику. Но и побѣдитель и побѣжденный бились скоро одинъ за другимъ убиты ихъ собственными солдатами. Валеріанъ, по соглашенію главнѣйшихъ полководцевъ, избранный главой государства и царствовавшій отъ 253 до 260 г., напрасно старался прогнать варваровъ, со всѣхъ сторонъ вторгавшихся въ имперію. Готы и сарматы опустошили Малую Азію; персы проникали черезъ Месопотамію въ Сирію и завоевали даже Антиохію, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ имперіи. Императоръ выступилъ въ походъ противъ персовъ; войско принудило его вступить въ личные переговоры съ Сапуромъ, но послѣдній вѣроломно взялъ его въ плѣнъ и Валеріанъ оставался въ плѣну до конца жизни. Сынъ и соправитель Валеріана Галліанъ, человекъ малоспособный, хотя и держался на тронѣ еще 8 лѣтъ, но былъ государемъ только по имени, въ дѣйствительности во всей имперіи царилъ полнѣйшая анархія; правители отдѣльных провинцій одинъ за другимъ провозглашали себя императорами: одни собирались управлять своими областями, какъ самостоятельными государствами, другіе готовились завоевать всю имперію. Эти узурпаторы появлялись десятками; скоро ихъ насчитывалось до 30. Многіе изъ нихъ только потому принимали императорскій санъ, что видѣли въ немъ единственное средство спастись отъ подозрѣнія императора, отъ своихъ соперниковъ или отъ мятежей солдатъ. Конечно, побѣда надъ подобнымъ узурпаторомъ стоила ему жизни; если же побѣждалъ онъ, то его гибель только отсрочивалась на неопредѣленное, обыкновенно короткое время, но не устранялась, потому что тогда оружіе всѣхъ направлялось противъ него, подобно тому какъ прежде оно направлялось противъ другихъ его претендентовъ. Во всѣхъ этихъ междоусобіяхъ спорящія стороны прибѣгали къ обычнымъ средствамъ — убійству и измѣнѣ. вмѣстѣ съ бѣд-

ностью распространились заразные болѣзни, которыя истребляли массами несчастное населеніе. Ко всему этому присоединились ужасныя опустошенія, производимыя землетрясеніями и нескончаемые разбойничьи набѣги варваровъ.

Безнадежное положеніе дѣлъ въ государствѣ побудило, наконецъ, нѣсколькихъ военачальниковъ низвергнуть Галліена, который былъ убитъ; императоромъ былъ оставленъ Клавдій, храбрый полководецъ, который въ два года, 268—270 г., прогналъ варваровъ за предѣлы имперіи и подчинилъ своей власти мятежныхъ военачальниковъ. Послѣ Клавдія, умершаго отъ занесенной варварами эпидеміи, взойшель на престолъ Аврелианъ. Это былъ такой же дѣятельный полководецъ, который во всѣхъ отношеніяхъ продолжалъ дѣло своего предшественника. Мы не будемъ останавливаться на различныхъ войнахъ, которыя пришлось ему вести: только одна изъ нихъ заслуживаетъ упоминанія. Война эта велась противъ Одената и Зеновіи; она не только имѣетъ романическую окраску, но и показываетъ стремленіе образованныхъ азіатовъ отторгнуть собственными силами востокъ отъ римскаго владычества, всегда остававшагося имъ чуждымъ.

Въ Сирійскомъ оазисѣ, на караванномъ пути между Средиземнымъ моремъ и Аравіей къ Персидскому заливу; стоялъ цвѣтущій торговый городъ Тадморъ или Пальмира, городъ пальмъ. Наряду съ торговлей здѣсь процвѣтали образованность и искусство. (Уцѣлѣвшія развалины этого города такъ красивы и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ колоссальны, что первые описанія, послѣ нахожденія ихъ въ срединѣ прошлаго столѣтія, принимались за сказки). При возстановленіи персидскаго государства, во главѣ населенія Пальмиры сталъ знатный туземецъ Оденатъ. Уже тогда проникнутый стремленіемъ возстановить независимость Азіи, онъ предложилъ союзъ персидскому царю Сапору. Но надменнаго, съ какою послѣдній отвергъ этотъ союзъ, требуя безусловнаго подчиненія оазиса своему владычеству, заставила пальмирскаго вождя стать, покамѣсть, на сторону римлянъ. Ему обязаны были персы цѣлымъ рядомъ поражений, а римляне—своимъ господствомъ на востокѣ. Въ 260 году Оденатъ принялъ титулъ царя Пальмиры, объявивъ соправительницею жену свою Зеновію, женщину замѣчательную по уму, энергіи и красотѣ. Его заслуги были такъ велики, что императоръ Галліенъ не только назначилъ его правителемъ Востока, но и далъ ему и его женѣ титулы цезаря и августы. Но Оденатъ и Зеновія не обольщались титулами; они старались воспользоваться господствующими въ римской имперіи смутами для своего плана освобожденія западной Азіи.

Въ 267 г. Оденатъ былъ убитъ своимъ племянникомъ (извѣстіе, будто убійство совершено было при участіи Зеновіи, неподкрѣплено никакимъ доказательствомъ); вслѣдъ за тѣмъ погибъ и распутный убійца его. Тогда стала править государствомъ Зеновія и повела дѣло съ рѣдкою твердостью и талантомъ. Область, порученная царственной четвѣ императоромъ Галліеномъ, обнимала собою Сирію, Фнікию, Палестину и Аравію. Но болѣе правильнаго

и безопаснаго существованія новое государство могло достигнуть только чрезъ присоединеніе къ нему всёхъ римскихъ провинцій на востокъ; поэтому царица вступила съ войскомъ въ богатый Египетъ и легко овладѣла имъ, а затѣмъ, безъ помощи оружія, заставила и значительныя области Малой Азіи признать себя зависимыми отъ Пальмиры. Но интересы Зеновіи были направлены не на завоеванія только, но и на образованность и культуру. Сама она получила высокое, даже философское образованіе. Хорошо знакомая съ языками: греческимъ, египетскимъ и латинскимъ, Зеновіи желала, однако, чтобы востокъ, пользуясь умственными плодами Европы, развилъ свою особенную культуру. Стоя выше религиозныхъ предразсудковъ того времени, она не замыкала своего духа въ узкія рамки какого либо одного вѣроученія. Религиозные интересы она считала, по выраженію новѣйшаго историка (Th. Bernhardt, Geschichte Roms von Valerian bis zu Diocletians Tode), «второстепенными, и подчиняла ихъ интересамъ политики». Кто страдалъ за свои убѣжденія, находилъ у нея вѣрное убѣжище. Такъ, она приняла подъ свое покровительство христіанскаго епископа Павла Самосатскаго, отрѣшеннаго отъ сана духовенствомъ за сомнѣніе въ божественности Христа. Греческій философъ Кассій Лонгинъ открылъ ей художественныя красоты эллинской литературы, въ особенности произведеній Гомера и Платона; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ея ближайшимъ совѣтникомъ въ вопросахъ политики.

Столкновеніе между европейскимъ и азіатскимъ оружіемъ произошло раньше, чѣмъ новое государство успѣло сплотиться. Дѣятельный, но суровый императоръ Авреліанъ, въ 272 г., побѣдною вступилъ въ Азію. Войска Зеновіи, послѣ упорнаго сопротивленія, были разбиты старыми римскими легіонами; Авреліанъ осадилъ Пальмиру. Царица въ 273 г. покинула свою столицу, чтобы набрать войско для ея освобожденія. Но по дорогѣ она была взята въ плѣнъ врагами. Теперь сдалась и Пальмира. Авреліанъ вступилъ милостиво съ жителями, но велѣлъ казнить приближенныхъ царицы и между ними смѣлаго Лонгина, который умеръ съ твердостью философа, утѣшая своихъ товарищей по несчастью. Геройскій духъ Зеновіи покинулъ ее въ неволѣ; она сложила вину упорной обороны съ себя на своего совѣтника Лонгина. Когда пальмирцы, вскорѣ послѣ покоренія, возмущились, императоръ велѣлъ всёхъ ихъ умертвить, а великолѣпный городъ разрушить. Извѣстія о судьбѣ Зеновіи разнорѣчивы. По однимъ она умерла на пути въ Римъ, на морѣ, не то отъ болѣзни, не то уморивъ себя голодомъ; по другимъ—она украсила собою триумфальный вѣздъ Авреліана въ Римъ; императоръ даровалъ ей жизнь и подарилъ помѣстье.

Авреліанъ недолго наслаждался своимъ триумфомъ. Желѣзный гнетъ его деспотизма побудилъ его секретаря, котораго онъ уличилъ въ обманъ, составить заговоръ вмѣстѣ съ другими его приближенными и военачальниками. Они убили его на походѣ въ Персію, на пути между Византіей и Гераклеей, въ 275 г.

Наступило странное пнтермеццо: военачальники, замѣшанные въ убійствѣ и неувѣренные въ своей безопасности, предложили се-

нату выбрать новаго императора. Но сенатъ сперва не рѣшался воспользоваться своимъ исконнымъ правомъ. Послѣ продолжительнаго колебанія, наконецъ, онъ назначилъ императоромъ богатаго 75-ти-лѣтняго сенатора Тацита. Это былъ несчастный выборъ. Войско черезъ полгода убило старика. Такой же участи подвергся его братъ Флоріанъ, принявшій санъ императора. Это былъ послѣдній римскій императоръ, выбранный сенатомъ. Затѣмъ легіоны возвели на престолъ храбраго полководца Проба. Онъ царствовалъ отъ 276 до 282 г., удачно отбилъ варваровъ, со всѣхъ сторонъ вторгнувшихся въ имперію франковъ, алеманновъ, бургундовъ, вандаловъ, готовъ и алановъ, и заселялъ варварскими племенами опустѣвшія земли въ Панноніи. Но такъ какъ онъ принуждалъ солдатъ сажать виноградники, рыть каналы и заниматься другими мирными работами въ Сирміи, его родинѣ (нынѣшняя Славонія), то онъ не избѣгъ обычной участи: онъ былъ убитъ своими воинами. Подобнымъ же образомъ были устранены три слѣдующихъ императора (Каръ и его сыновья и соправители Нумеріанъ и Каринъ). Верховную власть подумилъ Діоклетіанъ; онъ сдѣлалъ попытку преобразовать разстроженный государственный бытъ.

Обыкновенно думаютъ (въ виду примѣра первой французской имперіи, основанной счастливымъ генераломъ Бонапартомъ), что милитаризмъ съ внутренней необходимостью приводитъ къ прочному единовластію. Но изложенная нами вкратцѣ исторія римскихъ императоровъ свидѣтельствуетъ, напротивъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, военная монархія представляетъ менѣе прочности, нежели всякая другая форма правленія. Мы видимъ, что при этомъ режимѣ прекратилась всякая личная и имущественная безопасность, но что, при всемъ томъ, ни для кого не было столько вѣрности, даже увѣренности, умереть насильственной смертью, какъ для самаго неограниченнаго владыки Рима. При этомъ не имѣло никакого значенія то обстоятельство, что императоръ возводился на престолъ войсками, что онъ былъ воинъ закаленный въ походахъ, и даже славный полководецъ. Клавдій, Авреліанъ, Пробъ и Каръ были, безъ сомнѣнія, хорошими воинами, и всетаки не избѣжали той же участи, какая постигла добраго, слабого старика Тацита. Солдаты требовали постоянной перемѣны правленія уже потому, что каждый новый императоръ дѣлалъ имъ обычные подарки. Этотъ примѣръ можетъ служить дальнѣйшимъ указаніемъ для всѣхъ временъ, какъ жестоко обманываются «мирные граждане», которые, отрѣшившись отъ политической дѣятельности, надѣются, подъ сѣнью цезаризма, наслаждаться покоемъ и удобствами.

Діоклетіанъ, царствовавшій отъ 285 до 305 г., былъ родомъ иллиронецъ. Онъ происходилъ изъ низшаго класса народа, но, своими талантами до принятія сана императора, дослужился до должности начальника императорской лейбъ-гвардіи. Получивъ престолъ, онъ старался дать государству болѣе прочный и постоянный порядокъ и нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи онъ выказалъ истинную гениальность. Въ особенности имъ задумано и подготов-

лено многое, что потомъ было отнесено къ трудамъ и заслугамъ Константина I.

Прежде всего надо было дать императорской власти новую, болѣе крѣпкую основу. Хотя республика давно была уничтожена, но монархія все еще прикрывалась республиканскими формами. Теперь это измѣняется. Диоклетіанъ хотѣлъ, чтобы императорскій санъ не считался высшимъ полномочіемъ отъ народа, а признавался божескимъ установленіемъ. Онъ понималъ верховную власть въ томъ объемѣ, въ какомъ она развита на Востоку и какою она въ дѣйствительности была въ Римѣ въ эпоху царей, но онъ требовалъ отъ императора высшаго знанія, высшей дѣятельности, умнаго и разсудительнаго приложенія своего полномочія. Онъ, такимъ образомъ, стремился создать правительство, вродѣ того, какое получило особенное развитіе въ гораздо позднѣйшее время—такъ называемый «просвѣщенный деспотизмъ». Мы ниже увидимъ, къ чему пришло государство въ отѣмъ направленіи. Для осуществленія этой системы императору нужна была другая правительственная организція и другія орудія управленія. До сихъ поръ въ римской имперіи мало было сдѣлано для выполненія общихъ правительственныхъ распоряженій въ дальнихъ провинціяхъ и мелкихъ мѣстечкахъ. Правительственной машины, развѣтвленія которой достигали бы до всѣхъ общественныхъ группъ, не было. Вслѣдствіе этого многія распоряженія оставались, какъ говорится, на бумагѣ, не приводились въ исполненіе вслѣдствіе пассивности населенія дальнихъ мѣстъ—явленіе и до сихъ поръ наблюдаемое въ нѣкоторыхъ государствахъ (напр. въ Россіи и Испаніи). Въ этомъ отношеніи требовалась реформа, и она выразилась въ организціи бюрократіи, которая, подобно войску, должна была образовать особый классъ, отдѣльный отъ народа. Самоуправленіе (нынѣшній Selfgovernment) давно исчезло въ высшихъ слояхъ; теперь оно искоренялось и въ низшихъ сферахъ, путемъ твердо поставленной императорской власти, которая, по возможности, исключала всякую самостоятельность гражданъ и во всемъ государствѣ играла какъ бы роль провидѣнія. Развѣтвіе этой системы подвигалось быстро и успѣшно. Скоро правитель имѣлъ въ своемъ распоряженіи цѣлую армію чиновниковъ, которая, оставаясь недоступною всякому чувству, думала только о восхожденіи по лѣстницѣ чиновъ и монаршихъ милостей. Гражданское управленіе государствомъ было поручено четыремъ преторіанскимъ префектамъ. Имъ были подчинены 14 правителей діоцезовъ, а подъ вѣдомствомъ послѣднихъ состояли 116 начальниковъ провинцій. Всѣ части механизма получили, такимъ образомъ, искусное расчлененіе и широкое развитіе. Военщина развилась до степени явно опасной для монархизма. Распустить войско нельзя было; монархія нуждалась въ остромъ орудіи, безъ котораго она была бы безсильна; нескончаемые набѣги варваровъ также дѣлали надобными постоянныя войска, послѣ того какъ милиціонная система, которой Римъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, выпала изъ употребленія и граждане были систематически отучены отъ военнаго дѣла. Диоклетіанъ старался помочь дѣлу новой организціей воору-

женной силы. Онъ отнялъ у преторіанскихъ префектовъ высшую военную власть, которая представляла постоянную опасность для правителя, и раздѣлилъ ее между нѣсколькими коронными полководцами. Но и каждый изъ большихъ соединенныхъ корпусовъ—каждый легионъ, представлялъ собой силу, которую часто злоупотребили. Поэтому измѣнена была тактическая единица; императоръ уменьшилъ составъ легионовъ, но за то увеличилъ ихъ число; въ это время всѣхъ легионовъ было не менѣе 138, тогда какъ Августъ, по окончаніи междоусобной войны, содержалъ всего 25 легионовъ.

Но Диоклетіанъ ввелъ еще и другую реформу. Руководимый сознаніемъ, что управленіе всѣми частями столь обширнаго государства превышаетъ силы единого, даже талантливѣйшаго правителя, онъ еще въ 285 г. назначилъ цезаремъ, а черезъ годъ и августомъ своего земляка и сподвижника Максиміана (сына поселнина), человѣка храбраго, но необразованнаго. Тогда же необходимо повсемѣтной обороны государства и подавленія мятежей показала недостаточность этой мѣры — Диоклетіанъ назначилъ еще двухъ цезарей: воинственнаго Галерія (бывшаго пастуха, также родомъ изъ Иллиріи) онъ сдѣлалъ своимъ помощникомъ, а образованнаго Констанція Хлора (Бѣднаго)—помощникомъ суроваго Максиміана. Кромѣ того, чтобы сломить могущество Рима, резиденціями четырехъ соправителей были сдѣланы города: Никомедія, Сирмій, Миланъ и Триръ. Фактически Диоклетіанъ оставался душою всего управленія, хотя Максиміанъ, какъ августъ, былъ равенъ ему по сану.

При новомъ порядкѣ управленія, варвары вездѣ, гдѣ они только вторгались въ имперію, были отбиваемы, а узурпаторы подавлены. Въ христіанствѣ Диоклетіанъ видѣлъ новшество, подрывавшее основы государства. Несмотря на свои языческіе предразсудки и свою суевѣрность, онъ вначалѣ ограничивался только запрещеніемъ христіанскаго богослуженія въ храмахъ и уничтоженіемъ священныхъ книгъ христіанъ. Но когда ревность къ вѣрѣ многихъ послѣдователей новой религіи возросла до фанатизма, когда послѣдовали враждебныя манифестаціи со стороны должностныхъ лицъ противъ самого императора и его приказанія были подвергаемы публичному поруганію — тогда начались тѣ кровавыя гоненія на христіанъ, о которыхъ мы подробнѣе будемъ говорить ниже (въ главѣ о возникновеніи христіанства).

Все государственное строеніе, созданное Диоклетіаномъ, было выполнено безспорно съ большимъ искусствомъ. Тѣмъ не менѣе оно не вполне отвѣчало намѣченной цѣли. Этотъ опытъ преобразования имперіи еще разъ доказалъ, что государство, развившееся на твердой основѣ, не можетъ быть произвольно перенесено на другую почву. Высшее значеніе Рима создано при республикѣ; римская монархія вырождалась, шла на встрѣчу гибели. Военный деспотизмъ пока не оправдалъ ни одной изъ возлагавшихся на него надеждъ; онъ не возстановилъ ни прочности, ни внутреннего спокойствія государства; вмѣсто созданія новаго нравственнаго порядка, онъ совершенно уничтожилъ древнюю римскую доблесть, послѣдній

слѣдъ которой исчезъ въ это время. Какъ Діоклетіанова попытка возродить имперію, такъ и позднѣйшая, основанная на ней, попытка Константина привели къ одинаковому, отрицательному результату.

При своемъ простомъ взглядѣ на вещи, Діоклетіанъ не могъ не сознавать этого. Страдая продолжительной тяжелой болѣзью, онъ добровольно, безъ всякаго внѣшняго принужденія, рѣшился сложить съ себя власть, которой нѣкогда такъ страстно добивался (май 305 г.). Онъ былъ первый и единственный римскій императоръ, который поступилъ такимъ образомъ. Старый императоръ поселился въ любимомъ имъ городѣ Салонѣ, гдѣ жилъ уединенно, частнымъ человекомъ, ухаживая за своими садами, сажая капусту. Тамъ онъ прожилъ 8 лѣтъ; ожидая отъ позднѣйшихъ императоровъ Константина и Лицинія, выступившихъ подъ знаменемъ креста, всего худшаго, онъ въ 313 г., какъ свободный человекъ, самъ ускорилъ свою смерть, предупредивъ посланнаго императоромъ убійцу.

По мысли Діоклетіана, освободившееся мѣсто каждаго августа долженъ былъ занять ближайшій цезарь, а свободное мѣсто цезаря—непремѣнно иллиріецъ, чрезъ усыновленіе августомъ, съ устраненіемъ, однако, императорскихъ сыновей, ибо Діоклетіанъ былъ рѣшительный противникъ наслѣдственности престола какъ системы, которая дала столько дурныхъ правителей и принесла столько несчастія государству. Но придуманный имъ порядокъ соблюдался не долго. Когда въ 306 г. умеръ возведенный въ санъ августа Констанцій Хлоръ, войско провозгласило его преемникомъ сына его (вѣроятно, побочнаго) Константина I. Анархическія буйства войскъ проявились и въ другихъ мѣстахъ и въ 308 г. римская имперія имѣла одновременно не менѣе семи августовъ; каждый замыслилъ погнѣбелъ другихъ, или вступалъ въ союзъ со вторымъ, чтобы низложить третьяго и четвертаго, а потомъ обратить свое оружіе противъ своего товарища.

По прошествіи нѣкотораго времени оставались всего четыре правителя: Максиминъ*), Лициній, Макенцій и Константинъ. Но миръ и порядокъ не возстановлялись. Каждый изъ четырехъ стре-

*) По поводу этого императора слѣдуетъ хоть одинъ разъ упомянуть еще объ одной сторонѣ мнимаго «нравственнаго возрожденія римской народности», которой мы не касались до сихъ поръ по чувству отвращенія. Приведемъ просто слова Гиббона: «Необузданное распутство Максимиана удовлетворялось за счетъ всей націи. Его евнухи, которые насильно увели женщинъ и дѣвушекъ, предварительно изслѣдовали, насколько ихъ нагія предели были достойны императорскихъ объятій. Стыдливость и отвращеніе считались измѣной и сопротивляющіяся женщины были бросаемы въ воду. Постепенно вошло въ обычай, что никто не могъ жениться безъ позволенія императора, (ut ipse in omnibus nuptiis praegustator esset)». Приводить примѣры этого же рода о другихъ деспотахъ мы не будемъ.

Но ругались и другимъ образомъ надъ человѣческимъ достоинствомъ; приведемъ одинъ примѣръ. Плавтіанъ, любимецъ и министр императора Септимія Севера, велѣлъ оскотить 100 свободныхъ римлянъ, въ томъ числѣ женатыхъ людей и отцовъ семейства, только для того, чтобы его дочь, въ день своего вѣнчанія съ молодымъ императоромъ, была окружена свитой евнуховъ, какъ подобаетъ царицѣ востока.

мился къ единовластію. Въ этой междоусобной борьбѣ, христіане впервые являются какъ партія, существовавшая рѣшающая успѣхъ дѣла; въ общей массѣ народонаселенія имперіи они составляли незначительное меньшинство, не болѣе одной двадцатой части ея. Но въ то время какъ язычники относились къ религіознымъ вопросамъ по большей части индифферентно, христіане проявляли необыкновенное усердіе, даже фанатизмъ; при этомъ они за время прежнихъ гоненій выработали у себя крѣпкую организацію, которая объединяла отдѣльныя общины и представляла одно сильное цѣлое. Все это сообщало имъ могущество, далеко не соотвѣтствовавшее ихъ малой численности. Всѣ четыре императора, правда, были язычниками. Но между ними былъ одинъ, который, руководясь во всемъ политическимъ расчетомъ, понялъ, какая выгода могла быть извлечена для его личныхъ цѣлей изъ покровительства новой вѣрѣ. Это былъ Константинъ, котораго христіане позже прозвали «Великимъ». Не свободный отъ суевѣрій, онъ, какъ кажется, сперва склонялся къ религіозному воззрѣнію, весьма распространенному въ тогдашнемъ римскомъ обществѣ. Это была какая-то смѣсь стариннаго культа солнца съ позднѣйшимъ мистицизмомъ: почитали персидскаго бога Митру и эллино-римскаго Аполлона какъ одно и то же существо; рядомъ съ ними ставили Христа, въ которомъ видѣли чуть ли не могущественное божество Олимпа. Лично Константинъ долго не переходилъ въ христіанство; онъ не только оставался вѣренъ прежней народной религіи, но и удерживалъ собою санъ первосвященника (*pontifex maximus*). Но тогда какъ другіе императоры болѣе или менѣе ревностно преслѣдовали новое ученіе, Константинъ, имѣя передъ собою ясную политическую цѣль, выказывалъ по отношенію къ новому культу терпимость и даже благосклонность, тѣмъ болѣе, что женщины при дворѣ, въ особенности императрица-мать Елена, были христіанками. Уже въ то время христіанское духовенство понимало, какимъ сильнѣйшимъ орудіемъ его вліянія на мужчинъ могутъ явиться женщины.

Константинъ соединился съ Лициніемъ для низверженія двухъ другихъ императоровъ. Сначала онъ пошелъ противъ Максенція. Лозунгъ «вѣротеринность» привлекалъ на его сторону христіанъ— тотъ самый лозунгъ, который, однако, пошелъ потомъ по отношенію ко всемъ «неправовѣрнымъ». Онъ вѣрно рассчиталъ, что дѣло его будетъ выиграно, если воодушевленіе христіанъ приметъ размѣры экзальтаціи и героизма. И вотъ христіанское преданіе говорить, что Константинъ видѣлъ на небѣ сіяющій крестъ съ надписью: «симъ побѣдиши!» Онъ, языческой первосвященникъ, сражался подъ знаменемъ, на которомъ былъ изображенъ крестъ. Максенцій былъ разбитъ (въ 312 г.). Вслѣдъ затѣмъ былъ разбитъ Лициніемъ Максиминъ. Послѣ этого пришла очередь самого Лици-

За весьма немногими исключеніями всѣ римскіе императоры были педерастами; это, въ особенности, доказано относительно императоровъ перваго вѣка (исключая Клавдія). Геліогабалъ сдѣлалъ танцовщика городскимъ префектомъ, возчика—начальникомъ стражи, и циркульника завѣдывающимъ провантомъ; эти три *quasi-министра* и еще многіе другіе сановники сдѣлали карьеру благодаря *enormitati membrorum*.

нія, сподвижника и зятя Константина. Но первая война (уже въ 313 г.) не рѣшила дѣла. Заключенъ былъ миръ. Константинъ воспользовался спокойнымъ временемъ, чтобы обезпечить за собой первенство; въ 323 г. онъ нарушилъ договоръ, чтобы уничтожить послѣдняго соперника. Лицицій упалъ самъ къ ногамъ побѣдителя, своего шурина, и призналъ его своимъ владыкой; ему была обѣщана жизнь. Но спустя нѣкоторое время онъ былъ умерщвленъ.

Константинъ—былъ теперь единодержавнымъ властителемъ всей огромной имперіи и оставался имъ 13 лѣтъ, т. е. до своей смерти. Облеченный полновліемъ, онъ проявилъ такой же талантъ, такую же хитрость и дѣятельную силу какъ и раньше, въ борьбѣ за господство и противъ вышшихъ враговъ, но и тутъ выступило полное отсутствіе руководящей нравственной идеи. Прежде всего онъ продолжалъ начатое Диоклетіаномъ преобразование государственнаго управления. Завершено было бюрократическое устройство, докончена реорганизация войска, дано полное развитіе придворной іерархіи, съ его восточно-деспотическимъ характеромъ. Онъ перенесъ императорскую резиденцію въ Византію, которую называлъ Новымъ Римомъ, но которой вскорѣ дано было названіе Константинова города (Константинополь). Эти реформы совершились въ 8 лѣтъ (329—337) съ огромными денежными затратами, даже съ извѣстной жестокостью и насиліемъ. Въ новой столицѣ были воздвигнуты и языческіе храмы и христіанскія церкви. Императоръ далъ ей и другія украшенія; со всѣхъ концовъ Греціи были взяты и перенесены въ Византію произведенія искусства. При открыто христіанствующемъ направленіи императора, многимъ языческимъ изображеніямъ былъ приданъ христіанскій смыслъ, вслѣдствіе чего эти изображенія были отчасти передѣланы, искажены, даже обезображены. Варвары трепетали, хотя Константинъ сдѣлалъ непоправимую ошибку, принявъ въ имперію нѣсколько сотъ тысячъ ихъ и уступивъ имъ обширныя земли для поселенія. Почти вся общественная жизнь въ имперіи была поглощена дѣлами церковными. Умственная дѣятельность въ государствѣ сосредоточилась на догматическихъ вопросахъ и спорахъ. Правда, Константинъ не сдѣлалъ христіанство государственною религіею; но, не оскорбляя язычества, онъ открыто покровительствовалъ христіанамъ и ихъ культу. Съ величайшею ловкостью сумѣлъ онъ непокорныхъ, даже необузданныхъ послѣдователей новой вѣры сдѣлать преданными слугами и держать ихъ въ подчиненіи. Догматическіе споры, возникшіе между самими христіанами, какъ только прекратились гоненія, не мало помогали усиленію церковнаго авторитета императора. Благочестивые діаконы и пресвитеры, съ епископами во главѣ, изобличали и преслѣдовали другъ друга съ крайнею злобой и ожесточеніемъ. Константинъ, желавшій сохранить спокойствіе въ государствѣ, хотя и былъ самъ язычникъ, даже первосвященникъ языческой, созвалъ христіанскій соборъ (первый вселенскій соборъ, въ Никей, въ 325 г.). Онъ руководилъ имъ какъ «виѣ церкви поставленный отъ Бога верховный епископъ». Его воли не дерзали противиться и высшіе церковныя іерархіи, главы вѣрующихъ. Онъ былъ основателемъ цезаро-папизма.

Положеніе народной массы было весьма печальное и бѣдственное. Нескончаемое разстройство внутреннихъ условій государства, еще усиленное новой системою налоговъ, почти уничтожило такъ называемое среднее сословіе, создавъ новый классъ колонозъ, зависящихъ поселянъ, которые не были ни рабами, ни свободными гражданами; прикрѣпленные къ землѣ, которую они разрабатывали и которую не смѣли покинуть, они должны были известную часть дохода отдавать владѣльцамъ этой земли. Это первые слѣды средне-вѣковаго крѣпостничества. Возникновеніе этого института объясняется тѣмъ, что по настоящему налоги платились только свободными, и сперва только на послѣднихъ лежала обязанность военной службы. Тѣсимые нуждой и надеждой на спасеніе души, бѣдняки тысячами шли въ сельскія работы, въ певолу: они поступали къ какому нибудь богатому землевладѣльцу, который вырубалъ ихъ изъ затруднительнаго положенія, или обращались къ церкви, чтобы избавиться отъ бремени заботъ, соединенныхъ съ свободой! Вотъ въ какомъ положеніи находилось тогдашнее челоѣчество.

При постоянно прогрессирующей убыли туземнаго населенія, вслѣдствіе угнетеній и шаткости общихъ условій, пришлось (какъ уже было сказано выше) заселять безлюдныя области варварами побѣжденными или пришлыми; они селились также въ качествѣ колонозъ, на весьма различныхъ, конечно, условіяхъ. Такимъ образомъ, все вело къ утверженію и распространенію системы закрѣпощенія.

Лично для себя Константинъ обрѣлъ мало утѣшенія въ едино-властїи, которое за то съ избыткомъ суровости давалъ чувствовать другимъ. Всеобщая расшатанность бытѣ положила свою печать и на семейную жизнь въ его домѣ. Отъ первой жены у него былъ сынъ Криспъ, доровитый юноша, всеобщій любимецъ. Вторая жена императора, желая всемірное владычество доставить своимъ бездарнымъ и недостойнымъ сыновьямъ, съумѣла такъ возбудить своего мужа противъ пасынка, что тотъ велѣлъ его умертвить. Но вскорѣ Константинъ понялъ свою ошибку и тогда его злоба обратилась противъ жены; она была удушена горячими парами въ банѣ. Потомъ были убиты племянникъ императора, сынъ Лицинія, одиннадцатилѣтній мальчикъ, и нѣкоторые другіе приближенные Константина, по подозрѣнію въ злоумышленіяхъ противъ него.

Нравственныя мученія и семейное горе тяготили душу Константина и все болѣе сближали его съ христіанствомъ. Но пока онъ былъ относительно бодръ, онъ отлагалъ переходъ къ христіанству, сохраняя нейтралитетъ. Онъ повидимому разсчитывалъ крещеніемъ смыть за одно ужъ все свои грѣхи, какъ прошлые, такъ и будущіе, чтобы явиться передъ христіанскимъ Богомъ совершенно чистымъ. Онъ принялъ крещеніе уже на одрѣ смерти (337 г.). Христіанское духовенство дало ему названіе «Великаго», православная церковь чтитъ его какъ святаго и «равноапостольнаго».

Послѣ Константина осталось многочисленное потомство, воспитанное придворными богословами въ правилахъ церкви. Онъ повелѣлъ, чтобы управленіе имперіею раздѣлили между собой три сына

его и два племянника, которые управляли своими частями и до того. Но его сынъ Констанцій, прибывшій первымъ въ новую столицу, велѣлъ умертвить обоихъ находившихся тамъ двоюродныхъ братьевъ и сонаслѣдниковъ, потомъ семерыхъ дядей и другихъ родственниковъ, и кромѣ того еще нѣсколькихъ вельможъ, бывшихъ приближенныхъ его отца. Два брата его, Константинъ II и Константъ находились въ своихъ провинціяхъ, за предѣлами его власти. Объявивъ себя императорами, они начали между собой войну. Константинъ скоро былъ убитъ, а Константъ былъ низложенъ военачальникомъ войскъ, франкомъ Магненціемъ, и также умерщвленъ. Константинъ выступилъ противъ этого узурпатора. Онъ побѣдилъ его и сдѣлался владѣтелемъ всей имперіи. Но послѣдствія была опустошена и лучшія части войска, въ которыхъ государство такъ нуждалось для борьбы съ варварами, были истреблены въ междоусобной войнѣ.

Приверженцы новой религіи такъ часто и такъ горько жались на гоненія христіанъ. Первый императоръ, воспитанный въ христіанской вѣрѣ, устранивъ своихъ родственниковъ христіанъ, началъ преслѣдовать язычниковъ; поклоненіе прежнимъ богамъ было запрещено подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества; принадлежація храмамъ имѣнія были отобраны въ казну. Споры между христіанами, начавшіеся еще при Константинѣ, перешли всякую мѣру; споры касались главнѣйшаго вопроса, признавать ли Христа единосущнымъ Богу-Отцу, или только подобнымъ Богу, или же совершенно отличнымъ отъ Него. Это была борьба католицизма съ арианствомъ; казалось, государство существовало только ради теологическихъ споровъ и что всѣхъ охватило безуміе. Въ будочныхъ и мясныхъ лавкахъ, на рынкѣ и въ семейныхъ кружкахъ, спорили и бились съ фанатическою яростью, женщины, мужчины, мальчики и дѣвочки, слуги и служанки, доказывая, или что Христосъ равенъ Богу-Отцу, или что онъ ниже Бога. Соборамъ и синодамъ не было конца. Христіане различныхъ толковъ поносили и преслѣдовали другъ друга, взводили самыя нелѣпыя наприставны на своихъ противниковъ; одни отлучали отъ церкви и ссылали другихъ, а эти въ свою очередь, добившись большей силы, метили тѣмъ же своимъ гонителямъ. Всѣ эти раздоры подрывали силы государства.

Такъ намъ извѣстно, что почты не могли существовать вслѣдствіе нескончаемаго движенія толпы проѣзжающаго духовенства, которое разлѣзало по соборамъ или возвращалось съ нихъ на казенный счетъ. Многій разъ, почтовой станціи приходилось доставлять безвозмездно, до 400 епископовъ за разъ. Не въ лучшемъ положеніи находились и остальные дѣла. Силы государства все болѣе истощались. Страна была опустошаема на западѣ—германскими варварами, на востокѣ—персами. Константинъ, во время войны съ Магненціемъ, не задумался рѣшиться на неслыханное дѣло: онъ призвалъ алеманновъ въ Галлію, захваченную его противникомъ, т. е. самъ вызвалъ непріятельское вторженіе варваровъ въ государство.

Государство дошло, наконецъ, до такого положенія, что Констанцій долженъ былъ почувствовать невозможность преодолѣть столько затрудненій. Но кого могъ онъ взять къ себѣ въ помощники? Кровавая рѣзня, сопровождавшая его восшествіе на престолъ, пощадилъ изъ всего многочисленнаго родства его отца только двухъ племянниковъ стараго императора. Старшаго изъ нихъ, Галла, новый императоръ, послѣ долгихъ колебаній, женилъ на своей сестрѣ и сдѣлалъ цезаремъ. Но потомъ опасаясь, что Галлъ, при всей своей набожности, станетъ вредить ему, Констанцій коварно велѣлъ его умертвить. Оставался младшій изъ двухъ братьевъ, Юліанъ, который спасся отъ смерти только благодаря просьбамъ жены императора; это былъ простой неловкій юноша, страстно преданный ученію. Его внезапно вызвали изъ Аѳинъ, куда онъ былъ сосланъ послѣ строгаго заключенія, и привезли къ императорскому двору; онъ былъ назначенъ цезаремъ и посланъ въ опустошаемую варварами Галлію (355 г.).

Юліанъ, прозванный христіанами Аrostata, Отступникомъ, не былъ, конечно, свободенъ отъ недостатковъ; тѣмъ не менѣе это одна изъ благороднѣйшихъ личностей, о которыхъ повѣствуетъ исторія. Ему пришлось видѣть только дурныя, ужасающія стороны христіанства. Самые ревностные приверженцы новаго ученія были не только фанатики, но и жестокіе, безсердечные люди. Все это возбуждало въ немъ глубокую неприязнь къ христіанству. Онъ долженъ былъ, однако, усердно исполнять христіанскіе обряды, потому что, въ противномъ случаѣ, могъ ожидать казни. Постоянно окруженный шпіонами, молодой человекъ сумѣлъ, однако, избѣжать этой опасности. Втайнѣ онъ продолжалъ заниматься науками; онъ сдѣлался, прежде всего, горячимъ поклонникомъ неоплатонической философіи, которая, какъ онъ полагалъ, могла снова воскресить древнюю религію боговъ.

Въ новой сферѣ дѣятельности, въ которой такъ внезапно очутился Юліанъ, молодой человекъ выказалъ поразительную энергію и талантъ. Онъ очистилъ Галлію отъ варваровъ и проникъ въ область франковъ на нижнемъ Рейнѣ, а затѣмъ, одержавъ большую побѣду при Аргенторатѣ (Страсбургѣ), Юліанъ вступилъ въ область крѣпкаго союза алеманнскихъ народностей, на верхнемъ Рейнѣ. Въ Галліи водворилось спокойствіе и безопасность; она получила прекрасное управленіе и, такимъ образомъ могла, наконецъ, оправиться отъ прежнихъ невгодъ.

Но чѣмъ больше услугъ оказывалъ Юліанъ государству, тѣмъ больше пробуждалось и росло недовѣріе къ нему императора. Рѣшено было устранить молодого человека—въ награду за его крупныя заслуги. Но народъ и войско были страстно преданы Юліану. Тогда Констанцій, дабы отнять у Юліана силу, приказалъ ему лучшіе отряды его войска послать въ походъ противъ персовъ. Но солдаты, которымъ было обѣщано не отправлять ихъ противъ воли въ дальнія провинціи, подняли возстаніе (360 г.). Они провозгласили Юліана августомъ, императоромъ. Жребій былъ брошенъ; теперь, если бы Юліанъ даже добровольно покорился Констанцію, его

все равно убили бы. Такъ какъ старшій императоръ, бывшій въ это время на востокъ, упорно отказывался признать Юліана равноправнымъ себѣ правителемъ, то послѣдній, въ предупрежденіе опасности, самъ двинулся на Востокъ; съ необыкновенной быстротою прошелъ онъ черезъ Германію, и уже достигъ границы Фракіи, когда пришло извѣстіе о смерти его противника (361 г.).

Юліанъ былъ теперь единодержавнымъ государемъ. Онъ немедленно перешелъ на сторону языческаго богослуженія. Но, какъ ни тяжелы были обиды, понесенныя имъ отъ сторонниковъ новаго ученія, онъ не допустилъ гоненія на христіанъ. Онъ приказалъ возвратитъ язычникамъ отнятыя у нихъ земли, но при этомъ установилъ полную вѣротерпимость: онъ обнародовалъ всеобщую амнистію, благодаря чему многіе христіане побѣжденныхъ партій могли свободно возвратиться на родину, изъ которой они были безжалостно изгнаны христіанами другихъ толковъ. Но и послѣ этого они не могли укротить своего фанатизма. Въ присутствіи самаго ненавистнаго имъ императора-отступника, они взаимно забрасывали другъ друга грязью и произносили анафемы. Между тѣмъ императорскіе эдикты строго запрещали преслѣдовать христіанъ только за ихъ вѣру. Одно только запрещалось «галилеянамъ»: преподавать языческихъ классиковъ, содержаніе которыхъ часто служило предметомъ глумленія надъ старой религіей; «вмѣсто Гомера и Гезіода, говорилъ Юліанъ, пусть истолковываютъ Маттея и Луку»; то, что они, за нѣсколько драхмъ, знакомятъ своихъ учениковъ съ писателями, которыхъ они сами проклинаютъ какъ безбожниковъ—по его мнѣнію, обличаетъ въ нихъ жадность и грязный образъ мыслей. Эта мѣра была довольно чувствительна для христіанъ, такъ какъ высшее образованіе они могли получить только изъ презираемыхъ ими языческихъ произведеній. Вообще же проповѣдь была свободна, хотя проповѣдники нерѣдко злоупотребляли этой свободой и проклинали императора. Кромѣ Аванасія Александрійскаго, низложеннаго нѣсколько разъ при двухъ предшествовавшихъ христіанскихъ императорахъ, ни одинъ епископъ не подвергся изгнанію. со времени Никейскаго собора это было нѣчто неслыханное.

Но всѣ старанія Юліана возстановитъ старую религію остались безуспѣшны—и это, конечно, неудивительно уже потому, что его царствованіе длилось не болѣе 20 мѣсяцевъ. Естественно, что церковь послѣ полулѣтняго своего существованія настолько окрѣпла, что легко могла выдержатъ такую слабую и кратковременную бурю, тѣмъ болѣе, что Юліанъ, противъ пламеннаго мистицизма христіанъ, выдвинулъ болѣе рационалистическій, но за то и болѣе блѣдный мистицизмъ неоплатониковъ.

Юліанъ, тотчасъ по своемъ вступленіи на престолъ, отмѣнилъ пышность и безумное мотовство при дворѣ. Онъ жилъ просто, одѣвался и ѣлъ такъ, какъ ни одинъ маломальски достаточный чело-вѣкъ того времени. Нѣкоторые даже прямо ставили ему въ упрекъ такое дѣйствительно пренебреженное сокращеніе расходовъ. Впрочемъ, его жизнь была нравственно чиста и полна философскаго самообладанія, которое тѣмъ болѣе кололо глаза христіанскимъ

врагамъ, чѣмъ очевиднѣе опровергало предполагаемую испорченность «язычника» и чѣмъ блистательнѣе отличалось отъ озлобленнаго фанатизма и явной безнравственности столповъ церкви. Но и въ политическомъ отношеніи Юліанъ стремился къ улучшеніямъ въ республиканскомъ духѣ. И здѣсь онъ началъ съ самаго себя. Значеніе консульскаго сана было намѣренно поднято даже съ внѣшней стороны. «Отступникъ» вездѣ проявлялъ доброгу и кротость, снисхожденіе и сравнительную щедрость. При этомъ онъ былъ неутомимо дѣятеленъ и никогда не измѣнялъ своему стремленію къ справедливости.

У римской имперіи, какъ мы уже замѣтили, было два внѣшнихъ врага, которыхъ она не могла преодолѣть: на сѣверной границѣ, въ Европѣ—германцы, на восточной границѣ, въ Азіи—персы. Хотя въ послѣдствіи времени первые изъ нихъ нанесли губительные удары римскому государству, нельзя сомнѣваться, что римляне одолѣли бы ихъ, если бы силы имперіи не были истощены въ борьбѣ съ другими государствами.

Персы въ это время предпринимали частые опустошительные набѣги на римскія владѣнія. Поэтому Юліанъ, въ 363 г., выступилъ противъ нихъ. Неудержимо стремился онъ впередъ. Непріятель просилъ мира. Но Юліанъ отказалъ; онъ надѣялся уничтожить ново-персидское царство, существованіе котораго дѣйствительно постоянно угрожало пограничнымъ римскимъ провинціямъ. Но въ пустыняхъ, по ту сторону Тигра, римское войско подверглось тяжелымъ лишеніямъ: не доставало воды и другихъ необходимѣйшихъ съѣстныхъ припасовъ. Императоръ, переносившій всѣ трудности похода какъ простой солдатъ, принужденъ былъ вернуться назадъ. До Тигра оставался всего одинъ переходъ. Но персы предприняли новое нападеніе. Юліанъ, всегда находившійся впереди во время опасности, былъ пораженъ дротикомъ; — многіе высказывали предположеніе, что онъ пущенъ былъ рукою христіанина. Враги были разбиты, но государь черезъ нѣсколько часовъ скончался. Ему едва минуло 32 года (середина 363 г.).

Войска провозгласили императоромъ одного изъ своихъ полководцевъ — Іовіана. Это былъ добрый христіанинъ, но плохой государственннй мужъ. Чтобы скорѣе обезпечить себѣ власть въ главнѣйшихъ частяхъ имперіи, онъ согласился на такой постыдный миръ съ персами, какого Римъ еще никогда не заключалъ: онъ предоставилъ имъ пять римскихъ провинцій по ту сторону Тигра и очистилъ крѣпость Нисибиду—этотъ испытанный оплотъ противъ восточныхъ варваровъ. Но Іовіанъ не долго наслаждался своимъ высокимъ положеніемъ. Онъ умеръ въ началѣ 364 г., не успѣвъ доѣхать до Константинополя.

Тогда войско возвело на престолъ другого полководца, Валентиніана I, храбраго воина, тоже христіанина. Онъ назначилъ своимъ соправителемъ—своего брата. Отдавъ ему восточную половину имперіи, самъ Валентиніанъ управлялъ западной. Это былъ формальный раздѣлъ имперіи; онъ совершился въ іюль 364 г., въ Сирміи. «Отнынѣ, востокъ и западъ почти непрерывно имѣютъ сво-

ихъ отдѣльныхъ императоровъ и все болѣе привыкають считать своими центрами первый—Константинополь, второй—Миланъ или Триръ. Чувство племеннаго различія между народностями, говорящими по-гречески и по-латински, становится постепенно сильнѣе чувства единства; отчужденіе растетъ, хотя при такихъ правителяхъ, какъ Валентиніанъ, рѣшительно выдвигается принципъ солидарности и единства и къ мысли о нихъ возвращаются даже въ позднѣйшія времена.... Начиная съ 364 г., западъ получаетъ свой неизмѣнный центръ тяжести» (Рихтеръ). Съ этихъ норъ мы, въ этомъ отдѣлѣ нашей книги, будемъ имѣть дѣло преимущественно съ исторіей западной римской имперіи и только изрѣдка касаться исторіи восточной части имперіи.

Валентиніанъ былъ человѣкъ дѣятельный, но крайне вспыльчивый, суровый и жестокій. Онъ долженъ былъ вести постоянно войны съ варварами, со всѣхъ сторонъ нападавшими на имперію. Особенно долго воевалъ онъ съ алеманнами; онъ велѣлъ предательски убивать ихъ князей, но это не привело къ желанной цѣли. Опустошительный набѣгъ квадовъ на римскія владѣнія на нижнемъ Дунаѣ принудилъ его посилиться туда и заключить съ алеманнами миръ, вѣроятно выгодный для послѣднихъ. Онъ разбилъ квадовъ, но вслѣдъ затѣмъ умеръ (въ 375 г.).

Управление западной римской имперіей перешло къ старшему сыну императора, Граціану, котораго Валентиніанъ уже раньше назначилъ своимъ соправителемъ. Между тѣмъ придворная партія, сумѣвшая склонить на свою сторону войска, расположенныя станомъ въ Брегеціонѣ (въ Панноніи), устроила такъ, что провозглашенъ былъ императоромъ и четырехлѣтній сводный братъ Граціана подъ именемъ Валентиніана II. Императорская діадема, этотъ символъ владычества надъ нѣкогда столь гордымъ народомъ, — сдѣлалась теперь какъ бы игрушкой ребенка! Определенныхъ постановленій относительно престолонаслѣдія не было. Фактически дѣло происходило обыкновенно такъ: войско не препятствовало императору назначить соправителя или наслѣдника, но это назначеніе требовало санкціи войска. Если такое назначеніе, одобренное солдатами, не состоялось, или если имѣлись, на-лицо: какая-либо чрезвычайныя и принудительныя обстоятельства, то легіоны считали себя въ правѣ провозгласить императора по своему усмотрѣнію, не ограничивая своего выбора сыновьями и вообще родственниками прежняго государя. Разъ августъ такъ или иначе добился общаго признанія — возведеніе другого правителя, помимо его воли, считалось уже актомъ мятежа или узурпаціи.

Провозглашеніе императоромъ четырехлѣтняго Валентиніана II было главнымъ образомъ дѣломъ влиятельнаго франка Меробавда, который этимъ предотвратилъ, быть можетъ, погибель Граціана. Упмянутый франкъ (по замѣчанію Рихтера) открываетъ почти непрерывный рядъ министровъ германскаго происхожденія при западно-римскомъ дворѣ. «Отнынѣ германцы все рѣшительнѣе управляютъ государствомъ и судьбами человѣчества; могучей рукою удерживаютъ они, еще на одно столѣтіе, падающій римскій міръ

отъ погибели, въ которую онъ былъ бы неминуемо ниспровергнуть вѣтъ—римскими германцами, еслибъ не геній и энергія этихъ германскихъ министровъ. Послѣ Меробавда является Арбогастъ, тоже франкъ. За нимъ слѣдуетъ вандалъ Стилихонъ, гениальнѣйшій и благороднѣйшій изъ всѣхъ». Потомъ является Аэцій, хотя римлянинъ по рожденію, но германецъ по духу: его товарищи, съ которыми онъ воспитывался, были готы. Послѣ Аэція, севѣвъ Ричмеръ сталъ еще болѣе сильнымъ министромъ при римскомъ дворѣ. Онъ сажалъ императоровъ на престолъ и низлагалъ ихъ. Затѣмъ Одоакръ, во главѣ совершенно германизованнаго войска, прогналъ изъ Италіи послѣдняго прѣзрочнаго императора.

Граціанъ былъ полонъ благихъ намѣреній, но совсѣмъ не отвѣчалъ требованіямъ времени. При дворѣ продолжались интриги, начавшіяся еще при его отцѣ. Императоръ находилъ досугъ только для занятій церковными вопросами. Уже при двухъ предыдущихъ императорахъ, христіанство въ смыслѣ вселенско-каолическаго исповѣданія вѣры, было сдѣлано оффиціальной и государственной религіей и при Граціанѣ опять началось открытое преслѣдованіе еретиковъ. Знанія, въ которыхъ они собирались, обращались въ казенную собственность. Но и это не привело къ цѣли, и въ 378 г. былъ изданъ эдиктъ, по которому подвергались смертной казни всѣ исповѣдующіе лжеученія, а также должностныя лица, не принимавшія репрессивныхъ мѣръ прогнвъ еретиковъ. Такимъ образомъ, было повелѣно и начато систематическое истребленіе христіанъ христіанами же за ихъ вѣру, и даже просто за терпимость по отношенію къ другимъ исповѣданіямъ. Установленію этой правительственной мѣры особенно способствовали благочестивыя увѣщанія миланскаго епископа, «святаго» Амвросія.

Въ то время какъ въ западной римской и еще болѣе въ восточной римской имперіи въ указанномъ духѣ заботились о спасеніи души—на западъ въ духѣ св. Аѳанасія, на востокъ—по ученію Арія, началось страшное и кровавое движеніе, которое потрясло весь міръ. Это было такъ называемое великое переселеніе народовъ.

На сѣверныхъ границахъ Китая жили съ незапамятныхъ временъ гунны, народъ презиравшій всякую культуру, отвратительный видомъ и варварскій въ худшемъ значеніи этого слова. Онъ принадлежалъ къ монгольскому племени, дѣлался на орды и велъ кочевую жизнь. По всей вѣроятности, это былъ тотъ самый народъ, вторженіе котораго должно было остановить сооруженіе китайцевъ—великая стѣна, воздвигнутая за 210 лѣтъ до нашей эры. Въ тѣ времена, исторію которыхъ мы до сихъ поръ разсказывали, гунны, по неизвѣстнымъ причинамъ, двинулись на западъ. Они перешли черезъ Уралъ и Волгу (Ра), низпровергая, опустошая и убивая все на своемъ пути. Они были ужасомъ даже для другихъ варваровъ съ которыми сталкивались. Вотъ что говоритъ о нихъ римлянинъ Амміанъ Марцелинъ въ своемъ короткомъ, по выразительномъ описаніи: «Они приземисты, крѣпкаго тѣлосложенія, одѣты въ грязныя шкуры; у нихъ широкія, темно-желтыя лица, съ подбородками и щеками, страшно изуродованными порѣзами, мѣшающими росту бо-

роды, маленькіе глубоко лежащіе глаза; по своимъ обычаямъ и по внѣшности они похожи болѣе на хищныхъ звѣрей, нежели на людей; умѣя только убивать стрѣлами и пиками, они дни и ночи проводили на своихъ маленькихъ лошадахъ, а ихъ грязныя жены и дѣти въ кибиткахъ».

Быстро покоренные аланы болынею частью примкнули къ гуннамъ. Соединенныя полчища ихъ столкнулись съ готами, воинственнымъ и, до того времени, сильнымъ народомъ германскаго племени, о которомъ мы уже неоднократно упоминали. Въ то время готы слились въ двѣ главныя массы: одну составляли гутунги или остготы, другую тервинги или вестготы. Часть ихъ, малые готы еще раньше поселились въ Мезіи. Готы были частью язычники, частью ариане; ихъ епископъ Ульфилла составилъ для ихъ языка, въ звуковомъ отношеніи столь отличнаго отъ греческаго и латинскаго, особый алфавитъ и перевелъ на готскій языкъ Св. Писаніе.

Остготы первые подверглись нашествію гунновъ. Разбитые, они бѣжали въ сарматскія горы. Устрашенные вестготы частью послѣдовали ихъ примѣру, большинство же обратилось къ императору Валенту съ просьбой уступить имъ незаселенныя земли въ области нынѣшней Болгаріи. Просьба была уважена (въ 376 г.), отчасти по усердію къ арианству, отчасти въ расчетѣ на приобрѣтеніе въ новыхъ переселенцахъ огромнаго прироста военной силы. Ихъ было, вѣроятно, болѣе милліона, въ томъ числѣ около 200000 способныхъ носить оружіе. Снабженіе такой массы людей предметами первѣйшей надобности было само по себѣ дѣломъ огромной трудности. Но алчные римскіе начальники еще стали пользоваться случаемъ, чтобы извлечь возможную выгоду изъ переселенія несчастныхъ бѣглецовъ. Чтобы не умереть съ голоду, многіе были вынуждены продавать сластолюбивымъ римлянамъ своихъ женъ и дѣтей. Доведенные до отчаянія, несчастные наконецъ взялись за оружіе. Подъ предводительствомъ даровитаго Фриттигерна они поцли разорять римскія владѣнія; только крупкіе города могли устоять противъ нихъ. Въ самой странѣ они нашли многочисленныхъ союзниковъ. Отовсюду стекались къ нимъ многочисленныя рабы германскаго происхожденія: массы людей, обремененныхъ долгами, не имѣвшихъ средствъ заплатить подати; или наконецъ потерѣвшихъ отъ произвола чиновниковъ, — весь этотъ народъ присоединялся къ нимъ. Между тѣмъ, большинство остготовъ, еще раньше разогнанныхъ гуннами, теперь также и притомъ самовольно, перешагнуло черезъ Дунай и грабило и опустошало страну. Отряды гунновъ и алановъ дѣлали тоже. Фракія и Македонія сдѣлались добычею готовъ. Въ Панноніи засѣли квады и сарматы.

Хотя императоръ Валентъ и ненавидѣлъ своего племянника Граціана, но нужда заставила его просить у послѣдняго помощи. Граціанъ съ готовностью двинулъ свое войско. Но Валентъ, какъ кажется, побуждаемый тщеславіемъ, не дождался прибытія западно-римскихъ войскъ: онъ съ собственнымъ войскомъ далъ готамъ битву близъ Адрианополя (августъ, 378 г.). Результатомъ было страшное пораженіе римлянъ; двѣ трети ихъ боевой силы, лучшая часть рим-

скаго войска, были уничтожены, почти всѣ главные военачальники убиты; погибъ и самъ императоръ. Вся страна до самаго Константинополя была открыта варварамъ.

Велико было смятеніе и бѣдствіе народное. Граціанъ, сдѣлавшись теперь императоромъ востока, не рѣшился выступить противъ варваровъ; они произвольно хозяйничали въ имперіи. Въ виду царившей смуты главнокомандующимъ войсками опять былъ назначенъ военачальникъ Теодосій, который передъ тѣмъ попалъ въ немилость и жилъ въ ссылкѣ. Отецъ его былъ выдающійся полководецъ, пріобрѣвшій крупныя заслуги въ Британніи и Африкѣ; тѣмъ не менѣе, онъ, вслѣдствіе придворныхъ интригъ, былъ отставленъ отъ должности и безвинно казненъ. Паденіе отца повлекло за собою и паденіе сына: послѣдній могъ быть доволенъ, что избѣжалъ смерти. Возвращенному изъ изгнанія вождю удалось разбить сарматовъ. Это былъ первый успѣхъ римлянъ послѣ долгаго времени. Снова явилась нѣкоторая надежда. Граціанъ, съ своей стороны, наградилъ побѣдителя Теодосія саномъ августъ и сдѣлалъ его своимъ соправителемъ (январь, 379 г.), предоставивъ ему востокъ и прибавивъ къ нему часть Иллиріи, наиболѣе подверженную опасности. Но и послѣ своего назначенія, Теодосій не считалъ безопаснымъ дѣйствовать мечемъ противъ готовъ. Онъ предпочелъ заключить съ отдѣльными племенами договоры, по которымъ имъ предоставлялись обширныя земли во Фракіи для поселенія и, кромѣ того, освобожденіе отъ всѣхъ налоговъ, что было огромной привилегіей. Съ своей стороны, готы, въ качествѣ «союзниковъ» (*federati*) императора, должны были составлять особые отряды римскаго войска, числомъ 40000 чел., которые получали жалованье. Этимъ и завершилась страшная опустошительная война, такъ необдуманно начатая римлянами и продолжавшаяся 6—7 лѣтъ.

Оба государя, Граціанъ и Теодосій (малолѣтній Валентіанъ II въ разчетъ не шелъ) были благочестивые и усердные христіане никейскаго толка. Они ревностно преслѣдовали какъ язычество, такъ и аріанскую и другія ереси. Яркую характеристику тогдашнихъ понятій объ единовластіи представляютъ вступительныя слова перваго религіознаго эдикта Теодосія: «Новелъваемъ, чтобы всѣ народы, управляемые нашей кротостію и снисхожденіемъ, исповѣдывали ту вѣру, которую преодолѣвъ римлянамъ святой апостолъ Петръ; затѣмъ, слѣдуютъ суровые законы о наказаніяхъ за ослушаніе. Лицо, только что поднятое изъ праха на престолъ, немедленно принимается учить миллионы народовъ, какъ и во что должно вѣрить. Это тотъ же принципъ, который былъ аккредитованъ въ послѣдствіи во времена вестфальскаго мира, принципъ, по которому «народъ долженъ исповѣдывать религію своего государя»: — это возмутительное правило какъ будто говорило, что всѣ эти миллионы людей въ обширномъ государствѣ обязаны своею жизнью только милости высококомфрнаго деспота. Но въ данномъ случаѣ дѣло шло не о пустыхъ словахъ голько, напротивъ, оба императора наперерывъ старались водворить православіе — каждый въ своей половинѣ имперіи. Не только было запрещено языческое богослуженіе, но и частное жер-

твоприношеніе вродѣ куренія ароматовъ передъ изображеніемъ божества у себя дома, наказывалось проскрипціей, изгнаніемъ. Отщепенцы лишались права дѣлать завѣщаніе и получать наслѣдство; во второмъ случаѣ исключеніе допускалось только для сыновей или родныхъ братьевъ; другіе родственники, хотя бы они были православные каюлики, безжалостно устранялись отъ наслѣдства. Какой богатый источникъ дохода для казны и церкви!

Однако, вѣрующіе не могли не видѣть, что, вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства, государство, уже второе столѣтіе, неминуемо клонилось къ паденію. Новая религія должна была быть средствомъ избавленія и спасенія, а между тѣмъ указанный фактъ стоялъ передъ глазами. По господствовавшимъ въ то время понятіямъ, каждое дѣяніе, совершенное въ интересахъ православія, могло рассчитывать на немедленную награду, также какъ за дѣяніемъ противнымъ слѣдовало наказаніе. Это тѣмъ менѣе подлежало сомнѣнію, что, по тогдашнимъ понятіямъ, Богъ долженъ былъ самъ непосредственно защищать свое дѣло. «Въ горячихъ спорахъ каждая религіозная партія старалась импонировать другой указаніемъ возможно большаго числа свѣтлыхъ точекъ въ соціальной и политической жизни.... Итогъ выходилъ не въ пользу христіанъ. Горячо указывали они на злопущія временъ языческаго Рима, а язычники ссылались на еще большія бѣдствія временъ христіанства». Тогда никейцы открыли, что хотя бывший восточный императоръ Валентъ и былъ христіанинъ, но послѣдователь не истинной вѣры, а арійской ереси; въ этомъ и находили источникъ зла и это послужило предлогомъ къ еще болѣе яростнымъ гоненіямъ на несчастныхъ аріанъ, — не взирая на то, что Богъ помогъ одержать побѣду готамъ, хотя они были частью аріане, частью язычники, но отнюдь не православные каюлики. Когда императоръ Граціанъ, тяжело удрученный пораженіемъ при Адрианополѣ, возвратился на западъ и настроенный благочестиво, искалъ утѣшенія у святаго Амвросія, епископа миланскаго, подъ вліяніемъ котораго онъ находился, этотъ святой (одинъ изъ самыхъ ярыхъ фанатиковъ и неистовыхъ гонителей иновѣрцевъ) далъ ему пространное наставленіе, типичное для понятій того времени: ударъ этотъ служить-де явнымъ указаніемъ того, къ чему приводить невѣріе. «При Валентѣ раздавался омерзительный шумъ кощунственныхъ проповѣдей, пѣснопѣній и молитвъ. Теперь ясно, что для посягающихъ на истинную вѣру нѣтъ спасенія (но почему погибли вмѣстѣ съ ними тысячи православныхъ, этого святой отецъ не объяснилъ). Теперь же идетъ въ походъ святой императоръ, знающій, что истинная вѣра дастъ скорѣе побѣду, нежели храбрость солдатъ! Именемъ Господа, Исусъ (сынъ Навина) семью священническими трубами завоевалъ Іерихонъ. Италия никогда еще не была такъ утѣшена какъ восточный Римъ, ибо Господь охраняетъ свою православную страну» и т. д. Пророческій духъ святаго мужа не подозрѣвалъ, какъ скоро будущее опровергнетъ его слова.

Граціанъ, который, помимо своего рвенія на пользу церкви, обнаруживалъ особую страсть къ свѣтскимъ развлеченіямъ (охотѣ)

возбудить противъ себя всеобщее неудовольствіе. Максимъ, командовавшій войсками въ Британніи, воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы провозгласить себя императоромъ. Готовясь къ своему преступному предпріятію, онъ предварительно принялъ таинство крещенія, чтобы смыть съ себя всё прежніе грѣхи. Войска повсемѣстно отпадали отъ Граціана. Послѣдній бѣжалъ въ Лугдунъ (Лионъ). Тамошній правитель, благочестивый единовѣрецъ, просилъ императора принять его гостепрѣимство, причемъ клятвою надъ св. Евангеліемъ разсѣялъ подозрѣніе императора, встрѣчавшаго на каждомъ шагу измѣну. Но, во время трапезы, правитель впустилъ во дворецъ предводителя отряда конницы, преслѣдовавшаго бѣлаго императора, котораго и помогъ ему убить (августъ, 383 г.). Такимъ образомъ, вопреки предвѣщанію св. Амвросія, не ушелъ отъ гибели и Граціанъ.

Ѳеодосій призналъ Максима своимъ соправителемъ подъ условіемъ, чтобы правителемъ Италіи, Иллирики и Африки оставался Валентиніанъ II, находившійся подъ опекой своей матери Юстины. Между тѣмъ въ Миланѣ возникли церковные споры между императорскимъ правительствомъ и мѣстнымъ епископомъ; властолюбивый Амвросій, имѣвшій вліяніе даже на «самодержца», упорно не соглашался отдать императрицѣ, какъ арианкѣ, хотя бы одну церковь для арианскаго богослуженія. Таковы были послѣдствія богословствующаго правительства: въ то время, какъ все государство находилось на краю пропасти, а узурпаторъ Максимъ только ждалъ благоприятнаго случая, чтобы низложить династію, которая считалась законной, и умертвить молодого императора, — люди тратили время на бесплодные богословскіе споры. Опять произошла незамѣтно важная перемѣна: центръ тяжести всего государственнаго строя перешелъ отъ войска къ духовенству: послѣднее стало могущественнѣе войска, потому что солдаты слушались больше своего епископа, нежели своихъ свѣтскихъ начальниковъ. А когда войско и народъ выказывали колебаніе, то св. Амвросій умѣлъ чудесами сломить всякое сопротивленіе, причемъ бывали случаи, гдѣ возникала догадка насильственной смерти.

Во время этихъ смуть Максимъ неожиданно вступилъ въ Италію. Императрица-мать съ Валентиніаномъ бѣжала къ Ѳеодосію. Послѣдній, считая узурпатора небезопаснымъ для своей собственной короны, позаботился прежде всего о томъ, чтобы обратить обоихъ бѣглецовъ изъ арианской ереси въ истинную католическую вѣру; послѣ того только, какъ удалось это сдѣлать, выступилъ онъ въ походъ противъ Максима. Максимъ былъ разбитъ, и какъ всегда бывало въ такихъ случаяхъ, убитъ солдатами (въ передніи 388 г.).

Благочестивый Ѳеодосій три года оставался на западѣ, его главнѣйшей заботой было — искорененіе ереси. Затѣмъ, онъ предоставилъ управленіе западомъ своему зятю Валентиніану, достигшему 20-лѣтняго возраста и обращенному въ православіе. Но молодой человѣкъ находился подъ безусловнымъ вліяніемъ Арбогаста, франкскаго, т. е. германскаго начальника войскъ. Когда Валентиніанъ вздумалъ дать Арбогасту отставку, послѣдній убилъ его, а на пре-

столь возвелъ нѣкоего Евгенія (392 г.). Но Феодосій взглянулъ на дѣло какъ на религіозную борьбу и побѣдилъ Арбогаста и Евгенія (394 г.). Однако Феодосій, прозванный духовенствомъ «Великимъ», не долго пережилъ эту побѣду, которая опять соединила востокъ съ западомъ: онъ умеръ въ январѣ 395 г.

Только что объединенное государство Феодосіемъ вновь раздѣлилъ между своимъ двумя неспособными сыновьями, воспитанными къ тому же въ клерикальномъ духѣ: 18-лѣтній Аркадій, получилъ префектуры востока, 11-лѣтній Теодорій—управленіе западомъ. Въ дѣйствительности же всѣми дѣлами востока правилъ коварный злодѣй, гасконецъ Руфинъ, а дѣлами запада—храбрый и талантливый вандалъ Стилихонъ. Оба дѣйствительные правителя ненавидѣли другъ друга и дѣйствовали какъ враги. Руфинъ былъ убитъ и замѣненъ евнухомъ Евтропиемъ, котораго скоро постигла та же участь.

Между тѣмъ великое «переселеніе народовъ» продолжало развиваться дальше. Безумное преслѣдованіе арианъ имѣло, между прочимъ, то печальное послѣдствіе, что восточскій король Аларихъ, и безъ того возмущенный неблагодарностью Феодосія, поднялъ противъ него оружіе. Готы нарушили заключенный съ римлянами договоръ, и опустошили Македонію и Грецію. Придворныя интриги въ Константинополѣ достигли того, что Аларихъ былъ даже назначенъ главнокомандующимъ римскими войсками въ Иллиріи и (въ 400 и 402 г.) нападалъ на Италію. Полуостровъ былъ опустошенъ, трепеталъ даже Римъ. Наконецъ, Стилихону, собравшему рейнскіе легіоны, удалось окончательно разбить варваровъ при Веронѣ (403 г.). Но въ 405 г. новый германскій вождь Радагайсъ (Радегастъ) собралъ вокругъ себя искателей приключеній различныхъ племенъ и во главѣ 200000 воиновъ явился въ Италію. Послѣ того какъ огромное число варваровъ значительно сократилось отъ всякаго рода лишеній и заразныхъ болѣзней, Стилихону удалось нанести имъ рѣшительное пораженіе при Фезулахъ (въ Этруріи). Но Италія, все-таки, была опустошена и разорена на огромномъ протяженіи.

Въ Галліи теперь не было войскъ и это вызвало частыя вторженія въ эту провинцію квадовъ, вандаловъ, свевовъ, алановъ, геруловъ, саксовъ, бургундовъ и франковъ; въ то же время гепиды, сарматы и гунны опустошали дунайскія провинціи, а въ Британніи опять поднялись часто побѣждаемые пикты и скоты. Вдобавокъ, отъ времени до времени происходили узурпаціи престола и тѣмъ довершали всеобщую анархію.

Самый способный человекъ при дворѣ былъ Стилихонъ. Тѣмъ больше было у него завистниковъ и враговъ. Интрига сдѣлала свое дѣло: слабый императоръ велѣлъ схватить человека, не разъ спасаваго государство, и казнить въ Равеннѣ. Всѣ члены его семьи и его друзья, ихъ жены и дѣти были также умерщвлены (въ августѣ, 408 г.). Незабыты были и церковь и спасеніе души. Изданы были новыя суровыя постановленія противъ еретиковъ, въ особенности противъ арианъ. Розыски по дѣламъ ереси были формально поручены духовенству. Все это озлобило варваровъ—аріанъ, слу-

жившихъ въ римскомъ войскѣ, тѣмъ болѣе, что уже паденіе Стихихона означало побѣду римско-національной партіи надъ партіей германской. Аларихъ снова пошелъ къ Риму. Набожный императоръ, слѣдуя повидимому теории св. Амвросія, послалъ противъ него главнокомандующимъ не опытнѣйшаго, а самаго благочестиваго изъ военачальниковъ. Результатъ можно себѣ представить. Чтобъ спасти Римъ, пришлось, въ видѣ выкупа, обшарить готамъ 5000 фунтовъ золота, 30000 ф. серебра, 4000 шелковыхъ одѣждъ, 3000 кусковъ алаго сафьяна и 3000 ф. перца (въ концѣ 408 г.). Когда же Аларихъ, вслѣдствіе этого договора, снялъ осаду, хотя получилъ только часть выкупа, императоръ отказался утвердить договоръ. Между тѣмъ, войско Алариха увеличилось, благодаря прибытію новыхъ отрядовъ изъ Германіи и благодаря стеченію голодныхъ рабовъ; у него было теперь около 150000 человекъ. Онъ снова подошелъ къ Риму, и, на этотъ разъ, взялъ городъ приступомъ (августъ, 410 г.). Справедливо замѣчено, что хотя и нельзя было отвратить ужасовъ трехдневнаго грабежа, но Аларихъ и его готы проявили необычайную для того времени сдержанность по отношенію даже къ лицамъ духовнаго званія, никейскаго исповѣданія, особенно имъ ненавистнымъ за преслѣдованіе арианъ. Конечно, были отдѣльные случаи буйства и поджоговъ, но Римъ не подвергся той участи, какую нѣкогда самъ устроилъ побѣжденному Кароагену; онъ не былъ систематически выжженъ, населеніе его не было уведено въ рабство, чего, по преданію, опасался Сципіонъ Африканскій.

Аларихъ хотѣлъ переправиться въ Африку, но умеръ въ нижней Италіи. Готы придумали для него оригинальное погребеніе. Они отвели рѣку Бузенто изъ ея русла, вырыли на днѣ ея могилу и, опустивъ въ нее останки своего короля, снова пустили воду въ прежнее русло; этимъ они хотѣли навсегда спасти могилу отъ поруганія. Такъ рассказываетъ готскій историкъ Иорнадъ.

Зять умершаго короля, Атаульфъ, признанный его преемникомъ, возвратился обратно черезъ Римъ въ южную Галлію; разрушивъ нѣсколько римскихъ городовъ (Нарбонъ, Толозу, Бурдигалу—нынѣшнюю Нарбонну, Тулузу и Бордо), онъ положилъ основаніе вестготскому государству; главнымъ городомъ котораго сдѣлалась возобновленная Тулуза (46 г.). Послѣ него братъ его Валлія сдѣлалъ значительныя завоеванія въ Испаніи.

Еще прежде чѣмъ произошли послѣднія событія, другіе германскіе народы завладѣли нѣкоторыми значительными землями римской имперіи. Въ 409 г. на пиренейскій полуостровъ ворвались—вандалы, аланы и севы. Послѣ послѣднихъ опустожительныхъ броженій, севы утвердились въ Галиціи, аланы въ Лузитаніи, а вандалы въ Андалузѣ, названной по нимъ Вандалией. Бургунды остались въ восточной Галліи и въ югозападной части Гельвеціи; ихъ главными городами были: Лугдунъ (Лионъ) и Женева.

Опасности и бѣдствія, причиняемыя государству внѣшними врагами, не могли помѣшать появленію новыхъ претендентовъ. Сначала имѣлъ нѣкоторый успѣхъ Константинъ, начальникъ войскъ

въ Британніи; затѣмъ побѣдитель его Констанцій сдѣлался зятемъ и совратителемъ Гонорія. Послѣ смерти обоихъ (Гонорій умеръ послѣ Констанція, въ 421 г.) принялъ санъ августа государственнѣй секретарь Іоаннъ. Только съ покореніемъ этого узурпатора восточно-римскимъ императоромъ, въ 425 г., сдѣлалось возможнымъ восстановление номинальнаго владѣтельства шестилѣтняго Валентиніана III, сына Констанція. Въ дѣйствительности же власть находилась въ рукахъ императрицы и талагитливаго, но коварнаго полководца Аэція. Правитель Африки Бонифаций, который имѣлъ основаніе опасаться интригъ Аэція, призвалъ на помощь изъ Испаніи вандаловъ, гѣснимыхъ вестготами. Они явились въ 429 г., но не съ намѣреніемъ завоевать ему престоль, а для того, чтобы самимъ овладѣть краемъ.

Теперь было ясно, до какой степени дурныя стороны абсолютизма, система постоянныхъ войнъ и религіозная борьба подрывали самыя основы римской имперіи. Изъ всѣхъ провинцій одна Африка еще не видала у себя враговъ. Она имѣла густое населеніе, сотни значительныхъ городовъ и не менѣе 500 епископствъ. Вражда христіанскихъ партій приняла страшные размѣры. Народъ отвыкъ носить оружіе и обороняться. Поэтому вандаламъ, несмотря на ихъ малочисленность, легко было сломить всякое сопротивленіе. Говорятъ, ихъ было, считая женъ, дѣтей и рабовъ, около 80000 чел., въ томъ числѣ вооруженныхъ свободныхъ людей едва ли болѣе 20000. Вандаловъ считаютъ германскимъ народомъ съ примѣсью сарматской крови; они приняли аріанство, но не вышли изъ своего дикаго состоянія. Въ описываемое время у нихъ былъ король, по имени Гейзерихъ (Гензерихъ).

Самая сѣверная римская провинція, Британнія, еще раньше (409 г.) была уступлена пиктамъ и скѣтамъ. Внутренніе раздоры побудили самихъ бритовъ призвать на помощь саксовъ, занимавшихся морскимъ разбоемъ. Въ 449 г. они въ числѣ 1600 чел. явились на трехъ небольшихъ судахъ, подъ начальствомъ Генгиста и Горсы; въ слѣдующее года пришли цѣлыя массы англовъ, саксовъ и ютовъ. Туземцы были побуждены пришельцами, которые продолжали покорять страну. Завоеваніе окончилось только цѣлое столѣтіе спустя, причѣмъ палъ въ битвѣ храбрый король Артуръ (541 г.).

Страшнѣе всѣхъ другихъ варваровъ были гунны, явившіеся въ среднюю Европу въ срединѣ V вѣка. Повидимому, народъ этотъ былъ не особенно многочисленный; на это указываетъ ихъ беслѣдное исчезновеніе изъ исторіи. Но ихъ смѣлый и талантливый вождь Аттила сумѣлъ направить ихъ дикую и грубую храбрость, а также силы покоренныхъ ими племенъ, на грандіозныя предпріятія. Гунны не трогали внутреннихъ учреждений покоренныхъ народовъ; послѣдніе должны были только платить дань и поставлять войско. Такимъ образомъ, въ 450 г. Аттила собралъ огромное полчище, по свидѣтельству римлянъ около 700000 чел. гунновъ, гепидовъ, остготовъ, геруловъ, скировъ и другихъ племенъ. Вся эта масса двинулась вверхъ по Дунаю, черезъ Рейнъ, опустошая все на пути; въ 451 г. она достигла самаго сердца Галліи, послѣ того

какъ были разрушены до основанія цвѣтушіе римскіе города на Рейнѣ: Страсбургъ, Майнцъ, Триръ, Мецъ, Тонгернъ и др. Общая опасность соединила римлянъ (подъ начальствомъ Аэція), вестготовъ (съ королемъ Теодорихомъ), франковъ (съ королемъ Меровеємъ), алановъ, бургундовъ, саксовъ и другіи германскія племена. На широкой равнинѣ, близъ Шалона на Марнѣ, на Катамунскомъ полѣ, произошла рѣшительная битва. Послѣ трехдневной рѣзни, съобщившей жизни 180000 чел., Аттила былъ разбитъ. Аэцій умышленно не воспользовался побѣдой, опасаясь могущества вестготовъ, которые собственно и рѣшили побѣду. Гуннскій ханъ могъ, такимъ образомъ, спокойно отступить въ Паннонію и въ слѣдующемъ, 452 г., явиться въ Италію во главѣ новаго войска. Болѣе искусный въ веденіи осады крѣпостей, чѣмъ все прочіе варвары, онъ взялъ и разрушилъ Аквилею, Верону, Падую, Виценцу, Мантую, Брешию, Бергамо, Миланъ и много другихъ городовъ. Многие приморскіе жители бѣжали на маленькіе острова въ сѣверо-западной части Адриатическаго моря; такъ возникла на лагунахъ Венеція. Встревоженные римляне послали депутацію къ Аттилѣ. Онъ согласился на выкупъ и заключилъ перемиріе; его войско сильно пострадало отъ трудностей похода и эпидемій; кромѣ того волненія въ его царствѣ побуждали вождя вернуться обратно. Но осуществить свой планъ нашествія на Италію въ слѣдующемъ году—ему не удалось; онъ неожиданно умеръ—естественной или насильственной смертью—неизвѣстно. Подвластные ему народы снова стали независимыми. Остготы и гепиды убили старшаго сына Аттилы и заняли Паннонію и Дакію, тервинги (вестготы) утвердились въ Германіи, около франковъ; сбросили иго гунновъ и герулы и ругіи. Второй сынъ страшнаго вождя палъ въ войнѣ противъ восточныхъ римлянъ, третій—въ битвѣ съ аварами утонулъ (въ Волгѣ).

Могущество гунновъ было уничтожено. Но силы римскаго государства совершенно истощились въ истощившихъ напряженіяхъ. Абсолютизмъ не давалъ имъ воспрянуть. Жадный императоръ Валентиніанъ, подстрекаемый евнухомъ, убилъ своею рукою побѣдителя гунновъ Аэція. Но вскорѣ онъ самъ былъ убитъ начальникомъ тѣлохранителей Максимомъ, жену котораго обезчестилъ. Преступникъ провозгласилъ себя императоромъ и принудилъ вдову своего предшественника вступить съ нимъ въ бракъ. Последняя призвала на помощь короля вандаловъ Гейзериха. Флотъ котораго господствовалъ на Средиземномъ морѣ. Максимъ былъ убитъ. Гейзерихъ позволилъ своимъ ордамъ двѣ недѣли грабить Римъ, но запретилъ имъ жечь и убивать. Но вандалы увезли съ собою все цѣнное и сокровища искусства, а также множество плѣнныхъ, въ томъ числѣ императрицу и двухъ ея дочерей. Шесть вѣковъ спустя послѣ разрушенія Кароагена вандалы пришли отсюда въ Римъ, чтобы отмстить за него, но, при всемъ ихъ варварствѣ, они совершили меньше жестокостей, чѣмъ нѣкогда римляне въ Кароагенѣ.

Римскій начальникъ войскъ въ Галліи, Авитъ, провозгласилъ себя императоромъ. Его убили. Тогда готъ Рихимеръ или Ричимеръ, командовавшій находившимися на римской службѣ инозем-

ными войсками, сталъ распоряжаться престоломъ, котораго не хотѣлъ занять самъ, такъ какъ хорошо понималъ всю опасность такого положенія. Зато онъ сажалъ и низлагалъ императоровъ. Сперва онъ посадилъ на престолъ Майоріана (456 г.), потомъ Севера (464 г.); обоихъ онъ велѣлъ убить; послѣ двухлѣтней анархіи, онъ назначилъ императоромъ Анеимію (467 г.). Теперь, наконецъ, Рицимеръ объявилъ себя соправителемъ. Но рассорившись съ своимъ товарищемъ, онъ назначилъ императоромъ нѣкоего Олибрія. Оба союзника взяли Римъ. Анеимійъ былъ убитъ, а столица подверглась убійствамъ, грабежу и пожарамъ. Но зараза похитила Рицимера и новаго императора. Теперь стали царствовать одинъ за другимъ: Гликерій (473), Юлій Непотъ (474) и пятнадцатилѣтній Ромулъ Августулъ (475 г.). Огромный ростомъ и воинственный предводитель германскихъ войскъ, находящихся на римской службѣ, геруль Одоакръ видѣлъ, что государству грозило полнѣйшее разложеніе. Онъ побудилъ свои войска къ возстанію, предлагая имъ изъ наемниковъ сдѣлаться землевладѣльцами, изъ защитниковъ чужой собственности—защитниками собственныхъ владѣній. Они потребовали въ вознагражденіе за свою службу—третью часть земель въ Италіи. Бѣдный юноша-императоръ былъ низложенъ, онъ былъ неопасенъ, потому его пощадилъ, но отецъ его былъ убитъ (476 г.). Одоакръ не принялъ императорскаго титула, но назвалъ себя королемъ Италіи. Такъ прекратила свое существованіе римская имперія—черезъ 1229 лѣтъ послѣ ея основанія; это было государство, подобнаго которому міръ не видалъ ни до, ни послѣ него.

Политическій обзоръ. Мы изложили исторію императоровъ хотя вкратцѣ, но послѣдовательно, переходя отъ одного правителя къ другому. Намъ казалось это необходимымъ, во-первыхъ, потому, что исторія Рима сама по себѣ имѣетъ огромную важность, затѣмъ въ виду долгаго существованія и громаднаго протяженія римскаго государства, и, наконецъ, еще потому, что вліяніе Рима на позднѣйшіе вѣка и понынѣ еще не окончательно заглохло. Подобное изложеніе вообще противорѣчитъ нашему обыкновенію, но въ данномъ случаѣ нужны были разительные примѣры для опроверженія ходячихъ и безусловно ложныхъ политическихъ выводовъ, которые весьма развязно прилагаются къ другимъ позднѣйшимъ условіямъ; кромѣ того, мы хотѣли дать каждому читателю возможность составить себѣ обо всемъ собственное мнѣніе.

Прежде, чѣмъ подвести одинъ общій итогъ всѣмъ дѣйствовавшимъ въ исторіи Рима условіямъ, мы должны разсмотрѣть вопросъ, какія собственно обстоятельства или учрежденія подготовили и сдѣлали возможными—единственное въ своемъ родѣ возвышеніе римскаго могущества и его продолжительность. А съ этимъ связанъ другой вопросъ—о паденіи и разрушеніи римской имперіи.

Возвышеніе обуславливалось самымъ принципомъ Рима, нравами и мировоззрѣніемъ его народа и всѣмъ его государственнымъ устройствомъ. Ниже мы скажемъ подробнѣе о развитіи иоли-

тическихъ учреждений. Здѣсь достаточно будетъ указать на два краеугольныхъ камня гигантскаго зданія: во-первыхъ—полное развитіе демократіи, котораго постепенно достигла республика, такъ что дѣйствительно всѣ силы, какія заключалъ въ себѣ Римъ, могли быть непосредственно употреблены на пользу государства; во-вторыхъ—организация войска, въ основаніи которой лежала воинская повинность, обязательная для всѣхъ здоровыхъ мужчинъ безъ исключенія—система, которая вмѣстѣ съ тѣмъ являлась вѣрной гарантіей противъ тиранническихъ поползновеній.

Помимо условій общаго характера, можно указать на отдѣльные моменты, заслуживающіе особаго вниманія. Прежде всего бросается въ глаза разница между Римомъ и другими такъ называемыми всемірными царствами въ отношеніи самаго способа ихъ постепеннаго возвышенія. Много было государей, которые гораздо быстрѣе римлянъ покоряли своему владычеству обширныя земли и многочисленныя народы, но мы не знаемъ ни одной всемірной державы, которая бы просуществовала такъ долго, какъ римская. Въ первомъ случаѣ мѣръ зависѣлъ отъ генія единичнаго завоевателя: имъ держалась сила, съ нимъ она и рушилась и, такъ сказать, вмѣстѣ съ его трупомъ низвергалась въ могилу; во второмъ случаѣ дѣйствовалъ духъ цѣлаго народа, безконечно болѣе долговѣчный, чѣмъ скоропреходящая жизнь человѣческая.

Римляне не были такими завоевателями, какими были Киръ, Александръ, Карлъ Великій или Наполеонъ; они покоряли не сразу, однимъ натискомъ, а постепенно; они умѣли выжидать. Въ римскомъ сенатѣ не брали перевѣса страстность и нетерпѣніе одной личности надъ мнѣніями всѣхъ остальныхъ; тамъ умѣли откладывать мѣсть, молчать до перваго благопріятнаго случая; тамъ подвигались къ цѣли не такъ скоро, но за то съ тѣмъ большею увѣренностью подготавливая себѣ сначала твердую почву и не останавливаясь даже передъ самыми гнусными средствами.

Но принявъ за фактъ, что и до и послѣ римлянъ огромныя государства возникали быстрѣе римскаго, но что ни одно изъ нихъ не отличалось, даже приблизительно, такою долговѣчностью—насъ уже можетъ занимать не столько вопросъ: какимъ образомъ произошло возвышеніе Рима, сколько другой вопросъ: какими причинами обусловливалась продолжительность этого всемірнаго государства?

Главнѣйшая причина была въ преимуществѣ вышей цивилизаціи и образованности. Конечно, въ этомъ отношеніи Римъ превосходилъ не всѣ покоренные народы: греки и этруски стояли выше его. Но эти послѣдніе уже при первомъ столкновеніи съ завоевателями были и слишкомъ разрозненны, и слишкомъ изнѣжены, чтобъ оказывать сильное сопротивленіе Риму. Римляне побуждали большинство враждебныхъ народовъ именно своею стойкостью въ борьбѣ, и привязывали къ себѣ покоренныхъ, благодаря своей культурности. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ моментомъ вѣротерпимости. Многобожіе всегда отличалось терпимостью ко всѣмъ чужимъ культамъ; заимствовались даже чу-

жіе боги. Кромѣ того, римляне иногда освобождали народы отъ тяжелаго гнета туземныхъ деспотовъ (которые зачастую дѣйствовали съ согласія самихъ римлянъ), снимая, такимъ образомъ, съ нихъ ярмо, которое казалось невыносимымъ особенно тогда, когда угнетеннымъ представлялась возможность сбросить его *).

Но самое важное было то, что вездѣ, гдѣ только появлялись римляне, мы и теперь еще находимъ памятники ихъ дѣятельности, направленной на матеріальныя улучшенія, на матеріальное благосостояніе. Хотя сами римляне съ устройствомъ подобныхъ сооружений познакомились у этрусковъ, но они поняли ихъ практическое значеніе и повсюду заводили такія же приспособленія. Они прокладывали большія дороги (хотя и не предназначавшіяся для торговыхъ сношеній, но всетаки полезныя во многихъ отношеніяхъ), проводили каналы, устраивали плотины, мосты, искусственные гавани и т. д. Все было разсчитано на практическую пользу, но исполнено широко и грандіозно; мы не видимъ египетскихъ пирамидъ и даже на храмы потрачено сравнительно меньше, чѣмъ у грековъ. Но ни одинъ народъ, вплоть до нашего столѣтія, не заботился въ такой степени о народномъ здоровіи и не показалъ столько рѣшимости въ удовлетвореніи его требованій путемъ громаднхъ сооружений. Каналы для осушенія почвы, клоаки, водопроводы и общественныя бани и понынѣ могутъ служить, во многихъ отношеніяхъ, образцами вѣрнаго пониманія политическихъ задачъ и правильного употребленія государственныхъ средствъ. Въ самомъ Римѣ, кромѣ большихъ водостоковъ, существовала еще правильная, соединенная съ ними сѣтъ каналовъ, устроенныхъ частными лицами. Ливій упоминаетъ, что въ 184 г. до Р. Х. цензоры ассигновали на очистку засорившихся клоакъ 1000 талантовъ (около 2 милліоновъ рублей). Наше время далеко уступаетъ римлянамъ въ искусствѣ проведенія хорошей воды для питья; особенно отличался въ этомъ отношеніи городъ Римъ, куда питьевая вода доставлялась въ такомъ количествѣ, какимъ же можетъ похвастаться ни одинъ городъ на всемъ земномъ шарѣ, даже въ наше время. Кромѣ купальни въ домѣ каждаго зажиточнаго гражданина существовали обширныя бани, которыми можно было пользоваться безвозмездно. Діоклетіанъ выстроилъ бани на 3000 человекъ, и одно время въ одномъ Римѣ было 800 бань. Страбонъ (V книга) вполне основательно дѣлаетъ такое замѣчаніе: Грекъ думаетъ, что сдѣлалъ все, если украсилъ свой городъ великолѣпными зданіями, окружилъ крѣпкими стѣнами и расположилъ его въ плодородной мѣстности и вблизи гавани; римлянинъ, напротивъ, прежде всего обращаетъ вниманіе на то, о чемъ не заботится грекъ: онъ моститъ свои улицы, проводитъ необходимую воду и посредствомъ подземныхъ трубъ удаляетъ нечистоты, которыя иначе были бы бременемъ для города».

*) То же самое видимъ мы теперь въ Остѣ-Индіи, гдѣ англійское господство никогда не получило бы такихъ широкихъ размѣровъ, если бы освобожденіе отъ гнета слабоумныхъ и свирѣпыхъ деспотовъ не представлялось всѣмъ племенамъ настолько привлекательнымъ, что они, хотя на-время, забывали о цѣломъ рядѣ новыхъ бѣдствій.

Подъ вліяніемъ этого практическаго духа многія неплодородныя, вначалѣ, области Азіи и Африки превратились въ хорошо воздѣланныя мѣстности, усѣянныя цвѣтушими городами. Въ Италіи, кромѣ Рима, развились Верона, Падуа, Миланъ, Равенна и сотни другихъ древнихъ городовъ; въ Галліи возникли Марсель *), Арль, Нимъ, Нарбонна, Тулуза, Бордо, Отёнъ, Виеннъ, Лионъ, Лангръ, Парижъ, Триръ и др. Затѣмъ появился непрерывный рядъ значительныхъ городовъ вдоль Рейна: Виндизъ, Аугстъ (близъ нынѣшняго Базеля), Страсбургъ, Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ, Кёльнъ и др., а также въ придунайскихъ земляхъ и въ Испаніи. Столицы Сиріи и Египта, Антиохія и Александрія, а равно и Смирна, соперничали съ Константинополемъ и едва ли не съ самимъ Римомъ по числу жителей, богатству и внутреннему значенію.

Одинъ новѣйшій писатель (Л. Фридендеръ) пишетъ: «Если бы даже не осталось никакихъ другихъ извѣстій о римлянахъ, то разсыпанныя по всему старому свѣту могучія развалины ихъ построекъ и безчисленные уцѣлѣвшіе остатки художественныхъ произведеній, вырытые изъ груды скрывавшаго ихъ мусора и пепла, явно бы свидѣтельствовали о томъ, какая высокая и богатая культура погибла вмѣстѣ съ римскою имперіей... Эти сооруженія стоятъ зачастую въ обширныхъ пустыняхъ, обозначая собою грани культуры, владычество которой нѣкогда распространялось на громадныя пространства, нынѣ опять давнымъ-давно одичавшія и совершенно заброшенныя: таковы развалины Бальбека и римскихъ городовъ въ Малой Азіи и сѣверной Африкѣ. Эти развалины поражаютъ своею грандіозностью, несокрушимой солидностью и высокою цѣлесообразностью построекъ даже въ смыслѣ нынѣшнихъ требованій и превосходятъ все, что создано позднѣйшими вѣками: таковы: мосты Алькантары и Мериды, Pont du Gard, водопроводы Сеговиі и нѣкоторыя другія римскія сооруженія въ странахъ, лежащихъ около Средиземнаго моря». Во многихъ областяхъ, какъ, напр., въ Дакии (Трансильваніи, Буковинѣ, Валахіи и Молдавіи), 1½ тысячи лѣтъ не могли разрушить того, что было создано римлянами въ сравнительно короткое время, въ 170 лѣтъ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ только утверждался этотъ народъ, сохранились еще древнія «римскія дороги», тогда какъ въ самомъ центрѣ культурнаго міра такія искусственныя дороги устроены были лишь въ концѣ прошлаго столѣтія.

Это былъ первый разъ, что культуры востока и запада смѣшались и находили доступъ въ эти отдаленныя страны; войска обмѣнивались культурами, разнородные элементы которыхъ взаимно вліяли и развивали другъ друга. Египтяне и персы стояли на Рейнѣ, галлы и испанцы — въ Персіи и Египтѣ **).

*) Хотя онъ и былъ основанъ греками, но своего процвѣтанія достигъ лишь при римлянахъ.

**) Въ стѣну императорскаго собора въ Шпейерѣ, построеннаго въ 11 вѣкѣ по Р. Х., словно въ намѣтку, но безъ всякаго намѣренія, вставленъ камень съ изображеніемъ бога Митры; оказывается, что въ числѣ парсовъ, привезенныхъ римлянами на Рейнъ, находились каменщики.

дывали улицы, строили мосты, колоннады, храмы и дворцы, переносили произведенія одной страны въ другую (такъ, напр., императоръ Пробъ велѣлъ войскамъ развести виноградники въ Панноніи и Галліи, что, конечно, не нравилось этимъ наемнымъ легионамъ). Европа своимъ растительнымъ богатствомъ не мало обязана римлянамъ, которые перенесли множество полезнѣйшихъ и превосходныхъ растений изъ Азіи и Африки въ Италію, откуда они потомъ быстро распространились по римскимъ провинціямъ.

Отъ Антониновой стѣны до Іерусалима, на протяженіи 4080 римскихъ (787 географическихъ) миль, тянулась непрерывная лінія сообщенія; разстоянія обозначались камнями. Чтобы дать дорогѣ прямое и удобное направленіе, прорѣзывались горы, а черезъ бурныя и широкія рѣки перебрасывались смѣлой аркой мосты. Прочность римскихъ дорогъ выдержала во многихъ мѣстахъ разрушительное вліяніе 1½ тысячи лѣтъ. Римляне не считали края вполнѣ покореннымъ, пока приказанія изъ столицы не могли быстро передаваться во всѣ части провинціи: поэтому они во всѣхъ обширныхъ областяхъ государства устраивали родъ почтъ. Черезъ каждыя 5—6 римскихъ (1½ географическихъ) миль были построены станціи, при которыхъ всегда находилось наготовѣ 40 лошадей, такъ что по римскимъ дорогамъ можно было проѣхать въ одинъ день 100 римскихъ миль и болѣе.

Но самымъ блестящимъ доказательствомъ того, насколько ушла впередъ римская культура, служить гражданское законодательство римлянъ.

Указанныя выше обстоятельства даютъ намъ ключъ къ дѣйствительно замѣчательному явленію, а именно—быстротѣ, съ какою римлянамъ удалось «объединить такое множество враждующихъ между собой варварскихъ народовъ посредствомъ сообщенія». Мы вправѣ изумляться, читая, напр., что черезъ какія-нибудь двадцать лѣтъ послѣ окончательнаго покоренія Панноніи, когда писалъ Веллей, знаніе римскаго языка и даже письма въ этой варварской землѣ уже начало сильно распространяться. Это достигалось не благодаря грандіозности государственнаго организма, или громадности ресурсовъ римскаго государства: главнѣйшимъ рычагомъ была сила культуры—она и видоизмѣнила нравственный строй покоренныхъ народовъ.

Въ общемъ можно сказать, что римское государство своимъ долгимъ существованіемъ было обязано прежде всего своей высокой культурѣ. Въ покоренныхъ провинціяхъ каждый могъ видѣть, что судьба культуры вообще связана съ вопросомъ о римской власти. Виѣ ей было одно варварство, такъ какъ эллинство, послѣ того какъ Александръ Македонскій и его преемники выбили его изъ естественной колен, было слишкомъ испорчено, чтобы пересоздать міръ. Поэтому ни одинъ образованный житель провинціи не могъ мечтать объ отторженіи своей родины отъ римской имперіи; оттого-то въ продолженіе столькихъ вѣковъ приказанія цезарей исполнялись съ одинаковою точностью на берегахъ Темзы и Нила, какъ и на берегахъ Тибра. Власти рѣдко нуждались въ помощи

войска, да она и рѣдко могла быть доставлена, потому что въ Испаніи, въ Африкѣ, въ Египтѣ держали всего по одному легиону (отъ 1 до 10 тыс. человекъ).

Нужно было совпаденіе капитальныхъ внутреннихъ изъяновъ, чтобы разрушить государство съ такими превосходными основами. Но въ томъ-то и дѣло, что не все зданіе стояло на такомъ прочномъ фундаментѣ; въ немъ были огромные недостатки. Происхожденіе послѣднихъ намъ будетъ понятнѣе, если мы бросимъ общій взглядъ на развитіе государственности, о которомъ подробнѣе было говорено выше.

Въ древнѣйшее время Римъ управлялся царями. Хотя болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ отсутствуютъ, но мы знаемъ, что власть правителей не была неограниченною, и что по особо важнымъ случаямъ цари спрашивали согласія народа. Злоупотребленія и превышеніе власти со стороны царей повели къ изгнанію ихъ и къ упраздненію монархическаго правленія вообще.

Республика была въ первое время аристократическою: государствомъ управляли исключительно патриции. Они, естественно, пользовались своимъ положеніемъ въ собственныхъ словныхъ видахъ. Плебеи требовали сперва облегченія повинностей, потомъ, постепенно, признанія полной равноправности съ привилегированнымъ класомъ; они требовали равнаго участія въ пользованіи матеріальными благами съ богатыми, а позднѣе уравниванія ихъ съ патриціями въ политическихъ правахъ. Въ долгой и упорной борьбѣ плебеи получали одну уступку за другою, такъ что подъ конецъ оба класса почти сравнялись между собою, и Римъ, по своему городскому населенію, получилъ фیزیономію республики уже не аристократической, а безусловно демократической.

Подъ этою-то формою правленія и выработались и развились основы римской жизни въ благороднѣйшемъ и высшемъ значеніи этого слова. Періодъ демократической республики вызвалъ тотъ дивный общественный духъ, патриотизмъ, твердость, отвагу и вѣрность своимъ убѣжденіямъ, доходившую до самопожертвованія— словомъ, всѣ тѣ подвиги, которые вполне заслужили удивленіе всего свѣта и проявлялись не только въ миопческой древности, но и въ позднѣйшія историческія времена. Только демократическая республика могла выдержать и удачно окончить войну съ грознымъ, вначалѣ, Картагеномъ; только твердость и самопожертвованіе ея гражданъ побѣдили геній Ганнибала. Лишь при такомъ республиканскомъ строѣ могъ сдѣлаться постояннымъ свойствомъ государства принципъ, который Периклъ считалъ главнѣйшимъ основаніемъ своей славы: никогда не пугаться несчастья. Только въ такой демократической республикѣ могло создаться народное ополченіе, которое давало возможность заключать миръ не иначе, какъ побѣдивъ врага; это были войска, которыхъ сила и стойкость побѣдили всѣ народы и подчинили римскому владычеству всѣ безъ исключенія культурныя страны міра. Наконецъ, при этомъ же демократически-республиканскомъ правленіи римляне вышли изъ состоянія грубости и достигли наивысшей степени умственного раз-

витія, на какую были способны, преуси́вая на здоровой почвѣ наукъ и искусствъ, такъ что позднѣйшій періодъ въ сущности только питался плодами, которые были посеяны во времена республики, а науки и искусства приходили въ упадокъ по мѣрѣ того, какъ мало-по-малу ослабѣвали и исчезали вліянія республиканскихъ условій.

Правда, Римъ уже съ давнихъ временъ заключалъ въ себѣ пагубное сѣмя, котораго не могъ искоренить даже въ республиканскія времена: а именно—Римъ зиждился на системѣ завоеванія. Позорное правило—отнимать у побѣжденнаго народа самую цѣнную часть его имущества, т. е. наибольшую часть его земли, соблазняло къ постояннымъ войнамъ не только правителей, но и всѣхъ полноправныхъ гражданъ. Теперь благоразумные люди во всѣхъ государствахъ желаютъ мира, потому что даже самая счастливая война не въ состояніи вознаградить за причиненный ею вредъ; но въ то время было иначе: ожидаемая добыча была постоянной приманкой, имѣла неотразимую прелесть.

Изъ этого-то неестественнаго условія и развилась возмутительная политика относительно всѣхъ другихъ народовъ, ближайшія слѣдствія которой хотя и были выгодны для римлянъ, но которая, въ концѣ концовъ, погубила Римъ. На этомъ обстоятельстве, имѣвшемъ столь сильное вліяніе на развитіе Рима, нужно нѣсколько остановиться. «Никогда, замѣчаетъ Сахаріэ (40 книгъ о государствахъ), народъ римскій не зналъ иного международнаго права, кромѣ того, которое опиралось на договоры; онъ различалъ только враговъ или союзниковъ. Никогда не дозволялось иноземцу вступать въ римскія владѣнія и давать ему права римскаго гражданина. Хотя мы мало знаемъ о правѣ, которое примѣнялось къ иностранцамъ въ ихъ сношеніяхъ съ римлянами, но уже принципъ: *Adversus hostem aeterna auctoritas esto!* т. е. иностранцы не могутъ ссылаться на давность (одно изъ правилъ двѣнадцати таблицъ, сохранившее свою силу до самыхъ послѣднихъ временъ имперіи), указываетъ на духъ этого права... Извѣстно, что римляне, проживавшіе на чужбинѣ, но не у дружественнаго имъ народа, приговаривались къ гражданской смерти, а иностранцы, не принадлежавшіе къ дружественному народу, признавались въ римской имперіи безправными... Первый, дозволившій составлять завѣщаніе въ непріятельской землѣ, былъ императоръ Левъ».

Монтескьё особенно подчеркнул вѣроломство, какое проявляли римляне при покореніи какой-нибудь страны; онъ показалъ, какъ они пользовались однимъ народомъ для угнетенія другого, какъ они натравливали народы другъ на друга, озлобляли ихъ и старались надломить ихъ силы посредствомъ губительной междоусобной войны, чтобы потомъ скорѣе уничтожить самостоятельность обоихъ. Но когда римляне вели серьезную войну, сенатъ не обращалъ вниманія ни на какія оскорбленія; онъ молча выжидалъ время, когда можно будетъ отплатить за нихъ. Такъ какъ римляне никогда не заключали мира искренно, а всегда съ расчетомъ захватить чужія владѣнія, то ихъ договоры были не болѣе, какъ перемирія;

они всегда ставили такія условія, которыя клонились къ гибели другого государства. Истребивши войско какого-нибудь князька, они подрывали его финансы немощною контрибуціей или данью подъ предлогомъ уплаты военныхъ издержекъ, — новый родъ тираніи, заставившей князька притѣснять своихъ подданныхъ и, такимъ образомъ, утратить ихъ расположеніе. «Такъ какъ слава полководца измѣрялась количествомъ золота и серебра, которое везли за нимъ на его триумфъ, то каждый побѣжденный народъ отдавался на грабежъ. Римъ безпрестанно обогащался, и каждая война доставляла ему средства для новой войны. Магистраты и правители областей, кромѣ того, заставляли иноземныхъ царей платить имъ за ихъ несправедливости».

Послѣ этого насъ не можетъ удивлять тотъ фактъ, что въ 519 году отъ основанія Рима (234 г. до Р. Х.) въ первый разъ со времени Нумы былъ закрытъ храмъ Януса, и то лишь на короткое время. «Каково государство, замѣчаетъ одинъ старый писатель, основанное на принципѣ вѣчной войны и захвата; оно мирное время считаетъ неестественнымъ состояніемъ и по самому характеру своему принуждено подыскивать предлоги, чтобы нападать на совершенно безобидные народы и губить ихъ».

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы для Рима не представлялась возможность выхода изъ подобныхъ неестественныхъ условій, послѣдствія которыхъ должны были оказаться пагубными. Союзники указывали ясно и опредѣленно на этотъ выходъ. Эти союзники, безъ самоотверженнаго содѣйствія которыхъ римское могущество никогда бы не достигло такихъ гигантскихъ размѣровъ, требовали федераціи съ представительными учрежденіями. Они требовали равныхъ правъ при равныхъ обязанностяхъ. Но эгоизмъ не могъ этого допустить. Поврожденной челоуѣку слабости, даже низшій классъ городскихъ жителей хотѣлъ играть передъ провинціалами рольъ привилегированныхъ аристократовъ. Уступки дѣлались больше для вида. Непорядки продолжались и развитіе шло по гибельному пути.

Изъ завоеванныхъ провинцій непрерывно текли въ столицу колоссальныя суммы награбленныхъ денегъ и массы жизненныхъ припасовъ. Легкое пріобрѣтеніе вело къ извѣженности и нравственной порчѣ. Многіе возвращались изъ провинцій съ огромными богатствами; масса-же столичнаго населенія пріучалась къ праздности. Пропастъ между богатыми и бѣдными страшно расширилась. Средняго класса, т. е. гражданъ съ небольшимъ состояніемъ, уже почти вовсе не было. Были только двѣ крайности: съ одной стороны, извѣживающая и расслабляющая роскошь и расточительность небольшого числа счастливицевъ, съ другой — нищета толпы, отвыкнушей отъ работы и не помышлявшей объ улучшеніи своей участи. Полезный ремесленный трудъ презирался. Жители разнились между собой не только по экономическому положенію, но и по образованію и знаніямъ. Здѣсь была другая страшная пропасть, умышленно расширяемая. Наряду съ изысканнѣйшею утонченностью встрѣчалась крайняя грубость, которую съ умысломъ поддерживали въ толпѣ. Для

школь не дѣлали почти ничего. Въмѣсто этого опутывали народъ обрядностями религіи; даже тогда, когда образованные люди уже давно смѣялись надъ ними. Съ невѣжествомъ шли рука объ руку лицемеріе и распущенность.

Зрѣлища, притупляющія всякое человѣческое чувство, довершили нравственную порчу. Римскій гражданинъ получалъ бесплатно хлѣбъ и зрѣлища; это удовлетворяло его матеріально и духовно; онъ не умиралъ съ голода и имѣлъ развлеченіе,—хотя это развлеченіе только поддерживало въ немъ грубость и варварство и воспитывало безчеловѣчіе и распутство. Провинціальныи сбродъ стремился въ столицу, чтобы вкусить тамошней счастливой жизни. Основа военной доблести римлянъ была поколеблена. Въмѣсто гражданъ, вооружавшихся только на время похода и затѣмъ возвращавшихся къ своему мирному очагу, явились наемники; народное ополченіе замѣнили профессиональные солдаты, постоянныя войска. Это давало возможность каждому счастливому военачальнику ниспровергнуть республику и утвердить единовластіе. Получилось такое положеніе, изъ котораго доктринаризмъ выводитъ необходимость самаго крайняго абсолютизма, причѣмъ въ оправданіе послѣдняго ссылается на достигаемое этимъ путемъ «возрожденіе» государства и утвержденіе новаго, како-бы «нравственнаго порядка».

Правда, междуособя трибуновъ прекратились, но ихъ мѣсто заступаютъ убійства, грабежъ, казни и конфискаціи имуществъ. Все это начинается съ появленіемъ перваго единовластителя—Суллы.—Какое было счастье, которое принесло полное развитіе монархіи, оказалось уже при первыхъ императорахъ, отъ (второго) Тиберія до Нерона и Домиціана, и затѣмъ, съ болѣе или менѣе свѣтлыми промежутками, въ непрерывномъ рядѣ императоровъ, отъ Коммода до Діоклетіана, или даже до послѣдняго Августа. Конечно, въ извѣстномъ смыслѣ было вѣрно, что пока Риму не угрожали варвары, при каждой быстрой перемѣнѣ царствованія «правительство не встрѣчало ни малѣйшаго сопротивленія (со стороны народа) своимъ распоряженіямъ», ибо возмутительнѣйшія насилія, конфискаціи имуществъ, оскорбленія чести и убійства, могли совершаться вполнѣ безнаказанно. Хорошо счастье и хорошъ порядокъ! Какой оборотъ принимала борьба партій, показываетъ длинный списокъ убитыхъ цезарей. Даже лучшіе изъ нихъ не были въ состояніи оказывать рѣшительнаго вліянія на государственную машину; ихъ обыкновенно постигала та-же участь, что и дурныхъ—быть убитыми. Поэтому указывать на неустойчивость республиканской формы правленія, значить забывать, что имперія была еще менѣе устойчива. Боязнь за свою собственную шкуру вынуждала многихъ покушаться на узурпацію, потому что слава, заслуги передъ государствомъ и вообще талантъ и характеръ возбуждали противъ себя подозрѣніе и давали сильнѣмъ міра поводъ избавиться отъ людей, которые могли сдѣлаться для нихъ опасными. Гиббонъ справедливо замѣчаетъ, что отсутствіе личной безопасности чаще подстрекало добиваться вѣнца, нежели честолюбіе.

Такъ называемое право престолонаслѣдія не принесло ничего, кромѣ зла. Сыномъ императора былъ Коммодъ, преемникъ Марка Аврелія; за Септиміемъ Северомъ слѣдовалъ Каракалла, за Валеріаномъ—Галліанъ. Клавдій (268 г.), Авреліанъ, Флоріанъ и Пробъ не были дѣтьми цезарей, не были даже сыновьями вельможъ: это были люди низкаго происхожденія; говорятъ, что Діоклетіанъ даже родился рабомъ,—и однако же въ этихъ людяхъ нуждалось государство для своего временнаго спасенія. Императорскіе сыновья ни на что не были способны. Не помогла и система усыновленія. Она возвела на престолъ не только благороднаго Траяна, но и такихъ злодѣевъ какъ Тиберій и Неронъ. При дворѣ царила, за весьма рѣдкими исключеніями, такая испорченность, что нравственная сила и чистота юности, который въ силу своего рожденія или по праву усыновленія императоромъ воспитывался тамъ, должны были непременно погибнуть. Самые гнусные тираны, Калигула, Неронъ, Коммодъ и Каракалла, всѣ воспитывались въ пурпурѣ и были испорчены упоеніемъ властью, роскошью двора и коварнымъ голосомъ лести, какъ справедливо замѣчаетъ Гиббонъ.

Замѣчательно, что во всей исторіи императоровъ не было ни одного случая, чтобы отецъ, сынъ и внукъ одинъ за другимъ наследовали престолъ, и было тотъ же три случая, гдѣ сынъ наследовалъ отцу.

При такихъ условіяхъ казалось, что только совмѣстное правленіе нѣсколькихъ императоровъ можетъ дать спокойствіе странѣ, ибо трудно было ожидать, чтобы узурпаторъ, побѣдивши одного цезаря, могъ свергнуть и его (трехъ) соправителей. Отсюда временное спокойствіе при Діоклетіанѣ. Но мнимая выгода исчезла, какъ только выдающійся умъ этого человѣка пересталъ главенствовать надъ прочими императорами.

Приводимъ только одинъ фактъ, чтобы показать, что единовластіе приводило къ безпрестаннымъ революціямъ: съ 192 г. по 307 г., т. е. всего за 115 лѣтъ, насчитываютъ 78 императоровъ и претендентовъ, изъ числа которыхъ только двое умерли естественною смертію, не сложивши съ себя (добровольно или по принужденію) императорскаго достоинства!

Не станемъ болѣе распространяться о томъ, какъ эти деспоты злоупотребляли своею властью. Скажемъ только нѣсколько словъ объ основномъ принципѣ, изъ котораго языческіе государи Рима выводили начало своей власти. Они и не думали говорить, что эта власть дарована имъ «Божіей милостію» (эта теорія была провозглашена впервые во времена христіанскихъ государей). На власть первыхъ языческихъ императоровъ смотрѣли какъ на порученную имъ волю народа, точно такъ, какъ и на власть всякаго другого сановника, или-же какъ на узурпацію. Только значительно позднѣе, когда «идеи и даже языкъ римлянъ подверглись порчѣ», рабская угодливость Ульпіана, или, вѣрнѣе, Требоніана, придумала новую теорію, такъ называемый царскій законъ, въ силу котораго всѣ верховныя права государства передавались въ руки правителя, какъ неотъемлемый даръ народа. Такимъ образомъ въ

основѣ даже этого лицемѣрнаго поруганія всякаго историческаго и разумнаго права лежало признаніе первоначальнаго принципа народнаго верховенства. «Воля императора имѣеть силу и дѣйствіе закона, потому что римскій народъ посредствомъ царскаго закона передавъ государю все свое полновластіе и верховенство», гласила новая максима. Выше (стр. 350) было упомянуто, что старинные законы объ оскорбленіи величества подучили совершенно иной смыслъ, противоположный прежнему. Августъ и Тиберій становились подъ защиту этихъ законовъ лишь въ качествѣ народныхъ трибуновъ, и впоследствии общественное мнѣніе клеймило судей, допустившихъ наглую фикцію, путемъ которой право, предоставленное всему народу, перенесено было на отдѣльныя личности.

Съ учрежденіемъ самодержавія открывается періодъ непрерывной анархіи, продолжающійся нѣсколько столѣтій; такая долгая анархія не вызывалась какими-либо другими причинами. Общее разстройство и соединенный съ нимъ деспотизмъ имѣли пагубное вліяніе на матеріальное благосостояніе и духовное развитіе націи.

Императоры не думали объ образованіи и облагораживаніи народа. Пропастъ между невѣжествомъ и угонченностью расширилась до безконечности. Въ особенности игры, стоившія невѣроятныхъ суммъ, дѣйствовали пагубно на чувство, нравы и развитіе народа. Мы знаемъ, что всѣ лучшіе писатели и всѣ благородные люди временъ цезарей, начиная съ Августа, единогласно говорили, что ничто такъ не способствовало развращенію римскаго міра, какъ публичныя игры, гладиаторскіе бои и звѣринія травли, пріучавшіе къ жестокости, сладострастныя представленія и пантомимы и шекотавшіе чувственность публичные танцы и пѣсни, причемъ вкусъ портился, а чувство истинно прекраснаго и благороднаго притуплялось.

Безумная расточительность большинства императоровъ и огромныя издержки на солдатчину, требовательность которой становилась все неумѣреннѣе, вели къ увеличенію и безъ того уже невыносимыхъ налоговъ. И между тѣмъ, это было всетаки еще наименьшимъ изъ всѣхъ золъ. Гораздо хуже было то, что никто не былъ увѣренъ въ своей безопасности, въ особенноти не было обезпечено частное имущество. Неправда то, что (какъ увѣряютъ доктринеры) опасность грозила только тѣмъ, кто злоумышлялъ противъ цезарей, т. е. небольшому числу людей. Вообще ничье положеніе не было прочно. Для предержащей власти довольно было знать или даже предполагать (хотя бы ошибочно), что такой-то человекъ богатъ, чтобы казнить его, съ дѣлюю завладѣть его имуществомъ. И это происходило не въ одной столицѣ; мы знаемъ, что одинъ изъ такихъ тирановъ велѣлъ сослать енисекъ самыхъ богатыхъ людей въ Галлію, чтобы приказать ихъ убить и конфисковать ихъ имущества. Далѣе извѣстно, какъ выгоняли цѣлыми массами землевладѣльцевъ изъ ихъ имѣній, чтобы наградить землями солдатъ, какъ тѣмъ же солдатамъ дарили дюжины важнѣйшихъ городовъ. Если же подобными принципами руководилась сама власть предержащая, то можно представить, что позволяла себѣ администрація, отъ намѣстниковъ до самыхъ мелкихъ чиновниковъ! Въ провинціи было также

мало безопасности, какъ и въ столицѣ, и для того, чтобы жить спокойно, недостаточно было держаться въ сторонѣ отъ политики и не покушаться на узурпацію. Мирному гражданину угрожали опасности иного рода, чѣмъ во времена борьбы трибуновъ *).

Есть, впрочемъ, еще одно доказательство, устраняющее всякое сомнѣніе относительно послѣдствій восхваляемаго режима—это страшное уменьшеніе народонаселенія. Цѣлыя огромныя области совершенно опустѣли. Возникли такъ называемыя латифундіи. Приглашали варваровъ для воздѣлыванія заброшенныхъ полей. Мѣста было столько, что въ смежныхъ областяхъ поселились цѣлыя племена этихъ варваровъ. Фактъ этотъ достаточно ршеуетъ тогдашнія условия!

Упадку Рима способствовало еще и то, что онъ былъ единственною въ семірію державою. Такъ какъ ни одно государство не могло стать рядомъ съ нимъ, то не было повода къ соревнованію и самовластители не стыдились никакихъ беззаконій и преступленій. Не было внѣшняго побужденія къ улучшеніямъ, не было полезнаго соперничества; неоткуда было ждать сопротивленія. И если, съ одной стороны, какъ уже замѣчено, прочности государства способствовало то, что каждый образованный человѣкъ за предѣлами имперіи видѣлъ одно только варварство, то, съ другой стороны, было великимъ бѣдствіемъ то, что преслѣдуемый нигдѣ не могъ найти себѣ убѣжища; кромѣ того, ни одна часть культурнаго міра не могла преслѣдовать своихъ собственныхъ задачъ и вообще развиваться не въ духѣ всепоглощающаго Рима, а въ какомъ-либо другомъ направленіи. Римское владычество не было космополитическимъ, оно стремилось все романизовать. Въ этомъ и заключалось проклятіе господства надъ всѣмъ міромъ, и проклятіе это отразилось не только въ матеріальной сферѣ, но еще гораздо болѣе въ области духа.

Умственное развитіе Рима въ эпоху имперіи падало и разрушалось. Правда, было сдѣлано не мало для удовлетворенія требованій комфорта и чувственной жизни; многое отвѣчало даже самымъ изысканнымъ вкусамъ. Но мы не видимъ никакихъ значительныхъ успѣховъ, хотя-бы даже въ техническомъ отношеніи,—исторія этого времени не представляетъ никакихъ важныхъ открытій или изобрѣтеній. Въ области же наукъ и искусствъ замѣчается прогрессивный упадокъ. И это вполне естественно: и наука и искусство нуждаются въ свободѣ—она ихъ жизненная стихія, а она-то и была загублена. Вездѣ мы встрѣчаемъ блескъ, роскошь, расточительность—конечно на ряду съ ужасающей нищетою; но все это отнюдь не содѣйствовало умственному развитію, а въ конецъ развращало народъ.

Но хуже всего было полное исчезновеніе того, что мы привыкли называть староримскою добродѣтелью. И не только

*) Макіавелли, *Discorsi sopra Tito Livio* cap. 58, объясняетъ, почему въ подобныхъ вопросахъ мнѣнія такъ рѣдко бываютъ въ пользу народа: «потому что каждый можетъ безъ боязни и свободно говорить о народѣ дурно даже тогда, когда народъ править; о государяхъ же всегда говорятъ съ безконечнымъ страхомъ и безконечнымъ почтеніемъ».

она исчезла, но вмѣсто нея явилось нѣчто совершенно ей противное. Прежняя строгость нравовъ уступила мѣсто разврату, превосходящему всякое описаніе. Вмѣсто прежняго духа общности съ его готовностью къ жертвамъ на общую пользу царило теперь низкое своекорыстіе. Изумительная храбрость и энергія въ походахъ уступили мѣсто извѣженности и трусости, такъ что оборона государства лежала на обязанности варваровъ. Если прежде высшимъ достоинствомъ считалась свобода, то теперь, по выраженію Тацита, игега omnes in servitium, всѣ ринулись въ рабство. Въ прежнія времена свободный гражданинъ гордился возложенными на него заботами объ общественныхъ дѣлахъ; теперь свободные люди были удалены отъ веденія важнѣйшихъ дѣлъ, завѣдываніе которыми досталось на долю иноземныхъ проходимцевъ изъ общественныхъ подонковъ, вольноотпущенниковъ и рабовъ императора, т. е. людей, привыкшихъ къ рабству и умѣвшихъ пользоваться каждымъ правительственнымъ актомъ для самаго наглаго денежнаго вымогательства. Позже, при возраставшей опасности, завладѣвали властью другого рода иноземцы, смѣлыя и предпримчивыя варвары. Такимъ образомъ самоуправленіе римлянъ безусловно исчезло, настоящіе граждане были устранены отъ веденія дѣлъ; государствомъ управляли бывшіе рабы или варвары! Въ прежнее время всѣ общественные вопросы обсуждались публично, а теперь граждане боялись донощиковъ даже тогда, когда въ интимномъ разговорѣ высказывали свое мнѣніе о государственныхъ дѣлахъ.

Таковы были вліянія цезаризма—этой мнимой панацеи, этого мнимаго орудія внутренняго обновленія государства. Последнее совершенно видоизмѣнилось, утратило свой римскій духъ во всемъ, что нѣкогда составляло силу, красоту и гордость націи; распаденіе вѣшняго строя должно было неизбежно постѣдовать и внутреннему упадку. Чужіе народы стояли теперь на стражѣ государства, а ихъ вожди руководили политическими дѣлами; а доблесть и величія игнорировали какъ разъ тѣ стороны римскаго характера, которыя создали ему всемірную славу, патриотизмъ и принесли себѣ въ жертву отечеству. Совокупность этихъ условій и подготовила распадъ и гибель всего зданія. Достаточно было малѣйшаго толчка, чтобы зданіе это окончательно рухнуло.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не согласиться (хотя отчасти и по другимъ соображеніямъ) со словами Гиббона: «Вмѣсто того, чтобы спрашивать, отчего разрушилось римское государство, скорѣе надобно удивляться, что оно такъ долго существовало».

Послѣ этого обзора политической исторіи Рима намъ предстоитъ еще рассмотреть вкратцѣ нѣкоторыя частныя условія внутренняго быта.

Военное устройство. Служба въ войскѣ считалась однимъ изъ важнѣйшихъ и похвальнѣйшихъ занятій,—собственно говоря даже единственнымъ почетнымъ, если не считать земледѣлія. Древній римлянинъ, подобно спартанцу, какъ бы родился воинномъ. Храбрость и добродѣтель онъ обозначалъ однимъ и тѣмъ-же словомъ—*virtus*:—дивное развитіе мужественной

Одинъ старый историкъ, почтенный нѣмецкій профессоръ, правда, далекій отъ духа его собратій позднѣйшаго времени, немногими мѣткими чертами обрисовалъ древне-римское военное устройство. «Римъ, безспорно, показалъ величайшій примѣръ того, что могутъ сдѣлать вооруженные граждане. Совокупность римскихъ гражданъ составляла собою войско. Каждый былъ обязанъ служить, начиная съ извѣтнаго возраста и до тѣхъ поръ, пока позволяли его года, но не оставался на службѣ постоянно. Каждый годъ составлялись легіоны и распускались по окончаніи срока. Отпущенные возвращались къ своимъ полямъ, опять пахали землю, а когда на нихъ падалъ жребій или приходилъ ихъ чередъ, они снова поступали на службу и затѣмъ снова отпускались на свободу. Съ этою гражданскою милиціей Римъ не только былъ непобѣдимъ, но и сдѣлался грозой міра. Благодаря ей, совершены были великія завоеванія, надъ Картагенъ, полагавшійся на своихъ наемниковъ, пали македонскія государства, опиравшіеся на правильныя войска. Когда Сулла и Цезарь составляли свои арміи, представлявшія переходъ къ регулярнымъ войскамъ,—всемирное владычество Рима уже было упрочено. При императорахъ легіоны сдѣлали мало новыхъ завоеваній, требовалось не мало труда, чтобы удержать захваченныя; новыя владѣнія такъ же скоро терялись, какъ и пріобрѣтались. Римъ представляетъ единственный примѣръ того, какъ гражданская милиція одного города покорила вселенную и, что всего удивительнѣе, удержала за собой «это господство». (Гееренъ въ статьѣ «Гражданскія гвардіи, наемныя и постоянныя войска, съ всемирно-исторической точки зрѣнія»). Римляне никогда не поклонялись принципу абсолютнаго постоянства. Они вводили у себя все, что находили полезнаго у другихъ народовъ, особенно по части военнаго дѣла. Даже позднѣе, по введеніи постоянныхъ войскъ, они не допускали бездѣйствія, изнѣженности солдатъ. Въ мирное время ихъ посылали на практическія занятія, заставляли рыть каналы, пролагать военныя дороги, производить всякаго рода постройки и разбивать виноградники. Оружіе, сравнительно съ греческимъ, было усовершенствовано. Пилумъ былъ уже лучшимъ метательнымъ оружіемъ, чѣмъ пращъ. Осадныя машины также усовершенствовались. Благодаря цѣлесообразному устройству милиціи, Римъ могъ уже во время войны съ Ганнибаломъ выставить около 275,000 обученныхъ военному искусству гражданъ, а со включеніемъ союзниковъ, обученныхъ такимъ же образомъ, около 770,000 воиновъ (см. выше). Такимъ образомъ заранѣе былъ приготовленъ матеріалъ для веденія даже самой продолжительной войны. Противъ такой организаціи не могъ, конечно, устоять даже исключительный геній Ганнибала, несмотря на все его побѣды. Позднѣе, несмотря на огромное протяженіе государства, императоры не имѣли въ своемъ распоряженіи такого количества постояннаго войска. Гиббонъ рассчиталъ, что при новыхъ военныхъ учрежденіяхъ императора Адріана сухопутное войско могло составлять не болѣе 375,000 человекъ, а вмѣстѣ съ экипажемъ флота численность его доходила бы до 450,000 человекъ. Тактическое ядро составляли во все времена легіоны различной силы,

отъ 3000 до 6000 человекъ; къ нимъ прибавлялись еще особыя когорты. Диоклетіанъ уменьшилъ составъ легионовъ, увеличивъ самое число легионовъ. Въ прежнее время набиралось (мобилизовалось) столько легионовъ, сколько требовалось въ данный моментъ. По окончаніи междоусобной войны у Августа было около 50 легионовъ; изъ нихъ онъ оставилъ на службѣ 18, а затѣмъ прибавилъ къ нимъ еще 7. По преобразованіи войскъ Диоклетіаномъ было 138 легионовъ.

За исключеніемъ позднѣшаго времени и тѣхъ случаевъ, когда бывали возстанія, войска находились по большей части, на опасныхъ границахъ имперіи. Такимъ образомъ при первыхъ императорахъ на Рейнѣ и на Дунаѣ стояло не менѣе 16 легионовъ, а въ Испаніи, Африкѣ и Египтѣ—всего по одному легиону. Въ противоположность прежней милиціонной службѣ, срокъ службы въ постоянномъ войскѣ былъ установленъ, въ 13 г. до Р. X., для преторіанцевъ—въ 12 лѣтъ, для другихъ—въ 16, а черезъ 8 лѣтъ срокъ этотъ увеличенъ—для первыхъ до 16, а для послѣднихъ до 20 лѣтъ. Большая часть солдатъ, впрочемъ, оставалась на службѣ дольше обязательнаго срока, чтобы получить даваемую въ такихъ случаяхъ награду, опредѣленную въ 5 г. до Р. X.—для преторіанцевъ въ 5000, а для остальныхъ солдатъ въ 3000 денаріевъ. Вмѣсто наличныхъ денегъ выслужившіе получали иногда участки земли. Жители провинцій, поступая въ войско, получали тотчасъ же право римскаго гражданства. Въ прежнее время милиціонные солдаты не получали никакого жалованья; каждый долженъ былъ самъ себя содержать. Военная служба считалась простымъ исполненіемъ долга по отношенію къ отечеству; впрочемъ, участіе въ пользованіи завоеванными землями служило достаточнымъ вознагражденіемъ: это обстоятельство вполне оправдываетъ стремленіе плебеевъ къ уравненію въ правахъ съ патриціями, особенно въ отношеніи равномѣрнаго раздѣла завоеванныхъ земель. Только въ 406 г. до Р. X. была установлена небольшая плата для пѣхоты, а черезъ 3 года и всадникамъ, а именно: пѣшіе получали 2 обола или 3 асса (около 6 к.), центурионы (сотники, капитаны)—вдвое, а всадники—втрое больше. Цезарь удвоилъ всѣ эти оклады, Августъ повысилъ жалованье пѣхотинцевъ до 10 ассовъ, позднѣйшіе императоры увеличили и этотъ размѣръ; преторіанцы получали ежедневно по 2 денарія (около 75 к.)—не считая казенныхъ одежды и харчей. Къ этому слѣдуетъ прибавить непомѣрно щедрые подарки, которые императоры, при вступленіи на престолъ, должны были дѣлать войскамъ, о чемъ уже было говорено во многихъ мѣстахъ нашей книги.

Остается еще сказать два слова о флотѣ. Онъ стоялъ на степени гораздо низшей, чѣмъ у грековъ. Въ доказательство достаточно привести два-три примѣра. Говорятъ, что во время кареагенской войны римляне въ 2 мѣсяца построили, снарядили и вооружили 12 военныхъ кораблей. Цезарь въ 30 дней построилъ въ Арлѣ флотъ для войны противъ марсельцевъ. Корабли Лукулла хотя и побѣдили Митридата, но долго не отваживались вступить въ бой съ пиратами. При наступленіи зимы всѣ суда втаскивались на

берегъ, а иногда и перевозились на большихъ разстояніяхъ по сухому пути (какіе это были корабли, можно себѣ представить). Связь между крайнимъ западомъ и востокомъ и правильное сообщеніе между ними установились при посредствѣ сирійскихъ и малоазійскихъ судовъ, ходившихъ изъ Кирены и Египта. Морскія знанія были такъ малы, что когда флотъ отправлялся въ плаваніе, то полагались не на научныя знанія, а на предзнаменованія (omina). Передъ отплытіемъ кораблей обращались за совѣтомъ къ ауспiciямъ (гаданіямъ). Въ случаѣ несчастнаго предзнаменованія (напр., если кто чихнетъ съ лѣвой стороны, или ласточки спустятся на корабль) плаваніе откладывалось. Въ морскихъ сраженіяхъ побѣда зависѣла не столько отъ кораблей и искуснаго управленія судномъ, сколько отъ кулаковъ самаго экипажа. Поэтому заботились главнѣйше о возможно большемъ числѣ вооруженныхъ людей на судахъ.

Обращеніе съ покоренными народами. Къ тому, что сказано о военномъ бытѣ римлянъ, прибавимъ еще нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ они обращались съ покоренными или подвластными народами, о чемъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе уже по очерку политической исторіи. По отношенію къ покореннымъ римляне считали дозволеннымъ все, даже въ самой Итали, и притомъ не только по отношенію къ чужимъ народностямъ, какъ, напр., этрускамъ, въ городѣ Веіяхъ, но даже и къ народамъ единоплеменнымъ. Такъ Ливій обстоятельно повѣствуетъ, какъ они, послѣ ухода Ганнибала перерѣзали множество знатныхъ кампанцевъ, многихъ расселили по латинскимъ городамъ, гдѣ они погибли, а остатокъ населенія обратили въ рабство. Затѣмъ Ливій прибавляетъ, что было предположеніе разрушить городъ Капую и превратить въ пустыню всю страну; но очевидная выгода взяла верхъ; отъ этого предположенія отказались въ виду того, что вся область была, какъ извѣстно, плодороднѣйшая во всей Итали и что если извлекать изъ нея постоянный доходъ, то надо было сохранить и самый городъ, какъ центральный пунктъ земледѣлія. Однако, римляне все-таки переселили сюда совсѣмъ другихъ жителей. Вообще у римлянъ часто примѣнялся варварскій обычай перемѣщенія дѣльных народовъ изъ одной страны въ другую. Такъ, напр., болѣе 40,000 свободныхъ лигурійцевъ, съ женами и дѣтьми, были выселены изъ горъ и водворены въ самнитскихъ равнинахъ. Еще хуже поступали римляне за предѣлами Итали. Покоривъ Македонію въ 166 г. до нашего лѣтосчисленія, они раздѣлили ее на округа, отняли у жителей оружіе и запретили имъ въ чужомъ округѣ вступать въ бракъ и приобретать земли. Эпирцамъ была обѣщана свобода, подъ условіемъ выдачи всего серебра и золота. Но когда требованіе было исполнено, римскіе солдаты, оставленные гарнизономъ въ городахъ, внезапно напали на жителей, взяли ихъ въ плѣнъ, разрушили самые города и увели въ рабство 150,000 человекъ. При взятіи въ 146 г. до Р. Х. великолѣпнаго Коринѳа, мужчины были умерщвлены, а женщины и дѣти обращены въ рабство; сокровища искусства почти всѣ увезены въ Римъ, самый городъ уничтоженъ. О судьбѣ Карфагена уже была рѣчь.

Удивительно, что даже нозже ссыльные въ провинціяхъ пользовались нѣкоторою властью надъ несчастными туземцами. Даже въ Аѳинахъ, которыя римляне щадили болѣе другихъ городовъ, ареопагъ считалъ нужнымъ издать декретъ, которымъ нѣкому ссыльному Меммію предоставлялся, согласно его желанію, садъ Эпикура подъ постройку дома. Проконсулы, откупщики, ростовщики высасывали провинціи. Когда сенаторы собирались путешествовать для своего удовольствія, то брали официальные командировки (*liberae legationes*) съ тѣмъ, чтобы не только обезпечить содержаніе себѣ и своему штату, но и обогатиться. Слѣдуетъ также упомянуть, что и союзники были поставлены въ невыгодныя условія даже въ обычныхъ правовыхъ отношеніяхъ. Латинцы, къ которымъ римляне относились сравнительно благосклонно, не пользовались правами наслѣдствъ по завѣщанію римлянъ, имъ ничего не могло быть отказано наслѣдодателемъ—пока они не получили правъ римскаго гражданства, уже въ позднѣйшее время. Въ первыя времена потребности общины, если только не покрывались налогами съ общественныхъ земель (*ager publicus*), время были незначительны, система управленія была въ высшей степени поножнялась подушною податью. Государственные расходы въ то простая, на общественныя заведенія тратилось мало. Небольшихъ суммъ требовало и содержаніе войска, такъ какъ каждый гражданинъ служилъ безвозмездно, даже состоялъ на собственномъ иждивеніи, рассчитывая на участіе въ пользованіи завоеванными землями. Позже, когда введено было жалованье, былъ установленъ налогъ на имущество; основаніемъ ему служила оцѣнка имущества (цензь).

Финансы. Стремленіе римскаго финансоваго управленія было съ давнихъ поръ направлено къ тому, чтобы государственные расходы покрывались доходами съ отнятыхъ у непріятели земель, или поступленіемъ податей съ завоеванныхъ провинцій. Побѣда полководца оцѣнивалась по количеству золота и серебра, которое онъ могъ показать народу на своемъ триумфѣ. Такимъ путемъ по отношенію къ покореннымъ странамъ выработалась настоящая система грабежа и высасыванія, тѣмъ болѣе вредная, что не было правильного порядка взиманія налоговъ и почти всѣ чиновники, особенно проконсулы, имѣли одно только стремленіе—къ скорѣйшему обогащенію. Потребности же города Рима, въ которомъ собственно и видѣлъ государство, возрастали по мѣрѣ того, какъ со всѣхъ концовъ государства стекалась въ столицу масса празднаго люда, увеличивая собой населеніе, которое въ другихъ мѣстахъ кормилось мелочной торговлей и полезными ремеслами, составляло средній классъ, а здѣсь получало отъ правительства не только даровой хлѣбъ, но и варварскія игры, а потомъ при императорахъ еще и денежныя подачки. До временъ Помпея, общая сумма государственныхъ доходовъ съ провинцій, считая на нынѣшнія деньги, хотя и не одинаковой валюты, достигала почти 40 милл. руб.; названный государственный человекъ поднялъ цифру дохода до 50 милл. руб. Такъ какъ, кромѣ того, провинціи должны были сами покрывать свои расходы, промышленность же находилась въ упадкѣ, а про-

консулы и подчиненные имъ чиновники высасывали страну, то можно себѣ представить, какова была тяжесть лежавшихъ на провинціяхъ повинностей. При императорахъ расходы государства достигли высшаго предѣла, частью влѣдствіе личнаго мотовства императоровъ, частью влѣдствіе ненасытной алчности войскъ. Последнее обстоятельство мы уже иллюстрировали цѣлымъ рядомъ фактовъ въ историческомъ обзорѣ: относительно перваго пункта достаточно упомянуть, что еще Цезарь подарилъ одной изъ своихъ фаворитокъ жемчужину, стоившую 6 милл. сестерціевъ, а императоръ Вителлій (вѣроятно, чтобы на дѣлѣ доказать необходимость нравственнаго возрожденія Рима путемъ цезаризма) проѣлъ въ 7 мѣсяцевъ 700 милл. сестерціевъ. Веспасіанъ, при вступленіи на престолъ, объявилъ сенату, что государству нужны 800 милл. сестерціевъ, или оно не можетъ болѣе существовать *). Все болѣе запутывались внутреннія дѣла, все чаще смѣнялись императоры, расходы на войска и траты на церковныя учрежденія и споры росли, варвары требовали дани и вотъ увеличивались налоги и другія

*) Главные источники государственныхъ доходовъ были слѣдующіе: 1) Государственное имущество. Въ древнія времена и отчасти также въ позднѣйшія времена на все поземельное владѣніе покореннаго народа смотрѣли какъ на прибрѣтенную по праву завоеванія собственность. Пользованіе имъ совершалось обыкновенно слѣдующими способами: а) поля, непосредственно присоединенныя къ государству (*patrimonium reipublicae*), сдавались въ аренду; б) другія поля отдавались колонистамъ-военнымъ, отбывшимъ срокъ службы и бѣднымъ гражданамъ—за известную часть дохода ($\frac{1}{10}$ хлѣбнымъ зерномъ и $\frac{1}{15}$ другими плодами); в) нѣкоторыя поля предоставлялись покореннымъ туземцамъ за опредѣленную годовую плату (продуктами). 2) Государственные заводы. Доходъ съ рудниковъ въ Картагенѣ, на которыхъ работало 40,000 рабовъ, во времена Полибія простирался до 20,000 драхмъ ежедневно. 3) Налоги. Они были различнаго рода; важнѣйшіе изъ нихъ были: а) пошлина за пропускъ товаровъ, б) налогъ на соль (и та и другой много разъ отмѣнялись и опять вводились), в) пошлины съ наследствъ и завѣщаній, введенныя Августомъ, иринесли самый крупный доходъ; онъ составлялъ 50%. Каракалла возвысилъ ихъ до 100% и объявилъ провинціаловъ римскими гражданами, чтобы имѣть возможность обложить пошлиною всѣхъ; послѣ его смерти опять былъ восстановленъ прежній размѣръ. (Августъ хотѣлъ было сначала вмѣсто этой пошлины ввести поземельный налогъ, но римляне побоялись, что черезъ это они будутъ уравнены съ провинціалами); г) манумиссіонный налогъ, т. е. налогъ на отпущеніе рабовъ на волю, платился послѣдними въ размѣрѣ $\frac{1}{20}$ части, *vicesima* (=50%), цѣны отпускаемаго на волю; д) пошлина за право торговли рабами. При покупке или продажѣ рабовъ пошлина составляла при Августѣ $\frac{1}{50}$, при Неронѣ $\frac{1}{25}$ часть (2 и 4%) цѣны; е) налогъ на потребление, на съѣстные припасы (*pro edulibus*); ж) налогъ на промыселъ. Носильщики тяжестей платили $\frac{1}{8}$ часть ежедневнаго заработка, публичныя женщины также вносили известную долю своего дохода въ казну. Всякая дѣвушка, о которой было известно, что она продала свое цѣломудріе или держала публичныхъ женщинъ, облагалась на всю жизнь налогомъ, хотя бы послѣ и перемѣнила образъ занятій; з) налогъ на бракъ; и) налогъ на холостяковъ; i) налогъ на процессы, введенный Калигулою, взимался въ размѣрѣ $\frac{1}{40}$ ($\frac{21}{200}$) стоимости всѣхъ предметовъ, о которыхъ велась тяжба, причемъ деспотъ назначилъ наказаніе для тѣхъ, которые, начавъ тяжбу, прекращали дѣло миромъ или не доводили процесса до конца; к) поземельный налогъ. Въ раннія времена былъ въ провинціяхъ весьма значителенъ и находился въ непосредственной связи съ поголовной податью; л) налогъ на отхожія мѣста, введенный добрымъ Веспасіаномъ. Кромѣ того взималась еще масса мелкихъ нало-

тягости народа: они становились тѣмъ обременительнѣе, чѣмъ чаще дѣлались исключенія, давались льготы и привилегіи. Нерѣдко повышались налоги въ провинціи въ то время, когда благосостояніе тамъ падало, увеличивался размѣръ налога тогда, какъ уменьшались средства для ихъ уплаты. Наконецъ, самый способъ взиманія налоговъ былъ въ высшей степени пагубный. Генеральные откупщики грабили народъ, поглощали больше, чѣмъ шло въ государственную казну. Слѣдуетъ еще упомянуть объ особенныхъ реформахъ по взиманію налоговъ, которыя начались при Діоклетіанѣ и до извѣстной степени были завершены при Константинѣ I. Чувствовалась обременительность налоговъ, а потому старались помочь дѣлу путемъ измѣненія хотя бы формы налога; но подъ видомъ улучшенія податнаго дѣла и болѣе справедливаго распредѣленія податей, на самомъ дѣлѣ, стремились только къ увеличенію ихъ, и тѣмъ самымъ истощали платежныя силы. Раньше часть налоговъ взималась натурой; теперь этотъ способъ взиманія по возможности замѣнялся денежнымъ налогомъ, тремя важнѣйшими формами котораго были: поземельный, промышленный и поголовный. Каждыя 15 лѣтъ составляли новый кадастръ поземельнаго налога, куда входили и рабы и подвластные поселяне со всею домашнимъ скотомъ. Постигали-ли провинціи жестокія опустошенія по вийю людей или по естественнымъ причинамъ, уцѣлѣвшіе жители все-таки должны были вносить въ казну сполна всю сумму, платя и за тѣхъ, которые погибли или бѣжали. Промышленный налогъ, опредѣлялся на 4-хъ-лѣтніе сроки. Поголовная подать взималась съ рабовъ (черезъ ихъ владѣльцевъ) и съ подвластныхъ поселянъ. Призмѣненія практиковались при взиманіи налоговъ всеѣхъ формъ. Во всемъ имѣлось въ виду извлеченіе возможно большаго суммъ, а правильное распредѣленіе было уже на второмъ планѣ.

Полиція. Относительно обыкновенной полиціи особеннаго ничего нельзя сказать. Зато такъ называемая высшая полиція оказывала, во времена имперіи, такое громадное вліяніе на условія народной жизни, что мы должны на этомъ предметѣ нѣсколько остановиться.

Во времена республики политическія дѣла обсуждались публично или на форумѣ—большой площади, или въ сенатѣ. Отсюда вытекало само собою, что граждане свободно и безпрепятственно могли разсуждать между собой о всеѣхъ дѣлахъ, касающихся общественныхъ интересовъ. Это измѣнилось, притомъ не только временно, въ эпоху политическаго кризиса, но навсегда, съ того момента, когда верховныя права народа были переданы монарху. Явилась неограниченная власть, неувѣренная въ себя, а потому недовѣрчивая и подозрительная. Такъ какъ она стояла на развалинахъ вполне сформированныхъ республиканскихъ учреждений, то ей угрожала

говъ и затѣмъ еще тѣ суммы, которыя добывались посредствомъ явныхъ притѣсненій и грабежей, въ особенности же конфискацій при жестокихъ императорахъ, а также насильно вымогаемые подарки при вступленіи на престолъ. Послѣдніе сначала приносились добровольно, а впоследствии стали обязательными.

двойная, даже тройная опасность: со стороны приверженцев республики, со стороны личных врагов и, наконецъ, со стороны честолюбцевъ, которые или сами стремились къ верховной власти, или же боялись за свою собственную жизнь. Всѣ эти условія были въ Римѣ на-лицо и существенно способствовали развитію тираніи вообще, и въ частности организаціи доносчиковъ. Въ обзорѣ исторіи императоровъ мы подробно говорили о системѣ шпіонства и доносовъ и ея ужасныхъ послѣдствіяхъ; теперь прибавимъ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній. Тамъ, гдѣ тайные доносчики выслушиваются или даже награждаются правительственными органами, а тѣмъ болѣе тамъ, гдѣ существуетъ организованное шпіонство—тамъ, наряду съ правильными обвиненіями, возникаютъ и ложныя, безусловно вымышленныя. Вѣдь доставляетъ же многимъ громадное удовольствіе погубить врага исподтишка безъ опасности для себя. Относительно первыхъ временъ имперіи Кассій Діонъ сообщаетъ, что Меленатъ предупредилъ Августа, что разъ во всемъ государствѣ будутъ шпіоны и доносчики, неизбѣжно будутъ и ложные доносы; пусть Августъ не слишкомъ довѣряетъ показаніямъ такихъ личностей—они часто лгутъ изъ низкихъ побужденій.

Человѣческое чувство болѣе всего, конечно, возмущается несправедливыми обвиненіями. Но нерѣдко возмущаютъ не вымышленныя, а справедливыя доносы, именно въ томъ случаѣ, когда правда узнается путемъ притворнаго согласія съ чужимъ мнѣніемъ, или даже притворной дружбы. Чѣмъ безотраднѣе общественныя условія и чѣмъ сильнѣе чувство негодованія въ груди патріота, тѣмъ труднѣе для него всѣ впечатлѣнія таить въ себѣ и притворяться равнодушнымъ къ общественнымъ дѣламъ, а тѣмъ болѣе довольнымъ ихъ ходомъ. Одногo неосторожнаго слова, одного произвольнаго движенія лица бываетъ достаточно для доносчика, намѣтившаго себѣ жертву. Этого мало; общественная порча, заключающаяся въ институтѣ тайныхъ доносчиковъ, приводитъ къ безшабашной дѣятельности агентовъ провокаціи. Эти люди вызываютъ довѣріе къ себѣ смѣлымъ порицаніемъ правителя и этимъ доводятъ неосторожнаго до обнаруженія своихъ затаенныхъ мыслей; послѣдній мнитъ, по словамъ Марціала, что откровенность доносчика—залогъ его надежности и немедленно попадаетъ въ темницу. Дѣти предавали своихъ родителей, жены—мужей, при господствѣ системѣ, которую прославили какъ необходимую для нравственнаго возрожденія Рима.

При такомъ положеніи дѣла всякое разсужденіе о томъ, что для гражданина выше и важнѣе всего, т. е. объ общественномъ благѣ, запрещается и становится невозможнымъ въ интимной, дружеской бесѣдѣ. Марціалъ, по поводу пира, на который онъ пригласилъ шестерыхъ друзей, говоритъ такъ: откровенность изгоняется съ этого пира, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы на другой же день раскаяться. «Мои гости могутъ говорить о циркѣ и мои кубки никого не должны привести на скамью подсудимыхъ». Между тѣмъ это стихотвореніе написано въ царствованіе Нервы, котораго считаютъ хорошимъ императоромъ. Объ Адрианѣ, котораго причисляю къ той же категоріи, извѣстно, что онъ цѣ-

лымъ корпусомъ солдатъ (*frumentarii*) пользовался специально для тайно-полицейскихъ пѣлей и что онъ содержалъ шпионовъ даже въ домахъ своихъ друзей.—Биографъ Александра Севера даже хвалитъ его за то, что онъ чѣзъ довѣренныхъ лицъ собираетъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ всѣхъ людей со значеніемъ, причемъ, конечно, дѣло не обходилось безъ злоупотребленій со стороны алчныхъ шпионовъ. Безъ сомнѣній, вопли вѣрно замѣчаніе Фридендера («*Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine*»), что даже при лучшихъ императорахъ въ Римѣ жило не свободно. Возвеличенное Тацитомъ «счастье, состоящее въ томъ, чтобы думать, что хочешь, и говорить, что думаешь, было, конечно, не только счастьемъ рѣдкихъ временъ (*rara tempora felicitas*), но его и совсѣмъ не было въ императорскомъ Римѣ. Можно себѣ представить, какая давящая духота лежала на Римѣ въ тѣ ужасныя эпохи императорскаго террора, когда не довольствовались привлеченіемъ къ отвѣту за каждое невинное слово, брошенное въ дружеской бесѣдѣ или вырвавшееся неволью за веселой трапезой, но когда искусственнымъ образомъ выпытывались у жертвы ея мысли, за которыя потомъ неосторожно-довѣрчивые платились жизнью. Всякій обмѣнъ мыслей почти прекратился черезъ шпионство и подслушаніе. «Мы, говоритъ Тацитъ, потеряли бы самую память, еслибы въ нашей власти было не только молчать, но и забывать.» Аполлоній Тианскій называетъ Римъ городомъ, наполненнымъ ушами и глазами, видящими все, что есть и чего нѣтъ; тамъ, говоритъ онъ, нельзя и думать о государственныхъ реформахъ, если только не желаешь смерти. Люди осторожныя и разсудительныя не очень прятки даже на то, что дозволено. Такимъ образомъ была отрѣзана даже надежда на переѣмъ къ лучшему.

Теперь обратимся къ общественному устройству. Сословное различіе. Рабы. Практическій умъ римлянъ восторжествовалъ надъ многими предразсудками, но всетаки онъ не могъ подняться до сознанія равенства всѣхъ людей. Поэтому въ римской исторіи мы встрѣчаемъ строго отдѣленія другъ отъ друга сословія, привилегированныя и приниженыя классы—господъ и подвластныхъ. Сперва выступаютъ патриціи и плебеи—контрастъ, который не только выражался въ исключительномъ правѣ первыхъ руководить государственными дѣлами, но и коренился гораздо глубже; наиболѣе рѣзкимъ проявленіемъ этого контраста было запрещеніе браковъ между обоими классами и абсолютное устраненіе плебеевъ отъ жреческихъ должностей. Затѣмъ, когда демократія, путемъ столѣтней борьбы, одержала, наконецъ, побѣду въ этой сферѣ, выступило различіе между гражданами города Рима, а потомъ еще и другое—между италійцами и жителями провинцій. Насколько упорно держались въ то время предразсудки, видно, между прочимъ, изъ того, что еще Антоній упрекалъ Октавіана не за то, что онъ самъ и его отецъ, а что его мать была родомъ не изъ Рима, а изъ латинско-римскаго муниципальнаго города Арици.—Еще большая пропасть была между италійцами и провинціалами. Между послѣдними дѣлалось также значительное различіе; жители запада, испанцы и галлы, ставились выше жителей востока; пѣнили хитрость послѣднихъ,

но презирали ихъ за трусость и коварство. Отъ грековъ шла лѣстница внизъ къ малоазіатцамъ, сирійцамъ, іудеямъ и египтянамъ, которыхъ считали самыми продажными и презирали болѣе всѣхъ другихъ народовъ, хотя вольноотпущенники изъ Греціи и Египта доказали свою способность и даже часто пользовались довѣріемъ римлянъ.

Мы уже видѣли, какъ и эти перегородки пали, частью еще при республикѣ, частью во времена имперіи, и притомъ послѣднія перегородка—вслѣдствіе аличности одного изъ ужаснѣйшихъ деспотовъ, который сравнялъ сословія вовсе не ради свободы, а, напротивъ, ради порабощенія всѣхъ подданныхъ. Но какъ бы то ни было, и это различіе сословій исчезло, по крайней мѣрѣ, юридически; о томъ, какъ это произошло, мы уже сказали выше. Но оставались еще другія различія. Во-первыхъ между римлянами и чужеземцами. «Чужеземецъ» и «врагъ»—эти два понятія обозначались однимъ и тѣмъ же словомъ (*hostis*). Къ тому же первые считались варварами, исключая грековъ, которымъ Римъ обязанъ былъ своею образованностью. Еще при Августѣ говорилось, что народъ римскій долженъ «сохранить свою чистоту и остерегаться всякаго смѣшенія съ чужою и рабскою кровью». Дѣти отъ браковъ римлянъ назывались *hybridae*, словомъ, которое служило для обозначенія потомковъ животныхъ различныхъ видовъ (напр. лошадей и ословъ).

Но гораздо глубже было и оставалось различіе между свободными и рабами. Рабство у римлянъ, какъ и у всѣхъ народовъ древности, было неизлечимымъ, развѣдающимъ недугомъ государства. Оно не разъ распатывало общину въ ея основаніяхъ и нѣсколько разъ приводило ее на край гибели. Несмотря на государственныя и социальныя реформы многихъ вѣковъ, относительно этихъ несчастныхъ никогда не существовало другихъ понятій, кромѣ того, что рабы были необходимы, что они передъ закономъ должны считаться не людьми, не личностями, а вещами, предметами собственности. Эту основную мысль римская юриспруденція разработала всесторонне со свойственными ей остроуміемъ и логическою послѣдовательностью.

Положеніе рабовъ у римлянъ было гораздо хуже, чѣмъ у большинства грековъ, въ особенности у аѳинянъ. Ограниченіе злоупотребленія властью хозяина надъ рабами не шло далѣе общихъ заповѣдей жестоко обращаться съ животными, какія существуютъ въ наше время въ нѣкоторыхъ странахъ. Рабъ не могъ являться въ судъ ни какъ истецъ, ни какъ обвиняемый; для него не допускался и прокураторъ. Только въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ позволялось ему жаловаться на своего господина. Какъ свидѣтель, онъ допускался только тогда, когда не было другихъ средствъ дознанія (L. 7 D. de testibus), но вмѣсто присяги его подвергали пыткамъ (L. 9 D. de quaestionibus)! Рабы не имѣли ни гражданскихъ правъ, ни гражданской жизни (*caput*); они были граждански мертвые, (L. 209 D. de Reg. jur.); это были вещи, годныя для употребленія и пользы людей (т. е. привилегированныхъ). Рабы не могли имѣть собственности, а, слѣдовательно, и получать наслѣдство. Только рабы общенные (*servi publici populi Romani*) были менѣе угнетены,

могли имѣть имущество и половину его передавать по завѣщанію. По первоначальному праву, существовавшему въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, власть господина надъ рабомъ была безграницна: онъ могъ по желанію убить раба. Непомѣрно варварское злоупотребленіе этимъ правомъ вызвало, уже сравнительно въ позднее время, съ возрастающей культурой, нѣкоторыя ограниченія. Въ 737 г. отъ построенія г. Рима (въ 16 г. до нашего лѣтосчисленія) былъ изданъ законъ Пестронія (*lex Petronia*), запрещавшій собственникамъ выпускать рабовъ на бой со звѣрями. Императоръ Адрианъ запретилъ господамъ самимъ убивать рабовъ, постановивъ, что смертный приговоръ надъ ними долженъ быть произносимъ обыкновеннымъ судьей. Антонинъ Добродѣтельный, наконецъ, постановилъ, что хозяинъ, самовольно убившій своего раба, долженъ быть наказанъ такъ-же, какъ за убійство чужого раба; а кто истязалъ своего раба (черезчуръ жестоко), того обязывали продать его (*L. 1 § 2 L. 2 D. de his qui sui vel alieni juris sunt*).

Настоящаго брака не существовало у рабовъ; въ этомъ отношеніи ихъ ставили на одну доску съ животными. На связь раба смотрѣли какъ на совокупленіе животнаго, не придавая этому никакаго юридическаго и нравственнаго значенія. Поэтому, сожителство рабовъ и рабынь назывались не браками (*conjugia*), а *contubernia*: такъ называлось незаконное сожитіе свободныхъ. Само собою разумѣется, что дѣти рабовъ составляли собственность господъ своихъ родителей. Даже рабы, отпущенные на волю законнымъ образомъ и съ согласія властей, получали только обыкновенныя, частныя права: они не могли нести гражданскихъ должностей и военной службы. Невыгода рабскаго происхожденія едва терялась въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи. Августа х в а л я т ь между прочимъ за-то, что онъ ограничилъ возможность отпущка рабовъ на волю (Светоній *in Augusti cap. 37*).

Число рабовъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Ни одно приличное семейство не могло обойтись безъ нихъ. Атеней увѣрялъ, что онъ знаетъ многихъ римлянъ, которые, не ради необходимости, а единственно изъ тщеславія держали до 10,000, и даже до 20,000 этихъ несчастныхъ. Допустимъ, что это преувеличеніе. Но уже во времена Полибия 40,000 (общественныхъ) рабовъ работали въ рудникахъ Картагены, а Тацитъ (*Annal. XIV. 43*) упоминаетъ объ одномъ случаѣ, когда 4,000 рабовъ, находившихся въ одномъ дворцѣ, были казнены за то, что не помѣшались умерщвленію своего господина. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ убивались обыкновенно, безъ различія и дознанія, всѣ рабы, находившіеся въ домѣ во время убійства, и точно также (въ позднѣйшее время) всѣ тѣ, которые, по завѣщанію убитаго, объявлялись свободными! (*Annal. XIII, 32*).

Рабство такъ глубоко вкоренилось, униженіе до того вросло въ жизнь, что выработался даже особый рабскій языкъ (*lingua vernacula*).

Обращеніе старшаго Катона-цензора съ рабами указываетъ на господствовавшія у римлянъ понятія. Плутархъ рассказываетъ, что онъ принуждалъ рабовъ или работать, или спать. Онъ запрещалъ

имъ всякія сношенія съ чужими рабынями, но дозволялъ соитіе съ своими собственными рабами за известную, каждый разъ вносимую, плату. Въ юные годы, когда ему приходилось быть бережливымъ, онъ морить своихъ рабовъ голодомъ; впоследствии, часто угощая своихъ друзей, онъ послѣ каждой трапезы имѣлъ обыкновеніе наказывать ремнями тѣхъ несчастныхъ, которые, во время приготовленій или присутствіанія, что нибудь сдѣлали не такъ. Еще постыднѣе онъ дѣйствовалъ для предупрежденія заговора. Онъ старался постоянно поддерживать между ними споры и раздоры, потому что опасался ихъ единодушія. Онъ ссужалъ ихъ деньгами, для покупки маленькихъ дѣтей, которыхъ содержалъ и воспитывалъ у себя годъ и затѣмъ велѣлъ рабамъ перепродавать ихъ съ барышемъ, который почти весь бралъ себѣ. Нѣкоторыхъ дѣтей онъ оставилъ себѣ, надѣясь ихъ продать потомъ съ большою выгодною.

Страбонъ (Lib. V) повѣствуетъ о ловлѣ людей, точно объ охотѣ на звѣрей: люди, которыхъ ловили на островѣ Корсику и привозили въ Римъ рабами, говоритъ онъ, ни на что не годятся. За то людей, привозимыхъ изъ Сиріи, цѣнили за ихъ выносливость. Въ статьѣ Луккулла, сообщаетъ Плутархъ, можно было купить вола за драхму, а раба за 4 драхмы. Рабовъ употребляли на различныя работы, домашнія и полевыя; были рабы ремесленники и даже художники, архитекторы, музыканты, врачи и пр. Театральный антрепренеръ покупалъ труппу рабовъ, уже умѣвшую играть, или же самъ ее обучивалъ, а то и набиралъ партію бойцовъ. Купецъ ставилъ свой корабль подъ команду раба или отпущенника. Горное дѣло производилось большею частью тѣми же несчастными рабами. Рабы составляли важнѣйшую отрасль торговли. Главнымъ рынкомъ былъ Делосъ; тамъ въ одинъ день высаживалось и продавалось до 10,000 головъ.

Развитіе культуры содѣйствовало эманципации рабовъ. Однако и на вольноотпущенника возлагали болѣе, чѣмъ только долгъ благодарности. По крайней мѣрѣ третья часть имущества, пріобрѣтеннаго трудолюбіемъ и бережливостью, доставалась, при освобожденіи, его бывшему господину, а если отпущенникъ умиралъ безъ дѣтей и завѣщанія, то его бывшій господинъ получалъ все наследство. Многочисленные случаи эманципации, впрочемъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Императоры, болѣе всего опасаясь высшихъ классовъ свободныхъ людей, особенно охотно принимали къ себѣ на службу отпущенниковъ, привыкшихъ къ униженію. Они были самымъ послушнымъ орудіемъ для всякихъ насилій и гнетностей. Всеобщность и продолжительность рабства оказали развращающее вліяніе и на потомковъ гордыхъ, нѣкогда, своею свободою римлянъ. Члены знатнѣйшихъ фамилій ползали передъ ними, хотя презирали ихъ въ душѣ. Высокомѣріе и алчность этихъ отпущенниковъ не имѣли границъ. Они наживали громаднѣйшія состоянія и жили въ невѣроятной роскоши. Во всемъ проявляли они полное отсутствіе чувства законности и нравственнаго сознанія. Констатируя этотъ позорный порядокъ вещей, мы, къ стыду нашему, не можемъ не признать, что, несмотря на христіанство, рабство сохранилось до нашихъ дней и только съ трудомъ вытѣсняется возрастающей культурой. Какъ уже

много разъ было сказано, превосходящее всякую мѣру неравенство имущественнаго положенія гражданъ отразилось особенно пагубно на государствѣ. Въ Римѣ дѣйствительно не было людей средняго состоянія: были или богачи, или бѣдняки. Праздность испортила народъ, легкій способъ наживы посредствомъ грабежа испортилъ богатыхъ. У Плинія мы встрѣчаемъ примѣръ колоссальнаго богатства. Состояніе Цециліи Клавдія Исидора простиралось до 5 милл. руб. наличными деньгами, кромѣ того у него было 4,116 рабовъ, 3,600 паръ быковъ и 257,000 другого скота, и все это уже тогда, когда Исидоръ потерялъ часть своего состоянія въ междоусобныхъ войнахъ. У Красса было земель приблизительно на 14 милл. руб., не считая денегъ, рабовъ и домашней движимости. У Сенеки было свыше 18, а у Лентула около 30 милл. руб. Городъ Никополь, основанный Августомъ въ память побѣды при Акціумѣ, впоследствии сдѣлался собственностью благочестивой Аравы. Сенека гдѣ то замѣчаетъ, что тѣрѣки, которыя нѣкогда раздѣляли враждебные народы, въ его время текли черезъ владѣнія частныхъ лицъ. Какова была роскошь у римскихъ богачей, покажутъ два-три примѣра. Домъ Лукулла былъ такъ устроенъ, что онъ во всякое время, безъ всякихъ приготовленій, могъ задать пиръ, который, по разсчету гостей, стоилъ не менѣе 5,000 руб. Цицеронъ и Помпей, пришедшіе однажды къ нему обѣдать, были угощены широмъ, стоившимъ хозяину 12 тыс. руб.—Дошло до того, что стали обращать вниманіе не столько на вкусъ кушанья, сколько на его высокую цѣну; такъ, напр., угощали гостей пѣвчими птицами и виномъ, съ толченымъ жемчугомъ! Не меньшая роскошь парила въ нарядахъ. Когда одинъ пріятель попросилъ у Лукулла для спектакля 100 дорогихъ платьевъ, послѣдній одолжилъ ему 500. Подобное же безмысленное мотовство находимъ и въ домашней обстановкѣ. Цицеронъ въ этомъ отношеніи отличался особенной пышностью.

Семейная жизнь. У римлянъ, какъ и у грековъ, господствовало единобрачіе. Этимъ устранялись нѣкоторые отвратительныя явленія, которыя мы встрѣчаемъ у восточныхъ народовъ. Вслѣдствіе этого обхожденіе съ женщинами не носило отпечатка восточной грубости. Въ женщинѣ уважалось человѣческое достоинство. Тѣмъ не менѣе, главою въ семьѣ всегда былъ мужъ; женщина никогда не была полною самостоятельна, была ли она замужемъ, или нѣтъ, ей жизнью всегда распоряжались другіе; незамужнія находились подъ опекою (*tutela*) ближайшаго родственника, замужнія—въ зависимости отъ мужа. Мужъ былъ не только главою, но и неограниченнымъ владыкой семьи. Онъ могъ прогнать свою жену, развестись съ ней, тогда какъ жѣнѣ дозволялся разводъ только въ рѣдкихъ случаяхъ. Въ прежнія времена, когда пить вино для женщины считалось зазорнымъ, мужъ имѣлъ право убить жену за нарушеніе обычая. Характеренъ для римскаго народа взглядъ, что дѣвица, находившаяся въ связи съ мужчиною цѣлый годъ, въ силу давностнаго права, дѣлалась его законною женою. Упрямый, разсчетливый и своекорыстный характеръ римлянъ ясно выразился въ этой чертѣ. Въ послѣдней половинѣ римской исторіи бывали случаи, что мужъ уступалъ свою жену другому, но это гнусное явленіе, встрѣчавшееся въ средѣ

знатныхъ людей, скорѣе было слѣдствіемъ безнравственности, глубоко внѣдрившейся въ римское общество той эпохи. Светоній разсказываетъ въ біографіи Тиберія, что отецъ послѣдняго, по настоятельной просьбѣ Августа, уступилъ ему свою беременную жену. Строгий смыслъ стариннаго правоваго понятія о главенствѣ мужа надъ женою, по мѣрѣ смягченія правовъ, подвергся большимъ измѣненіямъ какъ юридически, такъ и практически; этому въ сильной степени способствовало единобрачіе. Большое вліяніе оказывало и то обстоятельство, что въ имущественномъ отношеніи, при вступленіи въ бракъ, все шире стала примѣняться такъ называемая система приданаго. Жена по брачному договору являлась стороною равноправною съ мужемъ. У нѣкоторыхъ замужнихъ женщинъ были свои повѣренныя по ихъ дѣламъ. Жена сохраняла свое состояніе даже въ томъ случаѣ, когда мужъ терялъ или проматывалъ свое, — обстоятельство, которое часто побуждало къ безуспѣшнымъ жалобамъ законодательствъ. Этимъ достаточно ясно обозначается самостоятельное положеніе женщины. Дурнымъ явленіемъ была ранняя выдача дѣвицъ замужъ; онѣ выходили замужъ обыкновенно въ возрастѣ отъ 12—14 лѣтъ. Дѣвушка переходила въ руки мужа какъ бы прямо изъ дѣтской, свои куклы и игрушки она посвящала богамъ, оберегавшимъ ея дѣтство. Она сразу вступала въ водоворотъ жизни, дѣлалась госпожею (*domina*). Высшее умственное развитіе, какъ кажется, было преимуществомъ мужа. Понятно, что ея образованіе не могло стоять высоко. Развратъ мужчинъ во времена упадка нравовъ вліялъ и на женщинъ. Невѣжество поддерживало всякаго рода суевѣрія, и потому-то мистическіе, мрачные, безнравственные культы востока находили сильнѣйшую опору въ лицѣ римскихъ женщинъ; въ особенности, египетское служеніе Изидѣ. Впослѣдствіи онѣ особенно охотно принимали христіанство. Духовенство всѣхъ вѣроученій старалось утвердить свое могущество путемъ вліянія на необразованныхъ женщинъ.

Но римская исторія, подобно эллинской, знаетъ также рядъ благороднѣйшихъ женщинъ, выдающихся по уму, знанію и въ особенности, по характеру. Намъ незначѣмъ обращаться къ мнѣческому образу Лукреніи, хотя и рисующему народныя воззрѣнія. Мы уже въ очеркѣ политической исторіи назвали Корнелію, мать Гракховъ. Даже въ то время, когда древній римскій духъ угасъ въ мужчинахъ, онъ блистательно проявлялся въ нѣкоторыхъ женщинахъ. Назовемъ Аррію старшую, которая послѣ многихъ другихъ проявленной необыкновенной силы души, вознивъ себя въ сердце кинжалъ — подала его колеблющемуся мужу со словами: «Петъ! не больно!» Ея дочь, также носившая имя Арріи, хотѣла, по примѣру матери, раздѣлить участь своего мужа Тразевъ; только съ трудомъ удержали ее отъ этого, чтобы не отнять у ея дочери единственную опору. Эта дочь, по имени Фаннія, не только дважды послѣдовала за своимъ мужемъ Гельвидіемъ Прискомъ въ ссылку, но; послѣ его казни, подвергла опасности свою жизнь, давъ, для возстановленія его чести, широкое распространеніе одному сочиненію. Ея наградою за это были конфискація имущества и вторичное изгнаніе; все это характеризуетъ, съ одной стороны, тогдашнія условія, гдѣ личность не была ограждена,

а съ другой, какъ бы наследственный героизмъ женщинъ въ нѣкоторыхъ римскихъ фамиліяхъ на протяженіи нѣсколькихъ поколѣній. Но не только въ Римѣ, и въ провинціяхъ были превосходныя женщины. Укажемъ хотя бы на столько же ученую, сколько благородную Гипатію александрійскую.

Родительская власть надъ дѣтьми принадлежала только отцу; мать не имѣла ея, но это не исключало ея сильнаго вліянія на воспитаніе дѣтей. Вначалѣ эта отцовская власть была безгранична; потомъ возрастающая культура поставила ей нѣкоторые предѣлы. Отецъ могъ подкинуть своего новорожденного ребенка, и это варварское право такъ глубоко вкоренилось въ римскихъ нравахъ, что впоследствии нужна была угроза смертной казни, чтобы искоренить его. Затѣмъ отецъ могъ отнять у сыновей все ихъ состояніе, ибо все, приобретенное ими самими, принадлежало ему. Въ одномъ случаѣ онъ имѣлъ надъ дѣтьми даже больше правъ, чѣмъ надъ своими рабами. Отпущенный на волю рабъ оставался навсегда свободнымъ; сына же отецъ могъ трижды продавать, такъ какъ отпущенный на волю возвращался трижды подъ отцовскую власть. Старые историки рассказываютъ какъ о геройскомъ подвигѣ про отца, который заколотилъ до смерти своего сына за то, что тотъ, будучи консуломъ, дурно исполнялъ свою должность. Отецъ могъ также свою замужнюю дочь принудить бросить своего мужа даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ далъ согласіе на этотъ бракъ (*L. 5 D. de repudiis et indicio de moribus sublato*). При всемъ томъ, не надо забывать, что въ Римѣ какъ дѣти такъ и женщины юридически во все времена признавались лично стями, а не рабами и не вещами. А свободный человекъ—это слѣдуетъ помнить—не могъ подвергаться пыткамъ.

Способы приобретенія. Цицеронъ, безъ сомнѣнія, выразилъ господствовавшій у римлянъ взглядъ, когда, въ концѣ своего разсужденія о занятіяхъ римскаго гражданина, призналъ только земледѣліе трудомъ, достойнымъ свободного человека.

Въ старину всякій здоровый гражданинъ занимался земледѣліемъ и старался жить трудами рукъ своихъ. Воинъ, побѣдоносно носившій римское оружіе во всѣ части извѣстнаго тогда міра, былъ земледѣлецъ; солдатомъ онъ былъ только между прочимъ—и изъ войны не дѣлалъ себѣ ремесла. Знатнѣйшіе роды гордились своими именами, унаслѣдованными ими отъ ихъ предковъ—хлѣбопашцевъ (*Fabii, Lentuli, Cicerones* и проч.) Изъ непріятельскихъ странъ римляне приносили множество иноземныхъ растений въ Италію и тщательно культивировали ихъ у себя. Уже Колумелла говоритъ съ похвалой, что Италія, благодаря трудолюбію ея садоводовъ, въ состояніи производить плоды почти всего міра. Иноземныя растения пересаживались не только на итальянскій полуостровъ: болѣе полезныя изъ нихъ, вывезенныя изъ Азіи и Египта, сажали также и на поляхъ Галліи, Испаніи и на берегахъ Рейна. Это былъ вообще шагъ впередъ въ человѣческой культурѣ.

Но могущество Рима, покорившаго столько народовъ, постепенно измѣнило положеніе земледѣльцевъ, и это, въ свою очередь, дурно повліяло на состояніе самого земледѣлія. Римскіе вельможи

очень скоро убѣдились въ томъ, что жить доходомъ отъ грабежа и поборовъ со всѣхъ провинцій и частей свѣта куда пріятнѣе и удобнѣе, чѣмъ самимъ пахать землю. Вслѣдствіе этого занятіе сельскимъ хозяйствомъ, съ теченіемъ времени, отошло исключительно къ рабамъ; благородный землевладѣлецъ считалъ несомвѣстнымъ со своимъ достоинствомъ даже управлять своимъ имѣніемъ. Такимъ образомъ, значеніе земледѣлія упало, и тотъ самый городъ, который нѣкогда (положимъ, это только преданіе) знаменитѣйшихъ мужей своихъ отрывалъ отъ плуга и давалъ имъ высшія должности (напр. Цинциннату), теперь каждый разъ подвергался опасности голода, какъ только происходила остановка въ доставкѣ хлѣба изъ дальнихъ провинцій. Самымъ опаснымъ врагомъ считался тотъ, который могъ отрѣзать провозъ провіанта въ Римъ.

Земледѣліе падало и въ завоеванныхъ странахъ, и вообще во всѣхъ провинціяхъ, и въ этомъ были виноваты главнымъ образомъ мѣстные условія жизни. Такъ, мы уже видѣли, что римляне, завоевавъ страну, часто брали себѣ всю ея земельную собственность. Правда, не вся земля обращалась въ *ager publicus*, но та часть ея, которая оставлялась или возвращалась туземцамъ, облагалась высокими податями: несчастные должны были отдавать ежегодно десятую, а то и пятую часть всего урожая. Римскіе вельможи владѣли цѣлыми княжествами. Отсюда, какъ уже сказано, образовались столь гибельныя *латифундіи*.

Многое другое еще ухудшало положеніе дѣлъ. При императорахъ, правившихъ съ алчностью и произволомъ, мелкимъ землевладѣльцамъ часто приходилось или совсемъ бросать свои имѣнія, дабы избавиться отъ тяжелыхъ налоговъ, или же—обращать ихъ въ нѣкоторый родъ ленныхъ владѣній, чтобы тѣмъ самымъ обезпечить себѣ покровительство сильнаго. Во времена Коммода въ Африкѣ нерѣдко появлялись въ открытыя селенія львы. Ихъ шадли ради забавы императора: несчастный поселянинъ, который убивалъ звѣря, хотя бы при самозащитѣ, подвергался тяжелому наказанію. И это не было однимъ изъ тѣхъ многихъ деспотическихъ распоряженій, которыя отдавались тираномъ въ дурномъ расположеніи духа и съ нимъ вмѣстѣ исчезали. Этотъ законъ былъ смягченъ только спустя нѣсколько столѣтій, при императорѣ Гоноріѣ, а совершенно отмѣненъ только при Юстиніанѣ.

Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ условій было то, что огромныя пространства въ плодороднѣйшихъ провинціяхъ оставались необработанными и превратились въ пустыни. За трехлѣтнее управленіе Г. Верреса Сициліей число землевладѣльцевъ упало: въ Леонтинахъ съ 84 на 32,—въ Мотинѣ съ 187 на 86,—въ Гербитѣ съ 252 на 120 и въ Агиріонѣ съ 250 на 80; такимъ образомъ, въ четырехъ наиплодороднѣйшихъ округахъ Сициліи—59% собственниковъ предпочли лучше забросить свою землю, чѣмъ подвергнуть себя почти вѣрной опасности потерять свой урожай, т. е. быть ограбленными. Въ плодородной Кампаніи, бывшемъ театрѣ побѣдъ римлянъ, а впоследствии дачномъ мѣстѣ столичныхъ гражданъ, такъ удачно расположенномъ между моремъ и Апеннинами, пришлось (черезъ два

мѣсяца по смерти Θεодосія) освободить отъ поземельнаго налога (послѣ предварительнаго кадастра) 528,042 югера пустопорожной, заброшенной земли, что составляетъ пространство приблизительно въ 32 кв. геогр. милл, или восьмую часть всей провинціи. «Такъ какъ варвары въ то время еще не совершали своихъ опустошительныхъ набѣговъ на Итацію, говоритъ Гиббонъ, то причину этого изумительнаго запустѣнія, о которомъ мы узнаемъ изъ самихъ законовъ, надо искать исключительно въ дурномъ государственномъ хозяйствѣ римскихъ императоровъ.»

Ремесла во все время презирались римлянамъ. Цицеронъ называетъ ремесло—болѣе легкимъ рабствомъ, а мелочную торговлю—непрерывною практикой въ обвѣшиваніи, обмѣриваніи и надувательствѣ. Только крупныя коммерческія предприятия признаетъ онъ не безусловно предосудительными. Кто занимался ремесломъ, тотъ (по Діонисію Галикарнасскому, книги 2 и 9) не признавался гражданиномъ: онъ, какъ и вообще всякій, получавшій плату за работу, не могъ быть избираемъ на общественныя должности. Если отецъ былъ ремесленникъ, то это ложилось пятномъ на его сыновей. А такъ какъ земельная собственность сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ, то масса предпочитала не заниматься промыслами, а предаваться абсолютной праздности. Тѣ ремесла, безъ которыхъ нельзя было обойтись, поручались или рабамъ, которымъ нечего было терять, или же отпущенникамъ, которые и безъ того не пользовались ни политическими правами, ни уваженіемъ общества. Черезъ это не только личное положеніе ремесленниковъ становилось бѣдственнымъ и презрѣннымъ, но и тормозилось развитіе ремеселъ. Какъ ни утончилась жизнь высшихъ классовъ, римлянамъ всетаки не доставало множества такихъ жизненныхъ удобствъ, которыя теперь доступны рѣшительно всемъ. «Древніе, говоритъ Гиббонъ, не знали многихъ удобствъ, которыя изобрѣтены или усовершенствованы позднѣйшими успѣхами техники; дешевизна стекла и полотна (привавимъ отъ себя—и мыла!) принесла въ этомъ отношеніи больше пользы позднѣйшимъ народамъ Европы, чѣмъ все утонченности роскошной и чувственной жизни римскихъ сенаторовъ. Ученый Арбутнотъ едѣлъ шутивное, но вѣрное замѣчаніе, что императоръ Августъ не имѣлъ ни стекла въ окнахъ, ни рубашки на тѣлѣ.» Когда императоръ Авреліанъ заказалъ себѣ окна со стеклами, то въ этомъ видѣли тогда явный признакъ роскоши и великолѣпія. (Какъ много времени нужно было, чтобы даже извѣстныя изобрѣтенія стали входить во всеобщее употребленіе!)—Въ великолѣпныхъ комнатахъ многопрославленнаго дворца императора Діоклетіана въ Салонѣ не было даже оконъ. Свѣтъ падалъ сверху; зданія были исключительно одноэтажныя.

Право составлять общества, которымъ обусловлено развитіе добровольныхъ ассоціаций, существовало въ эпоху республики, но исчезло при императорахъ, какъ политически опасное; его боялись даже лучшіе императоры. Такъ, Траянъ не только упорно запрещалъ гетеріи и большія собранія, но даже воспретилъ жителямъ провинціи Виенни приглашать на свадьбу, согласно ихъ обы-

чаю, своихъ согражданъ, такъ какъ это походило на собраніе народной толпы (Плиніи). Другъ Траяна, Плиніи Младшій, бывшій въ то время правителемъ Виенны, просилъ его о дозволеніи учредить въ городѣ Никомедіи плотничью артель, числомъ не болѣе 150 человекъ, на предметъ помощи при пожарахъ. Предусмотрительный администраторъ обещалъ наблюдать за тѣмъ, чтобы въ основываемое общество принимались исключительно плотники, и чтобы оно не преслѣдовало какихъ либо «иныхъ цѣлей.» Но Траянъ не уступилъ; онъ находилъ, что подобныя общества слишкомъ ужъ часто волновали страну, и какія бы цѣли и названія не давались товариществу, оно всегда легко можетъ сдѣлаться опаснымъ союзомъ. Подозрительный властелинъ приказалъ ограничиться пріобрѣтеніемъ нужныхъ пожарныхъ приспособленій и—предложеніемъ домовладѣльцамъ, въ случаѣ необходимости, тушить огонь при содѣйствіи всего народа. (Плиніи 10, 42) Изъ пандектовъ видно, что съ членами общества, не разрѣшеннаго правительствомъ, обращались такъ, какъ будто они съ оружіемъ въ рукъ завладѣли храмомъ или другимъ общественнымъ зданіемъ. Надо думать, что отвѣчка отъ ассоціацій должна была отразиться и на хозяйственномъ бытѣ. Въ общемъ, получилъ уже сильное развитіе принципъ опеки, въ особенности надъ общинами. Отъ Плинія мы узнаемъ, что при Траянѣ городскія общины, (безъ особаго разрѣшенія императора, не могли возводить на свой счетъ дорогихъ зданій. Опеканіе городскихъ общинъ, особенно укоренившееся во Франціи и оттуда перенесенное въ Германію, беретъ свое начало въ римской имперіи.

Торговля была почти въ такомъ же презрѣніи, какъ и ремесла. Хотя, какъ тутъ, такъ и тамъ, погоня за дѣливой побуждала тайно обходить законъ и народныя предразсудки (при помощи подставныхъ именъ и лицъ), но при подобныхъ условіяхъ торговля, естественно, не могла подняться на особую высоту.

Самою важною отраслю торговли была торговля рабами. Зато законодательство и народныя предразсудки тормозили здоровую торговлю. Дабы прекратить ростовщичество, было запрещено (въ 411 году отъ основанія Рима) давать деньги въ ссуду подъ проценты. Вслѣдствіе этой мѣры была отнута возможность имѣть капиталы въ постоянномъ оборотѣ, и торговля лишилась одного изъ необходимѣйшихъ рычаговъ. Въ то время небыло гостинницъ, а позднѣе, когда онѣ появились, считалось позорнымъ посѣщать ихъ, такъ какъ гостинницы были притонами разврата. *)

*) Вотъ нѣсколько свидѣтельствъ того времени: Теофрастъ (Charact. cap. VI), характеризую безстыднаго и сумасброднаго человека, приводитъ, между прочимъ, и такую его черту: «Онъ въ состояніи даже завести гостинницу».—Еще сильнѣе выражается моралистъ Исократъ (Aeopar.): «даже маломальски порядочный рабъ, утверждаетъ онъ, не пойдетъ въ гостинницу». Атений (lib XIII) говоритъ, что члены ареопага не терпѣли въ своей средѣ товарища, хотя бы одинъ разъ побывавшаго въ гостинницѣ. Вообще гостинница, по выраженію Казобона, была равнозначуща съ lenonis aut meretricis domus.

По римскому праву, репутація трактирщика приравнивалась къ репутаціи сводни. Судь смотрѣлъ на жену трактирщика какъ на публичную женщину, почему законы и постановленія касательно нарушенія супружеской

Публичныя зрѣлища. Мы не разъ указывали на страшно развращающее вліяніе публичныхъ зрѣлищъ въ Римѣ. Такъ какъ вліяніе этихъ зрѣлищъ на всю жизнь народа было огромно, то необходимо, для характеристики быта, войти въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ подробностей.^{*)} Публичныя зрѣлища въ Римѣ первоначально носили большею частью характеръ религиозный. Онѣ утратили этотъ характеръ уже во времена республики, когда честолюбивые люди, пресѣдовавшіе своекорыстныя цѣли, вмѣсто общественной блага, усмотрѣли въ нихъ вѣрнѣйшее средство для пріобрѣтенія народныхъ симпатій. Но болѣе всего пользовались этими зрѣлищами императоры, которые, желая поддерживать хорошее настроеніе въ народѣ, не жалѣли для этой цѣли ни денежныхъ, ни человеческихъ жертвъ. Уже объ эпохѣ Августа разсказываютъ, что, когда этотъ императоръ сдѣлалъ выговоръ пантому Пилладу за его постоянное соперничество съ однимъ изъ товарищей по искусству, то получилъ слѣдующій знаменательный отвѣтъ: «Въ твоемъ же интересѣ, Цезарь, чтобы народъ занимался нами.» Въ самомъ дѣлѣ, игры эти помогали величайшимъ извергамъ на престолѣ пріобрѣтать благоволеніе толпы. Послѣ хлѣба неизбѣжною потребностью стали зрѣлища. Хорошіе и дурные императоры старались превзойти другъ друга въ этомъ отношеніи. Скуиой Веспасіанъ построилъ величайшій въ мірѣ амфитеатръ; Траянъ также положилъ много труда на удовлетвореніе народной страсти къ зрѣлищамъ. Одинъ Маркъ Аврелій составлялъ похвальное исключеніе, хотя и не могъ бороться непосредственно съ этимъ общественнымъ зломъ. Политическія собранія народа прекратились, ихъ мѣсто заняли общественныя увеселенія: римляне ничего не имѣли противъ такой замѣны. Но самимъ властителямъ пришлось теперь выслушивать не только народныя желанія, но, иной разъ, и насмѣшки.

Расходы на зрѣлища (куда зрители являлись въ праздничномъ одѣяніи) принимали чудовищные размѣры. Но не одинъ только Римъ, каждый провинціальный городъ нуждался въ публичныхъ представленіяхъ. Уже въ самомъ началѣ императорскаго періода, издержки по устройству трехдневнаго гладиаторскаго боя въ одномъ итальянскомъ городѣ возросли до 400,000 сестерціевъ.

вѣрности къ ней не примѣнялись. Далѣе, содержатели трактировъ не допускались на военную службу. Ихъ изображаютъ вообще испорченными обманщиками, подлыми и гнусными людьми; до конца республики ни одинъ римлянинъ, бывшій на порядочность, не посѣщалъ дома трактирщика. — При императорѣ Александрѣ Северѣ христіане какъ то сняли помѣщеніе для своихъ собраний. Вслѣдъ за тѣмъ, на то же помѣщеніе предъявили притязаніе трактирщики (porinari), но императоръ положилъ такую резолюцію: пусть мѣсто это останется за христіанами; какому бы мерзкому суевѣрью они не предавались, оно всетаки не такъ скверно, какъ если бы тамъ стали хозяйничать porinari.

^{*)} Фридлиндеръ (Friedländer) «Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine» даетъ обстоятельное и ясное изображеніе этого быта, и мы будемъ имъ руководствоваться во всемъ существующемъ. Соч. Гуля и Конера (Guhl и Koper) «Жизнь грековъ и римлянъ» содержитъ, кромѣ текста, много иллюстрацій

въ честь которыхъ были учреждены игры въ циркахъ. Даже христiане, несмотря на внушенiя своихъ священниковъ, продолжали посѣщать зрѣлища. Они возражали, что нельзя пренебрегать тѣми увеселенiями, которыя ниспосланы милостью Божией. Ссылались даже на Св. Писанiе, говорили, что Илья побѣхалъ на небо на колесницѣ, а потому и искусство править колесницей не можетъ быть грѣшнымъ! (Фридендеръ).*) Въ сильнѣйшей степени кипѣла борьба партiй въ Константинополѣ. Здѣсь она обратилась въ родъ безумiя, принявшаго характеръ нескончаемой эпидемiи. Приверженцы голубыхъ и зеленыхъ давали въ циркѣ кровавыя сраженiя; говорятъ, что въ одномъ случаѣ погибли 30,000 человекъ.

Другимъ мѣстомъ общественныхъ игръ, игръ другого рода, служилъ амфитеатръ, арена. Это было великолѣпное зданiе, покоившееся на 80 аркахъ; для защиты отъ солнечныхъ лучей оно перекрывалось наметомъ. Амфитеатръ вмѣщалъ 87,000 зрителей. Здѣсь выступали гладиаторы, происходила травля звѣрей, представлялись морскiя сраженiя; здѣсь народъ систематически приучался къ жестокости и варварству. Гладиаторы, какъ было упомянуто выше, были: осужденные на смерть преступники, военно-плѣнные, невольники, а также люди, специально намербованные въ гладиаторы. Хотя положенiе гладиатора было и опасно и унижительно, но въ перiодъ императоровъ всегда можно было найти массу людей, готовыхъ продать себя для этого ремесла. Это объясняется тѣмъ, что, помимо равнодушiя къ жизни, въ тѣ страшныя времена этихъ людей привлекали: долговременная праздность, продовольствiе, разсчитанное на развитие мускуловъ,**) пышная обстановка боя и тотъ всеобщiй интересъ, который возбуждалъ всякiй ловкiй борецъ. Гладиаторы подготовлялись въ спеціальныхъ школахъ. Черезъ 3 года они освобождались отъ арены, а по прошествiи 5-ти лѣтъ могли получить полную свободу. Послѣ каждаго удачнаго похода сотни военно-плѣнныхъ отдавались въ школы борцовъ. Амфитеатръ представлялъ удобнѣйшiй случай, чтобы избавиться отъ нихъ. Христiанское благочестiе не помѣшало Константину поступить въ этомъ отношенiи не лучше самыхъ закоснѣлыхъ язычниковъ. Побѣжденные бруктеры были «признаны негодными къ военной службѣ по своему вѣроломству (т. е. нежеланiю подчиниться римскому игу), а также неспособными слу-

*) Интересно взглянуть теперь на то мѣсто, гдѣ когда то происходили эти грандиозныя народныя развлеченiя. Вотъ что говоритъ объ этомъ Фридендеръ: Долина между Авентинскимъ и Палатинскимъ холмами, прежде такая роскошная, полная шумной жизни, принадлежитъ теперь къ числу самыхъ тихихъ, пустынныхъ и уединенныхъ мѣстъ стараго Рима. На Палатинѣ возвышаются обширныя развалины императорскихъ дворцовъ на Авентинѣ, среди виноградниковъ и садовъ, ютятся нѣсколько церквей и монастырей. Горы мусора, обломки великолѣпныхъ храмовъ и дворцовъ, обрушились на склоны Авентина и въ его долину. По срединѣ этой печальной пустыни лежитъ бѣдное, жалкое, даже неогороженное мѣсто успокоенiя—сверейское кладбище. У подошвы долины протекаетъ ручей Маррана, на обоихъ берегахъ котораго шумитъ и шепчетъ непроходимый лѣсъ римскаго тростника, далеко превышающiй человѣческой ростъ.

**) «Они пьютъ и ѣдятъ то, что должны потомъ отдать въ видѣ крови», говоритъ Сенека.

жить невольниками, по причинѣ своей дикости»; они были брошены на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, которыхъ даже утомили своею многочисленностью. Послѣ, императора хвалили за такое массовое истребленіе враговъ для народной забавы; какой триумфъ могъ быть лучше?

Не вѣрится, а между тѣмъ фактъ, что многіе изъ предназначенныхъ для арены просто не могли дождаться своего перваго выхода, или же были недовольны тѣмъ, что выступали рѣдко. «Сколько хорошихъ лѣтъ пропадаетъ даромъ!» слышалъ Сенека жалобу Мурмиллона, одного изъ этихъ несчастныхъ. Многіе питали полнѣйшее презрѣніе къ смерти. По отношенію къ своимъ содержателямъ они проявляли самую стойкую привязанность. Но рѣдко у этихъ несчастныхъ пробуждалось сознание своего жалкаго положенія и толкало ихъ къ самоубійству. Принимались все мѣры для предупрежденія такихъ случаевъ, но отчаяніе дѣлало этихъ людей изобрѣтательными и настойчивыми. Сенека рассказываетъ, какъ одинъ гладиаторъ, предназначенный для боя со звѣрями, притворился спящимъ въ то время, какъ его везли въ тѣлѣгѣ на арену, въ сопровожденіи двухъ солдатъ: вдругъ онъ ловко просунулъ голову между спицами колеса, и ему проломилъ затылокъ. Горсть тѣхъ отважныхъ саксонцевъ, которые на маленькихъ судахъ проникли изъ Сѣвернаго моря въ Океанъ и опустошили Галлію, попала въ власть римлянъ: ихъ рѣшено было принести въ жертву на играхъ, устроенныхъ Симахомъ. Возмущенные плѣнники рѣшили покончить съ собой. Но такъ какъ у нихъ отобрано было оружіе, то 29 человекъ задушили другъ друга руками. Римляне возмущались этимъ мужественнымъ поступкомъ, бранили «преступныя руки этого отчаяннаго народа!»

Когда въ единоборствѣ одинъ изъ борцовъ одолевалъ другого, и послѣдній, живой, находился во власти своего побѣдителя, устроитель праздника обыкновенно предоставлялъ усмотрѣнію зрителей, прикончить ли побѣжденнаго, или оставить его въ живыхъ. Преслѣпіе пощадъ поднимали палецъ. Маханіе платками было знакомъ помилванія, скатіе большого пальца означало смерть. Многіе гладиаторы не просили пощадъ, зная, что недостатокъ мужества раздражаетъ толпу. Эти звѣски оскорблялись, когда гладиаторъ умиралъ неохотно. Медлительныхъ и боязливыхъ гнали на бой и на смерть не только бичемъ, но и раскаленнымъ желѣзомъ. Изъ рядовъ разъяренныхъ зрителей часто раздавались такіе крики: «Бей его, жги, убей! Что это онъ такъ трусливо падаетъ на мечъ? Почему тотъ такъ несмѣло наноситъ смертельный ударъ? Почему тотъ такъ сердито умираетъ?»—Весьма часто противъ побѣдителя, тутъ же, по жребію, выставлялся новый противникъ. Убитыхъ убирали съ арены люди въ маскѣ подземнаго бога; другіе, въ маскѣ этрускаго демона Харона, помощью раскаленнаго желѣза удостовѣрялись, не притворяются ли подлые мертвыми! Трупы выносили на заранѣ приготовленныхъ носилкахъ чрезъ «ворота богини смерти» въ мертвецкую, гдѣ немедленно приканчивали тѣхъ, въ которыхъ замѣчались признаки жизни!—Особымъ родомъ развлеченія въ аренѣ были звѣрскія травля и. Первая извѣстная намъ травля звѣрей была въ 186 году до начала нашего лѣтосчисленія, т. е. лѣтъ 80 спустя по возникно-

веніи гладиаторскихъ боевъ. Какъ существовали особыя фамиліи борцовъ, такъ были фамиліи звѣриныхъ бойцовъ; послѣдніе также имѣли свои спеціальныя школы. Огромнаго труда и крупныхъ издержекъ стоила доставка рѣдкихъ экземпляровъ звѣрей изъ отдаленнѣйшихъ странъ въ Римъ. На играхъ, устроенныхъ Помпеемъ, было 18 слоновъ, 500—600 львовъ и 410 другихъ африканскихъ звѣрей; на убеселеніяхъ, данныхъ Цезаремъ, было 400 львовъ и 40 слоновъ. На стодневномъ праздникѣ освященія амфитеатра Флавія при Титѣ, въ 80 г., было убито 9,000 звѣрей, а на второмъ триумфѣ Траяна надъ даками—даже 11,000. Едва ли не лишнее будетъ упомянуть, что бывали и медвѣжьи бои, и что туземные ессалійскіе бои быковъ были также перенесены въ Римъ.

Кромѣ обычныхъ боевъ со звѣрями, на аренѣ совершались казни и въ другой формѣ. Осужденныхъ на смерть привязывали къ столбамъ и, совершенно безоружныхъ, или же для продленія мученій, снабженныхъ плохимъ оружіемъ,—отдавали на растерзаніе звѣрямъ, въ которыхъ предварительно возбуждали жадность къ человѣческому мясу. Императоръ Максиминъ велѣлъ зашивать плѣнныхъ въ шкуры убитыхъ звѣрей, а другихъ убивать булавами. Несчастные, съ растерзаньями членами, облитые кровью, молили не о помилованіи, а только объ отсрочкѣ предсмертныхъ мукъ до слѣдующаго дня, а въ это время обступали ихъ пытливые врачи и черезъ открытыя раны изучали внутренность человѣческаго тѣла. Въ исторіи не было такого способа замучиванія до смерти, который бы не служилъ римлянамъ театральной забавой. Мушій Сцевола долженъ былъ на жертвенникѣ сжечь свою руку. Разбойникъ Лавреолъ, распятый на крестѣ, былъ растерзанъ звѣрями; очевидецъ рассказываетъ, какъ его члены падали кусками, и тѣло обратилось въ безформенную массу. Одинъ осужденный явился въ золототканномъ пурпуровомъ плащѣ и въ золотой коронѣ; внезапно онъ былъ охваченъ пламенемъ и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Все это относилось къ тому же «нравственному возрожденію!»

Варварскія игры повѣстались всюду, куда только имъ заносили римляне свою культуру. Отъ Иерусалима до Севиллы, отъ Англии до Сибирской Сибири не было ни одного, сколько нибудь значительнаго городка, на аренѣ котораго, изъ года въ годъ, не проливалась бы кровь многочисленныхъ жертвъ. Изъ римскихъ писателей только одинъ Сенека не скрывалъ своего глубокаго возмущенія по поводу этихъ жестокостей; да и то лишь въ поздніе годы, по поводу одного особенно возмутительнаго случая.—Изъ всѣхъ римскихъ провинцій одна Греція долго противилась зрѣлищамъ арены. Когда и здѣсь заговорили объ этомъ развлеченіи, философъ Демонаксъ воскликнулъ: сначала опрокиньте алтарь, посвященный богинѣ милосердія! Только постепенно эллинское населеніе стало входить во вкусъ этихъ варварскихъ удовольствій.

Третьимъ мѣстомъ развлеченій были театры. Спектакли давались часто. Но такъ какъ они требовали гораздо меньшихъ издержекъ, нежели другія зрѣлища и, кромѣ того, давали только фиктивные, а не дѣйствительныя кровопролитія, то спектакли мало воз-

буждали притупленные нервы римлянъ: для этого требовалось безнравственное раздраженіе чувственности. Всѣ три театра, построенные въ самомъ началѣ императорскаго періода, не вмѣщали въ себѣ столько зрителей, сколько могъ вмѣстить одинъ амфитеатръ. Содержаніе пьесъ было, большею частью, грубое, пошло-комическое. Давались также пантомимы, съ пѣніемъ и танцами. Господствовала крайняя непристойность. Трагедія привлекала только немногихъ людей, образованныхъ. Сословіе актеровъ считалось безпутнымъ; исполнители большею частью были рабы и отпущенники; за дурное исполненіе ролей ихъ наказывали плетью. Конечно, знаменитые артисты занимали совершенно другое положеніе: ихъ осыпали отличіями и почестями, а при такихъ императорахъ, которые считали себя артистами (какъ напр. Неронъ) они нерѣдко оказывали сильное вліяніе на государственныя дѣла, и даже злоупотребляли своимъ положеніемъ. Даже въ царствованіе Траяна, Ювеналъ подвергаетъ ссылкѣ за одно мѣсто въ своихъ сатирахъ, гдѣ онъ замѣтилъ, что, для полученія мѣста или должности въ войскѣ, гораздо важнѣе заручиться покровительствомъ танцовщика, нежели всѣхъ вельможъ имперіи. Это былъ намекъ на одного пантомима.

Какъ четвертое мѣсто увеселеній назовемъ стадій, гдѣ происходили игры атлетовъ и музыкальныя состязанія. Но римляне, привыкшіе къ ужасной дѣйствительности гладиаторскихъ боевъ, находили мало удовольствія въ гимнастическихъ состязаніяхъ. Даже самъ Цицеронъ писалъ своему другу: «тебѣ, вѣроятно, не понравятся атлеты, такъ какъ ты пренебрегаешь даже гладиаторами».— Дѣло измѣнилось послѣ того, какъ Неронъ пытался пересадить эллинизмъ на римскую почву. Въ подражаніе олимпійскимъ играмъ, этотъ императоръ ввелъ нероновскія игры (неронеи): состязаніе въ ристаніи колесницъ, въ гимнастикѣ, пѣніи, музыкѣ, поэзій и краснорѣчій. Еще большее значеніе имѣли учрежденные Домиціаномъ капитолійскіе агоны (состязанія въ борьбѣ). Но, въ общемъ, римляне сохраняли невысокое мнѣніе объ атлетахъ: это были дѣйствительно люди, совершенно необразованные, главная забота которыхъ была направлена исключительно на развитіе мускульной силы. Весь крутоторотъ ихъ жизни, говоритъ Галенъ, ничто иное, какъ ѣда, питье, сонъ, испраженіе и валяніе въ пыли и грязи.

Если, въ заключеніе, мы сравнимъ игры грековъ и римлянъ, то увидимъ между ними огромную разницу и ни минуты не будемъ сомнѣваться насчетъ самаго характера вліянія игръ на тотъ и другой народъ. Общественныя игры эллиновъ должны были оказывать сильное вліяніе на духовное и физическое развитіе народа; игры римлянъ могли развивать отвагу и храбрость, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ притупляли и убивали въ человѣкѣ всякое благородное, гуманное чувство; мало того, онѣ внушали народу жестокость и варварство, и тѣмъ самымъ развращали всю націю. Если бы народъ не присмотрѣлся къ тѣмъ жестокостямъ, которые совершались на аренѣ, то не были бы возможны жестокости, характеризующія весь императорскій періодъ, или, по крайней мѣрѣ, онѣ не совершались бы

въ такихъ широкихъ размѣрахъ.—Римскими зрѣлищами объясняется многое, и весьма существенное, въ исторіи Рима.

Роскошь. Здѣсь будетъ мѣсто привести нѣсколько замѣчаній о римской роскоши позднѣйшаго времени. По общему представленію, она была безмѣрна и безправедна: немногіе новѣйшіе историки (напр. Людвигъ Фридендеръ) пытались опровергнуть это мнѣніе.

Во всякомъ случаѣ, врядь ли можно сомнѣваться въ томъ, что роскошь у новыхъ народовъ, во многихъ отношеніяхъ, далеко превышаетъ римскую роскошь. Но это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія: для правильной оцѣнки необходимо принять во вниманіе, что тогдашняя роскошь, по тѣмъ средствамъ, которыми располагали въ тѣ времена, была всетаки огромна, что она существовала рядомъ съ самымъ жалкимъ и нищенскимъ положеніемъ маессы, наконецъ—что часто колоссальное мотовство вызывалось пустымъ желаніемъ затмить другихъ пышностью и блескомъ. Вопреки мнѣнію Фридендера, мы соглашаемся съ Гете, который сравниваетъ римскую роскошь съ мотовствомъ необразованныхъ людей, которые, получивъ большія средства, не умѣютъ ими распорядиться, а потому тратятся непродуманно, недѣло. Этимъ, если не вполне определенно указана, то всетаки косвенно затронута причина зла: легко, почти безъ всякаго труда нажитыя богатства—вотъ источникъ безобразныхъ явленій роскоши. Если бы то, что проматывалось, приобреталось усиліями, трудомъ, то, конечно, не было бы мѣста подобной роскоши. Мѣжду тѣмъ, сокровища добывались легко, завоеваніемъ, хищеніемъ, грабежемъ и поборами; поэтому и проматывалось все легкомысленно и глупо. Во всякомъ случаѣ, нравственная жизнь оптиматовъ не могла не повліять дурно на общій складъ народнаго характера.

Религія. Здѣсь мы коснемся только языческаго культа, т. к. о христіанствѣ будемъ говорить въ особомъ отдѣлѣ. До сихъ поръ еще считаютъ римскую религію вполне тождественною съ греческою, полагая, что вся разница только въ названіяхъ божествъ; говорить, Зевесъ—это Юпитеръ, Гера—Юнона и т. д. Это заблужденіе. Нѣтъ сомнѣній, что основной источникъ римскаго и эллинскаго культовъ одинъ и тотъ же, но развитіе и выработка обоихъ культовъ были совершенно пныя, уже вслѣдствіе различія внѣшнихъ вліяній, а еще болѣе—внутреннихъ причинъ, вытекавшихъ изъ духовной сущности и характеровъ обоихъ народовъ.

Подобно культамъ всѣхъ народовъ древняго міра, и въ особенности арійцевъ (индо-германцевъ), римскій культъ беретъ свое начало въ поклоненіи природѣ, въ сабинскомъ, т. е. обоготвореніи солнца, луны и проч. (см. Введеніе къ настоящему сочиненію.) Древнѣйшее, вообще извѣстное намъ названіе бога, есть названіе матеріально ощущаемаго свѣта (div—свѣтить; deus—свѣтовая субстанція—богъ). Къ безспорно древнѣйшимъ римскимъ богамъ принадлежали: Янусъ—богъ солнца и, рядомъ съ нимъ, Яна, или, въ первоначальной, потомъ опять возстановленной формѣ, Діана—богиня луны; далѣе—Юпитеръ и Юнона, богъ и богиня неба. Всѣ эти названія имѣютъ одинъ и тотъ же общій корень и обозначаютъ свѣтъ, подобно тому, какъ

отъ того же корня происходятъ латинское *deus* и греческое *θεός*. Затѣмъ были еще Сатурнъ, Марсъ, Фавнъ, Теллусъ и др. божества земли, обитающія въ подземномъ царствѣ. Такимъ образомъ, культъ природы составлялъ основу религіозныхъ вѣрованій.

Но тогда какъ сабины разработали этотъ культъ сообразно ихъ гениальной, поэтической, возвыщенной натурѣ, индивидуализировавъ každого бога и каждую богиню и надѣливъ ихъ человѣческими свойствами, римляне, народъ прозаичный, трезвый, во всемія преслѣдовавшій только пользу и выгоду, пошли по другой дорогѣ. Воображеніе и абстрактное мышленіе не получили у нихъ широкаго развитія. Мифологія, вродѣ той, какую создали греки, была имъ чужда. Даже ученѣйшіе люди, какъ напр. Варронъ, ограничивались догадками относительно происхожденія ихъ теогоніи. Римляне не олицетворяли величественныхъ силъ природы, а скорѣе разлагали ихъ на отдѣльныя явленія и дѣйствія. Съ другой стороны, они возводили въ божества абстрактныя же понятія, напримѣръ: вѣрность (*Fides*, которой императоръ Нума воздвигъ цѣлое святилище), страхъ (*Pavor* или *Pallor*, служеніе которому установилъ Туллъ Гостилій). Были также божества: посѣва (*Sатурнъ*), цвѣта (*Флора*), границы (*Терминъ*), юности (*Juventus*), согласія (*Конкордія*), благополучія (*Salus*), болѣзни (*Ангеронія*), а также воровства (*Лавегна*), лихорадки, привидѣній и еще много другихъ въ томъ же родѣ. Далѣе, была особая богиня, учившая дѣтей стоять, другая—лежать, третья говорить; одна богиня охраняла грудныхъ младенцевъ, другая укрѣпляла ихъ кости и т. д. Общимъ, хотя и не особенно высокимъ почетомъ, пользовались домашніе боги, нѣчто вродѣ добрыхъ геніевъ, Лары, или Лазы: каждый римлянинъ имѣлъ своего лара для себя и для своей семьи. Первоначально всякій домъ имѣлъ своихъ особыхъ боговъ и свой особый культъ; домашній очагъ былъ алтаремъ, а отецъ семейства—жрецомъ. Только домашніе принимали участіе въ поклоненіи богу, который имъ однимъ и покровительствовалъ.

Сабинское вліяніе не внесло чуждаго элемента въ римскій культъ, т. к. оба народа принадлежали къ одному и тому же племени. Чуждый элементъ былъ внесенъ въ латинскую религію этрусками. Намъ неизвѣстны подробности этого процесса, но есть нѣсколько важныхъ указаній на это обстоятельство.

Позднѣе, когда установилось болѣе свободное общеніе между римлянами и греками, духовное превосходство послѣднихъ оказало свое вліяніе и на религіозную сферу римской жизни. Въ подражаніе эллинамъ, римляне стали воздвигать себѣ идоловъ; прежде ихъ не было, какъ не было храмовъ, которые замѣняли символы—священныя копыя Марса, огонь Весты, а для богочитанія—алтари и другія священныя мѣста. Сивиллинскія книги также были греческаго происхожденія и даже написаны на греческомъ языкѣ; книги эти познакомили римлянъ съ различными эллинскими божествами, которыя потомъ, во времена бѣдствій, приобрѣли права гражданства въ Римѣ. Тѣмъ не менѣе, боги эти остались нѣсколько чуждыми римлянамъ, и культъ ихъ имѣлъ характеръ пустой обрядности.

По своей натурѣ римляне были слишкомъ людьми разсудка, чтобы искренно отдаться мистицизму—этому условію *sine qua* по такъ называемой религіозности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ знанія, ихъ умственное развитіе, въ особенности ихъ знаніе природы, были такъ слабы, такъ ограниченны, что они не могли подняться до истинно свободныхъ воззрѣній. А потому и у этого народа, вслѣдствіе его невѣжества, укоренилось суевѣріе въ его различнѣйшихъ видахъ; весь культъ сводился собственно къ однимъ обрядамъ. Римлянину «религія» представлялась состоящимъ зависимость, тогда какъ привыкши къ свободному движенію эллины не знали даже спеціального слова, выражающаго понятіе «религія»; для обозначенія этого понятія ему приходилось прибѣгать къ перифразамъ*). Религія крѣпко охватила и связала римскіе умы. Самое слово «религія» указываетъ на это: *religio* значитъ духовная «зависимость», т. е. угрызеніе совѣсти и страхъ передъ гнѣвомъ божества (*Igne*). Черезъ всю жизнь римлянъ проходятъ священные обряды. Не только весь народъ, но и каждая отдѣльная корпорація, даже каждое отдѣльное лицо имѣли своихъ спеціальныхъ боговъ; ни одно общество, ни одно сколько нибудь важное частное предпріятіе не начиналось безъ предварительнаго отправленія «благочестивыхъ» обрядовъ, долженствовавшихъ обезпечить успѣхъ. При этомъ всѣ мелочи были связаны съ извѣстными правилами и предписаніями, формами и словами, несоблюденіе которыхъ могло вызвать гнѣвъ и мищеніе боговъ. Исполнивши всѣ свои формальныя обязанности по отношенію къ богамъ, римлянинъ ожидалъ и требовалъ отъ нихъ, чтобы они съ своей стороны оказали ему услугу. Это было какъ бы родъ договора; выполненіе условій съ одной стороны налагало опредѣленное обязательство на другую сторону. Въ дѣлахъ государственныхъ вопрошали ауспиціи, но во многихъ случаяхъ очень мало заботились о результатѣ гаданій. Когда однажды священные куры не захотѣли ѣсть, одинъ изъ консуловъ приказалъ ихъ бросить въ воду: пусть, молъ, напьются! Фактъ этотъ приводится, конечно, какъ примѣръ оскорбленія святости консуломъ, но только потому, что исходъ рискованнаго сраженія былъ неудаченъ. Въ общемъ, неблагоприятныя ауспиціи рѣдко вызывали отміну задуманнаго предпріятія: это случалось развѣ только въ томъ случаѣ, когда другія причины заставляли опасаться дурного исхода, или когда патриции искали предлога, чтобы помѣшать плебеямъ принять непріятное для нихъ рѣшеніе или начать какое нибудь дѣло. Не придавали значенія и благоприятному исходу ауспицій; если авгуры объявляли ихъ таковыми (справедливо или нѣтъ), то боги обязаны были исполнять обѣщанное; за ошибку или обманъ богамъ предоставлялось считаться съ тѣми, отъ небрежности или обмана которыхъ произошла неудача.

Ауспиціи состояли въ гаданіи по полету и крику птицъ, по блеску молніи и потому, какъ ѣдятъ священные куры. Впрочемъ наблюденія производились авгурами не по собственному усмотрѣнію,

*) *Tā peri touc theouc vsmicēmeva. — tā peri touc theouc. — tā theia vēmna. — ē tōv theōv thepateia*, или религія какъ вѣроученіе: *oi peritōuc theouc lōgai* и т. д.

а лишь по порученію правительственныхъ мѣстъ, главнокомандующихъ и т. п., которымъ они и сообщали свои прорицанія. Такимъ образомъ, религія должна была прежде всего служить цѣлямъ руководителей государства.

Народная масса, со своею религіозностью, была игрушкой въ рукахъ меньшинства, абсолютныхъ скептиковъ, что и не могло быть иначе при той низкой ступени, на которой стояло тогда естествовѣденіе. Религіозность превратилась въ орудіе политической полиціи. Что же касается вѣры, то о состояніи ея можно судить по извѣстному положенію, что два авгура (вѣрнѣе—два гаруспекса) не могли глядѣть другъ на друга безъ улыбки. Всѣми религіозными дѣлами завѣдывало верховное политическое учрежденіе—сенатъ. Жрецы, въ качествѣ служителей боговъ, были, какъ это показали Ине, только истолкователями божескихъ законовъ. Рѣшенія же по каждому вопросу религіи принадлежали власти политической. Отсюда множество рѣшеній сената по религіознымъ дѣламъ, по введенію иноземныхъ культовъ и праздниковъ, запрещеніе чужихъ оракуловъ, изгнаніе чужихъ пророковъ и проч. Станнымъ кажется, но вполне согласно съ понятіями римскаго публичнаго права, что какъ упомянутыя выше дѣла, такъ равно извѣстный сенатусконсулътъ о вакханаліяхъ возложены были на политическое учрежденіе, а не на духовныя мѣста. Эти послѣднія не имѣли самостоятельнаго круга дѣйствій, а имѣли только совѣщательное значеніе. Впрочемъ, солидарность обѣихъ корпорацій (свѣтской и духовной) легко объясняется тѣмъ, что высшія жреческія должности занимали тѣ самые савонники, которые стояли во главѣ сената и государства.

Здѣсь слѣдуетъ, кромѣ упомянутыхъ, упомянуть еще о гаруспичіяхъ—гаданіяхъ, при которыхъ о волѣ боговъ узнавали по внутренностямъ жертвуемыхъ животныхъ. Эта форма гаданія была этрусскаго происхожденія и въ ходу преимущественно среди этрусковъ. Если предзнаменованія вначалѣ были неблагоприятны, то гаданіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока не получался, наконецъ, желаемый результатъ.

Само собой понятно, что народная масса погрязала въ суевѣрныхъ обычаяхъ. Достаточно упомянуть, что сумасшедшимъ приписывался особенный даръ пророчества. Собственно говоря, нельзя не признать нѣкоторой основательности за подобнымъ возрѣніемъ: дѣйствуя аргіогі противно здравому смыслу, естественно было находить смыслъ въ безразсудствѣ, даже въ полномъ сумасшествіи. Знаменитѣйшій римскій историкъ, Ливій, рассказываетъ сотни нелѣпнѣйшихъ сказокъ и чудесъ, а Овидій (*Fast.* II, 267—452) въ почти двухстахъ строфахъ повѣствуетъ, какъ нѣкоторый почтенный савонникъ, выполняя религіозныя предписанія, ежегодно голый пробѣгалъ по улицамъ города, отнюдь не вызывая насмѣшекъ и шутокъ.

Скептическій Полюбіій сдѣлалъ нѣсколько саркастическое, но вѣрно замѣчаніе: римляне усердно молятся; когда имъ угрожаетъ большая опасность, тогда они молятъ боговъ и людей о спасеніи и не останавливаются ни передъ чѣмъ, лишь бы это послужило

имъ на пользу*). Какъ это бываетъ во всякомъ невѣжественномъ обществѣ, римская набожность росла по мѣрѣ того, какъ увеличивалась опасность. Знать пользовалась очень ловко этой чертой народнаго характера, возбуждая массу противъ своихъ личныхъ политическихъ враговъ, или же парализуя дѣятельность этихъ послѣднихъ. Такъ именно дѣйствовали нобили, ведя нѣчто вродѣ «священной войны» (выраженіе Ине) съ ненавистнымъ имъ Минуціемъ. Послѣдній, во время войны съ Ганнибаломъ, былъ избранъ диктаторомъ; моментально распустили слухъ, что во время выборовъ свистнула землеройка, а этого знаменія было достаточно, чтобы заставить избраннаго сложить съ себя должность. Послѣ битвы при Требіи былъ избранъ консуломъ Фламиній, котораго патриціи ненавидѣли за его расположеніе къ плебеямъ. Чтобы напугать вѣрующихъ, стали придумывать разныя чудеса. На овощномъ рынкѣ шестимѣсячный ребенокъ крикнулъ: «тріумфъ!»; на скотномъ рынкѣ быкъ взобрался на 3-й этажъ дома и прыгнулъ оттуда на улицу; на небѣ показались огненные корабли; молнія ударила въ храмъ Надежды; двигалось священное копьё; въ храмъ Юноны влетѣлъ воронъ и опустился на подушку богини; шелъ каменный дождь; волкъ вырвалъ мечъ у часового и т. п. Въ битвѣ при Тразименскомъ озерѣ, Фламиній палъ и диктаторомъ былъ избранъ Фабій. По его мнѣнію, было необходимо прежде всего возстановить поколебленную вѣру въ помощь боговъ. Онъ говорилъ, что боги оскорблены, что не оружіе Ганнибала, а богопротивныя рѣчи и дѣянія Фламинія были причиною несчастья, обрушившагося на Римъ, и что спасенія изъ затруднительнаго положенія можно ожидать только отъ умилоствленія боговъ. Кромѣ безчисленныхъ молитвъ и религиозныхъ церемоній, было дано еще торжественное обѣщаніе, что, если государство не погибнетъ, то Юпитеру будетъ принесенъ въ жертву весь приплодъ, который получится черезъ 5 лѣтъ весною отъ свиней, овецъ, козъ и коровъ.

Суевѣріе не ограничивалось нелѣпыми и смѣшными обычаями и обрядами или поборами жрецовъ съ народа: книги судебъ (*libri fatales*, которыхъ не должно смѣшивать съ сивилинскими книгами) предписывали положительныя человѣческія жертвоприношенія: послѣднія были въ ходу очень долго. Когда въ 225 в. до Р. X. Италіи угрожало нашествіе галловъ, то, согласно книгамъ судебъ, на скотномъ рынкѣ въ Римѣ были заживо погребены галль съ галлкою и грекъ съ гречаккою. То же было сдѣлано и послѣ битвы при Каннахъ. Когда Газдрубалъ перешелъ черезъ Пиренеи и Альпы, чтобы подкрѣпить своего брата Ганнибала свѣжимъ войскомъ—это было дѣйствительно критическій моментъ для Рима—опять посыпались чудесныя знаменія: опять шелъ каменный дождь, текли потоки крови, молнія поражала жертвенники и храмы. Но особенную панику произвело рожденіе уroda. Согласно прорицанію

*) Въ религиозномъ отношеніи Полибій составляетъ противоположность Геродоту: онъ избѣгаетъ, правда, открыто нападать на религію, но ничего не ждетъ ни отъ боговъ, ни отъ молитвъ. Храбрость и умъ рѣшаютъ все. Вы видите, что Полибій принадлежалъ къ числу невѣрующихъ.

спеціально вызваннаго для этой-цѣли изъ Этруріи гадателя, несчастный ребенокъ былъ положенъ въ ящикъ и спущенъ въ море вдали отъ берега. Суевѣріе всегда притупляетъ человѣческія чувства.

Изъ сказаннаго ранѣе видно, что религія въ Римѣ служила политическимъ цѣлямъ. Не образованные скоро оказались выше разныхъ нечестностей культа, однако продолжали ихъ поддерживать въ массѣ народа. Аристократы, Патриціи, удерживали за собою жреческія должности; плебеи были допущены къ этимъ должностямъ уже послѣ того, какъ получили право замѣщать высшія свѣтскія должности. При упраздненіи монархіи (ср. въ обзорѣ политической исторіи), отправленіе жреческихъ функцій, которыя до того времени были возложены на царя, было отдѣлено отъ консульскаго сана и учреждена особая должность жертвеннаго царя (Rex sacrificulus или rex sacroregum).

Перенесеніе верховныхъ рѣшеній государственныхъ дѣлъ изъ курій въ центуріи и далѣе въ трибы представляло собой дальнѣйшее ослабленіе религіознаго элемента въ государственной жизни, такъ какъ собранія по трибамъ были менѣе связаны съ религіозными формальностями. А народъ замѣчалъ, что какъ прежде, такъ и теперь боги принимали одинаковое (большее или меньшее) участіе въ исполненіи желаній сторонъ. Было предусматрѣно, чтобы жрецы не мѣшали самовольно, или не шли наперекоръ тѣмъ или другимъ планамъ высшаго сословія. Они должны были дѣлать сообщенія только на официальные запросы; равнымъ образомъ они были подчинены общему гражданскому праву. Уже въ одной трагедіи Эниды находимъ такое скептическое мѣсто: «Я вѣрю, что боги существуютъ, но я не вѣрю, чтобы они очень заботились о родѣ человѣческомъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ добрымъ всегда жилось бы хорошо, а злымъ всегда—скверно, чего въ дѣйствительности не бываетъ». На ауспicii, эту главную опору римской религіи, нападали болѣе или менѣе открыто не только тогдашніе писатели и критики, но даже цензоръ Катонъ, извѣстный защитникъ старинныхъ нравовъ, замѣтилъ: два авгура (гаруспекса) не могутъ безъ смѣха смотрѣть другъ другу въ глаза!

Ниже, когда будемъ говорить о состояніи римской философіи, мы еще коснемся нѣкоторыхъ вопросовъ, непосредственно связанныхъ съ религіей. Но здѣсь необходимо упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве. Не разъ утверждалось, будто легкомысленныя похищенія боговъ освящали символически безнравственность и пороки. На это можно возразить, что всѣ эти пороки, въ дѣйствительности, карались законами. Вѣрующая масса видѣла въ этихъ разказахъ о богахъ только нѣчто вродѣ мистерій. Это то же самое, что и проступки прародителей и другихъ «угодниковъ Божіихъ», подобно тому, какъ нѣмецкая пословица гласитъ: «Самъ дьяволъ ссылается на св. писаніе».

Въ заключеніе еще нѣсколько краткихъ замѣчаній: по словамъ Варрона, римляне въ теченіе 170 лѣтъ не имѣли цдоловъ. У нихъ не было особаго сословія жрецовъ: люди занимали жреческія должности не въ силу своего происхожденія, спеціального воспитанія

и образования, а также не вследствие особеннаго склада жизни, на примѣръ благодаря безбрачію (исключеніе составляли весталки). Справедливо замѣчаетъ Инне: «римскіе жрецы не пошли такъ далеко, чтобы обложить имущество гражданъ десятинною податью въ свою пользу; они не сдѣлали изъ мертвой руки самаго богатаго землевладѣльца, изъ нихъ не было средствъ, чтобы запугиваніемъ ужасами другого міра обезпечить себѣ наслѣдство по духовнымъ завѣщаніямъ, они не присвоили себѣ правъ судьи въ семейныхъ дѣлахъ, а отеческая власть хозяина дома охраняла женщинъ отъ ихъ вліянія. Жрецы даже не могли уклоняться отъ обнихъ гражданскихъ повинностей (напр. отъ налоговъ). Ни откуда не видно, чтобы жрецы требовали особеннаго почитанія своего сана, или чтобы они вообще пользовались исключительнымъ почетомъ. Исключеніе составляли только весталки.»

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашей книги мы покажемъ, какъ распространилось между римлянами христіанство, столь не соотвѣтствовавшее римскому духу.

«Литература. Во времена царей о литературѣ еще не было и помину. Немногіе лишь умѣли писать и, согласно практическому складу римлянъ, письмо служило, кромѣ обыденныхъ потребностей, только для составленія договоровъ. Подобно всѣмъ предприимчивымъ народамъ въ первобытномъ состояніи, и римляне, конечно, прославляли своихъ героев въ пѣняхъ, но пѣни эти состояли, главнымъ образомъ, изъ призванія боговъ, съ прибавленіемъ именъ прославляемыхъ героев. До насъ дошли такъ называемые сатурнинскіе стихи позднѣйшаго времени; но и они еще сухи, топорны и обнаруживаютъ полное отсутствіе поэтическаго вдохновенія. Мысль римлянина была направлена исключительно на практическую пользу; онъ хотѣлъ быть только хорошимъ сельскимъ хозяиномъ, хорошимъ воиномъ, хорошимъ гражданиномъ, и очень мало заботился о чемъ либо другомъ. Поэтому его умственная дѣятельность выражалась только въ рациональномъ веденіи сельскаго хозяйства и въ разработкѣ формальнаго права, изъ котораго потомъ развилась юриспруденція. При такихъ условіяхъ у этого народа и не могъ возникнуть національный эпосъ; не было даже историографіи, хотя бы въ простѣйшей формѣ.

Первымъ намекомъ на литературу были простыя изрѣченія и приведенныя выше столь же простыя упоминанія о герояхъ, которыхъ никакъ нельзя назвать героическимъ эпосомъ.

Покореніе Великой Греціи (Нижней Италиі) и Сциліи привело грубыхъ побѣдителей въ соприкосновеніе съ эллинскою культурою; натурально, послѣдняя обнаружила свое полное превосходство. Благодаря увеличивающемуся богатству многихъ римскихъ семействъ, имъ стало доступно болѣе высокое образованіе. Это послужило поводомъ къ общественной розни: часть правящихъ патриціевъ ненавидѣла всякія нововведенія, считая ихъ опасными для старыхъ обычаевъ и для благоденствія государства. Но послѣ этого перваго соприкосновенія съ образованнымъ народомъ, многихъ римлянъ уже не могло удовлетворять то, чѣмъ располагалъ Римъ. Такимъ обра-

зомъ, и здѣсь эллинизмъ явился двигателемъ образованности. Тогда какъ римляне силою оружія покорили Грецію, поствѣдняя одержала духовную побѣду надъ Римомъ: въ Италіи распространилась греческая образованность, вытѣсняя римское невѣжество. Къ сожалѣнію, то время уже не было эпохою умственного процвѣтанія Эллады. На долю Рима достались лишь запоздалые плоды, загубленные завоевательною политикою Александра Македонскаго.

Первые поэты въ римской литературѣ были по происхожденію греки: Ливій Андроникъ, Гней Невій и Квинтъ Энній. Первый былъ родомъ тарентинецъ; въ 272 году, при покореніи Тарента римлянами, онъ былъ взятъ ими въ плѣнъ, но затѣмъ отпущенъ на волю своимъ господиномъ. Онъ нравился своими переводами греческихъ трагедій и комедій, а также подражаніями греческимъ авторамъ. Невій—грекъ, уроженецъ Кампаніи; въ качествѣ римскаго гражданина, принималъ участіе въ различныхъ римскихъ походахъ. Въ противоположность аристократическому складу умственного развитія, онъ старался писать въ національномъ и народномъ духѣ; въ своихъ комедіяхъ онъ нападалъ на вліятельныхъ патриціевъ, за что и подвергся изгнанію; онъ умеръ въ ссылкѣ, въ Утикѣ, въ 204 году. Энній, родившійся въ 239 году въ Калабріи, пріѣхалъ въ Римъ въ качествѣ преподавателя языковъ; здѣсь онъ пользовался покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ и умеръ римскимъ гражданиномъ, въ 169 году.

Первая пьеса Андроника была поставлена на сцену въ 240 году, первая комедія Невія—въ 235 году до Р. X. Оба они принаравливались къ вкусамъ народной массы. При низкомъ уровнѣ культуры тогдашнихъ римлянъ, эти произведенія не могли отличаться пышными достоинствами, кромѣ элементарной простоты и силы; обработаны пьесы слабо. Энній выработалъ болѣе изящныя формы. Въ своей эпической поэмѣ «Лѣтопись» онъ впервые примѣнилъ къ латинской поэзіи гекзаметръ; онъ перевелъ также на языкъ римлянъ трагедіи Еврипида.

Въ одно время съ Энніемъ подвизался на литературномъ поприщѣ природный итальянецъ—Маркъ Аттій Плавтъ. Онъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей изъ Умбріи, кормился ручной работой (подъ конецъ жизни—работою на ручной мельницѣ); умеръ въ 184 году. Его драматическія произведенія—подражанія аттическимъ позднѣйшаго періода, но, на сколько возможно, принаровлены къ римскимъ понятіямъ и римскому языку. Хотя темы этихъ пьесъ не очень разнообразны, но самыя пьесы отличались такимъ великолѣпнымъ юморомъ, что даже Мольеръ въ своемъ «Скупомъ» заимствовалъ нѣсколько сценъ отъ Плавта; Лессингъ также пользовался имъ.—Позднѣе Плавта выступилъ Публий Теренцій Афръ, род. въ 193 году въ Карфагенѣ; онъ былъ привезенъ невольникомъ въ Римъ, но отпущенъ на волю и пользовался покровительствомъ вельможъ; умеръ на 39 году жизни. Онъ далъ вольныя передѣлки комедій Менандра; онъ отличается менѣе грубымъ комизмомъ, чѣмъ пьесы его предшественника, но зато болѣею утонченностью содержанія и болѣе изящною формою.

Такимъ образомъ, съ самаго начала римскій театръ былъ подражаніемъ греческому, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ лишень былъ той свободы, которою обладалъ послѣдній. До VI столѣтія по основаніи Рима въ комедіяхъ не было выводимъ на сцену римлянннъ. Ни одинъ поэтъ не осмѣливался дѣлать политическихъ намековъ: исключеніе составлялъ только Невій, который за то и подвергся гоненію и принужденъ былъ потомъ просить прощеніе. Въ высшей степени замѣчательно, что во времена Ганнибаловой войны (время сильнѣйшаго напряженія народныхъ силъ и страшнаго всеобщаго возбуденія), театръ лишень былъ всякой политической окраски и не имѣлъ никакого политическаго значенія. Подобное явленіе было бы невозможно у грековъ.

Послѣ такихъ попытокъ создать театръ для всѣхъ слоевъ народа, все римское было вскорѣ вытѣснено греческимъ элементомъ. Драмы изображали греческіе характеры и греческій бытъ, а потому драмы эти могли нравиться только аристократіи, знакомой съ греческою жизнью. Вслѣдствіе этого развитіе драматической литературы, собственно на національной основѣ, не удалось; въ то же время произошло быстрое раздѣленіе народа на два класса: образованныхъ и необразованныхъ, и пропасть между ними принимала ужасающіе размѣры. Не удивительно, что масса перестала посѣщать театръ и устремилась къ гладіаторскимъ боямъ.

Однако, въ самыхъ аристократическихъ кругахъ возникло обратное теченіе: вліятельная партія упорно противилась чуждому духу, «новой манерѣ». Такъ, намъ извѣстно, что въ 173 году были высланы изъ Рима философы эпикурейской школы, а въ 161 году—вообще всѣ философы и риторы; въ 155 году римляне послѣдшили удалить аттическое посольство, дабы, по выраженію Катона, оно не испортило римскаго юношества. Но духъ времени былъ уже другой. Между людьми, стоявшими за новую образованность, первое мѣсто занималъ Сципіонъ Африканскій Старшій; самъ Катонъ убѣдился въ необходимости ознакомиться съ греческимъ языкомъ и литературою, хотя бы для того только, чтобы успѣшнѣе бороться съ ними.

Замѣчательно, впрочемъ, что вышеупомянутые писатели обозначаютъ собой начало и конецъ перваго періода римской поэзіи. Новые крупные поэты появляются только во времена Августа; это были люди уже совершенно иного типа, но писали они всетаки исключительно для «образованной» публики, а не для народа. Тѣмъ временемъ появились зачатки и сториографіи; то было время войны съ Ганнибаломъ. Фабій Пикторъ и Цинцій Аліментъ считаются первыми римскими лѣтописцами. Сципіонъ Африканскій Старшій описалъ часть своихъ дѣяній въ письмахъ; сынъ его и Ацилій Глабріонъ изложили свою римскую исторію въ формѣ лѣтописи. Всѣ они писали на греческомъ языкѣ. Порцій Катонъ (234—149 до Р. X.) былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ основателемъ латинской прозы и римскаго краснорѣчія. Онъ обработалъ древнѣйшую исторію своего народа.—Всѣ эти сочиненія не дошли до насъ, за исключеніемъ небольшихъ отрывковъ.

Въ послѣднія времена республики, въ періодъ высшаго процвѣтанія культуры, всякій, имѣвшій притязаніе на образованность, долженъ былъ быть знакомъ съ литературою; личныя заслуги въ этой области давали почетъ. Прежде всего странно увеличилось число лѣтописцевъ. Записываніемъ достопримѣчательныхъ событій своего времени занимались люди выдающіеся, напр. Рутилій Руфъ, Сулла и Титъ Помпоній Аттикъ; сюда же относится и Азиній Полліонъ, хотя онъ собственно не занималъ высокихъ государственныхъ должностей. Позднѣе приобрѣлъ наибольшую извѣстность на этомъ поприщѣ Цезарь (о гальской и междоусобной войнахъ); его простое, ясное изложеніе должно считаться образцовымъ. Къ той же категоріи принадлежатъ сочиненія Саллюстія Криспа (86—35 г. до Р. Х.: «о заговорѣ Катилины» и «о войнѣ съ Югуртою»). Менѣе другихъ замѣчательны труды Корнелія Непота, или вѣрнѣе то, что дошло до насъ подъ его именемъ.

Но нужно отдать должную дань уваженія сочиненіямъ и по другимъ отраслямъ литературы, появившимся въ теченіе послѣдняго періода республики. Прежде всего назовемъ многочисленныя сочиненія, частью риторическаго, частью философскаго содержанія, принадлежащія перу замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, юриста и оратора Марка Туллія Цицерона (род. въ 106 году въ Арпинѣ).

Въ виду того огромнаго вліянія, которое оказалъ Цицеронъ на всю римскую литературу, мы должны нѣсколько остановиться на немъ.

Вся его дѣятельность, а также и его политическое вліяніе основаны на его умственномъ развитіи; онъ, какъ замѣтилъ уже Шлоесеръ, не обладалъ ни большимъ состояніемъ, ни вліятельными родственными связями, ни военной славой, которая обыкновенно замѣняла все остальное; къ тому же надо сказать, что характеръ Цицерона не могъ доставить ему прочнаго положенія: ему не доставало той староримской твердости и устойчивости, которыя украшали Катона. Образование Цицерона было въ сущности греческое, такъ какъ наставники его, кромѣ учителей законовѣднія, были греки, и онъ жилъ и учился продолжительное время въ Элладѣ. Но онъ умѣлъ счастливо сочетать греческія формы съ внутреннею сущностью римской народности, онъ умѣлъ духовныя богатства эллиновъ сдѣлать достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей своего народа. Это и былъ тотъ путь, благодаря которому онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на весь характеръ римской литературы. Въкъ Цицерона—кульминаціонная точка развитія римской прозы. Не заявивъ себя въ области философіи ни самостоятельными изслѣдованіями, ни созданіемъ какой либо новой системы, онъ лучше всякаго грека, или другого римлянина, дѣйствовалъ на своихъ современниковъ распространеніемъ послѣднихъ выводовъ этой науки. Кромѣ того, онъ обладалъ способностью даже о самыхъ сухихъ предметахъ, какъ напримѣръ о юридическихъ вопросахъ, трактовать съ философскою точкою зрѣнія.—Вліяніе Цицероновыхъ сочиненій не ограничивалось его вѣкомъ: не смотря на то, что авторъ ихъ былъ язычникъ, и вопреки ханжеству

народовъ позднѣйшаго времени. сочиненія эти пользовались огромнымъ значеніемъ въ средніе вѣка и даже послѣ.

Здѣсь будетъ уместно упомянуть, что въ это время уже отъ каждаго человѣка, желающаго занять выдающееся положеніе въ обществѣ, требовалось высокое научное образованіе. Такъ наиримѣръ, Маркъ Брутъ былъ государственный дѣятель и ораторъ, и вмѣстѣ писатель—философъ.

Самымъ ученымъ, плодовитымъ писателемъ своего времени считали Теренцій Варронъ, произведенія котораго касались предметовъ исторіи, агрономіи, а также поэзіи.

Между тѣмъ въ области поэзіи развилась сатира. Позднѣ выступилъ Лукрецій Каръ (99 г.—55 до Р. X.) съ шестью книгами «О природѣ вещей». Его слогъ еще тяжелъ и шероховатъ. За то у Валерія Катулла (76 г.—30 г. до Р. X., скончался на 30-мъ году жизни) замѣчается плавность стиха и законченность формы. Поэзія его—отчасти подражаніе грекамъ, отчасти собственныя изліянія любви или ненависти.

Мы подошли къ «вѣку Августа». Это самый блестящій періодъ римской поэзіи и вмѣстѣ—время упадка римской прозы. Подобно тиранамъ древней Греціи и Сициліи, покровительствовавшимъ искусству и философіи для оболыченія слабыхъ и по собственному тщеславію, Августъ, руководимый тѣми же побужденіями, сдѣлался покровителемъ литературы. Его вельможи, въ особенности Меценатъ, поддерживали видныхъ писателей; самъ императоръ въ первую половину своего царствованія даровалъ писателямъ нѣкоторую свободу слова. Но когда у Августа явилась полная увѣренность въ своемъ могуществѣ, онъ уже не терпѣлъ болѣе свободнаго выраженія мнѣній и, сообразно съ духомъ единовластія, поступалъ въ этомъ случаѣ по всей строгости. Естественнымъ слѣдствіемъ этого явился въ скоромъ времени полнѣйшій упадокъ литературы: литература, потерявъ свободу, вмѣстѣ съ тѣмъ лишилась и воздуха.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что всѣ выдающіеся писатели Августова вѣка, за исключеніемъ развѣ одного Овидія, какъ по рожденію, такъ и по воспитанію, были современники республики, а потому и слава ихъ принадлежитъ не монархіи, а—республикѣ. Они—дѣти республики; монархія только пожинала то, что посеяла другая система. Въ общемъ замѣтно, что именно поэтамъ Августова вѣка пришлось ужь черезъ чуръ принаравливаться къ своимъ, высокимъ покровителямъ, что вся поэзія была еще больше прежняго чужда массѣ народа (и не только простонародію) и обратилась какъ бы въ придворную поэзію. Вотъ почему въ народѣ появилась реакція по отношенію къ новымъ произведеніямъ; народъ предпочиталъ старыхъ поэтовъ—Андроника, Невія, Энія—сравнительно высшимъ созданіямъ современниковъ, несмотря на тяжелый языкъ и устарѣлыя выраженія прежнихъ писателей. Замѣчательно еще, что лучшій поэтъ изъ республиканцевъ, Овидій, принужденъ былъ прекратить свою поэтическую дѣятельность въ Римѣ по приказанію самодержца.

Первое мѣсто среди поэтовъ занимаютъ: Виргилій (собственно Вергилій) Маронъ и Гораций Флаккъ; первый изъ нихъ родился въ 70 г., второй въ 65 г. передъ Р. Х.; основой образованія обоихъ была греческая литература. Предпринятая триумвирами задача полей угрожала Виргилію потерю отцовскаго имѣнія, а потому онъ обратился къ покровительству вліятельныхъ лицъ. Самолюбію Августа льстило, что поэтъ производилъ родъ императора отъ богини Вены. Какъ бы то ни было, Виргилій въ своей Энеидѣ создалъ превосходную поэму, которою римляне искренно восхищались, и которая и теперь еще не утратила своей цѣны; красоту поэмы возвышаютъ еще совершенство стиха и роскошный языкъ, и она вообще служитъ образцомъ этого рода поэзіи.

Въ молодости Гораций сражался въ рядахъ войска Брута при Филіппахъ. Когда у него отняли отцовское имѣніе, «смѣлая бѣдность», по его собственному выраженію, внушила ему дерзость писать стихи, т. е. побудила его выступить на поэтическое поприще. Виргилій доставилъ ему знакомство съ Меценатомъ и такимъ образомъ Гораций, вообще скромный въ своихъ требованіяхъ, былъ избавленъ отъ гнетущей нужды*). Онъ, впрочемъ, самъ сознался, что паденіе республики подрывало ему крылья. Не то, чтобы онъ спустился до придворнаго поэта, состояннаго на жалованіи, напротивъ, онъ не разъ отказывался отъ предложеній Августа; ему стоило только захотѣть, и къ его услугамъ были бы и богатство, и блескъ (наравнѣ съ Виргиліемъ); но онъ пренебрегъ и тѣмъ, и другимъ. Августъ, въ этомъ случаѣ, дѣлалъ все, что только могло заставить забыть о его полномъ властии. Но Гораций всетаки не былъ свободенъ въ выборѣ матеріала; ему навязали также уместное направленіе, которое вовсе не отвѣчало цѣли, намѣченной его пламеннымъ вдохновеніемъ. Его «сатиры» бичевали скупость, алчность, высокомеріе, невоздержанность и т. п. пороки, но онъ не смѣлъ касаться политической области; «оды» и безъ того не касались ея. Вообще, Гораций не принималъ болѣе участія въ общественныхъ дѣлахъ; въ по-

*) Первая аудіенція у Мецената была непродолжительна; 26-ти лѣтній поэтъ былъ такъ смущенъ, что съ трудомъ могъ объяснить свое положеніе; самъ Меценатъ говорилъ мало. Послѣ этого свиданія прошло 9 мѣсяцевъ, Гораций уже рѣшилъ, что объ немъ позабыли, какъ вдругъ онъ получилъ предложеніе войти въ дружескія отношенія къ министру Эти отношенія продолжались до почти одновременной смерти обоихъ, т. е. болѣе 30-ти лѣтъ. Меценатъ далъ поэту болѣе, нежели ему было нужно: обезпеченное положеніе и восхитительный уголокъ съ садомъ, ручейкомъ и лѣсомъ, его «сладкое уединеніе» въ Сабинскихъ горахъ. Все, что ни дѣлалось для Горация, дѣлалось съ высшею деликатностью. Въ послѣднее время Меценатъ часто прихварывалъ (онъ, главнымъ образомъ, страдалъ безсонницей) и хандрилъ и потому ставилъ Горацию (общество котораго было для него потребностью) слишкомъ большія требованія; послѣдній, при всей мягкости и сердечности, все-таки отклонялъ ихъ съ большою откровенностью, и Меценатъ нисколько не обижался. Даже въ своемъ завѣщаніи, Меценатъ обратился къ Августу съ просьбою: «помни всегда о Горациѣ Флаккѣ, какъ бы ты помнилъ обо мнѣ». Фридендеръ).—Уже одно отношеніе Мецената къ Горацию достаточно оправдываетъ славу этого министра, вошедшую въ пословицу; сотни же другихъ подобныхъ случаевъ доказываютъ, что покровительствованіе Горацию не было просто случайнымъ капризомъ этого благороднаго и умнаго человѣка.

слѣднее время онъ избѣгалъ Рима и, живя въ уединеніи, занимался философійю.

Остальные выдающіеся поэты такъ называемаго Августова вѣка были: Тибуллъ (50—19 г. до Р. Х.), Проперцій (род. около 47 г.) и Овидій (род. въ 43 г.). Элегія была исключительнымъ родомъ поэзіи двухъ первыхъ изъ нихъ и отчасти послѣдняго. Овидій занимался и другими родами поэзіи; самыми замѣчательными произведеніями его считаются: «Метаморфозы» (миѳологическія превращенія) и «Фасты»,—календарь римскихъ праздниковъ, въ которомъ въ подлежащіе дни воспѣваются подвиги предковъ; закончена только первая половина этого календаря (первые 6 мѣсяцевъ). Въ 8-омъ году по Р. Х. онъ былъ сосланъ Августомъ въ дикую мѣстность, къ истокамъ Дуная (въ Томы). Овидій показалъ мало мужества въ нечастіи, но всѣ его жалобы и просьбы о дозволеніи вернуться въ его любимый Римъ были напрасны; онъ умеръ въ изгнаніи, въ 17 году.—Кромѣ этихъ поэтовъ упомянемъ еще о Федрѣ; онъ былъ родомъ оракіецъ, попалъ въ Римъ въ качествѣ раба, но былъ отпущенъ Августомъ на волю; онъ обработалъ по латински басни, бывшія извѣстными въ Греціи подъ именемъ Эзоповыхъ.

Драматическое искусство было въ это время въ сильномъ упадкѣ; оно состояло въ грубомъ комизмѣ.—Трагедія также лишена всякаго значенія. Тогдашняя сцена становилась все болѣе и болѣе чуждой народу; она имѣла въ виду только знать, получившую по преимуществу греческое образованіе, а также людей полубразованныхъ. Масса народа совсѣмъ перестала посѣщать драматическія представленія и сѣдѣла къ гладиаторамъ и звѣринымъ травлямъ.

Въ поэзіи, пока она пользовалась нѣкоторой свободой, многіе недостатки сглаживались красотой формы и искусствомъ заинтересовать читателя; въ прозѣ же, утрата полной свободы сразу сказалась въ отсутствіи энергіи и простоты. Если писатель не хотѣлъ унизиться до слѣпного восхваленія власти преобладающей, то у него не было другихъ темъ для обработки.—онъ долженъ былъ избѣгать изображенія современной жизни. Такъ Ливій, лучшій прозаикъ этого времени, сынъ республики (59 г. до Р. Х.—17 по Р. Х.), занялся исторіей древнихъ временъ въ риторическомъ изложеніи, потому что не было свободы слова. Тѣмъ не менѣе, его исторія—національный трудъ. Въ нашемъ введеніи къ настоящему отдѣлу мы уже говорили о его недостаткахъ.—Очень маловаженъ другой историкъ этого періода—Трогъ Помпей, изъ сочиненій котораго до насъ дошло только извлеченіе, сдѣланное Юстиномъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что во второй половинѣ царствованія Августа высшая литературная дѣятельность почти прекратилась. Общественной жизни, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, и безъ того болѣе не существовало, но, кромѣ того, теперь началось преслѣдованіе писателей, не безусловно заискивавшихъ у сильныхъ міра. Было уже упомянуто о ссылкѣ Овидія. Еще до этого историческое сочиненіе Лабіана было публично сожжено за свободомысліе, которое сочли за наглость; самъ авторъ былъ такъ напуганъ, что лишилъ себя жизни. Въ 8 г. по Р. Х. былъ сосланъ ораторъ Кассій

Северь, также за свободомысліе. До насъ дошло извѣстіе изъ 11 г. по Р. Х. о томъ, что императоръ повелѣлъ розыскать и сжечь разныя негодныя ему сочиненія; авторы же ихъ были наказаны. Въ послѣдующее время положеніе историковъ стало еще гораздо хуже, какъ доказываетъ примѣръ, оставшагося вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ Кремуція Корда (см. выше).

Съ продолжительнымъ господствомъ римлянъ въ провинціяхъ, здѣсь все болѣе распространялась римская культура, вмѣстѣ съ литературою. Главный успѣхъ былъ въ томъ, что культура завоевала себѣ большое пространство, но этимъ еще не восполнился недостатокъ умственной свободы, тѣмъ болѣе, что въ слѣдствіе всемірнаго владычества, образованности, не получая плодотворныхъ притоковъ изъ другихъ странъ, носила однообразный характеръ. Замѣчается еще одно явленіе: среди лучшихъ писателей послѣдующаго времени собственно римляне, или даже вообще итальянцы, появляются все рѣже и рѣже; писателями покрупнѣе были почти исключительно уроженцы провинцій: сначала неманцы и галлы (Сенека, Луканъ, Марціалъ, Квинтиліанъ, Колумелла и друг.), позднѣе греки и азіатцы (Лукіанъ и др.). Шлоссеръ говоритъ, что въ это время римская культура распространилась больше прежняго, но дѣлаетъ такую оговорку: «Вглядываясь въ сущность тогдашней образованности и литературы, находимъ, что на истинную цѣль всякаго образованія, на развитие внутренней жизни не обращали вниманія: конечную цѣль всякой умственной дѣятельности составляли—ученость, высшія образованности, на сколько она требуется для того, чтобы вращаться въ обществѣ, и наконецъ—польза прикладныхъ знаній для чисто матеріальной стороны жизни. Ученые, умные и остроумные разговоры играли существенную роль въ жизни образованныхъ классовъ... Но эти преимущества были куплены дорогою цѣной. Диллетантизмъ вытѣснилъ изъ жизни всякую энергию и естественность; наука стала служить пустымъ, или неизменнымъ цѣлямъ; въ школахъ, среди учителей и учениковъ, въ одинаковой степени царили пустое самолюбіе, заносчивость, испорченный вкусъ и отсутствіе убѣжденій; за хваленнымъ умѣніемъ вести изящный разговоръ и за остроумной игрой понятіями, идеями и знаніями—скрывалось безсердечіе, пустота души, своекорыстіе и, болѣею частью, поверхностное знаніе. Только одну безспорно хорошую сторону имѣлъ характеръ тогдашней образованности: прикладныя знанія процвѣтали точно также, какъ нѣкогда при Столомеяхъ и Селевкѣдахъ.»

Мы уже говорили объ историкахъ слѣдующаго періода, поскольку они писали римскую исторію. Между ними выдѣляется своимъ дѣйствительно превосходными сочиненіями одинъ—безсмертный Тацитъ. Изъ числа историковъ, писавшихъ исторію другихъ народовъ, почетное мѣсто занимаетъ Арріанъ (правитель Каппадокіи) со своей книгой о походахъ Александра Македонскаго. Кромѣ того, наряду съ часто упоминаемымъ нами бeотійцемъ Плутархомъ, можно назвать еще двухъ, хотя и еврейскихъ, но знакомыхъ съ эллинизмомъ, писателей: Филона и Иосифа; послѣдній въ особенности далъ блестящее изображеніе культурно-историческаго состоянія

своихъ соотечественниковъ и ихъ отношеній къ остальнымъ народамъ востока.

Въ числѣ поэтовъ очень немного такихъ, которые возвышаются надъ уровнемъ третьяго или четвертаго разрядовъ. Наиболѣе замѣчательны: Луканъ, написавшій во времена Нерона героическую поэму о междоусобной войнѣ Цезаря съ Помпеемъ; замѣшанный въ заговоръ, онъ вскрылъ *себѣ* жилы; сатирикъ Ювеналь (около 100 г. по Р. X.); легкомысленный и скабрешный Петроній; остроумный авторъ эпиграммъ Марціалъ, соперничавшій съ нимъ Стацій и нравственный и талантливый, но скоро забытый, Персей (умеръ на 28 году жизни). Марціалъ, между прочимъ, представляетъ собой разительное доказательство тому, что чѣмъ презрѣннѣе деспоты, тѣмъ безстыднѣе и подлѣе бываетъ раболѣпство. Въ 14-ти высокопарныхъ стихахъ (4-я эпиграмма 9-й книги) онъ говоритъ: «Еслибъ императоръ Домиціанъ далъ есуду богамъ Олимпа и тѣмъ самымъ сталъ ихъ заимодавцемъ, то эти самые боги попали бы въ число несостоятельныхъ должниковъ.»

Изъ писателей на другихъ поприщахъ литературы назовемъ философа Сенеку, о которомъ еще будемъ говорить ниже; далѣе—учителя краснорѣчія Квинтиліана и, наконецъ, Пеллдія Старшаго, которому мы обязаны обширнымъ сочиненіемъ, характеризующимъ все тогдашнее состояніе естествознанія, со всѣми его достоинствами и недостатками (за свою любознательность авторъ заплатилъ жизнью во время изверженія Везувія) и—его племянника, Плинія младшаго, государственнаго дѣятеля и друга Траяна и Тацита; его письма во многихъ отношеніяхъ имѣютъ большое значеніе, такъ какъ проливаютъ свѣтъ на условія тогдашней жизни.

Императоръ Адріанъ, желавшій прослыть ученымъ по всѣмъ отраслямъ знанія, гордился своимъ покровительствомъ наукъ и литературы. Дѣйствительно, его старанія не были безплодны, но неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого поощренія свыше было то, что литература эта не имѣла корней въ самомъ народѣ.

Позднѣйшее время дало поэта Калпурнія, потомъ Апулея, африканца, повѣсть котораго «Золотой осель» получила необычайное распространеніе. О сатирикѣ Лукіанѣ и объ императорѣ—философѣ Маркѣ Авреліѣ мы будемъ говорить ниже.

Въ итогъ, по мѣрѣ упроченія имперіи, все болѣе глохло естественное, свѣжее развитіе всѣхъ отраслей литературы. Въсто преніяго обильнаго и великолѣпнаго творчества стали появляться жалкія и уродливыя произведенія. Видно или безвкусіе, или полное оскудѣніе. Поклонникъ цезаризма, Момсенъ, нравда, сочинилъ такую фразу: «Эпоху римскихъ императоровъ больше бранили, чѣмъ изучали.» Но подобныя фразы не помогаютъ тамъ, гдѣ говорятъ факты; цезаризмъ всегда и всюду убиваетъ свободу и мысль. (Новыя доказательства тому представили старый и новый наполеонизмъ въ текущемъ столѣтіи.)

Въ самомъ дѣлѣ, внѣшнее явленіе не можетъ удивлять. Самодеспотіе сушитъ все подобно самому. Мы знаемъ, какъ даже умный Августъ подъ конецъ не допускалъ свободнаго выраженія мнѣній

Что было послѣ—объ этомъ также было говорено. Низкая лесть и заискиваніе замѣнили искренность и правду. Даже Стацій, который далеко не такъ пресмыкался, какъ Марціалъ, и тотъ хвастался, что онъ ничего не выпускаетъ въ свѣтъ «безъ призыванія имени божественнаго императора». Выше мы привели одну изъ эпиграммъ Марціала. Но низкопоклонство не ограничивалось только обоготвореніемъ властелиновъ: достаточно взглянуть на похвальное слово Мессалъ, приписываемое Тибуллу, чтобы убѣдиться, что поэты лежали во прахъ даже передъ министрами.

Пресмыкались передъ императорскими отпущенниками, любимцами вельможъ. Марціалъ и Стацій соперничали между собой въ этомъ отношеніи. Въ особенности унижался первый; онъ выпрашивалъ себѣ то тогу, то плащъ. Можно ли, послѣ этого, удивляться упадку всей литературы?

Литература не оживилась и послѣ побѣды христіанства. Произведенія его послѣдователей имѣли только одну высшую цѣль—прославленіе христіанской церкви. Задавшись исключительно этимъ стремленіемъ, авторы подчиняли ему всякія другія соображенія, или точнѣе—все остальное пригонялось къ этой единственной задачѣ.

У нихъ, въ противоположность воззрѣніямъ грековъ и римлянъ (язычниковъ), вся исторія разсматривается съ точки зрѣнія христіанской церкви. Они стараются согласовать библейскія данныя съ языческими преданіями и для этого собираютъ всевозможныя священныя сказанія, а хроники среднихъ вѣковъ повторяютъ ихъ, взявъ такой способъ изложенія себѣ за образецъ. Литература, какъ и наука, перешла изъ области знанія въ область вѣры. Въ этомъ направленіи особенно выдаются Василій, называемый Великимъ, и Григорій Назіанзинъ. Императоръ Юліанъ оказывалъ имъ вниманіе, какъ людямъ науки; тѣмъ не мѣнѣе, послѣ смерти онъ подвергся самому рѣзкому осужденію со стороны Григорія, которому все хорошія качества Отступника казались лишь блестящими пороками. Григорій былъ основателемъ монашеской поэзіи. Онъ написалъ поэму, героемъ которой вывелъ самого себя. Онъ переложилъ на гекзаметры нѣкоторые отдѣлы евангелій, а также родословную Христа; въ одной его драмѣ дѣйствующимъ лицомъ является Христосъ; такимъ образомъ, Григорій является родоначальникомъ драмъ о страстяхъ Господнихъ, которыя представлялись повсемѣстно въ средніе вѣка и даются еще въ новѣйшее время.

Позднѣе дѣйствовали святыя Амвросій медіоланскій и Августинъ. О первомъ изъ нихъ мы уже неоднократно упоминали при обзорѣ политическихъ событій. Оба они, по словамъ Штоссера, третируютъ исторію, какъ «служанку церкви». Съ этого времени «міръ принялъ совершенно богословскій характеръ: людьми стали руководить не разумъ и вообще не интеллектуальные интересы, а суевѣріе, власть и нужды матеріальной жизни.» Кассіодоръ заявилъ прямо, что онъ болѣе всего заботился о показной сторонѣ дѣятельности—объ укрѣпленіи памяти, о голосѣ и декламации, потому что память нужна духовному лицу для ученія наизусть и запоминанія св. Писанія, а декламация необходима для проповѣдей и пѣній псалмовъ.

Такимъ образомъ все человѣчество, казалось, шло къ тому, чтобы сдѣлаться орудіемъ для монашескихъ цѣлей. Все это привело въ послѣдующія тысячелѣтія къ упадку нравственности, матеріальнымъ бѣдствіямъ и умственному застою.

Въ цѣломъ, римская литература представляетъ собой одно изъ важнѣйшихъ духовныхъ созданій великаго культурнаго народа. Она богата и во многихъ отношеніяхъ превосходна, но всетаки не можетъ стать наравнѣ съ эллинской. Въ ней нѣтъ того высокаго, гениальнаго полета и той оригинальности, какіе присущи послѣдней, и римская литература уже потому уступаетъ греческой, что первая не вышла изъ самыхъ нѣдръ народной жизни, а потому и не была истинно народна и самобытна, подобно литературѣ грековъ.

Къ указанному изыяну прибавилось еще другое пагубное условіе: отсутствіе свободы со времени паденія республики. Недостатокъ этотъ старались восполнить изысканнымъ слогомъ, но вслѣдствіе этого языкъ пересталъ быть естественнымъ выраженіемъ чувства. Искусственность замѣнила правду.

Когда же вся литература превратилась въ орудіе ограниченной схоластики, то она уже потеряла всякую цѣну. Теперь сочиненія этого позднѣйшаго періода могутъ привлекать наше вниманіе развѣ только какъ курьезы, или какъ памятники того, какъ стѣсняли и угнетали человѣческую умъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что еще въ эпоху республики литературныя произведенія распространились въ публикѣ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ то обыкновенно полагаютъ, говоря о періодахъ, далеко предшествовавшихъ изобрѣтенію книгопечатанія. Перепишкою сочиненій занимались, главнымъ образомъ, рабы (цѣлыя тысячи, по преимуществу греки). Многие жили перепишкою какъ профессіей. Сотни человѣкъ писали одновременно подъ диктовку; этимъ путемъ приготоовлялись списки скоро, дешево и въ большомъ количествѣ экземпляровъ.*) Существовали даже книгопродавцы, жившіе торговлей сочиненіями. Произведенія выдающихся писателей расходились въ тысячахъ экземпляровъ по всему государству. Знатные римляне имѣли свои домашнія библіотеки. На полкахъ одной такой библіотеки въ Геркуланумѣ было найдено 1700 писанныхъ свертковъ. Грамматикъ Эпафродитъ обладалъ библіотекой въ 30,000, а воспитатель молодого Гордіана собраніемъ въ 62,000 сочиненій. Имѣть библіотеку считалось хорошимъ тономъ, и зачастую тщеславіе дѣлало то, чего не могла бы достигъ любознательность. Положимъ, что въ этомъ случаѣ и результаты соотвѣтствовали побудительной причинѣ.

Философія. Разсудительные, разсчетливые римляне, имѣли мало задатковъ и склонности къ абстрактному умозрѣнію, но за то

*) Фридендеръ полагаетъ, что цѣны списковъ тогда были только вдвое болѣе теперешнихъ цѣнъ на печатныя книги. Но это ошибочно уже потому, что надо было бы (чего не дѣлалъ Фридендеръ) сравнивать между собою самую дешевую тогдашнюю копію съ самой дешевой теперешней печатной книгой. Такъ напр., дешевое изданіе сочиненій Шиллера стоитъ далеко не 25 пф. (12 коп.) за листъ, каковую цифру Фридендеръ принимаетъ за минимальную цѣну.

они выработали себѣ родъ эмпирической философіи, непосредственно прилагаемой къ практической жизни. Патриціи древнихъ временъ не хотѣли и слышать о философскихъ системахъ. Мы уже говорили выше, что въ 173 году до начала нашего лѣтосчисленія изъ Рима были высланы эпикурейскіе философы, а двѣнадцатью годами позднѣе всѣ вообще философы и преподаватели краснорѣчія (риторы). Тѣмъ не менѣе, ученіе Эпикура имѣло свихъ послѣдователей. По этому ученію, высшее благо и конечная цѣль жизни состоитъ въ разумномъ, главнымъ образомъ, духовномъ наслажденіи; душа и тѣло суть одно цѣлое, и первая составляетъ существенную часть послѣдняго. Позднѣе, среди образованнаго класса получило широкое распространеніе ученіе стоиковъ. Оно болѣе всего соответствовало природѣ и духу римлянъ, а потому и привилось у нихъ гораздо болѣе, чѣмъ у самихъ эллиновъ. Послѣ паденія республики многіе убѣжденные республиканцы искали утѣшенія въ этой философіи. Она какъ бы замѣняла имъ религію; они искали въ ней не столько разгадки тайны человѣческаго бытія, сколько пищи и укрѣпленія для своего нравственнаго совершенствованія. Нельзя не замѣтить, что, въ эти времена почти всеобщей порчи нравовъ, стоицизмъ оказался на практикѣ превосходной нравственной опорой образованныхъ республиканцевъ; онъ воспитывалъ въ своихъ приверженцахъ чистоту убѣжденій и любовь къ свободѣ и отечеству, любовь, которая не останавливается ни передъ какими жертвами и вызываетъ въ людяхъ высокое уваженіе и удивленіе. Воодушевленіе, которое возбуждалъ стоицизмъ, имѣло ясную и благородную цѣль, а потому было гораздо выше того фанатизма, который возбуждали иные подвижники въ невѣжественной толпѣ, жаждавшей небесныхъ воздаяній.

Люди болѣе слабые, — въ особенности женщины, ища душевнаго успокоенія, прибѣгали часто къ религіямъ и обрядамъ востока, въ особенности къ иудейству и къ египетскому поклоненію Изидѣ, а потомъ переходили къ христіанству. Все болѣе и болѣе распространялись всѣ виды «восточнаго оубѣрія»; люди же чувственные доводили эпикуреизмъ до самыхъ грубыхъ проявленій.

Безотрадныя времена, въ соединеніи съ отсутствіемъ здравыхъ понятій о природѣ, все сильнѣе толкали людей къ мистицизму и къ вѣрѣ въ откровенія и чудеса. Ученіе Пифагора, а еще болѣе — ученіе Платона благопріятствовали этому тѣмъ болѣе, что ученія эти импонировали своей научной оболочкой. Изъ Александріи распространился неоплатонизмъ, который мистическимъ идеямъ Платона далъ еще болѣе широкое развитіе.*). Неоплатонизмъ соперничалъ съ христіанствомъ и нащелъ себѣ ярыхъ поклонниковъ въ тѣхъ, кто не мирился съ мистическимъ элементомъ въ христіанствѣ. Неоплатоники стремились возстановить и облагородить старую религію, но естественно не выдержали борьбы, такъ какъ христіанскій мистицизмъ они хотѣли побѣдить своимъ, болѣе слабымъ, а потому и менѣе внушительнымъ. Въ параллель Христу неоплатоники выставили

*) Платонъ, между прочимъ, считалъ, что трудно достигъ познанія истиннаго Бога и опасно открывать свое знаніе Его.

А последняя Дианскаго, нравственнаго, благороднаго мудреца, будто бы, совершавшаго различныя чудеса.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о различныхъ господствующихъ теченіяхъ мысли, перейдемъ къ дѣятельности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ.

Между римскими философами Цицеронъ, безъ сомнѣнія, пользовался наибольшимъ и наиболее продолжительнымъ вліяніемъ. Онъ не былъ основателемъ какой либо особой философской школы; онъ былъ скорѣе только эклектикъ: избѣгая чужихъ крайностей, онъ старался связать и соединить все хорошее, что онъ находилъ въ другихъ писателяхъ. Это стремленіе уже само по себѣ исключало послѣдовательное развитіе руководящей мысли до конца. Тѣмъ не менѣе, Цицеронъ, какъ философъ, вліялъ и на послѣдующія времена, даже въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Кромѣ Цицерона, теоретическими философами можно назвать только одного Сенеку, жившаго позднѣе; ниже мы къ нему вернемся. Зато другіе, въ томъ числѣ выдающіеся ученые и писатели, выработавшіе роль натуры философіи. Этимъ путемъ пришелъ Лукрецій,^{*)} восторженный поклонникъ Эпикура, къ отрицанію положительной религіи, которую называлъ источникомъ людскихъ несчастій. Фридендеръ, усматривающій, впрочемъ, у Лукреція страстное выраженіе ненависти къ вѣрѣ, даетъ такую общую характеристику сущности воззрѣній стараго поэта: «Въ его глазахъ вѣра была исполинскимъ призракомъ, тяжелая нога котораго мучительно попирала человѣческую жизнь, а лицо метало страшную угрозу съ высоты небесъ,—пока отважный духъ греческаго мыслителя, Эпикура, не побѣдилъ страшилища. Онъ отверзъ врата природы, проникъ, чрезъ огненные стѣны вселенной въ необъятное, и, въ качествѣ побѣдителя, принесъ человѣчеству познаніе причинъ бытія. Онъ тѣмъ разрушилъ вѣру, но своей побѣдой возвысилъ насъ до неба. Не думайте, что такое ученіе ведетъ на путь преступленій и безбожій; напротивъ, часто вѣра приводила къ преступнымъ и безбожнымъ дѣяніямъ. Поэтъ напоминаетъ, какъ Агамемнонъ принесъ разгнѣванной богинѣ Дианѣ въ жертву собственную дочь, и заканчиваетъ

^{*)} Лукрецій цѣлую книгу своей дидактической поэмы «О природѣ вещей» посвятилъ опроверженію ученія о божественномъ промыслѣ и о безсмертіи души. Вдохновенно возвѣщаетъ онъ идеи своего учителя, прогоняющія призракъ, «идущій къ намъ съ Ахерона». Душа, говоритъ онъ, не можетъ существовать отдѣльно отъ тѣла; онъ взаимно обусловлены другъ другомъ, ибо и душа, учить Эпикуръ, подобно тѣлу, составлена изъ мельчайшихъ и тончайшихъ атомовъ. Въ жизни и смерти душа и духъ соединены съ судьбой живыхъ существъ, душа и тѣло вступаютъ въ жизнь вмѣстѣ, сростаются, соединяются къ живой дѣятельности и угасаютъ въ старости,—оба смертны. Въ смерти, стало быть, нѣтъ ничего, что можетъ пугать. Она освобождаетъ отъ всѣхъ страданій. Старикъ долженъ спокойно уступить поприще жизни молодому поколѣнію: «Вѣдь тебѣ нѣтъ другой дороги! Жизнь дана тебѣ лишь заимобразно, а не въ полную собственность.» То, что рассказываютъ объ Ахеронѣ—сказки. Преданіе переноситъ въ будущую жизнь то, что беспокоитъ насъ въ здѣшней жизни. Для глупца адъ приготовленъ уже на землѣ. А потому, прочь досаду, заботу, страхъ—отъ всѣхъ этихъ воль освободитъ тебя изученіе природы.

свое трогательное описание мученической смерти невинной дѣвушки восклицаніемъ: «Такъ много бѣдъ могла произвести вѣра!»—Едва ли можно въ этомъ усмотрѣть «страстное выраженіе ненависти.»

Но не одинъ Лукрецій проповѣдывалъ подобныя отрицательныя идеи; очень сходны съ ними взгляды Ювенала: онъ говорилъ, что не боги руководятъ вселенной, а механическія силы природы управляютъ міровымъ порядкомъ. Можно съ полною вѣроятностью предположить, что на развитіе религіознаго скептицизма имѣло особенное вліяніе изученіе природы. Ясный умъ наблюдателей-натуралистовъ менѣе всего могъ примириться съ религіозными преданіями. И намъ дѣйствительно извѣстно, что какъ величайшій римскій натуралистъ, такъ и знаменитѣйшій римскій медикъ, Плиній старшій и Галенъ—принадлежали къ числу такъ называемыхъ атеистовъ.

Плиніи, также поклонникъ эпикуреизма, въ его лучшемъ направленіи, разсматривалъ вселенную какъ нераздѣльное цѣлое; божество и природа для него—одно и то-же. Природа—мать всѣхъ вещей, а потому самъ Богъ; или вѣрнѣе—«святая, неизмѣримая, вѣчная вселенная есть созданіе природы и въ то-же время сама природа», божество... Реальныя представленія божества считаеъ онъ порожденіемъ умственной слабости людей. Каково бы оно ни было, если только существуетъ божество, кромѣ природы,—оно должно быть исключительно силой, духомъ. Еще глупѣе многобожіе; нельзя считать божествами человѣческія свойства—согласіе, цѣломудріе, надежду, честь, кротость. Слабосильное, обремененное заботами человѣчество, въ сознаніи своей слабости, раздробило единое божество на нѣсколько отдѣльныхъ, дабы каждый могъ почитать ту сторону его, въ которой онъ болѣе всего нуждается. Оттого мы у другихъ народовъ находимъ другія названія; безчисленныя божества, даже болѣзни и бѣдствія, какъ напр. лихорадка и сиротство, являются у нихъ предметомъ почитанія, внушаемаго страхомъ. Къ этимъ божествамъ прибавьте еще вѣру въ добрыхъ геніевъ и—получится большее число боговъ, нежели людей. Вся міеологія—дѣтскія бредни; приписывать богамъ прелюбодѣяніе, ссору и ненависть, вѣрвать въ божества обмана и преступленій—есть высшая степень безстыдства. Проявленіемъ божества можетъ быть только дѣятельность людей на пользу людей, и это, вмѣстѣ съ тѣмъ, дорога къ вѣчной славѣ... Извѣстенъ древнѣйшій обычай, выражать благодарность благодѣтелямъ человѣчества помѣщеніемъ ихъ среди боговъ. Вообще названія боговъ и звѣздъ заимствованы у людей; развѣ можетъ быть списокъ небесныхъ именъ! Возможно ли, чтобы верховная сила, кто бы она ни была, заботилась о людскихъ дѣлахъ, занималась такимъ печальнымъ и сложнымъ дѣломъ, не унижая себя?... Несовершенство человѣческой природы ищетъ утѣшенія въ томъ, что и Богъ не всемогущъ. Онъ не можетъ умереть, еслибъ Онъ этого захотѣлъ, между тѣмъ какъ для человѣка это лучший даръ природы среди столькихъ мученій жизни. Онъ не въ силахъ дать безсмертіе смертнымъ, или вернуть къ жизни умершихъ; Онъ не можетъ сдѣлать такъ, чтобы тотъ, кто жилъ, не жилъ, или тотъ, кто занималъ должности, не за-

нималъ ихъ; онъ вообще не имѣеть иной власти надъ минувшимъ, кромѣ забвенія, и Онъ не можетъ также сдѣлать, чтобы дважды 10 не было 20, и многого другого въ томъ же родѣ; отсюда несомнѣнно слѣдуетъ могущество природы и то, что она именно то, что мы называемъ Богомъ.

Въ приведенномъ сопоставленіи мыслей Плинія мы слѣдовали, въ общемъ, изложенію Фридендера. Къ этому, однако, надобно прибавить еще нѣчто весьма существенное: естествоиспытаніе убѣдило римскаго ученаго, что духъ человѣка существуетъ не отдѣльно отъ его тѣла, а развивается въ тѣсномъ соединеніи съ нимъ, и что онъ исчезаетъ вмѣстѣ съ жизнью. Онъ, поэтому, отвергалъ вѣру въ загробную жизнь, считалъ ее неразумною, невозможною. Онъ полагалъ, что не можетъ быть духа безъ нервной субстанціи и вообще безъ тѣла, и указывалъ даже на однородность дыханія (духа) и тѣла людей и животныхъ, какъ бы предвосхищая мнѣніе Дарвина.

«Для всѣхъ, писалъ Плиній, наступаетъ съ послѣднимъ часомъ то-же, что было до перваго: чувство и сознаніе отсутствуютъ въ душѣ и тѣлѣ послѣ смерти также; какъ и до рожденія. Человѣческое тщеславіе придумало продолженіе существованія, вообразило себѣ жизнь послѣ смерти, приписывая душѣ то безсмертіе, то видоизмѣненіе, а подземнымъ духамъ сознаніе; почитаютъ тѣни и возводятъ въ боговъ тѣхъ, которые перестали быть даже людьми,—какъ будто наше дыханіе чѣмъ нибудь отличается отъ дыханія всѣхъ другихъ существъ, и точно въ природѣ нѣтъ другихъ, гораздо болѣе долговѣчныхъ вещей, которымъ, однако, никто не предсказываетъ безсмертія. Но, въ такомъ случаѣ, какое-же тѣло у души? Изъ чего состоитъ она, каковъ ея мыслительный аппаратъ? Каковы ея зрѣніе, слухъ, осязаніе? Какъ пользуется она этими средствами, и чѣмъ была бы она безъ нихъ? Гдѣ мѣстопробываніе души, и сколько тѣнеподобныхъ душъ накопилось за столько вѣковъ? Успокоительныя средства для дѣтей и бредни смертности, которая хотѣла бы быть вѣчною!—Какое дикое безуміе—думать, что жизнь обновляется смертію! И гдѣ нашли бы сотворенныя успокоеніе, еслибы въ высшихъ сферахъ продолжалось сознаніе души, а подъ землею обитали бы тѣни? По истинѣ, это мнимо сладостное утѣшеніе, и эта блаженная вѣра огнищаетъ силу у истиннаго блага природы, смерти, и удвоиваетъ страданія умирающаго обманіемъ дальнѣйшаго будущаго. Ибо если сладко жить, то для кого можетъ быть сладко сознаніе, что онъ когда-то жилъ? Куда легче и вѣрнѣе было бы, еслибъ каждый вѣрилъ самому себѣ и опытъ времени, предшествовавшаго рожденію, считалъ порукой за будущее.»

Выше было упомянуто, что врачъ Галэнъ тоже былъ скептикомъ. Не раздѣляя точки зрѣнія Плинія, онъ, однако, отвергалъ мнѣніе Платона о нематеріальности души; онъ спрашивалъ просто, чѣмъ безтѣлесныя субстанціи отличаются другъ отъ друга? Какимъ образомъ безтѣлесная сущность можетъ распространиться на тѣло, какимъ образомъ тѣло получаетъ такую власть надъ душою, какъ напр. при сумасшествіи, въ пьяномъ состояніи и при другихъ подобныхъ условіяхъ?

Безпощадно бичуетъ религіозное суевѣріе—языческое и христіанское—Луціанъ Самосатскій (род. 117 по Р. Х.); съ язвительной ироніей осмѣиваетъ онъ самую мысль о существованіи боговъ, въ томъ видѣ, какъ ихъ представляли себѣ его современники. По счастью для него, онъ писалъ еще при господствѣ язычества; его оставляли въ покоѣ, не преслѣдовали; еслибъ христіанство было сильно въ то время, онъ, безъ сомнѣнія, заплатилъ-бы жизнью за свою смѣлость.

Многія эпитафіи доказываютъ, что въ это время сильно распространено было мнѣніе о томъ, что съ окончаніемъ жизни прекращается и существованіе души. «Вѣчному сну»—«вѣрному покою», гласили надписи на такихъ памятникахъ; и далѣе: «презрѣвъ безмыслицу, я лежу здѣсь въ непробудномъ снѣ»; «я жилъ и ни во что за гробомъ не вѣрилъ»; «всѣ мы, которыхъ уноситъ смерть—гнилыя кости и пепелъ и больше ничего.»—Фридендеръ приводитъ еще цѣлый рядъ подобныхъ правоученій, и вспоминаетъ, по этому поводу, извѣстное двустипіе: «Я не былъ и сталъ, я былъ и нѣтъ меня болѣе—это правда. Кто говоритъ иначе, тотъ лжетъ, потому что меня не будетъ.» То же самое говорятъ многія эпитафіи, напр.: «Меня когда-то не было и я опять ничто; я объ этомъ ничего незнаю: мнѣ до этого дѣла нѣтъ,» и т. д.

Фридендеръ полагаетъ, что число невѣровавшихъ въ загробную жизнь было ничтожно, потому что изрѣченія подобно только что приведеннымъ встрѣчаются сравнительно рѣдко. Но такой выводъ едва ли правиленъ. То обстоятельство, что даже на надгробныхъ камняхъ бравировали невѣріемъ, и что эти монументы остались цѣлы, едва ли позволяетъ сомнѣваться въ широкомъ распространеніи подобныхъ воззрѣній. вмѣстѣ съ тѣмъ это свидѣтельствуетъ о большой терпимости язычества, которому не приходило въ голову насильственно искоренить чуждые взгляды, если только ихъ не навязывали кому нибудь противъ воли.

Во всякомъ случаѣ, число вѣрующихъ далеко превышало число скептиковъ. Но и въ средѣ первыхъ мнѣнія расходились: въ предствленіяхъ замѣчалось безконечное разнообразіе.

Любопытно еще одно обстоятельство, указываемое Фридендеромъ, именно: какъ античная вѣра въ безсмертіе души, въ полное отличіе отъ христіанской, сама возвращалась постоянно къ жизни на землѣ. «По религіознымъ понятіямъ римскаго народа, какъ и по демонологіи Платона, награда добрыхъ состояла не въ томъ, или не въ томъ по преимуществу, чтобы попасть въ рай, а чтобы принимать участіе въ радостяхъ и страданіяхъ позднѣйшихъ людей, помогать имъ, хранить ихъ и руководить ими. Самопожертвованія лучшихъ людей всѣхъ временъ и народовъ Цицеронъ не могъ объяснить себѣ иначе, какъ тѣмъ, что они и послѣ смерти могутъ быть свидѣтелями плодовъ ихъ вліянія и ихъ славы. Весь культъ умершихъ, у грековъ и римлянъ, имѣлъ въ виду сохранить непрерывную связь между живыми и мертвыми. Жилища покойниковъ были не уединенныя, тихія мѣста покоя, на подобіе нашихъ кладбищъ,—они помѣщались передъ воротами городовъ, по обѣимъ сторонамъ большой

дороги, гдѣ волны живого общенія текли быстрѣе, и не только для того, какъ говоритъ Варронъ, чтобы напомнить проѣзжающимъ, что и они когда нибудь найдутъ покой, но и для постоянного сохраненія и возобновленія памяти объ усопшихъ какъ среди близкихъ и потомковъ, такъ и среди всѣхъ позднѣйшихъ поколѣній. Одна римская эпитафія гласитъ: «Титъ Лоллій Маскулъ положенъ здѣсь около дороги, чтобы проходящіе говорили: привѣтъ тебѣ, Титъ Лоллій.» Нерѣдко подпись приглашаетъ путника почтить покойнаго такимъ ласковымъ привѣтомъ и призываетъ благословеніе на того, кто это сдѣлаетъ; есть даже такія надписи, гдѣ въ уста покойному влагаются отвѣтъ на обращеніе къ нему, такъ что прохожій могъ прочесть на могильномъ камнѣ вѣчто вродѣ діалога между нимъ и умершимъ.»

Сдѣлаемъ здѣсь еще одно замѣчаніе по затронутому вопросу: въ своихъ религіозныхъ взглядахъ древніе выказывали менѣе боязни смерти, чѣмъ это дѣлаютъ современные вѣрующіе люди. Для нихъ смерть была, если не переходомъ къ новой жизни, то во всякомъ случаѣ вѣчнымъ сномъ, избавленіемъ отъ всѣхъ заботъ и страданій.

Изъ небольшого числа римскихъ «философовъ», по преимуществу, надбъ выдѣлать Сенеку. Это былъ человѣкъ возвышенныхъ мыслей и превосходныхъ качествъ, но онъ не могъ безусловно противиться пагубнымъ вліяніямъ условій, созданныхъ деспотизмомъ. По слабости характера и недалековидности онъ отнесся снисходительно къ разнымъ безобразіямъ юнаго Нерона и самымъ недостойнымъ образомъ лѣстль—что особенно оскорбляло его современниковъ—отпущенію Полибію, любимцу тиранна. Склоняясь къ неоплатонизму, онъ развивалъ теорію морали, которая отвѣчала духу того времени, пользовалась огромнымъ распространеніемъ, и которую любить считалъ исключительнымъ признакомъ христіанства. Но Сенека не былъ христіаниномъ, онъ остался язычникомъ и проповѣдывалъ чистую мораль, безъ примѣся какихъ либо религіозныхъ суевѣрій. Онъ требовалъ категорически, чтобы люди дѣлали добро даже врагамъ, и, съ яснымъ умомъ высокообразованнаго ученаго и практическаго государственнаго человѣка, возвысился до сознанія того, что существуютъ человѣческія права, что рабъ—существо, равное свободному, и что передъ судомъ не только Бога, но и—добродѣтели нѣтъ никакого различія между отпущенниками, рабами и царями.

Эти идеи изложены Сенекою умно, ясно и живо. Дань, которую онъ заплатилъ дурному направленію его времени, сказывается въ явномъ стремленіи къ эффекту, къ искусственности въ слогѣ, вслѣдствіе чего ему нерѣдко недостаетъ силы полнаго внутренняго увлеченія. Интересно, впрочемъ, съ точки зрѣнія нравовъ того времени, что оба величайшіе философа Рима—Цицеронъ и Сенека—умерли насильственною смертью вслѣдствіе господствовавшаго произвола цезаризма.

Позднѣе философія въ Римѣ сдѣлалась, по преимуществу, достоинствомъ софистовъ. Цицеронъ называлъ этимъ именемъ людей, которые занимались философіей для того, чтобы щеголять ею или зарабатывать деньги. Впослѣдствіи погоня за умозрительными тонкостями

получила еще большее развитіе. Внутреннюю пустоту старались замѣнить обманчивыми формами, ложными заключеніями,

Ученіе стоиковъ обжило въ Эпиктетѣ (въ царствованіе императора Адриана). Онъ родился рабомъ, но получилъ свободу, былъ изгнанъ изъ Рима при Домиціанѣ; достоинства своей философіи онъ засвидѣтельствовалъ всею своею жизнью. «Терпи и отказывайся» — на этомъ правилѣ основано все его ученіе о нравственности. Къ тому же философскому направленію примкнулъ вѣдѣльщикъ императоръ Маркъ Аврелій. Нельзя не упомянуть здѣсь также о Лонгинѣ, превосходномъ совѣтникѣ царицы Зеновіи; первоначально онъ былъ приверженцемъ школы неоплатониковъ, но его свѣтлый умъ не могъ надолго удовольствоваться ихъ туманностью и чувствительностью.

У Апулея (эпоха Антониновъ) мистицизмъ Платона является особенно тщательно разработаннымъ. Тайные культы, съ ихъ посвященіемъ, амулетами и символическими обрядами, связаны у него съ нѣкоторыми видами волшебства, такъ наз. естественною магіею, и т. п. — Выше было говорено, что знаменитый врачъ Галэнъ, обладавшій обширными свѣдѣніями по естественнымъ наукамъ, своими здравыми понятіями старался противодѣйствовать суевѣріямъ и чародѣйству, которымъ такъ часто пользовалось шарлатанство. Успѣхъ въ этомъ отношеніи былъ лишь непродолжительный и ограничивался небольшимъ кругомъ. Всеобщая деморализація и невѣжество по части естественныхъ наукъ были такъ сильны, что постоянно увлекали людей въ сторону мистицизма и суевѣрія. Чѣмъ безмысленнѣе были вѣрованія, тѣмъ сильнѣе было ихъ дѣйствіе. Только отдѣльные умы освобождались отъ него. Самымъ виднымъ представителемъ этой группы является (также названный выше) Лукіанъ Самосатскій, бичевавшій глупости своего времени съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ, съ рѣзкой пронаей и остроуміемъ, не щадившей ни язычества, ни христіанства и не оставившей въ покоѣ учителей-философовъ. Скептицизмъ находилъ приверженцевъ, но въ небольшомъ числѣ. Неоплатонизмъ имѣлъ, въ особенности въ Александріи, не только восторженныхъ, но и талантливыхъ поклонниковъ и поклонницъ; среди послѣднихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія ученая, благородная и пламенная Гипатія.

Въ общемъ, кончина царя всѣхъ философскихъ системъ грековъ и римлянъ, въ подросточествахъ такъ рѣзко расходившихся между собой, заключалась въ стремленіи къ познанію, тогда какъ религія Моисея и христіанство представляютъ это стремленіе въ вѣдѣніемъ дьявола, искусителя (дерево познанія Библии). Но хотя кровенія и не допускаютъ критики религіозныхъ основъ, однако свободный духъ человѣческой уже началъ вновь заявлять свои права, — хотя и послѣ безгранично долгаго времени.

При императорахъ философія, за весьма немногими исключеніями, не обрѣталась въ фаворѣ. Уже мать Нерона отговаривала его отъ занятій философіей, «потому что она вредна будущему правителю государства». Въ дѣйствительности же, философію вовсе не презирали, а только боялись. Это было то самое чувство, которое Наполеону I внушило ненависть къ «идеологамъ». Говорятъ, что

самъ Мecenать предостерегалъ Августа отъ философовъ, такъ какъ они будто бы распространяли революціонныя идеи. Фактъ тотъ, что убійцы Цезаря были почти всѣ приверженцы стоицизма, и что и въ ближайшіе слѣдующіе вѣка носители свободныхъ идей, большею частью, примыкали къ этому направленію,—напр. Эрасея Петъ и Гельвидій Прискъ. Потому-то и подвергались такимъ гоненіямъ философы. При Неронѣ не только преслѣдовали двухъ названныхъ лицъ, но и убили въ 62 г. въ ссылкѣ Рубеллія Плавта за то, что онъ «явно подражалъ древнимъ римлянамъ и перенялъ высокоуміе стоической школы, каковая воспитываетъ и производитъ непокойные и крामольные умы». А въ царствованіе Веспасіана стоикъ Гельвидій Прискъ, зять Эрасея, былъ изгнанъ вторично и въ ссылкѣ убитъ. Его республиканская непоколебимость, а также его философское презрѣніе къ жизни были невыносимы даже одному изъ лучшихъ императоровъ: имперія требовала безусловной покорности. Были высланы изъ Рима и остальные стоики, и съ ними вмѣстѣ циникъ Димитрій, за ихъ противомонархическія убѣжденія (между 71 и 75 г.),—исключая только одного философа; а второе гоненіе на философовъ состоялось въ 93 г., при Домиціанѣ. По смерти этого тирана произошла реакція. Траянъ, Адрианъ и Антонинъ Пій покровительствовали философій, Маркъ Аврелій и Юлианъ сами посвящали ей ревностно свои досуги.

Позднѣе мѣсто всѣхъ философскихъ школъ заняли споры христіанскіе, искоренившихъ язычество. Но и тогда раздоры между самими сторонниками новой вѣры, и эта борьба, такъ мало понятная для простаго здраваго смысла, велась не на почвѣ научнаго разногласія, а всевозможными средствами насилія, какія только были доступны яростному фанатизму. Это уже было дѣйствительно дурнымъ знаменіемъ времени и бросало тѣнь на христіанство; въ обществѣ не только не замѣчалось движеніе впередъ, но и произошла печальная реакція.

Умственное развитіе въ другихъ сферахъ. Почти во всемъ, что касается умственной жизни, римляне являются учениками грековъ, и не безъ нѣкотораго основанія утверждалось, что римляне завоевали Грецію территориально, а греки покорили Римъ духовно. Было-бы, однако, большимъ заблужденіемъ считать римлянъ слѣпыми подражателями грековъ. Если имъ и не доставало дивно-гениальнаго творческаго духа послѣднихъ, то, всетаки, они сумѣли, во многихъ отношеніяхъ, усвоить себѣ богатія умственные пріобрѣтенія еродотскаго имъ по племени народа, переработать и развить ихъ самостоятельно.

Выше мы замѣтили, что, по счастью, греки не имѣли ни Зендъ-Авесты, ни Талмуда, ни Корана, и ихъ юношеству не приходилось тратить время на уставы и формулы. Въ тѣхъ же условіяхъ находились и римляне. Правда, у нихъ не было Гомера; но и безъ него поэзія составляла основу преподаванія. Она была подготовительною ступенію къ риторикѣ, составляющей необходимое условіе для гражданина, посвящающаго себя общественной дѣятельности въ свободной странѣ. Чтеніе и объясненіе поэтовъ было, по вѣрному замѣчанію Фридлендера, почти единственнымъ предметомъ школьна-

го преподаванія. По словамъ Горація, «поэтъ давалъ форму еще лепечущимъ устами ребенка».

Отъ поэтовъ молодой человекъ переходилъ къ риторамъ. Такъ какъ все государственное устройство римлянъ въ наиболѣе славное, республиканское время было безусловно гласное, то уже изъ этого вытекаетъ практическое значеніе краснорѣчія, хотя въ болѣе раннемъ періодѣ оно, натурально, могло быть лишь простымъ, краткимъ и безыскусственнымъ. Такой именно характеръ имѣли рѣчи не только Катона Старшаго, но и Гракховъ, но это нисколько не ослабляло производимаго ими сильнаго впечатлѣнія. Затѣмъ оказывала огромное вліяніе на усовершенствованіе формы и внѣшнее изящество декламациі—греческая школа. Цицеронъ, по своему образованію, былъ болѣе грекъ, нежели римлянинъ. Позднѣе и на эту отрасль накинулись софисты, но мѣръ того какъ деспотизмъ сталъ стѣснять, запрещать неизбѣжную здѣсь свободу слова, подавляя внутреннюю правду и ставя на ея мѣсто пустую фразу, лицемѣріе и обманъ.

Въ большинствѣ наукъ римляне оставались въ тѣхъ же предѣлахъ знанія, которыми были скованы эллины. Ихъ связывало недостаточное знакомство съ природой. Знаменитый врачъ Галэнъ, который такъ стремился, на основаніи опыта, придти къ точнымъ выводамъ, и который въ религиозныхъ вопросахъ держался большей свободы мысли, нежели многіе его современники, не могъ, однако, освободиться отъ предразсудковъ своего времени настолько, чтобы отвергать вполне сверхъестественныя вліянія и явленія, и дѣйствіе магическихъ формулъ на физическій міръ признавать безусловнымъ обманомъ.—Естественнспытатель Плиніи сообщаетъ о народностяхъ безъ головы, безъ рта и съ одной ногою.—Страбонъ совершенно серьезно рассказываетъ объ одномъ деревѣ, которое такъ высоко, что даже въ полдень бросаетъ тѣнь на протяженіи 5 стадій.—Землеузнаніе римлянъ было ограничено. Они объѣзжали различныя части своего государства, но—въ противоположность эллинамъ—не показывали и слѣда серьезнаго желанія изслѣдовать чужія страны. Такое желаніе могло казаться глупостью народу, во всемъ имѣвшему въ виду исключительно практическую пользу. Къ красотамъ природы римляне были вообще довольно равнодушны*). Высочія горы скорѣе пугали ихъ воображеніе, не казались имъ величественными, а красота рейнскаго водопада у Шаффгаузена произвела на нихъ также мало впечатлѣнія, какъ и чудное отраженіе солнечныхъ лучей на вершинахъ Альпъ; ни одинъ римскій писатель не говоритъ объ этихъ явленіяхъ въ указанномъ смыслѣ.—Въ астрономіи была законодательницею александрійская школа, стоявшая на греческихъ основаніяхъ. Съ помощью грековъ Цезарь усовершенствовалъ календарь, связанный съ его именемъ; греки же наблюдали за правильностью солнечныхъ и водяныхъ часовъ, бывшихъ въ это время въ употребленіи въ Римѣ. Птолемева система вселенной, вышед-

*) Что они, однако, не вполне были лишены такого чувства красоты, доказываетъ, какъ будто, то обстоятельство, что они любили жить на своихъ дачахъ, искать отдохновенія въ особенности на чудномъ неаполитанскомъ заливѣ.

шая изъ столицы Египта и отвергнувшая болѣе правильный взглядъ прежнихъ греческихъ, даже александрійскихъ ученыхъ, цѣлое тысячелѣтіе вела астрономію по ложной дорогѣ; имя Птолемея обозначаетъ, такимъ образомъ, въ наукѣ не шагъ впередъ, а шагъ назадъ, безъ котораго даже теологическій консерватизмъ среднихъ вѣковъ не былъ бы мыслимъ. (Какъ только уразумѣли, что земля—не средоточіе вселенной, а только маленькая точка въ ней, прежнее старозавѣтное міровоззрѣніе потеряло всякую почву.) Самъ Птолемей былъ не только астрономъ, но и астрологъ. Изученіе математики, астрономіи и естественныхъ наукъ вообще соединяли съ безсмысленнѣйшими, мистическими фантазіями, и это, въ свою очередь, оказывало вліяніе на различныя отрасли науки, понятно, и на богословіе.

Итакъ, существеннѣйшая заслуга римлянъ въ научной области состояла не въ самостоятельномъ созданіи чего либо совершенно новаго, а скорѣе въ переработкѣ того, что было изучено и открыто другими народами; они соединили и слили воедино разносторонніе успѣхи своихъ предшественниковъ и старались эти успѣхи, съ возможной пользой, примѣнять къ ихъ собственной практической жизни. Тѣмъ не менѣе, однако, была одна область, въ которой римляне создали нѣчто болѣе великое, нежели всѣ прочіе народы: юриспруденція получила у нихъ такое развитіе, какъ ни въ какой другой странѣ; можно даже сказать, что, только благодаря имъ, она и поднялась до высоты истинной науки. Предметъ самъ по себѣ былъ таковъ, что приковывалъ къ себѣ все вниманіе людей, заботившихся объ обезпеченіи своихъ выгодъ, и разнообразіе представлявшихся при этомъ отношеній давалъ тонкому уму народа богатый матеріалъ для развитія. Такимъ-то образомъ случилось, что римское право не только въ теченіи многихъ вѣковъ господствовало надъ всѣми правоотношеніями цивилизованныхъ народовъ, но что знакомство съ этимъ правомъ до сихъ поръ еще необходимо для каждаго юриста, не смотря на то, что многія условія жизни совершенно измѣнились. Если намъ и приходилось касаться многихъ грубыхъ сторонъ римской жизни, то высота, до которой римляне выработали гражданское право, служить поразительнымъ доказательствомъ тонко развитаго, по истинѣ блестящаго состоянія культуры. Само по себѣ римское право представляетъ собой какъ бы сущность высшей человѣческой мудрости въ указанной сферѣ.

Но въ то время, какъ тщательно разрабатывалось частное право, уровень публичнаго права все болѣе понижался, и оно, наконецъ, совершенно погнбло. Вѣрно замѣтилъ проф. Бринцъ: «Міру представился на первый взглядъ загадочный процессъ: одно право развивалось до пышнаго совершенства, или до того, что мы называемъ классическимъ правомъ, между тѣмъ какъ въ области публичнаго права все болѣе стала преобладать неправда; она не успокоилась до тѣхъ поръ, пока въ образѣ римской имперіи не превратилась въ полное безправіе,—какъ будто съ тѣмъ, чтобы доказать, что право существуетъ и нужно собственно только для низшей области частнаго права, а для правоотношеній вышшаго порядка нужна только

власть». «Полный абсолютизм, говоритъ далѣе Бринцъ, представляетъ собою не особую форму публичнаго права, какъ обыкновенно думаютъ,—а просто отрицаніе публичнаго права. Ставя себя выше права, онъ освобождаетъ повелителя и его власть,—а, слѣдовательно, и его личное право, въ которомъ исчезаетъ все публичное право,—отъ всякаго правоваго обязательства. Право же, которое не есть въ то же время обязательство, называется частнымъ. Стало быть, абсолютизмъ можетъ быть только частнымъ правомъ, а такъ какъ предметомъ послѣдняго является государственная власть, то онъ можетъ быть только отрицаніемъ публичнаго права.»—А что при такомъ упраздненіи публичнаго права и частное право не даетъ гражданину никакого обезпеченія, хотя бы въ отношеніи его землевладѣнія,—въ этомъ римское общество могло убѣдиться на практикѣ уже въ «золотой вѣкъ» Августа, когда потеряли свое имущество 300 сенаторовъ и 2000 всадниковъ и, кромѣ того, тысячи семействъ были выброшены изъ своихъ родовыхъ имѣній; ихъ земли были розданы ветеранамъ, а ихъ самихъ пустили по міру, плачущихъ, нищихъ и голодныхъ. А какія времена наступили потомъ, при позднѣйшихъ деспотахъ!

Законы о наказаніяхъ также не стояли на высотѣ обычнаго гражданскаго права, хотя они-то и должны были бы отражать въ себѣ господствующій духъ гуманности или грубости.

Законы 12-ти таблицъ были составлены въ духѣ Дракона. Кто поджигалъ собранный хлѣбъ сосѣда, предавался живо сожженію; ложныхъ свидѣтелей низвергали съ Тарпейской скалы; авторы памфлетовъ наказывались смертью; заимодавецъ могъ неисправнаго должника продать въ рабство или даже убить.

Это было, конечно, въ раннемъ періодѣ развитія, который у древнихъ народовъ былъ всегда періодомъ грубой силы и отчасти варварства. Возрастающая культура смягчила нравы и наказанія. Но мы бы ошиблись, воображая, что она вполне устранила хотя бы самыя безчеловѣчныя постановленія. Возьмемъ нѣкоторые законы христіанскаго императора Константина. Кто похитилъ дѣвушку моложе 25 лѣтъ, наказывается смертью, и, какъ будто простой смерти было недостаточно за такое преступленіе, сожигался живо, или отдавался на растерзаніе дикихъ звѣрей въ амфитеатрѣ. Заявленіе дѣвушки, что она согласилась на бѣгство изъ родительскаго дома, не только не спасало ея любовника, но и могло подвергнуть ее той же участи. Родителямъ виновной или несчастной дѣвушки вмѣнялось въ обязанность жаловаться. Если бы голосъ природы побуждалъ ихъ скрыть нанесенную имъ обиду и спасти честь семьи замужествомъ дочери, то въ этомъ случаѣ имъ самимъ угрожалась ссылка и конфискація имущества. Невольники или невольницы, уличенные въ пособничество такому добровольному или насильственному похищенію, сожигались или убивались—имъ вливалось въ горло расплавленное олово. Давность не уничтожала подобной жалобы, и послѣдствія приговора распространялись и на невинныхъ дѣтей, происшедшихъ изъ такой связи.

Замѣчательно, что даже знаменитый моралистъ Цицеронъ одобряетъ законъ, по которому дѣти наказываются за проступки ихъ родителей. «Я жалѣю о строгости, съ какою дѣти наказываются за проступки отца, пишетъ онъ,—а между тѣмъ это мудрое постановленіе нашихъ законовъ, потому что оно связываетъ отца съ интересами государства крѣпчайшими изъ всѣхъ узъ—любовью къ своимъ дѣтямъ». Шли еще дальше. Когда впадалъ въ немилость при дворѣ какой нибудь префектъ, то наказанію подвергалась страна, въ которой онъ родился. Когда подавлены были возставшіе Таціанъ и Прокулъ, префекты Востока и Константинополя, выпило распоряженіе, что Ликія, отечество этихъ несчастныхъ, исключается изъ числа римскихъ провинцій, и ея жители лишаются права занимать высшія или выгодныя должности по императорской администраціи. Такъ притѣнялся ни въ чемъ неповинный народъ.— Одинъ изъ эдиктовъ императоровъ Аркадія и Гонорія выражаетъ, правда, справедливый принципъ: «*Sancimus, ibi esse poenam, ubi et noxia est*» и т. д. Но тѣ-же императоры говорили совсѣмъ другое относительно государственной измѣны. Постановивъ для виновнаго смертную казнь, законъ продолжаетъ: «Что касается сыновей такихъ преступниковъ, то они должны бы, по всей справедливости, раздѣлять наказаніе съ ихъ отцами, такъ какъ они, по всей вѣроятности, окажутся виновными въ томъ же преступленіи (!); но, по особенной государственной милости, мы даруемъ имъ жизнь, объявляя ихъ въ то же время не имѣющими права наследовать что либо со стороны отца или матери, либо получать по завѣщанію родныхъ или друзей подарокъ или наследство. Съ печатью наследственного позора, безъ права на честь или состояніе, пусть они чувствуютъ муку бѣдности и презрѣнія до тѣхъ поръ, пока имъ жизнь не покажется мученіемъ, а смерть—благомъ и освобожденіемъ.»

Безъ сомнѣнія, подобныя постановленія внушены были страхомъ и чувствомъ самосохраненія, которыя никогда не покидали самовластителей. Однако жестокость, которую проинкнута указанная часть уголовныхъ законовъ, вліяла также и на другія сферы. И въ этомъ опять-таки сказывалось пагубное дѣйствіе тиранніи. Во времена республики законы и судъ постепенно смягчались; единовластію пришлось, для поддержанія себя, вступить на противоположный путь. Вотъ еще примѣръ, какъ неосновательно мнѣніе о цѣлесообразности разрушенія въ Римѣ республиканскихъ формъ. При этихъ формахъ судебная власть по всѣмъ серьезнымъ политическимъ дѣламъ принадлежала народу, тогда какъ дѣла о маловажныхъ проступкахъ поручены были должностнымъ лицамъ, назначаемымъ изъ сенаторовъ. Такъ оно оставалось впродолженіе первыхъ трехъ вѣковъ республики, до середины 2-го столѣтія до Р. X.

Искусство. У эллиновъ развилось искусство въ силу внутренняго стремленія народа, оно произошло изъ всего духовнаго существа, изъ самой души народа; потому занятіе имъ было внутреннею потребностью грековъ. Иное дѣло у римлянъ. Тутъ искусство было, по преимуществу, дѣломъ роскоши, а потому, прежде всего, принадлежностью богатыхъ. Уже въ силу этого римляне, въ области

искусства, никогда не могли развернуть такого творческаго генія, какимъ отличались эллины—послѣднимъ онъ былъ врожденъ.

Самый ходъ политическаго развитія неблагопріятно вліялъ на выработку истиннаго искусства. Когда римляне вышли изъ своей первобытной бѣдности и грубости, они въ различныхъ отрасляхъ стали обнаруживать художественный вкусъ. Но вотъ пала республика. Монархія располагала большими денежными средствами, она открыто покровительствовала художникамъ; но высшій художественный вкусъ она испортила въ самомъ корнѣ, отнявъ у искусства первое условіе преуспѣванія—свободу. Хвастали именами, но чутья и пониманія не было. Всѣ публичныя работы прославляли личность самаго монарха, а не общину и не величіе свободного народа, какъ было раньше. Уже прежде было замѣчено, что писатели временъ императоровъ рѣдко говорятъ объ искусствѣ и еще рѣже показываютъ пониманіе его. Сенека не только превозноситъ философію, но и говоритъ съ пренебреженіемъ о свободныхъ искусствахъ. По его мнѣнію, живопись, ваяніе, литіе бронзы такъ-же мало общаго имѣютъ съ искусствомъ, какъ занятіе аптекарей и поваровъ. Совершенно соотвѣтствовало такому взгляду то, что, напр., у статуй спокойно отбивали голову, чтобы водрузить другую.

Присоединяемся вполне къ слѣдующему мнѣнію Фридендера (опровергаемому К. Ф. Германомъ): «Безчисленныя художественныя коллекціи римлянъ такъ же мало доказываютъ распространеніе хорошаго вкуса, какъ колоссальное примѣненіе искусства къ декоративнымъ и монументальнымъ цѣлямъ. Накопленіе старинныхъ произведеній искусства было также лишь проявленіемъ римской любви къ роскоши, которая при всей своей грандіозности всегда сохраняла что-то варварское; люди большого свѣта хотѣли обладать и наслаждаться самымъ изысканнымъ, что только было доступно, хотѣли окружить себя всѣмъ, что только могло сообщать жизни великолѣпіе и блескъ. Поэтому они и тащили въ Римъ знаменитыя произведенія скульптуры, но ихъ интересъ былъ чисто внѣшній —уловить духъ этихъ сокровищъ они не могли. Именно накопленіе впечатлѣній было, какъ вѣрно замѣтилъ Плиній, признакомъ ступлѣнія... Немногіе и время-то находили для проникновенія въ эти созданія; большинство довольствовалось бѣглымъ и поверхностнымъ ознакомленіемъ съ ними. Тацитъ такъ характеризуетъ равнодушіе къ поэзіи: «Кто разъ видѣтъ знаменитаго поэта, тотъ удовлетворенъ и идетъ дальше, точно онъ видѣлъ статую или картину».—Въ самомъ дѣлѣ, вся римская литература неопровержимо подтверждаетъ тотъ фактъ, что, несмотря на все художественное богатство стараго и новаго Рима и римской имперіи, живопись и ваяніе не имѣли вліянія на римскую образованность вообще. Среди большого числа поэтовъ и прозаиковъ разныхъ вѣковъ, стоявшихъ обыкновенно на высотѣ образованности своего времени, а потому могущихъ считаться его полноправными представителями, едва одинъ интересуется и понимаетъ искусство. Въ этой столь разнообразной литературѣ, обнимающей нѣсколько вѣковъ, затронуты всѣ болѣе важныя вопросы и умственные теченія времени; въ первые христіанскіе вѣка (т. е. въ періодъ

имперіи до полного господства христіанства) она преимущественно разсматриваетъ современность и хвалить или порицаетъ явленія умственной жизни; между тѣмъ, мы нигдѣ не находимъ слѣда пониманія истинной сущности искусства, искренняго увлеченія красотой его созданий. Если гдѣ и говорится о немъ, то либо безъ всякаго пониманія и съ пренебреженіемъ, либо безъ всякаго сочувствія и теплоты. Отдѣльнымъ римлянамъ, пожалуй, и удавалось проникнуть въ сущность греческаго искусства, но римской культурѣ, въ ея общемъ и цѣломъ, оно оставалось чуждо и непонятно».

Художественныя работы нерѣдко поручались невольникамъ,—обстоятельство, которое не только объясняетъ низкое общественное положеніе художниковъ а также отсутствіе у нихъ вдохновенія и оригинальности, но и дѣлаетъ вполнѣ понятною и безусловную зависимость отъ греческихъ образцовъ.

Взглянемъ на отдѣльныя отрасли; на первомъ планѣ архитектура. У римской архитектуры нельзя отнять извѣстныхъ заслугъ, но и въ ней римляне были не самобытны, а подражали сперва этрускамъ, потомъ грекамъ. Римляне не чувствовали особеннаго призванія и таланта къ этому искусству; это видно уже изъ замѣчанія Витрувія, который говоритъ, что, кромѣ него, объ архитектурѣ писали только четыре римлянина, тогда какъ много грековъ занимались ею теоретически. Ихъ зданіямъ недостаетъ благородной простоты греческаго храмоустройства. Тамъ, гдѣ они подражали грекамъ, замѣчается прибавка совершенно не мотивированныхъ украшеній. Какъ во многомъ другомъ, такъ и здѣсь римляне старались достигнуть совершенства нагроможденіемъ деталей и огромными размерами. О пристрастіи къ послѣднимъ свидѣтельствуютъ въ особенности развалины императорскихъ дворцовъ на Палатинскомъ холмѣ. Величайшей заслугой римлянъ въ архитектурѣ является дальнѣйшее усовершенствованіе сводчатыхъ построекъ, унаслѣдованныхъ ими отъ этрусковъ. До тѣхъ поръ, пока (на Востокѣ и у грековъ) пространство перебивалось только огромными каменными плитами и громадными горизонтальными балками, которыя клались на стѣны или столбы—задача архитектуры была до крайности проста, обусловлена родомъ камня, который могъ быть перекрытъ лишь на небольшомъ разстояніи. Но съ тѣхъ поръ, какъ научились соединять камни въ формѣ клиньевъ и дѣлать изъ нихъ арку, принципъ которой основанъ на тяготѣнн отдѣльныхъ частей къ ихъ центру тяжести,—съ этого времени архитектура была освобождена изъ ея узкихъ рамокъ и могла давать помѣщеніямъ болѣе свободный и разнообразный видъ,*)

*) Почтенный Фридендеръ (III, 58) замѣчаетъ: «Еще въ 92 г. до Р. Х., послѣ столькихъ походовъ и побѣдъ въ греческихъ и восточныхъ земляхъ, богатыхъ зданіями съ колоннами, ни одно публичное зданіе въ Римѣ не имѣло колоннъ.» Но онъ, повидимому, забылъ, что колонны, при всей ихъ красотѣ, не особенно практичны. Колонны были для грековъ необходимою; они умѣли ихъ разукрасить и облагородить, но сводчатая постройка римлянъ имѣли совсѣмъ другое значеніе для практической жизни. То, что для однихъ было потребностью, для другихъ было простымъ украшеніемъ.

а общему плану—большую подвижность. Римская архитектура существенно отличается от греческой смѣлымъ примѣненіемъ и посподобательнымъ развитіемъ сводовъ. Она окончательно выработала этотъ принципъ конструкціи и сдѣлала его элементомъ, одинаково важнымъ въ техническомъ и эстетическомъ смыслѣ. «Какъ на всемъ, что создано римлянами, такъ и на ихъ зданіяхъ лежитъ печать мощи и величія, а солидность работы и достоинство матеріала уступили лишь самымъ насильственнымъ разрушеніямъ, такъ что даже развалины еще служатъ свидѣтельствами ихъ почти несокрушимого великолѣнія» (Любке). Величавость римскихъ сооружений далеко превосходитъ постройки грековъ; въ особенности хороши у нихъ куполы—по этой части римляне дали много новаго и колоссальнаго. Величайшая работа этого рода—Пантеонъ въ Римѣ, исполненный въ 26 г. передъ Р. Х. по распоряженію М. Агриппы, зятя Августа; планъ былъ составленъ зодчимъ Валеріемъ. Это—круглый храмъ съ куполомъ не только дивной красоты, но и внушительныхъ размѣровъ. Но римляне не ограничивались постройкой однихъ храмовъ, они возводили также всевозможныя другія зданія, особенно публичныя. Куріи и базилики, комиціи и форумы, театры, цирки и амфитеатры свидѣлствуютъ о ихъ высокомъ мастерствѣ; равнымъ образомъ безчисленныя термы, памятники и надгробные монументы. Но величайшею заслугой римлянъ являются ихъ сооружения, имѣвшія цѣлью благоустройство, общественную пользу. Здѣсь по преимуществу могъ себя проявить ихъ практической умъ. Потому-то въ этихъ сооруженияхъ выступаетъ (по справедливому замѣчанію Вильг. Конера) большая, сравнительно съ греческими, своеобразность, и замѣчается большее разнообразіе какъ цѣлей, такъ и средствъ, которыми старались достигнуть этихъ цѣлей. Можно сказать, что никакая другая категорія построекъ не показываетъ намъ такъ ясно характера и стремленія римскаго народа, какъ эти общественныя сооруженія.

Мы уже говорили объ искусственныхъ дорогахъ, клоакахъ и т. д., и, для избѣжанія повтореній, отсылаемъ къ сказанному выше. Къ помянутымъ сооружениямъ надо прибавить мосты; здѣсь уже искусству строить своды были указаны непосредственно практическія цѣли. Не менѣе замѣчательны гавани. Въ Греціи, по большей части, довольствовались тѣмъ, что пользовались естественными бухтами или мысами, расширяли заливы и охраняли ихъ плотинами; римляне предпринимали работы даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ наталкивались на естественныя препятствія. Они отважно утверждали въ моряхъ молы и стѣны, устраивали защищенные пристани для своихъ судовъ; были устроены даже искусственные острова въ морѣ, для защиты входа въ столь же искусно построенную гавань отъ морскихъ волнъ.—Были у римлянъ и другія водяныя постройки, каналы, высушивались озера. Самой крупной работой послѣдняго рода было отведеніе Фуцинскаго озера. Нужно было положить конецъ наводненіямъ и добыть землю, годную для воздѣлыванія. Для этой цѣли въ горѣ былъ проломленъ туннель, длиной въ 3000 двойныхъ шаговъ—болѣе $\frac{1}{2}$ геогр. мили—вышиной въ 19 футъ и шириной въ 9 футъ. 11 лѣтъ длилась эта работа; работало 30,000 человекъ. Предпріятіе было успѣшно дове-

дено до конца; вода изъ озера вытекла по искусственно вырытому руслу въ рѣку Лириду (Liris, нын. Гарильяно).—Далѣе римляне заботились также не мало объ удовлетвореніи одной общественной потребности, которая вплоть до самаго послѣдняго времени не была оцѣнена во всемъ ея объемѣ: мы говоримъ о снабженіи городовъ, въ достаточномъ количествѣ, хорошею водою для питья (на что также было указано выше). Уцѣлѣвшія огромныя сооруженія свидѣтельствуютъ объ этомъ, хотя съ другой стороны онѣ же показываютъ низкую степень развитія гидростатики, такъ какъ вся постройка этихъ огромныхъ арокъ, иногда нагроможденныхъ одна на другую, оказалась бы ненужною, еслибъ римляне имѣли понятіе о томъ, о чемъ потомъ узнала Европа отъ арабовъ, а именно, что воду можно по трубамъ провести въ глубочайшія долины, и, въ то же время, въ другомъ мѣстѣ поднять ее до той высоты, на которой она беретъ свое начало.

Будучи хорошими зодчими, римляне обладали гораздо меньшимъ талантомъ къ лѣплению, къ пластикѣ. Одинъ остроумный знатокъ замѣтилъ, что въ скульптурѣ у нихъ все было произведеніемъ сначала этрусковъ, потомъ эллиновъ. Фактъ тотъ, что первая школа скульптуровъ въ Римѣ была ново-аттическая. Утрата греками свободы и самостоятельности хотя и погасила у нихъ огонь того высшаго, художческаго вдохновенія, которому міръ обязанъ несравненными созданіями ранняго времени, но печальныя условія все-таки не въ состояніи были совершенно убить прирожденный пластическій талантъ эллиновъ. Зарождавшаяся любовь римлянъ къ искусству давала этой способности новую пищу. Упомянутая ново-аттическая школа въ Римѣ выработала въ своихъ трудахъ техническое совершенство, которое признается превосходнымъ. Тонкая конценція, гармонія ритмическаго движенія и веденія линій, мягкость и нѣжныя переходы формъ—всѣ эти достоинства сдѣлали работы этой школы предметомъ удивленія знатоковъ, несмотря на то, что въ нихъ уже замѣтно болѣе или менѣе сильное стремленіе къ эффекту, что было чуждо древне-греческому искусству съ ея строго-спокойной красотой.

При этомъ напрашивается одно наблюденіе политическаго свойства. Хотя всѣ замѣчательные художники были не римляне, а греки, отечество которыхъ уже потеряло свою независимость, но эта новая школа за границей процвѣтала и развивалась, пока здѣсь, на чужбинѣ, оставалось въ силѣ начало свободы. Художественное развитіе шло быстро и сильно, пока въ Римѣ существовали республиканскія учрежденія или же продолжалось ихъ вліяніе; съ имперіи начался регрессъ; это движеніе назадъ привело, наконецъ, къ паденію всякаго истиннаго искусства. И въ этомъ случаѣ факты говорятъ убѣдительно любой теоріи.

Лучшія статуи этого періода—такъ называемая Венера медіцейская (нынѣ во Флоренціи),—работа Клемена аѳинскаго; фарнезскій Геркулесъ (въ Неаполѣ),—также работа аѳинянина, Гликона; аѳинскія же произведенія—знаменитый Торсъ Бельведера въ Римѣ и каріатиды Пантеона: первый—работа Аполлонія, послѣдній—нѣкоего Диогена. Боргезскій боецъ (въ парижскомъ Луврѣ)—работа Агасія Эфесскаго. Имя творца Аполлона Бельведерскаго (Римъ) неизвѣстно.

Усилившійся при Августѣ упадокъ искусства былъ только временно задержанъ Адрианомъ. Влеченіе императора къ эллинизму еще разъ пробудило творческія силы. Паллада въ Веллетри (теперь въ парижскомъ Луврѣ) и нѣсколько статуй Антиная представляютъ собой послѣдній, непродолжительный проблескъ греческаго искусства.

До сихъ поръ мы говорили исключительно о произведеніяхъ въ духѣ эллинизма, хотя, натурально, условія римской жизни не остались безъ вліянія на нихъ. Но одна отрасль пластики получила у римлянъ особенное развитіе—вѣрное воспроизведеніе портретовъ. По этой части ученики превзошли своихъ наставниковъ. Нельзя обойти молчаніемъ также тѣ изображенія, которыя помѣщались на колоннахъ (напр. въ честь Траяна), на триумфальныхъ аркахъ и саркофагахъ. Но и эта портретная пластика едва ли оригинально-римское искусство, а скорѣе наслѣдство этрусковъ, которые, какъ извѣстно, отличались зоркими глазами ко всему индивидуально-характерному, какъ это показываютъ ихъ портреты изъ терракоты и т. д.

Если въ скульптурѣ всѣ лучшія произведенія принадлежатъ грекамъ, то между живописцами называютъ нѣсколькихъ римлянъ. Работы, извѣстныя намъ по фрескамъ изъ Геркуланума и Помпеи, не лишены извѣстнаго значенія, однако не достигаютъ того высокаго уровня, который мы представляемъ себѣ на основаніи извѣстій о греческой живописи.

Совершенно расходятся греки и римляне въ сужденіяхъ о музыкѣ, танцахъ и тому подобныхъ вещахъ. Эллины признавали музыкальное образованіе необходимымъ элементомъ хорошаго воспитанія, тогда какъ въ глазахъ древнихъ римлянъ оно было недостойно мужчины и признакомъ изнѣженности. Самая музыка была, во всякомъ случаѣ, проста и груба; съ развитіемъ культуры она была вытѣснена греческою. Враждебная всему чужому, старо-римская партія еще въ 115 г. до Р. X. настояла на запрещеніи всѣхъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ короткой италійской флейты съ немногими отверстиями, но такая мѣра не могла имѣть продолжительнаго дѣйствія. Но въ общемъ, музыкальныя произведенія были гораздо слабѣе греческихъ, и вообще музыка у римлянъ, особенно въ эпоху республики, имѣла гораздо меньше значенія, нежели у ихъ высоко-образованныхъ восточныхъ сосѣдей. Нѣкоторые изъ наиболѣе деспотическихъ государей, какъ напр. Неронъ, искали славы музыкальнаго артиста, но дѣлались чрезъ это еще болѣе предметомъ презрѣнія и ненависти. Отношеніе музыки къ поэзіи оставалось безусловно подчиненное; музыка не достигала самостоятельности, а должна была служить только средствомъ для усиленія впечатлѣнія, производимаго поэзіей.

Заканчивая на этомъ наше изображеніе римскаго міра, и бросая еще послѣдній взглядъ на всю картину, мы не можемъ не удивляться многочисленнымъ моментамъ величія, силы и выдержки у этого народа, рядомъ съ выдающимся практическимъ умомъ его,—и въ то-же время не можемъ не пожалѣть о многихъ чертахъ ужасающаго варварства и грубости.

Но, во всякомъ случаѣ, народъ римскій запечатлѣлъ свою дѣятельность во всей исторіи съ такою мощью, что слѣды ея не только неизгладимы въ настоящее время, но и останутся замѣтными еще на многія тысячелѣтія.

Германцы.

Первое появленіе германцевъ въ исторіи, походы кимбровъ и тевтоновъ, распространеніе римскаго владычества на германскія земли и уничтоженіе римскаго войска подъ начальствомъ Вара, наконецъ, великое переселеніе народовъ,—все эти могучія событія уже разсмотрѣны нами, въ ихъ общемъ значеніи, въ отдѣлѣ, посвященномъ римлянамъ. Рассказывать подробности этихъ событій не только не входитъ въ планъ нашего сочиненія, но всестороннее освѣщеніе фактовъ въ ихъ связи даже невозможно при тѣхъ крупныхъ недостаткахъ, какими грѣшатъ наши источники. Намъ остается еще дать краткій очеркъ общественнаго быта германскихъ народовъ.

Но и въ этомъ отношеніи приходится жаловаться на недостатокъ въ источникахъ и на скудость тѣхъ, которыми располагаешь. Туземныхъ нѣтъ вовсе; приходится довольствоваться немногими римскими. Важнѣйшій изъ нихъ—«Германія» превосходнаго Тацита. Но какъ ни цѣнна эта книга, нельзя не пожалѣть о неудовлетворительности свѣдѣній, добытыхъ авторомъ—иностраницемъ; не должно забывать также, что онъ старался представить своимъ избѣженнымъ соотечественникамъ образецъ неиспорченнаго народа, стало быть, придавъ всему сочиненію тенденціозный характеръ.—Нѣсколькими замѣтками мы обязаны Цезарю. Наконецъ, у позднѣйшихъ римскихъ писателей находимъ отдѣльныя, болынею частью безсвязныя, данныя о бытовыхъ условіяхъ германцевъ.

Все, что съ полныиъ безпристрастіемъ можно извлечь изъ того небольшого матеріала, состоитъ въ слѣдующемъ.

Древніе германцы были народъ дѣятельный, въ общемъ неиспорченный; въ его характерѣ было много хорошаго и почтеннаго. Будучи крѣпкаго тѣлосложенія, не боясь голода и стужи, они, однако, по странному увѣренію Тацита, были совершенно неспособны выносить жажду и жару. Хотя большая часть ихъ страны была еще покрыта лѣсами и болотами, но они уже занимались хлѣбопашествомъ и еще болѣе скотоводствомъ.

Уже Страбонъ сообщаетъ о великомъ народномъ союзѣ севевоу: «Обща всѣмъ этимъ племенамъ легкость, съ какою они кочуютъ съ мѣста на мѣсто, вслѣдствіе простаго образа жизни; потому что они не занимаются земледѣліемъ и не собираютъ цѣннаго имущества, а живутъ въ хижинахъ, которыя строятъ себѣ ежегодно, и питаются, болынею частью, мясомъ, подобно кочевникамъ, на которыхъ они похожи еще тѣмъ, что возятъ свой скарбъ съ собой въ повозкахъ и со своими стадами идутъ туда, куда захотятъ.»

Охотнѣе всего германцы проводили время въ праздности. Остальное время наполняли военные походы, пиры и азартныя игры. Если все было проиграно, они ставили на карту даже

свою личную свободу! О какой либо благородной или полезной умственной дѣятельности они не знали ничего, а физическій трудъ былъ имъ противенъ: «имъ казалось лѣнью и лишнею тратою силъ добывать потомъ то, что можно добыть кровью» (Тацитъ);—черта эта несомнѣнно препятствовала всякому умственному и матеріальному развитію.

Образу жизни соответствовало и воспитаніе. «Нагими и грязными растутъ германцы, на крѣпкое тѣлосложеніе и высокій ростъ которыхъ мы смотримъ съ такимъ удивленіемъ,» пишетъ римлянинъ. «Каждога ребенка кормить грудью мать; его не отдаютъ на заботу кормилицъ и служанкамъ. Изнѣженное воспитаніе не отличаетъ господъ отъ слугъ. На одной и той-же землѣ, среди тѣхъ-же звѣрей живутъ всѣ, до тѣхъ поръ, пока старость не выдѣлитъ свободныхъ, а храбрость не доставитъ имъ отличія».

Жилища германцевъ также были лишены всякихъ культурныхъ удобствъ. «У нихъ нѣтъ въ употребленіи даже каменныхъ плитъ или кирпича; они берутъ всегда безформенный матеріалъ для своихъ построекъ, не обращая вниманія на красивый наружный видъ... Кромѣ того они роютъ подземныя пещеры, которыя сверху покрываютъ густымъ слоемъ навоза: онѣ служатъ имъ убѣжищемъ зимой и складочнымъ мѣстомъ для полевыхъ плодовъ.» Эти зимнія жилища были просто ямы, безъ всякихъ возвышеній надъ землею, такъ что проникавшій въ страну врагъ могъ ихъ даже вовсе не замѣтить. Только съ половины 3-го вѣка по Р. Х. (около 240 г. по Тациту) появляются (по словамъ Геродіана) правильныя постройки въ придунайскихъ и въ прирейскихъ мѣстностяхъ.

Древніе германцы не знали частнаго землевладѣнія. Тацитъ и Цезарь сходятся въ томъ, что земля принадлежала всему племени; германцы занимали участки по-переменно и дѣлили ихъ между собой ежегодно, по степени почета людей, такъ что ни у кого не было опредѣленнаго участка земли, а каждый получаетъ свой участокъ въ пользованіе на годъ. Такимъ образомъ, у германцевъ существовало устройство быта, нѣсколько сходное съ русскою общиною.

Впрочемъ, тотъ родъ занятій, который обыкновенно подготовляетъ переходъ на;ода отъ дикаго состоянія къ культурному, земледѣліе, свободные германцы считали недостойнымъ ихъ; его представляли женщинамъ и несвободнымъ людямъ. Искусства и промыслы были имъ неизвѣстны; даже желѣзо, этотъ незамѣнимый, при болѣе значительныхъ работахъ, металлъ, имѣлся у нихъ лишь въ небольшомъ количествѣ; о горномъ дѣлѣ они не имѣли понятія. Изготовленіе одежды не требовало особеннаго мастерства; одежда эта выдѣлывалась почти исключительно изъ звѣриныхъ шкуръ. Приготовляли родъ пива, но такъ некусуно, что его достоинство заключалось не столько въ пріятномъ вкусѣ, сколько въ опьяняющемъ дѣйствіи; Тацитъ говоритъ, что «это былъ напитокъ, нѣсколько похожій на испорченное вино».

Торговля, столь способствующая оживленію культуры, почти отсутствовала. Въ мѣстахъ, гдѣ поселялись римляне, замѣчались покрайней мѣрѣ зачатки ея, но «внутри страны практикуется, на

простой, старинный ладъ, мѣновая торговля.»—обстоятельство, которое мы вовсе не считаемъ такимъ ужь отпаднымъ, какимъ оно казалось римлянину.

Въ соотвѣтствіи со всѣми указанными условіями народной жизни, страна не могла быть заселена особенно густо. Пространство, содержащее теперь 3000 городовъ, имѣло, по счету географа Птолемея, всего 90 поселеній, которыя названы имъ городами, хотя, въ дѣйствительности, названіе это заслуживаютъ только тѣ пункты, въ которыхъ стояли римскіе гарнизоны.*)

Но германцамъ недоставало не только научнаго образованія, они не умѣли даже читать и писать (исключая, конечно, тѣхъ, которые воспитывались въ Римѣ). Поэтому-то мы нигдѣ не находимъ слѣдовъ самобытныхъ германскихъ письменъ; вездѣ, даже въ такъ называемыхъ рунахъ, мы видимъ грубое подражаніе римскимъ литерамъ.

Религіозный культъ, понятно, отвѣчалъ первобытному состоянію, въ которомъ находился народъ; жрецы имѣли огромное вліяніе. Приносились въ жертву богамъ, между прочимъ, также люди. При этомъ угѣшали себя мыслью о матеріальномъ рабѣ, съ вѣчными пиришествами и сосудами для питія изъ череповъ убитыхъ враговъ. Таковъ былъ германскій элизій, Валгалла, имѣвшая мало общаго съ обычнымъ поэтическимъ представленіемъ о прелестяхъ неземной жизни.—При всѣхъ важныхъ дѣлахъ являются жрецы съ ихъ гаданіями и проріцаніями. Народныя собранія придавали огромное значеніе полнолунію, новолунію и т. п. Въ этихъ всеобщихъ собраніяхъ голосъ жрецовъ имѣлъ большой вѣсъ, они могли заставить молчать всѣхъ. «Никто не смѣетъ убивать, вязать, даже просто бить, кромѣ жрецовъ, и притомъ не въ наказаніе или по приказанію военачальника, а—по вѣлвію Бога»—гласила искусная формула, распространившая духовную власть и на свѣтскія дѣла.

Почтота нравовъ обусловливалась, прежде всего, низкою степенью культуры. Женщины пользовались большимъ, хотя и не безусловнымъ уваженіемъ. Слова Тацита: «они видятъ въ женщинѣ нѣчто священное, вѣщее; они уважаютъ совѣты женщинъ и слушаютъ ихъ рѣшеній,»—безъ сомнѣнія, поэтически преувеличены. Господствовать законный бракъ; но бывали случаи и многоженства. Считаемъ невѣрнымъ замѣчаніе римлянина, что люди знатные «заключали нѣсколько браковъ по своему высокому положенію:» гораздо вѣроятнѣе, что это дѣлалось по «влеченію чувственности». Нарушеніе супружеской вѣрности наказывалось по закону. Подвергалась наказанію только жена, что вполне естественно у народа, допускающаго полигамію.—Но и помимо этого, женщины занимали не безусловно почетное положеніе; онѣ должны были исполнять тяжелыя работы, въ то время какъ мужчины развлекались пирами и игрой въ кости. И если онѣ шли съ войскомъ на войну (какъ это въ обычаѣ у мно-

*) Мнѣніе Макіавелли и Маріана, что германскія и вообще сѣверо-восточныя страны были «амбаромъ народовъ», давно опровергнуто Робертсономъ, Юмомъ и Гиббономъ. Германцы жили главнѣйше охотой. Если же для пропитанія одного семейства достаточно 1½ морговъ ячменнаго поля, то для семейства, питающагося дичью, необходимы отъ 10—20 тыс. морговъ.

гихъ первобытныхъ народовъ), то это показываетъ скорѣе отсутствіе въ нихъ благородной женственности, которая не допускаетъ такого регулярнаго личнаго участія женщинъ въ кровавыхъ дѣлахъ и убійствахъ. Что къ обоимъ поламъ прилагали не одинаковое мѣрило, видно уже изъ того, что, какъ замѣчаетъ Шерръ, бросить и обречь на погибель новорожденную дѣвочку не считалось особеннымъ преступленіемъ. Женщина по закону всегда нуждалась въ представителѣ, опекунѣ, фогтѣ. Наслѣдственное право женщинъ было также весьма ограниченное тамъ, гдѣ оно вообще признавалось. Жена покупалась, и Шерръ опять совершенно вѣрно замѣчаетъ, что самый языкъ придалъ женщинѣ значеніе товара, вещи, обозначивъ ее словомъ средняго рода (*das Weib*).

Печальна была судьба многочисленныхъ крѣпостныхъ людей. Первобытная дикость, правда, избавляла ихъ отъ разныхъ уточненныхъ притѣсненій, а то обстоятельство, что они не могли жить въ одномъ домѣ съ своими владѣльцами (германцы не держали домашнихъ рабовъ), устранило возможность непосредственнаго сближенія съ ихъ господами; при всемъ томъ, послѣднимъ была дана безиредѣльная власть надъ ними. «Рѣдко съкуютъ рабовъ, рѣдко заковываютъ ихъ въ цѣпи и наказываютъ особенно тяжелой работой; чаще всего ихъ убиваютъ», что, конечно, было прощено дѣлалось безнаказанно, потому-что господинъ имѣлъ право поступать съ рабомъ какъ хочетъ.—Соотвѣтственно этому велась и война: иногда совершенно истреблялись цѣлыя племена.

Хотя во многихъ отношеніяхъ бытъ древнихъ германцевъ не можетъ быть названъ отраднымъ, но, съ другой стороны, ихъ общія политическія учрежденія представляютъ симпатичную картину свободной, естественно устроенной народнои жизни.

Всѣ важнѣйшія общественныя дѣла рѣшались не отдѣльными привилегированными лицами, а собраніемъ всѣхъ свободныхъ людей. Въ старину у германцевъ не было постоянныхъ начальниковъ. «Когда какое-нибудь племя идетъ въ походъ, то выбираетъ себѣ военачальника, который получаетъ власть надъ жизнью и смертью всѣхъ. Въ мирное-же время у нихъ нѣтъ общаго правителя, а (выборные) старшины отдѣльныхъ областей (*Gaue*) были судьями и разрѣшали всѣ споры» (Цезарь). Спустя сто лѣтъ, находимъ во главѣ ихъ князей, которымъ римляне иногда даютъ титулъ «царя», но которые избирались народомъ и пользовались крайне ограниченной властью. Частыя войны, какъ кажется, способствовали развитію монархіи. Свободные люди выбирали въ народномъ собраніи старшинъ и судей для каждой области и для каждой сельской общины и, повидимому, лишь на короткій періодъ времени, какъ это можно заключить изъ частаго повторенія этихъ выборовъ. Судьи не имѣли права лишать свободнаго человѣка его свободы заключеніемъ въ темницу, или подвергнуть его тѣлесному наказанію.

Маловажныя дѣла рѣшались на совѣщаніи князей и прочихъ старшинъ собственною властью послѣднихъ, а важныя, по предварительномъ разсмотрѣніи въ этомъ совѣщаніи, передавались на рѣшеніе народнаго собранія, которому и принадлежала верховная власть въ

государствъ. Очень характерную и мѣткую картину этихъ собраній рисуетъ Тацитъ: «Они сходятся (если только не случится важное препятствіе) въ опредѣленные дни, обыкновенно или въ каждое новолуніе, или въ полнолуніе, потому что этотъ моментъ кажется имъ самымъ благоприятнымъ для совѣщаній.... Къ сожалѣнію они часто запоздываютъ по злоупотребленію свободой (?); случается, что надобно ждать по два и по три дня, пока соберутся всѣ. Когда собравшіеся признаютъ себя въ достаточномъ числѣ, всѣ садятся, не снимая съ себя оружія. Жрецы, которымъ дана также принудительная власть, водворяютъ молчаніе. Тогда царь, или же старшина, смотря по возрасту, отличію, военной славѣ или дару слова, начинаетъ говорить; на рѣшеніе вопроса вліяютъ основанія его рѣчи, а не власть. Если предложеніе не встрѣчаетъ одобренія, то народъ выражаетъ свое несогласіе ропотомъ; въ случаѣ-же одобренія раздается стукъ оружія (фрамей). Этотъ стукъ—самый почетный способъ выраженія согласія.»—«Народное собраніе», продолжаетъ Тацитъ, «разсматриваетъ также такія обвиненія и рѣшаетъ тѣ судебныя дѣла, въ которыхъ наказаніемъ бываетъ смерть» (т. е. уголовные процессы).... «Но постановляются также приговоры по маловажнымъ проступкамъ.... Въ тѣхъ-же собраніяхъ выбираются старшины, которые судятъ процессы въ областяхъ и сотняхъ. Къ каждому изъ нихъ назначаются по ста присяжныхъ изъ народа какъ для совѣщанія, такъ и для подачи голоса.»

Князьями (или предводителями племени) могли быть только самые храбрые люди,—иначе быть не могло у такого воинственнаго народа какъ германцы; это личное качество имѣло, безъ сомнѣнія, рѣшающее значеніе при выборахъ въ этотъ санъ, точно также, какъ на должности судей, вѣроятно уже въ давнія времена (относительно позднѣйшаго времени это не подлѣжитъ сомнѣнію) избирали людей опытныхъ, пожилыхъ, сѣдыхъ (eigraut, отсюда Grafen—Grafen, графы). Князь (Fürst) долженъ былъ быть для всѣхъ образцомъ храбрости; самый титулъ его обозначаетъ, что онъ долженъ былъ быть первымъ, стоять впереди всѣхъ въ бою,*) чтобы остальные видѣли въ немъ примѣръ и горѣли желаніемъ сравняться съ нимъ.—Значеніе герцогскаго сана также заключается въ самой этимологіи этого слова (Heer-zog, идущій съ войскомъ).

Финансовыя потребности общины были, по условіямъ того времени, весьма незначительны. Князь получалъ только подарки, а не подати, и притомъ не на одно свое личное содержаніе, но и какъ добровольный взносъ cadaго свободнаго челоѣка на неизбѣжные расходы для общественныхъ надобностей. Даянія приносились не деньгами, а натурой—скотомъ и полевыми плодами.

Такой порядокъ внутреннихъ политическихъ условій продержался у германскихъ народовъ много вѣковъ, и ту же картину, только болѣе развитую, мы увидимъ впослѣдствіи у франковъ.

Подводя итогъ древне-германскимъ порядкамъ, можно сказать, что народъ этотъ обладалъ многими достоинствами; онъ былъ очень

*) Слово Fürst сохранило свое первоначальное значеніе въ англійскомъ языкѣ: the first—первый, передній.

даровать и заключать въ себѣ много зародышей хорошаго и похвальнаго; но было много и дурнаго, и преобладали черты варварства.

Нужно различать два момента, преимущественно содѣйствовавшіе внутреннему перерожденію германцевъ: ихъ знакомство съ разными удобствами жизни, пріобрѣтенное чрезъ римлянъ, и христіанство. Ниже мы увидимъ, насколько оба эти фактора облагородили характеръ германцевъ. Уже въ то время, до котораго мы дошли въ изложеніи политической исторіи (переселеніе народовъ), нравственная чистота народа, которую такъ превозносили Цезарь и Тацитъ, въ большей мѣрѣ была вытѣснена пороками. Но удержалось, въ главныхъ чертахъ, свободное общинное устройство, и мы найдемъ его не тронутымъ спустя нѣсколько столѣтій.

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000004 293505

Вопреки мнѣнію, что только человѣкъ можетъ обладать понятіемъ о нравственности, Дарвинъ развиваетъ тотъ взглядъ, что основы нравственности лежатъ въ общественныхъ инстинктахъ, въ сознаніи взаимной пользы сообщества, а слѣдовательно—въ разумѣ. Одинъ изъ послѣднихъ вышеприведенныхъ примѣровъ объ обезьянѣ, которая бросилась въ новую свалку, чтобы спасти своего болѣе слабаго товарища, доказываетъ, что даже это животное, соразмѣрно своимъ прочимъ способностямъ, не лишено такого общественно-нравственного инстинкта.

Теперь, въ видѣ маленькаго отступленія, обратимся къ одному сочиненію, авторъ котораго не только не занимался дарвинизмомъ, но, повидимому, даже совершенно не былъ съ нимъ знакомъ. Занимаясь совершенно другой наукой, онъ въ своихъ выводахъ, построенныхъ на совершенно иной основѣ, пришелъ принципиально къ тѣмъ же результатамъ, какъ и англійскій натуралистъ. Проницательный статистикъ Кетле, котораго также упрекали за нападки на религію, говорить, по поводу вопроса о свободѣ человѣческой воли, въ своемъ сочиненіи «*Antropométrie, ou mesures des différentes facultés de l'homme*»: «Человѣкъ долгое время имѣлъ ложное понятіе о своемъ значеніи. Ему казалось, что все зависитъ отъ его каприза; онъ считалъ себя единственнымъ властелиномъ этого міра, который, въ свою очередь, будто бы господствуетъ надъ всѣми прочими, окружающими его, мірами. Въ своемъ невѣдѣніи онъ и не подозрѣвалъ, что находится въ полной зависимости отъ той силы, которую онъ мнилъ бездѣйствующей; онъ не подозрѣвалъ, что человѣческая дѣятельность—нуль въ сравненіи съ дѣятельностью могущественныхъ силъ природы».

Далѣе Кетле также находить, что законы для растеній, животныхъ и людей живутся на одномъ общемъ основаніи, въ гораздо большей степени, нежели это предполагаютъ. «Люди соединены общими законами не только между собой, но и съ животными и даже растеніями. Каждое живое существо подчиняется законамъ (природы), которые приурочены къ его виду (или, можно сказать, что видъ приурочился къ этимъ законамъ), а эти законы основаны на общихъ для всѣхъ живыхъ существъ принципахъ въ гораздо большей степени, нежели думаютъ. Если на сказанное будетъ обращено должное вниманіе, то, при настоящемъ состояніи человѣческихъ знаній, не далеко то время, когда лучше поймутъ связь между различными живыми организмами».

Неоспоримо, что на физическое развитіе человѣка сильно вліяетъ хорошая пища, одежда, жилище и, наконецъ, тѣлесныя упражненія. Кетле полагаетъ, что гимнастическія упражненія не только способствуютъ развитію красивыхъ формъ, но исправляютъ также физическіе недостатки. Подобные результаты, вполне достижимые хотя бы для единичныхъ только индивидовъ, подтверждаютъ теорію Дарвина въ томъ смыслѣ, что даютъ возможность догадываться о томъ, что было достигнуто путемъ естественнаго отбора въ теченіе сотенъ тысячъ лѣтъ.

если бы богатства отдѣльныхъ лицъ стали возрастать до колоссальныхъ размѣровъ, въ то время какъ сотни тысячъ другихъ людей не были бы въ состояннн въ соответственной мѣрѣ улучшать условия своей жизни *).

Свобода человѣческой воли.

Усовершенствованнн нравственныхъ ученнн или улучшеннн материальныхъ условий?

Здѣсь мѣсто обсудить вопросъ, имѣющнй одинаково важное значенн какъ для прошедшей, такъ и для будущей исторн,—вопросъ, который большинствомъ считается давно рѣшеннымъ и отъ котораго это большинство отворачивается съ такимъ же неудовольствиемъ, какъ и отъ теорн Дарвина о происхожденнн человѣка отъ обезьяны, — какъ будто достаточно одного только проявленн чувства, чтобы порѣшить вопросъ о существованнн или несуществованнн опредѣленнаго отношенн! Мы разумѣемъ вопросъ о свободѣ человѣческой воли.

Для разрѣшенн этого вопроса не достаточно не только чувства, но и отвлеченныхъ теорн. Только статистика даетъ критерн для правнльнаго сужденн, одна статистика точно и безпристрастно устанавливаетъ факты, не пугаясь неудовольствнн и гнѣва однихъ и не увлекаясь прикрашиваннмъ и предрасудками другихъ **).

Едва ли кто еще сомнѣвается въ томъ, что нужда и бѣдность уменьшаютъ число рожденн и увеличиваютъ смертность,—мало того — что онѣ даже способствуютъ увеличенн числа преступленн. Но что сказать о тѣхъ поступкахъ, которые суть скорѣе безусловныя проявленн свободной воли человѣка? Подчинены ли они также опредѣленнымъ законамъ и допускаютъ ли вычисления? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ знаменитый Кетле разсмотрѣлъ этотъ вопросъ (въ статьѣ «De l'influence du libre arbitre de l'homme sur les faits sociaux»).

«Свобода воли, — говоритъ онъ, — эта странная стихнн, насмѣхающаяся надъ всѣми законами, стремится, повидимому, перепутать всѣ наши вычисления, принимая, своимъ вплинемъ, участн въ дѣятельности господствующихъ въ общественной жизни причинъ». А ме-

*) Въ интересѣ богатыхъ заботиться о судьбѣ бѣдныхъ: если, напнмѣръ, среди бѣдныхъ появляются заразные болѣзни, то онѣ проникаютъ и къ богатымъ и производятъ у нихъ меньшн опустошенн. Сознанн истнны, распространнн образованн и кое-какнн улучшенн въ законодательствѣ всздѣ окажутся наиболѣе дѣйствительными средствами въ борьбѣ съ народными бѣдствнми.

**) Нижеслѣдующее основано главнымъ образомъ на сочиненн автора «Руководство къ сравнительной статистикѣ» (ч. 2).

ними съ неба» и считаетъ ихъ священными талисманами. Даже глубоко подъ развалинами Ниневіи и въ наносахъ Нила находили различнаго рода орудія изъ того отдаленнѣйшаго періода.

Напрашивается вопросъ, каковъ былъ человѣкъ въ тѣ отдаленныя времена? Что касается одного періода тѣхъ временъ, то нѣтъ надежды найти когда-либо человѣческія кости того времени, такъ какъ въ то время мертвецовъ сжигали; но это было не всегдашній обычай, и, такимъ образомъ, найдено было около 40 череповъ, преимущественно середины каменнаго вѣка, въ Содутрѣ, Les Eyziers, Furfooz'ѣ. Извѣстный профессоръ Гиртль, которому было прислано нѣсколько слѣпковъ съ нихъ, заявилъ, что въ жизни своей не встрѣчалъ подобныхъ страшно развитыхъ теменной и затылочной костей; обладатели этихъ череповъ должны были быть страшные великаны. Всѣ они (по Фохту) отличались выступающими надбровными дугами, сильно развитыми костяными гребнями и выдающимися челюстями. У нихъ, какъ у австралийцевъ и африканскихъ негровъ, были выдающіяся челюсти съ большими зубами, которые при жеваніи образуютъ косой уголъ. Всѣ дикія, нецивилизованныя расы имѣютъ косые зубы, всѣ цивилизованныя расы—прямые. У всѣхъ (безъ исключенія) европейскіхъ предковъ нашихъ были рылообразныя челюсти. Они, кромѣ того, обладали еще одною замѣчательною особенностью—кривыми, какъ у гориллы, голеними. Судя по развитію черепа, всѣ народы, слѣды существованія которыхъ были открыты въ указанныхъ выше мѣстахъ, принадлежать къ той расѣ, которую мы называемъ монголоподобною. Ихъ черепа походятъ на черепа нынѣшнихъ финновъ, эстовъ и лопарей.

Изъ орудій, бывшихъ въ употребленіи у людей самыхъ раннихъ эпохъ, находимъ только каменные топоры и каменные же ножи, изъ кремня, грубой работы и нешлифованные. Съ этимъ оружіемъ человѣкъ шелъ на охоту и съ нимъ же работалъ. Это доказывается тѣмъ, что въ позвонкахъ зубра и оленя найдены были осколки названныхъ оружій, засѣвшіе въ кости; очевидно, животное было заживо ранено, рана зажила, но каменный осколокъ остался во внутреннихъ частяхъ.

Въ Бельгіи и во Франціи нашли даже оружейныя мастерскія, въ которыхъ выдѣлывались названныя выше орудія и оружіе; доказательствомъ послѣднему служить масса недодѣланныхъ орудій, найденныхъ среди вполне готовыхъ.

На международномъ палеонтологическо-этнографическомъ съѣздѣ была принята слѣдующая научная классификація періодовъ:

Первый періодъ каменнаго вѣка, въ которомъ употреблялись, какъ оружіе, только осколки камня, отчасти искусно сбитые; матеріаломъ для этого оружія служилъ преимущественно кремень. Подраздѣленія: а) время пещернаго медвѣдя, б) время мамонта, в) время сѣвернаго оленя, г) время зубра, д) время кухонныхъ отбросовъ. Второй періодъ каменнаго вѣка, въ которомъ употреблялись шлифованныя каменные орудія. Въ-третьихъ—бронзовый вѣкъ. Въ-четвертыхъ—железный вѣкъ.

было извѣстно ничего положительнаго объ эѳіонахъ. Гомеръ (за 1000 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія) говоритъ о нихъ общими выраженіями поэтическаго восторга; для него они «справедливѣйшіе изъ людей, любимцы боговъ». Геродотъ (пять съ половиной вѣковъ спустя) даетъ отдѣльнымъ племенамъ эѳіоповъ такія названія, которые уже сами по себѣ показываютъ, что онъ не имѣлъ объ эѳіонахъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Однихъ онъ называетъ «долговѣчными», другихъ «обитателями пещеръ» (макробин и троглодиты). Какъ будто получить свѣдѣнія о нравахъ и даже о продолжительности жизни людей у извѣстнаго народа легче, чѣмъ узнать его имя! Туземной литературы прославленнаго народа не существуетъ, другіе источники также ничего не разъясняютъ. А потому мы приходимъ къ заключенію, что эѳіонамъ нѣтъ мѣста между историческими культурными народами.

Обратимся къ египтянамъ*), народу, древность и культура котораго доказана неоспоримыми памятниками, —памятниками, уже тысячелѣтія приводящими въ изумленіе міръ своею многочисленностью и колоссальной величиною. Отецъ исторіи, Геродотъ, (какъ уже сказано, въ половинѣ V вѣка до начала нашей эры) сообщаетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія объ Египтѣ, рассказывая, между прочимъ, и то, что онъ самъ въ этой странѣ узналъ и наблюдалъ своимъ острымъ, хотя и не всегда безпристрастнымъ, взглядомъ. Нельзя не удивляться, какъ много онъ умѣлъ вывѣдать у жрецовъ, привыкшихъ все облекать въ покровъ таинственности, хотя, конечно, не обходилось и безъ мистификацій**). Діодору сицилійскому мы также обязаны многими цѣнными замѣтками. Хотя онъ жилъ много лѣтъ спустя послѣ паденія древне-египетской національности (болѣе чѣмъ на 400 лѣтъ позже Геродота), но онъ могъ пользоваться нѣкоторыми древними греческими сочиненіями, которые потеряны для насъ; впрочемъ, его сообщенія часто

*) Страна называлась Хеми (Ками, Черная) отъ темной почвы, въ противоположность желтоватой пустынѣ; въ противоположность ей явилось и названіе Тезеръ—«Красная страна», отъ цвѣта почвы въ сторону Либіи; иудеи называли ее Мицраимъ. Полагаютъ, что греческое названіе Египетъ происходитъ отъ того, что народъ называлъ себя Гипти или Купти; въ основѣ имя это сохранилось за потомками египтянъ, коптами (Lenormant, «Manuel d'histoire ancienne de l'Orient»). Бругшъ приводитъ и другія этимологіи названія Египта.

**.) Заслуги Геродота, по справедливости, ставятся высоко. Но считать каждый сообщаемый имъ фактъ за истину—значитъ итти уже слишкомъ далеко. Вполнѣ естественно, что хитрые египетскіе жрецы умышленно вводили въ заблужденіе чужеземца, который потомъ повторялъ ихъ рассказы доврѣчиво и даже съ религиознымъ благоговѣніемъ. Но и при наблюденіи простыхъ житейскихъ условій Геродотъ впадалъ въ ошибки, которыя и теперь еще можно указать. Такъ, онъ утверждаетъ, что египтяне приготавлили хлѣбъ только изъ олиры и зои и отвергали таковой изъ ячменя и пшеницы, и что для питья они употребляли только мѣдные сосуды. Между тѣмъ доказано (Wilkinson, «Manners and customs of the ancient Egyptians», Лондонъ, 1837), что хлѣбъ изъ названныхъ выше зеренъ составлялъ только пищу бѣдняковъ, тогда какъ богатые употребляли хлѣбъ именна изъ пшеничной и ячменной муки, и найдено было даже много древне-египетскихъ пшеничныхъ зеренъ. Точно также фактически доказано, что у египтянъ были сосуды изъ золота, серебра, стекла, фарфора или глины.

дѣяній царя,—самопрославленія неограниченнаго владыки. Темныя стороны исторіи, сколько намъ извѣстно, не разъяснены, да и едва ли можно ожидать чего-либо существеннаго въ этомъ отноше- нии *).

Обратимся къ основнымъ чертамъ древне-персидской исто- ріи. По берегамъ Каспія до Инда на юго-востокъ, и до Малой Азіи на западъ, жили разные арійскіе народы. Они называли себя иранцами, айрианами, арианами; Греки называли ихъ персами, потому что во времена сношеній иранцевъ съ эллинами Персія была главная провинція государства. Эти народности пришли изъ сѣверо-восточной страны скивовъ, хотя, какъ арійцы, они находи- лись въ племенномъ родствѣ съ индусами. На западъ и на юго- западъ они сталкивались съ семитическими племенами—мидянами ассирійцами и вавилонянами, съ которыми скрещивались; въ осо- бенности подались этому слиянію съ семитами мидяне, но и про- винція Персія не осталась чисто арійской.

Ассирійцы распространили свое владычество на эти мѣстно- сти. Въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х. мидяне свергнули это иго. Они избрали себя царемъ Дейока, который извѣстенъ какъ строитель города Экбатаны. Внукъ его, Увакшатара, у грековъ Кіаксаръ, возвелъ Мидію въ могущественное государство. Но уже при сынѣ его Астахагъ, или (по-гречески) Астиагъ (595 до Р. Х.), послѣдовало не только паденіе династіи, но и подчиненіе мидійскаго народа однопле- менному персидскому. Исторія счастливаго узурпатора Кира (Кирозъ, собственно по-персидски Курушъ) облечена мноючискимъ туманомъ **). Безъ сомнѣнія, это былъ смѣлый завоеватель: покоривъ государство Лидію (подъ владычествомъ Креза), потомъ греческіе города въ Малой Азіи, наконецъ, Финнікію и Вавилонію, онъ создалъ одно изъ такъ называемыхъ «всмирныхъ царствъ», которое прости- ралось отъ границъ Индіи до Средиземнаго и Эгейскаго моря. Его ближайшій преемникъ, Камбизъ (по-персидски Камбуджа), покорилъ Египетъ, но вскорѣ погибъ во время смуты, устроенной вельмо- жами и магами, съ цѣлью возстановить мидійское владычество. Но- вый заговоръ, составленный знатнѣйшими персами (521 г. до Р. Х.),

*) Изъ новѣйшихъ сочиненій нужно въ особенности отмѣтить: «His- toire des Perses, d'après les auteurs orientaux, et particulièrement d'après les manuscrits orientaux inédits, les monuments figurés, les médailles, les pierres gravées etc. Par le comte de Gobineau, Paris, 1869, 2 vol.» Книга содержитъ много интереснаго; авторъ сочувствуетъ персамъ, а его ненависть къ грекамъ часто доходитъ до абсурда. По сочиненіямъ Гобино представляешь себя Элладу страной варварской, а Персію, напротивъ, отчизной культуры и гуман- ности. По этому автору, людей, обладавшихъ чувствомъ чести, у грековъ не было вовсе, они были только у скивовъ и персовъ (2 ч., стр. 289). Въ его гла- захъ Оемистокулъ не болѣе, какъ «авантюристъ, которому ни одинъ благород- ный иранецъ не далъ бы въ жены своей дочери». Таковы и всѣ другіе вы- дающіеся греки. Ненависть бонапартиста графа обрушивается на основную идею эллинской республики. Совершенно въ порядкѣ вещей, что Фридр. фонъ-Гельвальдъ вторитъ ему и, въ свою очередь, по мѣрѣ силъ своихъ ругаетъ эллиновъ.

**) По персидскимъ источникамъ, въ данномъ случаѣ достовѣрнымъ, онъ былъ сынъ одного мидійскаго царя-данника, а не внукъ Астиага.

возвелъ на престолъ Дарія Гистаспа (Дарайявупшъ Ваштаспа). Онъ не только упрочилъ персидское владычество надъ греками въ Малой Азіи, но создалъ и внутреннюю организацію государства, которое до тѣхъ поръ состояло изъ разрозненныхъ земель и народовъ. Но и онъ и его преемникъ Ксерксъ (по-персидски Кшайярша, а также Багманъ, 486—465 до Р. Х.) истощились въ тщетныхъ усиліяхъ подчинить себѣ европейскую Грецію. Съ этого времени персидская исторія становится достовернѣе, хотя правда, что намъ она извѣстна только по одностороннимъ показаніямъ эллиновъ. (Обзоръ главныхъ моментовъ этой эпохи мы дадимъ ниже, при изложеніи исторіи Греціи). Могущество персовъ, уже ослабленное предыдущими неудачными походами противъ эоіоповъ и скивовъ, было окончательно сломлено въ послѣдніе годы царствованія Ксеркса, потому что эллины не ограничились, какъ другіе варварскіе народы, однимъ изгнаіемъ наважнаго на нихъ непріятеля, но продолжали побѣдоносную войну въ его собственныхъ владѣніяхъ.

Несмотря на наличность все еще огромныхъ ресурсовъ, царство персидское падало все болѣе и болѣе; оно утратило свои внутреннія силы и скоро (въ 331 г.) сдѣлалось легкой добычей перваго выступившаго противъ него смѣлаго завоевателя (Александра Македонскаго). Для насъ исторія персидскихъ деспотовъ, болшею частью безсильныхъ и безумныхъ, которымъ оказывали рабское обоготвореніе, но при этомъ постоянно угрожали ядомъ, кинжаломъ и веревкой, не имѣетъ никакого значенія уже потому, что греческіе и позднѣйшіе персидскіе списки царей послѣ Ксеркса не согласуются между собой. Поэтому, не останавливаясь на дальнѣйшей исторіи царей, мы перейдемъ къ характеристикѣ соціального быта персовъ, что и пояснитъ намъ исторію внѣшнихъ событій.

Обширныя внутреннія и степныя пространства Азіи, а еще болѣе Африки, какъ нельзя болѣе способствуютъ развитію безграничнаго деспотизма властителей. Недостатокъ въ морскихъ гаваняхъ и даже большихъ рѣкахъ исключаетъ возможность оживляющаго общенія съ отдаленными народами и препятствуетъ обмѣну идей и знаній. Стены и песчанья пустыни пріучаютъ къ постоянному кочеванію; встрѣчаются препятствія, которыя нужно преодолѣть; сильнѣйшій и отвѣтнѣйшій становится вождемъ и скоро получаетъ возможность непомѣрно расширить свою власть. Къ этому нужно еще прибавить почти абсолютную полигамію, съ которою неразрывно связанъ семейный деспотизмъ. Такимъ образомъ, деспотизмъ владыкъ развивается снизу, въ силу самаго общественнаго устройства.

Вліяніе подобныхъ условий съ особенной рельефностью проявляется въ Персіи. Даже ученіе Ормузда, проникнутое благороднымъ и гуманнымъ духомъ, не могло предотвратить развитія неограниченной тираніи. Царь считался живымъ образомъ божества. Ему доступно все; его воля и его могущество неограниченны, его повелѣнія непреложны (Зендъ-Авеста). Онъ долженъ быть добръ и мудръ, какъ Ормуздъ, но никто не можетъ помѣшать ему быть и

садить на колы врачей, которые не могли его вылѣчить. Говоря о Камбизѣ, историкъ сообщаетъ цѣлый рядъ самыхъ возмутительныхъ злодѣяній: онъ велитъ живыми зарывать людей въ землю по шею, принуждаетъ сына сидѣть на судейскомъ стулѣ, обтянутомъ кожей, которую содрали съ его отца, заставляетъ царедворца восхвалять его ловкость за то, что въ пьяномъ видѣ онъ сумѣлъ убить сирѣлой его сына, и т. п.

Управленіе въ сущности исходило изъ гарема. Кознямъ женщинъ и евнуховъ не было конца. Они свирѣпствовали то внутри двора, то за предѣлами его. Геродотъ рассказываетъ, какъ одна изъ женъ Ксеркса, изъ мести и ревности къ его невинной невѣстѣ, велѣла отрѣзать ей носъ, уши, губы и груди и бросить собакамъ, а потомъ вырвать у нея языкъ, и искалѣченную такимъ образомъ отпустила домой. Даже первый поводъ къ эллинской войнѣ кроется въ женскихъ интригахъ: по словамъ Геродота, это была награда, которую Атосса обѣщала врачу Демокеду. Наслѣдникъ престола воспитывался въ гаремѣ. Какъ и теперь еще при подобныхъ обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе въ то время, каждый новый царь вступалъ на престолъ забрызганный кровью своихъ братьевъ, которые, если бы остались живы, могли ежеминутно угрожать его безопасности.

Религія персовъ была культомъ природы. Обогащали огонь, солнце, воду, землю и вѣтры; не воздвигая храмовъ, алтарей или статуй, поклонялись имъ подъ открытымъ небомъ, на самыхъ высокихъ горахъ. Жертвы приносились на чистомъ мѣстѣ, безъ огня. Жертвенное животное разрѣзалось, при всеобщей молитвѣ, на части, укладывалось на траву, и, послѣ священнаго пѣнія мага, принесшіе жертву брали куски мяса съ собою и употребляли по своему усмотрѣнію. Впрочемъ, многіе факты служатъ доказательствомъ страшнаго религіознаго суевѣрія: человѣческія жертвы, по словамъ Геродота, приносились еще во времена войнъ съ эллинами, хотя такія жертвы и противорѣчатъ ученію Зороастра. Особеннаго вниманія заслуживаетъ религіозная книга персовъ — Зендъ-Авеста. О ней мы поговоримъ въ концѣ этого отдѣла.

Духовная власть, повидимому, могла служить противѣсомъ произволу владыкъ. Одни маги могли исполнять религіозные обряды; они одни знали церемоніаль, который слѣдовало наблюдать при молитвахъ и жертвоприношеніяхъ (правила Зендъ-Авесты вѣрно переданы Геродотомъ; только въ ней вмѣсто слова «магъ» употребляется слово «атрава», т. е. служитель огня). Жрецы были посредниками между Богомъ и людьми; имъ открывалъ Ормуздъ свою волю; только они могли предсказывать простымъ смертнымъ ихъ будущность. При дворѣ они занимали первое мѣсто и, послѣ гарема и евнуховъ, стояли ближе всѣхъ къ царской особѣ; они были необходимы ему какъ предсказатели, истолкователи знаменій и совѣтники. Но, такъ какъ деспотизмъ владыкъ былъ господствующимъ принципомъ государства, то, какъ и вездѣ при подобныхъ обстоятельствахъ, духовенство должно было преклоняться передъ нимъ: оно могло дѣйствовать на деспота только лукавствомъ и хит-

Ормуздомъ до безпамятства, онъ будетъ ввергнутъ въ огненный потокъ расплавленнаго металла, откуда выйдетъ снова святымъ и добрымъ. 12000 лѣтъ продолжается эта борьба. Преслѣдованія Аримана наводили на персовъ ужасъ и внушали имъ постоянное безпокойство.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, по изысканіямъ Гософа Мюллера, открытое, яко бы, Анкетилемъ ученіе о первобытномъ существѣ не встрѣчается въ Зендъ-Авестѣ,—Ормуздъ и Ариманъ являются здѣсь не сотворенными, а творцами; оказывается, что Анкетиль невѣрно понялъ одно мѣсто въ Пундесепѣ. По другимъ изысканіямъ, персы поклонялись единому Богу, Аурамаздѣ (такъ называютъ его персидскія клинообразныя надписи, тогда какъ зендская форма этого названія Агурдмаздао, а ново-персидская—Ормуздъ).

Какъ бы то ни было, каждый изъ обоихъ владыкъ—свѣта и мрака—окруженъ почти несмѣтнымъ сонмомъ служащихъ имъ духовъ, которые тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ ближе къ своему источнику. Семи Амшаспандамъ (Амеша-спенты—бессмертные святые) Ормузда соотвѣтствуютъ семь главныхъ дѣвовъ Аримана. Повелитель добрыхъ и повелитель злыхъ имѣютъ оба свое духовное царство и свой тѣлесный міръ. Каждому доброму существу дается ферверъ, духъ-охранитель. Смерть пришла въ міръ вслѣдствіе грѣхопаденія перваго человѣка. Съ окончательной побѣдою Ормузда воскреснуть отъ смерти добрые и злые, души которыхъ до тѣхъ поръ помѣшались отдѣльно, во временныхъ обиталищахъ, и будутъ очищены въ огненныхъ рѣкахъ растопленнаго металла. Вся природа тогда возродится и обновится, и добрые будутъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Цѣль религіи есть просвѣтленіе всего мірозданія, торжество добра, истины и жизни, уничтоженіе смерти, мрака и всего дурнаго.

Парсійскій культъ, въ своихъ представленіяхъ о божествѣ, исполненъ своеобразнаго блеска и высокой поэзіи; всѣ его образы чисты, возвышенны и дышатъ благородствомъ. Но и многія правила, касающіяся обыденной жизни, заслуживаютъ быть поставленными рядомъ съ этими религіозными воззрѣніями. Во всѣхъ случаяхъ жизни парсъ обязанъ дѣйствовать и бороться во имя добра и правды; онъ не долженъ быть равнодушнымъ и безпечнымъ свидѣтелемъ злыхъ дѣлъ, онъ долженъ сторониться отъ постыдной и распутной жизни, быть чистымъ не только въ своихъ поступкахъ, но и въ помысленіяхъ.

Исповѣдующій ученіе Зендъ-Авесты долженъ оказывать повиновеніе властямъ, но такое повиновеніе не должно переходить въ рабство, а верховная власть государя не должна переходить въ деспотизмъ. Первое, «чего земля не можетъ терпѣть», это, по словамъ Ормузда, если она дѣлается мѣстомъ угнетенія и муки, когда дѣвы и даруджи проходятъ по ней и распространяютъ неправду».

близительно говорить нашъ авторъ, — еще неумолимѣе, чѣмъ эгоизмъ личный. Города, цѣлая страна, всё считаютъ себя въ опасности, пока не будетъ умилоствленъ гнѣвъ боговъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ въ исторіи различить религіи и уискуать изъ виду близкое родство между трагическимъ и религіознымъ чувствомъ. Человѣкъ любитъ все трагическое, — конечно, при условіи, чтобы самъ онъ чувствовалъ себя въ безопасности: съ наслажденіемъ воспринимаетъ онъ впечатлѣнія ужаса, которыми вызываетъ игра великихъ законовъ природы и соціального движенія, попирающихъ личные интересы и чувства. (Ревилль говоритъ объ *horreurs sacrées, où la foule se repaissait d'une affreuse volupté tragique*), — и эта склонность сама по себѣ менѣе вредна и невиннѣе той, которая и теперь еще должасть грубую толпу къ подножію Энафогъ, для присутствованія при совершеніи казни.

Успѣхамъ культуры, развитію знаній и вообще интеллекта, обязаны мы смягченіемъ культа. Не реніи облагородила нравы человѣчества, а возрастающая культура дѣлала религіи гуманнѣе и понемногу освободила ихъ отъ элементовъ варварства и безнравственности, которые первоначально входили въ составъ богослуженія.

Военное искусство не особенно уважалось въ Финікіи. Финикіяне предпочитали мирныя завоеванія насильственнымъ. Но бывали случаи, когда пользовались и военной силой; Кипръ и едва ли не большая часть владѣній въ Испаніи и въ Африкѣ были покорены оружіемъ.

Если мы взглянемъ на важнѣйшіе результаты государственныхъ и соціальныхъ учрежденій Финікіи, то увидимъ, что они не имѣютъ ничего общаго съ плодами завоевательной политики. Какой-нибудь древній, грубый владыка только и дѣлалъ, что опустошалъ и разорялъ. Дѣятельность финикянъ представляетъ другую картину — богатую, цвѣтущую страну, — отличающуюся культурой и благосостояніемъ. Пожалуй, нагляднѣе всего это будетъ видно изъ простаго перечисленія главныхъ финикійскихъ городовъ. Самый сѣверный пограничный городъ Арадъ стоялъ на островѣ; противъ него, на материкѣ, находился городъ Антарадъ, его колонія. Въ четырехъ миляхъ отъ него, южнѣе, стоялъ Триполь, а на томъ же разстояніи, въ серединѣ страны, гор. Библосъ съ его знаменитымъ храмомъ, и южнѣе — Беритъ. Затѣмъ, на одинаковомъ разстояніи, слѣдовалъ Сидонъ, и, наконецъ, опять въ четырехъ миляхъ, на южной границѣ страны, гор. Тиръ, царица всѣхъ финикійскихъ общинъ. Рядъ небольшихъ городовъ, центровъ промышленной дѣятельности, знаменитыхъ фабриками и мануфактурами, — Сарѣфта, Ботрисъ, Ортозія, затѣмъ Орнитополь, Палетиръ (противъ Тира — на материкѣ), Птолемаисъ, Дора и др., — наполнялъ промежутки между большими городами и составлялъ какъ бы одинъ непрерывный городъ, занимавшій все побережье и острова; вмѣстѣ съ гаванями и стоявшими въ нихъ флотами, онъ представлялъ блестящее зрѣлище, которое, навѣрное, вызывала въ чужеземномъ гостѣ убѣжденіе въ богатствѣ, силѣ и предприимчивомъ духѣ населенія.

Древнимъ эллинамъ принадлежитъ первый починъ въ разработкѣ музыки, какъ свободнаго искусства и ради самого искусства. По мнѣнію Платона и Аристотеля, музыка составляла неотъемлемую принадлежность всякаго хорошаго воспитанія.

Начало свободнаго развитія греческой музыки относятъ къ 8-му вѣку до Р. Х., ея высшее процвѣтаніе—къ 5 и 6-му вѣкамъ. Представителемъ главнѣйшаго направленія считаютъ лесбосекаго музыканта Терпандра.

Важными ингредиентами музыки были поэзія и танцы. Въ частности, музыкальное искусство считалось нравственно-воспитательнымъ средствомъ. Спартацы, впрочемъ, пытались и это искусство задержать въ своемъ развитіи. Музыканта Тимофея обвинили въ томъ, что пестрота, изнѣженность и непристойность его игры и пѣсенъ развращающе дѣйствуютъ на юношество; по приговору царя и эфоровъ, были срѣзаны четыре струны на его одинадцати-струнной лирѣ. Но случай этотъ единичный. Мифы объ Орфѣѣ и Аріонѣ доказываютъ, какимъ всеобщимъ и высокимъ уваженіемъ пользовалась музыка у грековъ. Между тѣмъ она не имѣла того самостоятельнаго значенія, какое получила въ позднѣйшія времена, но поэзія рѣшительно преобладала надъ ней, и роль музыки была чисто служебная. По отношенію къ поэтическому тексту мелодія имѣла лишь второстепенное, а не самостоятельное значеніе. Число греческихъ инструментовъ было невелико, и они были довольно простиы. Впрочемъ, трудно составить себѣ болѣе ясное представленіе о тогдашней музыкѣ, за отсутствіемъ данныхъ по этому предмету.

Условія гражданской жизни. Въ блестящее время древне-эллинскаго міра каждый гражданинъ обязанъ былъ защищать свое отечество. Славныя побѣды при Маравонѣ, Саламинѣ и Платеѣ были одержаны не регулярными войсками, а народною милиціей. Въ Аѣнахъ срокъ обязательной военной службы гражданина продолжался отъ 18 до 58-лѣтняго возраста, въ Спартѣ отъ 20 до 60 лѣтъ, но, кромѣ того, въ Лаконіи призывались къ непосредственной оборонѣ отечества лица и старѣе лѣтами, образуя родъ народнаго ополченія. Такимъ образомъ, становится яснымъ, почему маленькія греческія общины могли вести такія большія войны. Долгое время гражданинъ не только обязанъ былъ служить въ войскѣ, но и содержать себя при этомъ на собственный счетъ. При Периклѣ аѣнскіе воины впервые стали получать небольшое жалованье, отъ двухъ до 4 оболовъ въ день; военачальники получали только четверо болѣе противъ обыкновеннаго всадника и въ восемь разъ больше пѣшаго. Возрастающее богатство, а болѣе всего несчастное стремленіе къ гегемоніи привели постепенно къ набиранію войскъ. Когда аѣняне условились съ своими союзниками за деньги поставлять за нихъ требуемое число войскъ, тѣ должны были увеличить у себя число способныхъ носить оружіе привлеченіемъ молодыхъ людей извнѣ. Вербовка солдатъ вошла въ обычай, и спартацы охотнѣе другихъ шли служить чужому дѣлу. Даже Ксенофонтъ, аѣнянинъ по рожденію и спартанецъ по убѣжденію, не находилъ

лись противоположною теорією, о чемъ см. ниже, въ отдѣлѣ о римлянахъ).

Всѣ эти научные успѣхи съ самаго начала не оставались монополіей касты ученыхъ или знатныхъ *), а были общимъ достоинствомъ всѣхъ образованныхъ людей.

Практическое значеніе этихъ успѣховъ особенно цѣнилось въ торговыхъ пунктахъ; повсюду возникали школы новаго типа: въ Александріи, на Родосѣ, въ Византіи и во многихъ другихъ городахъ Греціи, Малой Азіи и Италіи. Уже помянутыя выше мѣста рожденія и жительства знаменитѣйшихъ людей этого времени показываютъ, что культура перешагнула за прежніе предѣлы мѣстности и получила универсальный характеръ.

Однако между отдѣльными городами Александрія, все-таки, удержала за собою первое мѣсто. Птолеми, особенно первые три царя этой династіи, старались обезсмертить себя, какъ покровители наукъ. И дѣйствительно, нельзя было сдѣлать больше при данныхъ условіяхъ вѣншей поддержки. Исчезли, въ значительной степени, самыя національныя особенности, прежняя національная замкнутость утратила свое владычество даже въ ущербъ самосознанію народовъ. Своею дѣятельностью въ Александріи, помимо грековъ, выдавались особенно евреи, имѣвшіе въ лицѣ Филона дѣйствительно выдающагося представителя. Люди науки пользовались здѣсь величайшимъ почетомъ и находили наилучшія пособія для своихъ занятій. Александрійскій музей, съ его громадной библіотекою и собраніемъ рукописей, былъ учрежденіемъ, подобнаго которому міръ не видѣлъ ни прежде, ни долгое время послѣ. Онъ содержалъ въ себѣ не только литературу всѣхъ странъ (между прочимъ, появились здѣсь греческій переводъ Ветхаго Завета, дабы сдѣлать евреямъ, разсѣяннымъ по Египту и забывшимъ свой родной языкъ, доступными ихъ священныя книги), но имѣлъ также и разнообразныя приспособленія для научныхъ цѣлей.

Въ связи съ этими стремленіями находились разныя полезныя сооруженія: гавани, каналы, водопроводы. Появился первый маякъ на островѣ Паросѣ, и возобновлена была попытка къ соединенію, посредствомъ канала, Чермнаго моря съ Средиземнымъ.

Если мы теперь обратимся къ области изящныхъ искусствъ, то увидимъ, что въ этомъ отношеніи греко-македонскій періодъ не отличается богатствомъ. Успѣхи архитектуры, какъ искусства, были ничтожны. Самъ Александръ Македонскій мало интересовался зодчествомъ и не обладалъ эстетическимъ вкусомъ. Вислѣдствіи, при Птолемахъ, преслѣдовали, по крайней мѣрѣ, практическія цѣли, и въ этомъ смыслѣ достигли нѣкоторыхъ успѣховъ.

Что касается пластики, въ эпоху Александра, еще разъ блеснувшей яркимъ свѣтомъ, то хотя дѣятельность на этомъ поприщѣ и продолжалась, но уровень работъ былъ ниже прежняго.

*) Когда царь Птолемей I спросилъ Евклида, нельзя ли найти другой, болѣе удобный способъ изученія геометріи, тотъ отвѣтилъ гордо: «Для царей нѣтъ особыхъ путей къ геометріи».

за возведенные на землѣ новыя постройки. Возвращаемая государству земля должна быть роздана бѣднымъ людямъ изъ числа римскихъ гражданъ и латинскихъ союзниковъ участками по 30 югеровъ на семейство.

Но ни справедливость этого предложенія, ни заботливое стремленіе провести его въ возможно умѣренной формѣ не могли укротить алчность богачей. Въ сенатѣ, во всемъ сословіи нобилей, поднялась настоящая буря противъ человѣка, который осмѣлился посягнуть на ихъ личные интересы. Вначалѣ трибунъ надѣялся на миролюбивое соглашеніе, но скоро понялъ, что цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда воспрянетъ самъ придавленный народъ и, заявленіемъ своихъ правъ, будетъ энергично поддерживать требованіе своего представителя. Смертельная ненависть, съ которою преслѣдовали его богачи, не позволяла Тиберію Гракху остановиться на полдорогѣ. Онъ взялъ назадъ свою уступку о вознагражденіи за распахку и обращался въ народныхъ собраніяхъ ко всему народу. Вѣроятно очень близко къ истинѣ то, что Плутархъ передаетъ, какъ содержаніе одной изъ его рѣчей: «Дикіе звѣри въ Италіи имѣютъ свои пещеры и логовища, а у людей, сражающихся и умирающихъ за Италію, нѣтъ ничего кромѣ воздуха и свѣта: безъ крова и жилища скитаются они съ женами и дѣтьми. Когда военачальники передъ началомъ битвы убѣждаютъ воиновъ сражаться за домашніе жертвенники и могилы отцовъ—то это пустыя и лживыя фразы, потому что изъ всей огромной массы гражданъ ни у одного нѣтъ отеческаго алтара, ни у одного—могильной насыпи предковъ; они сражаются и умираютъ для пріобрѣтенія богатства и роскоши другимъ. Ихъ называютъ владыками вселенной, а у нихъ нѣтъ и клочка собственной земли».

Нельзя было сомнѣваться, что законопроектъ Гракха получить большинство голосовъ при вотированіи (въ трибахъ). Поэтому аристократія приняла свои мѣры. Она привлекла на свою сторону другого народнаго трибуна Марка Октавія, который воспротивился проекту новаго закона. Одинъ изъ народныхъ трибуновъ могъ всегда остановить (право интерцессіи) вотированіе. Напрасны были убѣжденія и просьбы Гракха, напрасно предлагалъ онъ сотоварицу возмѣстить ему изъ своихъ средствъ все убытки. Наконецъ, не видя другого исхода, Гракхъ поставилъ народу вопросъ: имѣеть ли право трибунъ, употребляющій свою власть во вредъ народу, впредь занимать свою должность? Трибы (тогда въ числѣ 15) лишили Октавія сана. Такъ какъ послѣдній не соглашался ни на какія уступки, то пришлось его удалить изъ собранія. Это былъ революціонный способъ дѣйствования, но для Гракха онъ была актомъ самозащиты, выраженіемъ естественнаго права: народъ имѣлъ право и долженъ былъ требовать, чтобы трибунъ стоялъ за него, а не за его враговъ, такъ какъ сановнику даны право протестаціи и неприкосновенность для защиты интересовъ народа, а не аристократіи. Теперь законъ Гракха былъ принятъ и для проведенія аграрной реформы назначена коммиссія (тріумвировъ) изъ Гракха, его младшаго брата и его тестя.

темъ образовались солдаты по профессіи, изъ которыхъ составилась особая лейб-гвардія полководца, получившая названіе преторіанахъ, но помѣщенію штаба (praetorium). Такъ развивался милитаризмъ, быстро и пагубно представляя первому счастливому полководцу готовое орудіе для всякаго рода насилій. Древняя римская доблесть еще не умерла, это доказала долгая упорная борьба за сохраненіе республики; но порча вѣдалась все глубже и глубже. Честолюбивые демагоги и жадные аристократы наперерывъ развращали народъ. Они льстили то войскамъ, то простому народу. Уже въ 103 г. трибунъ Сатурнинъ провелъ законъ, по которому каждому ветерану въ войскѣ Маріа давалось по 100 югеровъ земли въ Африкѣ. Потомъ было постановлено понизить цѣну, по которой выдавался народу хлѣбъ изъ государственныхъ складовъ; равнымъ образомъ была обѣщана новая раздача земель въ Италіи и за ея границами. При выборахъ въ должности обѣ политическія партіи позволяли себѣ страшныя злоупотребленія.

Въ 100 г. Сатурнинъ и Главція съ особенной рьяностью предалися демагогической дѣятельности. Марій сначала былъ на ихъ сторонѣ, но потомъ, когда они стали держать себя черезчуръ ужъ необузданно, онъ отступился отъ союза съ ними. Сенатъ опять побѣдилъ, уничтожилъ все, что удалось провести демократамъ, и кровью отмстилъ противникамъ. Даже Марію пришлось удалиться изъ Рима, такъ какъ неустойчивость во времена всеобщаго броженія подрываетъ всякое солидное положеніе.

Однако и среди сенаторской партіи были люди которые проникательные, понимали необходимость соглашенія, и въ то же время настолько патріотичные, чтобы принести неизбѣжныя жертвы. Во главѣ ихъ въ 91 г. стоялъ народный трибунъ Ливій Друзъ, человекъ очень знатной фамиліи, одаренный большими талантами и съ благороднымъ образомъ мыслей. Онъ прежде всего добивался примиренія партій. Предположено было недовѣрчивую массу успокоить раздачей хлѣба и земель, а сенатъ (это уже было кореннымъ преобразованіемъ) увеличить на 300 новыхъ членовъ изъ сословія всадниковъ, т. е. удвоить его составъ. Предполагалось возвратить сенату (въ лицѣ всадниковъ) судебную власть и кромѣ того сдѣлать разныя справедливыя уступки союзникамъ.

Предложенія Ливія Друза была очень умѣренны и осторожны. Но владѣющая партія нобилей, опьяненная побѣдой надъ демократами, не хотѣла дѣлать уступокъ. Поэтому Ливій всерѣшилъ въ аристократіи сильную оппозицію, а въ простонародѣ столицы очень слабую поддержку уже потому, что онъ хотѣлъ улучшить положеніе италійскихъ союзниковъ. Это заставило Ливія искать главной опоры въ послѣднихъ: онъ потребовалъ предоставленія италійскимъ союзникамъ права римскаго гражданства. Это было бы не только дѣломъ справедливости, но и политическое устройство получило бы тогда здоровую и естественную основу; весь государственный бытъ былъ бы надолго упроченъ, тогда какъ превозносимое доктринерами единовластіе привело имперію къ гибели и разрушенію. Но этого не могло понять узкое и нерасчетливое

силы совмѣщало въ себѣ все добродѣтели; добровольное самопожертвованіе личности въ пользу общества доставляло величайшую славу.

При этомъ римлянинъ стоялъ безконечно выше спартанца. Война не была для него единственнымъ призваніемъ, какъ для спартанца, а потому и характеръ его воспитанія не былъ исключительно военнымъ. Землю онъ, въ болѣе раннюю пору, обрабатывалъ собственными руками и не предоставлялъ ее гелотамъ. Въ этомъ уже были зачатки культуры; первобытное состояніе приходило къ концу. Въ битвахъ римлянинъ выказывалъ такую-же храбрость, какъ и питомецъ Ликургова законодательства, но у себя дома онъ хотѣлъ и долженъ былъ быть мирнымъ гражданиномъ, живущимъ доходомъ съ поля, воздѣланнаго собственными руками. Спартанецъ, напротивъ, жилъ дома какъ варваръ, который, въ ожиданіи новой войны, проводитъ дни въ праздности; онъ мучилъ своихъ рабовъ, поощрялъ всякое развитіе благороднѣйшихъ человѣческихъ способностей, отчасти отрицалъ даже естественные инстинкты, присущіе звѣрю — вспомнимъ хотя-бы о запрещеніи воспитывать собственныхъ дѣтей.

Итакъ спартанецъ всегда, всю жизнь, оставался воиномъ. Римлянинъ былъ имъ только тогда, когда надобно было отразить врага отечества. Для него его городъ былъ настоящей, мирной родиной; для спартанца городъ былъ казармой. У римлянъ происходили рекрутскіе наборы, насколько это казалось необходимымъ въ данную минуту. Долголѣтней казарменной службы, на подобіе нынѣшней не было; вмѣсто нея примѣнялась болѣе разумная система военного воспитанія юношества.

Спартанецъ на войнѣ пользовался гораздо большей личной свободой, нежели въ мирное время въ своемъ отечествѣ. У римлянъ было иначе. Будучи людьми практическими, они понимали, что военная дисциплина требуетъ значительныхъ ограниченій личной свободы; но эти ограниченія не должны были простираться на обыденныя мирныя условія, наполнявшія большую часть жизни. Право римской республики ограждало гражданина отъ тѣлеснаго наказанія. Но священнѣйшія права свободы, утвержденныя законами Порція и Семпронія, теряли свою силу съ вступленіемъ въ военную службу. Полководецъ, въ своемъ лагерѣ, имѣлъ неограниченную власть надъ жизнью и смертью воиновъ; его право суда не было ограничено никакими формальностями слѣдствія, никакими правилами судебного порядка; его приговоръ исполнялся немедленно, никакой апелляціи не допускалось.

Только при такихъ условіяхъ, какія мы описали выше, могъ быть проведенъ въ жизнь законъ, дѣйствовавшій въ древнее время безусловно, по которому никто не могъ занимать общественной должности, если до этого не участвовалъ по крайней мѣрѣ въ десяти походахъ. Отъ 17 до 46 лѣтъ каждый римлянинъ обязанъ былъ служить въ военной службѣ, если только въ немъ была надобность; тѣмъ страхомъ лишенія свободы, онъ долженъ былъ явиться по призыву и стать въ ряды войска.

Игры начинались обыкновенно рано утромъ и кончались съ солнечнымъ закатомъ. Въ царствованіе Марка Аврелія сосчитано, что играмъ было посвящено не мѣнѣе 135, а въ половинѣ IV столѣтія на нихъ упало даже 175 дней въ году. Отдѣльные праздники получали при этомъ все большую продолжительность. По случаю освященія амфитеатра Флавія, Титъ устроилъ въ 80 году стодневное празднество, а Траянъ, при своемъ второмъ триумфѣ надъ даками, далъ праздникъ, длившійся 123 дня.

Въ позднѣйшее время, при играхъ выбрасывались народу подарки и лотерейные билеты. Выигрыши бывали различные: птицы, одежды, благородные металлы, картины, драгоценные камни, дикія и домашнія животныя (медвѣди, олени, кабаны, овцы и проч.), дома, корабли, имѣнія и др. предметы.

Все классы населенія выказывали одинаковый страстный интересъ къ этимъ играмъ. Это была, по выраженію Тацита, «своеобразная язва города, которая пріобрѣталась еще въ утробѣ матери.»

Игры были различнаго рода. Сперва скажемъ о тѣхъ играхъ, которыя происходили въ циркѣ: это были главнымъ образомъ бѣга и ристанія колесницъ. Построенный въ узкой долинѣ, циркъ былъ длиною 3 $\frac{1}{2}$ стадіи (2.062 парижскихъ футовъ) и шириною 4 пелтры (400 футовъ). При Цезарѣ въ циркѣ было 150,000 мѣстъ, позднѣе 385,000. Нижніе ряды были мраморные, верхніе деревянные. Случалось, что часть постройки обрушивалась, и тогда погибали тысячи народа; при Діоклетіанѣ, говорятъ, погибло такимъ образомъ 13,000 зрителей. Лица, правившія колесницами, пользовались почетомъ, наравнѣ съ высшими государственными чинами. Люди эти дѣлились на партіи, носившія названіе бѣлыхъ, красныхъ, голубыхъ и зеленыхъ, по цвѣтамъ ихъ одѣяній. Партіи эти составляли нѣкоторое подобіе цеховъ, враждовали между собой, ненавидѣли другъ друга. Но не только эти цехи составляли партіи—все населеніе Рима, а въ послѣдствіи и Константинополя, съ фанатическимъ ожесточеніемъ стояло за тотъ или другой цвѣтъ партіи цирка. Когда въ циркѣ проигрывали зеленые, говоритъ Ювеналь, то весь Римъ былъ пораженъ и убитъ горемъ, точно послѣ сраженія при Каннахъ. Ничто такъ ярко не рисуется всей неестественности политическихъ условій, какъ это сосредоточеніе всеобщаго интереса на подобныхъ вещахъ; все это наглядно рисуется возрастающее духовное и нравственное одичаніе Рима. Правительству, безъ сомнѣнія, эта борьба партій была на руку; лошади и возницы мѣнялись, но цвѣта оставались тѣ же. 500 лѣтъ подрядъ передавались боевые кличи цвѣтовъ изъ рода въ родъ среди постоянно дичавшаго населенія... Управлять ли міромъ Неронъ или Маркъ Аврелій, былъ ли миръ, или все государство потрясено возстаніями и междоусобіями, тѣснили ли варвары границы, или римскія войска отбивали ихъ.—въ Римѣ для вельможъ и престолюдиновъ, для свободныхъ и рабовъ, для мужчинъ и женщинъ вопросъ о томъ, кто побѣдитъ: зеленые или голубые—былъ всегда вопросомъ одинаковой важности и предметомъ вѣчныхъ надеждъ и опасеній. Партіи въ циркѣ боролись съ ожесточеніемъ за первенство даже и послѣ того, какъ христіанство испровергло старыхъ боговъ